«Вдумчивый, жесткий, глубоко продуманный и очень нешаблонный роман. В современной научной фантастике нет ничего подобного».

The Guardian

Пустошь, что зовется миром

Премия «Хьюго»

Аркади Мартин

fanzon

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Премия «Хьюго» за лучший роман. Премия «Локус» за лучший НФ роман. Финалист премий «Небьюла», ДрагонКон, Артура Ч. Кларка, Goodreads и премии Британской ассоциации НФ. Лучшая книга года по версии Publishers Weekly, Bookpage и Amazon.com Инопланетная армада появляется на границе пространства космической империи Тейкскалаан. Командующий имперским флотом отчаянно пытается наладить дипломатические отношения с превосходящими силами захватчиков. Теперь Махит Дзмаре сталкивается с невыполнимой задачей — начать общение с враждебным существом. Ее провал гарантирует миллионы смертей в бесконечной войне. А успех предотвратит распад Тейкскалаана и обеспечит продолжение хищнической имперской экспансии. Или же будет создано нечто совершенно немыслимое. «Мартин плетет драматическую и напряженную историю о политических интригах и первом контакте с чужими… каждый персонаж прорисован в мельчайших деталях». – Booklist «Головокружительная, волнующая история дипломатии, заговора и первого контакта, удостоенная премии "Хьюго"… Эта сложная и ошеломляющая космическая опера обещает изменить жанр». – Publishers Weekly

- Аркади Мартин
  - ○
  - ○ Прелюдия
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Интерлюдия
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Интерлюдия
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Интерлюдия
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Интерлюдия
  - ○ Глава 13

- Глава 14
- Глава 15
- Интерлюдия
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Постлюдия
- Словарь лиц, мест и предметов
  -
  - О произношении и письменности тейкскалаанского языка
  - О языке станции Лсел и других станций в секторе Бардзраванд
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

«ТЕЙКСКАЛААН»

- Память,
что зовется
империей

- Пустошь,
что зовется
миром

Аркади Мартин
Пустошь, что зовется миром

Эта книга посвящается всем изгнанникам: релокантам, беженцам, людям без гражданства; тем, кто был брошен, и тем, кто бросал; тем, кто впал в отчаяние, и тем, кто обрел свободу.

(А также Станиславу Петрову, который знал, когда воспротивиться приказу. [1]*)*

Прежде всего, мир рухнул. Все правила поведения, привычные для инков, перестали существовать одновременно, будь то личные контакты (визуальные, вербальные и тактильные), питье или употребление пищи. Когда Сиквинчара впервые столкнулся с завоевателями, ему позволили делать то, что не мог ни один индеец, а теперь ситуация радикально изменилась. Поскольку больше не существовало никакого осмысленного контекста, который регулировал бы их взаимодействия, люди подвергались огромному риску. Атахуалпу могли убить или же отравить Сото и Хернандо…

Гонзоло Ламана. «По ту сторону экзотики и сходства: Различия и здравый смысл в ходе колониального контакта» в «Сравнительных исследованиях общества и истории», том 47, №1 (2005): 4-39

Разорение, бойня, узурпация власти под выдуманными титулами – вот что принято называть империей, а пустошь, которую они оставляют после себя, зовется миром.

Тацит (цитата из Калгака). «Агрикола» 30

Arkady Martine
A DESOLATION CALLED PEACE

Copyright © 2021 by AnnaLinden Weller

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. «Издательство «Эксмо», 2023

Прелюдия

Мыслить. Не разговаривать. Не думать языком. Подумать «мы» – и не воспроизвести ни звука, ни крика для кристаллических глубин этого слова. Отказаться от звуков там, где они непригодны. Мыслить как личность, а не как голос, полный желания, как ослепленный жаждой оголодавший зверь, не как ребенок, не имеющий ничего, кроме себя самого и криков своего рта. Смотреть сквозь пространство из двух или трех колец одного из наших звездолетов и видеть каждый источник света, сердце каждой звезды. Увидеть образ, который создают в наших глазах эти звезды, отражая другой, запечатленный в памяти, во тьме старой планеты. Как сияли наши глаза в доме – в доме грязи и крови! Мы закрыли их и стали невидимыми, падальщиками тьмы, охотниками за тайнами! И теперь наши звездолеты сияют в домах – в домах войда[2] и света, а мы ускользаем прочь, словно закрывая глаза, и становимся невидимыми!

Мыслить как единая личность из поющего потока частиц по имени «мы» и видеть те места, которые мы еще не опустошили, еще не вскрыли в поисках тайн когтями, искусными, как скальпель хирурга.

Ах, эта другая жажда, жажда частиц «мы», которая никак не связана с телом. Жажда тянуться все дальше и дальше.

Тело – это плоть, полная генов силы и дикости, плоть, полная генов терпимости и обнаружения закономерностей. Это любопытное тело, тело наблюдателя, хорошо подготовленное для астронавигации и геодезии, тело с когтями, пронизанными металлическими волокнами, которые позволяют исполнить свою песню не только частицам «мы», но и любому звездолету, к которому они прикасаются. Это тело почти не стало «мы», вместо этого оно чуть не стало мясом – но при этом оно «мы», является телом для превращения в мясо других тел, для сотворения и других тел из своего. Это тело наполнено инструментами, и его умелые руки лежат на спусковых крючках энергетических пушек звездолета.

Эти тела, поющие в потоке частиц «мы», поющие вместе о плоти тел, которые не есть «мы», но которые сотворили звездолеты и энергетические пушки, которые являются мясом и не могут петь! Тела, которые *мыслят языком*, кричат своими ртами и роняют воду из глаз, тела без когтей, но злобные в собственной жажде тянуться все дальше. Тела, уже изрядно вкусившие войда и очень близко подошедшие к гипервратам, за которыми находятся все наши дома крови, новые и старые.

Эти тела поют: умное мясо умирает, как любое другое, как умираем «мы», но оно не помнит, что знало это мертвое мясо. Поэтому мы доставили наши единоутробные тела на одну из их планет, не в дом крови, а в дом грязи, полный ресурсов для опустошения, и мы сделали их пригодными для использования – и мясо, и ресурсы.

Петь – удовлетворять жажду. Петь – понимать. Вот только…

Другое тело создает контрапункт, диссонанс. Это тело, любопытное тело, тело-наблюдатель, упрямое и контролирующее тело, которое ускользало прочь, пропадало из зоны видимости в том же секторе войда в течение стольких циклов, но все равно так и осталось любопытствующим. Именно оно поет в «мы», поет о нескольких умных телах, которые все-таки помнят то, что знало их мертвое мясо. Но не все из них знали одно и то же. Это не та же песнь, что у «мы».

Вообразите «мы» из фрагментов, «мы», которое не сбивается в стаю, помнит, но не может сохранить форму! Мы воспеваем жажду тянуться все дальше и дальше, стоит только представить эту раздробленность! А еще мы задаемся вопросом: «Что такое есть у этого умного мяса, чего нет у нас? Что это у них за разновидность пения, которую мы не можем услышать?»

И мы посылаем звездолеты кружить как можно ближе к ним. Настолько близко, чтобы можно было попробовать на вкус.

Глава 1

…ЗАПРЕТ ПРИОСТАНОВЛЕН – на срок до четырех месяцев, приостановка может быть продлена приказом Совета. Запрет на тейкскалаанский военный транспорт в зоне Станции приостановлен, все корабли, имеющие тейкскалаанский военный позывной, могут двигаться дальше через Анхамематские врата. Приостановка не является разрешением для тейкскалаанских кораблей, как военных, так и остальных, причаливать к Станции Лсел без получения предварительного пропуска, одобрения и прохождения таможенной очистки – ПРИОСТАНОВКА ОДОБРЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ШАХТЕРАМ (ДАРЦЕМ ТАРАЦЕМ) – повторяю…

Сообщение с высоким приоритетом для распространения на дипломатических, коммерческих и общих частотах в Секторе Бардзраванд 52-го дня 1 года в 1-й индикт[3] Императора Всего Тейкскалаана Девятнадцать Тесло

Ваше Великолепие, вы оставили мне весь мир, и все же я чувствую себя обделенной; я бы предпочла поменяться местами с вашим проклятым звездами бесноватым призраком, о Шесть Путь, лишь бы он научил меня не спать.

Личные записи Ее

Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, без даты, заблокировано и зашифровано

Девять Гибискус в третий раз просмотрела картографический цикл за последнюю неделю со всеми зарегистрированными изменениями, а потом выключила его. Без точек-звезд и подсвеченных аркообразных линий перемещения Флота стол стратегии на мостике «Грузика для колеса» представлял собой тускло-матовое пространство, замершее в нетерпеливом ожидании новой информации, – как и его капитан.

Однако ничего не поступало. Девять Гибискус могла и не смотреть на картограф – она помнила, как точки планет на столе мигнули в первый раз красным цветом бедствия, а потом сигнал пропал. Все почернело – планеты исчезли, словно их смыло приливом. Как бы густо ни были прочерчены на картографе линии наступающих тейкскалаанских кораблей, ни одна из них не продвинулась сквозь это черное безмолвие. «Мы боимся, – подумала Девять Гибискус не без мрачного предчувствия, – боимся увидеть, что там, за этой точкой».

Ее «Грузик для колеса» был вторым ближайшим кораблем к пространству без коммуникаций. Всего один корабль отправила она дальше, чем увезла бы своих людей. Это был гибридный разведывательно-боевой корабль, называвшийся «Девятое цветение острия ножа», почти невидимый осколок, выскользнувший из разверстой пасти ее флагманского корабля в безмолвную пустоту. Отправка этого корабля, скорее всего, стала первой ошибкой Девять Гибискус в качестве только что назначенного яотлека Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, командира всех командиров Флота, в чьем подчинении находилось множество тейкскалаанских легионов. «Если Император назначил нового яотлека, жди войны, без одного нет другого» – Девять Гибискус впервые услышала эту старую поговорку, когда была кадетом. Сейчас она примерно раз в неделю думала, что этой прописной истине не нужны доказательства.

Недавно коронованная Девятнадцать Тесло отчаянно хотела развязать войну.

Поэтому теперь, находясь на передовой этой войны, Девять Гибискус надеялась, что отправка «Острия ножа» в конечном счете не была ошибкой. Было бы хорошо избегать ошибок, не вызванных внешними обстоятельствами, с учетом того, насколько новым яотлеком она была. Было бы хорошо вообще избегать

ошибок, но Девять Гибискус была офицером Шести Раскинутых Ладоней – Тейкскалаанской императорской армии, чьи руки тянутся во всех направлениях, – достаточно долго, чтобы понимать, что ошибки на войне неизбежны.

Пока «Острие ножа» двигался столь же тихо, как и мертвые планеты впереди него, и картограф вот уже четыре часа не производил никаких обновлений. Так что этот гамбит мог далее разыгрываться совершенно любым образом.

Она уперлась локтями в стол стратегии. Позднее в этих местах появятся жирные следы: мягкая, податливая плоть ее рук оставит отпечатки на матовой поверхности, и придется использовать очиститель экрана, чтобы их стереть. Но Девять Гибискус нравилось *прикасаться* к своему кораблю, чувствовать его даже в периоды, когда он просто ждал приказов. Чувствовать, даже на большом расстоянии от двигателя, гудение мощнейшей машины, для которой она служила мозгом – или по меньшей мере нервным узлом, центральной точкой. Капитана Флота можно было назвать фильтром всей поступающей на мостик информации – яотлек был значительно *больше* этого. Яотлек дотягивался дальше, у него было больше рук, которые можно протянуть во всех возможных направлениях. Больше *кораблей*.

Девять Гибискус потребуются все руки, что у нее есть. Ее Императорское Величество, судя по всему, хотела, чтобы война вонзилась зубами ее властвования в места еще более отдаленные, однако война, побеждать в которой она отправила Девять Гибискус, уже приобрела уродливые формы – уродливые и таинственные. Ядовитая волна омывает границы Тейкскалаана. Все началось со слухов, историй о пришельцах, которые безо всяких предостережений или требований наносили удар, уничтожали и исчезали, оставляя после себя обломки кораблей в войде – если от кораблей хоть что-то оставалось. Впрочем, что точно оставалось, так это полные ужаса истории о призраках в черном. Все солдаты Флота выросли на подобных историях и передавали дальше новым кадетам. Эти слухи поползли внутрь Империи от соседей со станций Верашк-Талай и Лсел, периферии, не имевшей особого значения – по крайней мере до смерти старого императора, вечно-солнцеликого Шесть Путь, который, умирая, провозгласил, что все эти слухи правдивы.

После этого война стала неизбежной. Она началась бы так или иначе даже *до того*, как пять тейкскалаанских форпостов по другую сторону гиперврат в Парцравантлакском секторе стали безмолвными и глухими, как камни. А истории, полные ужаса, непременно поползли бы, раз им вообще было суждено ползти из черных пространств между звездами. Просто это могло бы

произойти не так скоро.

Ее Великолепие Девятнадцать Тесло была императором уже два месяца, и практически половину этого времени Девять Гибискус была яотлеком этой войны.

Атмосфера вокруг ее мостика была одновременно и чрезмерно деловитой, и чрезмерно спокойной. За каждым пультом сидел офицер. Навигация, двигатель, оружие, средства связи – все вело к ней и стратегическому столу, основательной увеличенной версии голографического рабочего пространства, которое она могла оживить с помощью облачной привязки. Эта стеклометаллическая накладка на правом глазу связывала ее с глобальной сетью, базой данных и событий, благодаря которой империя существовала как единое целое – даже здесь, на краю тейкскалаанских владений.

Все на мостике были заняты. Каждый старался выглядеть так, будто ему есть чем заняться, кроме как ждать и задаваться вопросом, не застанет ли их врасплох сила, победить которую их отправили, и не сделает ли с ними то, что делали пришельцы, уничтожая планетарные системы коммуникаций, как пламя в вакууме. Они – Флот Шести Раскинутых Ладоней Тейкскалаана, они привыкли завоевывать, а не дожидаться неизбежного, замерев в томительной тишине на передовой. Шесть легионов кораблей подошли вплотную к опасности, но все еще оставались неподвижными.

Так или иначе, когда Ее Великолепие Девятнадцать Тесло отправила своего яотлека вести эту войну, Девять Гибискус полагала, что Император позволит ей сделать ее корабль флагманским. Все офицеры были тейкскалаанцами, она знала их еще до нынешней войны, она служила с ними, командовала – и привела их к победе при подавлении восстания в системе Кауран менее трех месяцев назад. Эти офицеры были *ее людьми*. И сейчас они продолжат доверять ей еще некоторое время, до тех пор пока «Острие ножа» не вернется с какой-нибудь информацией, требующей принятия срочных мер. Тогда она сможет позволить им чуточку выпустить пар, вкусить немного крови, пыли и огня, которым расцветает умирающий инопланетный корабль. Флот мог долго держаться на таких крошечных глотках игрушечного насилия, если верил: их яотлек знает, что делает. По крайней мере, именно так считала Девять Гибискус, когда служила под командованием капитана Флота Девять Тяги, до перевода той на сидячую работу в Городе. Девять Гибискус даже писала свое имя с тем же самым цифровым символическим знаком, что и Девять Тяга, и пока не пожалела о выборе выражать себя в письменной форме именно таким

образом, хотя этот выбор был сделан в позднем подростковом возрасте, когда ее душа стремилась к звездам. Девять Тяга выросла до министра войны при умершем Императоре, и Девять Гибискус была уверена, что она сохранит должность и при новом владыке, *ждала* этого.

Но Девять Тяга ушла в отставку почти сразу же после воцарения Девятнадцать Тесло. Она окончательно покинула Город, уехала в свою родную систему, и пока у ее прежних подчиненных не было шанса повидаться с ней и спросить, по какой причине она ушла, почему именно сейчас, и задать все остальные вопросы, порожденные слухами. Вместо этого Девять Гибискус, лишенная радости наставничества, – хотя, если говорить откровенно, ей повезло, что оно продолжалось так долго, – однажды проснулась из-за срочного послания-инфокарты от самого Императора. Назначение.

Если в этой войне можно одержать победу, то я хочу, чтобы вы ее одержали. Темные скулы императора были похожи на ножи, на копья солнечных лучей, испускаемых троном, на котором она сидела.

И теперь, возвращаясь в настоящее время и к себе самой, Девять Гибискус услышала обращенный к ней тихий голос слева от нее. Этот голос не мог испугать ее даже с такого близкого расстояния – к тому же он был единственным, кто вообще мог подойти к ней настолько близко.

– Значит, пока ничего, сэр?

Двадцать Цикада, ее икантлос-прим, офицер самого высокого ранга, который подчинялся непосредственно капитану Флота и никакой другой административной единице. Двадцать Цикада был ее адъютантом и первым заместителем – и это было лишь частью того, что позволял его ранг, а она не могла себе представить в этой позиции никого, кроме него. Его руки были аккуратно сложены на груди, тощей как у покойника, одна бровь выразительно изогнута. Как и всегда, форма на нем сидела безупречно, он представлял собой образ идеального тейкскалаанца-солдата из пропагандистского фильма – если не обращать внимания на бритую голову и на то, что выглядел он так, будто не ел целый месяц, а также на завитки татуировок, выполненных зелеными и белыми чернилами, которые показывались на его запястьях и горле, когда униформа смещалась при движении и дыхании.

– Ничего, – сказала Девять Гибискус достаточно громко, чтобы это услышали все на мостике. – Полная тишина. «Острие ножа» перемещается в безмолвии, и при нынешней скорости он не вернется еще полторы смены – если только не придется бежать от

чего-то ужасного. Но «Острие ножа» мало что может напугать.

Двадцать Цикада знал об этом. Эти слова прозвучали не для него – для опустившихся на дюйм плеч Восемнадцать Резца из навигации, для того чтобы Два Пена, офицер связи, наконец-то отправила послания, которые медлила отправлять последние пять минут, – послания остальному многолегионному Флоту о том, что небо по-прежнему чисто.

– Отлично, – сказал Двадцать Цикада. – Тогда вы позволите занять вас на минуту, яотлек?

– Скажите мне, что у нас все еще нет проблем со зверьками, сбежавшими по воздушным трубопроводам на пятой палубе, и тогда я не буду возражать против того, чтобы вы меня заняли, – сказала Девять Гибискус, распахнув глаза в почти ласковой усмешке.

Зверьки – маленькие пушистые существа, которые приятно урчали и поедали вредителей, особая разновидность котов родом с Каураана, – появились на борту во время их последнего спуска на эту планету, когда Девять Гибискус была еще не яотлеком, а капитаном Флота десятого легиона. Зверьки не доставляли проблем – и вообще не были тем, о чем Девять Гибискус *должна знать*, – пока не решили расплодиться и переместиться для этого в воздухопровод пятой палубы. Двадцать Цикада громко сетовал, что зверьки нарушают гомеостаз среды обитания в «Грузике для колеса».

– Нет, я не по поводу зверьков, гарантирую, – сказал Двадцать Цикада. – Поговорим в конференц-зале?

Раз обсуждение вопроса требует конфиденциальности, это явно не к добру.

– Отлично, – сказала Девять Гибискус, поднимаясь на ноги. В ширину она в два раза превосходила Двадцать Цикаду, но он обошел ее так, будто ничем не уступал ей физически. – Два Пена, мостик твой.

– Мостик мой, яотлек, – отозвалась Два Пена, как положено, и Девять Гибискус отправилась узнавать, что не так с ее кораблем – точнее, *теперь* с ее Флотом.

На «Грузике для колеса» было два конференц-зала: большой для стратегических совещаний и малый для обсуждения проблем. Девять Гибискус переоборудовала его из вспомогательной станции оружейного контроля сразу после того, как ее назначили капитаном. Она была убеждена, что корабль нуждался в помещении для проведения *приватных* официальных разговоров, – и оказалась права. Малый конференц-зал был наилучшим местом для решения вопросов личного состава под запись корабельных камер, видимых и невидимых одновременно.

Она пропустила Двадцать Цикаду внутрь и заперла дверь на замок едва заметным движением глаза – облачная привязка Девять Гибискус привела в действие алгоритм искусственного интеллекта корабля.

Двадцать Цикада не был расположен к преамбулам; Девять Гибискус знала его как *эффективного*, расторопного, честного и безжалостно прямолинейного. Он прошел в дверь и, к ее удивлению, не повернулся, чтобы сделать рапорт. Вместо этого он направился прямо к узкому иллюминатору комнаты и положил руку на пластисталь, отделявшую его тело от вакуума. Девять Гибискус почувствовала прилив тепла при виде этого знакомого жеста – тепла, смешанного с неприятным страхом: Двадцать Цикада, как и она, прикасался к кораблю, но так, словно хотел, чтобы космос пришел и поглотил его руку. Девять Гибискус помнила этот его жест со времени знакомства на их самом первом задании.

А было это так давно, что даже не хотелось считать, сколько лет прошло.

* * *

– Пчелиный Рой, не томи. Что происходит? – спросила она. Это прозвище он приобрел во время того самого первого задания, и она почти перестала называть его так в целях соблюдения воинского этикета.

– Сэр, – отозвался он, продолжая вглядываться во мрак.

Он использовал смягченное официальное обращение, на камеру – хотя записи из этого помещения никогда не увидит никто, кроме нее: никого выше рангом яотлека нет. Но он был предельно корректен, настоящий офицер Флота, тейкскалаанец из тейкскалаанцев, безупречный в роли икантлоса-прима и адъютанта. Этот человек вполне мог бы быть героем «Истории экспансии» или «Первых стихов фронтира», но эти произведения были написаны до того, как Тейкскалаан поглотил систему, на которой обитал его народ. Правда, он все еще придерживался некоторых особых культурно-религиозных практик своей системы, но нерешительность не принадлежала к таковым – по крайней мере, ей об этом было неизвестно.

– Слушаю вас, икантлос. Докладывайте.

Наконец он повернулся, округлив глаза в иронически смиренном удивлении, и сказал:

– Часа через два, сэр, вы получите официальное коммюнике, адресованное лично вам как яотлеку, командующему

объединенным Флотом. Это коммюнике будет от капитана Флота Шестнадцать Мунрайз с «Параболического сжатия» Двадцать четвертого легиона. В этом коммюнике она потребует объяснения, чем вызвана приостановка действий. Оно также будет подписано капитаном Флота Сорок Оксид Семидесятого легиона и капитаном Флота Два Канал Шестого легиона. У нас проблема.

– Семнадцатый и Шестой? – переспросила Девять Гибискус. – Они же ненавидят друг друга. Их соперничеству уже две сотни лет. Каким образом Шестнадцать Мунрайз удалось уговорить их обоих поставить подпись?

Да, у них действительно возникла серьезная проблема. Ее объединенный Флот состоял из шести легионов: ее собственный, Десятый, и еще пять, у каждого свой капитан Флота – с недавних пор они были полностью в ее власти. Традиционно яотлек имел в подчинении шесть Флотов, что обеспечивало тактическую эффективность и символический жест – для победы в войне одной живой силы было мало. Однако ее хватало, чтобы войну начать, в чем и состояла сейчас задача Девять Гибискус в ее понимании. Начать, а потом одержать победу своими ресурсами и теми, которые потребуется вызвать из центра Тейкскалаана при необходимости.

Но если три капитана из шести были готовы нанести удар по авторитету яотлека… Необходимости произносить это вслух не было: и она, и Двадцать Цикада знали, что означает такого рода письмо. Это была попытка отыскать слабые места, легкая артподготовка с целью обнаружения наилучшей позиции, с которой можно было внести клин и атаковать. Плохо было уже то, что в состав ее Флота включили и Шестой, и Семнадцатый легионы, но она была готова к конфликтам между ними и собиралась купировать их, выдавая им равно привлекательные задания. А вот столь удивительной демонстрации политического единства через недовольство Девять Гибискус никак не ожидала.

– Из сведений, которые я получил от моих информаторов на кораблях, Шестнадцать Мунрайз, с одной стороны, воззвала к более длительному боевому опыту Сорок Оксида, а с другой – к страстному желанию Два Канал занять место яотлека вместо вас. Никто из них не знал, что другой решил подписать это коммюнике, пока не согласились на его отправку, – сказал Двадцать Цикада.

Двадцать Цикаду прозвали Пчелиным Роем не случайно, и причиной тому было не только его необычное имя – живого существа, а не какого-либо предмета, цветка или растения, как было принято. Он был Пчелиным Роем, потому что одновременно

присутствовал всюду, кого-нибудь знал на каждом корабле Флота, и эти кто-нибудь считали своим долгом информировать его обо всем значимом, что у них происходило. Девять Гибискус сжала зубы, задумавшись.

– Политика, – произнесла она. – Ну что ж. Мы и раньше сталкивались с политическими играми.

Политика не раз и не два настигала Девять Гибискус. Она настигала любого, кто становился капитаном Флота и намеревался сохранить эту позицию, одерживая победы вместе со своим легионом. Увы, такого рода тейкскалаанизм приводил к появлению врагов – и врагов завистливых.

Но прежде, когда Девять Гибискус сталкивалась с политическими играми, в министерстве была Девять Тяга, к чьей помощи она в крайних случаях могла обратиться. Новый министр войны Три Азимут не была чьим-то конкретным другом – во всяком случае, она точно не была другом Девять Гибискус.

– Дело не в Два Канал и не в Сорок Оксид, – сказал Двадцать Цикада. – Зачинщик – Шестнадцать Мунрайз. Именно ее вы должны обезвредить.

– Может быть, она согласится занять позицию во главе наступления, когда придет время.

– Прямолинейно, сэр, – сказал Двадцать Цикада сухим, как обработанный воздух на корабле, голосом.

Она не смогла сдержать улыбку: варварский оскал, дикое выражение; ее лицо наслаждалось этим. Наслаждалось так, словно они уже готовились к действиям вместо того, чтобы ожидать и ожидать, снова и снова.

– Они хитрят и маневрируют, а я проявляю чрезмерную осторожность.

– Я могу составить этот приказ. Если угодно, Двадцать четвертый будет заменен в ходе пересменки и с победными криками брошен в любой войд, который пожирает наши планеты.

Одна из проблем с Двадцать Цикадой состояла в том, что он всегда предлагал именно то, что хотела она, и настаивал на предложении достаточно долго, пока она не уяснит, что идея плохая. Эта особенность относилась к одной из тысячи причин, по которым Девять Гибискус никогда даже не думала о том, чтобы заменить его на кого-нибудь из более ассимилированных миров.

– Нет, – сказала она. – Давайте сделаем что-нибудь получше. Слава погибнуть за империю первой слишком хороша для Шестнадцать Мунрайз, вы так не считаете? Пригласите-ка ее лучше на обед. Обращайтесь с ней так, будто она – любимый коллега, перспективный со-коммандер. Новый яотлек вроде меня

нуждается в союзниках, не так ли?

Выражение лица Двадцать Цикады стало непроницаемым, словно он производил перерасчет в обширных вычислениях сложнейшей системы. Девять Гибискус рассудила, что если он захочет возразить, то так и сделает, и потому продолжила, подозревая, что возражать он не станет:

– Четвертая смена – это даст ей достаточно времени, чтобы прибыть на «Колесо» со своим адъютантом. Мы обсудим стратегию вчетвером.

– Сэр, как только письмо поступит официально, я отправлю приглашение и сообщу на кухню, что мы ждем гостей. Не нравится мне это, – добавил Двадцать Цикада после небольшой паузы. – Под запись: слишком рано для того, чтобы кто-то давил на вас подобным образом. Я такого не ожидал.

– Мне это тоже не нравится, – сказала Девять Гибискус. – Но с каких пор это имеет значение? Мы продолжаем делать свое дело, Пчелиный Рой. И побеждаем.

– Стараемся, – и снова это ироническое удивление. – Но колесо продолжает крутиться…

– Вот поэтому мы и «грузик» для этого колеса, – ответила Девять Гибискус корабельной прибауткой, популярной среди ее солдат, и улыбнулась.

«Игра продолжается, – подумала она. – Шестнадцать Мунрайз, чего бы ты ни хотела от меня – приходи, сыграем».

Затем по связи раздался бестелесный голос Два Пены:

– Яотлек, поступило видеоизображение «Острия ножа». Трехчасовая давность. Они возвращаются – быстро. Уносят ноги.

– Черт бы побрал эти звезды, – со злостью выплюнула Девять Гибискус, инстинктивно выругавшись, но так, что никто, кроме нее и Двадцать Цикады, не слышал этих слов.

Она подала сигнал своей облачной привязке перевести ее на частоту громкой связи и сказала:

– Я возвращаюсь на мостик. Не стрелять, пока не станет ясно, что ничего другого не остается.

* * *

Станция Лсел представляла собой некое подобие Города – если представлять его в виде оживших машин, организмов, сделанных из взаимосвязанных частей, и людей, обитающих в такой тесноте, в какой только и могут обитать эти формы жизни. На Лселе было тридцать тысяч станциосельников, все они находились в движении, вращались во тьме гравитационного

колодца, в безопасности тонкой металлической оболочки, которая представляла собой кожу станции. Как и любой другой город, станция Лсел была подходящим местом для прогулки – если знать, куда пойти, а куда не стоит. Прогулки достаточно долгой, чтобы измотать себя размышлениями.

<*Очаровательная теория,* – сказал Искандр. – *Я говорю о той, которую ты опровергаешь сейчас, вот в этот самый момент*>.

Махит Дзмаре ввиду некоторых бюрократических процедур все еще оставалась послом Лсела в Тейкскалаане – хотя покинула свой пост три месяца назад, один из которых находилась на Лселе в якобы немилости. Ей удалось довести до совершенства искусство *осмысления* ощущений, испытываемых при закатывании глаз.

«Я еще недостаточно далеко продвинулась, – сказала она имаго – обоим сразу, старому Искандру и фрагментарным останкам молодого. – Дай мне время».

<*У тебя двадцать минут до встречи с советником Амнардбатотм*>, – сказал Искандр. Сегодня он по большей части был молодым, веселым и лукавым, жадным до впечатлений, переполненным бравадой и новообретенной легкостью в тейкскалаанских манерах и политике. Версия Искандра, практически потерянная ею вследствие повреждения имаго-машины, которая изначально и подарила ей его сознание, размещалась в основании ее черепа, наполненная живыми воспоминаниями и опытом, которые были ей необходимы, чтобы быть хорошим послом Лсела на сверкающем Городе-планете Тейкскалаана. Это повреждение осуществил – *возможно*, уверена она не была, – советник, с которым она должна была пообедать через двадцать минут.

В другой жизни они с Искандром все еще оставались бы в Городе и в конечном счете интегрировались бы в единую непрерывную сущность.

<Так никогда не могло случиться, – сказал Искандр, и это говорил другой он, на двадцать лет старше первого, Искандр, который настолько хорошо помнил собственную смерть, что Махит иногда просыпалась ночью, задыхаясь от психосоматической анафилаксии. – Никакой другой жизни нет, кроме той, которою мы живем>.

Махит вмещала в себя слишком много людей, поскольку она поверх своего поврежденного имаго поместила имаго того же человека, но старше на двадцать лет. У нее было некоторое время подумать об этом. Она *почти* привыкла к этому ощущению, к линиям раскола между тремя их сущностями, трущимися друг о друга, как планеты в тектоническом движении.

Ее сапоги тихонько шуршали по металлическому полу коридоров станции. Она была уже в конце палубы и едва могла разглядеть кривизну пола, уходящего вдаль. Бесконечное петляние по станции начиналось как тактика повторного привыкания и превратилось в привычку. Искандр больше не знал географию станции – в Городе его знания, в зависимости от версии имаго, устарели на пятнадцать лет или на три месяца с момента его смерти, но здесь он был всего лишь чужаком, изгнанным из дома давным-давно. За пятнадцать лет внутренние, неструктурные стены сместились, палубы получили другое назначение, магазинчики пооткрывались и позакрывались. Кто-то в «Наследии» сменил все шрифты навигационных знаков, что Махит почти не помнила – ей ведь тогда было *восемь*, – но она поймала себя на том, что пялится на них. Абсолютно безобидный знак МЕДИЦИНСКИЙ СЕКТОР: НАЛЕВО вдруг стал поражающим воображение.

«Мы оба здесь чужаки», – подумала она тогда и возненавидела себя за такие мысли. Она отсутствовала всего несколько месяцев. Она не имела права вешать на себя этот ярлык. Она была дома.

Нет. Не была – и знала это. Такого места, как дом, для нее более не существовало. Но прогулка была некоторым подобием привычного, ведь она действительно *помнила*, где что находилось, помнила конфигурацию и ритм Станции, живой и полной народа, и вместе с Искандром они испытывали одинаковую радость, открывая новые места. Именно это сыграло с ними злую шутку – они были пойманы с поличным.

На палубе находились офисы «Наследия», а в жилой части индивидуальные спальные капсулы цвета кости висели уютными рядами, перемежаясь с местами общего пользования. С этой палубой Махит была почти не знакома. Здесь было полно детей и ребят постарше, на три четверти пути приблизившихся к тесту на имаго-способности. Они беззаботно сидели на перемычках, собирались в шумные группки вокруг торговых киосков. Большинство из них совершенно не замечали Махит, и это грело ее душу. Весь месяц с ее возвращения на Станцию, когда она сталкивалась со старыми друзьями по детскому саду или школе, все хотели, чтобы она «рассказала им о Тейкскалаане». А что она могла сказать? «Я его полюбила, Тейкскалаан почти проглотил меня и вас всех, вместе взятых, и поэтому мне нечего рассказать».

<Пропаганда очаровывает, когда она внутри твоей головы, – пробормотал Искандр. – Меня бесконечно удивляет, с какой эффективностью Город внедряет принудительное молчание>.

«Ты предпочел умереть там, лишь бы не возвращаться и не

связывать свою дальнейшую жизнь со станцией, и при этом читаешь мне нотации по поводу молчания?» – огрызнулась Махит и почувствовала, как кончики ее пальцев превращаются в шипящие искры.

Неврологические остаточные изображения саботажа. Этот побочный эффект не прекратился, он становился более очевидным, когда она спотыкалась на одном из мест, по которым у них с Искандром еще не случилось ни малейшей интеграции. Ее отношение к его присутствию перешло в состояние кипения, сдержанного и наблюдательного. Будучи погруженной в разговор с имаго и совершенно не замечая, куда идет, она оказалась у одного из киосков. Вероятно, ей нужно обращать больше внимания на подобные осечки, больше, чем прежде. На потерю бдительности, когда она была не вполне самой собой, не вполне в своем теле. Она остановилась у одного из киосков, встав в очередь за тем, что в нем продавалось.

Оказалось, что это литература в переплете ручной работы. На киоске она прочла надпись ПРИКЛЮЧЕНИЯ/МИСТИКА. На витрине было выставлено множество книг-комиксов, рисунки не в стираемых записях на инфокарте, а на бумаге, изготовленной из тряпичных отходов. Махит протянула руку и потрогала обложку ближайшей к ней книги, ощутила пальцами ее грубую поверхность.

– Привет, – сказала менеджер киоска. – Вам она нравится? «Опасный фронтир!»

– Опасный что? – переспросила Махит, внезапно почувствовав себя столь же озадаченной, что и в момент, когда к ней в Тейкскалаане впервые обратились с вопросом, – она не чувствовала контекста. «О каком фронтире речь? Разве они не все опасны?»

– У нас есть все пять томов, если вас интересуют книги о первичном контакте. Лично мне нравится. Художник третьего тома рисует имаго капитана Камерона как Чадру Мава, видимого только в отражающих поверхностях и в контурных изображениях…

Менеджеру не могло быть больше семнадцати, подумала Махит. Короткие в крутых кудрях волосы над белозубой улыбкой, восемь сережек в виде больших колец в ряд на краю одного уха, по новой моде. Когда Махит была этом возрасте, все носили *удлиненные* серьги. «Я старая», – подумала она с каким-то особым удовольствием.

<Ты сама древность>, – согласился Искандр с насмешливой иронией. Он был на много лет старше.

«Я стара и понятия не имею, что любят читать ребята на

Лселе. Даже будучи ребенком, я этого не знала. Правда». Это не казалось важным до ее тестов – и какой толк об этом думать, если есть столько тейкскалаанской литературы, что в ней можно утонуть? Хватает, чтобы научиться говорить поэтическим языком.

– Я их еще не читала, – сказала Махит менеджеру. – Могу я взять первый том?

– Конечно, – ответила та, нырнула под прилавок и достала книгу. Махит протянула свой кредитный чип, и менеджер провела по нему считывателем.

– Их рисуют прямо здесь, на этой палубе, – сказала она. – Если хотите – приходите во вторую смену через два дня, сможете увидеть художника, он будет подписывать книги покупателям.

– Спасибо, если будет время…

<У тебя остается десять минут до встречи с советником Амнардбат, который собирается накормить тебя обедом>.

Менеджер улыбнулась, словно говоря: «Слушайте, взрослые, а чем вы можете заниматься?» и ответила:

– Да, если у вас будет время.

Махит, помахав, двинулась дальше, немного ускорив шаг. «Опасный фронтир!» лежал у нее во внутреннем кармане, словно политический памфлет. Точно такого же размера, что интересно само по себе. Даже если книга окажется ужасно скучной, *это* было интересным.

Офисы «Наследия» представляли собой клети с аккуратными ярлычками, семь или около того дверей по каждую сторону коридора, который сузился с широкого до чего-то, более напоминающего дорогу. Все дополнительное пространство за этими дверями, вероятно, заполнено кабинетами людей, назначенных на работу в «Наследии». Главным образом, назначенных аналитиками – аналитиками исторических прецедентов, здорового воздействия искусства и образования, числа имаго-совпадений в разных секторах народонаселения, – а также составителями аналитических и пропагандистских текстов.

Как изменил ее Тейкскалаан и как быстро! Когда Махит в последний раз была в кабинетах «Наследия» на окончательном собеседовании перед утверждением ее в должности посла и получением имаго, она даже не думала о «Наследии» как об участнике пропагандистского бизнеса. Но чем они занимались, когда приспосабливали образовательные материалы для той или иной возрастной группы, пытаясь за пять лет развить способности таким образом, чтобы получить больше пилотов или медицинского персонала – изменяя наклонности, подгоняя их под желания?

Она колебалась, задержавшись перед средней дверью с аккуратной табличкой, выполненной новым шрифтом.

«Когда я перестану замечать этот долбаный новый шрифт, Искандр?! На самом деле никакой он не новый, новый он только для тебя!»

Надпись на табличке гласила: АКНЕЛЬ АМНАРДБАТ, СОВЕТНИК «НАСЛЕДИЯ». Она медлила, потому что не видела советника Амнардбат со времени того последнего собеседования с последующим утверждением, а еще потому, что так и не могла понять, почему эта женщина пожелала нанести повреждения имаго-машине Махит. Уничтожить еще до того, как та попытается творить добро посредством имаго-линии, частью которой она является. Несла ли за это ответственность Амнардбат? Махит на сей счет располагала только мнением другого советника, Декакель Ончу, советника по пилотам, – и располагала этим мнением по той причине, что, будучи приписанной к Тейкскалаанскому двору, получила письма Ончу, адресованные Искандру.

Она тосковала – с неожиданным и острым всплеском чувства – по Три Саргасс, координатору по культуре, женщине, которая должна была придавать больше смысла явлениям, кажущимся несчастному, порученному ее заботам варвару несообразными. Три Саргасс просто открыла бы дверь.

Махит подняла руку и постучала. Назвала свое имя – Махит Дзмаре, – как это было принято на Лселе: здесь не существовало никаких облачных привязок и двери не открывались едва заметным движением глаз. О своем приходе может объявить только она сама.

<Ты не одна>, – сказал Искандр – шепоток в голове, призрачная мысль, почти ее собственная мысль.

«Да, я не одна. Амнардбат не знает, что есть еще вы двое и значит, нас здесь трое – и это ее проблема».

Дверь открылась, и Махит перестала думать об опасной лжи, которую мысленно озвучила. Если об этом не думать, то легче скрыть существование. Этому она тоже научилась где-то в Империи.

Советник Амнардбат была худеньким существом средних лет с волосами, завитыми в серебристые колечки, – на тот манер, что любят космонавты; у нее были длинные и узкие глаза серого цвета на широкоскулом лице, глядя на которое неизменно возникало впечатление, что она подвергается избыточному солнечному излучению – кожа потрескавшаяся, и довольно грубо. Она улыбнулась, увидев Махит, улыбка была приветливой и теплой. Если она перед появлением Махит работала со своим

персоналом, в непосредственной близости они не просматривались. «Наследие», впрочем, было небольшим управлением. У советника Амнардбат был секретарь, который вел переписку, – именно он отправил Махит приглашение по межстанционной электронной почте, – но в кабинете не оказалось никого, кроме советника. Одни только стулья, стол, заваленный информационными бюллетенями, экран на стене с изображением, передаваемым с некоторых камер, которые ведут наблюдение за пространством вокруг станции. Прямо сейчас он показывал медленное вращение звезд.

– Добро пожаловать домой, – сказала советник Амнардбат.

<Она целый месяц ждала, чтобы сказать тебе это?>

«Это гамбит», – подумала Махит. Она почувствовала, как Искандр погружается в настороженное, внимательное мычание. Он присутствовал в большей мере, чем когда-либо за последнее время. Она ощущала себя так же – более пробужденной, более сосредоточенной на происходящем в настоящий момент времени. И причиной тому опасный разговор с влиятельной персоной в ее кабинете – в точности как этого ждали от нее в Тейкскалаане.

– Я рада быть здесь, – сказала Махит. – Что я могу сделать для вас, советник?

– Я всерьез обещала пообедать с вами, – сказала Амнардбат, продолжая улыбаться; Искандра передернуло, и Махит почувствовала отзвук этого. А передернуло его оттого, что он вспомнил страх: министр науки в Тейкскалаане предлагал ему яд под видом еды. Она оттеснила это воспоминание на периферию сознания. Это *не ее* эндокринная реакция на травму.

Она пожалела, что не доверила интеграционному терапевту Лсела тайну о том, что совместила в себе два Искандр-имаго. В памяти Махит не было реакций на травму – вероятно не было, – но границы между Махит и Искандром были размыты. Размытость постоянно нарастала, и она не знала, что делать с *его* реакцией.

– Я, несомненно, ценю ваше приглашение, – сказала Махит, – но уверена, что у вас немало дел, чтобы *просто* решить разделить трапезу с возвратившимся послом.

Выражение лица советника Амнардбат не изменилось. Она излучала приятный, резко положительный настрой, сопряженный с чуть ли не родительской заботой.

– Проходите, садитесь, посол Дзмаре. Поговорим. Я позволила себе приправить рыбные котлеты и лепешки – подумала, что вы соскучились по лсельской еде.

Махит и в самом деле тосковала по местной еде, но утолила тоску в первую неделю после возвращения, отправившись в одно из своих излюбленных заведений, где до отвала наелась

чешуйчатой белой тушеной рыбы. Наелась так, что почувствовала себя плохо и поспешила покинуть это место, пока не попалась на глаза кому-нибудь из давних друзей, которые вполне могли там оказаться, поздравить с возвращением и забросать вопросами. Что-то в эмоциональной хронологии советника Амнардбат было искажено – может быть, намеренно. Но какой цели это могло служить? Проверка на наличие приобретенной в Тайкскалаане порче вкуса? Но ведь если Махит принадлежит к станциосельникам, которые ненавидят рыбные котлеты, то это всего лишь *предпочтение*…

– Очень мило с вашей стороны подумать об этом, – сказала она, садясь за стол совещаний напротив стола советника и – снова – получая заряд адреналиновых сигналов от ее имаго. Опасность здесь ожидалась не от еды. Напротив, еда так хорошо пахла, что у Махит чуть не слюнки потекли: чешуйчатая рыба с красным перцем, углеродный запах слегка обуглившейся лепешки из зерна – настоящего и потому драгоценного. Амнардбат сидела напротив нее, и добрые две минуты они были всего лишь обычными станциосельниками за трапезой: заворачивали рыбу в лепешку, жадно поедая первый кусок, а следующий уже медленнее.

Вскоре советник проглотила последний кусок первой лепешки, в которую завернула рыбу.

– Давайте сразу закроем неудобный вопрос, – сказала она. Махит попыталась не позволить своим бровям взлететь до линии волос, и ей это *почти* удалось. – Почему вы так быстро вернулись? Я спрашиваю вас об этом как советник «Наследия»: я хочу знать, может, мы не обеспечили вас *необходимым* для пребывания в Империи? Я знаю, что процесс интеграции был укорочен…

<К тому же повредили меня>, – сказал Искандр, и Махит порадовалась – с долей тревоги, – что без ее разрешения он не может быть услышан посторонним. Не может выскользнуть наружу.

«Может быть, она сама нас и повредила, – напомнила она ему. – Если верить Ончу, с которой мы тоже еще не беседовали…»

Она слишком боялась этого разговора. Слишком боялась того, что Ончу окажется правой или неправой, чувствовала себя слишком выпотрошенной внезапной и необратимой чужеродностью того, что прежде было ее домом, и потому никак не могла избавиться от страха.

– Нет, – вслух сказала она. – У меня не было ничего, в чем я бы нуждалась, но чем Лсел не попытался меня обеспечить. Конечно, я хотела бы больше времени провести с Искандром до

отъезда, но мой опыт вряд ли можно назвать самым коротким периодом интеграции в мировой истории, уверена.

– Тогда почему? – спросила Амнардбат и откусила очередную порцию рыбной котлеты. Вопрос задан, теперь можно поесть и послушать.

Махит вздохнула, пожала плечами, с покаянным видом и готовностью к самоуничижению, что было отзвуком того неловкого чувства, которое она испытывала, воображая, как «Наследие» отнесется в станциосельнику, погрязшему в делах Тейкскалаана.

– Я была втянута в беспорядки и последовавший за ними кризис, связанный с вопросом престолонаследования, советник. Бушевало насилие, и это оказалось тяжело – и в личностном, и в профессиональном плане. Поэтому, как только я заручилась обещанием нового императора не покушаться на нашу независимость, мне захотелось отдохнуть. Некоторое время.

– И вы вернулись домой.

– Да, я вернулась домой. «Пока еще хотела вернуться».

– Вы провели здесь уже месяц, но так и не перезагрузились в новую имаго-машину для вашего преемника на этом посту, посол. Хотя вы прекрасно знаете, что наша предыдущая загрузка категорически устарела, а ни одной вашей у нас пока нет.

«Черт. Вот, значит, чего ей надо. Она хочет знать, сработало ли повреждение моего имаго…»

<Значит, ты все же веришь, что она нас повредила>.

«…в данный момент верю».

– Мне это не пришло в голову, – сказала Махит. – Еще и года не прошло… простите меня, это мой первый в жизни год с имаго. Я предполагала, что существует какое-то расписание с отправкой напоминаний.

Она искала себе оправдание, ссылаясь на собственное бюрократическое невежество. Это, по ее мнению, должно было еще и послужить щитом – пусть и временным, пусть и ненадежным, – мешающим Амнардбат узнать, что у нее, Махит, было целых два имаго. Перегрузка информации приведет к ее разоблачению и быстрому наказанию за этот маленький обман. Махит понятия не имела, какое наказание предусмотрено на Лселе за такие деяния и предусмотрены ли за это наказания. Она хотела надеяться, что нет, не предусмотрены. Ее поступок явно вступал в противоречие с заведенным порядком. И конечно, она пошла на него через муки совести, корчась от стыда, – но все же пошла.

<Ты сожалеешь…>

«Нет. Ты был мне нужен. Мне все еще… нужны мы».

– Конечно же, есть расписание, – сказала Амнардбат. – Но мы в «Наследии» – и сейчас я говорю за *всех* – проводим политику поощрения тех, кто пережил важные события или имеет достижения и готов перегружать записи со своего имаго чаще, чем это предписано календарем.

Махит из вежливости откусила еще немного лепешки, которой была обернута рыба, разжевала ее и проглотила, преодолевая спазм в горле.

– Советник, – сказала она, – теперь, зная о действующих правилах, я, конечно, могу записаться на сеанс к перезагрузчикам. Вы хотели побеседовать об этом? Очень мило с вашей стороны приготовить для нас столько рыбы и настоящую лепешку, хотя вы вполне могли просто отправить мне сообщение.

«Пусть поразмыслит над моим намеком о растранжиривании ею ресурсов», – подумала Махит. Несколько поколений назад советников «Наследия» наказывали и за меньшие нарушения. Та имаго-линия больше не передавалась новым советникам. Законсервированная, хранящаяся где-то в банках записанных воспоминаний, она считалась непригодной: тот, кто отдает приоритет собственным целям перед утвержденными испокон веков потребностями станции, не должен влиять на советника, посвятившего себя сохранению непрерывности существования станции.

<Ты настолько умна, что это вызывает раздражение>.

«Некоторые весьма милые тейкскалаанцы и мой имаго вступили в заговор с целью научить меня превращать знания в оружие».

Но Амнардбат сказала: «Это не любезность», и тут Махит поняла, что она недооценила советника, потому что недооценила причины ее поведения, предполагая, что советником можно манипулировать так же, как тейкскалаанцами – с помощью аллюзий и интерпретаций.

– Это приказ, посол. Нам нужна копия вашей памяти. Мы должны убедиться, что вами не завладели те же соображения, которые так долго вынуждали Искандра Агавна избегать процесса перезагрузки.

Удивительно, как она сохраняла хладнокровие. Настолько, что пальцы ощущали ледяное, электрическое покалывание, и она даже не чувствовала, что держит ими остатки лепешки. Предельно хладнокровна и в то же время напряженно сосредоточенна. Напугана. *Жива*.

– Завладели? – спросила она.

<Нас не отравили?> – прошептал Искандр, но Махит проигнорировала его.

– Потеря нашего гражданина по причине его перехода на сторону Тейкскалаана – это ужасно, – сказала Амнардбат. – Повод встревожиться о том, что в империи есть нечто такое, что похищает наше лучшее. Я с перезагрузчиками буду ждать вас на этой неделе, Махит.

Когда советник снова улыбнулась, Махит подумала, что теперь понимает, почему тейкскалаанцы так нервничают, видя оскаленные зубы.

* * *

«Острие ножа» находился в пределах видимости, когда Девять Гибискус вернулась на мостик, немного запыхавшись от этого быстрого, хотя и короткого перехода. Она вдыхала воздух, как оратор, настраивающий легкие, в попытке ограничить любые адреналиновые реакции. Теперь мостик принадлежал ей, ее мостик и ее командование. Все офицеры повернулись к ней, словно цветы, реагирующие на восход солнца. Несколько мгновений все, казалось, идет как положено. Но потом она заметила через иллюминаторы, как быстро «Острие ножа» приближается к остальной части Флота, увеличиваясь в размерах прямо у нее на глазах. Похоже, двигатели работают в максимальном скоростном режиме, подумала она. «Острие ножа» мог достичь такой скорости, но поддерживать ее сколь-нибудь долго не мог: он был разведчиком, корабль слишком мал и имел ограниченные запасы топлива. Если его пилот двигался с такой скоростью, можно было не сомневаться: их преследовали.

– Мы знаем, кто гонится за ними? – спросила она у Два Пены, которая в ответ отрицательно покачала головой со своего кресла связиста.

– Все пусто, – сказала она. – Один «Острие ножа» и мертвый войд за ними, но через две минуты они уже будут в зоне слышимости…

– При первой возможности выведи их в голограмму. И поднимай «Осколки». Если за «Острием» кто-то есть, мы не позволим им пройти далеко.

– Поднимаю, яотлек, – сказала Два Пена, ее глаз за облачной привязкой стал совершать быстрые движения. Повсюду вокруг них в «Грузике для колеса» возник высокий чистый свист. Первая линия обороны Флота, самая подвижная: рой одноместных кораблей, оснащенных смертоносным оружием и навигационными средствами ближнего радиуса действия. Давным-давно, во время своего первого задания, Девять Гибискус

сама была пилотом такого корабля, и до сих пор сигнал тревоги «Осколкам» отзывался сладостной вибрацией в мозгу ее костей: «Взлет, взлет, взлет. Взлетай, и если ты умрешь, то умрешь ярко вспыхнувшей звездой».

Чувствуя, как в ней поет сигнал тревоги, Девять Гибискус сказала:

– И давайте полностью зарядим две энергетические пушки.

Она снова устроилась в своем капитанском кресле. Пять Чертополох, дежурный офицер-оружейник, улыбнулся ей широкой, счастливой улыбкой.

– Сэр, – сказал он.

Им всем так хотелось этого. И ей тоже. Огонь и кровь сражения, наконец-то работа! Реальная схватка, голубое и белое энергетическое оружие пускают свои дуги в черноту, разбивают и сжигают.

Когда, сверкая в иллюминаторах, взлетели первые «Осколки», появилось то, от чего спасался «Острие ножа».

Он не *возник* в поле зрения. Он появился так, словно все время был там, спрятанный под мантией-невидимкой. Черное ничто пространства – в этом секторе было очень мало звезд – разорвалось, принялось корчиться, как голожаберный моллюск, к которому кто-то притронулся пальцем, нечто, вызывающее огромное и непреодолимое отвращение. Первый корабль врага, которого не видел еще ни один тейкскалаанец, – по крайней мере ни один тейкскалаанец, который выжил бы и рассказал об увиденном другим. Три серых обруча, быстро вращающихся вокруг шара в центре. Смотреть на это было трудно, и Девять Гибискус не знала почему – часть этого отскакивающего, извивающегося визуального искажения, вызывающего отвращение, заставляла серый металл корпуса казаться скользким от масла и придавала ему расфокусированный вид.

Только что его не было, и вдруг он возник. Прямо на хвосте «Острия ножа», такой же высокоскоростной и сокращающий расстояние между ними…

– Говорит яотлек Девять Гибискус, – сказала она по громкой связи. – Заблокируйте ему дальнейшее продвижение и окружите. Стрелять только в случае, если огонь будет открыт по вам.

И словно продолжение ее воли, ее выдоха, «Осколки» на высокой скорости устремились навстречу чужеродному объекту, который осмелился *настолько* приблизиться к ним. У них ушло несколько мгновений, чтобы выстроиться вокруг инопланетного корабля. Они не знали таких форм, к тому же корабль двигался неожиданным образом, неустойчивым вращением, словно смазанный шарикоподшипник. Но «Осколки» были проворны и к

тому же действовали взаимосвязанно – каждый корабль обеспечивал позиционный и визуальный фидбек не только со своими пилотами через облачные привязки, но со всеми пилотами роя, и они быстро обучались. «Острие ножа» наконец оказался между сверкающими искрами «Осколков», словно шаттл, пробивший атмосферу, а еще через мгновение – в вытянувшейся ему навстречу сети безопасности ангарной палубы «Грузика для колеса».

Два Пена вывела капитана «Острия ножа» на голограмму: вид у капитана был испуганный, он смотрел широко раскрытыми глазами, тяжело дышал, его руки заметно побелели в костяшках пальцев, держащих рычаги управления кораблем.

– Хорошая работа, – сказала ему Девять Гибискус, – на вас ни царапинки. Дайте нам минуту, чтобы разобраться с этой штуковиной, которую вы к нам привели, и я доставлю вас на доклад…

– Яотлек, – прервал ее капитан, – они были невидимыми, *пока не захотели стать видимыми*, и, вероятно, это не единственный корабль, и их огневая мощь…

– Отставить, «Острие ножа», – сказала Девять Гибискус. – Теперь это наша проблема, и у нас тоже имеется огневая мощь.

Да, мощь имелась. Энергетические пушки и более мелкое, более жестокое, более страшное оружие в виде ядерных планетарных бомб – если возникнет необходимость.

– Я перехватил сообщение, – сказал он, словно и не слышал ее.

– Отлично. Включите его в ваш доклад.

– Оно не на языке, яотлек…

– Два Пена, разберись с этим. Мы сейчас немного заняты.

У инопланетного корабля огневая мощь и в самом деле была немалая – нечто, напоминавшее довольно стандартные, но очень точные энергетические пушки, располагалось в ряд по внешнему из трех вращающихся обручей. Беззвучные вспышки света ослепили ее через иллюминатор, а когда она сморгнула остаточное изображение, оказалось, что число «Осколков» уменьшилось на три аппарата.

– Значит так, ограничения сняты. Пять Чертополох, передай приказ «Осколкам»: освободить линии огня для артиллерии.

Офицерам Девять Гибискус не требовалось подтверждения приказа – они ее услышали, они уже действовали. Пять Чертополох жестикулировал внутри голографического пространства оружейной станции, перемещал корабли и векторные линии на карте звездного поля, представлявшей собой миниатюрную версию ее собственного картографического

стола. «Осколки» соответственно перемещались в реальном пространстве, образуя новый рисунок, освобождая место для прицельной стрельбы основных пушечных бортов «Грузика для колеса».

Электрическая голубизна. Свет, который, по представлениям Девять Гибискус, всегда видел человек при случайном попадании в зону действия промышленного облучателя, если только он вообще успевал что-то увидеть. Свет смерти с его гудением, похожим на сигнал тревоги, знакомый, как дыхание – или его остановка.

Долю секунды она размышляла, не стоит ли ей сначала попытаться взять в плен это чудище – оглушить его таргетированными электромагнитными импульсами, пока он еще довольно далеко и ЭМИ не зажарят ее собственный корабль, затянуть его на борт… Но «Острие ножа» сказал, что они перехватили какое-то сообщение, к тому же инородец уже уничтожил трех ее солдат. Четыре – еще один «Осколок» исчез в беззвучной вспышке пламени, свеча, загоревшаяся и погасшая в стремительной последовательности.

Полная огневая мощь осветила инородца, как маяк, сотрясла его, нанесла частичный урон его прилизанной и изворотливой наружности – детали внешнего кольца, которые были сорваны в результате выстрела, казалось, были металлическими, напоминали совершенно стандартный космический мусор. Но полная огневая мощь не уничтожила корабль. Он стал быстрее вращаться, он стрекотал – Девять Гибискус вообразила, что слышит звук его вращения, хотя знала, что это невозможно. И перед вторым пушечным залпом, который поразил внутренний шар, распотрошил его до полного исчезновения, корабль выпустил из второго своего поврежденного кольца какое-то вязкое вещество, которое странными *жгутами* провалилось в невесомость.

«Плевок», – с отвращением подумала Девять Гибискус.

Пять Чертополох уже по всем каналам передавал предостережение держаться подальше от этих жгутов, и огромные, приводимые в действие реактором двигатели «Грузика для колеса» ожили и сдали назад, подальше от жгутов, образовавших что-то вроде жидкой сети в том месте, где только что был корабль.

Какая жидкость могла двигаться таким образом? Она словно была ищущей, подвижной, чрезмерно вяжущей. Поверхностное натяжение на ней связало все это в единый шар – не настолько, чтобы слипнуться в клубок, но достаточно, чтобы раскручиваться тонкими, тянущимися струнами…

Один из «Осколков», сверкающий клин, легко перешел в новый вектор, ярко светясь вспомогательными двигателями, но при этом пересекся с одной из этих выплюнутых струн. Это произошло на глазах Девять Гибискус. Она видела, как ярко вспыхнул, перед тем как исчезнуть, маленький истребитель, облитый чужеродной слюной, фрактальная сеть этой слюны прилипла к нему, вцепилась в его корпус, держалась за него, даже когда «Осколок» освободился от струны. Она видела, не веря своим глазам, как сеть начала пузыриться *сквозь* корпус «Осколка», она агрессивно пожирала металл и пластисталь, словно разновидность гиперокисляющего грибка.

Пилот «Осколка» вскрикнул.

Вскрикнул на открытом канале, которым пользовался Пять Чертополох, вскрикнул, а потом заорал: «Убейте меня, убейте меня теперь, оно сожрет корабль, оно здесь со мной, не позволяйте ему прикасаться еще к кому-то».

Это был сознательный и отчаянный приступ храбрости.

Девять Гибискус помедлила. Она в своей жизни делала много чего, о чем потом жалела, будучи и пилотом, и капитаном, и капитаном Флота Десятого Тейкскалаантского легиона. Она делала много чего такого, поскольку была солдатом, а солдатская профессия влекла за собой необходимость совершения поступков определенной степени жестокости. Так же как звезды, которые по своей природе излучают радиацию, сжигающую и отравляющую, но еще дают жизнь и тепло. Но она никогда не отдавала приказа кораблю вести огонь по своим. Ни разу до этого дня.

На этом же канале связи раздался крик боли – все пилоты «Осколков» были связаны биофидбэком, все они чувствовали смерть корабля-сиблинга, пожираемого заживо. Рыдания. Звук прерывистого дыхания, гипервентиляции. Звук стона, размноженный эхом, подхваченный другими голосами…

– Выполняйте приказ, – сказала Девять Гибискус. – Стреляйте по ней, как она просила.

Смертоносный огонь, точный и милосердный. Голубая вспышка – и один тейкскалаанец превратился в прах.

Тишина на всех каналах связи. Девять Гибискус не слышала ничего, кроме ужасающе громкого биения ее собственного сердца.

– Что ж, – сказал наконец Двадцать Цикада, и голос его звучал потрясенно, как и у всех остальных, но *оптимистически* потрясенно, – мы узнали в этих людях приблизительно восемь новых качеств, о которых не знали десять минут назад.

Глава 2

[…] и конечно, ваша репутация опережает вас так же, как землетрясение опережает волну, затопляющую город; сотрясения вашего прибытия уже вызвали вибрацию в министерстве, словно все мы были сотворены из тетивы тлини, а вы были луком. Мы, конечно, сожалеем об отсутствии бывшего министра Девять Тяги – ее руководство было теплой шелковой перчаткой, а ее отставка – столь неожиданная! – равносильна снятию этой перчатки с руки, но что касается меня, то я с нетерпением жду встречи с персоной, которая была первым успешным губернатором системы Накхар. Нам предстоит большая работа. И я пребываю в предвкушении […]

Письмо от третьего заместителя министра Одиннадцать Лавра министерства войны назначенному министру войны Три Азимут, датировано 21-м днем, 1 года, 1-го индикта Всетейкскалаанского императора Девятнадцать Тесло

Писать письма мертвецам – занятие неблагодарное; я бы сделала доброе дело для себя, если бы просто вела дневник, как половина императоров, которые спали в этой постели до меня. Но когда это я делала добрые дела для себя? А ты, по крайней мере, мертв – или теперь

проще всего думать о тебе в таком ключе, – и все звезды у меня в руках, Искандр, и мне ужасно просто позволять им выскальзывать в пространства между пальцами. Особенно когда некоторые из них темнеют, съеденные столь удобной чужеродной угрозой твоего преемника. Ты спал здесь чаще меня, чаще, чем я сплю теперь, если говорить о сне, а не о ночах. Как часто ты желал, чтобы все удобное и привычное склонялось перед твоими капризами? Чаще или реже, чем наш император, лежащий без сна рядом с тобой?

Частные записки Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, без даты, заблокировано и зашифровано

Капитан «Острия ножа» Тридцать Восковая Печать сжимал в пальцах чашку кофе так, словно только эта чашка и могла скрыть дрожь его рук. Его лицо приобрело противный оттенок серого: Девять Гибискус пришла в голову овсянка, ее нижний слой, подгоревший в кастрюле, остатки рассыпчатой серо-белой массы, которую придется соскребать со дна.

– Это не язык, – сказал он во второй раз; такими были его первые слова, сказанные ей, когда по ее приказу его в целости и сохранности извлекли из корабля и доставили к ней в малый конференц-кабинет для доклада. – Со мной была Четырнадцать Костыль, она говорит на пяти языках, поэтому-то я и взял ее, на случай, если перехватим что-то, – но то, что мы перехватили, ничуть не походило на язык. Там не было поддающихся анализу фонем, сказала она. Это случилось до того, как вражеский корабль появился словно из ниоткуда и стал нас преследовать. Она не продвинулась дальше чем «мы не можем производить подобные звуки».

«У меня нет средств для реализации сценария первичного контакта, – подумала Девять Гибискус, – особенно когда объект контакта выплевывает металлорастворяющие жидкости в моих подчиненных и не производит членораздельных звуков». Она была солдатом со стратегическим мышлением, за ее спиной стоял

огромный кулак тейкскалаанской мощи, но при этом она оставалась *солдатом*. Первичный контакт должны были осуществлять дипломаты и люди, которые потом попадали в эпические поэмы.

– Если это не язык, то с чего вы взяли, что это вообще была коммуникация? – спросила она, сделав глоток кофе.

Тридцать Восковая Печать последовал ее примеру и тоже отпил из своей чашки. Это ее порадовало.

– Потому что эти звуки начались, только когда мы появились в зоне его видимости. Он реагировал на нас, яотлек… Когда я подвел «Острие ножа» поближе, трансляция зазвучала иначе, когда сдал назад, она снова изменилась, а когда я попытался проскользнуть с другой стороны карликового солнца и посмотреть, что случилось с нашей колонией Пелоа-2, он завизжал на нас, и тут появился этот корабль с обручами…

Нотки истерики в голосе Тридцать Восковая Печать тревожили. Это было не похоже на него. Он не стал бы капитаном разведчика, оснащенного оружием, если бы поддавался страхам. Корабль с обручами был ужасен, а его слюна была еще ужаснее, но все же такая реакция была неподобающей.

– Вы вернулись живым, капитан, – сказала Девять Гибискус ровным, даже одобрительным голосом. – Вы вернулись к нам домой, принесли перехваченное сообщение, и теперь мы имеем приблизительно восемь сведений об этих людях, о которых не знали до сегодняшнего дня. – Она говорила словами Двадцать Цикады, но капитан не знал этого. Не знал он и того, насколько она напугана, и никогда не узнает, если она будет осторожна. – Вы прекрасно выполнили поставленную перед вами задачу. Можете отдохнуть в ожидании новых приказов, если только не хотите сказать мне еще что-то, что я должна знать.

– Нет, сэр. Запись передана старшему офицеру связи Два Пена, если захотите прослушать. Но там вы не услышите ничего особенного. Мы не смогли подойти к Пелоа-2 достаточно близко, чтобы провести разведку, имеющую практическую ценность.

Девять Гибискус очень хотела прослушать запись, хотя, с другой стороны, при мысли о записи ее кожа покрывалась мурашками. Но у нее оставался еще час сорок пять минут до прилета Шестнадцать Мунрайз для *обсуждения стратегии*. Такая ни к чему не обязывающая повестка встречи должна была обеспечить Девять Гибискус некоторыми рычагами управления ситуацией с крайне несвоевременными интригами на Флоте, затеянными Шестнадцать Мунрайз, а потому требовалась вся информация, какую только можно было получить. В частности, была коммуникация языком или нет.

* * *

Под императорским дворцом располагалась целая сеть тоннелей, тайных и маленьких. В их честь было сочинено стихотворение, удачное, в прогулочном ритме. Там были такие слова: *в земле столько же корней, сколько цветов устремляется к небу / дневные слуги империи собирают цветы для дворца / среди них справедливость, наука, информация, война / но корни, что кормят нас, невидимы и сильны.* Восемь Антидоту больше всего нравились две части этого стихотворения: о том, как его подошвы ступают по выложенному плиткой полу туннеля в ритме с корнями в земле и цветением в небесах, а еще о том, что он вовсе не был дневным слугой. Дневные слуги собирали цветы для дворца. Восемь Антидот, одиноко бродивший по туннелям, единоличный наследник всего Тейкскалаана – ставший единоличным совсем недавно, а это что-то да значило, возможно, необходимость подумать о себе, – не нуждался в цветах. Он был погружен в почву, где безмолвные вещи становились сильнее.

Он бывал в туннелях десятки раз еще до того, как император – не нынешний, а тот, который его предок; важно было прояснить это в голове – увел его туда во время восстания, случившегося незадолго до его смерти. Он достаточно времени провел в туннелях, чтобы научиться ориентироваться в них, знал тайные переходы, посты прослушивания и подглядывания. Его предок-император показал ему все это и позволил бывать внутри.

Это было одно из исключений, которые дозволял ему Шесть Путь, словно в награду, как своего рода пароль, существовавший между ними двумя, индульгенция. Восемь Антидот часто спрашивал себя о причинах такого поведения предка. Он задавал себе этот вопрос еще до того, как предок покончил с собой в храме солнца, сделав это во славу Тейкскалаана.

Здесь туннель сужался, резко уходил влево, и пахло тут сырой землей, дождем и подземными частями цветов. Восемь Антидот провел пальцами по стене, влажной от конденсации, и вообразил Шесть Путь, разгуливающего на такой же манер под дворцом, невысокого, не выше, чем сам он, одиннадцатилетнего. И у него тоже не возникало бы нужды нырять в узкие проходы в его одиннадцать лет. Если между Восемь Антидотом и его предком и существовали какие-то физические различия, то он пока не знал о них. Девяносто процентов сходства – высокий показатель для клона. А он видел еще и голограммы.

Но ведь Шесть Путь вырос не во дворце – верно? Все эти голограммы мальчишки с его лицом столетней давности были привезены с какой-то планеты, на которой росла трава, зелено-

серые растения высотой по его хилую грудь. Шесть Путь никогда здесь не был, только уже потом.

После узкой части тут шел ряд ступеней, долгий подъем в темноту. Теперь он знал дорогу даже вслепую; за прошедшие несколько недель он поднимался по этим ступеням семь раз. Сегодня был восьмой. Он уже вырос из тех лет, когда верят в нумерологическое везение, но восьмерки все равно казались ему подходящими цифрами: восемь раз на удачу, присущую именно ему. Ему и всем, кто разделял символический знак, обозначавший цифровое содержание его имени, а потому приносящий счастье и министру юриспруденции, которая технически была его законным родителем, поскольку взяла его в качестве приемного сына, как и десятки тысяч других детей – почему он больше и не верил в цифровую удачу, поразмыслив об этом должным образом. В потолке в конце этой лестницы была дверь. Восемь Антидот постучал в нее, она открылась, и он оказался подвале министерства войны.

Там его ждал Одиннадцать Лавр, высокий, с точеным, очень темным лицом и глубокими морщинами у глаз и рта, в форме министерства, которая отличалась от формы легионеров, но во многом с ней совпадала: это был не костюм, как в других министерствах, а оружейно-серые брюки и двубортный, на маленьких плоских золотых пуговицах, мундир, полы которого доходили до бедер. Он, казалось, никогда не был против посидеть в пыли министерского подвала в ожидании Восемь Антидота. Он встал, бесцеремонно отряхнул пыль с брюк и сказал:

– Ну, как вы сегодня утром, Эликсир?

Восемь Антидот кое-чему научился у своего предка-императора, еще кое-чему у Девятнадцать Тесло, которая правила в нынешнее время и обещала заботиться о нем, даже если это убьет ее. Самое главное, что он узнал, вероятно, состояло в следующем: *не доверяй никому, кто способствует твоему хорошему настроению, если не знаешь, почему они это делают*.

Одиннадцать Лавр, который ожидал его раз в неделю в подвале и обучал премудростям работы с картографическим стратегическим столом и стрельбе из энергетического пистолета, был заместителем Третьей Ладони, одним из шести заместителей, подчинявшихся только министру. Одиннадцать Лавр называл его Эликсир, а не «ваше великолепие», «со-император Восемь Антидот» или как-то еще, и Восемь Антидоту это искренне нравилось. По крайней мере, думал он, он *знает*, что ему это нравится. Это должно было помогать. Ему это нравилось, Одиннадцать Лавр определенно хотел, чтобы ему нравилось, и за этим могло крыться что-то плохое. Но *пока* ничего

такого за этим не крылось. И сегодня он широко раскрыл глаза, улыбаясь, вылез из дыры в полу и проговорил:

– А я ее решил. Задачку с прошлой недели. Ту, которая про систему Каураан.

– Решили? – сказал Одиннадцать Лавр. – Прекрасно. Покажите мне, что, по вашему мнению, сделала капитан Флота на Каураане, чтобы одержать победу, и что ее действия говорят вам о ней. Мы можем немедленно подойти к картографу.

Это встревожило Восемь Антидота, слабое беспокойство поселилось в нем, как жужжание в уголке разума: Одиннадцать Лавр, человек, который участвовал в двадцати кампаниях и видел больше крови и выжженных звездами планет, чем Восемь Антидот мог себе представить, раз в неделю проводил день, развлекая одиннадцатилетнего мальчишку, который приходил через подвальную дверь. Конечно, тут были и смягчающие обстоятельства: самое очевидное состояло в том, что Восемь Антидот имел неплохие шансы через некоторое время стать императором всего Тейкскалаана, и шансы эти увеличивались еще и тем, что Шесть Путь, перед тем как принести себя в жертву, назвал единоличного наследника. Третий заместитель министра войны, который в гипотетическом будущем, возможно, видел себя самого министром, имел все основания отдавать свое время этому мальчику.

Кроме того, их пребывание здесь не было тайной. На пути в картографический кабинет – один из множества, Военное министерство было «садом тактика», как сказала Девятнадцать Тесло, и эти слова засели в его голове – Восемь Антидот и Одиннадцать Лавр прошли мимо не менее десятка солдат, четырех человек из административного персонала, одного уборщика и пяти камер наблюдения. Может, их было больше, но Восемь Антидот других не заметил – возможно, он не заметил на пути еще столько же. Он не пытался скрыться. Он не делал ничего *секретного*, как и Одиннадцать Лавр.

Девятнадцать Тесло, Ее Великолепие Император, сказала, что Военное министерство представляет собой «сад тактика» сразу же после того как Восемь Антидот вернулся со своего первого путешествия по туннелям. Она пришла в его покои одна и показала голографические записи, сделанные городскими камерами наблюдения. На этих записях он увидел себя, шествующего по коридорам министерства, как жизнерадостная пичуга под множеством пристальных глаз. Он спросил ее, может быть, она считает, что ему не стоит расхаживать по министерству, а она ответила словами о тактиках и саде, сказала, чтобы поступал, как ему хочется, и ушла.

Иногда Восемь Антидот спрашивал себя, заслужит ли он со временем чье-нибудь доверие настолько, что ему не будут показывать доказательства их повсеместного наблюдения за ним.

В картографическом кабинете он чувствовал себя счастливым, настолько счастливым, что на короткое время отодвигал в сторону кучу накопившихся у него «почему». Одиннадцать Лавр несколькими взмахами рук вызвал систему Каурааан, задачки прошлого занятия появились в лучах медленно вращающихся светильников, висящих в воздухе между полом и потолком. Каждый корабль Флота был оснащен таким столом для решения проблем еще до их возникновения. Насущная проблема сводилась к следующему: «Как капитан Флота в Кауррааане, используя единственный корабль, погасил восстание, прежде чем оно успело распространиться за южную оконечность континента?» При этом нужно было соблюсти два ограничительных условия: «Менее двух тысяч потерь со стороны Каураана и менее двух сотен потерь со стороны Тейкскалаана. Капитан не звала никого на помощь, использовала обычное оружие, каким оснащаются корабли этого класса. Противник превосходил ее численность в сорок раз, к тому же повстанцы Каураана захватили космопорт и использовали против нее тейкскалаанский корабль. Решите задачу».

Восемь Антидоту более всего нравились ограничительные условия. «Это произошло, значит оно возможно. Решите задачу».

– Приступайте, – сказал Одиннадцать Лавр. – Покажите мне, как капитан Флота Девять Гибискус из Десятого поступила в этом случае.

Восемь Антидот подошел к столу. Он микродвижением глаза за облачной привязкой вызвал карту и осторожно позволил имитации развиваться без каких-либо изменений в сторону того, что произошло, так что теперь Флот технически становился *его* Флотом, а он – Девять Гибискус. Он не послал ни одного «Осколка» навстречу Каураану, как это сделала и она, – в чем он почти не сомневался, – даже когда кауррааанские повстанцы поднялись с планеты, собираясь бежать на украденных тейкскалаанских кораблях. Он дождался, когда украденный Флот вышел на расстояние прицельной дальности стрельбы. Они могли бы спокойно уничтожить корабль Девять Гибискус «Грузик для колеса», хотя он и был флагманом класса «Вечный».

– Тут есть единственное решение, которое я могу найти, – сказал он, не глядя на Одиннадцать Лавра, воображая вместо этого, что он – Военный министр или капитан Флота и разговаривает со своими подчиненными, со своими войсками. – Никто вообще не стрелял.

– Как это могло случиться? – спросил Одиннадцать Лавр, что означало «нет, ты ошибаешься». Восемь Антидот не улыбнулся, но чувствовал в себе огромное веселье, огромную сосредоточенность, как при пилотировании «Осколком», при переходе на вектор по его собственному выбору.

– В Кауралне, – продолжил он, – восстание было небольшим. Взбунтовалась всего одна часть этнической группы. Но они были достаточно умны и знали, что мы держим гарнизон на этом южном континенте. Много кораблей. Достаточно, чтобы уничтожить корабль класса «Вечный», если не будет иного выхода. Бунтовщики были очень умны, когда сначала захватили порт, а не отправились в офисы губернатора провинции. Но я думаю, что там были не все из них. Недостаточно, чтобы не искать союзников там, где их можно найти.

– В этом что-то есть. – Одиннадцать Лавр понемногу начал сдавать свои позиции. Восемь Антидот подумал, что, возможно, Одиннадцать Лавр просто дает ему больше пространства, чтобы он запутался в своих построениях, но он и не думал сдаваться, потому что знал: он прав.

– Итак, капитан Флота Девять Гибискус. Она заработала себе репутацию – подчиненные ради нее готовы на все, и эти отношения не просто взаимная любовь капитана и солдата, не просто *поэзия*. Я просмотрел ее предыдущие кампании и понял, что ее подчиненные могут… много чего. Могут, по моему мнению, натворить черт знает что, замминистра, если она прикажет.

Одиннадцать Лавр произвел звук, который несколько десятилетий назад можно было принять за смех.

– Вы и в самом деле провели глубокие исследования по ней. Я бы сказал, «черт знает что» – вполне справедливое описание. Продолжайте. Какого рода «черт знает что» приказала она натворить своим солдатам в Кауралне?

– Допустим, она приказала кому-нибудь из них внедриться в команду мятежников, – сказал Восемь Антидот, – и верила, что они справятся. В таком случае, думаю, она позволила мятежникам поднять украденные корабли в космос так близко от ее корабля, потому что была уверена: мятежники не будут по ним стрелять – и убедила в этом своих людей. Мятеж тем временем сходил на нет, и повстанцев убивали на ими же украденных кораблях. Не было сделано ни единого выстрела – в этом не возникло необходимости. Она *уже* одержала победу.

Экран картографа почернел. Восемь Антидот моргнул, остаточные изображения «Грузика для колеса» и кауралнского солнца некоторое время оставались под его закрытыми веками.

– Это очень близко к истине, – сказал Одиннадцать Лавр. – Хорошая работа.

– Что я упустил? – спросил Восемь Антидот, потому что не мог удержаться. «Очень близко» его не устраивало. Особенно после слов «не было сделано ни одного выстрела», пришедших ему в голову посреди ночи, как вспышка солнечного света, как «я это знаю, я сам это видел». Он проснулся с этими словами на языке, словно с переспелым фруктом во рту.

– Внедрение в ряды противника – это часть флотской тактики, используемой при подавлении мятежа, вы правы, – сказал Одиннадцать Лавр. – Но кто должен нести ответственность? Кто отдает этот приказ, Эликсир, кто посылает наших людей лгать за нас?

– Разве не капитан Флота?

– Министр войны или заместитель министра по Третьей Ладони.

– Вы?

Третья Ладонь – для восточного направления, для… он пытался вспомнить. Дворец-Восток – в нем до воцарения жила Девятнадцать Тесло, там останавливались послы, там располагалось министерство информации. Правда, это министерство было гражданским учреждением.

Одиннадцать Лавр ждал его ответа. Восемь Антидот ненавидел это, в таких ситуациях казалось, что ему потакают.

– Вы, – сказал он. – Третья Ладонь, потому что Третья Ладонь – это то, что осталось от военной части министерства информации.

– Точно. Я и объединение шпионов из наших солдат Третья из Шести раскинутых ладоней: разведка, контрразведка и внутренняя безопасность Флота. А теперь, Эликсир, кто разрешил Девять Гибискус отдать такой приказ – я или министр Три Азимут? Впрочем, нет, тогда министром все еще была Девять Тяга… И тем не менее, кто санкционировал ее действия?

– Никто, – понял Восемь Антидот. – У нее не было полномочий отдавать этот приказ. Но ее люди его выполнили.

– Вы будете первоклассным тактиком, когда станете взрослым, – сказал Одиннадцать Лавр, и Восемь Антидот почувствовал, как тепло разливается по его телу. У него покраснели щеки, и он опустил голову, чтобы Одиннадцать Лавр не увидел. – Все так. Она не получила разрешения, она просто *приняла решение*, и никто из ее подчиненных не задал по этому поводу ни одного вопроса.

Чернота картографического стола вдруг стала тяжелой, угрожающей.

– И где она теперь? – спросил Антидот Восемь. – Что с ней стало после Каураана?

– Мы сделали ее яотлеком, – сказал Одиннадцать Лавр, словно такое случалось каждый день, – и как можно скорее отправили храбро умереть за Тейкскалаан и Ее Великолепие Императора.

* * *

Махит потребовались особо яростные угрызения совести, чтобы пожелать себе одиночества в собственной голове, такого одиночества, которое она знала, будучи ребенком: безо всяких имаго, наполненного предвкушением, а не переполненного воспоминаниями, которые только начинали ей принадлежать и были удвоены, искажены и пронизаны Тейкскалааном. Особо агрессивные угрызения совести также требовали, чтобы она лежала на кровати в своем яйцеобразном обиталище и с максимальной отрешенностью разглядывала успокаивающую грязно-белую кривизну потолка, не думая при этом, как глубоко она оказалась в заднице. Возможность часами рефлексировать о степени глубины ее пребывания в заднице была роскошью. В Городе у нее никогда не было времени посидеть один на один с растущим ужасом разоблачения: она все время пребывала в движении, иначе не получалось. Потолок был очень хороший и очень лселский, и никто здесь не мог посмотреть на нее; все информационные огни снаружи капсулы она переключила на «режим приватности, беспокоить только в случае чрезвычайной ситуации».

<В конечном счете тебе все равно придется выйти из этой капсулы>, – сказал Искандр. Махит переполнило ощущение, что ее укоряет кто-то из родителей или детсадовский воспитатель: «Так или иначе, Махит, тебе придется лечь в кровать».

– Я могла бы подождать неделю, – сказала она довольно громко. Никто здесь не мог ее слышать; никто не мог заметить, что она являет собой не одну цельную личность, а подозрительное, тайное и опасное слияние трех. – А потом украсть шаттл и попытаться добраться до врат Анхамемата, прежде чем Советник заметит, что я не явилась в назначенное время, и да, это дурацкая идея. Нет, я не стану воплощать ее в жизнь, и если бы я собиралась предать интересы Лсела ради тебя, Искандр, то я бы сделала это в Империи.

<А как насчет твоих интересов? Что, по-твоему, Амнардбат сделает с нами, когда узнает, что мы такое?>

«Тут возможны варианты, – подумала Махит ему в ответ. – В зависимости от того, повредила ли она нас в первый раз, и если да, то зачем она это сделала, по какой причине? Ты знал ее, Искандр, у тебя было больше времени, больше лет, чем у меня».

<Когда мы были в ее кабинете, ты не сомневалась, что это ее рук дело>.

«В ее кабинете я была испугана». Наступило выжидательное молчание, состояние неопределенности, которое было не столько подтверждением, сколько разочарованием, а Махит чувствовала такую усталость оттого, что не обдумывала и половины своих мыслей.

«Теперь ты доволен, Искандр? Мне было страшно, а ты накачивал мою эндокринную систему травматической реакцией. Конечно, тогда я не сомневалась, что Амнардбат нас повредила! А теперь я одна и могу думать, и мне никак не справиться с тем, что было страшно, я должна…»

<Махит, – очень мягко сказал Искандр в ее мозгу. – Мы оба были испуганы. Все в порядке. Дыши>.

Она вздохнула. Дыхание получилось коротким. Она поняла, что уже не менее минуты часто и прерывисто заглатывает воздух, и даже не заметила, когда это началось. Она сделала еще один вдох, и он тоже дался трудно: ее легкие словно не собирались расширяться, словно нет необходимости дышать полной грудью, словно она не в ловушке. Но именно в ловушку она и попала – даже в безопасности ее личной капсулы она пребывала в стопроцентной ловушке. Советник «Наследия» собиралась вскрыть ее, а она все еще не понимала, почему Амнардбат пыталась повредить ее, каким образом, хоть что-нибудь…

Она дышала глубоко, круговым дыханием – вдыхала через ноздри, выдыхала ртом. Не то чтобы это был ее осознанный выбор, но она знала – или Искандр знал – о благотворном, успокоительном свойстве такого дыхания. Он очень редко полностью завладевал их телом, и только когда это требовалось. В последний раз – по-крупному, в реальных обстоятельствах – он вывел их из разразившихся вокруг беспорядков без единой царапины, хотя в Городе вовсю бушевала толпа.

<Ну вот, – сказал Искандр тогда. – Кислород по-настоящему помогает прочистить мозги>. Осколок того яркого, веселого человека, остатки ее первого имаго, поврежденный Искандр, который не помнил собственной смерти, помнил только длившиеся десятилетиями ожидания грядущей жизни на Тейкскалаане, а еще огромные амбиции и ум, которыми хотела владеть Махит, обитать в них, позволить им завладеть ею.

«Спасибо».

По телу разлилось тепло. Волоски на ее руках и ногах поднимались торчком и ложились пугливой волной, словно ее собственная неврология осторожно прикасалась к ней. Это тоже не входило в элементы имаго-подготовки, не было тем, что ожидаешь от процесса, когда человек получает живую память и жизненный опыт другого, частью которого становится. Ничто в образовании Махит не говорило ей о странном благе обитания в одном теле с… другом.

<Сентиментальность не способствует ясности мысли>, – сказал Искандр.

С невыносимо докучливым другом.

Заразительный смех и злобный шип боли в локтевом нерве. Теперь эта боль не всегда была мерцающей. Иногда болело по-настоящему.

<Итак. Мы испуганы, и мы в ловушке, а поскольку ты не собираешься покидать станцию, как герой какого-нибудь комикса вроде того, что ты купила… Что мы с тобой будем делать, Махит? >

Она села, прижалась спиной к удобной внутренней кривизне ее капсулы. «То, что нам следовало сделать, когда мы только вернулись, Искандр. Я думаю, мы должны сказать Декакел Ончу, что ее послания к тебе все-таки были прочитаны».

И она опять почувствовала себя живой – проснувшейся настолько, насколько ни разу не была после возвращения на Лсел. Быть проснувшейся в равной мере означало быть испуганной и восторженной. Она наблюдала примечательное сходство между тем, как искали риска их с Искандром способности; она всегда исходила из того, что это является необходимым предварительным условием для ксенофилии, которая влюбляла человека в культуру, медленно поедавшую культуру ее собственного народа. Но, может быть, дело было в чем-то более простом, в глубинном «не живется спокойно».

<Значит, ты все-таки решила быть политиком>, – сказал Искандр, и его тон был так близок ее мыслям, что между имаго и наследником не осталось никакого пространства – знак будущего размытия границ. На его слова отозвалось одно из ее собственных воспоминаний: Двенадцать Азалия в ее посольских апартаментах в Городе, до того как все начало идти наперекосяк, до того как он погиб. Обращается к ней: «Значит, ты все-таки тоже политик».

«Лепесток», – подумала она с нежной скорбью. Нет, она сама его так не называла, это было ласковое прозвище, которое Три Саргасс дала человеку, названному в честь розовой экстравагантности одного цветка.

«Да, пожалуй, я решила быть политиком».

* * *

Это был не язык. Капитан «Острия ножа» в этом отношении оказался прав. Сигналы, посланные с вражеского корабля, перехваченные и записанные, могли быть плохой помеховой реакцией, воздействием космической радиации, усиленной до резкого треска. По крайней мере, так показалось Девять Гибискус, неопытной в подобных делах. Резкий, уродливый шум с намеком на грядущую головную боль; шум заканчивался криком, имевшим неприятный, маслянистый, обволакивающий язык привкус, который вызывал у нее тошноту. Синестезия не принадлежала к числу обычных неврологических странностей Девять Гибискус, а звук, который вызывал у людей аналогию со вкусом, был *в лучшем случае неприятным*, в худшем – выраженно болезненным.

Тем не менее она два раза прослушала его, подтверждая для себя, что «Острие ножа» был прав относительно пауз в треске: даже если это не было языком, это было реакцией на то, что делал «Острие ножа». Значит, это коммуникация, та или иная ее разновидность. Она вызвала к себе Двадцать Цикаду в третий раз за день. Когда звук набирал высоту и громкость, ее адъютант морщился и прикрывал рот ладонью, глотал подступившую к горлу тошноту. Он всегда был чувствительнее к окружающей среде, чем Девять Гибискус. Она запоздало пожалела, что заставила его слушать это.

– …не могу, – сказал он, овладев собой, – представить, что их рты имеют приятную форму, если они говорят вот так.

Девять Гибискус пожала плечами, вернее одним, опустив и затем подняв его.

– Они могут использовать искажатель. Или это машинная коммуникация, связь двух кораблей…

– Или они могут быть разговаривающими между собой машинами.

Она подумала, что, может быть, Двадцать Цикаде это придется по душе: машины, время от времени разговаривающие между собой способом, который тревожит человеческий гомеостаз, а не нечто органическое, которое может привести к повреждению другой органики с помощью речи. Если бы не дефицит времени – который еще усугубился теперь, когда она через час ждала Шестнадцать Мунрайз для стратегического снятия остроты в политических отношениях за обедом, – она бы

спросила у него. Но вместо этого она сказала:

– Сомневаюсь. Плевок, сожравший тот «Осколок»… Слышишь? Я уже называю его плевком. Слишком органическое вещество. Это не машины.

– Вы этого не знаете, – сказал Двадцать Цикада, и она кивнула.

– Я *ничего* не знаю. Нам нужен лингвист. Кто есть у нас на борту для переводов?

Двадцать Цикада откинулся к спинке стула, сплел пальцы за ровным куполом своей головы и крепко сомкнул веки, сверяясь с внутренним списком персонала. У него всегда была хорошая память на такие вещи.

– Квеквелиху Четырнадцать Шип – именно она и была на «Острие ножа». Но она переводчик, а не лингвист. Языки Внешнего Кольца. Она из ваших недошпионов, состояла в наземной команде в Каураане. Умная, но я думаю, что ее ум позволяет ей работать с людьми, а не со всяким не знаю чем.

– Только не она, – сказала Девять Гибискус. – Мне нужен кто-нибудь без каких-либо предубеждений, кто не слышал прежде про эту передачу сигнала.

Четырнадцать Шип была одним из недошпионов – настоящих шпионов у нее не было, если не считать самого Пчелиного Роя. Те, кто состоял в Третьей Ладони – «политические офицеры» на военном жаргоне, разведывательное подразделение министерства войны, – не принадлежали к сорту людей, которых какой угодно капитан Флота держал при себе для каких-то целей. Четырнадцать Шип была одним из ее солдат, которых она выбрала за мягкую харизму, знание языков, способность становиться незаменимыми. Обычно это был кто-то в звании квеквелиху, не командный состав, но самый высокий уровень неофицерских званий для специалистов. Кто-то достаточно гибкий для независимой работы, но при этом достаточно крепкий физически для несения службы; как металл, который не становится хрупким, когда его сгибают. Иногда люди такого рода могут разговаривать с варварами так хорошо, что те забывают о тейкскалаанском происхождении своих собеседников, а вспоминают об этом, когда уже слишком поздно. Четырнадцать Шип специализировалась на варварах. Не на инородцах, не на чем-то, не только не цивилизованном, но и до человека не дотягивающем.

– Кто еще?

– Я мог бы пригласить остальную кауранскую команду…

– Мне не нужен человек, который может вызывать доверие у *людей*, Пчелиный Рой. Мне нужен тот, кто может говорить

с инородцами, не открывая рта.

Двадцать Цикада снова прикрыл ладонью рот, но на сей раз, чтобы скрыть смешок.

– Тогда и вы не подходите, мой яотлек. Ведь вам доверяют только *люди*.

Ее люди и в самом деле доверяли ей. Десятый легион доверял ей, был готов умереть за нее, как она была готова умереть за них, – это был капитанский договор. Остальная часть этого Флота? Пока нет. Не с Шестнадцать Мунрайз и ее письмом с выражением неудовольствия, уже прокладывающего путь в другие легионы. Девять Гибискус не могла привлечь переводчиков из других легионов, в этом она была почти уверена, пока не узнает о планах Шестнадцать Мунрайз и о том, как далеко все это могло зайти. Она не любила работать на неустойчивой почве без министра войны, к которому можно обратиться в крайней ситуации. Но, возможно, она слишком уж привыкла к этой палочке-выручалочке.

Возможно, пришло время узнать, каким яотлеком она хочет остаться в памяти за собственные заслуги.

Она села рядом с Двадцать Цикадой так, словно они были совсем зелеными кадетами, плечом к плечу, и сказала:

– Это работа для министерства информации.

Глава 3

Верхняя панель, две трети страницы: Капитан Камерон и спасенный архивист «Наследия» Эшаракир Лрут жмутся друг к другу в тени превращенного в руины караван-сарая. Идет сильный снег. Эшаракир подкладывает в огонь бумаги и кодексы, которые хранила двадцать лет, одну за другой. Языки пламени похожи на слова, корежат панель: тейкскалаанская поэзия, документы «Наследия», может быть, даже пассаж из «Лселской летописи происхождения», узнаваемый, но слегка измененный. Тайная версия, которая может пережить грозу.

Нижняя панель, одна треть страницы: рука капитана Камерона выхватывает из огня горящие слова «История происхождения» и лицо Эшаракир. Она сама невозмутимость.

КАМЕРОН: Это необязательно… Эшаракир, какой смысл, если мы не можем сохранить то, что нашли… стойте…

ЭШАРАКИР ЛРУТ: Это мусор, капитан. Это драгоценно, но это не воспоминание. Вы что думали – пришли сюда за документами? Какой станциосельник станет спасать документы, если можно сохранить имаго-линию, которая будет утрачена без него? Я – все, что вам нужно.

Расшифровка комикса «ОПАСНЫЙ ФРОНТИР!»

Том 1, дистрибуция – малая местная

типография

[…]еда, дополнение к гидропонике (заменитель мяса, заменитель таурина) – двенадцать контейнеров; еда, дополнение к гидропонике (консервированные фрукты) – один контейнер; ракеты (реактивные снаряды, ручное оружие) – три контейнера; ракеты (реактивные снаряды, наземная артиллерия) – четыре пушки […]

Ассигнования на снабжение Флота, сектор Западной дуги

(страница девять из двадцати двух)

Запрос поступил рано утром, а потому первым получила эти сведения третий заместитель министра информации, которая спала или не спала – снова – в своем кабинете. Три Саргасс увидела, как запрос мелькнул во внутренней сети, яркая серо-золотисто-красная повторяющаяся пульсация в верхнем левом квадранте на дисплее облачной привязки: послание *девятнадцатого приоритета* в цветах министерства войны. Такое не должно было вообще появиться в регулярной почте асекреты. Три месяца назад Три Саргасс точно бы его не увидела.

Три месяца назад, если бы Три Саргасс и достигла нынешнего высокого положения в министерстве, получив собственный крошечный кабинет с крошечным окном лишь этажом ниже кабинета самого министра, то спала бы она в своем доме и даже не узнала бы об этом послании. Теперь она оправдывала бессонницу, требующую клинического лечения, благотворным состоянием, которое позволяет ей решать проблемы, пока все остальные спят. Бессонница позволяла еще ночью сделать добрую половину работы, ожидавшей ее днем.

Запрос повторился еще раз, моргнул. Никто не принял его. Послания девятнадцатого приоритета давали о себе знать четыре раза и, не получив ответа, перемещались в частную облачную привязку первого заместителя министра. Делалось это, чтобы на любое срочное послание от персоны высокого уровня из другого министерства давался достаточно быстрый ответ, вместо того чтобы застрять в бюрократических проволочках на более низком

административном уровне министерства информации. Если бы послание напомнило о себе еще один, последний раз, то Три Саргасс вполне могла бы забыть о нем, до тех пор пока проблему не уладят, о чем бы ни шла в нем речь. Уладят, как туман из пыльцы, раздражающей у всех слизистые поверхности…

«Даже твои аллюзии становятся ужасными. Туман из пыльцы? Это можно было положить в основу неплохого стихотворения…»

Два с половиной месяца назад Три Саргасс написала неплохое стихотворение: плач по близкому другу, умершему глупо и бесполезно, а теперь вот это. Туман из долбаной пыльцы и изысканная тюремная камера вместо кабинета.

Она подняла зрачок, совершила микродвижение влево и подтвердила, что послание-запрос предназначено для нее.

Двадцать минут спустя, когда рассвет только-только начал проникать в ее окно, проливаться на дисплей облачной привязки взбалмошными, ухудшающими видимость лучами, Три Саргасс добавила последние штрихи ко второй по уровню глупости идее за всю ее карьеру в министерстве информации. Она сделала это под решительно веселый голос четвертого заместителя Семь Монографии, который напевал себе под нос новейшую, попавшую в лучшую десятку аранжировку «Песни Рекламации №5» – эта долбаная песня оставалась в списке вот уже три недели, – несясь по коридору, что он проделывал каждое утро. Семь Монография, по крайней мере, прекрасно чувствовал интонацию и умел подражать, хотя у него при этом имелась нехорошая склонность – песню могло заесть у него в голове, и он долгое время пел ее всему офису… но никто не мог благозвучно пропеть две строки подряд без искусственной поддержки, а некоторым и пытаться не стоило. Третий заместитель министра, как и любой заместитель из шести, имел право допускать персонал министерства к просьбам девятнадцатого приоритета, а тут имела место целая просьба с половиной. Яотлеку Девять Гибискус где-то на границе Тейкскалаана требовался специалист по первичному контакту, обладающий дипломатическими навыками, – и требовался еще вчера. Для разговора с теми самыми непостижимыми инородцами, которых Махит Дзмаре использовала для предотвращения гражданской войны. Это произошло на глазах Три Саргасс, захваченной странной серьезностью своего посла-варвара.

Ее облачная привязка пульсировала светлым золотом, извещая о полученном сообщении.

Патриций первого класса Три Саргасс, асекрета,
Третий заместитель министра информации Четыре Алоэ,

вы были переназначены. Ваше новое временное назначение – уполномоченный по неограниченному кругу вопросов, приписанный к Десятому легиону на корабле «Грузик для колеса» класса Вечный, командующий офицер яотлек Девять Гибискус. Прошу явиться в центральный космопорт для срочного полета отправлением 187.1.1-19A (СЕГОДНЯ). Ваш разряд жалованья остается без изменений, ваш допуск к секретным материалам остается без изменений; продолжительность командировки: три месяца с неограниченными продлениями. Объект назначения: Три Саргасс, третий заместитель министра информации Четыре Алоэ. По вопросам, касающимся этого назначения, прошу обращаться к субъекту назначения. Для принятия настоящего назначения ответьте на это послание…

Последний шанс, подумала Три Саргасс, последний шанс для пересмотра решения. Последний шанс не подставить себя под крайне утомительный дисциплинарный разговор по возвращении.

Она моргнула, соглашаясь на положительный ответ, пока не успела передумать. Она чувствовала что-то вроде головокружения, словно уже оказалась в невесомости и покинула планету, и в то же время ощущала испуг, осознавая реальность происходящего. Она подумала об Одиннадцать Станке, ее поэтическом идеале, ее герое, авторе «Писем с нуминозного[4] фронтира», который в одиночестве находился среди инородцев – эбректи. Может ли быть, что ей достанется нечто худшее? Несомненно, но, может быть, не *сильно* хуже? «Пошел в задницу, еще посмотрим, кто кого», – прозвучало в голове навсегда смолкшим голосом Двенадцать Азалии, и она почувствовала радость вместе с горечью. Первая из глупейших ошибок в карьере Три Саргасс – вера, что министерство, которому служили она и Двенадцать Азалия, защитит их обоих во что бы то ни стало, даже перед лицом неминуемой войны. Какое же глупое решение породила эта вера! И умерла вследствие этого решения не она.

Не она и не Махит Дзмаре. Махит, которая на полпути превращения в местную жительницу из варвара поцеловала Три Саргасс; Махит настолько отейкскалаанилась, что Три Саргасс и представить себе такого не могла. Махит до побега от всей концепции Тейкскалаана… Три Саргасс поняла, что ей не хватает Махит. Может быть, это стоит исправить, пока она губит свою только начинающуюся политическую карьеру во благо Империи.

* * *

Когда Махит в последний раз позволила втянуть себя в интриги двора – и разве Лсел не возражал категорически против сравнений его с тейкскалаанским императорским дворцом, этой клоакой разрушительных козней и ударов в спину, негодяем в каждой хоть капельку антиимперской голограмм-проекционной драме, – она не отдавала себе отчета в беге времени. На сей раз, бесшумно идя в обуви на мягкой подошве по палубам станции, петляя преднамеренно случайным маршрутом в направлении к центральному корабельному ангару, она почти слышала, как ведут свой счет секунды. У нее было шесть дней, и ни секундой больше, до того как Советник Амнардбат вызовет ее в неврологический кабинет, до того как весь Лсел узнает, что у нее в голове была не одна, а целых две имаго-версии Искандра Агавна. Шесть дней в лучшем случае.

<А каким может быть худший вариант?>

«Мы умрем на столе». Вскрытые скальпелем в руке нейрохирурга из «Наследия», который дрогнет слегка, но достаточно для того, чтобы случайно – безусловно случайно! – перерезать ее спинной мозг. Хирургический шрам в том месте, где Пять Портик установила имаго-машину мертвого Искандра в черепную коробку Махит, побаливал. Она отрастила волосы, чтобы закрыть это место, ее мелкие кудряшки теперь были гораздо длиннее, чем когда-либо за долгие годы.

<Я могу представить кое-что похуже>, – сказал Искандр со слабой ухмылкой.

«Не представляй».

В Городе тоже имелись часы. Она запустила их в то мгновение, когда начала расследовать смерть своего предшественника… или их задолго до этого запустил Искандр, когда пообещал умирающему в своем великолепии императору имаго-устройство и вечную жизнь. Это было все равно что привести в действие детонатор на взрывчатке. Но Махит не заметила ускорения времени, уменьшения числа вариантов, пока не пробыла в Тейкскалаане *долго*. По крайней мере, на сей раз она могла видеть надвигающуюся на нее пустую голую стену приближающегося дедлайна. Сейчас она бы уже не *удивилась*.

<Советник Ончу не имеет офиса, – пробормотал ей Искандр, когда перед ними открылся станционный ангар со множеством кораблей. – Во всяком случае, не имела, когда я ее знал. Ей нравится быть среди своих, без особого места, куда можно прийти…>

«Я не хочу никакой встречи, Искандр, я хочу разговора. Мы идем в бар».

Махит все еще ощущала его смех – ощущала его

электрической пульсацией в нервах, как всегда с ней случалось; только на сей раз оно, дойдя до ее мизинцев, перешло в невропатическую боль в локтевом нерве. Она уже привыкла к этому настолько, насколько возможно. Пока боль не распространяется, не превращается в онемение, все будет в порядке, решила она. Внешне она ничем себя на выдавала. О том, что случилось с ней и Искандром в Тейкскалаане, знали очень немногие, и все они были либо… ею и Искандром, цельной личностью, какую им иногда удавалось представлять собой, или остались в Тейкскалаане.

Она никогда прежде не бывала в этом баре. В молодости, в годы ученичества в ее привычки не входило шляться по барам, облюбованным пилотами. Ее способности к пространственной математике исключили вероятность имаго-пилота как пригодной пары на ранней стадии, Махит было не отделаться от чувства, что она для них недостаточно хороша и им это известно. Теперь эта эмоция казалась ей пережитком совсем другой себя, Махит-ребенка с детскими страхами и желаниями. Та Махит, какой она стала теперь, хотела выпивать – и выпивать с Декакел Ончу, которая была советником из тех, что любят общаться со *своими*. Этот бар был питейным заведением, которое выбрала Ончу, – голограммы с ее появлением в дверях этого заведения неоднократно появлялись в лселской новостной ленте, посвященной внутренним событиям.

Найти ее не составило труда. Публичные голограммы не лгали: Ончу оказалась в баре, в этом пространстве матового хрома, обильно прорезанного стеклом, граффити и остатками оригинального инкрустированного дизайна, алмазной насечки вокруг округлых веерообразных рисунков. «Что это за цветы?» – подумала Махит. Она подумала это на тейкскалаанском и услышала в памяти отзвук сказанных Искандром слов о том, насколько популярен был такой рисунок при украшении пилотской палубы в дни, когда он мальчишкой совершенствовал на Лселе свои навыки. Махит помедлила, остановившись слева от двери, дожидаясь, когда дверь закроется за ней и она окажется в тени, и в этот момент в зал вошли несколько пилотов. Ончу была одета не как советник, а как астронавт: скальп выбрит, на губах яркая краска, как и на кромке ее бокала, вокруг глаз глубокие морщины, напоминающие солнечные лучи. Она не была вовлечена в беседу, а просто по-приятельски выпивала с мужчиной, сидевшим справа от нее. Оба пребывали в мирном молчании, а по другую сторону от Ончу стоял свободный стул.

<И как ты собираешься это обыграть?>

«Я думаю, – сказала Махит внутри собственного сознания,

этого странного гулкого помещения, где она иногда бывала самой собой, а иногда другой собой, которая была также и Искандром Агавном, – что хочу, чтобы ты поздоровался».

Он не вошел в ее тело, как сделал это в Тейкскалаане, или чтобы вывести ее из бессмысленной паники в спальной капсуле – Искандр проскользнул вперед, помогая ее мышцам запомнить походку, которой они еще не пользовались, центр тяжести, которого у них прежде не было, улыбку шире улыбки Махит и манеру опираться на один локоть, садясь рядом с советником Ончу.

– Советник, – сказал Искандр или Махит, пространства между ними по большому счету не было, мысль и действие частично разделились, – давно не виделись. Шестнадцать лет прошло?

Ончу моргнула. Моргнула еще раз, медленно прищурилась, потом вернула веки в нормальное состояние с выражением глубочайшей задумчивости на лице.

– По такому обращению вы могли бы быть несколькими из моих знакомых, – сказала она, – но на столь варварскую дерзость мог пойти только один человек. Привет тебе, Махит Дзмаре.

Махит улыбнулась улыбкой Искандра.

– Привет, советник Ончу, надеюсь, вы не будете возражать, если я выпью.

– Это бар пилотов, но мы не проверяем при входе на членство ваши имаго, – сказала Ончу. – Какую отраву предпочитаешь?

<Ахачотийю>.

«Ферментированные фрукты мы больше пить не будем. Мы на Лселе, если что, и я хотела поздороваться, а не разыгрывать из себя тейкскалаанку, чтобы произвести впечатление».

<Закажи выпивку. Она наблюдает за нами>.

– Водку, – сказала Махит. – Охлажденную, неразбавленную.

Ончу привычным жестом подозвала бармена, и он мгновенно принес рюмку и бутылку водки, настолько охлажденную, что наливалась она густо и вязко.

– Когда отрава подействует, может быть, ты мне понравишься.

– Только когда подействует?

Ончу ухмыльнулась, ее белые зубы выделялись на фоне красных губ.

– Что касается остального, то увидим. Забавно, Дзмаре, я думала, ты объявишься гораздо раньше, чем сейчас. Или вообще не объявишься.

Махит пожала плечами – это движение принадлежало бы скорее Искандру, чем ей самой.

– Извините, советник, что заставила вас ждать.

– Я не ждала.

Разговаривать с Декакел Ончу было все равно что пытаться держать под прицелом быстро вращающийся корабль: она сидела на месте, но выражение лица менялось с невообразимой скоростью. Поток воспоминаний, резкий, как едкий запах, как вкус текскалаанского чая, как свет в прежних кабинетах Девятнадцать Тесло, сказал Махит: «Будь зеркалом».

Она продолжила:

– Вы отправили мне… нет, не мне. Вы отправили несколько посланий послу Лсела. С сожалением отмечаю, что они попали к нынешнему, а не к прежнему.

Лицо Ончу вновь изменило выражение. Ее рот сузился, одна из губ загнулась вверх в мимолетной, едва заметной улыбке, то ли досадливой, то ли довольной – улыбка пропала слишком быстро, и Махит не успела понять. Это заставило Махит задуматься о том, что чувствовала она сама каждый раз, когда мир двигался вокруг нее, менялся. Мир, Империя – оказалось невозможным избавиться от важности факта, что Тейкскалаан являет собой слияние двух миров, даже когда ты думаешь на языке станциосельников. Новая крупица информации грузом ужасающей ясности ложилась на свое место. Всплеск симпатии здесь не будет полезен, она это знала, но все равно чувствовала этот всплеск.

Черт бы побрал, всего лишь один визит в «Наследие» вернул Махит в то состояние бдительного наблюдателя, которое позволило ей выживать в Городе и от которого она так настойчиво пыталась избавиться с возвращения на Лсел, чтобы почувствовать себя дома. Ончу сделала глоток пива, не большой и не маленький, и кивнула.

– Интересно, – сказала она. – По твоему поведению до этого момента я и предположить не могла, что они окажутся еще где-то, кроме кабинета невостребованных писем.

– Я их прочла, – ответила Махит. – Очень обрадовалась прочесть и получить внешнее подтверждение тому, что отметила сама.

– Выпей свою водку, – сказала ей Ончу. – Мы сейчас с тобой прогуляемся.

<Ух ты, она в тебе заинтересована>, – пробормотал Искандр.

«Это хорошо, – сказала ему Махит, а потом, поскольку он так или иначе слышал все, что она думала, и она никогда не оставалась в одиночестве, добавила: – Посмотрим, означает ли эта «заинтересованность» пожелание скорейшей смерти».

От теплых уколов смеха имаго водка обожгла ее сильнее

обычного.

– И куда мы пойдем, советник?

– Я, пожалуй, покажу тебе окрестности, – сказала Ончу. – Я в эту смену должна проинспектировать ангар. Идем, это в образовательных целях.

Махит и раньше бывала в ангаре Лсела, но всегда в качестве пассажира, покидающего станцию, или во время ежегодных учебно-тренировочных дней, которые были обязательны для каждого резидента. Вход в гулкое пространство, где смешивались звуки голосов, шагов и подвывания оборудования, а также громкого рева охлаждающих вентиляторов, с самим советником по пилотам давал совершенно иные ощущения. Никто не говорил Декакел Ончу, куда идти: она шла среди *своих* как человек, который никогда не стремился ни к собственному кабинету, ни к законодательной ответственности. Махит шла с ней плечом к плечу, остро ощущая себя здесь неуместной, если не чужеродной. Вокруг лежало так много частей космических аппаратов, так много ремонтников, работавших с ними и разбиравшихся в них не хуже, чем Махит разбиралась в тейкскалаанской системе стихосложения.

– Итак, – сказала Ончу с достаточной громкостью, чтобы Махит услышала ее за ревом вентиляторов, – ты прочла мои письма и что подумала?

– Что у вас были серьезные основания послать мне такое предупреждение, – сказала Махит. – Если бы такое неавторизованное послание попало в руки посла Агавна, означало бы, что официальный посол нашей станции представляет для него опасность.

– Я знала, что сделала, – сказала Ончу. – Не надо доказывать, что ты достаточно компетентна, чтобы это понять.

Они неторопливо шли зигзагами по полу ангара, возвращались назад, снова шли вперед. Здесь размещалась половина кораблей малой дальности полета станции Лсел, их здесь разгружали и загружали обычными минералами и обогащенным молибденом. Или более необычным грузом – по крайней мере на взгляд Махит, а она знала, что менее информирована, чем ей хотелось бы, о стандартном наборе экспорта Лсела. Например, паллетами прессованных бурых водорослей, сушеной рыбы, риса… Бóльшую часть этих паллет сопровождали тейкскалаанские бумаги, требуемые при импорте. Создавалось твердое впечатление, что Лсел кормит тейкскалаанские военные корабли, пересекающие Бардзравандский сектор, – те, что отправлялись на войну, которая началась почти одновременно с возвращением Махит на станцию.

<Война, которую начали мы >, – пробормотал Искандр.

«Война, которую начал советник Тарац, чтобы сохранить нас», – подумала в ответ Махит, а потом перестала думать, потому что Декакел Ончу наблюдала за ней, наблюдала за каждым проявлением ее телесного языка. Наблюдала, не проявит ли себя Искандр. Или не он, а, например, не дадут ли о себе знать свидетельства повреждения имаго. Даже глядя на Махит, она двигалась среди своих людей, часто останавливаясь, чтобы прокомментировать ведущиеся работы или просто поприветствовать того или иного пилота или сервисного инженера.

«Некоторые императоры являются владыками очень узких пространств, которые они целиком заполняют собственной личностью», – подумала Махит. Когда они проходили мимо какого-то особо шумного места работ, она спросила напрямик:

– Почему у вас возникли подозрения насчет «Наследия»?

Ончу фыркнула.

– Потому что это был не Тарац, а у остальных в Совете не было ни доступа, ни мотива. Кто еще, если не лицо, которое контролирует все наши воспоминания, чья задача состоит в том, чтобы обеспечивать безопасность и сплоченность?

– Культурную безопасность, – сказала Махит.

– Амнардбат – патриотка, – сказала Декакел Ончу, которая отправляла в бой корабли ради станции Лсел и, как казалось Махит, отдала бы жизнь за своих пилотов, а значит, и за всю станцию в целом. Она подождала, не добавит ли советник что-нибудь еще. Пока они обе молчали, мир заполняли звуки ударов металла о металл.

– И я, как выяснилось, тоже, – продолжила Ончу, едва заметно пожав плечами. – «Наследие» не должно принимать таких однобоких решений касательно дипломатии. Мы – совет Шести, и узы разрывают Шахтеры, а не «Наследие».

– Что сделала со мной советник Амнардбат? – спросила Махит и позволила себе выразить расстройство по поводу своего вопроса с тем уровнем горести, с которым хотела. А хотела она по максимуму.

– Аа-аа, – сказала Ончу, – значит, она-таки добилась своего.

Махит чуть не рассмеялась, беспомощно и испуганно – значит, Ончу вовсе не была *уверена*, она только высказывала догадки о повреждении имаго и полагала, что мертвого Искандра стоит предупредить в любом случае.

– Кто-то добился и сделал это довольно эффективно, – удалось, наконец, сказать ей, на грани истерики. – Я думала, это моя вина, неврологический провал. Есть же случаи, когда, когда

имаго не…

– Ты не одна, – сказала Ончу. – Ты двигаешься не как Махит Дзмаре, когда я впервые ее увидела.

Да, не так. Она наглядно продемонстрировала это в баре, может быть, и сейчас еще продолжает. Она сама толком не знала, *как* она двигается. Не знала, двигалась ли она как человек, которым была, пока еще оставалась одна.

– Часть ущерба оказалась обратимой, – сказала Махит, что было не совсем правдой. Точнее, не имело никакого отношения к правде.

– В менее сложных обстоятельствах я бы отправила тебя на тщательное медицинское обследование с целью возможного восстановления функции, – сказала Ончу. – Я не люблю терять имаго-линии вследствие неврологических повреждений и пилотов… С их профессией удар по голове – не редкость. Хорошо было бы найти способ восстановления линии, которая все же смогла сохраниться в том или виде после происшествия. По правде говоря, я в последнее время теряю много народа.

– В менее сложных обстоятельствах, – стала отвечать Махит, ощущая такую сухость, что ее язык, казалось, грозил присохнуть ко рту, – не будет и материала для обследования, разве нет?

Ончу беззвучно рассмеялась под вой металлорежущей машинки. Она сделала приветственное движение рукой, обращенное к металлорезу, который улыбнулся ей в ответ, знаком показал, что все идет как положено, и вернулся к своей работе.

– Мы страдаем под грузом сложности, Дзмаре. Скажи мне, что тебя в конечном счете сподвигло встать с кровати и прийти в ангар?

«То, что через шесть дней меня вскроют на хрен» – слишком откровенное признание? Она чувствовала себя жертвой на заклание. Так было и на Тейкскалаане – и вот к чему это привело: она дома, но уже никогда не будет чувствовать это место своим домом.

<Посмотри, к чему это привело Ее Великолепие Девятнадцать Тесло>.

Махит пропустила мимо ушей его слова. Искандр – она тоже, но в меньшей степени – не понаслышке знал, что такое спать с императорами. Спать с императорами или *будущими* императорами, пока они бодрствуют, сосредоточившись на работе. Так что, сколько бы Ончу ни волновала потеря слишком большого числа пилотов, избыточное количество смертей в черноте, где прятались инородцы Тараца, Махит могла полагаться на то, что Пилоты обеспечат ее безопасность в ходе

раскрытия ее двойного имаго не более чем на «Наследие».

«Никто не может знать».

<Ты начинаешь понимать, почему я так и не вернулся>.

«Не сейчас, Искандр».

– «Наследие» зашевелилось, и я подумала, что мне тоже пора, – ответила она Ончу. – А теперь, может быть, скажете мне, какую цель вы преследовали, предупреждая обо мне Агавна?

Ончу сжала губы, образовалась темно-красная линия, похожая на след ножа.

– Патриотизм, – повторила она. – Спроси своего имаго – если ты все еще можешь, если с тобой осталось нечто большее, чем мышечная память, – о Дарце Тараце и его «философии империи», а потом, если у тебя еще будут вопросы… Я выпиваю в баре каждую седьмую смену. Заглядывай.

«Дарц Тарац?..» – сделала внутренний запрос Махит.

В ответ она услышала: <Черт>.

* * *

Официальный обед на «Грузике для колеса» был строгим мероприятием: протокольный танец, предписанная последовательность событий от входа командующего офицера до финального возлияния в честь императора: несколько капель алкоголя, заменяющих кровь в этот падший век… Впрочем, Девять Гибискус была из тех капитанов Флота, которые предпочли бы выпустить в чашу свою кровь, чем ради этикета расстаться с последним глотком жидкости с торфяным привкусом. Но нынешний обед был очень скромным официальным обедом на четыре персоны за столом в конференц-кабинете, которому спешно придали величественный вид, поместив сюда знамена Десятого легиона и в цвет им черные с золотом эмалированные тарелки с рисунками звезд. Сама Девять Гибискус надела то, что было на ней, когда она слушала жуткие чужеродные шумы, – свою стандартную форму со звездами нового ранга на воротнике, вместо четырех звезд капитана Флота изогнутые петлицы яотлека, как вершина императорского трона, срезанная и согнутая.

Сначала сели гости, затем Девять Гибискус и Двадцать Цикада вошли в кабинет и увидели Шестнадцать Мунрайз с ее адъютантом, икантлосом-прим Двенадцать Термояд. Они уже сидели перед пустыми тарелками в ожидании, как птицы-падальщики. Прежде она никогда не встречалась с Шестнадцать Мунрайз лично – только по голографу. Двадцать четвертый

легион и ее собственный Десятый никогда не находились в одном секторе космического пространства до этой кампании. Шестнадцать Мунрайз была высокой, ее кожа и волосы принадлежали одной гамме цветов, словно вышли из-под одной пресс-формы, цветовой гамме луны, если бы та была монетой. Бледное лицо, длинные и прямые светлые волосы, получившие для этой официозной, церемониальной встречи свободу от косы, в которую она обычно их заплетала. Она, судя по официальным данным, была на пол-индикта младше Девять Гибискус. Эти три с половиной года разницы означали, что, будучи кадетами, они не знали друг друга. Шестнадцать Мунрайз казалась одновременно безмятежной и страждущей.

– Яотлек Девять Гибискус, капитан Флота Десятого тейкскалаанского легиона, – пробормотал солдат, выступающий в качестве стюарда, и Шестнадцать Мунрайз с ее заместителем глубоко склонили головы над кончиками пальцев.

– Добро пожаловать на борт «Грузика для колеса», – сказала Девять Гибискус.

– Нас истинно встречают добром, – отчеканила установленный протоколом ответ Шестнадцать Мунрайз. – Вашему гостеприимству нет границ, как звездам, яотлек, и оно столь же светоносно.

Девять Гибискус села. Стол был невелик: четверка за ним чуть не касалась друг друга локтями – кроме Двадцать Цикады, который был слишком тощим, чтобы доставать до кого-либо. Солдат у двери почти незаметным жестом пригласил еще одного из ее подчиненных, который принес настоящий хлеб – на каждом корабле имелся небольшой запас муки и дрожжей, предназначенных для исключительных ритуалов гостеприимства, требовавших этих продуктов, – и прозрачнейший дистиллированный пшеничный спирт, настолько крепкий, что опьянить могло одно вдыхание его паров. *Звездоблеск*, императорская выпивка, тоже был на каждом корабле, а на некоторых его бывало больше, чем на других. Девять Гибискус вовремя пополняла запасы на «Грузике для колеса», и недостатка в напитке корабль не испытывал.

Планируя это стратегическое застолье, очевидный «я-знаю-что-ты-знаешь-что-я-знаю» отвлекающий маневр для Шестнадцать Мунрайз, чтобы та пережевала его вместе с поданным ей хлебом, Девять Гибискус собиралась начать с письма, которым Шестнадцать Мунрайз требовала объяснить, почему так долго откладывается сражение с врагом. Начать с того, что она знала о сложившейся ситуации и до официального получения письма, подрезать маленький политический маневр Шестнадцать

Мунрайз в коленях и оставить истекать кровью. Но ее намерения изменились после прослушивания инородцев. После того как на ее глазах их слюна пожрала один из ее собственных кораблей.

– Капитан Флота, – начала она. Шестнадцать Мунрайз чуть наклонила голову. – Около часа назад, пока вы еще были в пути, мы впервые вошли в боевое соприкосновение с противником.

Выражение на ее лице определенно изменилось, но не очень поддавалось толкованию. Двенадцать Термояд был куда красноречивее: он резко поставил свой бокал со звездоблеском на стол.

– И вы в это время устраиваете званый обед? – сказал он. – Почему вы не на мостике?

– Потому что вы – мои гости и капитаны Флота. А мои капитаны, в особенности нетерпеливые, – это наилучший инструментарий в кампании, которая вот-вот должна начаться по-настоящему, – отрезала Девять Гибискус.

В этом заключался намек на часть их встречи под названием «я-знаю-что-вы-сделали». Если она будет действовать достаточно быстро, то не придется переходить к откровенной головомойке. Шестнадцать Мунрайз имела звание капитана Флота, а Девять Гибискус в скором времени должна была понадобиться полная поддержка Двадцать четвертого легиона. Честно говоря, с учетом ситуации, в которой они оказались, понадобиться вполне могло и три раза по шесть легионов, а не стандартный набор яотлека из одной шестерки. Неизвестное количество инородцев – сила достаточно мощная, чтобы заставить замолчать целые планеты, а у нее только шесть легионов… Впрочем, ей и прежде доводилось сражаться с превосходящими силами противника.

– А кроме того, – продолжила она, оторвав зубами кусок от своего хлеба, – враг, который осмелился атаковать нас, был полностью нейтрализован. Мы не находимся в активной боевой ситуации, Двенадцать Термояд. Или вы считаете, что я стала бы рисковать вами и капитаном Флота, приглашая вас к себе на борт во время сражения?

– Нет, – ответила Шестнадцать Мунрайз, пресекая движением руки попытку заговорить со стороны своего подчиненного. – Даже если бы у вас было вдвое больше легионов, вы бы не стали выключать из игры один из них ради какого-то жалкого стратегического обеда, яотлек. Не настолько же вы глупы…

Это было слишком для женщины, которая формально подчинялась ей.

– Глупость не принадлежит к тем оскорблениям, которые мне обычно выкрикивают, – сказала она, отрывая еще один кусок хлеба. Хлеб был великолепно кислым на вкус, с корочкой

достаточно твердой, чтобы повредить мягкое нёбо. За едой она могла показать зубы. Девять Гибискус уловила немного укоризненное выражение на лице Двадцать Цикады, но приличия вовсе не принадлежали к тем качествам, которые она сейчас желала демонстрировать. Нет, ей требовалось ощущение быстрого движения, жажды.

– Голограмма боя уже на вашем шаттле, сможете изучить по пути назад, капитан Флота, – продолжила она. – Двадцать четвертый прибудет на позицию и присоединится к атаке, если металлорастворяющие плевки от этих *существ* в нашу сторону продолжатся. Мы будем готовы, с вашей квалифицированной помощью. Двадцать Цикада, включите запись.

Она предупреждала его, что сделает это, и не из соображений жестокости. Она отметила, что Двадцать Цикада не съел ни крошки, только сделал обязательный глоток звездоблеска, и надеялась, что сможет удержать свой хлеб в желудке, где тому и полагалось находиться.

– Вы перехватили передачу?.. – начала было Шестнадцать Мунрайз, но в этот момент воздух снова наполнился ужасающим шумом инородцев, и Девять Гибискус получила удовольствие от вида другой женщины, побледневшей больше своего стандартного цвета. Она резко сжала челюсти, ощутив приток желчи.

Когда все закончилось, Девять Гибискус сказала:

– Я послала запрос на переводчика из министерства информации.

– Тут нужен не переводчик, а веерный огневой вал, – сказал Двенадцать Термояд. – Тот, кто производит такой звук, не должен существовать.

– Предполагаю, то же самое они думают о вас и обо мне, – сказал Двадцать Цикада голосом столь же сухим, как испаряющийся в бокале алкоголь. – Мы попытаемся поговорить с ними и узнать, вдруг есть что-то *другое*, что они могли бы получить от нас. Если только вам не нравится смотреть, как пилоты «Осколков» растворяются в своих кораблях, икантлос-прайм.

Девять Гибискус и мечтать не могла о лучшем заместителе, чем тот, который у нее был. Он не смотрел на нее, но она знала: ему об этом известно.

Шестнадцать Мунрайз положила ладони на стол. Уж не дрожат ли ее руки? – подумала Девять Гибискус. Или же Шестнадцать Мунрайз пытается предъявить свое право на пространство – прикасается к кораблю Девять Гибискус, кладет на него ладони?

– Яотлек, – сказала она, вкладывая в голос самый высокий уровень официоза. – Если даже оставить в стороне мнение подавляющего большинства Двадцать четвертого, который я здесь представляю, что переговоры с чем-то, что говорит таким вот образом, являются пустой тратой всего нашего времени, – на кой черт вам это долбаное министерство информации?

– А что – вы сами хотите поговорить с *ними*?

– Я бы хотела стрелять по ним. Без вмешательства кучки манипулятивных прохиндеев.

Ничто в личном деле капитана Двадцать четвертого не наводило Девять Гибискус на мысль, что та более кровожадна, чем средний тейкскалаанский солдат. «Я бы их расстреляла», – подумала она. Что говорить, она бы расстреляла *что угодно*, приблизившееся к ней, включая и Шестнадцать Мунрайз собственной персоной. Ни одна из Шести Раскинутых Ладоней не была в восторге от министерства информации – информационники были гражданскими. Глаза бюрократии за пределами гиперврат, где Город не может увидеть. Глаза довольно часто смотрели на корабли Флота, тайно докладывали тому, кто был их хозяином – то ли министерству информации, которое оплело своими сетями безопасные планеты, согласно слухам, ходившим во Флоте, то ли Всему Тейкскалаану в лице императора, если верить пропаганде, которую распространяло министерство. Девять Гибискус обычно не верила пропаганде.

Министерство состояло из манипулятивных прохиндеев – словечко, произнесенное Шестнадцать Мунрайз, вполне сойдет, – но в ее легионе не было никого, кто мог бы научиться говорить с инородцами, обращавшими в пустыни планеты, населенные людьми.

И Шестнадцать Мунрайз, с ее прозрачной демонстрацией силы через озабоченное письмо, не вызывала доверия как союзник. С ее мгновенным негативом в адрес министерства информации, так похожим на разговор представителей Третьей Ладони, разведки Флота, с их привычкой подозревать в шпионской работе всех остальных. Третья Ладонь никогда не входила в число подразделений, с которыми Девять Гибискус нравилось сотрудничать. Они были обструкционистами, настаивали на использовании только их методов, только их людей каждый раз, когда то или иное подразделение Флота уклонялось от прямого боевого столкновения или логистики, и предпринимали открытые психологические манипуляции. Девять Гибискус предпочитала отдавать те приказы, которые она так или иначе отдала бы, и не спрашивать разрешения у ближайшего политического чиновника.

Шестнадцать Мунрайз была, конечно, капитаном Флота, а не политическим чиновником, но… Девять Гибискус решила проверить ее послужной список на начальном этапе карьеры – кто знает, вдруг та когда-то подвизалась на этом поприще? Как бы то ни было, Девять Гибискус не могла позволить себе роскошь согласиться с ней. Не теперь. А может быть, и никогда.

– Министерство информации, – сказала Девять Гибискус, – имеет опыт разговоров с инородцами. Дерьмо вроде «Писем с нуминозного фронтира», ксенофильной поэзии и философии не может засрать мозги главе министерства информации, потому что они засраны изначально. Пусть дипломатией занимаются они – это сэкономит нам время, которое можно будет потратить на получение максимального количества разведсведений, пока будем маневрировать. Я хочу, чтобы вы привели «Параболическую компрессию» на встречу с «Грузиком для колеса» с полным комплектом ваших «Осколков» и крейсером-невидимкой… как он называется, Двадцать Цикада? Высокоскоростной.

– «Обожженный фрагмент фарфора», – сказал Двадцать Цикада ровным, как у ИИ[5] на облачной привязке, голосом. – Это прекрасный корабль, капитан Флота, вы должны гордиться таким приобретением. Где вы его взяли? Выторговали у Шестого Легиона?..

– Вы бы знали об этом, *Пчелиный Рой*, разве нет? – сказала Шестнадцать Мунрайз.

Черт бы ее взял, она не желала отступать ни на дюйм! Девять Гибискус шарахнула об стол своим бокалом со звездоблеском, оставив на дне лишь *долю Императора* – последний глоток.

– Он бы знал, – сказала она. – Мы собираемся вернуть себе Пелоа-2, даже если в темноте поджидают другие плюющиеся корабли. Вы присоединитесь к нам на «Обожженном фрагменте фарфора». Для проведения необходимой экспертизы обращайтесь к Десятому, хотя уверена, у вас есть соответствующий персонал. Это тейкскалаанский сектор. Давайте не забывать об этом в ожидании министерства информации.

– Это подачка, – сказала Шестнадцать Мунрайз ровным голосом. – Я же не дура, яотлек.

– Напротив, капитан Флота. Вы достаточно умны, чтобы понимать, что я делаю и что вы будете выглядеть победителем при встрече с соучастниками вашего заговора в Семнадцатом и Шестом легионах. Вот действие, о котором вы просили. Вот мой план столкновения в большем масштабе. Вы получаете и то, и другое. Ну что, приступаем к работе?

Шестнадцать Мунрайз заставила ждать, затягивая

напряженность между ними на еще несколько долгих и уродливых мгновений, после чего одним глотком допила содержимое бокала со звездоблеском. Последние капли пролились на стол и засверкали, как вражеский плевок.

– Двадцать четвертый выполнит ваш приказ, яотлек, – сказала она. – Для нас большая честь служить империи. Ваше гостеприимство было безукоризненным, вы мне очень напоминаете министра Девять Тягу.

Бывшего министра Девять Тягу, ее экс-начальника. В этом явно крылась суть слов Шестнадцать Мунрайз. Девять Гибискус не вполне понимала, чего та добивается. Пока не понимала, потому что отчасти в ушах все еще стрекотал чужеродный шум, а на ее глазах испарялся лучший алкоголь в империи, символический жест снятия напряжения. Пока не понимала, но в этом точно заключалась политика министерства здесь, на конце света; далеко тянувшиеся Ладони имели значение для политики в той же мере, что и огневая мощь. Это вызывало что-то вроде сожаления. Она не стала ничего говорить, только улыбнулась, ее глаза были широко открыты, когда она допивала собственную порцию звездоблеска. Подумала заученным назубок – «Пусть Его Великолепие увидит тысячу звезд» и тут же внутренне поправилась. «*Ее* Великолепие».

– Четвертая смена, – сказала она Двадцать Цикаде вслед уходящим гостям. Восемнадцать часов прошло. – Смените экипаж на «Острие ножа» и подготовьте «Спящую цитадель» для продвижения капитана Флота в систему Пелоа.

* * *

Было нечто поистине прекрасное в том, как люди из космопорта Сокровенной области Города мгновенно убрались с пути Три Саргасс теперь, когда на ней была одежда специального уполномоченного. Тейкскалаанцы любили форму: идеально подогнанный костюм, сверкающий разными оттенками цвета. Яркость и пламя министерства информации никогда прежде не подводили ее, если нужно было произвести впечатление, – но перед костюмом уполномоченного с некоторым отзвуком военной формы, целиком сшитым из ткани цвета пламени, люди *цепенели*. Она была миниатюрной, а ее грудная клетка никогда не обещала стать достаточно широкой, чтобы ею можно было хвастаться, ей не светили ни мощные легкие оратора, ни его *содержание* – по крайней мере в физическом смысле, сколько бы стихов она ни декламировала при дворе. И несмотря

на это, абсолютно никто не осмелился встать у нее на пути, хотя Сокровенная область была, как обычно, переполнена людскими толпами. Предприниматели, грузовые паллеты, солдаты, тысячи и тысячи тейкскалаанцев улетали к звездам, как семена, подхваченные ветром. Голова кружилась, глядя на них. Ею овладевало точно то же, что и во времена, когда она была еще практиканткой и прогуливала занятия: великолепное нарастающее ощущение, будто она сделала что-то наказуемое, но ей это сошло с рук.

Только это было целиком, полностью и совершенно законным. Она сама дала согласие.

Стоит отметить, что, сделав это, она оставила самовоспроизводящееся сообщение «Отсутствую» на двери своего кабинета, начертанное веселыми корявыми символическими знаками, и отправилась на свою квартиру, чтобы собрать нижнее белье и средства для волос, а также получить посылку с пятью одинаковыми униформами уполномоченного по неограниченному кругу вопросов. Все это время она подчеркнуто игнорировала все коммюнике, поступавшие через облачную привязку или инфокарты, потому что они могли иметь противоречащие приказы. Кроме того, она не стала мыть посуду перед отбытием в космопорт и неведомые края, но в этом не было ничего необычного. Она всю неделю не мыла посуду.

Тревожная мысль кольнула ее: оставление посуды немытой на целую неделю было стандартным признаком усталости агента министерства информации, небрежение посудой перед трехмесячной командировкой в зону боевых действий было одним из тех знаков, на которые хороший следователь непременно обратит внимание. Три Саргасс могла точно представить этот разговор: «Вы на самом деле не собирались возвращаться, асекрета, верно?» – задал вопрос воображаемый следователь, а воображаемой будущей Три Саргасс пришлось бы пожать плечами и сказать: «Я не думала об этом, я готовилась служить Тейкскалаану», а потом им двоим предстояло решать, лжет она или нет.

Ничто из этого не было проблемой в текущий момент, и размышлять об этом было неприятно. Три Саргасс прошла через группу космических туристов, покидающих борт пассажирского лайнера, разбрасывая их, как листья, прошла мимо огромных, вкусно пахнущих контейнеров с фруктами в колючей кожице, выгружаемых на паллеты, прямо к кораблю, который должен был доставить ее к первой остановке маршрута быстрее, чем любой другой из имеющихся в настоящий момент в порту Сокровенной области. Это был военный корабль. «Цветочный узор»

специализировался на доставке лекарств и медицинского оборудования; он покидал Город с грузами, имеющими крайне ограниченный срок годности – как сильнодействующие ботанические лекарства прямо из лабораторий министерства науки, которые быстро выходили из строя, если задерживались на складах. Или с органами для трансплантации, как на данном конкретном корабле. С сердцами. Хорошими, свежими сердцами на льду, которые – если ее быстрая грубая прикидка близка к истине – явно были в избытке в Городе, но в дефиците на малой планете рядом с первыми гипервратами, через которые и собиралась пролететь Три Саргасс.

Она проморгала направление облачной привязки микродвижениями глаза и так же глазами набрала послание капитану «Цветочного узора»: «официальный представитель правительства прибыл вас побеспокоить». Он не заставил себя долго ждать – двери ангара вскоре сложились мембранным веером. Вид у него был загнанный. «Отлично», – подумала Три Саргасс.

– Капитан Восемнадцать Гравитация, – сказала она, – я специальный уполномоченный Три Саргасс, и мне нужно, чтобы вы взяли меня вместе с вашим грузом, когда покинете орбиту.

– Уполномоченный, – он моргнул и склонился над кончиками пальцев, что давало ему достаточно времени, чтобы взять себя в руки.

– Мой корабль занимается медицинским снабжением, – продолжил он, выпрямившись. – Я не могу отклоняться от маршрута. Мой груз чувствителен ко времени. Я знаю, что по закону обязан доставлять уполномоченных туда, куда им надо, но…

– Вы направляетесь в систему Калатл. Мне тоже туда нужно, капитан. Вы в этом космопорту стартуете раньше остальных кораблей. – Иногда Три Саргасс было очень трудно не улыбаться варварской улыбкой, весело обнажая зубы. Она явно научилась этому у Махит. Тем не менее позыв остался нереализованным – Три Саргасс его подавила.

– В таком случае я буду вынужден поместить вас в довольно тесный бокс в трюме, – сказал капитан Восемнадцать Гравитация, – если не возражаете. У нас нет пассажирских кают. Весь экипаж – я, мой первый заместитель и еще техник-иксланатль.

– Я очень миниатюрная, – довольно сказала Три Саргас. – Я сожмусь. Дайте мне место между коробками с сердцами, и меня это устроит.

Пару мгновений капитан, казалось, пытался сочинить ответ

в таком же духе, но потом сдался.

– Мы покидаем орбиту через час сорок семь – прошу прощения, сорок шесть минут, – сказал он. – Если вы втиснетесь между сердцами через час и тридцать минут, то вы сможете перемещаться вместе с нами туда, куда будем перемещаться мы, Уполномоченный.

– Отлично, – ответила Три Саргасс. – Ваша услуга Тейкскалаану и Ее Великолепию Девятнадцать Тесло делает вам честь! До скорого.

Одного часа и тридцати минут вполне хватило, чтобы перекусить в одном из многочисленных баров космопорта, – Три Саргасс почувствовала, что в этом есть необходимость, если она не хочет в неподходящий момент задуматься о карпаччо[6] из сердца медицинского назначения. «Тейкскалаан поглощает», – подумала она, а потом одернула себя: нет, Махит говорила *совсем не так*. Она спросит у нее, как именно, когда доберется до станции Лсел.

Лсел лежал на пути к войне. Фактически станция располагалась *рядом* с войной, как это и предполагала варвар, когда давала координаты их врага, считая это малой ценой за свободу ее станции и полагая, что существующие опасности оправдывают ее поступок. Так что Лсел в общем-то представлялся логичной остановкой, в особенности если предполагалось, что Три Саргасс должна научиться говорить с инородцами, – а именно это она и планировала сделать. Она могла использовать инородца, который умеет хорошо разговаривать с людьми. Варвары были следующими ближайшими к инородцам существами, а Махит была лучшей из варваров, каких когда-либо встречала Три Саргасс. К тому же Три Саргасс по ней скучала.

Исходя из предположения, что ей нескоро еще придется есть нормальную еду в Городе, она заказала в баре густой суп с лапшой, маслом чили и кусочками копченой говядины. Она развлекалась, рисуя свой маршрут с помощью одной из графически-векторных программ в облачной привязке: сперва до ближайших гиперврат на «Цветочном узоре», оттуда еще через несколько гиперврат на корабле, который окажется самым быстрым на данной остановке, потом сложное конечное плечо в обход двухмесячного маршрута на досветовых скоростях (обычная продолжительность пути до Лсела). Добравшись до места, она выйдет не в те врата, и ей придется убеждать того, кто пилотировал корабль, доставить ее на станцию. *Не те* врата – Махит называла их «Дальние врата» – расположены гораздо ближе к Лселу, чем те, через которые обычно летали на станцию с территорий, надлежащим образом контролируемых

Тейкскалааном. Дальние врата располагались за пределами владений Империи, и ей придется пересаживаться на нетейкскалаанские корабли, чтобы хоть каким-то образом добраться до станции, в особенности со стороны, не контролируемой Империей. Сторона Анхамематских врат являлась территорией, номинально контролируемой конфедерацией Верашк-Талай, имевшей абсурдную, по мнению Три Саргасс, привычку избирать себе руководителей народным голосованием. Пространство Верашк-Талай было плохо картографировано, и Анхамематские гиперврата вели в места, где какие-то непостижимые инородцы портили жизнь новому яотлеку Флота, творили такие дела, что пришлось обратиться за помощью в министерство информации, отдав предпочтение ему, а не военно-разведывательной службе Третьей Ладони…

– Добрый вечер, Три Саргасс, – раздался чей-то голос у нее за спиной, и вилка со звоном выпала из ее пальцев. Она повернулась.

– Вам стоит снижать интенсивность реакций испуга в зависимости от места, где вы находитесь, – сказала Пять Агат, когда-то лучшая ученица Девятнадцать Тесло и ее старший адъютант, а теперь одна из ее эзуазуакатов – одна из ее самых преданных слуг, принесших присягу. Стиль одежды Пять Агат с повышением ее статуса не изменился. На ней по-прежнему было белое одеяние, как и на всех людях Девятнадцать Тесло – в подражание прежнему фирменному стилю их госпожи.

– Ваше превосходительство, – сказала Три Саргасс с наивысшей официозностью, какую ей удалось изобразить с лапшой во рту.

– Прожуйте свою пищу, – сказала ей Пять Агат, и Три Саргасс подумала, что та говорит с ней точно таким же тоном, с каким обращается к своему маленькому сыну Два Картограф – отсутствующе родительским. Три Саргасс один раз видела этого малыша, во время мятежа три месяца назад. Он был очень здоровый и умный для ребенка, который по желанию матери родился из матки. Она дожевала лапшу и проглотила.

– Что я могу для вас сделать, ваше превосходство?

– У Ее Великолепия к вам вопрос.

Ее первая реакция была абсолютно ужасающей: «Если я отправлюсь во Дворец-Земля, то опоздаю на корабль». Абсурдная мысль. Ее император хотела поговорить с ней, а она заботится исключительно о собственном отходе – в некоторой мере недозволенном – от всех обязанностей, которыми этот самый император наделил ее, проявляя свою благосклонность? Что-то с ней было не так, даже сама эта эмоция. Лучше сделать

вид, что никаких задних мыслей у нее нет.

– Конечно, – сказала она и поманила ближайшего официанта. – Я только оплачу счет, а потом…

– В этом нет нужды, – сказала Пять Агат. – Вопрос вам могу задать я сама, а вы можете доесть ваше блюдо.

– Спрашивайте.

– Император хочет знать ваше мнение об Одиннадцать Лавре.

Три Саргасс моргнула, попыталась вызвать в уме весь список ее знакомых с именем Одиннадцать Лавр, мнение о котором хотела узнать император: решительно отвергла практиканта асекрету, служащего секретарем на восьмом этаже министерства, а также поэта-оратора, который месяцами потрясал столицу внутренними рифмами и умер, когда Три Саргасс было тринадцать, – после чего у нее остался только третий заместитель министра войны. Технически Три Саргасс имела тот же ранг, что и замминистра, хотя это тоже казалось нелепостью: Одиннадцать Лавр был героем войны, а она… она была только самой собой. Пока.

– Третья Ладонь? – спросила она, чтобы отсеять сомнения. Конечно, Третья Ладонь, избегаемый всеми мастер военного шпионажа, тот, которого по какой-то причине обходила стороной яотлек Девять Гибискус, предпочитая обращаться в министерство информации с его дипломатами.

– Если бы Девятнадцать Тесло хотела узнать ваши литературные предпочтения, то она отправила бы к вам порученца получше меня, – сказала Пять Агат с убийственной иронией. – Ненавижу этого поэта. Да, речь о замминистра. Вы его знаете?

– Я с ним пересекалась, – сказала Три Саргасс. – Мы если и говорили, то только по служебным делам. Вы – или Ее Великолепие – хотите узнать мое профессиональное мнение о нем, мнение министерства информации? Потому что если да, то я не смогу продолжать этот разговор в баре космопорта.

Пять Агат отрицательно покачала головой – нет, значит, это не профессиональный вопрос.

– Готовы ли вы поклясться на крови, что говорите правду, уполномоченный? Вы никогда не говорили с Одиннадцать Лавром на личные темы?

Профессиональный вопрос был бы для Три Саргасс менее тревожным. А тут речь шла о чем-то темном: сам факт, что эзуазуакат просит ее принести клятву на крови в отсутствие у нее до этого каких-либо личных отношений с третьим заместителем министра войны, вызвал у Три Саргасс ощущение, будто у нее закружилась голова. Она упала во времени на три месяца назад,

в дни, когда кризис престолонаследия сотрясал Тейкскалаан, уже стоявший на пороге гражданской войны, а она наблюдала смерть прежнего императора во всех подробностях на экране. Он был опустошен в храме солнца так, словно вылили воду из стакана, оставив всюду красные лужи. Съеденная ею лапша теперь свинцом лежала в ее желудке.

– Я готова поклясться, – сказала она. – Здесь или в любом месте, где пожелаете вы или Ее Великолепие. Я его не знаю, никогда не общалась с ним на личные темы. – Она подняла руку ладонью вверх. На ладони не было шрамов. Пока. Она бы предпочла никогда не приносить настолько серьезных клятв, чтобы требовалось надрезать ладонь. Даже ее клятва двухмесячной давности с Махит и Девятнадцать Тесло затянулась до невидимости. Организм не обращал внимания на размер обещания – только на глубину пореза.

– В этом нет нужды. Ваших слов достаточно, – сказала Пять Агат. – Вы там поосторожнее на передовой, Три Саргасс. Ее Великолепие хорошего мнения о вас, и мы все очень переживаем, когда она теряет кого-то, кого любит.

– Как это ужасно, – сказала Три Саргасс, но вовремя замолчала. Потом добавила: – Я удостоилась высокой чести?

– Поспешите на ваш корабль, – сказала Пять Агат. – «Цветочный узор»? У вас есть двадцать минут. Я бы на вашем месте бежала бегом. Насчет счета не беспокойтесь. Правительство заплатит.

Они, похоже, все время следили за ней, с того момента, когда она ответила согласием на запрос яотлека. Городские камеры наблюдения были излюбленным инструментом Девятнадцать Тесло и раньше, а теперь, когда она стала императором, у нее открылся доступ ко всему – к алгоритмам, к технике, к Солнечным, городской полиции, мимо которой прошла Три Саргасс на пути в космопорт. Полиция имела общую разновидность доступа к алгоритмам, размышлять о которых у Три Саргасс не было ни малейшего желания. Все их глаза одинаковы, и ко всем имеет доступ император. Это выглядело почти великодушно. Почти. Если бы Три Саргасс приняла мысль, что она под защитой, а не под наблюдением.

Возможно, увидев ее импульсивное решение, император задумалась, не подкупил ли ее Одиннадцать Лавр? Какая сложная мысль. Нужно ей будет подумать над этим во время перелета. Время у нее будет, может, не в избытке, но достаточно. Военное министерство было одной из дырявых и едва залатанных частей правительства, оно все еще волновалось после ранней и столь вовремя случившейся отставки прежнего министра Девять Тяги.

Три Саргасс оценила этот ход как способ дать Девять Тяге возможность убраться из Города без вреда для репутации, прежде чем ее уволит новый император, знавшая, что министр в критический момент поддерживала генерала из числа мятежников…

Большинство заместителей министра тоже ушло – на их место новый министр поставила новых людей. Остался только Одиннадцать Лавр. Может быть, за этим ничего и не стояло. А может быть, именно в этом и был сокрыт смысл.

– Спасибо за предупреждение, – сказала она Пять Агат. – И за оплату счета.

А потом побежала сломя голову, пока ее не остановил кто-нибудь еще.

Глава 4

Тейкскалаан, когда мы были в руках Первого Императора и летали в черноту, осваивали гиперврата, несли с собой наши семена цивилизации как клятвенную кровь из ладоней первооткрывателей планет – когда империя была Империей и занимала вселенную от одних гиперврат до других… Наши императоры были солдатами и все еще остаются солдатами, но империя, в которую входит галактическая сеть звезд в ее зубах, учится также произносить наши стихи на тысяче языков. Император может быть солдатом на поле переговоров и числиться среди наших самых выдающихся яотлеков. Потому что в последние века, которые близко подходят к нынешнему времени, Тейкскалаан правит в той же мере посредством слов, что и дел. Так это было при императоре Двенадцать Солнечной Вспышке, чья жизнь началась в Городе, втором ребенке ее предка Двенадцать Восхода, любимого советника императора Один Лаписа…

Тайная история императоров, 18-е издание, адаптированное для начальной школы

[…] рассмотрев последний отчет о состоянии эвакуационной процедуры Станции, включая и уровень подготовки жителей по быстрому развертыванию спасательных средств, линий

снабжения и емкости наружных поселений шахтного типа при приеме беженцев, предлагаю рассмотреть варианты, которые я отверг бы прежде на основании того, что это является нагнетанием страха: если мы будем вынуждены оставить Станцию окончательно, то как мы построим новую такого же размера, прежде чем иссякнут ресурсы для поддержания тридцати тысяч жителей в диаспоре? И где мы должны будем строить, если оставим Станцию в срочном порядке, избегая конфликта? Нижеследующая записка – это первоначальный список недостающих материалов…

Внутренний исследовательский меморандум, адресованный Советнику по гидропонике, составлен аналитиком по жизнеобеспечению III Аджактс Керакел и командой, 67.1.1-19A

(Тейкскалаанское летоисчисление)

«Ну, хорошо, – сказала Махит своему имаго, а потом задала прямой вопрос, мысленно скрежеща зубами: – Чего такого я не знаю о Дарце Тараце, что я должна знать?»

Она удалилась из ангара в свою спальную капсулу. Здесь было тихо, все углы сглажены, как в интимной приватности внутреннего ландшафта, который делят между собой имаго и преемник. Иногда она представляла себе это пространство комнатой, порой комнатой с неожиданными зеркалами. Она обнаружила, что разговор с имаго дается ей легче на тейкскалаанском, и не испытала особенного сожаления по этому поводу.

Не то чтобы говорить об этом было легко. Искандр был химерой, призраком – имаго не представлял собой отдельную персону, но иногда Махит казалось, что она делится собой с могущественным, замкнутым чужеродцем. Вот и теперь прямой

вопрос не принес ей никакой пользы: голоса Искандра в ответ она не услышала, всего лишь мерцание визуального воспоминания – руки на столе, серо-коричневые выступающие вены доходят до костяшек пальцев, отражение звезд сквозь окно Станции. Оно растворялось, стоило приглядеться внимательнее – имаго-память не всегда оказывалась доступной, в лучшем случае она была ассоциативной, не похожей на ее собственные живые воспоминания. Она могла вернуться в воспоминания Искандра и вытащить оттуда Дарца Тараца, как голографильм. Единственной переадресацией, которая работала таким образом, была переадресация накопленного опыта. Язык, декор, то, как она могла теперь решать дифференциальные уравнения с частными производными – потому что Искандр знал, как это делается, – матричная алгебра, шифры, основанные на том и на другом…

Но если он не хотел помогать и замолкал, она пугалась. Каждый раз. Она так отчаянно боялась оставаться одной, снова сломанной, пугалась этого ужасного червяка в самой ее сердцевине, боялась, что не было никакого намеренного повреждения имаго, что она просто сама сломалась, оказалась губительной для своего имаго, никогда не была с ним совместима, не была его наследником по праву…

<Бога ради, прекрати>, – сказал Искандр, и Махит шумно выдохнула весь воздух из груди, складываясь пополам.

«Ты тоже мог бы перестать пугать меня».

<Это маловероятно, с учетом обстоятельств, нашей истории и продолжающейся неправомочной природы нашей связи в имаго-цепочке. Я уж не говорю о Дарце Тараце>.

Махит не собиралась покупаться на наживку и начать восхищаться собой, получать удовольствие от ироничной и злобной разновидности юмора в его понимании, в особенности теперь, когда ей очень, очень было нужно, чтобы он перестал валять дурака и поделился с ней информацией, которой владел.

«Что ты сделал, Искандр? Вероятно, затеял бунт» – фрагмент воспоминания, ее первый час на Тейкскалаанской земле, когда она знала только границы того, насколько лселский посол может отклоняться от принятых норм.

«Выкладывай, Искандр, – приказала она. – Дарц Тарац, советник по шахтерам, который спас нас и эту станцию, послав мне координаты об инородцах, уничтожающих корабли, чтобы я передала это Тейкскалаану в обмен на нашу свободу. Это ведь твой патрон, как говорят абсолютно все, включая тебя самого. Давай уже, делись. Или, по крайней мере, дай мне посмотреть».

<Ты же знаешь, оно – мы – так не работает>.

«Знаю. Дай мне посмотреть».

Комната с зеркалами, существовавшая в ее разуме, раскрылась, как цветок, поплыла по какому-то украшенному драгоценностями бассейну во Дворце-Восток с голубыми лепестками, словно тонущими.

Никакой связующей нити памяти – никакого существования в личине Искандра, которое она ощущала вспышками под воздействием успокоительных средств и лазерного ножа, когда на место ее поврежденной имаго-машины устанавливали другую с тем же имаго, но старше. Не нарратив, передача изображения. Длительное знакомство с человеком, коим может быть антагонистичная дружба на расстоянии, осуществляемая через межпланетарные пространства. Они обменивались письмами, Искандр Агавн и Дарц Тарац, около двадцати лет, писали тем же шифром, на котором Тарац послал ей координаты инопланетного вторжения. Так долго обращаться в темноту к тому, кто тебе не нравится…

<Он нравился мне. Иногда>.

Он нравился Искандру в момент получения нового письма, нравился в предвкушении вызова, который будет брошен ему, в предвкушении удивления и необходимости сообразить, как ответить, как сохранить в тайне свои истинные намерения в Тейкскалаане. Нравилась Искандру и дерзость планов Дарца Тараца, равенство революционных мыслей, которое он находил в этой долгой, неторопливой переписке. Ему нравилось быть достаточно полезным для своего патрона на Лселе, быть частью его мечтаний о будущем Тейкскалаана, а также о будущем самого Искандра…

Махит так еще и не добралась до сути. Умолчание, пустота. Утопание в синеве разворачивающегося ужаса, чего-то неразрешимого умственно, что было, возможно, всего лишь нежеланием Искандра показывать ей, каким, по представлениям Дарца Тараца, было будущее. А может быть, он не хотел показывать, как любил императора Шесть Путь за его разум и его тело – или, в конце концов, касаться своей преданности Лселу. Все это – все *его* – теперь должно было быть отдано. Она сосредоточилась, мысленно нажала – внутреннее давление, нечто вроде попытки вспомнить ритм стихотворения, порядок написания черточек символического знака, который она видела всего один раз, специальное слово в тейкскалаанском для ибиса, этой длинноногой птицы, которая опускала тонкие ноги в воду бассейнов Дворца-Восток, повреждая лотосы, та же синева…

Неприятные, колющие ощущения в ее локтевых нервах не были онемением или электрическим ожогом, они были фактической болью. «Идиопатия, – думала она, подавляя

раздражающий шумок, – идиопатия и психосоматия, и, вероятно, дальше будет хуже, у нас вечно происходит что-то неприятное. Искандр…»

Руки она ощущала бесформенными, беспалыми комками, словно боль сделала их невидимыми, бесчувственными.

Синева в стакане. Алкоголь с голубоватой окраской – <Джин, – донесся издалека голос Искандра, – голубизна происходит от цветка зеленого горошка в дистилляте, меня с этим познакомила Девятнадцать Тесло> – и самые первые проблески утреннего света, зачатки восхода пробиваются сквозь стекло, свет падает на шифрованные письма Тараца. Искандр в своих – *их* – апартаментах в Городе. Ощущение удара безо всякой физической причины, эмоциональный тумак, мир – Империя – неожиданно дестабилизируется, и Искандр роняет стакан, разливая повсюду синеву, острые осколки стекла и запах можжевельника, поднимающийся тошнотворным ароматом.

«Тебе известно, что я лоббировал твое назначение послом, потому что знал: ты будешь вести себя так, чтобы у Тейкскалаана возникла потребность в тебе, чтобы он тебе доверял, любил тебя, а через тебя – нас, – писал Тарац. – Но, возможно, тебе так и не удалось понять, зачем мне понадобилась столь ужасная вещь, как сосредоточение имперского желания на нашей Станции или на ее представителе. Существует ли лучший способ приблизить нечто чудовищное к гибели, чем использовать его функции против него же самого? Тейкскалаан *хочет*; его доверие коренится в желании; и вот таким способом мы с тобой его уничтожим».

Слова были слишком прозрачны, чтобы быть органической памятью – они были высечены, слова, которые Искандр повторял, перечитывал, обдумывал так часто, что они стали частью его внутреннего нарратива. Были ли они на самом деле словами Тараца, не имело значения. Они были историей, которую Искандр рассказал себе, запомнились как правдивые слова, были связаны запахом, цветом и теперь стали и ее воспоминанием, настолько же правдивым для нее, как и для ее имаго, живым воспоминанием чувства и образа.

Махит очень осторожно, словно касаясь языком раны, позволила себе задуматься: какая часть этих слов заставила Искандра отшатнуться и уронить свой стакан с джином? Слова «приблизить нечто чудовищное к его гибели» зацепили ее, вонзились колючкой в ее губу – эта фраза, которая может ранить.

<Это>, – сказал Искандр, вспышка мысли настолько близкая к ее собственной, что она больше походила на подтверждение, чем что-либо чужое или несовместимое. <Это, и «его доверие коренится в желании» – я знал, что делаю с Шесть Путем, но

услышать это, облаченное в откровенные слова… >

«Услышать, что нет ничего из вашей любви друг к другу, очевидно».

< Человек делает вид, – пробормотал Искандр. – *Варвар* делает вид, что цивилизация может расти в ранние утренние часы между двумя людьми >.

Махит вообразила это, цивилизация – человечество – расцветает, как крохотные цветы между ртами в темноте, губами, которые целуют, говорят, строят. По-тейкскалаански это звучало великолепно.

«Ты мог бы стать поэтом, если бы не умер…»

< Нет. Ты бы могла, если бы до тебя послом не был я >.

Это жалило. Она отерла слезы с глаз тыльной стороной одной онемевшей, болящей руки. И с каких это пор она начала плакать?.. Она словно прикоснулась к лицу рукавицей. Но боль была меньше, чем прежде, что давало некоторое утешение. Она старалась дышать медленно, обеспечивать ровный приток кислорода.

«Ты знал? – спросила она после долгой паузы. – Хотя бы подозревал, что советник по шахтерам использовал тебя как наживку, чтобы втянуть Тейкскалаан в войну, которую сегодня ведет Империя? Использовал тебя – и всю станцию вместе с тобой?»

Махит не получила прямого ответа; она получила эмоциональный эквивалент дрожи, постыдное чувство уклонения, необходимости думать о чем-то другом. Она получила это и приняла за «да», а еще за «хотел бы я этого не понять». Тишина в ее капсуле казалась пустой, угнетающе мрачной. Она способствовала началу этой войны, делала это из отчаяния и нужды, делала именно то, что Тарац всегда хотел от Искандра, то, от чего он всегда отказывался. Тягостное чувство вины поднималось по ее пищеводу. Неудивительно, что Искандр не хотел делиться этим с ней. Неудивительно, что у нее так сильно болели руки.

Сдавшись, с очень далекого расстояния, он сказал:

< Он хотел – полагаю, до сих пор хочет, – чтобы мы, станциосельники, были свободными. Это всегда стояло у него на первом месте. Попытка придумать нечто такое, чтобы мы сделались свободными, как если бы Двенадцать Солнечная Вспышка вообще никогда не находила нас >.

Махит попыталась вообразить, какой была бы станция Лсел, если бы тейкскалаанский император Двенадцать Солнечная Вспышка вообще никогда не нашла гиперврат, через которые проникла в этот сектор космического пространства. Если бы о том

открытии не был написан исторический эпос автором, звавшимся Псевдо-Тринадцать Река, а Махит никогда бы не прочла этот эпос на занятиях по языку и не цитировала его имперским подданным, чтобы показать свою образованность. Обреченная на провал попытка. Она бы просто *не существовала*. Не было бы никакого созвездия эндокринной реакции и непрерывности памяти, в которых была бы хоть капля сходства с Махит Дзмаре. Подвиг воображения, который пытался совершить Тарац, был… другого эпитета кроме «героический» не подобрать.

Как события из какой-нибудь тейкскалаанской эпической поэмы – настолько героическим он был.

Махит рассмеялась, издав грубый звук, который перешел в кашель. Она закашлялась до слез и чуть не задохнулась в собственных нелепых жидкостях. Она вообще не была способна представить мир без Империи. Она думала по-тейкскалаански, метафорами имперского стиля и избыточными определениями. Весь этот разговор с имаго состоялся на их языке.

Она специально подумала на языке Станции: «Мы не свободны».

<Нет никакой чертовой свободы>, – на том же языке согласился с ней Искандр.

* * *

Человека внутри Дворца-Земля можно было увидеть тремя способами. Обычный способ, когда Восемь Антидот находился где-то с другими людьми и они смотрели на него глазами или через облачную привязку. При желании ему хорошо удавалось избегать обычного способа, помогало то, что он никогда не жил в других местах. Большинство персонала Ее Великолепия Девятнадцать Тесло пришло из Дворца-Восток и даже теперь, два месяца спустя, все еще плохо ориентировалось в коридорах. Помогало ему и то, что он был маленьким и, помимо ярко-золотой, красной и серой одежды, которой был полон его гардероб, туника и брюки, используемые им в повседневности, были пошиты из светло-серого материала, незаметного для глаза. Ему все время удавалось оставаться невидимым.

Но были и два других способа, и он пока не сообразил, как с ними справиться. Были Глаза Города с камерами слежения, местным трекингом, и ко всем ним имели доступ Солнечные, которые осуществляли перекрестную сверку любых ошибок, благодаря чему император каждую минуту точно знала, где он находится. Восемь Антидот как-то раз проверил свою одежду, нет

ли на ней трекингового жучка, но ничего похожего не нашел и почувствовал себя полным дураком: трекинг локации был алгоритмическим. Он узнал об этом от одного из своих тьюторов, одного из многих, присланных ему министром Восемь Петлей из Судебного ведомства – будто экономист был одним из подарков, о которых может мечтать ребенок. Город отслеживал его по изображению и местонахождению его облачной привязки, а также определял, где он *будет*, если на минуту терялся из виду. Эти данные были и в самом деле точны, он произвел математический подсчет для того же тьютора. Бóльшую часть подсчета – некоторая часть все еще оставалась слишком трудной для него, он таких уравнений никогда не видел.

Третий способ *увидеть* человека был самым хитроумным. Человек становится видимым, когда задает вопросы, позволяя другому – обычно какому-нибудь взрослому – заглянуть ему в голову. А лицо, задавать вопросы которому было опаснее всего, звалось император Девятнадцать Тесло – и скорее всего, она использовала эти вопросы для того, чтобы понять, какие мысли в голове у Восемь Антидота, хотя сам он никогда свои мысли не озвучивал.

Выходило, что ему необходимо спросить ее о Кауранской кампании. Никто другой не сказал бы ему правду или сказал бы ему что-то, похожее на правду, но, по сути, отклонившееся от нее, как дерево, растущее у стены здания, где ему вовсе не место. Дерево, у которого такой вид, будто можно повиснуть на его ветвях и покачаться, но если попробуешь, вся стена обрушится на тебя вместе с деревом.

Он пока не достиг успеха в том, чтобы прятать свои мысли при беседе без предварительной подготовки, это определенно было правдой, и ничуть не утешительной. Правда вообще редко бывает утешением. И все же размышлять было полезно: даже если император знала, почему он задает вопросы, он учился на своих ошибках и в следующий раз действовал тоньше. Ему требовалась учеба. Ему уже стукнуло одиннадцать, а некоторым кадетам в министерстве войны едва перевалило за четырнадцать, и у них были обязанности, так что ему оставалось всего три года подождать, и он станет не кадетом, а наследником Империи. Или у него не будет трех лет, чтобы подготовиться.

Император находилась в Большом зале, как и обычно в середине дня: принимала представителей общественности и петиции, как это делал Шесть Путь до нее, иногда делала официальные заявления, а раз или два в неделю Восемь Антидот по просьбе императора садился у ее лучезарного солнцетрона копий и слушал просьбы, обращенные к ней. «Смотри, – говорила

она. – Смотри, кто приходит просить о помощи, а кто нет». Сегодняшний день был не по расписанию. Сегодня он тихонько проскользнул в Большой зал в своей серой одежде и мягких туфлях – кроме него все остальное здесь сияло и имело узоры. Одеяния императора отливали золотом и белизной, слои материи, стрелки отворотов перекликались со стрелками на троне, она говорила с каким-то иксплanатлем в маково-красном одеянии – в цвете врачей и ученых от медицины. «Красное для крови и облегчения боли» – гласили стихи в детской песенке о разных служителях дворца, а мелодия была слишком запоминающейся и чрезмерно веселой, по мнению Восемь Антидота. Он недоумевал, о чем Император собирается говорить с врачами или что они могут сказать ей.

Она была молода, не как его император-предок, который был при смерти и все время говорил с иксплanатлем. Ей точно не нужен медик – и долго еще не понадобится.

Он подобрался поближе. Глаза Города, конечно, засекли его, но в этот момент он не пытался их обмануть; он просто хотел спокойствия. Он прижался спиной к стене и принялся раскачиваться из стороны в сторону между веерными сводами крыши, уходящими в пол. Он сидел там в тени, скрестив ноги. Серое, как тень, более темное пятно на плиточном полу, которого и нет здесь вовсе – только для того, чтобы слушать.

– …узнайте, – прозвучал голос Девятнадцать Тесло. – Я не хочу слышать ваши предположения о том, что эта женщина умерла во время пожара в магазине Беллтаун-Два, потому что при ней было взрывное устройство, которое взорвалось раньше времени. Мне нужна ваша уверенность, и я хочу знать, кем она была. Было ли это ее устройство, предназначалось ли оно кому-то другому, или у нее вообще не было никакого взрывного устройства и она просто оказалась не в том месте и не в то время.

У иксплanатлей был несчастный вид – они смотрели друг на друга, словно оба пытались перестать быть обязанными говорить императору слова, которые та не желает слушать. Наконец женщина с лежащей на спине тройной косичкой пепельно-каштановых волос, тусклых на ярко-красной материи ее формы, сделала шаг вперед.

– Мы бы никогда не пришли, не закончив расследования, – сказала она, – если бы на том, что осталось от лица этой женщины, не сохранился отпечаток антиимператорского постера, одного из тех, что были повсюду в Городе перед недавними… *трудностями*, Ваше Великолепие.

Восемь Антидот мог отличить, когда Девятнадцать Тесло обращает внимание, потому что ей интересно, а не потому что

обязана. Она вела себя так, что весь воздух вышел из помещения, даже такого большого, как это. Ее пальцы постукивали по подлокотнику трона – один, два, три, четыре, пять, – а потом снова замирали.

– Постер с изуродованным боевым флагом? – спросила она.

Икспланатль оторвала взгляд от руки императора, перевела на ее лицо. Кивнула.

– Постер был приклеен к ее лицу тем же клеем, которым их приклеивали к стенам.

– После смерти.

– Да, Ваше Великолепие. Кто-то прилепил этот постер к трупу. До прибытия следователей.

– И нет визуальных записей этого таинственного осквернителя лиц трупов?

– Огонь уничтожил ближайший городской глаз, и…

Девятнадцать Тесло махнула рукой, прерывая ее.

– Отправляйтесь с этим в судебное ведомство. Что касается трупа, все дальнейшие действия должны проводиться на их территории, – сказала она. – К тому времени, когда вы туда прибудете, министр юстиции будет ждать вас. Скажите Восемь Петле то, что сейчас сказали мне. Тейкскалаан глубоко ценит вашу озабоченность и экспертизу.

Удаление этих людей от лучезарного солнцетрона копий было похоже на попытку космического корабля сойти с орбиты – для этого требовалось усилие. Восемь Антидот никогда не чувствовал подобной силы тяготения. Вероятно, это объяснялось тем, что он принадлежал этому месту, а они – нет.

– Восемь Антидот, можешь выйти из тени, – сказала император, и Восемь Антидот вздохнул.

Было бы хорошо, не будь у Девятнадцать Тесло такого острого глаза. Но это сделало бы ее менее хорошим императором. Об этом говорила вся известная ему поэзия: императоры видели весь Тейкскалаан, весь сразу, так почему они не могут увидеть одиннадцатилетнего парнишку в углу? Он поднялся и подошел к трону, размышляя: «Когда я стану императором, я тоже буду видеть?», но потом решил не думать об этом сейчас. Он не этот вопрос хотел задать.

Не хотел он и спрашивать: «Что, кого-то убили?», но именно этот вопрос сорвался с его языка.

– К несчастью, людей все время убивают, – сказала император, и это прозвучало снисходительно. Это Восемь Антидот знал. Он уже не был ребенком.

– Большинство убийств не заканчиваются беседой трех судебно-медицинских экспертов с императором о трупе, – сказал

он.

– Верно, – ответила ему император, ее широко раскрытые глаза улыбались. Восемь Антидот не верил ей, не знал ее на самом деле, но предок-император любил ее в достаточной мере, чтобы сделать владелицей лучезарного солнцетрона копий. Об этом стоило вспомнить, когда она улыбнулась ему, и у него возникло чувство, что он ничуть не против того, чтобы его видели так, как видят сейчас.

– Подойди сюда и сядь, маленький шпион, ты так или иначе уже все слышал, – она похлопала ладонью по широкому подлокотнику трона.

«Маленький шпион» и вполовину не воспринималось так приятно, как Эликсир, но зато было честнее. Восемь Антидот, подобно дворцовому певчему, уселся на подлокотник трона, словно специально приспособленный для этого – ширины вполне хватало, а еще одно удобство заключалось в том, что подлокотник можно было мигом покинуть. Сидя там, он посмотрел на Ее Великолепие, подождал, стараясь, насколько это было в его силах, не допускать на лице никакого выражения.

– …ты так похож на него, что даже эти твои вечные игры в прятки действуют на меня чуть ли не благотворно, – сказала император, и Восемь Антидот почувствовал прилив удовольствия: как же, она реагировала на него. Он знал, что походил на Шесть Путь. Знал, что еще больше будет похож на своего мертвого предка, когда станет постарше, и если будет немного наклонять голову направо, поднимать подбородок, вскидывать брови…

…Девятнадцать Тесло отпрянула от него на дюйм, но тут же поймала себя на этом движении и замерла. «Интересно».

– Моему предку-императору пришлось бы сильно постараться, чтобы его стало не видно, – сказал он. – И вам тоже. Этот трон очень большой.

– Это очень большая империя, маленький шпион, – сказала Девятнадцать Тесло и откинулась на спинку трона. Восемь Антидот задумался, удобно ли здесь сидеть, если у тебя достаточно длинные ноги. Сидеть на троне, имея ноги одиннадцатилетнего мальчика, было не слишком удобно, он уже пробовал. Но у Девятнадцать Тесло вид был такой, будто она всю жизнь просидела на этом троне: солнечный венец с лучами-колючками, как императорская корона позади нее, цвета серого металла и золота. Как выглядел Шесть Путь. Как пилот, запечатленный на корабле…

– Я хотел спросить у вас кое-что, – сказал он, понимая, что, задав сейчас свой вопрос, он раскроет, чему учил его Одиннадцать Лавр в министерстве войны. И тогда его тайное

обучение прекратится, оно станет таким, как и все остальное. Станет просто частью его жизни, его жизни внутри дворца. Внутри его жизни.

Девятнадцать Тесло из глубин своего трона сказала:

– Я попытаюсь ответить.

– А что вам может помешать?

– Спрашивай, – сказала император, – и узнаешь.

Восемь Антидот вздохнул, продолжая сидеть на подлокотнике трона, втянул воздух через нос, согнулся в пояснице так, что его локти легли на колени, подбородок уперся в ладони.

– Почему вы выбрали капитана Флота Девять Гибискус на должность яотлека, Ваше Великолепие?

– Какой очаровательный вопрос. Ты думаешь о том, чтобы проводить свое время во Флоте?

Он не исключал этого. Он не думал об этом вслух, только в голове, где эта мысль могла обратиться в реальное желание, что-то такое, о чем можно спросить, но не получить. Но – может быть. Он постарается. Он же мог решать картографические пазлы, которые ему задавал Одиннадцать Лавр, даже самые трудные.

– Я еще слишком маленький, – сказал он.

– Это, насколько я понимаю, ненадолго, – сказала Девятнадцать Тесло, и это явно показалось ей забавным, в отличие от Восемь Антидота. – Так что тебя интересует в связи с Девять Гибискус?

Он мог бы солгать.

Но тогда он не получит ответа на свой вопрос.

– Заместитель министра Одиннадцать Лавр говорит, что вы отправили ее умирать за Тейкскалаан. Как можно скорее.

Девятнадцать Тесло чмокнула губами, задумалась.

– Откровенно говоря, – сказала она, – я бы предпочла, чтобы она вовсе не умирала быстро, если уж ее судьба умереть за нас.

На самом деле это не было ответом. Он попробовал еще раз.

– Это все из-за Каураана? То, что вы ее выбрали? – Еще один выданный секрет. Одиннадцать Лавр, наверное, теперь перестанет его любить, перестанет говорить важные вещи, если он все это собирается выбалтывать императору.

Император, не вставая с трона, протянула руку, теплой тяжестью положила ее на плечо Восемь Антидота. На ее руке были мозоли. Он знал истории про нее, о том, как она была солдатом, как встретила его предка-императора во время одной наземной кампании, когда они сражались шок-тростями и снарядами. На одной из планет, в грязи.

– Да, – сказала она. – Но не потому что считала ее слишком

опасной, чтобы оставлять живой, маленький шпион. А потому что полагала, что, оставаясь живой, она может быть опасной.

* * *

К тому времени, когда Три Саргасс добралась до своей шестой по счету реквизированной правительством пассажирской полки, ее форма специального уполномоченного была уже упакована, а она сама облачилась в дорогой и неудобный космический комбинезон из черной шерсти, в котором выглядела обладательницей кучи денег и совершенно иного культурного бэкграунда, чем тот, который имела на самом деле. Она уже перелетела через шесть разных гиперврат на шести разных кораблях, и не один из этих кораблей не был приспособлен для комфортного полета пассажиров. Если она не надевала прилагавшийся к комбинезону жакет на шести молниях, немалая часть ее груди оставалась открытой. Она приобрела комбинезон во время остановки – пятой по счету – на Эскер-1, планете на Западной дуге, где она не бывала прежде: здесь обитало множество богатых семей, занимавшихся экспортно-импортными операциями, вроде той, из которой происходил Тридцать Шпорник, недавно пониженный в должности с высот до специального советника по торговле из-за попытки переворота. Эскер-1 осуществляла торговлю, а также хоровое пение, к которому Три Саргасс необъяснимым образом прониклась любовью. К хоровому пению – не к торговле, торговля была делом легким. Торговля позволила ей приобрести комбинезоны у наследника одной сказочно богатой семьи импортеров и сесть на корабль, стартовавший с планеты в одно место, в котором не следовало бы находиться имеющему хорошую репутацию работнику министерства информации, если только ее не отправили туда в командировку.

Эскер-1 располагалась в системе между тремя гипервратами, в двух из которых наблюдался довольно оживленный трафик в пространство Тейкскалаана и из него, а через третьи вас могли подбросить в какую-нибудь глухомань – до планетной системы, которую кто-то из императоров не поленился завоевать, но удовлетворился тем, что дал согласие на ее частичное присоединение к конфедерации Верашк-Талай… Система эта находилась в четырех днях пути на досветовых скоростях от тыльной стороны Анхамематских Врат или – в чем Три Саргасс была почти абсолютно уверена – сама представляла тыльную сторону Анхамематских Врат. Глухомань – вот куда попала Три

Саргасс, и она с головокружительной тоской чувствовала, что и в самом деле покинула надлежащим образом упорядоченную и предсказуемую вселенную.

Возможно, дело было в количестве гиперврат, через которые она пролетела за три дня. Она никогда не перелетала через столько врат за такой короткий период времени и никак не могла выкинуть из головы давно изобличенные во лжи таблоидные статьи, опубликованные пол-индикта назад. В этих статьях утверждалось, что частые перелеты через гиперврата калечат генетику и могут являться канцерогеном.

Может быть, дело еще и в том, что если Три Саргасс и покидала Город – для обязательного полета на отдаленный пограничный пост, как и всякий прилежный кадет-асекрета, который хотел получать только отличные оценки за свою учебную жизнь, – то за пределами Тейкскалаана никогда не была. За пределами мира. В местах, которые были *иными*. Где звезды восходили и садились по другим законами никто не склонялся над прижатыми друг к другу кончиками пальцев, говоря «привет», где слишком много людей улыбались, как Махит, одними зубами.

На помощь ей пришел этот нелепый комбинезон. Он позволял ей делать вид, будто она принадлежит к тому разряду людей, которым нравится здесь, в грязноватом, бедном ресурсами космопорту, наполненном варварами, ждущими подходящего корабля, чтобы выбраться из этой дыры. Не глубже в пространство Верашк-Талай – она, волей чертового случая, не разбирала их языков, хотя будучи кадетом прослушала обязательные шестимесячные курсы, но сдала экзамен и забыла все, что знала. Она специализировалась на политических вопросах и не собиралась становиться переговорщиком с маловраждебными в настоящее время правительствами. Ее нынешнее прискорбное владение верашкским или талайским ограничивалось умением задать вопрос о местонахождении уборной или сделать заказ в баре типа «одно большое пиво, пожалуйста» – скучающие кадеты радостно выкрикивали эти фразы друг другу в коридорах.

Сейчас она заказала одно большое пиво и попыталась убедить инженера одного грузовика позволить ей забраться в трюм с тем грузом, который они доставляли в пространство станции. Каким бы ни был этот груз, корабль направлялся через обратные гиперврата и наверняка выкинул бы ее где-нибудь рядом со станцией Лсел. Через те самые гиперврата, через которые, как говорилось в разведданных, присланных Махит, сюда прибыли и те самые инородцы. Три Саргасс спрашивала себя, не боится ли этот инженер атаки инородцев или попадания в зону боевых

действий. Может быть, и нет, но страх перед инородцами определенно мог быть причиной того, что Три Саргасс смогла найти только один корабль – больше никто не направлялся в края, куда ей нужно было попасть.

– Мне все равно, что у вас там в этих ящиках, – сказала она по-тейкскалаански. – Мне нужно попасть на ваш корабль, и только.

Инженер смотрела на нее с непроницаемым лицом. Не с вежливо-нейтральным, как это было свойственно тейкскалаанской цивилизации, а агрессивно-пустым.

– Путевой манифест выпущен только на груз, – сказала она, произнося слоги каждого слова подчеркнуто внятно. – Только на груз. Никаких лиц с планеты Эскер-1.

«Я не с Эскер-1, – подумала Саргасс, чувствуя крохотный водопад отчаяния внутри себя. – Я из министерства информации». Но и это не могло ей помочь, только усугубило бы ситуацию. Если этот инженер не хочет брать богатого трейдера с Западной дуги, то уж агента министерства информации не возьмет тем более.

– Откуда я, не имеет значения, – попыталась она. – Важно то, куда я.

– Тут есть и другие грузовики. Идите – купите им пиво.

Другие грузовики и в самом деле были. Только ни один из них не летел этим маршрутом – на территорию Станции через выходные врата. У нее ушло несколько часов, чтобы найти этот.

– Ваш грузовик самый быстрый и летит прямым курсом. – Три Саргасс попыталась изобразить улыбку станциосельника. Зубами. Проку от этого было мало – ее старания ничуть не тронули инженера. – Правда, я понятия не имею, что там в ваших ящиках, и знать не хочу. Я хочу, чтобы вы взяли меня через Анхамематские врата.

– А что потом? – спросила инженер.

– А потом вы высадите меня вместе с грузом на станции Лсел.

– И что вы скажете таможенным агентам? Я думаю – нет. Я думаю, это плохая идея для вас и для нас.

Три Саргасс знала, как вести этот разговор в качестве агента министерства. Она знала, как вести это разговор на Эскер-1, где она была пассажиром из тейкскалаанского Города, а потому таинственной и интересной. Первое было упражнением в социальном воздействии, второе – мошенничеством, слишком настойчивым, чтобы его игнорировать, и слишком скользким, чтобы ухватиться за него. Ни один из этих вариантов здесь не проходил. Ей всегда нравились чужаки, варвары. Но между «нравиться» и «уметь говорить» большая разница, а поэтому ей

была нужна Махит…

У нее оставалась одна опция, хотя и сильно урезанная после приобретения ею этого нелепого комбинезона.

Она моргнула, принялась совершать микродвижения глазом за облачной привязкой и спроецировала на стол между собой и инженером мерцающую голограмму очень большого числа.

– Я думаю, идея вовсе не такая плохая, как вам кажется, – сказала она, – и мне нужен всего лишь адрес финансового института вашего грузовика, чтобы показать вам, почему… Может быть, у вас есть какие-либо долги, неуплаты за ремонт, о которых вы не хотели бы больше беспокоиться?

Лицо инженера впервые за время их разговора ожило. Она наморщила нос. Три Саргасс не была уверена, интерес это или же неудовольствие. Молчание продолжалось бесконечно. Три Саргасс подумала, что инженер беззвучно разговаривает со своим капитаном по частной линии, проверяет, будет ли достаточной названная сумма. Скорее всего, после этой операции Три Саргасс окажется на мели, а письма в министерства с просьбами пополнить ее кошелек вряд ли приведут к какому-нибудь результату. А если и приведут, то по прошествии такой прорвы времени, что это вряд ли будет иметь значение. Может быть, она навсегда застрянет на этой планете черт знает где, и придется совершенствовать свой верашкский или талайский. Погружение в среду, конечно, поможет…

– Мы не будем нести за вас ответственность на Станции, – сказала, наконец, инженер. – И вы должны заплатить до того, как поднимете на борт. Прямо сейчас.

* * *

Дарц Тарац пришел раньше нее и занял лучшее место в баре. На взгляд Искандра, он состарился и стал похожим на труп, – на ее взгляд, он всегда напоминал скелет. Выжженная под ноль оболочка человека, который первые десятилетия своей трудовой жизни провел на шахте астероида, а после этого стал политиком и все это время философски обосновывал разрушение империи и тихую революцию. Когда Махит его увидела, желудок дал знать о себе острым приступом тошноты, потом успокоился до состояния высшей боевой готовности, готовый в одно мгновение отреагировать на бедствие.

Она начинала думать, что это состояние уже становится для нее обычным, и эта мысль отнюдь не радовала.

Иногда она казалась себе Искандром по образу мыслей.

В последнее время чаще, чем раньше.

Дарц Тарац сидел рядом с Декакел Ончу, и оба они допивали как минимум вторую порцию водки. Махит явно припозднилась.

Припозднилась и удивилась, поскольку ожидала увидеть здесь одну лишь Ончу – здесь, в том же самом баре их первой встречи; это было предложением советника в ответ на электронную записку, в которой Махит сообщала, что спросила своего имаго о Дарце Тараце. Дарц Тарац хотел, чтобы теперь война бушевала повсюду, кроме пространства вокруг Станции, и не соглашался использовать Лсел как наживку, чтобы отвлечь Тейкскалаан. Дарц Тарац, которому Искандр доверял больше, чем она, хотя она сделала то, что он хотел, а Искандр никогда этого не делал. Махит решила игнорировать все сигналы своей эндокринной системы, посылаемые на протяжении разговора, хотя и знала, что это решение непрактично и вряд ли физически осуществимо.

– Советники, – сказала она, садясь по другую сторону от Ончу, – вас вдвое больше, чем я предполагала увидеть.

– У Декакел вполне предсказуемые алкогольные привычки, Дзмаре, – сказал Тарац. – Если искать ее, то в этом баре, если при этом хочется поговорить с другом в менее формальной обстановке, чем офис советника. Я вижу, вы это уже и сами отметили.

Это была очевидная силовая игра – настолько очевидная, что Махит расстроилась на мгновение, почему это она не придумала чего-нибудь получше. Он назвал Декакел Ончу по имени, намекая на давнюю и близкую дружбу между ними, а потом назвал Махит по фамилии и без титула, который все еще принадлежал ей по праву. Не было никакого посла в Тейкскалаане, спасшего станцию. Она была имаго-линией.

<Хватит уже игнорировать свои эндокринные реакции>.

«Заткнись, пожалуйста», – сказала она Искандру и помахала бармену.

– То же, что пьют советники, – сказала она, после чего повернулась к Тарацу и улыбнулась, испытывая некоторую злобную радость оттого, что ее оскаленные зубы будут теперь восприниматься как угроза, ведь такого рода улыбка во весь рот даже на Лселе была разновидностью угрозы. – Советник Ончу была настолько добра, что познакомила меня с лучшей водкой на Станции. Ну и пить с вами – одно удовольствие, советник.

Он был непроницаем. Ее это бесило – нет, не ее, а Искандра, двадцать лет его копившейся досады и соперничества с этим человеком. Он не ответил ей улыбкой.

– Вы вернулись домой из империи, – сказал он. Они говорили

«через» Ончу, и та позволяла им, она лишь подалась назад, чтобы не быть препятствием. – Это необычно для вашей имаго-линии.

<Я остался в Тейкскалаане, *если ты не знаешь, что…*>

«Что ты совершил предательство, да, заткнись, мне нужно поговорить, и если я скажу то, что у тебя в голове, то мы оба будем в заднице, понял?»

Мурашки побежали у нее по спине – она почувствовала себя виноватой. Но Искандр исчез, отступил, и на мгновение Махит испытала ощущение пугающего одиночества. Пугающего ощущения *самой себя*, ее будто раздели донага на глазах толпы.

– Вы не знаете? – сказала она, продолжая улыбаться. – Мой имаго был поврежден. Кто знает, что я могу сделать. «Наследие» явно не знает.

Декакел Ончу рассмеялась и пододвинула Махит свой стакан – в нем еще оставалось полпорции водки, в которой плавали кубики льда, со звоном ударившиеся о стекло, что придало водке облачно-белый цвет.

– Расслабьтесь, – сказала она. – За Тарацем теперь должок – он поставит мне еще. Он поспорил со мной, что вы напуститесь на нас на манер Искандра Агавна, надменно и изворотливо. Я тебе говорила, Дарц, что она действует напрямик, когда ее загоняют в угол. И я была права, когда говорила о повреждении.

Махит взяла стакан, допила водку. Всю, вместе с кубиками льда, сделала это так быстро, что алкоголь обжег пищевод и ей едва удалось сдержать кашель. Когда стакан опустел, она, перевернув его вверх дном, поставила со стуком на стол. Стук получился достаточно громкий, чтобы придать ей уверенности в себе – чувства непотопляемости, полета.

– Советник, – сказала она, когда дыхание вернулось к ней. – Ваша коллега по пилотам посоветовала мне проконсультироваться с моим имаго, прежде чем возвращаться к ней. Я так и сделала. И вот я здесь. «Наследие», вероятно, предпочло бы, чтобы наша встреча не состоялась, или, по меньшей мере, хотели бы заглянуть в мою черепную коробку. А как насчет вас?

Подошел бармен с водкой для Махит, но она отправила его к Ончу. Она играла, стукнув стаканом об стол. Играла в игру, кто тут сильнее. Она знала, что не она. Она допила водку Ончу, потому что попала в беду в «Наследии» и не знала, как выпутаться, но…

<Ну, мы так или иначе будем играть>, – пробормотал Искандр, и она с ним согласилась. Ончу приняла стакан без всяких слов.

Тарац протянул коричнево-серую руку, взял стакан, наклонил

в одну, а потом в другую сторону.

– По зрелом размышлении, – сказал он, – я бы тоже хотел заглянуть к вам в черепную коробку. Если бы, конечно, мог увидеть мои собственные отчеты по вашей имаго-интеграции в сравнении с отчетами «Наследия». Интересно, что вы вернулись. Интересно, что вы сохраняете в достаточном для проверки состоянии вашу имаго-линию, невзирая на мнимое повреждение. Интересно, что вы после возвращения абсолютно ничем не занимали себя, хотя вам следовало бы сообщить кому-нибудь обо всех этих интригующих фактах.

Махит и глазом не моргнула. Ничуть. Нельзя было сказать, что она ничего не делала. Она пыталась вернуться в свое нормальное состояние, вернуть себе ощущение собственного «я», образ жизни – любой жизни, – в которую вместились бы и станция Лсел и Тейкскалаан, два Искандра и одна она, каким бы все это ни было. Она, как ни крути, много думала, нарезая бессмысленные круги по станции, но ничего лучше не придумала. Физические движения пошли ей на пользу. Об этом речь шла и в психотерапевтических методиках, известных каждому ребенку на Лселе.

Она и глазом не моргнула.

– Что ж, значит, это увидит «Наследие», – сказала она.

Предложение. *Если вы ничего не предпримете, ни один, ни другая, то Акнел Амнардбат разберет меня на части и я стану бесполезной для вас*.

<Это больше похоже на прошение суду>.

«Мне и раньше везло с убежищами…»

<Это не Город. Тарац – не Девятнадцать Тесло>. Флэшбек: голубизна джина, темные руки Девятнадцать Тесло на ее (его) щеках, рисунок кожи на ее губах, вкус можжевельника. Запах можжевельника, когда Искандр узнал, что Тарац готов использовать Лсел как наживку, чтобы вовлечь Тейкскалаан в войну с некой силой, более крупной, чем станция.

Ончу задумчиво проговорила:

– Я некоторое время думала: может ли вообще «Наследие» легальным образом осуществить повреждение имаго-линии? С учетом того, что их компетенция в первую очередь – сохранять наши коллективные воспоминания.

Тарац кивнул ей.

– И каковы твои заключения, Декакел? Они же наверняка у тебя есть.

Махит он игнорировал полностью, и она не понимала почему.

– Мои заключения – не может, – сказала Декакел Ончу. – Но кто-нибудь из работников «Наследия» – даже его советник –

безусловно может. Дарц, кто-то должен вырезать имаго-линию этой женщины и поместить в жесткий вакуум.

Против этого Махит ничуть не возражала. Может быть, пилоты помогут ей, если шахтеры не захотят – она теперь должна была найти способ показать свою огромную полезность, чтобы ее не отправили в заботливую хирургическую пасть аналитиков «Наследия», которые мгновенно поймут, что она осуществила незапланированную корректировку имаго-машины. А то и вовсе просто убьют на месте, чтобы скрыть таким образом повреждения, внесенные Амнардбат.

– Я согласен, – сказала Тарац. – Я знал ее предшественника, и он ни на что такое не пошел бы; а эта имаго-линия членов совета «Наследия» имеет протяженность в шесть поколений. Что-то пошло не так. Это… дело… с Дзмаре – явление такого же порядка.

– Что касается меня, – сказала Махит с максимальными безразличием и невозмутимостью, какие ей удалось изобразить, – то я бы вообще не хотела иметь с «Наследием» никаких дел.

– Тогда вам следовало бы вернуться в Империю, – сказал Тарац, глядя ей прямо в глаза. Наконец-то он посмотрел ей в глаза.

– Вы потратили столько времени, чтобы убедить Искандра вернуться домой, – ответила она. – И вот я здесь.

Я здесь, вы прежде этого хотели.

Искандр огорченно пробормотал: <Он хотел, чтобы вернулся я и он мог бы мною управлять>. Желудок Махит реагировал так, будто она никогда в жизни не пила столько водки, сколько выпила сейчас, реагировал неторопливой, ползучей тошнотой. Было бы неплохо, будь этот эффект и правда от выпивки.

– Ваш имаго знает меня, – сказал Тарац, словно слышал слова Искандра с такой же четкостью, как она. – Вы сказали, что повреждения, которые вы чувствовали, были не столь сильны, чтобы вы утратили ощущение непрерывности, пусть и устаревшей, – я получил от него то, что хотел благодаря вашей хорошей работе. Если бы вы остались в Империи или пришли ко мне по возвращении и у вас было бы желание снова отправиться на прежнее место, я, возможно, и дальше нашел бы вам употребление.

Ей было нужно услышать эти слова от него. Произнесенные громко в этом баре, где полно пилотов, где кто-нибудь может его услышать.

– Что вы хотели от Искандра?

Карие глаза Дарца Тараца смотрели на нее самым ледяным взглядом, какой Махит могла представить, карие, как пыль, как

ржавчина в вакууме.

– Тейкскалаан начинает войну, – сказал он. – Прямо над нами. Через наши гиперврата постоянно проходят корабли, и ни один не останавливается здесь со своими легионерами, чтобы аннексировать эту Станцию.

– Долго это не продлится, – пробормотала Ончу. – Этот бесконечный поток.

– Это продлится долго, – сказал Тарац. – У них проблемы покруче, чем мы, и это весьма бодрит.

Махит сердито, отстраненно и холодно подумала, что Тарац слишком доволен собой, слишком доволен тем, *что* помог ей сделать в Городе. Он создал эту войну между Империей и более мощной, злобной силой за Дальними гипервратами, создал, чтобы иметь точку политического давления, ось, на которой можно провернуть кризис престолонаследия и одновременно отвлечь завоевательную войну от Станции. Он сделал все это, чтобы удовлетворить свое желание вовлечь Империю в разрушительный конфликт. Задуманное удалось, и эта мысль была ему слишком приятна, чтобы портить себе настроение, допуская вероятность правоты Ончу, которая говорила, что ни одна *сила*, будь то Тейкскалаан или инородцы, не оставит идею завоевывать богатые ресурсами горнодобывающие станции.

– А как вы узнаете, не передумали ли они? – спросила она из чистой, аполитичной неприязни – если, конечно, о чем-то, выходящем сейчас из ее рта, можно сказать, что в нем отсутствует политика. Империя явно изменила не только ее язык.

– По моим расчетам, у меня будет минут тридцать, чтобы поднять пилотов по тревоге, – сказала Декакел Ончу, – когда противник начнет расстреливать наши наиболее отдаленные горнодобывающие посты.

– До возвращения к нам Дзмаре, у нас, возможно, было бы более ясное представление о том, что происходит, даже из Города, – сказал Тарац.

В этом и была загвоздка, почему он не помогал ей, почему ему все равно, если Амнардбат убьет ее или разберет на части: он больше не знал, что происходит в голове у императора. Искандр Агавн был мертв, Махит Дзмаре вернулась домой, потерпев, как он это понимал, поражение. Был ли причинен вред ее имаго или нет, какой смысл в том, чтобы демонстрировать особое к ней отношение и предлагать спасение?

– Я по-прежнему остаюсь послом в Тейкссалаане, – сказала она. Она не подала в отставку. Она взяла *отпуск*, просто длительный отпуск. Она пыталась вернуться домой.

<Ничего подобного>.

«Я знаю, знаю, но я хотела…»

Тарац пожал плечами – едва заметное усталое движение.

– Значит, остаетесь, хотя я сомневаюсь, что это продлится после вашего обследования в «Наследии».

– И тогда у вас вообще не будет глаз, никого, кто был бы знаком с новым императором и кто знает ее…

Даже ей самой собственный голос показался криком отчаяния. Но Тарац смотрел на нее, прямо в глаза, словно он она была куском молибденовой руды, чем-то, что можно поднести к свету и наблюдать отражающие грани. Она молчала. Заставила себя молчать.

– Вы правы, – сказал он наконец. – Вы к тому же довольно похожи на Искандра. Может быть, вы и есть Искандр в достаточной мере. – Еще одна пауза. Махит поймала себя на том, что ждет затаив дыхание. – Вы сделаете вот что, Махит Дзмаре: вы пойдете на запланированную встречу с Амнардбат и ее хирургами. Но там будут не ее хирурги. Хирурги будут мои.

Она затаила дыхание.

– Ваши? И что они сделают?

– Извлекут вашу имаго-машину, – сказал Дарц Тарац. – Фактически проверят ее на повреждения. И если машина пригодна к дальнейшему использованию, то установят ее в позвоночный столб нового посла в Тейкскалаане. Посла, которого выберу я и, возможно, Декакел. Какого-нибудь молодого человека, обладающего необходимыми способностями. Ваша имаго-машина определенно повреждена, Дзмаре, и самое главное, вы были выбором «Наследия». Лучше всего начать все заново.

На одно странное мгновение объективности Махит показалось, что эта идея вовсе неплоха для нее. Прийти на обследование так, будто ей нечего скрывать; позволить Тарацу взять ее имаго-машину, все воспоминания двух Искандров и одной Махит. Полностью освободить ее от ответственности, от обязанностей представителя Лсела в Тейкскалаане, от необходимости изыскивать способ полюбить Тейкскалаан, будучи при этом станциосельником, и не задыхаться от этого. Стать свободной.

«Нет никакой чертовой свободы». На сей раз это был ее голос, не Искандра. Та же тональность. Подтверждение неясности.

– А что произойдет со мной в этом гипотетическом сценарии? – спросила она.

– Близится экзамен по проверке способностей, – сказал Тарац. – Пройдите его заново. Для новой имаго-линии или для чего угодно, что вам по душе. Вы вернулись на Станцию, так будьте же станциосельником. А все, что вы сделали и запомнили,

будет навечно вписано в имаго-линию послов.

Такого рода предложения делались людям, у которых обнаруживалась несовместимость с имаго, чья гендерная идентичность была сильнее, чем они думали, а потому межгендерная совместимость памяти оказывалась невыносимой. Или людям, которые были очень близки к сети отношений, накопленных их предшественником, и они не могли понять, как ориентироваться во всем этом без эмоционального урона. Или тем, чья имаго-линия была настолько весомой и протяженной, что они не могли достаточно быстро интегрироваться и в стрессовых ситуациях ломались. Такой оказалась одна из ровесниц Махит. Инженер по гидропонике, которая получила имаго протяженностью памяти в тринадцать поколений. Она имела наивысшие оценки способностей в системном мышлении и станционной биологии, но просто разрушилась под таким гнетом. Через две недели ее лишили линии и позволили пересдать на способности через год.

Махит не знала, где та оказалась в конечном счете.

Предложение Дарца было плохим.

Она и вообразить не могла жизни без Искандра. Она не знала, насколько сильно – или слабо – они интегрированы, насколько силен ущерб повреждения; не знала, что останется от нее, если эту имаго-машину извлекут из ее черепа, как Пять Портик извлекла ту, прежнюю. Не говоря уже о несчастном, глупом парне, который получит гибрид из трех имаго – из двойной порции Искандра и одинарной того, что осталось от самой Махит, а также первого из их линии, переговорщика Тсагкел Амбак, которая существовала главным образом в виде чувства.

<Я бы утонул в нас>, – сказал какой-то из Искандров, а может быть, сразу оба – молодой и старый. Подобие общего страха, инстинкт самосохранения сущности, которой они были, все вместе.

К тому же она не доверяла Дарцу Тарацу, не верила, что он и в самом деле сделает то, что говорит. Она придет в медицинское отделение «Наследия», ляжет на операционный стол, а там в конечном счете все окажутся людьми Амнардбат. И что тогда? Тарац и Ончу – оба смотрели на нее. Она не знала, что написано на ее лице. Оно онемело, одеревенело.

– Не знаю, что сказать, – сказала она, потому что и в самом деле не знала.

– Я мог бы предложить вам место на одной из горных станций, – сказал Тарац. – Но это было бы расточительством, если только вы в области операционного и финансового анализа не

превосходите обычного дипломатического работника.

– Амнардбат отозвала бы меня, – сказала Махит, потому что так оно и случилось бы. А еще потому, что не хотела жить *человеком Тараца*, который смог сохраниться благодаря его стараниям и получил место на астероидной станции, где его не видно и не слышно. Но какой выбор у нее был?

– Да, она бы это сделала, – сказал Тарац и замолчал.

Все предложения были плохими, и если Махит отвергнет все, то останется ни с чем. Она подала знак бармену. Если заказать еще водки, может быть, у нее будет шанс подумать и она сможет предложить что-то – что-то такое, в чем разбирается только *она*, что не будет сохранено в имаго-линии…

<Предложи ему меня, – сказал Искандр. – Те пятнадцать моих лет, что я отказывал ему. Скажи ему, что нас двое – два Искандра. И что я буду говорить с ним>.

Махат открыла рот.

На пилотской палубе Станции вдруг разом заработала вся тревожная сигнализация опасного сближения.

Интерлюдия

Рассмотрим виды использования мяса.

В качестве еды: мясо, которое взрывается на наших языках, вкус крови и структура сопутствующих мясных волокон, тауриновый привкус и высокое содержание путресцина. Тело требует мяса, потому что тело и есть мясо, и мы под песни наслаждаемся не только созданием звездолетов и городов, исследованиями естественных процессов и разными версиями песен, но и простыми радостями принятия питательных веществ, энергией, вкусом.

Утилизация: некоторые тела в помете не пригодны для превращения в личности, и в конечном счете все тела стареют и прекращают существование. Но ничто созданное не теряется в пении общего *«мы»*: все тела, которые не являются личностями или перестали быть личностями, перерабатываются и снова используются, разделяются на компоненты, должным образом потребляются.

Навыки: все тела есть мясо; мясо, генетика и опыт каждого тела создают навыки. Рассматривать использование мяса таким образом есть приглашение рассматривать скорбь. Все тела стареют или получают неизлечимые повреждения и перестают быть голосом гармонии; познать потерю голоса значит познать скорбь, нужду, перейти от пения к стенаниям.

Но рассмотрение вариантов использования *этого* мяса – дело методологически сложное. Этот тип мяса существует в двух разновидностях тел, их аккуратно извлекают из звездолетов, как клешня извлекает устрицу из раковины. Два тела не дали единого «мы» одновременно, хотя и произошли из одинаковой разновидности звездолетов. Звездолетов, которые происходят из войд-дома, построенного мясом по другую сторону гиперврат, ближайших к далекому от центра земля-дому «мы».

Они не личности.

Они *мыслят языком*.

Но реагируют они так, как если бы были личностями. Все время повторяется одна и та же последовательность: но только в том, как они летают на своих звездолетах, в их понимании вектора и тяги. Во всем остальном они не личности, они не слышат пения «мы», они только пища и навык. Кроме названной закономерности. Кроме пилотирования.

По прошествии некоторого времени они уже больше не навык, они только пища. Мы, *поющие*, размышляем: не привнесет ли их вкус в нашу гармонию эту уникальную закономерность,

является ли их вкус всего лишь вкусом, и это большая загадка.

* * *

Акнел Амнардбат проводит в одиночестве больше времени, чем следовало бы, и сама об этом прекрасно знает. Ведь она в конечном счете советник «Наследия», у нее есть шесть голосов других советников «Наследия», вторящих ей за компанию по имаго-линии, а кроме этой цепочки воспоминаний она и есть «Наследие», культура, сообщество и все, что составляет станцию Лсел. Она помнит себя во времена, когда посещала любое самое глупое культурное событие, какое находила по Интранету Станции. Плохой документальный голографильм, новые виды музыки, детишки, читающие стихи в баре, выступление вокально-танцевальных ансамблей, танец в невесомости… В тот год она была покорена безимаговым реставратором, который предложил новый способ использования грибов, капсайцина и альдегидов для создания блюд, которые обеспечивали совершенно невероятный взрыв ощущений… Перед тем как стать советником, она изучила Станцию и знала ее, как собственное тело.

Теперь стало труднее, теперь она – «Наследие». Когда она приходит на какое-то событие, то это либо выражение официального одобрения, либо знак, что событие санкционировано. Она не знает, когда это началось, когда ей перестали доверять, даже когда она занималась чем-то, в чем и малейшего намека на тейкскалаанскую культурную инфильтрацию не было… ничего, что могло быть подвергнуто цензурированию…

Это не имеет значения. Теперь она – «Наследие», с ней вся станция Лсел, вся ее история и ее люди, за которыми нужно наблюдать. Она приходит в тайное сердце станции, репозиторий имаго-машин, каждый раз, когда чувствует, что ее должность уж слишком категорично запирает ее в стеклянной клетке, не отпуская домой. Все воспоминания имаго-линий станции находятся здесь, где она стоит теперь, в безопасности под ее неусыпным надзором.

Эхо, вспышка имаго-памяти, быстро подавленные эмоции: *Кроме тех, что ты повредила*.

Акнел Амнардбат редко совершает ошибки. А если совершает, то признается в этом себе и считает себя провинившейся.

То, что она сделала с Махит Дзмаре, ошибкой не было. Она правильно поступила, когда удалила имаго-линию одурманенных

Империей послов из сердца Лсела; никто не должен становиться наследником воспоминаний Искандра Агавна. Дзмаре была приемлемым конкурентом. Она была идеальной для него парой по способностям – могла бы стать еще одной такой, как он, даже без его воспоминаний. Отправка их обоих со станции было лучшим из решений.

Регулировка – ослабление – имаго-машины, которая стояла в стволовой части ее мозга, тоже было решением не из худших. Нового посла либо должно было закоротить где-нибудь, чтобы никто не смог помочь, либо полностью освободить ее от Искандра Агавна и посмотреть, чего она сможет там добиться.

<Повреждение>, – пробормотал один из голосов на ее имаго-линии, а она его проигнорировала.

Вот только Дзмаре вернулась с явно цельным имаго, и теперь Тейкскалаан приблизился к Лселу, как никогда, пожирал ресурсы Станции чревами военных кораблей при проходе через Бардзравандский сектор на пути к своей войне.

Акнел Амнарбдбат не совершает ошибок, которые отказывается признавать. Она признает и эту: ее ошибка состояла в том, что она представляла себе, будто Агавн и Дзмаре уже стали такими непохожими на других станциосельников, что никогда не захотят возвращаться домой. Она ошиблась: эта парочка отсутствовала не столь долго, чтобы у них возникло желание остаться там навсегда.

Это делает Дзмаре более опасной, чем она могла когда-либо стать, изображая посла. А теперь, когда она вернулась, вся ее имаго-линия способна распространять имперские идеи об уже реализованной колонизации на другие имаго-линии и живых станциосельников, носителей этих линий. Это делает их переносчиками инфекции, более изощренными, чем приближающийся военный корабль, но такими же опасными и ядовитыми для Лсела. Мозги людей должны оставаться свободными. Тела умирают, страдают, попадают в заключение – память остается. Во что превратится станция Лсел, если ее память будет засорена соблазнами тейкскалаанской культуры? Они и без того уже теряют немало линий – в последнее время в основном линий пилотов, которые исчезают в районе Дальних врат, убитые тем врагом, с которым сражается Тейкскалаан. «Или, – злобно и резко думает Амнардбат, – убитые самими тейкскалаанцами под ложными предлогами». Они не могут позволить, чтобы от порчи гибли и другие.

Амнардбат планирует арестовать Дзмаре, если та не придет в назначенный срок на обследование специалистами по имаго-машинам. Даже Дарц Тарац не может возразить против

законности ареста того, кто уклоняется от исполнения прямого приказа Советника. Закон вплетен во все лселские коды, в *мясо* самой культуры станции. Советник может отдавать экстренные команды, подлежащие исполнению.

А когда Дзмаре арестуют, Амнардбат будет иметь в полном распоряжении ее имаго-машину. Когда-то лселскими советниками становились капитаны и военачальники, и их слова означали смерть – или жизнь в черноте между звездами.

Может быть, им снова пора вернуть бразды правления.

Глава 5

Ряд практик, которые унизительно называют «культ гомеостата», происходят с одной планетарной системы, включающей две обитаемые планеты – Нелток и Позон и один обитаемый спутник Сеприй, и все вместе это Система Нелток. Нелтокцы называют свою наследственную религиозную практику «гомеостатическая медитация», или, на разговорном языке, «балансирование», и считают ее культурным артефактом (с сопутствующей регистрацией и защитами – см. пункт 32915-А в Регистре «Одобренных культурных артефактов» министерства). Однако Система Нелток уже восемь поколений находится в составе Тейкскалаана, и тейкскалаанцы, планетарные корни которых покоятся там же, не все являются приверженцами гомеостатической медитации. Активного приверженца этой практики можно узнать по татуировкам зелеными чернилами, которые приобретают форму фракталов на изображениях растущей плесени и молний; впрочем, есть и другие рисунки, навеянные природными явлениями…

Отрывок из «Сплетенные звездным светом: Пособие по синкретическим религиозным формам в пределах Тейкскалаана», автор Восемнадцать Дым, историк.

Приоритетное послание – ВСЕМ

ПИЛОТАМ. Движение в направлении Дальних врат в период тейкскалаанской военной активности в высшей степени не рекомендуется, и пока обычный запрет на перемещение военного транспорта приостановлен. Избегайте контакта с тейкскалаанскими кораблями. Избегайте разрешения визуально подтвердить номер, размер и вооружение лселских кораблей. Этот приказ действителен до его отмены Советником по пилотам для конкретного судна, маршрута или коммуникации – осторожность есть лучшая часть доблести – ПОДПИСАНА СОВЕТНИКОМ ПО ПИЛОТАМ (ДЕКАКЕЛ ОНЧУ)… повтор сообщения…

Приоритетное сообщение, распространяемое только на частотах, используемых пилотами в районе станции Лсел, и по Интранету пилотов.

54.1.1-19A (Тейкскалаанское летоисчисление)

В последний раз Девять Гибискус садилась за штурвал «Осколка», модель которого была на несколько поколений старше этого. Ее облачная привязка потратила чертову прорву времени на апдейт программы, а до этого даже не давала ей доступа в коллективное видение, общее для всех пилотов «Осколков». Вдобавок новая система биообратной связи, которая позволяла им реагировать как единый большой организм, была для нее абсолютно в новинку. Эта технология перекочевала во Флот из имперской полиции, а в Военное министерство – из министерства науки лет десять назад. Министр Девять Тяга – бывший министр Девять Тяга, напомнила себе Девять Гибискус – была ярым приверженцем этой технологии, потому что видела, какие перемены произошли благодаря этой технологии у Солнечных на Жемчужине Мира. «Мгновенное реагирование,

гиперкоммуникации», – сказала когда-то ей и другим офицерам бывший министр во время долгой ночи дружеского застолья. Она осуществила переработку этой технологии применительно к «Осколкам», она же разместила заказ в министерстве науки, и министр Десять Перл, к которому прилипло определение «тот, кто приносит паттерны в мир», будучи мастером алгоритмов, приспособил код к нуждам Девять Тяги. Теперь новая система была внедрена в программу взаимодействия интерфейсов «Осколков» с облачными привязками пилотов, а также в набор внешних электродов и магнитных сенсоров, встроенных в их вакуумные скафандры. Это обеспечивало искусственное ощущение коллективного местонахождения в пространстве или проприоцепцию, визуальное восприятие картинки мира в данной области и, как утверждали слухи, коллективную *боль*, коллективные инстинктивные рефлексы реагирования на опасность. В результате после введения новой системы боевые потери сократились на девять процентов, и это привело в восторг Пятую Ладонь – вооружения и исследования. Но даже если бы Девять Гибискус находилась внутри «Осколка» и на ней был специальный вакуумный костюм, она не знала бы, что делать с этой новой проприоцепцией, разве что блевануть некстати, что явно было наиболее частым побочным эффектом тренировок. Так что, возможно, лучше всего ей было держаться интерфейса «Осколка», а такую возможность ей предоставляла ее облачная привязка безо всякого взаимодействия с кораблем. Она села в свое капитанское кресло на мостике «Грузика для колеса», установила горизонтальный обзор для девяноста процентов случаев, приспособила облачную привязку к обоим глазам. Она ни в коем случае не собиралась позволять Шестнадцать Мунрайз атаковать Пелоа-2 без возможности чрезвычайно строгого наблюдения за ее действиями.

Ее люди могли в один клик отвлечь ее от взаимодействия с «Осколком», и тогда она вернется к обязанностям командующего. Но пока, поскольку ее флагманский корабль ничего не делал, только стоял на месте и получал разведсведения, она официально оставила командовать Двадцать Цикаду и заняла органы восприятия другими делами.

Она двигалась, будучи невидимой для других, вместе с пилотами «Осколков» в тени малого истребителя поддержки «Спящая цитадель» вслед за «Обожженным фрагментом фарфора» Шестнадцать Мунрайз в тишину, которая поглотила Пелоа-2. Она рассеянно спрашивала себя, не повлияет ли выход из строя системы связи на интерфейс «Осколка», и подумала, что было бы полезно это выяснить.

«Обожженный фрагмент фарфора» был красивым кораблем. Она видела через постоянно меняющие локацию системы обзора «Осколков», как он прорезает пространство, словно обсидиановый клинок, поблескивающий чернотой. Крейсер-невидимка класса «Пирокласт» – если он не был гордостью Двадцать четвертого легиона, которым командовала Шестнадцать Мунрайз, то его следовало таким сделать. Корабль, вынырнувший из-за дальней стороны карликового солнца системы Пелоа, – в этом месте находился корабль «Острие ножа», когда их перехватил инопланетный корабль с тремя кольцами, – мог показаться всего лишь темным пятном на звездном поле. Он был почти невидим. Следом за ним двигалась «Спящая Цитадель», что позволяло Шестнадцать Мунрайз занять место во главе. Конечно, она приняла командование на себя; Девять Гибискус наверняка сделала бы то же самое. После коммуникационного блэкаута никто не видел Пелоа-2. Девять Гибискус не знала толком, что ожидала увидеть. Что угодно: от почерневшей, выгоревшей раковины до яркой, здоровой колонии, подвергшейся блокаде…

Ни того, ни другого она не увидела. Пелоа-2 выглядела, как предположительно и должна была выглядеть, судя по голограммам: маленькая планета, три континента, большая силикатная пустыня в центре самого большого из них, тейкскалаанская колония на южном окончании этой пустыни. Очертания обогатительных предприятий и производств по выпуску стекла для облачных привязок напоминали глифы, введенные в ландшафт. И весь чистый кварцевый песок, белый блеск вокруг колонии, был оправой для необработанного промышленного алмаза. На видимой им части колонии стоял день, а потому невозможно было определить, есть там электричество или нет. Обычный набор спутников все еще находился на орбите, но половина из них была погружена в темноту, и на самой планете не наблюдалось никакого движения, малые корабли не поднимались и не садились на ее поверхность. И инородцев нигде не было видно.

За шумом болтовни между «Осколками» она смогла различить голос Шестнадцать Мунрайз: «Медленно опускаемся на орбиту. Это кладбище».

Девять Гибискус не имела биофидбэка, чтобы прийти в содрогание, но ее все равно трясло, и она решила, что это следствие коллективного восприятия – пилоты всех «Осколков» ощущали эту ползучую, безмолвную необычность. «Это кладбище». Шестнадцать Мунрайз не ошиблась на этот счет. Когда они приблизились, «Спящая цитадель» уже прошла мимо погруженных в темноту спутников. Они представляли собой не

более чем руины, разодранные, вскрытые, с оторванными частями. Девять Гибискус пыталась увидеть какую-то систему в этом разорении – может быть, инородцам требовался металл или сердечники реакторов, кислород, что угодно – и не смогла. Спутники просто выглядели разодранными на части. Разграбленными. Она поймала себя на мысли: «То, что в них полезного, они и хотели забрать. Оживляющую силу, то, что делало их имеющими *цель*, а не выброшенным на свалку мусором – вот что они ищут».

Она понимала, что антропоморфизирует угрозу, вкладывает смысл и причину в то, что вполне могло быть беспричинным разрушением. Эти инородцы не были людьми. Они даже варварами не были.

Снова ровный голос Шестнадцать Мунрайз, произнесенная ею команда:

– Оставаться на орбите и на связи. Я отправляю разведку на поверхность: шесть «Осколков» со «Спящей цитадели» десять с «Фарфора». Приготовиться.

Риск. Девять Гибискус могла и не рисковать. Неудивительно, что Пелоа-2 не выходила на связь: все их инструменты коммуникации были уничтожены. Если спутники превратились в кладбище, то какого рода массовые разрушения могут обнаружиться на планете под ними? Но она отдала Шестнадцать Мунрайз приказ отвоевать эту колонию, бросила ей вызов – мол, справишься ли? Так что просто окружить планету тейкскалаанскими кораблями было недостаточно. Если на планете находились граждане Тейкскалаана, то они заслуживали спасения. Заслуживали защиты и возвращения в мир. Девять Гибискус перенесла внимание на полет пилотов «Осколков», спускающихся на поверхность через выгоревшую атмосферу. Все остальное она отвела на второй план, на периферийное видение через облачную привязку, на вспышки в темноте.

Они попытались связаться с космопортом на обычный манер – запросили посадочный вектор и соответствующее место между небесными сетями. «Осколки» садились на собственных двигателях, а не как гондолы с зерном или грузовики – их приходилось ловить. Такой способ посадки должен был использоваться как рутинный. Но ничто на этой планете не было рутинным.

Пелоа-2 не отозвалась на первый вызов. Не отозвалась и на второй, и на трансляцию по всем каналам требования очистить космопорт для посадки, поскольку суда Военного министерства имели приоритет над всеми остальными. Девять Гибискус предпочла бы пропустить это сообщение, поскольку

многоканальная связь была делом слишком рискованным – даже кладбища могли посещаться тем, кто вырыл могилы. «Осколки» приземлились, где смогли, спустились через оранжево-пурпурное сияние плазмы, испытывая давление и тряску перегрузок во время торможения. Тем не менее само приземление прошло гладко: все пилоты совершали посадки и в гораздо более трудных ситуациях, в условиях радиомолчания и без векторного ориентирования – только за счет визуального выбора безопасного места для посадки.

В космопорте царили темнота и тишина – ни тейкскалаанцы, ни инородцы не вышли встречать шестнадцать кораблей. Один из приборов на инструментальных панелях «Осколков» сообщал пилоту, что температура за бортом почти пятьдесят градусов, на Пелоа-2 был летний полдень, и температура достигла границы человеческой переносимости. Девять Гибискус на мостике вдали от всего этого ощущала холодок, видя полную неподвижность, слыша полную тишину. Струйки кварцевой пыли поднимались над поверхностью, когда дул ветер, белая рябь в воздухе напоминала снежную метель.

В ее ушах раздался голос Шестнадцать Мунрайз:

– Выяснить, насколько плоха ситуация. Найти выживших, если удастся.

Такой же приказ могла бы отдать и Девять Гибискус. Какими бы ни были расхождения между ними, грело душу то, что Шестнадцать Мунрайз волновала судьба граждан Империи. Это давало надежду, что, может быть, между ними все-таки найдутся точки соприкосновения, которые позволят им скоординированно работать во время этой войны.

Она увидела, как люди выходят из «Осколков», и порадовалась, что на пилотах вакуумные костюмы с контролем температуры, а еще с обновленными интерфейсами, которые позволяют сохранить коллективное видение даже на поверхности планеты, вне зоны действия ИИ корабля, который сводит восприятие каждого в единое, общее. Она радовалась, пока пилоты не вошли внутрь здания космопорта и не увидели первые тела.

Девять Гибискус была солдатом. Она убила больше народа, чем могла сосчитать, – в условиях космического сражения их зачастую и сосчитать было невозможно, – и часть из них умирала у нее на глазах, она видела кровь, вонь дерьма и выпавших внутренностей, жертвы, приносимые ни для кого и одновременно для всех. Она носила на лбу кровь своей первой жертвы в наземном бою, пока эта кровь не засохла и не отшелушилась. Это был старый ритуал, и тогда она ощущала себя текскалаанкой

в большей мере, чем когда-либо в жизни: в двадцать лет, коронованная кровью, по колено в грязи на попытавшемся поднять восстание планетоиде…

…Но сейчас, глядя на тела, она мечтала никогда этого не видеть. Так *много* людей – в большинстве своем распоротых, умерших не чистой смертью от энергетического оружия, хотя и такие тоже встречались. Тейкскалаанцы превратились в частично почерневшие, частично расплавившиеся трупы, но по большей части распоротые, как вскрытые спутники, которые она только что видела. «Может быть, они едят крупных млекопитающих», – подумала она, и эта мысль показалась ей утешительной. Виды, которые считали людей добычей, представляли проблему, но те же эбректи поедали крупных млекопитающих, а тейкскалаанцам все равно удалось с ними поладить. Но внутренности распоротых тел не были съедены, они просто были оставлены в таком виде – и все. Их вспороли и бросили за ненадобностью. Значит, отбросы – не *еда*.

Очень легко было начать мыслить, как враги. А начав думать, как они, – испытывать к ним персональную ненависть.

Лидер группы «Осколков», базирующихся на «Спящей цитадели», сделала знак своим и группе с «Фарфора»: «Вы идите туда, мы сюда». Ее коллега из другой группы кивнул. Они побежали в темноте из соображений безопасности, полагаясь только на свое коллективное видение: если инородцы все еще находились здесь, то известие, что к ним заявились гости, было надежным способом быстро оказаться убитыми. Внимание Девять Гибискус было привлечено к группе, состоявшей из ее людей. Они знали, что она с ними, наблюдает. Она надеялась, что это приободрит их, бегущих по руинам Пелоа-2. Их капитан Флота видит происходящее так же, как и они.

Прошло несколько часов, прежде чем она начала понимать, что здесь понадобилось инородцам, кроме удовольствия разрушать ради разрушения. Несколько часов обнаружения мертвых тейкскалаанцев, группы за группой, мертвых уже несколько дней, здание за зданием, наполненные трупами. Вторгнувшиеся силы были ужасающе хороши в резне. Ей придется проверить списки – она попросит Двадцать Цикаду, он знает, как это сделать. На Пелоа-2 было около полутора тысяч колонистов, может быть, даже около двух тысяч. Крохотная колония, где располагалась знаменитая фабрика, на которой мелкозернистый песок, полный редких кристаллических добавок, превращали в подобие стекла, используемого в облачных привязках, стекла гибкого и практически неразрушимого. Пелоа-2 находилась на границе тейкскалаанской территории, здесь было слишком жарко

для большинства людей, чтобы заниматься чем-то большим, чем короткие инженерные наезды ради прибавки к их обычному жалованью в министерстве войны. Причина, по которой все эти люди были теперь мертвы, как стало ясно теперь Девять Гибискус, состояла в том, что инородцы разбирались в логистике и понимали, что делать с колонией, осваивающей единственный ресурс.

Отрезать от энергоснабжения и взять то, что она успела произвести.

Центральный производственный этаж, на котором прежде стояли высокие стеллажи, наполненные стеклом для облачных привязок в ожидании прыжка через гиперврата в сторону более густонаселенной части вселенной, был совершенно пуст. Здесь все оставалось целым, кроме мощностей для производства листов стекла. Само же стекло исчезло, словно вернулось в свое прежнее состояние – в кварцевую пыль, которую унес ветер.

Значит, они, эти враги Тейкскалаана, были голодны, и теперь известно по меньшей мере одно их желание – забрать ресурс, необходимый Империи, и не допустить продолжения работ. Они не могли знать, что были и другие планеты, которые изготавливали стекло для облачных привязок, другие пустыни с нужной смесью минералов. Впрочем, они были правы: Пелоа-2 стоила колонизации, это стало ясно, когда империя обнаружила ее и ресурс планеты, эти конкретные минеральные добавки. В войне с Тейкскалааном этот ресурс – любой ресурс – следовало сделать для империи недоступным. Изъять. В их расчетах люди, находившиеся здесь, не имели значения.

«Как, черт побери, буду я говорить с этими нелюдями, даже имея помощника из министерства информации?» – Девять Гибискус задумалась и переключилась из коллективной сети «Осколков» в нормальность «Грузика для колеса», где никто пока не стал наполовину выпотрошенным трупом.

– Заканчивайте операцию, – сказала она Шестнадцать Мунрайз по коммуникационному прибору узкополосной связи. – Возвращайте людей, обоснуйтесь на орбитальном периметре Пелоа и скажите легиону, чтобы подготовился к погребальному обряду для всей этой чертовой планеты.

* * *

Станция Лсел оказалась *маленькой*. Маленькой и очень красивой – вращающийся бриллиант в богатой звездной оправе; две спицы и плотный полукруглый фриз палуб в их середине. Три

Саргасс не могла понять, как можно жить на такой станции – словно постоянно живешь на военном корабле, на самом крупном военном корабле, когда-либо существовавшем во Вселенной, однако станция понравилась ей с первого взгляда.

Станция нравилась ей примерно до момента, когда грузовик, которому она заплатила баснословную сумму, чтобы провести на нем одиннадцать холодных часов, пришвартовался к одной из этих спиц и началась выгрузка ящиков с… О содержимом ящиков сообщали надписи на верашк-талайском, Три Саргасс не была уверена, правильно ли помнит слово «рыба» на этом языке. Замороженная рыба? Рыбный порошок? Кому было нужно столько ящиков с рыбным порошком здесь, на этой *псевдопланете*, сотворенной из металла? Она выгрузилась вместе с ящиками все еще в комбинезоне, приобретенном на Эскер-1. Не успела она выйти из грузовика, как высокий варвар схватил ее, прижал к стене и потребовал информацию. Говорил он при этом на очень силлабическом и непроизносимом языке Махит. Три Саргасс не понимала, о какой информации идет речь, к тому же стена была металлической и больно давила ей на спину, а инженер грузовика ограничивалась лишь тем, что стояла бесполезным столбом неподалеку и всей своей позой выражала одно: «Я же вас предупреждала».

Может быть, ей стоило облачиться в одеяния специального уполномоченного.

– Я уполномоченный Три Саргасс из министерства информации Тейкскалаана, – громко сказала она на своем языке, – и вы совершаете преступление, ведя себя так против неприкосновенного представителя. Отпустите меня.

Варвар явно понимал по-тейкскалаански. Он отпустил ее и нажал какую-то кнопку на плоском экране, заменявшем ему облачную привязку, после чего раздался довольно громкий звук тревоги. Резкий, из трех повторяющихся нот, словно начало песни в клубе любителей нойзкора Беллтауна Шесть.

– Вы кто? – спросила инженер грузовика.

Три Саргасс помахала руками у своих ушей, давая понять: «Я вас не слышу, кто-то включил тревогу, к тому же этот вопрос ужасен с учетом всех обстоятельств».

– Это что я такое доставил сюда? – спросил капитан грузовика, и вопрос прозвучал оскорбительно. Три Саргасс была персоной, а не «что». Она пожала плечами. Улыбнулась, с широко раскрытыми по-тейксалаански глазами. Убедилась, что ее багаж при ней. Варвар, схвативший ее, сказал на вполне приемлемом тейкскалаанском:

– Не двигайтесь. – Она и не двигалась.

Ее душа ушла в пятки. Если звук тревоги будет продолжаться еще долго, то она испугается по-настоящему. Если ее поместят в тюрьму на станции Лсел, это будет воспрепятствованием исполнению ее миссии, не говоря уже о том, что она никогда не была в тюрьме, если не считать нескольких жутких часов в министерстве во время восстания. Она вообще не должна была прилетать сюда…

В другом конце ангара возникло движение. Варвар, включивший сигнал тревоги, вызвал этим сигналом еще нескольких варваров – важных персон, если судить по вниманию, с каким их появление было воспринято станциосельниками, разгружавшими грузовик и другие только что прибывшие корабли. Три Саргасс почувствовала атмосферу, возникшую в ангаре; хотя она и была напугана, хотя сигнал тревоги звучал так громко, ее подготовка не отказала даже здесь, за пределами Империи, среди незнакомых людей. Один из новопришедших поднял руку, и сигнал тревоги прекратился.

Три Саргасс резко выдохнула в тишину. Зажмурила глаза на долю секунды, сжала веки, пока не увидела фосфены[7], а потом распрямила плечи. Подумала: «Ну вот, пришло время поговорить о том, как мне попасть к Махит Дзмаре, даже если для того чтобы пробраться через этих станциосельников, мне придется скрутить язык спиралью». Она открыла глаза.

И увидела, что Махит стоит перед ней, а рядом с ней старик и средних лет женщина, похожая на коршуна.

Выглядела Махит ужасно, но вместе с тем казалась отдохнувшей. Она была, как всегда, высокая, расслабленная и светло-оливковая, с теми же кудрявыми волосами – они теперь отросли, ниспадали щупальцами ей на шею, обрамляли лицо, касались скул, делали их еще заостреннее – острыми, как ее нос. Она больше не производила впечатление человека, которого можно легко сбить с ног, страдающего бессонницей и потрясенного. Нет, она выглядела удивленной, рассерженной и немного измученной тошнотой. «Моя варварка», – с нежностью подумала Три Саргасс, что было совершенно неуместно.

– Привет, – сказала она и снова попыталась улыбнуться, как станциосельник.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Махит, и ей было приятно услышать слова на ее родном языке, произнесенные с таким изяществом. – Три Саргасс, у меня создалось впечатление, что ты служила замминистра и в твои привычки не входила роль контрабанды, перевозимой на грузовике…

– Вы ее знаете, – сказала похожая на коршуна женщина, и ее слова, казалось, прозвучали обвинительно. Конечно, Махит

наверняка оказалась внутри очередного политического скандала – она просто притягивала их. Три Саргасс это прекрасно знала на собственном опыте.

– Это асекрета Три Саргасс, – начала Махит, и Три Саргасс почувствовала полное, особенное удовольствие оттого, что ее представили. Они словно поменялись ролями, координатор по делам культуры и варвар, ведь теперь она находилась на планете Махит – то есть *станции*. – Патриций первого класса, третий заместитель тейкскалаанского министра информации. Мой прежний координатор по делам культуры.

– Самая интересная работа из всех, что у меня были, – добавила Три Саргасс, думая: «Кроме разве что той, что я делаю в данный момент». Она наклонилась над кончиками пальцев перед этими странными варварами. – Я буду вам признательна, Махит, если вы будете настолько добры, что представите мне ваших… спутников.

Дипломатия была прекрасным убежищем. Ей сопутствовали ритуалы, и ни один из них не подразумевал ареста. Обычно.

Выражение Махит сменилось с немного болезненного на смесь разочарования и удовольствия. Она была так выразительна! Остальные станциосельники, казалось, не отставали от нее в этом смысле: двое, с которыми пришла Махит, судя по их виду, явно что-то замышляли, были настороженными и внимательными. Не столько недовольными, сколько готовыми к любым поворотам.

– Вам оказано высокое почтение, Три Саргасс; эти двое – члены нашего управляющего Совета. Дарц Тарац, советник по шахтерам, – она выкинула руку в сторону худосочного старика справа от нее. – И Декакел Ончу, советник по пилотам. Я полагаю, вы – ее проблема, поскольку вы находитесь в ее гараже. Незаконно находитесь.

Три Саргасс самым извиняющимся голосом спросила:

– Советники, вы понимаете по-тейкскалаански?

Ей точно нужно надлежащим образом освоить язык станциосельников, чтобы знать больше пары слов, и неважно, что в языке Махит есть шумы, противные цивилизованному речевому аппарату.

Коршунолицая женщина Ончу кивнула. Один раз. Она пока не произнесла ни слова – в этом не было нужды; все в ней требовало, чтобы Три Саргасс скорейшим образом оправдалась или была выброшена в ближайший воздушный шлюз, два из которых были видны прямо из ангара.

– Приношу глубочайшие извинения за столь неприемлемый метод моего прибытия, – продолжила Три Саргасс, – но мне было необходимо попасть на станцию Лсел как можно скорее. Я не

нашла никакой возможности превзойти досветовые скорости, кроме как воспользовавшись Анхаметатскими вратами, а не обычным способом. Я прекрасно понимаю, что, возможно, нарушила договоры между двумя нашими народами, не сообщив о моем намерении, но поверьте мне, я прибыла сюда не втайне и не в целях, которые могут еще больше нарушить взаимопонимание между нами. В этом нет злого умысла.

Брови советника Ончу были не менее выразительны, чем все остальное в ней. Брови взметнулись чуть ли не к месту, где должна была проходить линия волос, если бы советник не брила голову наголо.

– Зачем вы тогда здесь? – спросила она. Ее тейкскалаанский был более чем приемлемым. – Что требует таких сумасшедших скоростей? Почему нас не поставили в известность о ситуации, которая вынудит вас выбрать такой метод попадания на нашу территорию, замминистра?

Многое оказывалось проще, когда она была всего лишь асекретой. Люди почему-то ожидают, что у замминистра есть подчиненные, возможность передавать сообщения ускоренной почтой и, вероятно, извещать о своих планах межсистемных перелетов заранее.

– Мне нужно, – сказала Три Саргасс, решив, что ясность – одна из сторон отваги, – позаимствовать у вас посла. – Она показала на Махит, которая вперилась в нее неподвижным взглядом на тейкскалаанский манер. – Она ведь до сих пор посол, верно?

* * *

Закрывая дверь спальни, Восемь Антидот мог притвориться, что остался наедине с самим собой. Но он знал, что до уединения далеко: в его спальне размещались два глаза-камеры, и ему было известно об их существовании. Еще один глаз находился в ванной и благородно смотрел в сторону окна, а не на душевую или унитаз. Эта камера берегла его от непрошеных гостей, которые могли похитить наследника императора, а не подглядывала, как он принимает душ, стоя спиной к окну, гениталиями в сторону угла душевой кабинки. Тем не менее, когда он закрывал дверь, возникало ощущение одиночества.

Восемь Антидот попросил голопроектор показать эпизод из «Рассвета с надвигающимися тучами». Это была многосерийная драма с совершенно немыслимым бюджетом на костюмы и декорациями, воздвигнутыми отчасти на реальном

историческом боевом корабле, музейном экспонате, построенном четыре столетия назад. Министерство войны дало специальное разрешение использовать корабль во время съемок. Эпизод, который смотрел Восемь Антидот, был из пятого сезона, а общее число сезонов составляло шесть. Пятый сезон назывался «Солнечный свет растворяет щупальца тумана» и был частью истории, в которой император Два Солнцепек начала кампанию отчуждения легионерского корабля узурпатора, которая продлилась год. Это произошло после первичного контакта с эбректи и возвращения через те самые врата, через которые она спасалась бегством, но только для того, чтобы на другой стороне опять столкнуться со своим прежним эзуазуакатом, несостоявшимся узурпатором Одиннадцать Тучей. Это была любимая серия Восемь Антидота, вернее сказать, была любимой до всей этой истории с восстанием и узурпацией в прошлом году. Теперь смотреть эту серию ему было тяжелее, но она его заводила, возбуждала и интересовала. И немного пугала.

Во всяком случае, так он чувствовал после разговора с императором о Девять Гибискус на Каураане и новой войне.

Одиннадцать Туча, то есть актриса, игравшая ее, почти уговорила своих капитанов подтвердить клятву верности и признание ее императором. Это, конечно, означало, что она не может взять и сдаться Два Солнцепек, хотя они выросли вместе и любили друг друга. Эпизод был весьма драматичным, с флешбэками, в которых Одиннадцать Туча и Два Солнцепек лежали вместе в постели во Дворце-Земля, до того как отношения между ними испортились. Сексом они занимались довольно театрально. Восемь Антидот знал, что дети его возраста не должны смотреть фильмы вроде «Рассвета с надвигающимися тучами», а потому существовала иная версия истории Два Солнцепек и Одиннадцать Тучи, без секса и без крови. Она называлась «Стеклянный ключ» и имела соответствующую маркировку, разрешавшую просмотр детям, но сценарий там был ужасный.

Кроме того, Восемь Антидот не имел никаких ограничений по доступу к медиа. Он не раз видел, как люди занимаются сексом на голопроекционных роликах. Это казалось ему делом грязным, к тому же оно вынуждало совершать потом всякие глупости.

Но, вероятно, яотлек Девять Гибискус увязла в безнадежной войне не по причине секса. Восемь Антидоту казалось, что это в большей мере имеет отношение к политике – политикой занимались все, а вот сексом лишь немногие. Он продолжал обдумывать слова императора о том, что Девять Гибискус может оказаться слишком хорошей, чтобы остаться живой. Это было так

непохоже на мысли, которые внушал ему Одиннадцать Лавр – что есть нечто очень опасное в ней и в преданности ей людей, а потому лучше бы ей благородно умереть.

Если она умрет благородно, с ней не случится ничего похожего на то, что случилось с Одиннадцать Тучей, а через нее и с тейкскалаанцами. Преданные ей легионы не смогут убедить Девять Гибискус стать императором, если убеждать будет некого.

Но ему это представлялось ужасным транжирством – позволить кому-то, кто может одержать победу над Каураном, умереть, чтобы предотвратить *возможное* нежелательное развитие событий. Не все оставалось таким, как четыре столетия назад. Девятнадцать Тесло даже толком не знала Девять Гибискус. Восемь Антидот полагал, что они вряд ли встречались лично более одного раза.

Не все походило на голодраму. Даже если голодрама представляла собой визуализацию романа, который был версией эпической поэмы, все еще исполняемой на концертах во дворце. Что-то было новым, а еще *недавним*. Как, например, прошлый яотлек Один Молния и его преданные легионы, а также смерть предка-императора Восемь Антидота. Может быть, в этом заключалась часть сути. Не позволять никому из приближенных, кто достаточно долго находился рядом с императором, любил его и хорошо знал, как Один Молния, допускать мысль, что императором может стать он, а не Девятнадцать Тесло.

Или он. Ему не хотелось думать об этом.

Иногда, если он чувствовал себя по-настоящему ужасно и одновременно заинтересованно, когда его донимали тошнота и досада, он обращался к сводкам новостей в день беспорядков, смотрел на изображения умирающего Шесть Пути. Он все время задавался вопросом, будет ли он выглядеть так же, когда состарится, когда будет умирать. Будет ли на его лице точно такое выражение. Вероятно. Все равно что увидеть будущее.

В следующий раз, когда он пойдет к Одиннадцать Лавру, решил Восемь Антидот, он непременно узнает, как *на самом деле* идет война.

* * *

Это место было не худшим из тех, где Три Саргасс приходилось сидеть вместе с Махит. Пожалуй, худшим местом был бункер под дворцом, где они смотрели, как Шесть Путь умирает в прямом эфире. А может, и нет, ведь тогда все закончилось поцелуями. Даже с учетом того, что Три Саргасс

в любой момент была готова расплакаться и почти наверняка испортила этим момент. Это случилось всего один раз. Если Махит не станет упоминать об этом поцелуе, она точно тоже не будет.

Махит пока ничего толком не сказала. Только вытащила ее из ужаса в виде лселской таможни и цепкой хватки не одного, а сразу двух государственных чиновников, когда Три Саргасс вышла из себя и потребовала, чтобы Махит пошла с ней. На данный момент получалось, что не Махит пошла с ней, а она с Махит. Они прошли по ангару, выбрались на палубу – здесь было столько станциосельников, просто очаровательно, и большинство демонстративно ее игнорировало, – и Махит безошибочно провела ее по лабиринту коридоров в крохотную комнату. Капсула висела на опорах, как стручок размером с двух человек, единственное, что могло вырасти в металлическом мире этой станции – с изогнутыми стенами и соответственно изогнутыми кроватями внутри. Махит воспользовалась инфопэдом, и нужная капсула спустилась из ряда таких же совершенно одинаковых, открываясь для них. Три Саргасс посмотрела через плечо на Махит, когда та опускала капсулу, и подумала, что состоявшаяся транзакция была финансовой. Они стояли почти вплотную, одна подле другой. Три Саргасс была привычна к этому со времени жизни в Городе – по крайней мере, тогда была привычна, а вернуться к старой привычке не составляло труда. Стоять у левого плеча Махит так, словно это ее законное место.

– Ты арендуешь жилье на станции? – весело спросила она, когда они оказались внутри. Кушетки были светлого серо-голубого оттенка, по одной у каждой стены. Между ними стоял стол. Три Саргас опустила на него локти – холодный металл – и пожалела, что на ней не форменный жакет министерства информации. Эти жакеты так и лежали в багаже.

– Они эффективны, – ответила Махит, – и многофункциональны. И потом, я не могу увести тебя с этой палубы. На самом деле тебя здесь нет.

– На самом деле я прилетела встретиться с тобой.

Махит смотрела на нее несколько мгновений, достаточно долго, чтобы у Три Саргасс возникло желание отвернуться. Но она не отвернулась, раскрыла пошире глаза, положила подбородок на руки и заставила себя ждать.

Наконец Махит сказала:

– Ты по собственной инициативе прилетела? Или тебя прислала Девятнадцать Тесло?

Ее варварка всегда задавала умные вопросы.

– Это *я*, – сказала Три Саргасс. – По правде говоря, я вообще не должна здесь находиться. Но станция на пути к месту, куда я направляюсь, и я в самом деле заглянула сюда ради тебя. Ее Великолепие… насколько я понимаю, она прекрасно знает, где я в итоге оказалась, но это была *моя* идея.

– Она знает, где в итоге оказывается большинство людей, – сказала Махит.

– Она император, – согласилась Три Саргасс. – А кроме того, она – это *она*. Должна тебе сказать, она прислала Пять Агат, чтобы морочить мне голову в баре космопорта перед посадкой. Я не согласовывала никакого единого плана путешествия с Городом, но она, тем не менее, нашла меня.

– Узнаю Пять Агат. Пытаюсь представить ее в баре космопорта.

– Она хотела, чтобы я принесла клятву на крови в том, что меня не подкупил кто-то из замминистров министерства войны, и вела себя так, будто это в порядке вещей, ну, типа, обычное дело.

Махит протянула руку над столом и прикоснулась кончиками пальцев к коже над правым локтем Три Саргасс. Теплыми кончиками пальцев.

– Травинка, – сказала она, и Три Саргасс показалось, что шип вонзился ей в горло, никто больше не называл ее так, да и Махит не делала этого прежде, но *ах*. Ах… – Травинка, ты попала в какую-то плохую историю и пришлось бежать?

Хотелось бы ей, чтобы дела обстояли так. Тогда следующая часть этой истории рассказывала бы, как агент империи и варвар похитили малый истребитель и вместе переправились через ближайшие гиперврата в черноту. Ей всегда нравились поэмы такого рода, хотя конец у них почти неизбежно был трагическим.

Она своей рукой накрыла руку Махит.

– Нет. У меня все в порядке. Я даже не знаю замминистра Одиннадцать Лавра. Просто я должна направляться на войну, только и всего. И разговаривать с инородцами. Полетели вместе? Из тех, кого я знаю, ты лучше всех умеешь разговаривать с инородцами.

– Это потому что вы, тейкскалаанцы, считаете инородцем *меня*, – очень осторожно сказала Махит. Три Саргасс не думала, что ее поведение требует от собеседника осторожности – тем более от Махит Дзмаре. Впрочем, она не могла быть уверена, Махит все время удивляла ее. Именно по этой причине Три Саргасс и хотела взять ее на войну.

– Ты всего лишь *почти* инородец, – твердо сказала она Махит. – Не хочешь познакомиться с настоящими? Попытаться

понять их раньше, чем министерство войны успеет их прикончить?

Махит не ответила на ее вопрос, не сказала «да» и даже «нет» не сказала.

– Сначала объясни, почему тебя отправили на войну. И в таком одеянии.

Хорошо еще, что не выдернула руку из-под руки Три Саргасс.

– Это очень дорогой комбинезон, – сказала она.

– Так ты *под прикрытием*?

– В настоящий момент нет.

Махит рассмеялась, и Три Саргасс поймала себя на том, что, глядя на нее, ухмыляется. Вот, вот чего ей не хватало. Этой головокружительной смены событий, уморительных и нелепых вопросов, которые, тем не менее, нужно было задать. В министерском офисе такого бы точно никогда не было.

– Мне просто нужно попасть туда как можно скорее, – объяснила она. – Поэтому я и выбрала другие гиперврата. Несколько остановок, что я сделала по пути, прошли без осложнений, потому что я была не я – на короткое время. Но ты должна увидеть мои одеяния специального уполномоченного. Я могла бы и для тебя заказать, если бы ты не была такой высокой.

Три Саргасс замолчала. Сжала руку Махит, прекрасно понимая, что пускает разговор в нужное ей русло, предлагает и соблазняет, манипулирует, хотя едва ли стоит так делать по отношению к тому, кому хочешь доверять и от кого ждешь того же. Но помимо всего прочего она хотела, чтобы Махит ответила согласием. Ей была нужна Махит – ради нее она и проделала этот путь.

– Нет, серьезно. Хочешь снова стать послом и специальным правительственным агентом, приписанным к Десятому легиону и в штате министерства информации? – спросила она.

– Ты попала в переделку, верно? – сказала Махит. – Или Империя? Это плохая война.

– Насколько широко на Лселе трактуется понятие «переделка»? – спросила Три Саргасс.

Она не произнесла этих слов, но они, конечно, висели в воздухе. *Да, это плохая война. Мы не знаем природы нашего врага, мы потеряли несколько горнодобывающих колоний, ты сама сообщила нам, что ситуация значительно ухудшится, если мы позволим этим всепожирающим инородцам продвинуться еще дальше на нашу территорию. Понадобился бы Флоту из кучи боевых кораблей дипломат, не будь эта война плохой?*

Половину рта Махит перекосила гримаса, близкая

к выражению смеха, только подавленного.

– Не слишком широко, – сказала она, и на мгновение Три Саргасс показалось, что с ней говорит не Махит, а *кто-то другой*. Во всяком случае, не та Махит, которую она помнила. Три Саргасс хотелось спросить, почему она пришла в окружении высоких правительственных чиновников. Хотя это в духе Махит. Если Три Саргасс хоть немного знает ее, Махит наверняка погрязла по самые уши в грязной и опасной политике и занята этим все свободное время.

На самом деле они были вместе в Городе чуть более недели. Неделя – недостаточный срок, чтобы узнать человека. Но та неделя казалась длиннее других. Такое обычно случается в поворотные моменты. До той недели Три Саргасс была молодым честолюбивым агентом министерства информации и имела привычку проводить вечера в придворных поэтических салонах, в компании ее лучшего друга в Городе, которого она знала со времени их учебы кадетами. А потом наступило «после», когда Три Саргасс стала третьим заместителем министра информации, ее друг умер, а она совсем перестала писать стихи и, конечно, ничего не читала при дворе уже два с лишним месяца.

– Ты попала в передрягу? – спросила она Махит.

– А когда я в них не попадала? – ответила та и со вздохом откинулась назад, отпустив запястье Три Саргасс. По ощущениям это было сродни чрезмерному увеличению расстояния между электродами – при таком искра не проходит.

– По-видимому, ты была примерной ученицей, – сказала Три Саргасс.

– Ну да, – согласилась Махит. – Если я не попадала в передряги, то лишь в короткие промежутки времени, например, когда сидела взаперти в экзаменационном зале.

– А теперь?

– Вообще-то я бы вернулась в Город, – сказала Махит после мучительной паузы. – Я думаю, что улетела бы отсюда. Когда поняла бы, что время пришло.

Три Саргасс ждала. Она подумала, что Махит уже приняла решение, но будет лучше, если Три Саргасс не станет ее торопить – пусть уж она сама придет к тому решению, которое сможет выразить словесно. Она и без того уже надавила на Махит, и та может не простить ей этого, припомнить позднее, если это плохо для них закончится, и *особенно* если закончится хорошо. Разве она не убежала, когда Город и тейкскалаанцы наконец-то оставили попытки ее убить и, казалось, поняли, сколько пользы может принести посол Лсела, будь она хоть сто раз варвар? Она вполне может поступить так снова: добиться

успеха, а потом стереть свое имя из тейкскалаанской памяти и истории, превратиться в призрака, сосланного в собственный дом.

Махит закрыла глаза, крепко сжала веки. Она прижала кончики пальцев к морщинкам, которые собрались на ее лбу, к этим парным признакам волнения.

– Тебе придется перевести это в строго официальную плоскость, – сказала она голосом, приглушенным собственной ладонью. – Типа «министерство информации по распоряжению Ее Великолепия императора требует». *Блеск Ножа через уполномоченного Три Саргасс требует немедленного присутствия посла Махит Дзмаре на Флагманском-Корабле-Того-Легиона-Который Будет Назван.*

Она имела до раздражения точное представление о грамматических особенностях тейкскалаанского официоза. Несправедливо было считать ее варваром – она стала блестящим агентом министерства информации.

– И пока ты занимаешься этими делами, – продолжила Махит, – очень тебя прошу: не нарушай больше нашего таможенного законодательства. Найди способ присутствовать на станции легально. Мне бы не хотелось, чтобы у Советника Ончу нашлись новые причины ненавидеть меня, кроме обычных.

Три Саргасс хотелось узнать, какими были обычные причины, но она решила, что с этим лучше повременить. У нее будет три месяца командировки и нахождения в театре военных действий. Достаточно, чтобы познакомиться с кем угодно и выведать все их тайны. Даже если речь идет о Махит Дзмаре.

* * *

– Империя будет помнить имена колонистов, работавших на Пелоа-2, как тейкскалаанцев, погибших на поле боя, – сказал Двадцать Цикада солдатам, стоявшим строем в самом большом ангаре «Грузика для колеса», единственном пространстве на корабле, способном вместить весь персонал, не несущий боевого дежурства. – Ваше участие в этом похоронном ритуале тому гарантия. Убитые на Пелоа-2 останутся в вашей памяти, вы напишете их имена на оружии, которым отомстите за их смерть. Кровь, которую они пролили, впитает не земля их планет, а Империя, которая вскормила их и вскармливает вас.

Его слова не были обычной траурной речью. Они и не могли быть обычными по многим причинам: одновременные похороны такого большого числа умерших можно было провести по

сценарию, разработанному Тейкскалааном для увековечивания погибших в космосе или для жертв эпидемий. Девять Гибискус была рада, что Двадцать Цикада выбрал вариант речи, в котором говорилось *«эти граждане умерли в черноте между звездами, но мы отомстим за их жертву крови из войда»*, а не *«мир потерял точку опоры и болезнь щадяще облегчает нашу скорбь и их жизни»*. Они не сошлись во мнении по поводу этих вариантов. Он привел тревожно убедительный аргумент, сказав, что выпотрошенные тела – это умершие вследствие эпидемической болезни, которую являли собой инородцы, болезни, которая убивала без всякого смысла, как вирус, который так быстро убивает своего хозяина, что убивает при этом и себя.

Девять Гибискус не хотела, чтобы идеи такого рода распространялись среди солдат, несмотря на то что Двадцать Цикада обычно оказывался прав относительно того, как работают системы, в особенности биологические. Легион испуганных гермофобов гарантированно будет деморализован перед прямым столкновением с врагом, столкновением, которое происходит лицом к лицу – к жвалам, к чему бы то ни было, – с ужасом, которым оказывается враг. Но она не хотела иметь и группу чрезмерно ретивых офицеров, мечущих во все стороны пламя огнеметов и устраивающих ковровое бомбометание биохимическими санитарными бомбами. На следующей планете, которую они собирались вернуть, могли остаться выжившие. Она не была готова отказаться от такой вероятности. *Пока* не была.

Агент из министерства информации не сможет добраться сюда достаточно быстро, полагала она. Если она и сможет общаться с этими существами, то это должно случиться в самом ближайшем будущем. Пока у нее остается хоть малейшее желание *говорить* с ними. Война на уничтожение с этими инородцами может привести к огромным потерям со стороны Тейкскалаана, к потерям, превышающим те, на которые она была готова пойти, даже если первая их часть будет из другого легиона, а не того, который был под ее непосредственным командованием. Но и те, другие, все равно *ее* люди – люди, которые последовали за ней на эту мрачную окраину. Они заслуживают лучшей доли, чем пушечное мясо, перемолотое оружием во имя того, чтобы сломать хребет войны. Так что ей приходилось думать, есть ли на той стороне что-то, с чем можно вести переговоры, нечто соразмерное с тем, что обнаружилось на Пелоа-2 и, возможно, в других темных системах этого сектора.

– Из бесплодной земли произрастут новые цветы, – сказал Двадцать Цикада уверенным и мечтательно мягким голосом, и это искушение было слышно во всех уголках ангара, оно

повторялось эхом в каждой облачной привязке, в потолочных громкоговорителях, в громкоговорителях, встроенных в пол, в костепроводной связи. Голос капитана мог звучать в черепной коробке каждого из присутствующих солдат и восприниматься коллективно – или это мог быть голос *адъютанта*, если чей-то адъютант решил бы стать великим оратором, не пожелав выбрать путь солдата и имея неортодоксальные религиозные убеждения. – Это будут цветы, добытые тяжкой ценой, – ваши руки защитили их нежные лепестки, а паразиты были отбиты, зажарены лучами энергетического оружия.

Слова о паразитах определенно отражали отношение Двадцать Цикады к этой эпидемии, к гомеостату и балансу. Пусть остальная часть речи и была обычным духоподъемным предисловием к коллективному траурному ритуалу – все эти солдаты в конце часа будут прокалывать кожу на пальце над кровечашей, содержимое которой она сможет вылить на пол пустой фабрики на Пелоа-2 в виде обещания. Девять Гибискус сделает это сама, сделает лучше, чем Шестнадцать Мунрайз, – Флот должен вести в бой яотлек. Но вне зависимости от ритуала слова о паразитах явно происходили из собственной философии и религиозных убеждений Двадцать Цикады.

Девять Гибискус доверяла ему более чем кому-либо иному во всей галактике, но до сих пор не могла понять, почему он не принял традиционную тейкскалаанскую религию, не проводил время в храме солнца и не пускал себе кровь на удачу. Он остался верен религии своей планеты, хотя его планета уже несколько поколений как входила в состав империи. Ее икантлос-прайм постился и брил голову, в его персональной каюте была тысяча зеленых растений, и логистический поток корабля, а также легиона и Флота его стараниями всегда сохранялся в идеальном систематическом балансе. Религия человека была сугубо его личным делом – так всегда считала Девять Гибискус, но…

Паразиты.

Вероятно, это не имело значения. Большинство из этих солдат действовали вне зависимости от предпочтений. Они не видели Пелоа-2, не видели, как инопланетный корабль сожрал их товарища, такого же, как они, пилота «Осколка». А вот те, кто разделил ее смерть, прочувствовал с ней вместе, вплоть до последней милосердной огненной вспышки, – они бы поняли. Она спрашивала себя, какое впечатление произвела на них речь Двадцать Цикады. Пилоты «Осколков» благодаря новой технологии стали еще ближе друг к другу, чем были, когда она принадлежала к их числу, – а они и тогда были близкими людьми. Это была близость людей, готовых умереть вместе

в звездном пламени, для них это было так же естественно, как дышать.

Ритуал почти закончился. Двадцать Цикада дошел до части, которую знали все: погребальное стихотворение в стиле панегирика, завершавшее почти все похороны со времен императора Двенадцать Солнечной Вспышки. Это стихотворение написали для ее умершего эзуазуаката Два Амарант.

– В каждом семени таится цветение химического огня, – начал Двадцать Цикада, а когда закончил все слоги строки, половина солдат повторяли за ним. Хор голосов, вызвавший щемящую боль у Девять Гибискус, которая так любила эти строки, любила их все, любила голодного и умного *зверя*, совместно сотворенного ими. Они были ее когтями, легкими и глазами, она же была их руководящим разумом.

– Все, кто был на Пелоа-2, преданы земле, – сказал Двадцать Цикада, съедая слог названия, чтобы попасть в размер, – и они взойдут тысячью цветов…

– Количество цветов сравнится с числом дыханий, сделанных ими в жизни, – сказала Девять Гибискус, присоединяясь к Двадцать Цикаде. Сколько раз произносила она эти слова? Сколько жизней она увековечила таким образом?..

Хватит. Хватит чувствовать себя древней старухой, когда она стоит здесь, а солдаты смотрят на нее на мостике, хватит чувствовать боязнь не оправдать их ожидания.

– И мы будем помнить их имена.

Все солдаты вместе:

– Их имена и имена их предков!

– И во имя их имен люди, собравшиеся здесь, тоже позволят крови расцвести на ладонях, – откликнулся Двадцать Цикада, и солдаты с медными чашами и жертвенными ножами из углеродистой стали начали передавать инструменты из рук в руки тех, кто стоял в их ряду. – И передаст этот химический огонь еще и в землю, чтобы соединиться с ними…

Чаша и нож подошли к Девять Гибискус слева. Она вскрыла себе основание ладони прямо по шраму, оставшемуся от прошлого раза, когда она отдавала похоронную кровь после Каураана. Заживало у нее быстро. Хороший навык для капитана Флота.

А для яотлека вообще отличный.

Глава 6

…проблема – одна из проблем – с чиновниками Третьей Ладони состоит в том, что они настолько ненавидят министерство информации, что даже заметают следы в публичных сетях. Замминистра Одиннадцать Лавр был хорошим солдатом, но когда я в последний раз сражалась с ним бок о бок, мы оба были на двадцать лет моложе. Теперь же он замуровался в министерстве войны на срок, который уже превосходит время моего пребывания в Городе. Это делает его институционной памятью, в особенности теперь, когда я перевела на новое место Девять Тягу. Вы знаете параметры, Пять Агат – сделайте для меня досье, прежде чем он закончит воспитание наследника Шесть Пути и решит, что сам хочет стать министром войны. Сделаете?

Коммуникация по частной облачной привязке Ее Великолепия

Девятнадцать Тесло, Всетейкскалаанского императора, адресовано эзуазуакату

Пять Агат, без даты, зашифровано

ГОЛОПРОЕКТОРНОЕ ШОУ! ТРЕТЬЯ СМЕНА ДО ПЯТОЙ НА ПАЛУБЕ ПАРАБОЛИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ И СИНХРОННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ДЛЯ

ЛЮБОГО, КТО НАХОДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ НАСТРОЙКИ! ПОКАЗ ПОСЛЕДНИХ ЭПИЗОДОВ «УТОПЛЕНИЯ АСФОДЕЛИ» (ДА, НОВЫЕ! ПЯТЫЙ СЕЗОН! МЫ НЕ ШУТИЛИ! НЕ СПРАШИВАЙТЕ, ГДЕ МЫ ИХ ДОСТАЛИ!)

СПАСИБО СЛАВНОМУ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМУ ЛЕГИОНУ ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВЛЕКАТЬСЯ, ПОКА МЫ ВСЕ ЖДЕМ, ЗАСУНУВ БОЛЬШИЕ ПАЛЬЦЫ СЕБЕ В ЗАДНИЦЫ

Информационный бюллетень, отправленный на все палубы «Параболической Компрессии» и других кораблей Флота в Шестой, Двадцать четвертый и Сороковой легионы

Снабженческий тейкскалаанский корабль «Жасминовая глотка» класса «Помощник» начал путь из пространства Тейкскалаана за три недели до отлета Три Саргасс. Он загрузился, направляясь на войну, отбыл с трюмом, полным мяса, подвергшегося мгновенной просушке, с энергетическими шокерами разных размеров в качестве ручного оружия и пушками для «Осколков», с абрикосами, тыквенными цветками для регидратации или чтобы пожевать в сухом виде во время проведения длительных операций, а также со многими галлонами плазменных жидких взвесей медицинского назначения. Стандартное дополнение к *«мы не знаем, какой будет война, но вам, вероятно, нужно будет есть, убивать и латать раненых»*. Корабль «Жасмновая глотка» заполнил маршрутный лист и получил транзитную визу на сектор пространства, где находилась станция Лсел, и миновал станцию по расписанию, направляясь к Анхамематским вратам и скверным пространствам за ними.

Три Саргасс, как только осталась одна на время, достаточное, чтобы переодеться, сняла комбинезон, извлекла из багажа одеяния специального уполномоченного, облачилась в них, испытывая значительное облегчение, и, как только корабль «Жасминовая глотка» оказался в зоне слышимости, окликнула

его.

Капитаном грузовика был иксланатль Шесть Капсаицин, который если и удивился, то совсем не в той мере, в какой, по предположению Три Саргасс, должен был. Его же окликнул специальный уполномоченный министерства информации и просил подобрать его – на местной горнодобывающей станции, которая не входит в состав империи, а является стопроцентно независимой республикой, чей статус гарантирован Тейкскалааном. Наверно, с ним регулярно случались вещи и более странные, раз он, будучи капитаном, сумел дослужиться до звания иксланатля – это означало, что он не только сумел получить квалификацию капитана военного корабля снабжения, но и написал научную работу. У такого человека всяко был опыт куда более неловких приключений, чем это. Он просто проверил глиф Три Саргасс по своей облачной привязке, убедился, что она та, за кого себя выдает, и предположительно по поручению министерства направляется на «Грузик для колеса». Потом она отправила ему командировочное предписание для посла Лсела в Тейкскалаане, любезно согласившегося внести свои знания в военные усилия империи с учетом близости ее цивилизации к месту боевых действий. Посол также подлежал доставке на «Грузик для колеса» в срочном порядке. Три Саргасс составила эти послания крайне официозным языком, но, как оказалось, в этом не было нужды. Шесть Капсаицин пожал плечами и сказал: «Что может значить еще одно человеческое тело на борту в течение двадцати четырех часов? Кислород у нас есть, всех наших запасов она не съест – у обитателей этой станции стандартный обмен веществ». Он проинформировал Три Саргасс, что за ней и ее спутницей будет отправлен транспортный шаттл, который прибудет на станцию через три часа и три четверти.

Было бы хорошо, вернись Махит к тому времени. Они пришли к соглашению или решению, расположившись в одном из стандартных сдаваемых в аренду кабинетов, а потом Махит сказала, что ей нужно закончить кое-какие дела. Она не скрывала какие: ей нужно использовать предложение Три Саргасс, чтобы выпутаться из политического клубка, в котором она оказалась. Два советника из общего числа в шесть человек – Три Саргасс сверилась с бортовой памятью своей облачной привязки, нашла сведения о правительстве станции Лсел. Таким образом, треть правительства прямо там, в ангаре, взвешивая все доводы «за» и «против» Махит Дзмаре, в дружеской обстановке обсуждала создавшееся положение.

Вполне понятно, что на это могло уйти некоторое время. Даже несмотря на то, что ожидание изматывало нервы Три

Саргасс.

Она пребывала в вынужденном безделье в месте, где оказалась впервые, и больше всего сейчас ей хотелось выйти из кабинета и узнать, что происходит. Она обещала не покидать палубу, на которой располагался ангар, и в ее планы входило сдержать обещание, но… палуба имела протяженность около двух миль по периметру и массу интересного. Когда у нее появится возможность еще раз увидеть дом Махит? Возможно, никогда. Не отправиться на короткую экскурсию было бы бездарной тратой времени. Это была даже не экскурсия – разведка. Три Саргасс была предназначена для разведки – она же работала в министерстве информации.

Она вышла из капсулы и наобум решила свернуть в коридор налево. Ее облачная привязка здесь была почти что бесполезна, разве что обеспечивала связь с тейкскалаанскими кораблями, которые заходили в этот сектор пространства. После проникновения через гиперврата в сектор, не имеющий зеркала тейкскалаанской сети, она теряла возможность соединяться с Городом, и более того – технология облачной привязки не работала за пределами гиперврат. Ничто не пересекало гиперврата, пока не проходило сквозь них *физически*. В ее распоряжении были только бортовая память, ее собственные документы и сокращенная, необновляемая версия интранета министерства информации, в которой не существовало никакого путеводителя по внутренним ходам станции Лсел.

Если бы она и в самом деле вела разведку, то во время этой прогулки ей нужно было бы включить на своей облачной привязке функцию геокартирования. Но она прилетела сюда не для шпионажа, который в данной ситуации представлялся ей действием крайне невежливым.

Коридоры на Лселе были достаточно широки, чтобы пройти в одной шеренге вчетвером, а пол был отполирован подошвами до матового блеска, приятного глазу. Первая странность прогулки состояла в том, что внутрь проникал солнечный свет. Солнечный свет был повсюду. Она всегда представляла себе станцию закрытой металлической коробкой с искусственным освещением, без какой бы то ни было растительности. Но коридоры Лсела, по крайней мере на этой внешней петле, имели красивые окна-иллюминаторы, через которые можно было увидеть прекрасное звездное поле, словно усеянное блестками, и настоящее солнце, небольшое и веселое, испускавшее приятные бело-золотистые лучи. Свет двигался довольно быстро – период вращения определенно был меньше суток, то есть за обычный для человека биологический период дня и ночи станция совершала

приблизительно четыре оборота вокруг своей оси. Три Саргасс могла представить, как наслаждается таким циклом, всеми этими восходами.

Второй странностью были люди. Станциосельники были высокими, и все они очень-очень умело не замечали друг друга. Они не замечали даже невысокую тейкскалаанку в яркой кораллово-оранжевой форме. Они почти не устанавливали глазные контакты и ускользали друг от друга даже в наиболее многолюдных местах, делая это с отточенной ловкостью. Три Саргасс подумала, что такое поведение является побочным эффектом обитания в столь малом пространстве. Они вели себя, как обитатели Сокровенной области Города, счастливые и не испытывающие неудобств в толпе. В то же время она прекрасно знала, что на всей станции не более тридцати тысяч жителей.

Наверное, странно быть единицей среди всего тридцати тысяч. Три Саргасс подумала, что такая среда обитания должна давать ощущение хрупкости бытия. Только металлические стены отделяли их всех от войда.

На самом деле лучше было не думать о том, как тонки стены станции, это нагоняло на нее клаустрофобию. Поэтому она сделала еще один поворот и теперь находилась в более внутренних коридорах: здесь вместо реальных окон были плоские инфоэкраны, показывающие вид снаружи, и она по достоинству оценила такой выбор. Может быть, станциосельникам хотелось все время ощущать свою близость к звездам?.. Три Саргасс оказалась в торговом квартале. Торговали в основном из киосков. Ей точно стоит получше узнать язык Махит – слишком много времени уходит на то, чтобы обращать закорючки алфавита горожан в фонемы, и даже после этого она не уверена в понимании слова. Не говоря о произношении.

В половине киосков рядом с надписями на местном языке имелись вполне разборчивые глифы – очень художественные, скорее украшения, чем коммуникативные символы. Она ничуть не сомневалась, что киоск, продающий бутилированные напитки, не должен иметь тейкскалаанскую вывеску с надписью «ЗДЕСЬ ПРОДАЕТСЯ СВИНИНА» – в противном случае придется признать, что она совершенно не понимает ни природу бутилированных напитков, ни животноводческих возможностей станции. Кроме того, множественное число было образовано совершенно неудобоваримым способом. Вероятно, этим хотели сказать «ЗДЕСЬ ПРОДАЮТСЯ ПРИПРАВЫ С БОГАТЫМ БЕЛКОВЫМ ВКУСОМ». Она решила, что глифы располагаются так близко специально, чтобы их можно было прочесть неправильно. Несладкие бутилированные напитки, например.

Она подошла к этому киоску с улыбкой станциосельника, оскалив зубы. Оператор киоска не улыбнулся ей в ответ. Может быть, она делала это как-то неправильно – до боли вытягивая щеки…

– Не знал, что у нас гости из Тейкскалаана, – сказал станциосельник на вполне пристойном тейкскалаанском. – Хотите попробовать наши напитки?

Три Саргасс моргнула, посмотрев на него, и с облегчением убрала улыбку с лица.

– Да, – сказала она. – С удовольствием. У вас прекрасный тейкскалаанский!

– Я окончил курсы. – Он налил немного жидкости в пластиковый стаканчик, который имел вид абсолютно биоразрушаемого. Вероятно, это был стаканчик с четырехчасовым циклом разложения, который запускался воздействием влаги. Напиток пенился. Интересно.

– Из чего же он изготовлен? – спросила Три Грасс, а потом, не дожидаясь его ответа, выпила.

У напитка был вкус соли, алкогольной и океанической. Здесь не было никаких океанов. Это очаровывало и в то же время пугало, и потому она решила, что больше ни в жизни не сделает и глотка этого напитка.

Станциосельник произнес какое-то слово на своем языке. Потом он сморщил лицо, словно искал в мозгу нужное слово, и наконец сказал:

– Подводное кудрявое растение.

– Ламинария, – сказала Три Саргасс. – Вы делаете пиво из ламинарий.

– Как вы думаете, оно может стать популярным в империи? – спросил станциосельник. – Я думаю об экспортном контракте…

«Нет, – подумала Три Саргасс. – У него вкус ламинарии. Ослепи меня звезда, никто не будет это пить».

– Может быть, на какой-нибудь планете, – весело сказала она ему. – Тейкскалаан очень большой.

– Вы тут с торговой делегацией, мисс?..

Пока они обменивались репликами, подошли несколько других продавцов из соседних киосков. У них были свои товары и вопросы. Насколько важна для Лсела торговля с империей? Махит неизменно становилась неколебимой как скала, когда речь заходила о сохранении их независимости…

– Меня зовут Три Саргасс, – сказала Три Саргасс, – и, к сожалению, в моем официальном качестве я не имею никакого отношения к торговле.

– Значит, вы – частный инвестор, – сказала одна из

станциосельников, сказала она это тоже по-тейкскалаански. Три Саргасс хотелось бы, чтобы ее… что это у нее, пирожное? Выглядело как пирожное… чтобы ее *пирожное* не оказалось из ламинарии.

– Не совсем, – сказала она и уже собралась было идти дальше, когда раздался еще один голос – из-за ее спины и справа.

– Тогда что здесь происходит? – спросил этот голос, и Три Саргасс увидела, как станциосельники вытянулись во весь свой нелепый рост. Власть. Торговая власть. Она попыталась вспомнить, кто из шести лселских советников контролировал торговлю. Советник по шахтерам? Но она помнила советника по шахтерам, похожего на труп человека в ангаре. Она повернулась.

Нет, это был не Дарц Тарац. Это была маленькая худощавая женщина с седыми кудряшками и высокими обветренными скулами. Три Саргасс поклонилась ей и замерла в ожидании – когда та представится. Самое безопасное – самое простое. Пусть другой человек берет инициативу на себя, пока ты не чувствуешь, куда направлять разговор. Это был один из первых уроков, которые она выучила, когда проходила подготовку к получению звания асекреты. Она тренировалась на Двенадцать Азалии.

Нет, нельзя думать о Двенадцать Азалии.

– Я не знала, что тейкскалаанская делегация получила добро на посадку, я уж не говорю о прогулках по общей торговой зоне, – сказала власть. – Тем не менее вы здесь. Я хочу, чтобы вы – кем бы вы ни были – знали: «Наследие» не допускает индивидуальных торговых соглашений между предпринимателями Лсела и Тейкскалаана.

– Безусловно, – сказала Три Саргасс. – Я не имею ни малейшего намерения нарушать ваши местные законы. Насколько я понимаю, вы из «Наследия»?

– Это советник Амнардбат, – сказал торговец напитками за ее спиной. Судя по голосу, он боялся, что на него наложат крупный штраф и, возможно, конфискуют ламинарию.

Что ей рассказывала в Городе Махит о советнике «Наследия»? Ничего конкретного Три Саргасс не могла вспомнить. Она определенно не говорила ей, что «Наследие» представляет изоляционистскую фракцию в правительстве Лсела.

– Советник, – сказала она, – я просто интересовалась местными продуктами. Я не имею ни малейшего отношения к торговле.

– И чем же вы тогда занимаетесь? – спросила советник.

Она решила, что сказать «Я из министерства информации» будет ничуть не лучше, чем «Я предприниматель – ищу что-нибудь такое, что может удивить даже тейкскалаанский рынок».

Персоне, которой не нравилась торговля, находящаяся вне ее контроля, вряд ли понравится то, что она безусловно истолкует как «шпионаж».

– Я лечу на войну, – сказала Три Саргасс с некоторой торжественностью в голосе. – Я переводчик и дипломат. Я вскоре покину станцию на корабле «Жасминовая глотка».

Все, что она сказала, было правдой.

На советника Амнардбат это не произвело впечатления.

– Вот как, – сказала она. – Я, вероятно, пропустила манифест о вашем прибытии.

Она улыбалась очень неприятной улыбкой, и Три Саргасс искренне надеялась, что вскоре покинет станцию и окажется в безопасности тейкскалаанского военного корабля, атакуемого таинственными инородцами. А советник тем временем будет еще занята поисками манифеста, который объяснит, как Три Саргасс попала на станцию.

– Вы заплатили за вашу порцию? – спросила советник.

– Пока нет, – сказала Три Саргасс со всей беззаботностью, на какую была способна, впрочем, беззаботность ее с каждой минутой становилась все менее беззаботной.

– Это была бесплатная порция, – сказал владелец киоска, что с его стороны было весьма отважно, в особенности еще и потому, что он явно не знал тейкскалаанского слова «проба». – Если гостья пожелает купить бутылку, я возьму с нее деньги.

– Я заплачу за нее, – сказала Амнардбат. – Сомневаюсь, что у этой тейкскалаанки есть наша валюта.

У Три Саргасс было много местной валюты – впрочем, не так уж и много после Эскер-1 и взятки, которую она заплатила грузовому кораблю, но сколько-то местных денег у нее оставалось. Слова советника были оскорбительны, но еще и *полезны*. Интересно полезны. Может быть, ей удастся повернуть дело так, что советник «Наследия» будет считать себя в долгу перед ней.

– Я буду вам благодарна, советник, – сказала Три Саргасс. – Как я уже сказала, я здесь ненадолго и не имею ни малейших намерений делать покупки за пределами наших уже заключенных контрактов…

Владелец киоска поднял ручной сканер. Амнардбат помахала кредитной карточкой перед ним, и сканер в ответ издал мелодичный звук.

– А теперь, Три Саргасс – дипломат, переводчик и бог знает кто еще, – позвольте мне проводить вас в главный транспортный ангар? Не хочу, чтобы вы потерялись и пропустили свой шаттл.

«Ты не хочешь, чтобы я увидела еще какие-то части станции

или говорила с другими ничего не подозревающими гражданами. Ты очень сердита на Тейкскалаан, верно, советник? А мы вас даже не аннексировали…»

– Конечно, – сказала Три Саргасс и снова поклонилась. – Для меня большая честь, что вы потратите свое время на столь незначительное дело.

– Не часто приходится видеть тейкскалаанцев на этой палубе, – сказала Амнардбат со своей прежней очень неприятной улыбкой. – Я бы ни за что не упустила такой случай. Ну, идемте.

* * *

Когда Восемь Антидот выбрался из туннелей в подвалы Военного министерства в этот раз, Одиннадцать Лавр не ждал его – обычно их еженедельные встречи проходили в другое время. К тому же Восемь Антидот еще не закончил стратегическое упражнение, которое ему дал Одиннадцать Лавр после их разговора о Каураане. Он открыл упражнение, просмотрел, увидел его сложную форму и не стал обращаться к картографическим изображениям на своей облачной привязке, потому что все еще продолжал думать о Каураане. И все равно приход сюда с невыполненным заданием вызывал у него чувство вины и беспокойство. Так было впервые. Он всегда выполнял задания. Даже неофициальные.

Но Одиннадцать Лавр не ждал его, а он пришел сюда, чтобы… может, и поговорить с Одиннадцать Лавром, если увидит его, но в большей степени чтобы посмотреть на войну с инородцами. Он уже начал думать о ней, как о войне Девять Гибискус, и определенно не собирался произносить это вслух в стенах министерства. Он вовсе не был глуп.

Ему просто хотелось увидеть настоящий штабной кабинет с *настоящей* связью и *настоящим* местом боя и попытаться понять происходящее так, как понимал это в задачах и упражнениях. Понять, плохо ли развиваются события, хорошо ли, а может, встретить что-то неожиданное. Может быть, если повезет, ему удастся поговорить с кем-нибудь из Шести Раскинутых Ладоней, кто с удовольствием устроит небольшую экскурсию вероятному наследнику императора. Этот статус неизменно действовал на взрослых, несмотря на то что ему было всего одиннадцать. Когда он станет постарше, будет действовать еще сильнее, а пока он будет практиковаться.

Восемь Антидот миновал первый известный ему ряд камер наблюдения, тех самых, с помощью которых Девятнадцать Тесло

постоянно за ним наблюдала. Он помахал им и улыбнулся с широко раскрытыми глазами, а потом пошел дальше, изображая величайшую радость, на какую был способен. Идти с радостным видом было непросто – хотелось перейти на бег. Не бежать – бежать было некуда, какое-нибудь официальное лицо уже наверняка отправило Ее Великолепию записку о том, куда забрел Восемь Антидот на сей раз, – а просто быстрее добраться до более обитаемых мест в министерстве. Уйти с привычных маршрутов и увидеть что-нибудь новенькое.

Военное министерство расположилось шестиконечной звездой – и как оно могло быть чем-то другим? В далекие времена каждая Ладонь, вероятно, обитала в соответствующем секторе. Теперь бюрократия становилась более эффективной, если команды располагались рядом друг с другом, вне зависимости от того, перед кем они в конечном итоге отчитывались. Его наставники постоянно твердили об этом, выставляя себя тем самым в глазах Восемь Антидота бюрократами, которым просто не нравится мысль о перемене обстановки. Ориентироваться здесь стало труднее – в том смысле, что стало значительно сложнее найти нужного человека или место в шести звездных лучах. Восемь Антидот хотел найти штаб центрального командования. Ему хотелось посмотреть на реальный стратегический стол настоящей войны. Это должно было находиться где-то в самом центре звезды.

По мере его приближения к центру он отмечал усиление охраны, что означало одно – он идет в верном направлении. Тут были военные в самых разных формах. На большинстве из них была форма министерства, как на Одиннадцать Лавре, но Восемь Антидот увидел и офицеров из как минимум семи разных легионов. Он узнал нашивку с пикирующим коршуном Восьмого на плече одной женщины, на чьем-то другом плече красовался звездопад Первого, были и эмблемы, которые он не мог сразу распознать. Первый человек, который его остановил – он к тому времени уже прошел четырьмя коридорами и одним пропускным пунктом, через который его пропустили без проверки, – держал в руках палку-шокер длиной не меньше роста Восемь Антидота. Острый конец шокера был направлен чуть выше его груди и имел серый цвет в тон мундиру Военного министерства.

Ему, вероятно, следовало испугаться, но не пугаться было *весело*.

Он поклонился, сложив вместе пальцы рук, перенаправил палку шокера себе в грудь, потом сказал:

– Я соимператор Восемь Антидот, сэр, и я хотел бы посмотреть, как идет война.

Палка шокера исчезла так быстро, будто ее и не было.

– Прошу простить мою дерзость, – сказал военный, и Восемь Антидот снисходительно махнул рукой. «Великодушен, – подумал он. – Будь великодушен».

– Ничего страшного. Я ценю ваш труд по обеспечению безопасности министерства.

Потом он улыбнулся, широко раскрыв глаза – вспомнил попытку выглядеть как Шесть Путь, когда разговаривал с Девятнадцать Тесло. Попробовал еще раз. «Помните меня? Я император, только в обличии ребенка. Но подождите, может быть, я еще снова стану императором».

Это сработало.

– Сюда, Ваше Сиятельство, – сказал солдат, получив подтверждение по своей облачной привязке, – Восемь Антидот заметил быстрое мелькание сообщений за стеклом.

– Вам повезло – за стратегическим столом сама министр Три Азимут, *та, кто разжигает ненависть в самых клятвенных сердцах*.

Этот успех был даже значительнее того, на который он рассчитывал. Он предполагал, что просто увидит стратегический кабинет, поболтается вокруг него, может, увидит кого-то из генералов, еще одного заместителя министра – и если это окажется Одиннадцать Лавр, будет очень неплохо, он продемонстрирует инициативу и креатив – но чтобы сам министр войны? На такое он и не рассчитывал. Он видел ее лишь однажды, два месяца назад, сразу после ее приезда. Тогда она не обращала на него ни малейшего внимания после обязательного «доброе утро, Ваше Сиятельство». Сказав это, она отправилась на беседу с Ее Великолепием Девятнадцать Тесло. К имени Три Азимут прилип поэтический эпитет, который придавал ей опасную и пугающую ауру, но именно для этого людям и давали поэтические эпитеты к имени.

Солдат отвел его в самый центр министерской звезды. Он знал, что стратегические кабинеты расположены именно там – Одиннадцать Лавр давно сказал ему об этом, – все, кроме одного, предназначенного для императора и находившегося во Дворце-Земля. Когда он проходил мимо, все глазели на него, а он, следуя за солдатом, пытался выставить себя уверенным и жалел, что мал ростом. Выше он станет разве после тринадцати. Голограммы Шесть Пути поведали, что он стал походить на мужчину годам к пятнадцати. Иногда Восемь Антидот жалел, что не унаследовал генетику от кого-нибудь другого, кто имел бы более впечатляющую внешность. Что ж, по крайней мере, ему будет легко пускать в ход мышцы и оставаться таким же резвым, как

сейчас…

Дверь в Стратегический Центр-2 чуть приоткрылась по жесту его сопровождающего, и внутри он увидел сумерки, так густо сплетенные со звездами, что ему на мгновение показалось, будто воздух превратился в сеть. Потом он моргнул и заметил картографический стол – громадный, шире, чем он себе представлял, встроенный в пол, а не поднятый над ним. Стол одновременно проецировал четыре полных сектора пространства, аналитики и генералы министерства притушили свет, чтобы лучше видеть траектории векторов. Министр войны Три Азимут стояла у дальнего конца стола, ее руки двигались – этими движениями она затемняла одни звезды и осветляла другие. Она сложила руку в кулак, сделала резкое движение, и на карту из кончиков ее пальцев посыпались крохотные боевые корабли, голографические изображения, выброшенные в звездное пространство, чье положение было откорректировано едва заметными движениями руки. Это напоминало танец, которым она вызвала к жизни поле боя.

«Я тоже хочу так, – подумал Восемь Антидот. – Я хочу делать так больше всего на свете, ничего другого так не хотел».

Три Азимут была миниатюрной и более светлой, чем большинство тейкскалаанцев, носила короткие гладкие волосы, темные, густые и прямые, как и у Восемь Антидота, глаза у нее были узкие, миндальной формы. Она сняла мундир и расставляла на карте боевые корабли, мелькала обнаженная светлая кожа ее предплечий. Такие мышцы, как у нее, жилистые и рельефные, могли появиться от бесконечных подтягиваний на турникетах или поднятия и опускания грузов потяжелее. Она почему-то представлялась Восемь Антидоту более высокой. До того как Девятнадцать Тесло стала императором, Три Азимут была военным губернатором системы Накхар, и Накхар не бунтовал, пока делами заправляла она. Обычно же Накхар бунтовал почти каждый индикт, как говорили Восемь Антидоту на занятиях по политической истории. Он так до сих пор и не знал, почему она стала министром войны и почему Девять Тяга до срока покинула свой пост, но не сомневался, что Девятнадцать Тесло сделала по-настоящему хороший выбор.

Она не сразу заметила его. Ей сначала нужно было разместить еще несколько кораблей, настроить векторы линий снабжения, ее пальцы хватали лучи света так, словно это были струны музыкального инструмента. Наконец, почувствовав удовлетворение проделанной работой, она сказала:

– Мы задерживаем разведчиков, которые должны определить места расположения складов для наших путей снабжения. Вот на

каком этапе мы находимся.

Сказав это, она хлопнула в ладоши. Вся огромная проекция пришла в неторопливое движение, воспроизводя имитацию фактических действий.

– Здесь Его Сиятельство императорский наследник Восемь Антидот, министр, – сказал солдат, приведший Восемь Антидота. – Он хотел бы увидеть войну.

– Подведите парнишку поближе, – сказала Три Азимут. – Из такой дали он ни черта не увидит.

Восемь Антидот подошел к ней. Он пытался обойти проекцию, но все же наступил на какие-то звездные системы, временно отключил их на своем пути, подобно тем самым инородцам, что уничтожали коммуникационные линии Тейкскалаана. Их линии тоже были на проекции – мрак, разливающийся, словно чернила. На него смотрело множество глаз: все советники, коммандеры и аналитики, собравшиеся перед картинкой войны, вызванной к жизни министром, теперь смотрели, как он рассекает звездную карту. Он старался идти с веселым видом, как делал это, когда шел там, где за ним наблюдали камеры. Но идти под глазами камер было гораздо проще, чем под глазами на лицах людей. По крайней мере, среди них нет Одиннадцать Лавра. Восемь Антидот не знал, куда делся Одиннадцать Лавр. Разве третий заместитель министра не должен находиться здесь со всеми?

Три Азимут была всего на несколько дюймов выше его, отчего у него возникло какое-то странное чувство: он всего лишь мальчик, а она министр войны. Он подошел к ней и сказал:

– Спасибо, что позволили мне посмотреть на стратегическую имитацию, министр.

Это слова он произнес согласно второй из самых высоких известных ему форм вежливости. Первая, высочайшая, была для обращения к императору, официального и публичного, и он был с ней знаком только потому, что вырос, слыша ее. Не то чтобы такое обращение очень часто использовали.

– Я предполагала, что вы рано или поздно найдете сюда дорогу, – сказала министр. – Вы частенько заглядывали в Ладони. Ребят вашего возраста всегда разбирает любопытство. Я знаю, потому что сама была такой. Смотрите.

Восемь Антидот кивнул и поспешил обратиться к имитации. Три Азимут сделала едва заметное движение одним пальцем, и изображение, еще секунду назад пребывавшее в застывшем состоянии, вновь пришло в движение. Темная зона инородцев стала расширяться, точечные голограммы кораблей Тейкскалаана принялись описывать дуги в воздухе. Три Азимут знала о его

визитах – конечно, знала. Знала ли она о том, чему его учил Одиннадцать Лавр? Считала ли она, что тот делает хорошую работу?

Внезапно карта стратегической проекции превратилась в испытание, в самое большое из всех, какие доводилось проходить Восемь Антидоту. Он смотрел внимательно. Он прежде не видел дислокации их Флота, во всяком случае, в таких подробностях – собранные воедино шесть легионов во главе с Десятым под командованием Девять Гибискус расположились, как волна, готовая обрушиться на погруженные во мрак системы, к которым уже прикоснулись инородцы. Они долгое время не покидали свои позиции – маневрировали едва заметно, потом вперед вышли корабли Двадцать четвертого легиона, послали щупальцы света на одно из затененных пространств, и оно вскоре осветилось немного, приобрело тускло-серый оттенок. Система Пелоа вернулась в мир, но… поврежденная? Он посмотрел дату на проекции, которая всплыла на краю поля его зрения. Все, что он видел, уже случилось. Потом наступила короткая пауза-заминка – Три Азимут раскрыла кулак, словно цветок лепестки, и неожиданно все это черное ничто сменилось группой вращающихся трехколесных кораблей, каких Восемь Антидот никогда не видел.

Они двигались так, будто несли на себе гиперврата – то исчезали, то появлялись вновь. На его глазах все корабли Двадцать четвертого легиона и половина Десятого, включая флагман Девять Гибискус «Грузик для колеса», взорвались под воздействием энергетического пушечного огня и мигом превратились в выжженное ничто, иными словами, были поражены каким-то странным жидким оружием и вырубились. Имитация на этом закончилась. Оставшиеся легионы через гиперврата похромали в тейкскалаанское пространство.

Все солдаты, находившиеся в пораженных кораблях, должны были умереть. Умереть быстро. В легионе было десять тысяч человек, может быть, больше – гибель полутора легионов за несколько дней означала смерть не менее пятнадцати тысяч и…

«А что если инородцы пустятся за ними в погоню? – в ужасе подумал Восемь Антидот. – Будут преследовать их до нашего дома, сектор за сектором и придут сюда, в Город, и сожрут нас…»

– Достаточно, – сказала Три Азимут, и движение остановилось. – Возвращаемся на исходные позиции.

Все корабли ожили, словно жуткой бойни и не случалось.

– Они так и двигаются? – спросил Восемь Антидот. Он пытался говорить спокойным голосом, хотя ничуть не был спокоен. – Наши враги?

– Надеюсь, что нет, – сказала Три Азимут. – Иначе мы в заднице. Извините за мой язык, малыш.

Восемь Антидот решил не реагировать на это. Он слышал слова и похуже.

– Но не могут же они двигаться вот так. Словно они… гиперврата.

– Нам известно только, что они уходят из поля видимости и возвращаются в него так, словно проходят через гиперврата, – продолжила Три Азимут. – Спроецируем имитацию боя еще раз – по второму варианту. С замаскированным, но не асинхронным движением.

Имитация началась снова. На сей раз она проходила *лучше*. Если инородцы были вполне видимы, то корабли Флота могли маневрировать и сковывать их действия, но они двигались медленно, и немалая часть Флота погибла первой в процессе поиска противника. Восемь Антидот слушал, как министр дает указания аналитикам провести на поле боя усиление через гиперврата, смотрел, как она наблюдает за сужением и удлинением линий снабжения. А недостаток имитации состоял в том, что тейкскалаанцы не знали, куда уходят линии снабжения противника, не знали местонахождения их домашней планеты или ближайшей центральной базы. Не знали даже, есть ли у них вообще дом или они постоянно живут в войдах космоса. Это был серьезный недостаток. Он диктовал им необходимость медленного движения и обусловливал неизбежность попадания в засаду во время поисков затаившегося врага.

– Выглядит не очень хорошо, верно? – сказала она после размышлений, продлившихся добрых десять минут. Она помахала рукой, и имитация пошла на новый круг.

– Да, не очень, – согласился Восемь Антидот и не без опаски добавил: – Должен быть способ найти их получше, чем позволять им устраивать на нас засаду.

– Должен быть, – сказала министр. – У вас есть на этот счет какие-нибудь идеи? Или мой главный разведчик давал вам решать одни старые задачки?

Это было испытание. Теперь все советники – генералы, аналитики, солдат, который привел его сюда под угрозой применения шокера, пусть и отложенной, возможно, и Одиннадцать Лавр, «ее главный разведчик», и Восемь Антидот ощутил неприятное покалывание в животе от этих слов – смотрели на него и ждали, что он сделает.

Оказывается, есть место, куда попадаешь после того как испугался. Большое, холодное, яркое место у тебя в голове. Восемь Антидот решил, что сделал важное для себя открытие.

– Позвольте? – сказал он, показывая на имитацию. – Мне будет проще показать вам, министр.

На лице Три Азимут появилось выражение, смысл которого Восемь Антидот никак не мог понять – одно из таких взрослых лиц, на котором не удивление, не восхищение или неудовольствие, а какое-то иное сочетание эмоций. Она моргнула глазом за облачной привязкой, перенастраивая управление. Ее привязка была огромной – стекло в оправе от середины лба до скулы, оправа уходила в бок, перекрывая ухо… или место, где оно *должно* находиться, понял Восемь Антидот с внезапной ясностью, которая, казалось, стала такой же частью его нового холодного яркого места в голове, как и все остальное. Ухо с этой стороны у Три Азимут отсутствовало. Вместо него было нечто обожженное и перекрученное – в ухо попал луч энергетического оружия и расплавил его.

Реальный бой отличался от имитации на стратегическом столе. Это следует запомнить – пригодится, когда он станет императором.

Он вышел на передний план, взял на себя управление имитацией. Здесь переменных было гораздо больше, чем в задачах, которые ставил перед ним Одиннадцать Лавр, но программа была та же. Он знал, как приводить корабли в движение, а ИИ имитации перемещал за него корабли противника в темную зону, где Восемь Антидот не мог их увидеть.

Корабли, которые размещал он, вылетали из кончиков его пальцев, как и у министра, хотя он и понимал, что не выглядел и вполовину так элегантно, как она, когда танцем вызывала их к жизни. Он организовал их в сеть, разделил темный сектор на кубы, словно использовал легион для того, чтобы разбить сад для растений. Потом он собрал небольшую группу из флагманов класса «Вечный» и быстроходных разведчиков с определенной огневой мощью. Эти разведчики предназначались для быстрых перемещений, если где-то обнаруживался враг. Быстрая и мощная ударная группировка перемещалась следом для их огневой поддержки. На установку ушло больше времени, чем ему хотелось бы – некоторые корабли пришлось оставить у гиперврат, и линии снабжения по этой причине имели большу́ю протяженность, иногда растягивались на целый сектор; также приходилось учитывать временну́ю задержку у гиперврат. К тому времени, когда он, словно взрослый яотлек, был готов сказать: «Порядок, начинайте», груз всех взглядов, устремленных на него, чуть ли не прижимал его к полу.

– Неплохо, – сказала Три Азимут, но имитацию не

запустила. – Очень даже неплохо. Да что говорить – новая диспозиция очень даже умна. Вот только корабли класса «Вечный» не перемещаются с такими высокими скоростями. Они не смогут появиться там, где будут вам нужны, при такой огромной сети. Мы пытались… еще до вашего рождения, помнится. Сеть протяженностью в целый сектор растягивает линии снабжения до такой степени, что они просто рвутся. А вы использовали все легионы, как один огромный, что, бесспорно, имеет свои плюсы, но шесть легионов яотлека – это шесть *разумов* вместе, и они не всегда двигаются, как один…

– Вы хотите сказать, – проговорил Восемь Антидот, – что я забыл о политике?

Три Азимут рассмеялась.

– Я хочу сказать, что вы выстроили отличную диспозицию – отличную для человека, который никогда не покидал эту планету. Я уж не говорю о том, что вы никогда не были солдатом.

– И все же я бы хотел увидеть это, – сказал ей Восемь Антидот, понимая, что его голос звучит, как голос ребенка, просящего о том, что ему невозможно дать, и он сам понимает это, но все равно просит.

– Сражение? – спросила министр.

Восемь Антидот имел в виду имитацию, диспозицию которой он создал, но…

– Да, – сказал он.

– Не могу вас отпустить туда. Вы в единственном числе, и Ее Великолепие не простит мне.

– Тогда как насчет имитации? – спросил он. – Я смогу многое увидеть, стоя здесь, рядом с вами.

– Вы – противная маленькая змеюка, – сказала Три Азимут и потрепала его волосы. Рука у нее была теплая, мозолистая и совершенно удивительная. – Сколько вам лет?

– Одиннадцать.

– Во имя черных дыр! Я в одиннадцать красила ногти на ногах. Хорошо, малыш. Приходите сюда утром, и, может быть, в один прекрасный день мы сделаем вас императором.

Хотя Восемь Антидот и чувствовал поток удовлетворенности и радостного возбуждения, но ему не давала покоя мысль: «Что скажет Одиннадцать Лавр? Нужно было сначала посоветоваться с ним». Он постарался удержать эту тревожную мысль, так как опасался, что иначе запрыгает от радости и будет выглядеть, как маленькая девочка, которая красит ногти на пальцах ног вместо того, чтобы учиться ведению войны.

* * *

Махит оставила Три Саргасс в арендованной капсуле, чтобы организовать их официальную отправку со станции в зону боевых действий. Она оставила Три Саргасс, потому что ей самой нужно было подумать, подышать немного, не видя перед собой Три Саргасс и невероятность ее присутствия на Лселе. Она остановилась в коридоре, в нескольких поворотах от нужной палубы, прижалась к металлической стене, закрыла глаза и замерла, пытаясь не дрожать.

<Тебе везет, – прошептал Искандр. – Везет с удачей и друзьями>.

«Не знаю, друзья ли мы. Я ей *нужна*. Или она считает, что я ей нужна».

<Этого достаточно, чтобы спасти тебя от Амнардбат>.

«Короче. Если я улечу с ней, то мы никогда не сможем вернуться домой – никто здесь не защитит нас. Ты слышал предложение Тараца…»

<Сделай ему предложение получше. Теперь у тебя есть такая возможность>.

Она шла, вовсе не чувствуя, что идет. Следуя воспоминаниям Искандра, как указателям, она двигалась по дорожке, протоптанной когда-то им: четыре палубы вверх в огромные кабинеты Коалиции шахтеров, кишащий людьми двигатель экономической политики Лсела. Она шла по палубам мимо деловитых станциосельников, работающих там, к кабинету Советника. Искандр вел ее. Она позволяла ему. Они делали это, и то, как оно происходило, было взаимодействием, которое ей давно хотелось ощутить. Происходящее было облегчением, глубоким и вместе с тем неправомерным – она никогда не должна была отдавать столько власти своему имаго, следовать его суждениям и инерции, так легко расставаться с собственными желаниями.

Секретарь Тараца, высокая женщина, имени которой Искандр не помнил, а Махит никогда не знала, записала ее имя и исчезла в кабинете. Отсутствовала она всего несколько минут.

– Советник примет вас, – сказала она. – Он просил передать, что ожидал вашего прихода.

Махит кивнула, поблагодарила секретаря и вошла в дверь, открытую для нее. Она даже двигалась не своей походкой – центр тяжести Искандра располагался выше. Он вел ее с выставленной вперед грудью, и она сейчас шла, как ходят мужчины.

<Позволь мне вывести нас отсюда, – сказал ей Искандр. – А потом я извинюсь, и мы сможем вернуться к работе, будучи «нами»>.

Вслух она – *они* – сказала:

– Советник Тарац.

Когда он встал и вышел ей навстречу, обойдя стол, она даже пожала его трупного вида руку, исковерканную артритом. Здесь, на Лселе, не требовалось никаких поклонов над соединенными пальцами. Они поздоровались по старинке. Рука в руку. Непрерывность плоти.

– Что вы сделали с нашей тейкскалаанской гостьей? – спросил у нее Тарац. – Спрятали ее где-то? Или отправили в космос?

– Спрятала, – сказала Махит, а потом, поскольку верила, что Искандр в конечном счете выведет ее из этой тупиковой ситуации, усмехнулась его усмешкой, слишком широкой для ее лица, зная, что ее глаза ярко горят и сияют заговорщицким светом. – Зачем мне выкидывать в космос мой козырь, Тарац?

Непроизнесенными остались слова: «Я бы ни за что не стала это делать. А вы стали бы? Даже если этот козырь – я?»

И эхом: <Когда я был тобой, Махит, он никогда не упускал такую возможность. Позволь мне сделать нас для него одним целым>.

– Садитесь, Дзмаре, – сказал Дарц Тарац. – Давайте поговорим о ваших планах относительно уполномоченного, если мы не собираемся отправить ее в космос.

– Я, конечно, собираюсь лететь с ней, – сказала Махит. Искандра обуяла беспечная непоколебимость, которой, как она считала, он научился у Девятнадцать Тесло. Не стремительная импульсивность, свойственная Махит, а расчетливая вера в неизбежный успех. Она позаимствовала эти качества у Искандра. – Вы сконструировали войну с целью заманить Тейкскалаан в ловушку, советник Тарац, вы и мой предшественник, хотя сам он не хотел этого. Война уже идет совсем рядом со станцией, в нашем секторе, но вы, советник, не желаете ее замечать.

– Вы хотите сказать, *пока* не желаю замечать.

<Он непробиваем, – сказал Искандр в ее голове. – Согласись с ним и давай дальше>.

– Именно это я и имела в виду, – сказала Махит Тарацу, твердо и невозмутимо. В надежде, что невозмутимость возьмет на себя Искандр, чтобы сердце не колотилось в груди как сумасшедшее, а горло не перекрывал спазм. – Я отправляюсь с этим уполномоченным на войну и буду там вашими глазами. Буду глазами Лсела, раз уж не могу сейчас быть в Городе.

Давным-давно у Тараца, возможно, и был бархатный голос, но весь бархат давно истерся, и теперь его голос звучал резко:

– Если вы собираетесь сделать это для меня, Дзмаре, то

знайте: я не допущу, чтобы вы спрятались от меня, как спрятался Искандр.

– В том, что касается этих действий, у нас с моим предшественником в настоящий момент полное единогласие. Она усмехнулась еще раз усмешкой Искандра. Растягивание щек становилось все более приемлемым. – Полный и точный отчет обо всех военных действиях Тейкскалаана, Советник. Все, что мне станет известно. И аналитика. Все.

«Позволить мне снова быть полезной, чтобы меня стоило защищать».

– Это начало обещания. – Его руки двигались, подчеркивая форму и смысл слов – изуродованные артритом, но в то же время изящные в своих движениях. – Все, что увидят ваши глаза и сможет прокомментировать ваш аналитический ум, – это хорошо. Но зачем наблюдать за этой войной, если это ловушка, как вы говорите? Я не садист, Дзмаре. Меня не волнуют подробности поражения Тейкскалаана.

Она постаралась оставаться бесчувственной к вспышке злости Искандра. Постаралась не думать о запахе можжевелового джина, о том, чтобы привести монстра к смерти.

– Но при этом вы согласились встретиться со мной, – сказала она. Придется разыграть гамбит: если Тарацу не нужны ее глаза, то что же ему нужно?

– Согласился, – сказал советник по шахтерам. – Вот думаю, что еще вы можете сделать для меня, Махит Дзмаре, когда будете находиться на тейкскалаанских кораблях? Вы неплохо поработали, повернув политику Жемчужины Мира на наше благо, как и должны были это сделать.

– Что может пойти нам во благо больше, чем происходящие теперь события, советник? – осторожно задала вопрос Махит.

Короткая неприятная вспышка улыбки исказила лицо Тараца.

– Ничто. Абсолютно. Отправляйтесь на войну, Дзмаре. Отправляйтесь на войну, и если вам представится благоприятная возможность, то, конечно, направляйте политику Флота таким образом, чтобы Тейкскалаан продолжал войну. Продолжал, оставаясь не в состоянии победить. Не в состоянии отступить.

– Каким образом, – начала было Махит, потому что проще было спрашивать «*каким образом*», а не «*зачем*», не признавать вслух, что если она хочет ускользнуть от хирургов «Наследия», то ей придется заняться делами, которые будут способствовать ослаблению и гибели Тейкскалаана…

<Или по меньшей мере убеди Тараца, что мы готовы на это, – злобно сказал Искандр. Ее руки загорелись невидимым невропатическим огнем. – Мне десять лет удавалось убеждать его,

что я все еще целиком и полностью его агент. Твои способности не уступают моим>.

– У вас же есть некоторый опыт саботажа, не так ли? Я думаю, вы справитесь.

Интересно, подумала Махит, что бы он стал делать, наблюдая ему на стол. У нее возникло ощущение, что это вполне может случиться.

– Разве наши послы в Тейкскалаане не действовали исключительно в интересах станции Лсел? – выдавила она, и ей показалось, что это прозвучало как согласие.

– Мммм, – Тарац задумался, словно взвешивал ее и Искандра, измерял глубину их интеграции, степень, в какой ей можно доверять с учетом двадцати лет общения ее с имаго. Она молчала. Поймала его взгляд и не опускала глаза.

Наконец он сказал:

– Продолжайте в том же духе. Вам нужно на шаттл успеть, посол.

Махит вдруг охватило какое-то особенное дезориентирующее чувство чужой победы. Это чувство прошло по ее симпатической нервной системе и навеяло страх. Триумф Искандра, довольного, что им удалось уйти, готового дать обещание и нарушить его.

В том, что она сможет нарушить это обещание, Махит не была столь уверена. Совсем не была.

* * *

Акнел Амнардбат провела Три Саргасс до самого ангара, в который ее привезли. Здесь по-прежнему стояло множество ящиков – разгрузка продолжалась, хотя ящики теперь выгружались из других грузовиков, а не из того, на котором прибыла она. Она провела на станции Лсел всего пять часов. Мимолетный визит. Она могла представить, как обращается к Махит: «В прошлый раз был мимолетный визит, может, теперь покажешь мне станцию?» Не приведет ли это в ужас советника Амнардбат? Тейкскалаанку водят по Лселу, и она выведывает все секреты. Упомянутый советник установила идеальную, непробиваемую программу осмотра станции гостями, она твердо и целенаправленно вела Три Саргасс по коридорам вдали от всего, на что обратил бы внимание нормальный гид. Она продемонстрировала высокое мастерство. Три Саргасс делала для себя заметки на память – на случай, если придется изрядно надоедать тому, кто искренне интересуется предметом, используемым в качестве орудия убийства.

«Вы довольно глубоко ненавидите нас», – подумала она, адресуя мысли к советнику с той формальностью, которая применялась к ученикам-малолеткам или новым кадетам. Рассчитанное, радостное и *невидимое* оскорбление. – Когда-нибудь я узнаю почему».

На ум пришли слова Махит: «Тейкскалаан поглощает нас». Но Лсел, казалось, остается самим собой, непоглощенным, хотя все здесь немного понимали тейкскалаанский. Ее сопровождающая говорила на тейкскалаанском весьма хорошо, так, словно язык был ножом, которым она научилась обращаться с осторожностью.

Их приход в ангар для посадки на транспортный шаттл «Жасминовой глотки» произошел внезапно, вопреки ожиданиям Три Саргасс, и потому у нее не было ни секунды подготовиться. Гигантская дверь ангара открылась, она увидела свой багаж – всего один чемодан, она отправилась в это путешествие совсем налегке – рядом с Махит, рядом с ее единственной сумкой слева и Декакел Ончу справа. Махит побледнела так, словно ее выбелили, едва увидела Три Саргасс.

Нет. Едва увидела Акнел Амнардбат.

Которая, кстати, держала Три Саргасс под локоть, чего не сделала прежде, и была на удивление сильна. Она тоже явно не ожидала увидеть Махит.

Во имя черных дыр, Три Саргасс ненавидела работать без досье, соответствующим образом описывающего текущие условия на месте. Махит могла бы сказать ей! Она доверительно сообщила, что находится в кипящем котле политики, но так и не потрудилась объяснить *какого рода* этот кипяток, как будто они не на одной стороне!

Эта мысль, только что пришедшая в голову, была неправильной. *Интересно* неправильной – и ей придется подумать об этом, по-настоящему придется; они с Махит больше не на одной стороне и не были с того момента, когда та покинула Город. Но теперь Три Саргасс шла прямо к ней, несмотря на пальцы Амнардбат, оставляющие вмятины на ее плече, и единственной мыслью, которая билась в голове, было: «Не беги, Махит Дзмаре, держись за меня, и мы улетим на этом шаттле. Если ты убежишь, я окончательно и бесповоротно в заднице».

Глава 7

Пересмотр требований касательно способности к дальнейшему обучению иностранным языкам и литературе: высокие оценки по распознаванию закономерностей и объему памяти сами по себе более не являются достаточным основанием для продолжения учебы на уровень выше среднего, предлагаемого всем гражданам. Для отправки на продвинутые курсы студенты должны продемонстрировать отличные способности к групповому сплочению и социальной интеграции как с ровесниками, так и со старшими, а также уже полностью пройти подготовительный (средний плюс) курс по истории и культуре станциосельников, рекомендуемый вероятным членам совета «Наследия».

«Справочник по требованиям к способностям и уровню образования для станциосельников в возрасте 13–18 лет», пересмотренное издание, издатель – совет «Наследия» станции Лсел, под руководством Акнел Амнардбат, советника «Наследия»

Твой язык – хризантема,
Потому что все слова – лепестки!
В сердце языка находится стебель,

Который выравнивает тысячу слогов.
Прибавь префикс, чтобы сказать МОЙ,
Прибавь суффикс, чтобы сказать ПОЧЕМУ,
Прибавь инфикс, чтобы сказать ЧТО,
И узнай, как речь превращается в язык!

Тейкскалаанская рифмованная грамматика для начинающих студентов, составлена Семнадцать Рамой, министерство информации (отдел образования). Для общего пользования

Махит позволила себе думать, что покинет станцию абсолютно честной, хоть и не абсолютно *чистой*. Никогда не чистой – уйти чистой было невозможно, этому ее научил Тейкскалаан. Тейкскалаан и Искандр, а теперь Дарц Тарац подтвердил, что так оно и есть. Возможно, ей удастся сесть на шаттл и уйти от непосредственной опасности в вероятную. Возможно, она выживет под огнем инородцев. Не все же погибали на войне.

И все же теперь она находилась в дюймах от только что совершившего посадку тейкскалаанского шаттла и глазела на Акнел Амнардбат, которая каким-то образом вследствие невезения, или продуманной стратегии, или и того и другого захватила Три Саргасс.

Сердцебиение Махит отдавалось в ушах, подобно срывающемуся водопаду, слишком быстро и слишком громко. Она вот-вот упадет в обморок или сломается и побежит к шаттлу, одно из двух. Три Саргасс и Амнардбат приближались к ней, словно медленная жуткая волна, слишком обширная, чтобы ее

опередить. Даже тот факт, что Декакел Ончу стояла рядом с ней, не мог пойти на пользу – Ончу без обиняков дала понять, что полезность Махит для нее исчерпана. Эта полезность закончилась в тот момент, когда Махит решила сообщать о том, что читала секретные письма Ончу Искандру спустя месяц, а не сразу по возвращении на станцию. Ончу передаст ее Амнардбат, если та вежливо попросит об этом – пилоты нуждались в «Наследии», так как последнему принадлежала прерогатива одобрять или не одобрять новые пилотские имаго-линии, а также поскольку немало их уничтожалось инородцами, пришедшими через Анхамематские врата. Ончу оказалась здесь, потому что контролировала отлет тейкскалаанского корабля со станции Лсел, убеждалась, что корабль покинул станцию, – не ради Махит. Вся эта маленькая сценка была до мозга костей политической, и Махит в ней не выступала в роли игрока. Она представляла собой израсходованный и бесполезный ресурс для всех, кроме Дарца Тараца, ему одному было важно отпустить ее – но не обеспечить безопасность. А еще она была важна Три Саргасс…

…которая смотрела на нее ясными, решительными и злыми глазами, пока Амнардбат вела ее по ангару. С ледяной ясностью Махит подумала: «Если я побегу, они, наверное, попытаются убить ее, как шпиона». А потом с еще более ледяной: «Может быть, она и вправду шпион, но мне нужно сбагрить ее с моей станции и удрать вместе с ней».

<Теперь ты сама шпион>, – пробормотал Искандр, а она проигнорировала его. Она не могла думать о своем обещании Дарцу Тарацу, не сейчас. Откладывала на потом, когда все закончится, если это «потом» наступит, если в нем будет в достатке времени, чтобы обдумать, что может наобещать человек, попавший в чрезвычайные обстоятельства. Человек, в изрядной степени позволяющий своему имаго вести их обоих к решениям, которые они ни за что бы не приняли до того, как стали частью цепочки живой памяти.

– Советник, – услышала она свой голос и даже удивилась его легкости, ровной, неколебимой уверенности, которой она на самом деле не чувствовала. На сей раз она говорила собственным тоном, не Искандра – своим, но при этом с такой идеальной невозмутимостью. – Какой неожиданный сюрприз! Это к лучшему – не придется оставлять послание вашему секретарю. Меня неожиданно отзывают, и я вынуждена отложить назначенную встречу.

Теперь Амнардбат в любую секунду может сказать: «Нет, Махит, вы должны немедленно идти со мной». Тут же появятся

сотрудники службы безопасности «Наследия», выйдут из тени, как агенты тейкскалаанского судебного корпуса «Туман», материализуются из невидимости в реальность и уведут ее. Амнардбат также в любую секунду может сказать: «Дзмаре нельзя доверять, она помогла этому тейкскалаанскому агенту проникнуть на нашу станцию». И, возможно, будет не так уж не права. В любую секунду.

– И куда же вас так срочно вызвали? – спросила Акнел Амнардбат мягким бесцветным голосом, напоминающим дистиллированную воду.

– Боюсь, советник Амнардбат, – сказала Три Саргасс по-тейкскалаански, – мой долг теперь востребовать услуги посла станции Лсел в Тейкскалаане.

Язык Три Саргасс впервые за долгое время показался Махит фальшивым, вырванным из контекста. Три Саргасс в ярком огненно-оранжевом одеянии, идеальная тейкскалаанка, напоминала срезанный ядовитый цветок в центре ангара. Нечто прекрасное и опасное, что не должно находиться там, где находилось, что обречено умереть и, умирая, заберет с собой все вокруг.

Амнардбат перевела взгляд с Три Саргасс на Махит, на замерший в ожидании шаттл с открытым входом, брови ее поднялись, а губы вытянулись, словно она попробовала на язык цитрусовый порошок прямо из пакета. Она отпустила руку Три Саргасс.

«Интересно, останутся ли синяки», – подумала Махит.

<Возможно, тебе представится случай узнать это, если не наделаешь глупостей>, – прошептал Искандр, и в том, *как* он это сказал, слышалось нечто совершенно грязное, что вызвало у Махит желание спрятаться от содержимого собственного мозга. Чья это была болезнь – его или ее? Обоих? Насколько будет трудно двигаться вперед?

Амнардбат не сказала ни слова по-тейкскалаански, хотя Махит знала, что советник прекрасно говорит на этом языке. Но она также знала и то, что Три Саргасс не в состоянии понять большинство обитателей станции.

– Так ли, Дзмаре? Вы направляетесь назад, в империю, хотя обязаны предоставить родине хранилище вашей памяти? – спросила она на языке Лсела.

Махит поморщилась.

– Я… мы… летим на войну, а не в Город, советник.

Множественное число. Она должна внимательно следить за множественными числами. Она, конечно, имела в виду себя и Три Саргасс.

Искандр, проблеск более молодой, поврежденной версии, менее похотливый и более беспощадный, проговорил:

<«Мы» для нас нормальное единственное число>.

Махит хотелось, чтобы они оба дали ей время подумать, а еще она хотела *не хотеть* этого. Она же так хотела, чтобы он вернулся, когда его не было рядом с ней.

Амнардбат оглядела ее и Ончу. В ее взгляде было колоссальное осуждение и полное презрение: «Ну, если уж вы так хотите. Все равно от вас никакой пользы». Махит вычисляла возможное развитие событий. Почти уверенно. Придавала смысл там, где его не было. Она, казалось, была не в силах остановиться – да что там, она не могла остановиться с самого Города.

– Существует множество других, более легких способов совершить самоубийство, Дзмаре, чем ввязываться в чужую войну, – сказала Амнардбат, по-прежнему на станционном.

Махит не думала, что этот выпад вообще предназначался ей. Это, скорее, для Ончу и, может быть, Дарца Тараца через нее: чужая война и снова расходование ресурсов Лсела по прихотям Тейкскалаана.

«Если бы ты не угрожала мне, я бы никуда не улетала. Я не собиралась покидать Лсел. Я только что вернулась домой. *Я же добровольно прилетела домой, советник*».

Малодушная мысль.

– Я собираюсь вернуться. Живой, – сказала Махит. – Что-нибудь еще, советник?

Сейчас наверняка появится персонал службы безопасности. Или вмешается Ончу. Или Три Саргасс перестанет выглядеть так, будто у нее вот-вот разовьется телепатическое чувство, и скажет Махит, что та должна делать, когда на нее смотрят выразительно экспрессивным взглядом.

– Ну, тогда флаг вам в руки, – спокойно, будто о чем-то незначительном, сказала Акнел Амнардбат. – Желаю приятного времяпрепровождения, когда будут передышки.

Она потрепала Три Саргасс по плечу – та, не скрывая неудовольствия, поморщилась, а Акнел обратилась к Ончу:

– На пару слов, Ончу, пока тейкскалааночка и ее *подопечная* убираются из контролируемого нами пространства.

– Конечно, советник, – спокойно ответила Ончу. – Удачи вам, Махит. И вам, уполномоченный.

Ончу хотя бы потрудилась перейти на тейкскалаанский, когда обратилась непосредственно к Три Саргасс. Теперь у нее появилась возможность покинуть место, где она стояла рядом с Махит, и Ончу тут же этим воспользовалась, уводя Акнел

следом за собой. Тейкскалааанка и *неисправный* посол – все это не имело значения, когда один советник Лсела разговаривал с другим. Они не скрывали этого – напротив, демонстрировали, резко и мастерски. Махит могла представить, что, проживи она достаточно долго, со временем превратится в такую же женщину.

Открытый тамбур шаттла напоминал темную пасть. Махит взяла свой багаж – гораздо меньший, чем брала, отправляясь в Город, – и вошла внутрь, Три Саргасс вошла следом, слева от нее. Она словно вернулась на свое место, подобно ампутированной конечности, которая внезапно восстановилась. Словно они так все это время и оставались послом и официальным представителем, варваром и открывателем дверей. Словно ничего и не менялось.

* * *

Восемь Антидот проснулся и увидел императора – она стояла в раме окна его спальни, в густом лунном свете за ее спиной. Она сияла, как призрак из сна, как привидение, облаченная в белое одеяние, которое носила, до того как стать императором. Восемь Антидот подумал, уж не очнулся ли он год назад, не превратился ли в дым, не испарился ли весь мир, в который он свалился, когда его предок-император покончил с собой. Может быть, ему сейчас еще десять лет. Может быть, сегодня не случилось ничего, кроме того, что он отправился посмотреть птичек – дворцовых певчих. Посмотреть птичек, продекламировать стихи своему наставнику и уклониться от завязывания дружбы с каким-нибудь очередным мальчишкой, которого ему вновь попытаются навязать, – и забыть.

Девятнадцать Тесло смотрела на него. На мир, который отказывался расползаться на смутные обрывки воспоминаний. Ему стукнуло одиннадцать, он был единственным наследником императора и вчера убедил министра войны показать ему, как нужно командовать Флотом.

– Я хочу кое-что тебе показать, – сказала Девятнадцать Тесло.

Ее глаза тяжело смотрели на него. Теперь она отдавала ему все свое внимание, а он лежал в кровати без рубашки. Почувствовав неожиданно смущение, он натянул простыню до груди и сел.

– …Ваше Великолепие, – сказал он, стараясь говорить так, чтобы по его голосу не было слышно, что минуту назад он спал. Или что он все еще слишком ребенок.

Она отошла от окна, тень отделилась. Он увидел что-то в ее

руке, что-то металлическое. Восемь Антидот никак не мог разобрать форму предмета. Может быть, это нож. Может быть, она хочет зарезать его и навечно сохранить лучезарный солнцетрон копий за собой и за своими наследниками, кем бы они ни были. Мог бы он остановить ее? Одиннадцать Лавр научил его основам борьбы, а еще он умел пользоваться энергетическим пистолетом, но у него не было оружия, а Девятнадцать Тесло была в два раза тяжелее его. К тому же он лежал, а она стояла, так что все преимущества были на ее стороне.

Но это был не нож. Не совсем.

У предмета была форма наконечника стрелы, Восемь Антидот видел что-то подобное на исторических голограммах о докосмических людях, о том, как они убивали друг друга. Но предмет в руках Девятнадцать Тесло был велик, размером с ладонь и изготовлен из темно-желтого металла. Лунный свет упал на кромку предмета. Вид у него был ржавый, но ржавым он не был. Он был замаран кровью, настолько старой, что ее следы должны были уже давно сойти. Девятнадцать Тесло протянула предмет ему.

– На, – сказала она. – Возьми его.

Он взял. Предмет оказался тяжелым. Его покрывал какой-то прозрачный лак, который не позволял отшелушиться засохшей крови. Значит, *память*. Наконечник, похожий на острие лучезарных копий-символов трона. В центре наконечника была горбинка, напоминающая позвонок. Он провел большим пальцем по выступу, ощутил его торчащие элементы и впадинки. Он нажал на самую глубокую. Тонкая панель металлического хребта беззвучно сдвинулась, и он увидел внутри голограмму. Словно весь этот предмет представлял собой гигантский стик инфокарты, который он только что взломал.

Он увидел изображение, очень маленькое и без каких-либо глифовых обозначений. Восемь Антидот четко понял, что видит перед собой. Это был его предок-император, достигший средних лет, сильный, с водопадом волос, доходящих ему до бедер. Он сидел на четырехногом животном. «Лошадь, – вспомнил Восемь Антидот, – это лошадь или, может, верблюд, но думаю, лошадь». Рядом с ним на другой лошади сидела Девятнадцать Тесло в солдатской форме Третьего Легиона без знаков различия. Восемь Антидот слабо разбирался в возрастных признаках, но ему казалось, что ей здесь лет двадцать, не более.

На голограмме они оба смеялись, словно разделяли общую тайну. Девятнадцать Тесло держала в руке длинную палку с металлическим наконечником, с которого капала кровь, кровь была и на ее лбу в виде отпечатков императорских пальцев,

словно он погрузил их в рану врага, а потом прижал к ее лбу. На палке был тот самый наконечник, который Восемь Антидот сейчас держал в руке. Он в этом не сомневался.

– Почему вы показываете мне это? – спросил он.

Император не улыбнулась. Она подошла к краю его кровати и села. От ее веса на кровати ничего не изменилось, и Восемь Антидот впервые подумал о Девятнадцать Тесла как о *небольшой*. Высокая не по моде, при полных императорских регалиях, она всегда казалась широкой в плечах, сильной, но вот теперь она сидела рядом с ним, легкая как перышко, словно призрак в лунном свете из окна.

– Потому что я любила твоего предка, Восемь Антидот. Я готова была умереть ради него, умереть, служа ему. Видишь нас на этой голограмме? В то время я ничего не знала о следующих тридцати годах – ни о том, что буду делать я, ни о том, что будет делать он. Но я уже знала, что верю в его Тейкскалаан, в империю, которой достаточно сил, чтобы жить в мире, если только мы сможем поднять ее мощь до необходимых высот. И мы сделали это. Мы работали десятилетиями, подняли и удержали.

– Долго это не продлилось, – сказал Восемь Антидот. Произнося эти слова, он не мог смотреть на нее – только на крохотное изображение императора, незапятнанного своей жертвенной кровью. Тридцать лет спустя после крови на этой голограмме Восемь Антидот практически наяву увидел, как это могло выглядеть. Лошадь залило бы кровью целиком.

– Ничто не длится долго, – сказала ему Девятнадцать Тесло, и это было ужасно. В особенности потому, что она произнесла эти слова с покорной, бесповоротной окончательностью. Истина из государства, населенного взрослыми. Из страны императора. – И все же я верю в тот Тейкскалаан. Когда Шесть Путь сделал меня императором в храме солнца, он доверил мне свой Тейкскалаан. А после меня – тебе.

– Мне одиннадцать, – сказал Восемь Антидот, словно этими словами мог вынудить ее уйти. Он с такой силой сжал в кулаке наконечник-воспоминание, что костяшки его пальцев побелели. Крохотная голограмма зашевелилась. Стабилизировалась.

– Тебе одиннадцать, маленький шпион, – согласилась Девятнадцать Тесло и вздохнула. – Тебе одиннадцать, и ты не Шесть Путь, как бы ни был похож на него лицом. Я постаралась, чтобы тебе не *пришлось* становиться им. – Ее рот перекосило. – Иногда я поражаюсь тому, что Шесть Путь передал мне Тейкскалаан, после того как я сделала все, чтобы добиться этого. Я знаю: ты не он, Восемь Антидот. Я знаю это наверняка.

«А что вы сделали? Что вы сделали, чтобы выглядеть так,

когда говорите об этом? Что могло бы случиться со мной, если бы вы этого не сделали?» – хотел он спросить, но не мог обрести голос.

– Вот почему мы не сможем быть друзьями, какими были я и твой предок, – продолжала она. – А еще тебе одиннадцать, но ты уже вовлечен во все это. Мальчишка, которому удается пройти в Военное министерство и заручиться поддержкой Три Азимут, уже политик, хотя все еще остается ребенком. Ты знаешь, о чем я говорю.

– Знаю, – очень тихим голосом сказал Восемь Антидот. – Я жалею, что пошел туда.

– Ах, во имя черных дыр, не жалей, – энергично прервала Девятнадцать Тесло. – Я предпочту умного, нахального, интересного преемника, чем тупицу или зануду. Иначе нам не построить Тейкскалаан твоего предка.

Она использовала множественное число, словно они были ровней. Словно они были оба взрослыми и она доверяла ему. Может, это и не соответствовало действительности, но он не знал, зачем ей говорить такие слова, если она лжет или скрывает от него то, что ему рано знать.

– Разве мы не ведем войну, Ваше Великолепие? – спросил он. – Как же мы тогда можем сохранять мирную империю Шесть Пути, если сражаемся с этими инородцами?

– Мы и не можем, – согласилась Девятнадцать Тесло. – Стало быть, придется одержать победу или изменить параметры конфликта.

– Судя по имитационным проекциям Три Азимут, победа…

– Маловероятна, я знаю. Во всех подробностях. Вот что я прошу тебя сделать для меня, маленький шпион, мой маленький преемник. Храни этот наконечник и поглядывай на него, когда не уверен в том, что именно твой император хочет для тебя. Запомни то, что я сегодня тебе сказала. А еще сходи в Военное министерство и узнай для меня, что там происходит. Узнай, почему Одиннадцать Лавр так в тебе заинтересован. Узнай, собирается ли Три Азимут выиграть эту войну, или она намерена поддерживать постоянно тлеющий конфликт. Будь собой, как и был прежде, но обращай на все внимание.

Восемь Антидоту казалось, что его язык онемел, как и его пальцы. Сердце бешено колотилось у него в груди. Он не знал, почему Три Азимут могла бы не хотеть победы в войне. Разве министры войны существуют не для того, чтобы приносить победы Тейкскалаану? Но ему удалось кивнуть – да и мог ли он *не* кивнуть? – с крепко прижатым к груди наконечником.

– Хорошо, – сказала император. – А теперь возвращайся ко

сну. Тебе всего одиннадцать. Тебе нужно еще поспать.

Она протянула руку и коснулась его щеки холодными кончиками пальцев. Ласковое, легкое прикосновение. Потом она встала и ушла. Дверь спальни закрылась после ее ухода, издав тишайший из щелчков.

Восемь Антидот больше не уснул. Он наблюдал за пробивавшимся сквозь голограмму рассветом, который преображал его умершего предка в залитого солнцем бога.

* * *

После Пелоа-2 надгробные речи произносились каждые несколько часов. Девять Гибискус придерживалась старой традиции зачитывать имена погибших на весь Флот, ведя трансляцию на редко используемой частоте. Когда Десятый легион не принимал участия в активных боевых действиях, он уходил этим распевом в глубину веков на тысячу лет предыдущих потерь, отсчитывая каждые полторы недели от последнего погибшего солдата в легионе до самого первого тейкскалаанца, который умер в этой военной форме. Девять Гибискус не могла забыть его имени или низкого тона, которым его пропевали во время литании Два Чолья[8]. Колючее имя, все в иголках кактуса, имя, которое прекрасно звучало бы с предшествующими ему словами «капитан» или «икантлос». Два Чолья умер тысячу лет назад, в семнадцатилетнем возрасте, прежде чем к его имени успели прилепиться какие-либо звания или титулы. После его имени было много других.

Во время боевых действий частота похорон пресекала проигрывание бесконечной петли памяти, и звучали только имена погибших в текущей войне, в каком бы ничтожном звании они ни закончили жизнь. Слово из песни, звук капель крови в чашу, а потом следующий.

Смерти происходили столь быстро, потому что Шестнадцать Мунрайз совершила на Пелоа-2 нечто такое, что пробудило инородцев, привело их в состояние полной боевой готовности. Флот еще не обрушился на врага всей своей мощью. Они пока лишь опробовали границы. Делали это в основном люди Шестнадцать Мунрайз из Двадцать Четвертого и несколько из Семнадцатого, легиона Сорок Оксида, который расположился на самом левом фланге текущей диспозиции Флота. Врагу нравился левый фланг. Девять Гибискус начинала думать, что где-то за пределами коммуникационного блэкаута, в темных местах между неяркими звездами этого сектора, находилась их база или

большое собрание кораблей, которые она не могла видеть. Где-то слева от «Грузика для колеса».

Она ожидала реакции на возвращение Пелоа-2 в состав Тейкскалаана. Было сделано заявление: «Мы здесь, эта планета и эти люди принадлежали нам и снова принадлежат; Пелоа внутри нашего мира. Пелоа тейкскалаанская. Проваливайте к чертям». Реакция, конечно, последовала. Но почему-то Шестнадцать Мунрайз ментально не была готова к столкновению с врагом – звезды долбаные, нужно придумать им название получше, чем «враги» или «инородцы», а дипломат из министерства информации до сих пор не может добраться сюда и сказать ей, как они сами себя называют. Так или иначе, Шестнадцать Мунрайз решила, что у доблести есть свои *издержки*.

Увидев обожженное, рассеченное планетарное тело Пелоа-2, она прониклась убеждением, что инородцы были настроены на ликвидацию, уничтожение ресурсов и захват территории в большей степени, чем на завоевание власти или колонизацию. Что же касается издержек – нападения на фланги Флота, на несколько кораблей, посланных Шестнадцать Мунрайз в разведывательных целях, – это было чем-то другим, чем-то *умным*. Они не позволяли обширным силам Тейкскалаана найти опору, найти надежную цель.

Только похороны; сегодня их случилось уже шесть – два пилота «Осколков» и четыре человека экипажа одного из разведчиков-истребителей Сорок Оксида.

Девять Гибискус просмотрела запись гибели корабля на голограмме. Инородцы не потрудились использовать для его уничтожения плевки своим растворителем. Они просто возникли вместе с характерным искажением видимости, которое сопутствовало границам их маскирующей системы, и разорвали корабль на части энергетическим оружием. Пилот и команда даже не успели прореагировать – их корабль был сожжен и разбит на части. А это, конечно, означало, что уже знакомые подкрадывающиеся инопланетные корабли с тремя кольцами могли появиться где угодно.

Смертей было слишком много. Каждый раз, заходя в сеть «Осколков», она видела: уничтожен еще один корабль, потемнел еще один тейкскалаанец, чувствовала отзвук коллективного вздрагивания, горечь скорби, более глубокий ожог ярости – *как же мы могли так легко проиграть, как смеет враг действовать с такой безнаказанностью*…

Все это – и вдобавок маскировочное остаточное изображение каждой смерти. Она спрашивала себя: насколько еще может

ухудшиться ситуация для пилотов «Осколков», которые имеют способность проприоцепции и визуальную связь?.. Гораздо хуже. Почти наверняка.

Ей придется перейти в наступление подавляющими силами, совсем скоро и по-прежнему вслепую – подавить их, где бы они ни находились…

Двадцать Цикада похлопал ее по плечу, и она вздрогнула, повернулась к нему, готовая ударить его по горлу и уклониться от ответного удара, словно они находились на спарринг-ринге. Такой реакции у нее не было уже лет десять. Он отшатнулся, подняв руки.

– Мальва, – очень тихо сказал он, называя ее кадетским прозвищем, которое она получила во времена, когда была мягче. Никто, наверное, не помнил уже этого прозвища, не говоря уже о том, чтобы использовать его для усиления эффекта. Стыд двигался медленно, как и ее отдаленный страх: уж не потеряла ли она контроль над собой, над своим Флотом?

– Извини, – сказала она. – Никак не ждала тебя.

Он встряхнулся, по плечам прошла едва заметная дрожь. Он поправил воротничок своего мундира до идеального положения, предписанного правилами, потом улыбнулся ей, моргнули широко раскрытые глаза, искривился рот.

– Ты слушала похоронки, – сказал он, и его слова были способом простить ее. – Я бы и сам испугался.

– Они все продолжаются, – сказала Девять Гибискус. – Нужно было выключить или хотя бы сделать потише и заняться работой.

– Потери слишком велики, – согласился с ней Двадцать Цикада. – Мы не можем долго откладывать наш ответ. Терять наши самые рисковые и быстрые корабли означает подтачивать боевой дух, яотлек. Мы должны… *предпринять* что-нибудь.

– Ты говоришь, как Шестнадцать Мунрайз.

Двадцать Цикада поморщился.

– Хотел бы я этого не говорить. Но нам противостоит какая-то мерзость, и наши люди знают это. Им нужно, чтобы это прекратилось, чтобы они перестали умирать без возможности наносить ответные удары.

– Мы так до сих пор и не знаем, *что* нам противостоит, – сказала Девять Гибискус, досадуя на горечь в собственном голосе. – Я могу подготовить Флот к массированному наступлению, но если мы попадем на бойню, не имея линий снабжения и резерва…

– Они пойдут за тобой. Все на этом корабле.

– Я знаю, – сказала Девять Гибискус. В этом-то и заключалась проблема.

Двадцать Цикада кивнул, соглашаясь с ней, но при этом не замолчал.

– Доверие не является бесконечно возобновляемым ресурсом. Лояльность – да, может быть, – добавил он. – Она работает дольше. В особенности когда мы восстаем против чего-то, что даже не утруждает себя использованием того, что берет…

– Я думаю, они все же используют то, что берут. Мы просто пока не понимаем, как именно.

– Я не хочу понимать, как можно использовать то, что они сделали с Пелоа-2, – сказал Двадцать Цикада; он сказал это таким же тихим голосом, каким только что назвал ее кадетским прозвищем. – Я думаю, понимание этого безвозвратно повредит мне мозги.

Разве она может что-либо возразить? Она пожала плечами, развела руками.

– Я не буду откладывать это в долгий ящик. Обещаю.

Пока не прилетит уполномоченный. Она должна появиться на «Жасминовой глотке» через две смены с этого часа. Всего через четыре смерти.

* * *

Пребывание внутри «Жасминовой глотки» выносило мозг. Тебя после чистого, обработанного воздуха закидывали в условия невыносимой влажности. Впрочем, Махит не чувствовала существенного отличия от реальной атмосферы: «Жасминовая глотка» была космическим кораблем, в нем имелись климат-контроль и регулировка содержания кислорода, как и на любом другом космическом корабле, включая и станцию Лсел. Отличие состояло в том, что корабль был тейкскалаанским.

Стены были металлическими и пластистальными, но с мозаичными инкрустациями золотистого, зеленого и сочно-розового цвета, согласно формализму и структуре военного снабженческого корабля с тейкскалаанской символикой. Зеленые предметы, растущие, яркие звезды. Цветы. Черт, как она могла забыть о цветах повсюду?.. Белые жасминоподобные цветы на потолке ангарной палубы, тейкскалаанцы в серой одежде и золотистые флотские мундиры, облачные привязки у всех на глазах. Неудивительно, что казалось, будто она дышит тяжелым воздухом.

– Добро пожаловать назад, – сказала Три Саргасс. – Или добро пожаловать на войну?

Она все еще отставала от Махит на шаг и держалась левее ее

с того момента, как они вышли из шаттла и двинулись по ангару к пассажирской палубе – до боли знакомая диспозиция.

Три Саргасс почти не говорила с Махит, пока челнок доставлял их на «Жасминовую глотку». Только смотрела на нее и бормотала: «Это было интересно», потом замолкала, безмолвное огненно-оранжевое явление, тейкскалаанская непроницаемость. Как подозревала Махит, они обе предполагали, что встреча с Амнардбат закончится иначе, и ни одна из них не понимала, почему дела пошли так, как пошли. От этого они чувствовали себя неловко в обществе друг друга. Ни одна из них не знала, как говорить о катастрофе, не объяснив, почему ситуация могла стать катастрофической. Любые объяснения казались Махит слишком опасными. Возможно, Три Саргасс считала так же.

Теперь, на борту «Жасминовой глотки», с двумя гипервратами, которые отделяли их от Флота, и перелетами на досветовых черепашьих скоростях – семь часов *личного времени,* – Махит поняла, что ей и Три Саргасс придется начинать все заново. Вернуться к истокам. К «давай допустим, что я не собираюсь вредить тебе» и «давай допустим, что я не идиотка».

Дистанция казалась немалой. В особенности еще и потому, что саботажником на сей раз была не Махит. Возможно – ничто, *ничто* не было решено, она повторяла эти слова себе или говорила их Искандру, чтобы избавиться от уколов невропатической боли, распространяющейся от ладоней по всему телу. Так или иначе, Три Саргасс никто не мог назвать идиоткой.

Когда они не думали о Дарце Тараце, Искандр хранил молчание, напевал что-то себе под нос, являл собой некую довольную сущность на периферии ее мозга. Он никогда не бывал на тейкскалаанском военном корабле: ни на грузовом, ни на боевом, и Махит, испытывая некоторое облегчение, полагалась на его внимательную и занятную наблюдательность. Она нуждалась в этом. Нуждалась во всем, что напоминало бы, что она переживает *новый* опыт, а не возвращение обратно. И даже близко не что-то сродни приезду домой.

– Мы еще не ведем войну, – сказала она Три Саргасс. – До начала войны полтора дня. Мы должны подготовиться.

– Черт побери, мне тебя не хватало, – сказала Три Саргасс с долей сожаления, источник которого Махит не могла понять. – Еще одного человека, который берется за решение проблем…

Махит чувствовала присутствие призрака рядом с ними, резкое и ясное, как осознание политических лояльностей, тайных союзов: отсутствующее третье лицо. Двенадцать Азалия уже три месяца как умер и предан земле, как и все погибшие чиновники министерства информации, похороны и мемориальную дощечку

оплатил Город. Двенадцать Азалия теперь был на невообразимом расстоянии от них двоих. «Единственный из нас, кто обладал хоть какой-то практичностью, – подумала она, а потом возразила самой себе: – Нет. Единственный, в ком нуждалась Три Саргасс, чтобы не потерять равновесие. У меня-то никогда не было такого друга. И терять его не доводилось».

– Тогда скажи мне, в чем проблема, – сказала Махит. – Помимо «нам придется говорить с инородцами» и «тебе меня не хватало». – Они проходили мимо множества тейкскалаанских солдат, каждый из которых таращился на уполномоченного министерства информации и варвара, сохраняя при этом невозмутимость.

– В этом и есть суть проблемы, – сказала Три Саргасс. – В этом сочетании. И инородцы – проблема более безотлагательная. А еще, *кажется*, ты успела за это время наплодить здесь немало врагов…

– Ну, это не *насущная* проблема, – сказала Махит настолько невозмутимым тоном, насколько могла.

<А-аа, значит, мы поступаем в агенты к Тарацу? А я уже начал думать, не собираешься ли ты просто ей признаться>.

«Я уже говорила, Искандр, если я надумаю сдать нас Тейкскалаану, это потребует гораздо большего, чем некоторое политическое давление».

Она вовсе не чувствовала той отваги, какая слышалась в ее голосе, и знала – ему это известно; он находился внутри ее эндокринной системы, был свидетелем тысячи посланий ее нейротрансмиттеров и желез. Он точно знал, как аккуратно Дарц Тарац поймал ее: сделать все, чтобы Тейкскалаан постоянно находился в состоянии войны или воплотить в жизнь план «Наследия». Одно или другое. Пока все, что она сделала, – не упомянула о приказах Тараца. Это мало походило на действия агента, но оставляло открытой дверь для будущих действий. Хранение секретов всегда имело такие последствия.

– Если ты считаешь, что это не текущая проблема, прекрасно, – холодно сказала Три Саргасс и открыла дверь в крохотную транзитную камеру, в которой им было предписано оставаться в течение перелета. Камера едва ли была больше, чем арендованная капсула, где они проводили время на Лселе, окон не было. Махит не очень-то хотелось увидеть искажение пространства вокруг гиперврат, но все же она чувствовала странное разочарование оттого, что ничего такого не увидит. Когда дверь за ними закрылась, между нею и Три Саргасс не осталось никаких препятствий, кроме трех месяцев времени, формы уполномоченного и глубоких подозрений.

Три Саргасс поставила свой багаж у двери, опустилась на колени и принялась искать что-то. Когда она распрямилась, в ее руках было множество инфокарт простого промышленно-серого пластикового типа, с печатью министерства информации веселого и угрожающего кораллового-оранжевого цвета.

– Ну конечно, – не сдержалась Махит, – не могла же ты не взять с собой неотвеченную почту! Клянусь, я переадресовала письма перед отлетом, я работала над этим…

Вознаграждением ей стал смех Три Саргасс и краткое, абсолютно приятное ослабление напряжения, накопившегося за месяцы разлуки, ослабление, непонятно как обосновавшееся в ней.

– Нет, – сказала Три Саргасс, – никакой почты для тебя у меня нет. У меня есть только записи яотлека, командующего Флотом, о наших таинственных и очень опасных чужеродцах. У меня пока не было возможности просмотреть их. Хочешь взглянуть?

<Да>, – пробормотал Искандр завистливо, возбужденно – с теми самыми чувствами, которые испытывала и Махит. Корысть, определенная степень ксенофилии – все это проявлялось в способностях их обоих, было основным условием их совместимости. «Покажите мне что-нибудь новенькое».

– Давай разберемся, с чем мы учимся говорить, – сказала она и взяла первую из инфокарт из руки Три Саргасс, нажала пальцами, и стик со щелчком открылся.

Запись была только звуковой. Это… черт, Махит словно прорубила дыру в мироздании размером в длину инфокарты, и из этой дыры доносились звук помех и крики, или звук помех, который был криком, или…

Ей стало нехорошо. Казалось, не существовало способа выключить эти звуки. Лицо Три Саргасс приобрело зеленовато-серый оттенок под тепло-коричневым цветом кожи. От этого она казалась мертвой. Или умирающей. Или как если бы ей *хотелось* быть мертвой или умирающей.

И все же из инфокарты доносились *различные* записанные жуткие звуки – прерывистый визг, повторявшийся три раза, низкое гудение, которое узлом завязывало желудок Махит и повторялось после каждой паузы протяженностью более десяти секунд. Она не могла понять эти звуки, они были жуткими, но не были шумами.

Когда запись наконец закончилась, они с Три Саргасс дышали, хватая ртами воздух в режиме гипервентиляции, чтобы подавить тошноту. Они посмотрели друг на друга.

– Я не уверена, что это язык, – с трудом проговорила Махит, –

но это определенно коммуникация. Фонемы или… не думаю, что слова, слишком незаметна дифференциация, но, может быть, маркеры тональности?

Три Саргасс кивнула. Сглотнула, словно загоняя внутрь желчь, и опять кивнула, теперь увереннее.

– Ужасные, тошнотворные маркеры тональности. Поняла. Я хочу сравнить их с выборкой из корабельных перехватов – они каким-то образом взаимодействовали с помощью этих звуков. Может, нам удастся определить, какой шум чем сопровождается…

– Если мы начнем блевать, хорошо бы в бачок, – сказала Махит. – У нас есть бачок – на случай, если еще остались такие записи?

Она показала на зажатые в руке Три Саргасс инфокарты.

– С маркировкой «аудио» был только один. Остальные визуальные и текстовые, – сказала Три Саргасс. – Открой их, а я пойду поищу два бачка. Это корабль-грузовик, он пополняет всевозможные запасы, у них наверняка найдется и пара бачков.

– Может, у них еще и мусорные пакеты есть. Нам тут еще придется слушать записи. Долго.

– Хренов вакуум, – выругалась Три Саргасс, но при этом улыбалась так, как станциосельники: показывая кончики зубов. Махит была очарована и обеспокоена тем, что очарована, а еще испытывала облегчение оттого, что при совместной работе они вновь отлично ладили. – Пакеты для мусора, превосходно! Семь часов – это куча времени, достаточно, чтобы классифицировать маркеры тональности по количеству мусорных пакетов, которых требует их прослушивание…

– Я не хотела бы, чтобы ты бледно выглядела перед яотлеком, – сказала Махит. – Она немедленно потребует отчет о количестве использованных пакетов. А также, возможно, остальную часть отчета.

– Вот видишь! – сказала Три Саргасс, продолжая улыбаться почти станционной улыбкой. – Я знала, что если мне удастся привлечь дипломата-варвара, которая смогла освоить *наш* язык, это сэкономит мне время на обучение чужому…

Она выскользнула за дверь, прежде чем Махит задала вопрос, который вертелся у нее на кончике языка: «Очаруют ли тебя эти инородцы так же, как очаровала я? С учетом того, что все мы варвары, пусть даже мы такие же человекообразные, как ты?»

<Лучше не спрашивай, – сказал ей Искандр. – На самом деле ты в любом случае не хочешь знать ответ>.

* * *

В поэзии и эпической прозе, даже в руководствах по искусству управления государством, самой скучной и клинической разновидности императоры лишались – или должны были лишаться – сна, как и капитаны космических кораблей, по тем же причинам. Девять Гибискус всегда считала, что яотлек, являющийся чем-то средним между капитаном и императором, после получения нашивок с колючками на воротник должен на самом деле развить в себе способность бодрствовать на протяжении неопределенного времени. Однако жизнь нашла способ игнорировать поэзию, эпические творения и руководства по искусству управления государством. Как и все остальные на «Грузике для колеса», Девять Гибискус имела отведенную ей восьмичасовую смену для сна.

В последнее время со сном у нее были проблемы. Это кое-что говорило об императорах, яотлеках и разнице между ответственностью, которую несешь, когда командуешь пусть и мощнейшим, но относительно небольшим космическим кораблем, или когда руководишь совершенно несопоставимым с кораблем объектом вроде всего тейкскалаанского Флота, готового погибнуть по твоей команде, если этого требует империя.

Девять Гибискус пыталась уснуть. Она сняла форму, легла на кровать в майке и спальных шортах, посредством облачной привязки притушила свет в спальне почти до полного отключения. Она также разослала сообщение, требующее радиомолчания, кроме чрезвычайных случаев. Если инородцы предпримут атаку на «Грузик для колеса», ее нужно разбудить, но во всех других случаях – нет.

Если, конечно, ей вообще удастся уснуть. Она пыталась уснуть в течение доброй трети восьмичасовой смены, но ничего не получилось. Думать она могла только о гибели «Осколков» во вспышках пламени, о том, стоит ли новая технология биологической обратной связи того, чтобы половина состава Флота получила посттравматические флешбэки, потому что кто-то в другом конце сектора умер плохой смертью. Анализ затрат и выгод был несовместим со сном.

Она почувствовала облегчение, когда кто-то постучал в ее дверь. Скорее всего, кто-то, до кого не дошло ее указание беспокоить ее только в самом крайнем случае, пытался вручить ей послание не первостепенной важности. Хотя и происходило что-то, не требовавшее ее вмешательства, теперь она уже могла не притворяться, что спит. Она включила свет, надела брюки, чтобы ее внешний вид создавал хотя бы видимость начальственности, и взмахом руки открыла двери. По другую

сторону стояла с извиняющимся видом ее начальник связи Два Пена, у которой, судя по всему, была рабочая смена – мостик строго соблюдал очередность, и когда Девять Гибискус спала, Два Пена обычно бодрствовала. Но сейчас она все равно выглядела изможденной, даже несмотря на то, что ее не сдергивали с кровати неожиданно.

– Яотлек, – сказала она, – случилось нечто чрезвычайное.

Экипаж «Грузика для колеса» называл Два Пену «Пузыри», хотя ничего пузырчатого в ней не было. Прозвище это стало широко распространенным, и даже Девять Гибискус приходилось сдерживаться, чтобы оно не сорвалось с языка. Яотлек махнула – заходи, не называя начальника связи по имени. Когда та зашла, Девять Гибискус закрыла дверь движением руки. Ее пульс подскочил; это было куда лучше, чем спать – сфокусироваться на *ответственности* в кризисной ситуации.

– Ну, какая такая чрезвычайность заставила поднять меня с кровати?

Два Пена чувствовала себя не в своей тарелке, стоя перед своим начальником, пока та натягивала на себя оставшиеся элементы формы. Тем не менее она храбро направила взгляд в потолок и ответила:

– Сэр, в наших руках один из инородцев.

– Что?! Живой?! Мы захватили их корабль?

Два Пена отрицательно покачала головой.

– Мертвый. «Осколок» из Семнадцатого обнаружил его парящим в вакууме после… одного из столкновений. Он захватил его и доставил сюда.

Ноги Девять Гибискус стали подгибаться от приятного возбуждения, также пришлось приложить немалые усилия, чтобы скрыть дрожь в руках.

– Этого солдата нужно представить к награде. Пусть это сделает Сорок Оксид – свяжись с ним, награду он должен получить от своего капитана Флота. И… где он? Инородец?

– В медицинском отсеке, – ответила Два Пена. – Медики собираются делать вскрытие. Но я подумала, вы сначала захотите на него посмотреть.

– Черт побери, конечно! – сказала Девять Гибискус, засовывая ноги в ботинки. – Идем.

Чтобы попасть в медицинский отсек, нужно было подняться на две палубы в хвосте корабля. Ходьбы туда было пятнадцать минут, но они уложились в десять, и Девять Гибискус с глубоким, сдержанным удовольствием поглядывала на Пузыри, которая легко поспевала за ней, отставая на полшага. От этого возникало чувство, что во Вселенной все в порядке, и это очень ей

понадобится, чтобы справиться с тем, что сейчас увидит – чем бы это ни было. Она пыталась не воображать его. Воображение порождает предвзятость. Опять же, она почему-то могла его представить исключительно в виде уменьшенной до человеческого размера разновидности их кораблей с тремя кольцами, и это было нелепо; инородцы явно не были голодным кораблеобразным видом, который отпочковывается от малых кораблей. Пилот «Осколка» не смог бы притащить труп одного из них, если бы дела обстояли так.

Вот что делало с ней воображение – плодило абсурды, утешительные для разума. Девять Гибискус подозревала, что ей предстоит увидеть нечто гораздо хуже, чем все, что она видела прежде.

Она ошибалась.

И это было ужасно.

С хирургического стола, который она увидела, исчезли все стандартные подкладки и подушки, предназначенные для удобного расположения человеческого тела, остался только голый металл, а на нем что-то, похожее на животное. Даже никакое не жуткое. Просто новое.

Его уже раздели – сняли одежду, которая представляла собой нечто, пошитое из темно-красной материи боевого применения, и пошитое хорошо. Кто-нибудь проанализирует это позднее, хотя уже сам факт, что они носят одежду, имел немалое значение. Но теперь все внимание было сосредоточено на самом существе. Девять Гибискус подошла поближе, достаточно близко, чтобы понять, что оно в живом состоянии превосходило ее на добрых полтора фута. У обнаженного инородца было четыре конечности, как и у большинства двуногих. Две задние были толстыми и короткими, мощными в районе бедра под длинным торсом. Две передние были слишком длинными по человеческим стандартам, имели четырехпалые ладони, пальцы заканчивались кругловатыми когтями с декоративными насадками, изготовленными из чего-то яркого, похожего на пластмассу, пронизанную серебристым проводом. «Видимо, это пилотажный интерфейс», – зачарованно подумала Девять Гибискус и продолжила внимательно осматривать тело. Кожа была в крапинках – возможно, вследствие травмы или пребывания в вакууме, но она решила, что это особенность кожи: пятнистость повсюду, включая шею. С шеей что-то было не так.

Она имела слишком большую длину – в половину торса. Такую шею легко согнуть или разорвать, она была гибкой, насыщенной мышцами, на ней сидела голова, представлявшая собой сплошную челюсть: распахнутый рот, хищные зубы,

неровные и массивные, отчасти прикрытые темным высунутым языком. Глаза смотрели вперед, как человеческие, но смотрели невидящим, затуманенным взглядом, левый глаз разорвало во время смерти, которой он умер, какой бы она ни была. Глаза хищника, подобные глазам человека.

Уши его представляли собой чашки, сдвинутые к затылку и слегка поросшие волосами. Почему-то именно это показалось ей худшим в его внешнем виде. Эти уши походили на уши мягких котообразных кауранских зверьков, которые мурлыкали, плодились в вентиляционной системе и раздражали Двадцать Цикаду. Такие же уши были у этого существа, в целом безволосого, падальщика, который уничтожал ее Флот.

– Оно млекопитающее? – спросила Девять Гибискус. Она знала, как убивать млекопитающих. У них всех была довольно-таки стандартная физиология. Например, сердце располагалось в груди.

– Оно не насекомое и не рептилия, – сказал медик. – Возможно, млекопитающее. Мужского пола. – Он сделал движение рукой. Девять Гибискус кинула взгляд на область половых органов и кивнула. – Я буду знать больше после вскрытия.

– Тогда приступайте, – сказала она. – Разузнайте, как оно функционирует, чтобы мы решили, как оптимальным путем прекратить это функционирование.

Интерлюдия

Это происходило не в первый раз. Место: в глубине Бардзравандского сектора, достаточно близко от Анхамематских врат, чтобы дискретность пространства возле них начинала воздействовать на видимость. Человеческие глаза – как и все другие глаза, любые, которые функционируют на старой доброй модели рефракции и отражения, модели сосредоточения на сетчатке света, его преобразовании в изображение, передающееся от одного нейрона к другому, – не могут увидеть, что гиперврата совершают с пространством-временем. Сосредоточение света в какое-либо связное изображение страдает одним дефектом. Коллапсом смысла.

Такая дискретность дрожит, сотрясается, распространяется. Часть ее откалывается. Как следствие рябь устремляется в черноту, по образу камня, упавшего в воду. Отчасти уловленное отражение стаи рыб, сверкнувшее один раз, отразив свет своей чешуей, а потом изменив в совместном движении направление – исчезнувшее.

Вовсе не в первый раз такое случается, а когда оно случилось в предыдущий раз… вскоре после того как Декакел Ончу держала руку своего перепуганного насмерть пилота и воображала, как подрагивающая чернота между звездами может преобразоваться в голодные кольца с пастями, как у миноги. Как эта темнота может поглотить всю полноту имаго-линий, прежде чем появится хотя бы малейший шанс сохранения памяти.

В предыдущий раз не было никакого устойчивого потока тейкскалаанских военных кораблей через Дальние врата. Ончу надеялась, что если Дарц Тарац использовал всю станцию Лсел как наживку для Тейкскалаана в надежде вытащить империю из ее схрона и бросить в пасть этих кораблей-колец, то по крайней мере в пастях кораблей-колец перестанут гибнуть ее пилоты.

Она надеялась, но теперь и в этом было отказано.

Послание приходит, громкое и кричащее, отчаянный, сдавленный вопль по трансляции дальнего радиуса действия: «Они прячутся в гипервратах, они и ВЫГЛЯДЯТ, как гиперврата, они преследуют меня, мои скоростные ограничения не позволяют мне…»

Ончу, сидевшей в каюте Центра управления пилотов, который она считала истинным сердцем Лсела, невзирая на всю веру «Наследия» в то, что им является хранилище имаго-машин, не оставалось ничего иного, как просить своего пилота не возвращаться домой. Не приводить за собой это ненасытное

чудовище, которое, по мнению Тараца, может сожрать империю, к хрупкой оболочке станции Лсел. Этот поступок был худшим в ее жизни. Когда придет время умирать, она будет умирать с мыслями об этом, о занозе, добравшейся наконец до ее сердца после многих лет медленного движения по ее плоти. Она посылает такое сообщение в транслятор дальнего радиуса действия: «Проходи через гиперврата. Если они будут тебя преследовать, позволь им преследовать тебя. Дзох Анджат, – так звали ее пилота или имаго этого пилота во всех их итерациях, – я с тобой. С тобой весь Лсел, проведи их через гиперврата в надежде, что империя с другой стороны готова тебя принять. Я буду слушать…

Она не получает ответа – только позиционный сигнал. Небольшой сдвиг в этой дискретности вокруг Дальних врат. Дзох Анджат и ее преследователь пролетели через врата. Чтобы исчезнуть.

Декакел Ончу очень хорошо умеет слушать, и она остается у своих инструментов в течение долгих часов. Но она больше никогда не услышит посланий от Дзох Анджат.

Дзох Анджат, послушная и патриотично настроенная, встретила смерть – но не ту, которую ожидала. Тейкскалаан действительно находится по другую сторону Анхамематских врат, но он видит лишь состоящую из трех колец пасть вражеского корабля, его не волнует судьба малого патрульного, погибшего в пламени их выстрела из энергетического оружия. Это ничуть не волнует. Возможно, Тейкскалаан просто ничего не заметил, а может, и заметил или не оставил без внимания, но исключительно ради собственной безопасности. Потому что одному из пилотов Семнадцатого легиона, который видит, как материализуется рвущаяся дискретность, это кажется фланговой засадой.

Декакел Ончу не может слышать пение «*мы*», совсем не может *слышать*. Не так, как если бы затухание числа голосов на корабле колец изменяло не громкость пения, а лишь его форму. Она думает *языком*, в конце концов.

Она думает языком и вдруг обнаруживает, что слезы разрывают ее душу, что она ждет голосов, которые никогда не придут к ней, по крайней мере, пока она жива.

Глава 8

…хотя Одиннадцать Станок три индикта оставался среди эбректи, он не обеспечивал ученых империи тем, что называется физиологической информацией. Его «Письма» представляют собой философское и нравственное исследование, и, возможно, не следует ожидать, человек может дать и духовное толкование жизни среди инородцев, и точное описание их физических привычек, развития, диеты и патологических проявлений. Но одна только выразительность почти полного отсутствия в тексте практической информации означает, что читатели «Писем» в гораздо большей степени знакомы с умонастроениями Одиннадцать Станка, чем с телом эбректи – или с какими-либо другими их особенностями. Мы отправили поэта туда, куда следовало отправить целую команду исследователей-иксплантлей.

Введение в научный комментарий к «Письмам с луминозного фронтира», написанным по поручению иксплантля Два Подвески, главы отделения медицинской этики в Мемориальной обучающей больнице имени Двенадцать Солнечной Вспышки.

> > ЗАПРОС / автор: ОНЧУ (ПИЛОТЫ)/ «Реимплантация»

> > В базе данных не

существует никаких документов, касающихся «реимплантации». Пожалуйста, уточните ваш запрос и попробуйте еще раз.

>> ЗАПРОС / автор: ОНЧУ (ПИЛОТЫ)/ «Ремонт имаго»

>> найдено 237 результатов. Показать? Уточнить запрос?

>> УТОЧНИТЬ / автор: ОНЧУ (ПИЛОТЫ)/ «хирургический» ИЛИ «посттравматический»

>> найдено 19 результатов. Показаны в алфавитном порядке…

данные о запросах, сделанных Декакел Ончу, 92.1.1-19A в Лселскую медицинско-исследовательскую базу данных

(Тейкскалаанское летоисчисление)

По другую сторону последних гиперврат между ними и войной располагался Флот. Или, по крайней мере, шесть легионов этого Флота и куча кораблей поддержки, носившихся между громоздким изяществом крупных истребителей, флагманов и крейсеров. Их было столько, что они затмевали звезды. Правда, звезд в небе было не так уж и много. Махит знала этот сектор пространства, хотя никогда не бывала здесь прежде – на ресурсы сектор был небогат, контролировал его Тейкскалаан, а станция Лсел наблюдала за ним и практически больше ничего не делала.

Именно в этом месте Дарц Тарац впервые и заметил инородцев, за прослушиванием которых она провела шесть тошнотворных часов. Махит сто раз прокрутила звукозапись, пока не обрела уверенность, что, если ее разбудить посреди ночи, она сможет повторить эту последовательность помехового шума и металлического лязга в остаточном образе звука. В этом секторе исчезло немалое число пилотов Лсела, что выстроилось в закономерность, которую заметил сначала Тарац, а потом, спустя время, Декакел Ончу. Они заметили это, взяли на заметку, а потом использовали. Тем не менее звезд здесь было маловато. Ни звезд, ни небес, как на Городе или любой другой планете,

а только огромное количество тейкскалаанской огневой мощи.

Все корабли были исключительно красивы. В детстве Махит насмотрелась фильмов-биографий с такими страшными сценами, что от них перехватывало дыхание, потому что неизбежно возникала мысль о том, что способен сделать Флот с планетой. Не со станцией – никогда не со станцией, неизменно с планетой, всегда находящейся очень далеко, но экстраполяции давались Махит без труда. Насмотрелась она и сериальных драм о жизни на одном из кораблей тейкскалаанского легиона, в которых герои носили форму, а в свободное время устраивали поэтические соревнования. От этого тоже перехватывало дыхание. Черт, она глотала все это, как сахарные пастилки. Она, вероятно, все еще могла объяснить сюжеты, витиеватые любовные истории, политику и многосезонные сделки между фракциями, но вот она здесь, и даже после всего, что случилось с ней в Городе три месяца назад, она все еще сомневалась. Головокружительно и обреченно. То ее «я» которое переживало происходящее, и то, которое это происходящее оценивало, сомневались: «Неужели это все происходит, когда я чувствую, что это не сон? Неужели это все происходит, когда я чувствую себя цивилизованным человеком?»

И то «я», которое говорило, как Искандр, мрачное и смешливое: «Неужели это все, когда я забываю, что такое чувствовать себя станциосельником? А как насчет теперь? Мы все еще Махит Дзмаре?»

Она воображала себе Флот, страшилась его и восхищалась им, и видение Флота все еще вызывало глубокий разрыв.

У Три Саргасс таких проблем не было. Она без труда завоевала расположение или, по меньшей мере, интерес одного из офицеров связи «Жасминовой глотки», и теперь, когда они были на расстоянии оклика от самого главного из всех флагманских корабля Флота, «Грузика для колеса» яотлека Девять Гибискус, она наклонилась над плечом этого офицера и переключила трансляцию на себя.

– Говорит специальный уполномоченный Три Саргасс, нахожусь на борту корабля обеспечения «Жасминовая глотка», – сказала она. – Приветствую флагманский корабль «Грузик для колеса»! Вы обращались в министерство информации, насколько я понимаю?

Наступила долгая пауза, более долгая, чем время, за которое сигнал прошел досветовое расстояние между двумя кораблями. Махит представила себе другой мостик: Она их удивила? Вызвала раздражение? Может быть, их не оповестили о прибытии Три Саргасс?

Наконец она получили ответ: прилетевший дугой голос,

гладкий, без какого-либо акцента, словно тот, кто говорил, научился тейкскалаанскому, слушая новостные сводки по радио, а то и сам был диктором.

– Добро пожаловать в Десятый легион, уполномоченный. Говорит икантлос-прайм Двадцать Цикада, действующий адъютант яотлека, она выражает сожаление в связи со своей занятостью в настоящий момент, вследствие которой не может надлежащим образом встретить вас.

– Оставим формальности имперскому суду, – ровным голосом сказала Три Саргасс. – Здесь у нас поле боя. Я с нетерпением жду возможности поговорить с яотлеком, когда у нее будет время. Мы вскоре будем на вашем борту, адъютант, прибываем на грузовом корабле с вашими поставками – это шаттл «Жасминовая глотка».

– Мы? – переспросил голос, и Махит подумала: «Что ж, хватит уже играть в простушек».

– Да, мы, – с энтузиазмом подтвердила Три Саргасс. – Я везу с собой консультанта-лингвиста. Она – варвар, но не настраивайтесь против нее. Она блестящий специалист.

На этом она оборвала разговор с адъютантом, человеком, который был вторым лицом в Десятом легионе. Махит не могла решить, то ли она в ужасе, то ли у нее приступ гордости, то ли она просто восторженно, *отвратительно* заинтригована. Она смотрела, как Три Саргасс выпрямилась, сверкнула офицеру связи широкоглазой тейкскалаанской улыбкой, выгнула спину, сплетя руки на пояснице. «Готовится, – подумала Махит. – Мне тоже пора».

– Консультант-лингвист? Так меня теперь следует называть? – спросила она.

Три Саргасс пожала плечами, точнее, сделала быстрое движение одним плечом и одной рукой.

– Если ты хочешь отправиться в качестве посла Лсела в Тейкскалаан, я смогу тебя представить заново, когда мы туда доберемся.

Она скользнула теплыми пальцами по запястью Махит, проходя мимо, и та легко последовала за ней, думая о цветах, которые поворачивают свои бутоны к солнцу, и о менее приятных тропизмах[9] – гравитационных колодцах и тяге насекомых к продукту разложения.

– Кстати, Махит, если ты хочешь быть послом Лсела, есть ли у тебя полномочия вести переговоры с орущими инородцами от имени твоей станции?

<Не вижу причин их не иметь, – пробормотал Искандр. – Никто другой этого не сделает, а ты уже на месте>.

Ах, черт побери, почему нельзя быть послом *и* дипломатом!

Почему нельзя снова быть полезной, иметь власть и помещение, чтобы пользоваться им – во благо Лсела и Тейкскалаана? Делать что-то большее, чем спасаться бегством, быть чем-то большим, чем агентом Тараца по разрушению империи изнутри. Делать что-нибудь!

Ангар шаттла снабжения «Жасминовая глотка» быстро загружался – ящики серого металла следовали один за другим, их уносил внутрь корабля тейкскалаанский контейнер. Три Саргасс и Махит подошли к ящикам на конвейере, словно тоже были грузом, хотя Махит сомневалась, что им позволят таким способом физически переместиться внутрь.

– Конечно, я имею необходимые полномочия, – сказала Махит. – Никто не лишал меня звания посла, Три Саргасс, что бы там ни говорила советник «Наследия».

– Она ничего такого не говорила, – сказала Три Саргасс с ноткой заинтересованности в голосе, проскальзывая внутрь шаттла. Оглянувшись через плечо, она добавила: – Имей это в виду.

«Черт побери!»

– Это неожиданно приятно с учетом всего, – сказала Махит и остановилась. Продолжать не хотела – она не могла сказать Три Саргасс, что приставлена шпионить за войной для Дарца Тараца, чтобы избежать попадания на стол в руки хирургов Актел Амнардбат. Делать для Дарца Тараца вещи и похуже, если будет такая возможность. Она не могла об этом говорить. А потому села в шаттл, расположилась среди ящиков и пристегнулась к какому-то ремню контроля свободного падения. Подобные ремни здесь были на всех стенах, полу и потолке. Это был эффективный, хорошо сконструированный корабль, который, судя по всему, совершал не менее сотни таких коротких прыжков в месяц.

– Вполне, – сказала Три Саргасс, мгновенно ощетинившись, с интересом и настороженностью, подразумевая что-то вроде отложенного приглашения: «Мы можем поиграть, Махит, даже если сейчас пока не играем. Если поиграть – именно то, чего ты хочешь».

Дверь шаттла закрылась за ними с шипением вакуума, и Махит прикрыла глаза, готовясь к ускорению.

* * *

С учетом того, насколько громаден был флагман, перелет до «Грузика для колеса» занял больше времени, чем предполагала Махит. С мостика «Жасминовой глотки» казалось, что он совсем

рядом. Теперь он все увеличивался в размерах – они видели это в иллюминатор шаттла, пока флагман не перекрыл собой горизонт, небо и землю, пока перед ними не осталось ничего, кроме непрерывной стены корабля, с большой черной утробой ангарного отсека, который тоже становился все больше, обретал цвет и размеры по мере приближения к нему шаттла. Помещение ангара могло вместить не только довольно крупный снабженческий шаттл, но и сотни крохотных дельтовидных кораблей, ожидающих своих пилотов на местах стоянки, и другие крупные корабли. При этом внутри еще оставалось место как минимум для десяти шаттлов размером с тот, на котором прилетели они, – ангар с потолком высотой с некоторые здания на Палас-Сентрал Города.

Они сели почти беззвучно, и Махит впервые в жизни оказалась на военном корабле Тейкскалаана.

Двери шаттла немедленно распахнулись, и когда Махит с Три Саргасс освободились от сеточных сбруй, их окружили десятки предприимчивых тейкскалаанцев: солдаты в упрощенной и функциональной униформе, серых с золотом комбинезонах с усиленными накладками на коленях, на левых плечах они носили глифы имени и знаки различия Десятого легиона. Три Саргасс и Махит окружила не замечающая их толпа, которую интересовали прежде всего выгружаемые ящики. Они словно оказались внутри громадной машины, которая не испытывала к ним ни малейшего интереса, поскольку они имели другую форму, не похожую на ту, которую машина хочет переварить и извергнуть с другой стороны.

Три Саргасс сияла улыбкой, на доли секунды широко распахивала глаза, показывала кончики безупречно белых зубов.

– Готова?

– Как и должна быть, – сказала Махит и, как уже однажды бывало прежде, вышла из шаттла в пространство Тейкскалаана, чтобы увидеть, что ждет ее здесь.

В ангаре шла работа – разгружался не один только шаттл, на котором они прилетели, к тому же здесь было полно солдат. Флот являл собой громаду. Махит подумала о тридцати тысячах обитателей Станции – когда-то, когда она была ребенком, это число казалось ей огромным. На флагманском корабле обитало, вероятно, тысячи три тейкскалаанцев, а может, и больше. По крайней мере десять кораблей такого же размера находились только на одном этом фронте, так что весь Лсел умещался в нескольких боевых кораблях Тейкскалаана – а у империи было еще великое множество кораблей по всей галактике, по другую сторону практически всех гиперврат. Некоторые из солдат явно

были ранены – один из находящихся здесь кораблей выгорел чуть не до черноты, был частично разрушен, а выходившие из него люди либо истекали кровью, либо были обожжены. Кого-то на носилках выносили медики.

<Так выглядит корабль после атаки энергетическим оружием, – пробормотал Искандр, он казался испуганным и очарованным, как и она сама. – Вот что инородцы могут сотворить с этим Флотом – неважно, сколько солдат у Тейкскалаана, все корабли горят одинаково>.

«Все корабли горят одинаково», – подумала Махит, и в этот момент Три Саргасс легонько похлопала ее по плечу, показывая в толпу подбородком и давая таким образом понять, что их явно, *очень явно* ждали.

За ней и Три Саргасс отправили эскорт, и этот эскорт ждал их, мужчина и женщина, оба в полном флотском обмундировании, в отличие от работавших в ангаре в комбинезонах. Мужчина был высок, ужасающе худ и брил голову наголо – первый лысый и *не старый* при этом тейкскалаанец, которого видела Махит. Цвет кожи женщины практически не отличался от цвета ее волос, на плече у нее был знак в виде взрывающегося солнца – знак отличия капитана Флота, и Махит даже подумала, уж не яотлек ли это собственной персоной. Но нет, это, конечно, была не Девять Гибискус, эта женщина носила иной знак – глиф Двадцать четвертого легиона, превращенный в стилизованную параболу. Не капитан Флота этого легиона, тем не менее на флагмане этого легиона и тоже пришла встретить агента министерства информации.

У Махит не хватило времени, чтобы поразмыслить о междоусобной борьбе легионов, составляющих атакующую силу империи, она шла, отстав на полшага от Три Саргасс и чувствуя себя ужасной уродиной, *варваром* в своих жакете и брюках рядом с огненно-коралловой одеждой уполномоченного и идеальной формой Флота на всех остальных. Состоящий из двух высокопоставленных персон приветственный комитет не стал дожидаться, когда они подойдут, а прямиком устремился к ним; встреча произошла в середине ангара. Казалось, что это идея женщины – она шла им навстречу широкими, уверенными шагами, поедая пространство между ними. Мужчина же посмотрел на нее взглядом явного и нескрываемого неудовольствия, так быстро расцветшего на его лице и мгновенно исчезнувшего, что Махит засомневалась: уж не привиделось ли ей? Он пошел следом и через четыре шага уже догнал ее.

Они встретились под сверкающей кривой ряда тех самых дельтовидных истребителей. Три Саргасс кивнула над

соединенными пальцами представителям Флота – вежливое, но не услужливое приветствие, и Махит скопировала ее движения с максимальной точностью, на какую была способна. Она была варваром, но ее тоже пригласили сюда, разве нет? Пригласили, чтобы окружить всей военной мощью Тейкскалаана, слишком громадной и многосоставной, чтобы разглядеть все разом.

<Дыши>, – пробормотал Искандр, и Махит сделала один глубокий вдох, выпрямившись.

– Уполномоченный и дипломат-лингвист, – сказал человек тем самым гладким тенором, который они слышали по связи. Видимо, это адъютант, икантлос-прайм Двадцать Цикада. В этом была некая несправедливость: человек, который выглядел совершенно не по-тейкскалаански, если забыть об идеально сидящей на нем военной форме, старомодно, ужасающе худой, плешивый – вблизи Махит видела, что у него и бровей нет, они сбриты, а тейкскалаанцы обычно гордились своими волосами, отращивали их, заплетали в косы или носили свободно во всю длину, – и тем не менее он стоял перед ними, второй по старшинству на ведущем флагмане тейкскалаанской имперской войны.

«Что же это за яотлек, если она берет себе в заместители такого типа?»

<Он весьма интересен, посмотри на его руки, Махит. Видишь татуировку у него на запястье? Он приверженец культа гомеостата>.

Татуировки под рукавами его мундира были видны лишь частично. Какие-то зеленые ветвящиеся изображения, фракталы.

– Какого культа?..

<Через минуту – послушай пока, Махит>.

Женщина не стала отвешивать поклон.

– Насколько я вижу, министерство информации прислало Девять Гибискус одну очень молодую женщину и одного варвара, – сказала она ледяным голосом. – Фантастический жест. Ваша помощь наверняка будет неоценима.

Двадцать Цикада пробормотал из чисто формальных соображений:

– Капитан Флота Двадцать четвертого легиона Шестнадцать Мунрайз, – и жестом показал на нее, словно на какую-то диковинку. – Сегодня она наш почетный гость.

Шестнадцать Мунрайз не удалось – преднамеренно и со злым умыслом – соответствовать грамматической форме подчеркнутой вежливости, употребленной Двадцать Цикадой.

– Так, может быть, продолжим, адъютант? Теперь, когда вы нашли шпионку и ее зверька и подобрали их, покажите мне то,

ради чего мы сюда пришли. Тело.

– Тело? – спросила Три Саргасс таким тоном, будто все эти оскорбительные намеки не имели ни малейшего значения.

– Тело, – подтвердила Шестнадцать Мунрайз, – того существа, поговорить с которым вы прилетели. Посмотрим, умеет ли министерство информации оживлять мертвецов.

– Это не моя специализация, – сказала Три Саргасс.

– Яотлек ждет нас всех в морге медицинской части, – сказал Двадцать Цикада, игнорируя инсинуации касательно некромантии. – У нас и в самом деле есть тело, которое мы хотим показать вам, уполномоченный. Оно не говорит, но вам, вероятно, скажет что-нибудь. Идем?

«Сюжет закольцевался, – подумала Махит. – Мы ходим кругами. Я только что прилетела, а уже пора посмотреть на покойника. Хорошо хоть это не твое тело, Искандр».

<Человек только и делает, что умирает>, – сказал Искандр, и это прозвучало очень смешно. Махит с трудом сохранила каменное лицо. Она решила, что в данный момент ей не пойдет на пользу, если она наведет тейкскалаанцев на мысль, что женщина-варвар говорит в своей голове с невидимыми призраками. С невидимыми призраками, которые любят черный юмор. Это совсем не пойдет ей на пользу.

Лифта на спуск в подвал судебного отсека здесь не было, вокруг тела не стоял консилиум иксплanатлей в красном, тело, как это обычно делают из соображений приличия, не было прикрыто простыней. Махит вошла в морг в тот момент, когда медик извлек из вскрытой бочкообразной грудной клетки инородца два громадных легких и понес их взвешивать, измерять, проверять на обогащение кислородом для выяснения причины смерти, и на все остальное, на что в Тейкскалаане берут пробы из мертвого тела инородцев. Вскрытая грудная клетка без легких напоминала обнаженные крылья по обе стороны длинной шеи инородца. За ним, глядя на мертвое тело, словно читая судьбу по внутренностям, стояла яотлек. Махит узнала ее по лучезарным эполетам, и к тому же она очень точно отвечала образу яотлека, который был в голове Махит, – если только этот яотлек не был Один Молнией, тем, кто чуть не узурпировал власть три месяца назад.

Девять Гибискус была крупной холеной женщиной, из-под щедрой жировой прослойки проступали мощные мускулы: бедра и гладкая кривизна живота, широкие плечи и широкая грудь, икры, напоминающие мощные Т-образные стальные брусья, на которых покоились палубы станции. Он выглядела как человек, которого невозможно сдвинуть с места. Можно было не

сомневаться, что когда какая-нибудь тейкскалаанская голограмм-студия надумает снимать фильм-эпос об этой войне, на поиски актрисы, идеально подходящей для роли яотлека, уйдут месяцы. Даже тейкскалаанское кастинговое агентство будет бессильно.

– Этот инородец не мог производить записанные звуки, имея такое горло, яотлек, – такими были первые слова, сказанные Махит при виде яотлека, она словно предполагала доказать прямой ясностью, что ее полезность способна перечеркнуть упреки в варварском происхождении.

– Пять очков за очевидный вывод, – сказала Девять Гибискус ровным учтиво-низким альтом, который напомнил Махит ни много ни мало спокойную и пугающую точность Девятнадцать Тесло. – Значит, вы ксенобиолог?

– Шпион привезла с собой домашнее животное, – сказала капитан Флота Шестнадцать Мунрайз. Девять Гибискус посмотрела на нее, и, как показалось Махит, лицо яотлека под несколькими слоями приличий и излучаемой властности не выражало ничего, кроме глубокой неприязни.

– Я не ксенобиолог, – сказала Махит, решив, что мнение о ней Шестнадцать Мунрайз вряд ли станет менее враждебным, если она ответит на вопрос яотлека. – Меня зовут Махит Дзмаре, я посол станции Лсел в Тейкскалаане и наделена дипломатическими полномочиями Лсела в этом секторе.

– Посол – лингвист и переводчик, – сказала Три Саргасс. – А шпион – это я. – Она сделала паузу исключительно ради эффекта. – Мы прилетели, чтобы помочь.

Адъютант Двадцать Цикада произвел абсолютно необычный звук – он словно утопил вспышку смеха и проглотил основу этой вспышки. Три Саргасс либо предпочла не заметить этого, либо сделала вид, что ее это не беспокоит. Она продолжила:

– Знакомство с вами – событие исключительное, яотлек. Я и министерство информации благодарны за предоставленную нам возможность быть полезными в сценарии первичного контакта. Какое чарующее горло у этого инородца.

– Тем не менее, – сказала яотлек, – ваша лингвист-переводчик-посол абсолютно уверена, что такое горло не может производить звуки, которые были пересланы вам, каким бы чарующим оно ни было. Не могли бы вы объяснить это? Чтобы я получила представление и, конечно, капитан Флота Шестнадцать Мунрайз.

Она посмотрел на Шестнадцать Мунрайз, улыбнулась, на мгновение обнажив зубы, и во рту у Махит, почувствовавшей угрозу, образовалась сушь с металлическим привкусом. Тейкскалаанский военачальник, которая, улыбаясь, обнажает

зубы. Вся целиком – энергия, вся как есть – опасность.

<Она очень хороша>, – пробормотал Искандр, и Махит согласилась с ним. Девять Гибискус владела ситуацией на сто процентов, даже испытывая удивление, а Шестнадцать Мунрайз явно удивляла ее. Махит подозревала, что яотлек даже не знала о нахождении на борту ее флагмана капитана Флота, пока та не вошла в этот импровизированный морг вместе с Махит и Три Саргасс.

…которая тем временем спокойно и без утаек говорила:

– После экстенсивного аудиоанализа образцов, присланных вами в министерство информации, мы полагаем, что звуки в этой передаче представляют собой маркеры тональности, а не какую-то особую речь, и если только голосовой аппарат этого инородца не изготовлен из синтезаторов и не включает терменвокс[10], он никоим образом не может производить подобные звуки самостоятельно.

– Вы можете вскрыть его шею и выяснить, – добавила Махит. – Увериться, что оно не может производить звуки посредством генерации колебаний в магнитных полях.

– Остальное вы уже вскрыли, – добавила Шестнадцать Мунрайз. – Можете с таким же успехом вскрыть и шею. Поскольку уж я здесь, я останусь и буду наблюдать. В конечном счете именно моих солдат с такой категорической неизбежностью убивают эти твари.

– Если бы я знал, что вы на борту «Грузика для колеса», капитан Флота, – вкрадчивым голосом сказал Двадцать Цикада, – более чем за две минуты до встречи с вами в ангаре я бы безусловно пригласил вас на вскрытие.

Махит не могла повернуться, чтобы увидеть реакцию Шестнадцать Мунрайз, а тот факт, что словесный обмен происходил у нее за спиной, вызывал какое-то особое чувство незащищенности. Кожу покалывало, будто по ней что-то ползло или будто за Махит внимательно наблюдали, даже если она ни в коей мере не была объектом внимания наблюдателя. Она хотела видеть. Эта неприязнь между капитанами Флота была… *существенной*, важной. Если они с Три Саргасс хотят быть достаточно полезными, чтобы выжить в этой войне, нужно понимать, что тут происходит.

<Ты все еще думаешь в рамках нашей попытки побега от советника Амнардбат, – прошептал ей Искандр. – Достаточно полезными, чтобы выжить в этой войне, говоришь? Неплохо. И все же… >

«И все же, – подумала Махит, – это политика, и мне необходимо понимать…»

<Ее *форму*. Кому здесь нужен агент министерства информации, а кому нет>. После этих слов Искандр исчез из поля ее видимости, как заглушенный огонь в топке вне пределов досягаемости, как рыбка, мелькнувшая серебристым боком и исчезнувшая в тенях гидропонных емкостей.

Шестнадцать Мунрайз, каким бы ни было выражение ее лица, говорила:

– Пчелиный Рой, я всегда была о вас лучшего мнения. «Обожженный фрагмент фарфора» совершил посадку на ваш корабль четыре часа назад, и я тут страдала от безделья, о чем адъютант нашего яотлека даже не догадывался?

Двадцать Цикада – Пчелиный Рой. Махит помнила, что сказал Искандр, когда она увидела татуировки Двадцать Цикады. Приверженец культа гомеостаза с именем насекомого, обитающего повсеместно. Тейкскалаанцы не должны иметь имена, называющие животных. Можно ли было насекомого считать животным? Она всегда исходила из того, что цикаду все же считали животным.

Девять Гибискус наблюдала за этими пререканиями с пугающим безразличием, которое казалось ее исконным свойством, потом положила руки на металл хирургического стола с решительностью, которая пресекла дальнейшею грызню.

– Постойте, Шестнадцать Мунрайз. Посмотрите на внутренности нашего врага. Медики проинформируют вас обо всем, что вы пропустили. А теперь. Вы… – Она подбородком указала на Три Саргасс. – Я хочу знать, можете ли вы или ваша коллега-лингвист общаться с помощью этих маркеров тональности, которые, по вашим словам, вы идентифицировали. В этом ваша задача. Найти способ общения с этими существами, прежде чем я решу, что на попытку поговорить с ними и время не стоит тратить.

– Что представляет собой ваша система вещания? – спросила Три Саргасс, расторопная и деловитая, всем своим видом говорящая, что с этим не будет никаких проблем. Они едва только приступили к толкованию звуков в записи и половину времени, потраченного на толкование, боролись с тошнотой, которая не позволяла думать, ловили ртами воздух, угнетенные *неправильностью* этих звуков. Возможно, им и удастся сказать что-то инородцам, но это наверняка не будет тем, что требуется. Недеформированный, уродливый речевой фрагмент, искаженный человеческими языками и человеческими мозгами.

<Но это поможет наладить контакт с ними>, – пробормотал Искандр, и Махит подумала: «Наживка».

Точно так же Дарц Тарац использовал Лсел как наживку для

Тейкскалаана.

Теперь она сама стала наживкой – для Три Саргасс, для этого Флота, – если будет действовать как диверсант Тараца. Она не знала, что может делать в этом качестве. Не знала…

<Ты и не хочешь знать>.

«Я не хочу намеренно плохо выполнять свою работу», – подумала Махит. Не фраза, а маленький ужасный шип фразы, но она тут же почувствовала возможный ответный вопрос Искандра: «Да? И твоя работа теперь – протокол первичного контакта?», словно острая боль от локтей до безымянных пальцев, ее собственный голос в ее собственной голове. Они были так близки теперь. Но все же места, где они не совпадали, расцветали в сердце болью.

– Мы можем приготовить трансляцию, которую они перехватят на используемой ими частоте, – сказала Девять Гибискус агенту министерства информации. – Но для этого вам сначала придется подготовить материал для трансляции. Принесите его сначала мне. Двадцать Цикада покажет вам жилье и рабочий кабинет связистов.

Это было некое подобие слов «аудиенция закончена, вы свободны». Следующими словами яотлек подозвала медиков в красных халатах и Шестнадцать Мунрайз, чтобы та стояла рядом с ней и смотрела. Махит низко поклонилась над пальцами и снова почувствовала раздражение от утешительного знания о том, что этот жест опять стал уместным. О том, что ее выкинули со станции, легко втиснули в политику, удовольствия и искушения Тейкскалаана. О том, что она очень хочет быть полезной, и о том, как сильно она ненавидит это желание.

* * *

Глотка инородца раскрылась под напором скальпеля, как идеально созревший фрукт. Под кожей Девять Гибискус увидела обычный набор мышц, все еще неторопливо сочащихся красным. Кровь, насыщенная кислородом. Инородец умер не очень давно и не казался таким уж страшным. Если хорошенько задуматься, то это существо недавно, менее чем половину суток назад, было живым, голодным и действовало, как подсказывал ему его собственный необъяснимый разум, и если бы его не вскрыли таким вот образом, то он мог бы прятаться, притворяться, лежать в засаде, чтобы выпрыгнуть…

Шестнадцать Мунрайз, опираясь на левый локоть, наклонилась над телом и уставилась на посверкивающий

скальпель, который рассекал мышцы и обнажал что-то, похожее на трахею, ребристое и резинистое.

– Похоже на нормальное горло, – сказала она, и Девять Гибискус подумала: а сколько же глоток лично рассекла капитан Флота?..

– Вскрывайте. Сверху, там, где должна быть гортань, – сказала Девять Гибискус, и медик продолжил работу.

Ларингальные мембраны действительно оказались там, где и должны были быть. Крупные, но в остальном вполне стандартные – согласно тому, что она помнила с занятий по базовой анатомии в Академии Флота в первый год обучения, вечность назад. Складки плоти инородца в конце его трахеи тоже были обычными, близкими к стандартам млекопитающих: перекрываемые, чтобы не допустить пищу в воздушные пути, способные вибрировать для генерации звуков, когда через них под давлением проходит воздух. Ничто из того, что они видели, не могло генерировать резонансные шумы механического скрежета из тех звукозаписей.

– Идите ниже, – сказала Шестнадцать Мунрайз. – Туда, где трахея расходится в легкие. У него ведь есть легкие, да?

Легкие находились в металлических тазах на полке в другом конце операционной морга. Девять Гибискус показала на них.

– У него *были* легкие. Целых два.

Какие бы политические карты ни разыгрывала Шестнадцать Мунрайз, прилетев на флагман и ворвавшись в медицинскую часть, все это меркло перед возможностью предложить хорошую идею. Девять Гибискус спрашивала себя, уж не готовилась ли Шестнадцать Мунрайз к медицинской карьере, до того как поступить во Флот, или же у нее были садистские наклонности и она с удовольствием заходила в морги, присутствовала на вскрытиях, изучая работу внутренних органов ради собственного удовольствия.

– Идите ниже, – повторила она, и ее глаза широко раскрылись в довольной ухмылке.

Девять Гибискус кивнула медику, и он сделал то, что предлагала Шестнадцать Мунрайз – рассек трахею, и та превратилась в почти плоскую хрящеватую ленту неподвижной плоти. В месте, где трубка начинала разделяться, что-то находилось. Некая костистая структура, похожая на еще один голосовой аппарат, окруженный чем-то, похожим на сдувшийся воздушный шарик, соединенный с целым рядом мускулов, – ни о чем похожем Девять Гибискус, прослушавшая курс по основам анатомии, определенно не слышала.

– Фистула, – сказала Шестнадцать Мунрайз, весьма

довольная собой. – Такие штуки есть у птиц. Ваш шпион и ее зверек ошибаются, яотлек, – этот инородец может произвести любой спектр жутких шумов с помощью этой штуковины.

«Шарик вокруг «штуковины», вероятно, и есть вибрирующая часть», – подумала Девять Гибискус. А мышцы удерживали его в нужной степени натяжения. Она с некоторой брезгливостью протянула руки к горлу инородца и растянула мембрану пальцами. Та оказалась прочной и плотной. Кончики ее пальцев покрылись влажной красной субстанцией.

Если бы его убила Девять Гибискус, то сейчас она размазала бы кровь по лбу, празднуя победу. Но она еще не заслужила этого.

– Вырежьте его, – сказала она медику. – По возможности с как можно бóльшим числом мышц и сохраните в растворе. Подозреваю, что *мой* шпион и ее зверек, – это было сказано ради Шестнадцать Мунрайз в знак признания, в знак косвенной похвалы другого капитана Флота за точное предсказание результатов вскрытия, – захотят использовать это, чтобы попытаться самостоятельно воспроизвести некоторые из тех звуков.

– Значит, вы доверяете агенту министерства, – сказала Шестнадцать Мунрайз. Они отошли от стола, чтобы не мешать работе медика. Девять Гибискус еще не вымыла руки. Она испытывала некое удовлетворение от того, что после прикосновения к инородцу не умерла и не растворилась. Малая толика тайны о них приоткрылась. Они были смертны. Они умирали, истекали кровью, охлаждались и были ни на кого не похожи, но вполне *понятны* в виде собрания внутренних органов. Обычное мясо, как любая другая мертвечина.

– А почему бы мне не доверять ей? – спросила она у Шестнадцать Мунрайз. – Если вы скажете «потому что она шпион», мне придется пересмотреть оценку вашего интеллекта, и это будет весьма обидно. Дайте конкретику, капитан Флота.

Шестнадцать Мунрайз не стала протестовать, чем заслужила себе положительную оценку в глазах Девять Гибискус.

– Вы понятия не имеете, кто она такая, – сказала Шестнадцать Мунрайз, – кому она может быть предана кроме *всего* Тейкскалаана. Она не служит во Флоте. А это, – она показала на инородца, на медицинскую часть, жестом обозначила всю сложившуюся ситуацию, – работа Флота. Я никогда и не думала, что герой Каураана решится пригласить чужаков для ведения войны. При всем моем уважении, яотлек.

– Я не герой, – услышала Девять Гибискус собственный голос. – Я солдат. И победу на Кауране одержали солдаты, используя лучшую разведку из всех возможных. Я не отказываю

моим людям в ресурсах, капитан Флота. Я их обеспечиваю ресурсами. Агент министерства информации предоставит нам то, чего у нас нет, не подвергая моих солдат – или ваших, Сорок Оксида или кого угодно другого – опасности избыточных столкновений с этими инородцами, только в строго необходимых случаях.

– У Флота есть своя разведка, – сказала Шестнадцать Мунрайз и замолчала, подвесив эти слова в воздухе в качестве вызова. «Почему вы не обратились в Третью Ладонь, яотлек, если вам так необходимо обеспечивать ваших людей необходимыми ресурсами?» Говорить это не было нужды. Девять Гибискус прекрасно слышала эти невысказанные слова в тишине, время от времени нарушаемой лишь всхлипами чужеродных жидкостей в ходе работы медика.

– Мы не занимаемся первичными контактами, – сказала она, словно этот ответ закрывал все сомнения. – Это дело министерства. А шпион у нас только один, Шестнадцать Мунрайз, и гораздо более контролируемый, чем эскадрон ребят Третьей ладони.

За бледными глазами Девять Гибискус увидела вспышку какой-то эмоции и подумала, не слишком ли она разоткровенничалась с Шестнадцать Мунрайз, не переборщила ли, сказав о своей неприязни к разведке Флота. Могут начаться серьезные проблемы, если окажется, что капитан Флота Двадцать четвертого и сама принадлежит к Третьей руке или принадлежала, перед тем как стать офицером… Нужно было проверить ее личное дело или попросить Пчелиного Роя сделать это. Но они были так заняты.

– Один шпион и один варвар, – сказала наконец Шестнадцать Мунрайз. – Шпиона я еще могу понять. Но шпион с повесткой, которая включает иностранцев, участвовавших в развязывании этой войны? Вот что меня беспокоит, яотлек. Она со станции Лсел, а Лсел – это небольшой независимый субъект, который первым и сообщил нам об этих инородцах…

– И пролоббировал снятие Один Молнии, – сказала Девять Гибискус.

– Один Молнии и министра Девять Тяги вместе с ним.

Министр Девять Тяга была патроном Девять Гибискус, ее наставником и политическим защитником. Шестнадцать Мунрайз намекала, что Девять Тяга не ушла в отставку по собственному желанию, а была втянута в заговор, уволена, заменена в министерском кресле.

– Уверена, что экс-министр наслаждается своей отставкой, – сказала Девять Гибискус. Очень трудно было представить, что

Девять Тяга участвует в чем-то, связанном с попыткой узурпации власти. Она всегда была так осторожна, бдительное око в Городе, ее положение казалось вполне надежным, и Девять Гибискус считала, что может идти на определенные риски, а в случае неудачи получить поддержку министра.

– «Отставка» не самое подходящее слово для данного случая, – сказала Шестнадцать Мунрайз. – Половину министерства перетряхнули, яотлек, хорошенькая отставка.

Это было подстрекательством. Она пыталась вывести Девять Гибискус на разговор, в котором та стала бы сетовать на нового императора, на нового министра войны Три Азимут, на тех самых людей, которые дали ей нынешний пост…

Кто отправил ее сюда победить невероятную силу всего лишь шестью легионами, половина из которых подписалась под письмом о неподчинении, составленном Шестнадцать Мунрайз? Из чего, к сожалению, следовало, что Шестнадцать Мунрайз права и ее наказывают за то, что она была протеже Девять Тяги, а Девять Тяга участвовала в заговоре узурпации власти…

Скажи она хоть несколько слов из всего, что было в голове, и она стала бы подыгрывать Шестнадцать Мунрайз в политической игре, которую капитан Флота привезла с собой из министерства на передовую. Она бы призналась, что ее собственная преданность, возможно, принадлежит вовсе не империи и даже не министерству войны. Нет уж, она не имела намерений попадать в такую ловушку.

– У нового императора новые военные приоритеты, а Три Азимут заслужила повышение. Сказать вам по правде, капитан Флота, я последую примеру Девять Тяги, когда мое время на передовой истечет.

Пусть лучше Шестнадцать Мунрайз думает, что Девять Гибискус не поняла ее намеков на предательство Девять Тяги. Пусть думает, будто яотлек в разы проще, чем она сама.

– Зная ваш послужной список, я и мысли иной не допускаю, – сказала Шестнадцать Мунрайз, и в ее словах слышалось столько злонамеренности, что Девять Гибискус могла ее возненавидеть. Если бы та не была нужна для победы – она и ее Двадцать четвертый легион.

– Очень мило с вашей стороны, – сказала она Шестнадцать Мунрайз и улыбнулась, показывая кончики зубов.

Шестнадцать Мунрайз ответила ей тем же: серебром зубной кости, сверкнувшим угрозой.

– Забудем о министрах, яотлек. Я пытаюсь донести до вас, что не верю ничему, приходящему со станции Лсел. А в сочетании со шпионом мое недоверие только усугубляется.

В ее словах был некоторый резон, более глубокий и неприятный, чем соперничество между капитанами Флота. Шестнадцать Мунрайз хотела сотрудничать с Третьей рукой, вовлеченной в эту войну, очень-очень хотела. А это означало, что кто-то в министерстве или из другой группировки дворца хотел привлечь внимание политического офицера к тому, что делает Девять Гибискус.

– Я весьма ценю ваше откровенное мнение, капитан Флота, – сказала она. – Можете не сомневаться, за шпионом будет приглядывать столько глаз, сколько необходимо. Давайте посмотрим, какого рода работу она выполнит для нас. Я пока повременю со своим окончательным мнением.

– Как вам угодно, – сказала Шестнадцать Мунрайз. – Надеюсь, яотлек, ваш медик уже извлек фистулу. Прежде чем отдать ее шпиону, наполните ее воздухом и послушайте, будет ли она кричать для вас.

С этими словами она отдала честь, развернулась на каблуках и оставила Девять Гибискус в одиночестве с растерзанным трупом врага, который уже начал разлагаться и вонять.

* * *

Адъютант Двадцать Цикада не стал провожать Три Саргасс и Махит в приготовленные для них комнаты. Вместо этого он упомянул на этакий грубоватый манер, знакомый Три Саргасс во всех подробностях, что отведенное им жилье переоборудовано с одной кровати на две и они могут сразу же приступить к работе. Точно такой вид напускают на себя люди, которым по меньшей мере четырежды в день приходится иметь дело с гораздо более сложными логистическо-управленческими проблемами, чем эта.

– Уполномоченный, – сказал он, когда они шли по кишащим людьми и содержащимся в идеальном порядке коридорам «Грузика для колеса», под взглядами не скрывающего любопытства разнообразного флотского люда, – теперь, когда вы на борту, на вашей облачной привязке должна быть карта корабля. Рабочая комната связистов в вашем распоряжении до двадцати двух часов ровно, и яотлек хочет получить от вас к этому времени какие-нибудь результаты. – Он оглянулся через плечо, посмотрел на них с хитроватой улыбкой, при этом его глаза и уголки рта слегка двигались. Улыбка на лице без бровей и волос выглядела странно. Три Саргасс никогда не имела дела с человеком, который с такой серьезностью относился бы к практикам гомеостаза; большинство людей, исповедующих

необычные религии, не имели особого желания оповещать о своих нетрадиционных взглядах окружающих. Ее это заинтересовало. Заинтересовало, каким образом человек, имеющий столь *нецивилизованную* внешность, достиг таких высот власти. Но с бровями он или нет, Три Саргасс подозревала, что Двадцать Цикада знал своего начальника Девять Гибискус достаточно хорошо, чтобы вкладывать в сказанное именно тот смысл, который они и несли: яотлек к концу вечерней смены ждет от них доклада, когда бы эта их смена ни кончилась или насколько это время ни будет вписываться в расписание сна яотлека.

– Она получит наш доклад, – сказала Три Саргасс и очень низко поклонилась, когда Двадцать Цикада воспринял ее обещание как достаточный залог, чтобы кивнуть им обеим и, заложив крутой вираж, тут же исчезнуть по своим собственным делам – он, мол, не какой-то мальчик на побегушках, никоим образом. Не какой-то мелкий чин, обычно сопровождающий по кораблю заблудившихся агентов министерства информации. Совсем не то что обычный адъютант…

И да – посверкивая различными хитросплетениями линий поверх ее облачной привязки, появилась карта. Четыре палубы вверх по направлению к носу корабля. Все очень просто.

– Иди за мной, – сказала она Махит, которая не издала ни звука. Это было необычно для нее, в особенности после того как она в медицинской части демонстрировала такое пылкое рвение. Не напугала ли ее капитан Флота Шестнадцать Мунрайз? Три Саргасс не помнила за Махит особой пугливости. Но испугалась Махит или нет, теперь она шла почти вплотную к Три Саргасс сзади и чуть левее, хотя прежде они обычно передвигались в обратном порядке. Следовать карте корабля, возникшей в правой части поля зрения, не составляло труда – кто-то, может быть, сам Двадцать Цикада, высветил место назначения маленькой сияющей звездочкой, и они прошли вверх по трем уровням огромного флагмана, ни разу не сбившись с пути. Но на четвертом они столкнулись с Флотом, зацикленным на безопасности, о чем постоянно говорили на брифингах в министерстве информации.

Проявилось это в невозмутимо массивном солдате с волосами, сплетенными в аккуратные косички, его энергетический пистолет, а точнее пистолеты – множественное число, – с элегантной остротой висели в кобурах на обоих его бедрах. Солдат охранял дверь, через которую они согласно карте Три Саргасс должны были пройти на пути в рабочую комнату связи. Солдат властным движением поднял руку ладонью вперед,

и Три Саргасс резко остановилась, а следом за ней и Махит.

– Вы обе без форменной одежды, – сказал солдат. – В особенности она. – Он показал подбородком на Махит. – Что вам нужно на этой палубе?

– Я уполномоченный Три Саргасс, направленная сюда министерством информации, – раздраженным голосом сказала Три Саргасс: разве ее формы уполномоченного не было достаточно? Но, возможно, солдат никогда такой формы не видел. – А это посол Махит Дзмаре. Проверьте ваш список допущенных лиц, сэр, мы направляемся в рабочую комнату связистов по приказу яотлека.

Солдат моргнул, давая команду какой-то поисковой функции своей облачной привязки, нашел то, что искал, после чего оставил ее и Махит ждать. Она чувствовала рядом с собой нервную энергию Махит, подобную грохочущему силовому генератору, но при этом варвар продолжала молчать. Прошли бесконечные пятнадцать секунд, солдат свел вместе кончики пальцев обеих рук в самом поверхностном из приветствий потом махнул рукой, пропуская их.

– Вам налево, уполномоченный. Посол, – сказал он, словно у него не было абсолютно никаких оснований останавливать их.

Ситуация повторилась футов приблизительно через двести по коридору, когда они вышли из поля зрения одного солдата и попали в поле видимости другого. Три Саргасс посетило неприятное воспоминание о Солнечных ее детства до алгоритмической реформы, когда они задавали одни и те же вопросы, если ты переходил из одной юрисдикции в другую, и сколько бы юрисдикций ты ни менял, вопросы каждый раз повторялись при переходе в новую. Новый солдат была поменьше ростом, живее, и несоблюдение приличий со стороны Махит привело ее в ужас: ее недовольство «вы обе без униформы!» сопровождалось всеохватывающем жестом, которым она обозначила себя с головы до ног, словно говоря: «Что такой приличный уполномоченный делает в компании жакета-с-брюками?!»

Три Саргасс предполагала, что Махит на сей раз возьмет объяснения на себя и расскажет, кто они такие, с такой же уверенностью, с какой она представилась яотлеку, но она молчала. Она посмотрела на Три Саргасс, вскинув брови, и та была вынуждена повторить то, что говорила предыдущему солдату. Потом они погрузились в мучительное ожидание, пока солдат консультировалась со своей облачной привязкой. Наконец она сделала отмашку, пропуская их дальше.

Третий случай у дверей самой рабочей комнаты был попросту

оскорбительным. Предыдущий пост находился отсюда в зоне видимости, но солдат с того поста и пальцем не пошевелила, чтобы сообщить своей коллеге, что две женщины перед ней имеют все законные основания пройти за дверь, которую она так усердно охраняет.

– Вы… – начала солдат.

– Да, мы без униформы, – огрызнулась наконец Махит с переливчатой и недоброй интонацией, какой Три Саргасс не слышала у нее прежде, во дворце. Что-то слышалось в ее тоне, какое-то глубинное и доставшее ее до печенок неприятие навязываемой им проблемы.

«Интересно, каким тоном говорит Искандр Агавн, когда его выводят из себя?» – подумала она, и ей не понравилась эта мысль.

– Если вы будете так любезны и проверите поступившую к вам информацию, – добавила она, прежде чем Махит успела сказать что-то еще.

– В подобной резкости нет нужды, уполномоченный, – сказала солдат, что ничуть не помогло: если очередной солдат знала, кто такие она и Махит, то почему, звезды небесные, не позволяла им войти в рабочую комнату?

– У нас приказ войти в эту комнату, – сказала Махит с тем же бархатным озлоблением, на ее безупречном тейкскалаанском. – Это приказ вашего яотлека. В целях обеспечения безопасности Флота, адекватных и грамотных действий по доведению войны до победного конца.

Три Саргасс поняла, что Махит цитирует одну из рекламационных песен – «Песню #16», одну из наиболее темных по содержанию из-за своей длины, делающей невозможным заучивание ее наизусть. «Адекватные и грамотные действия по доведению войны до победного конца». Пятнадцать идеальных тейкскалаанских слогов с цезурой в середине. Тысяча чертей, какая-то непрерывная головная боль из-за того, что Махит Дзмаре родилась варваром…

Но не родись она такой, разве нравилась бы Три Саргасс настолько?..

Солдат, исполняющая роль швейцара, не торопилась, проверяя ее данные, хотя Три Саргасс и показалось, что она увидела румянец на ее темных щеках – смущение или даже стыд за то, что варвар с такой легкостью поставила ее на место. Махит следовало бы гордиться собой.

Она даже собиралась сказать ей об этом, когда они наконец вошли внутрь и увидели великолепное обилие аудиовизуальной и голограммозаписывающей аппаратуры, расположенной, как цветочные букеты, для ее удобного использования. Дверь плотно

закрылась, чтобы швейцар снаружи не слышала, что происходит внутри, и можно было говорить открыто, но Махит сразу же направилась к пульту управления аппаратурой. При ней была инфокарта с перехваченной записью шумов инородцев, и у Три Саргасс не было ни единой секунды, чтобы предупредить, что на этом конкретном пульте громкость, кажется, по умолчанию установлена на полную – Махит уже включила запись, и комнату со всех направлений заполнили ужасающие звуки. Повторитель выдавал объемный звук, громкоговорители были в каждой стене, ужасные звуки помех-пения поражали разом со всех сторон, а не с одной…

Эти звуки пронзают до мозга костей, успела подумать Три Саргасс, прежде чем ее вырвало. Звуки вгрызались в ее кости и готовы были петь там вечно, пока она не умрет от рвоты…

Звуки прекратились. Три Саргасс снова вырвало. Просто блестяще: первое, что делает специальный уполномоченный, – заблевывает пол флагмана, фантастическая работа с ее стороны. Она беспомощно ждала, пока спадут еще три волны рвотных позывов.

– Извини, – тонким голосом сказала Три Саргасс, подняв голову. Оказывается, не одна она блевала на пол. Но Махит удалось найти выключатель воспроизведения записи. Две с половиной минуты прослушивания – полная продолжительность записи – вывели бы их из строя, а не только ввели в смущенное состояние.

– Мы забыли взять пакеты для мусора, – выдавила она. Она посмотрела на Махит, которая, казалось, готова была рассмеяться, если бы ее кишки сочли это желательным.

Но Махит только провела тыльной стороной ладони по губам, скорчила гримасу и сказала:

– Это было хуже, чем когда мы слушали в шаттле. Гораздо хуже.

– Этот аудиопроигрыватель подключен к повторителю, весь входящий сигнал передается во все громкоговорители на всех стенах.

Махит взвесила ее слова: она сидела неподвижно, свернувшись клубком, оценивала прослушанное, словно пробовала на вкус, или, может быть, она чувствовала только горечь в собственном рту, как и Три Саргасс. Потом она сказала:

– Нам нужен живой инородец. Не труп.

– Я с тобой согласна, но… почему ты именно сейчас об этом говоришь?

– Я думаю, – сказала Махит, – если целая толпа этих существ будет производить эти звуки, став в круг, – как здесь развешаны

громкоговорители на стенах, – то громкость будет усиливаться. Усиливающаяся звуковая волна, инфразвук – не то, что мы слышим обычно. Интересно, они знают, что эти звуки вызывают у нас рвоту?

– Подозреваю, что знают, – сказала Три Саргасс со всей бесстрастностью, на какую была способна, одновременно оглядывая комнату в поисках какого-нибудь подобия тряпки, чтобы убрать или хотя бы прикрыть производное двух человеческих желудков. – Они встретили гораздо больше живых нас, чем мы – их. Возьми хоть все население Пелоа-2 для примера.

– Тем больше у нас оснований заполучить живого, – сказала Махит. – Тот, что лежит в медчасти, был млекопитающим. Даже если они млекопитающие-падальщики, то разве мы не были такими же миллионы лет назад? И они наверняка разговаривают не только так, этот шум…

– Частично мы его не можем услышать. Язык жестов или феромонов… или…

В комнате было много кабинок, и ни в одной из них не нашлось ничего впитывающего, только ряды электронных приборов.

– Или структурная окраска кожи, которая изменяется в определенной закономерности. Я не знаю. Это может быть что угодно. Вероятно, это не феромоны, феромоны для млекопитающих становятся маркерами тональности. Думаю, так. Компаративная зоология – не моя специализация.

– Ну, хорошо. Значит, один живьем. Может быть, нам удастся переформатировать это послание, даже если это всего лишь тональные визги в войд, которые они посылают кому-то, невидимому для нас. – Три Саргасс открыла еще одну кабинку и тут же разочарованно закрыла. – Дай мне твой жакет.

– Зачем?

Три Саргасс вздохнула. Махит была блестящим специалистом, она решала всю эту задачу так, как и рассчитывала Три Саргасс, но в то же время она не могла понять, зачем Три Саргасс понадобилось что-то матерчатое.

– Чтобы убрать здесь, если, конечно, ты не хочешь работать в окружении бывшего содержимого желудков, не помещенного в специальный бачок.

– Почему мой жакет? – спросила Махит.

– Потому что моя одежда – это форма, которую по крайней мере часть флотского персонала признает как форму. А у тебя очень приятная и очень абсорбирующая материя. Вообще-то нужно было и тебе взять форму. У тебя наверняка есть что-то без

знаков различия. Или я могу переделать под тебя один из моих комплектов, если ты не против выглядеть как агент министерства информации. Это сэкономит нам потом время в коридорах…

Она замолчала, видя выражение лица Махит – на нем обосновалась сложно-обиженная гримаса, как если бы Три Саргасс ударила ее по лицу.

– Я не состою во Флоте, – сказала Махит слишком ровным, слишком резким голосом. – И я не специальный уполномоченный министерства информации.

– Если тебя беспокоит нарушение правил ношения тейкскалаанской униформы, то всю ответственность я беру на себя, – попыталась сгладить неприятное впечатление Три Саргасс, озадаченная резкостью реакции Махит. Ну да, с этим жакетом она чуть-чуть переборщила. Она сама бы не хотела, чтобы кто-то предложил ей отдать ее одежду на тряпки.

– Конечно, ты возьмешь на себя ответственность, – сказала Махит. – В этом всегда и заключалась твоя работа со мной, не так ли? Открывать мне двери, брать на себя ответственность и быть точным легальным эквивалентом твоего варвара. С самого первого дня.

– Я не это имела в виду, – сказала потрясенная Три Саргасс. Это было не про нее. Это было глупым, легкомысленным предложением и только, вовсе не допущением, будто Махит не могла решить сама, что ей следует делать. – Силы небесные, Махит, мы лучше используем мой мундир, забудь об этом.

Она стянула с себя один рукав, стянула наполовину второй, отвернулась сконфуженно, когда Махит сказала тонким и отчужденно холодным голосом, какого Три Саргасс от нее прежде не слышала:

– Ты не имела это в виду. Но ты это сказала, Травинка.

Ее прозвище, отполированное и заостренное, чтобы ранить. Из этого рта, из которого, насколько ей было известно, не звучало ничего подобного, когда Двенадцать Азалия все еще был жив.

Она ответила резко:

– Ты думаешь, я сказала это, потому что не можешь слышать ничего, кроме слов кого-нибудь из нас о том, что ты не тейкскалаанка, каждый раз когда мы с тобой говорим.

Она сказала это резко и тут же пожалела о своей резкости, а одновременно с этим почувствовала привычное брутально-хрупкое ликование, которое испытывала, добираясь до самой сути какого-либо аргумента, какой-либо проблемы. Когда вонзала в них зубы, готовая рвать на части.

– А разве это не так? – спросила Махит. – Ну, скажи. – Она была сама неподвижность, само спокойствие. Три Саргасс пришли

на ум змеи, пауки – вся живность, которая жалит, чувствуя угрозу. – Ты все время напоминаешь мне, что я – варвар. И сейчас, и раньше – в Городе. Не только ты, Три Саргасс. Солдаты в коридоре тоже, но они хотя бы честны и не делают вид, что я могу быть чем-то другим, а не тем, что они видят во мне. Ты? Ты хочешь дать мне униформу, хочешь сделать меня полезной, а еще хочешь иметь умного варвара, почти что человека, чтобы ты могла хвастаться мной, показывать, как я ем у тебя с руки, – ты решаешь, что я нужна тебе здесь, и вот я здесь. Ты решаешь, что будет полезно, если твой варвар будет иметь дипломатические полномочия, – и вот у меня уже есть полномочия. Ты решаешь, что мне нужна форма, чтобы нас не останавливали в коридорах, и ничуть не думаешь о том, как будет выглядеть, если ты вырядишь меня, как тейкскалаанскую куклу…

– Я же спросила, – возразила Три Саргасс. Она и вправду только спросила – разве нет? Она каждый раз спрашивала. Она была почти уверена, что спрашивала, никогда не отдавала Махит никаких приказов, да и не стала бы, сама эта идея абсурдна. Но Махит проигнорировала ее и продолжила, будто слова были инфекцией, которую она выдавливала из раны.

– Ты бы не возражала, если бы я осталась с тобой во дворце, правда же? Я могла бы все время находиться у тебя под рукой, развлекать тебя, и нам бы не понадобилось тащиться бог знает куда на войну…

Она не замолчала сама – ее оборвала Три Саргасс:

– Это было бы для тебя настолько ужасно? Оставаться рядом со мной?

К ней в голову закралась мысль, что будет абсолютно ужасно, если она начнет плакать. Она никогда не плакала в спорах. По крайней мере с тех пор, как выросла настолько, что ее забрали из детского сада. Махит делала многие вещи, совершенно неожиданные для нее, новые и сложные, включая – очевидно – боль и горечь. Она всего лишь предположила, что униформа может облегчить им жизнь, а теперь у них возникла эта ссора, отвратительная ссора, и разногласия между ними казались непримиримыми, а Махит словно копила все это, ждала неизбежного момента, когда она не сможет больше выносить Три Саргасс, и нанесла удар по их отношениям, какими бы уж они ни были.

– Нет, – сказала Махит. – Остаться с тобой было бы не ужасно. Вот поэтому-то я и не осталась.

– Твои слова лишены смысла.

Махит уселась за конференц-стол в середине комнаты, закрыла лицо руками и спрятала глаза от Три Саргасс. Когда они

в прошлый раз были у стола в конференц-холле, им удалось поэзией предотвратить узурпацию власти. Теперь они и отчет не могли написать вместе, потому что между ними происходила эта бесполезнейшая, непостижимая, жуткая ссора. Такого у Три Саргасс не было, если ей не изменяла память, с тех времен, когда ее бывшая, Девять Дуга, порвала с ней во время экзаменов на втором году подготовки к званию асекрета.

– Твои слова лишены смысла, – повторила Три Саргасс, теперь громче. – Совершенно. Извини меня за форму и жакет, и я больше не буду об этом говорить, но ты не…

– Необъяснимая? Непонятная? *Нецивилизованная*?

– К черту, – сказала Три Саргасс, слыша, как истончал ее голос, каким высоким стал, неконтролируемым. – Если ты не хотела лететь сюда со мной, могла бы и не лететь.

Махит опустила руки и посмотрела на Три Саргасс, прямо ей в глаза.

Казалось, ее взгляд имеет вес. Вес и границы, неожиданно открывшийся ландшафт мест, которые ранят душу. Три Саргасс опять поймала себя на мысли: что в этой личности было Махит Дзмаре, а что Искандром Агавном, не родилось ли все это разрушительное непонимание между ними из драгоценной имаго-технологии Махит? Или же Три Саргасс никогда не понимала ее толком, а только делала вид?..

Она первая отвела глаза.

– Травинка, – тихо сказала Махит, и Три Саргасс посмотрела на нее покорными фиалковыми глазами.

– Да? – спросила она.

– Когда ты сообразишь, почему я была вынуждена лететь с тобой, мы сможем снова поговорить.

– …снова, и *все*?

В самой идее было нечто ужасающее: она зашла в своей неправоте настолько далеко, что у нее не было даже шанса идти дальше, продолжать попытки. Что во всем есть какой-то невидимый для нее изъян. Она не знала, почему Махит не может оставаться на Лселе. Конечно, это было связано с политикой, но Махит не сказала ей *почему*. Она знала, что Махит не сказала вполне намеренно, а теперь она должна догадываться, что за этим кроется.

– Нам пора взяться за работу, – сказала Махит, что ни в коей мере не походило на ответ. – Нужно заполучить одно из этих существ, тогда можно будет говорить, что этот Флот чего-то стоит.

Им и в самом деле пора было приниматься за работу. Осталось меньше шести часов до того времени, когда яотлек

потребует результаты их трудов. Тем не менее Три Саргасс чувствовала наворачивающиеся на глаза слезы. Это мешало думать. Слезы и желание ухватить Махит за руку и трясти, пока та не объяснит все. Пока не перестанет быть…

«Да скажи уже, Травинка. Самой себе хотя бы скажи».

Нецивилизованной. Отказывающейся взаимодействовать, как животное или ребенок.

Молчание между ними тянулось и тянулось, бесконечное и бесформенное, словно гравитация перестала действовать, огромные двигатели «Грузика для колеса» вышли из строя, Вселенная отклонилась от ожидаемого курса. В комнате пахло кислой блевотиной. Три Саргасс не знала, что сказать. Все, что она говорила пока, лишь усугубляло ситуацию.

Она села за стол в двух местах от того, на котором сидела Махит. Это было лучше, чем броситься прочь из комнаты. Махит была нужна ей. Еще ей было нужно сделать работу, которую она обязалась сделать, когда в министерство информации поступил запрос на специального уполномоченного. Ей не должны были позволять находиться здесь, почти все, связанное с ее присутствием, было несанкционированным. Помимо факта, что она была очень, очень хороша и нашла самого умного из известных ей людей, который в состоянии помочь в вопросах лингвистики и культурного шока первичного контакта. А еще то, что технически Три Саргасс имела соответствующий чин в министерстве. Но если она не справится…

Если она не справится, то не состоится ее карьера. А еще, возможно, от рук этих пришельцев погибнет множество тейкскалаанцев, о чем красноречиво говорили потери на Пелоа-2 и явные политические распри между яотлеком и одним из ее капитанов Флота, каковых у нее было всего пять, чего явно не хватало для предотвращения атаки инородцев через гиперврата на территорию империи. Жертв будет невообразимое количество, если Три Саргасс не найдет способ общения с инородцами. А это значило гораздо больше, чем ее карьера. От этих мыслей ее желудок сразу же завязывался узлом.

И еще Махит ждала ее. Или ждала *чего-то*. Эта пропасть молчания казалась непреодолимой.

Но она, тем не менее, преодолела.

– Начни с третьего звука, – сказала она. – Тот, который они производят, когда кто-то подходит слишком близко, звук, который они произвели, преследуя «Острие ножа». Я думаю, это победный клич.

– «Приближение-опасность» и «ура-мы-побеждаем», – сказала Махит голосом сухим, как пыль. – Могло быть и хуже. Я надеюсь,

мы правильно поняли «ура-мы-побеждаем». В противном случае мы говорим что-то вроде «приближение-опасность» и «мы будем атаковать тебя».

– Есть идеи получше? – спросила Три Саргасс и получила подтверждение, которое удовлетворило ее в гораздо большей степени, чем она могла подумать: Махит кивнула, и они приступили к совместной работе.

Глава 9

Он тебе понравится. Ты будешь им гордиться. Каждый раз, когда я вижу его лицо, думаю о твоем и о твоем голосе, о том, что могло бы направлять меня на верный путь. Каждый раз думая о твоем голосе, я думаю о монстроподобном чудовище, которое могло бы этим самым голосом шептать мне всякие слова. Будь у меня это существо, у меня был бы твой призрак, и я слушала бы его – таким образом, я в итоге подозреваю, что поступила правильно, а мои томления – это крест, который я должна нести. Это и есть существование в роли Лучезарного Величества, не так ли? Ты так всегда говорил. Хочу думать, что ты и верил в это.

Частные записки Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, без даты, безопасное хранение, зашифровано

Ужасная идея. Какое животное не возвращается после долгой охоты в надежде получить объедки? Но ты не хочешь слушать красочную тейкскалаанскую риторику, да? Ты хочешь что-нибудь конкретное. Как насчет этого: каждый офицер Флота, с которым я встречался, вполне способен набраться достаточной алчности, чтобы сделать небольшой крюк и завоевать Станцию, если его одолеет скука или появится возможность сделать это легально. К черту все это, дай мне поработать еще один год. Ты

получишь свою драгоценную изоляцию.

**** Из письма посла Искандра Агавна Дарцу Тарацу, Советнику по шахтерам, получено на станции Лсел 101.2.11-6Д (Тейкскалаанское летоисчисление)***

Восемь Антидот вошел в Военное министерство через парадную дверь так, словно его тут ждали. Словно он получил право находиться здесь – а он догадывался, что такое право все же получил. Три Азимут сказала ему прийти, а Ее Великолепие посреди ночи вручила ему странное подтверждение дозволения в виде наконечника копья. Наконечник и приказ: «Узнай, собирается ли Три Азимут выиграть эту войну». Он все еще ощупывал эти слова, словно пустое место во рту, откуда недавно выпал молочный зуб, а новый еще не появился. Что бы это ни значило, он получил двойное разрешение войти через парадную дверь, а не через туннели. Он спрятал наконечник в ящике, где держал рубашки: яркая тяжелая тайна легла среди серого, золотистого и красного цветов.

Одиннадцать Лавр ждал его внутри. Восемь Антидот тут же вспомнил, что он даже не прикоснулся к домашнему заданию, и подумал, есть ли у него время развернуться и сделать вид, что он оказался здесь случайно. Времени у него не было, и в любом случае бегство – это детский поступок, а потому он решил отказаться от этой мысли.

– Здравствуйте, заместитель министра, – сказал он и слегка наклонился над кончиками пальцев, словно приветствовал ровню. Ему показалось, что он делает что-то нехорошее, неправильное и выдающееся, исходя из допущения, что ему необязательно низко кланяться третьему заместителю министра войны, его наставнику, человеку, который старше его на пятьдесят лет минимум.

– Эликсир, – сказал Одиннадцать Лавр теплым, довольным голосом. Выпрямившись, Восемь Антидот почувствовал, как его щеки заливает румянец. Он ненавидел, когда вел себя с такой очевидностью. – Я думаю, вам понравится этот день, – продолжал заместитель министра. – Мы только что получили некоторые разведсведения от Двадцать четвертого легиона, и министр войны считает, что вы, мой юный друг, должны увидеть, как аналитики будут работать с ними.

– Мне бы очень этого хотелось, – сказал Восемь Антидот, пытаясь вспомнить, кто командует Двадцать четвертым легионом. Не яотлек Девять Гибискус – в Каураане был Десятый, именно Десятый был опасно лояльным легионом, – а другая женщина с астрономическим значением существительной части ее имени. Он когда-то давно провел одну операцию с Двадцать четвертым, делая домашнее задание, это случилось в самом начале занятий с ним Одиннадцать Лавра. Но он знал, что Двадцать четвертый – один из легионов яотлека Девять Гибискус общим числом шесть, действующих на линии фронта.

– Не из Десятого? – спросил он, следуя за Одиннадцать Лавром по лабиринтам Военного министерства. – Интересно.

– Хорошее наблюдение, Эликсир, – сказал Одиннадцать Лавр. – Нет, наши разведсведения поступают прямо от капитана Флота Шестнадцать Мунрайз по реле быстрого действия через гиперврата. Настолько для министерства важно получать эту информацию моментально. Мне самому крайне интересно, что она хочет показать нам на сей раз.

«Шестнадцать Мунрайз». Восемь Антидот должен запомнить это имя, по крайней мере он теперь понял, о какой астрономической его части может идти речь[11]. Запомнить имя будет гораздо легче, когда она перестала быть набором голограмм на стратегическом столе, а превратилась в капитана Флота, который в обход своего яотлека и даже вопреки его приказу отправил разведсведения министерству в Городе.

Впервые Восемь Антидот задумался: знает ли Девять Гибискус, что в министерстве есть элементы, отправившие ее на войну в надежде, что ее там убьют? Он подумал и решил, что знает. Она была неглупа. Никто из тех, кто имеет такую лояльность от подчиненных, которыми управляет, не бывает глупым – он был абсолютно уверен. Но, может быть, Девять Гибискус была из тех, кто считал, что преданность защищает, что поскольку все ее солдаты так сильно любят ее, а она любит империю – не может не любить, если Девятнадцать Тесло сделала ее яотлеком, – то и министерство будет любить ее и защищать.

Это казалось ошибкой, которую могло совершить лицо, ставящее преданность во главу угла. Он должен не забывать об этом и не совершить такой ошибки, когда станет императором. Преданность не передается по наследству, не двигается беспроблемно вверх и вниз по цепочке подчинения. Цепочка может порваться, может изменять направления. В особенности если кто-то другой, влиятельнее, вмешивается в движения информации, как это делает сегодня капитан Флота Шестнадцать Мунрайз.

На сей раз Одиннадцать Лавр не повел его в одну из стратегических комнат. Вместо этого они поднялись лифтом в центр Ладоней, прошли через несколько пропускных пунктов, строжайше охраняемых солдатами Флота, и оказались в месте, которое, вероятно, было личным кабинетом министра Три Азимут. Здесь он увидел множество красивых звездных карт: они висели на стенах и представляли собой тейкскалаанское пространство глазами художника. Гордость Тейкскалаана висела за спиной министра – огромное и сверкающее мозаичное полотно в раме, темные кристаллики и золотистые, лучистые звезды, изготовленные из осколков стекла, размером меньше самого маленького ноготка на пальце Восемь Антидота. Это была знаменитая работа под названием «Мир», иногда ее называли просто «Тейкскалаан» – карта всех мест, куда дотянулась империя, какой она была двести лет назад, когда эту карту сделал мастер Восемнадцать Корал. Восемь Антидот видел эту карту на голограмме, записанной на инфокарту, но никогда прежде в реальности.

Конечно, эта работа висела за столом министра войны, и Восемь Антидот никак не мог ее видеть.

Карты были здесь повсюду: на большом столе перед рабочим местом министра, некоторые в виде голографических изображений, некоторые на бумаге. На рабочем столе они лежали стопками, другие были приколоты к стене и перекрывали собой знаменитые произведения искусства.

Министр Три Азимут сидела среди всех этих карт, как птица в хорошо выстланном гнезде, ее облачная привязка поблескивала серебристо-белыми лучами и прозрачным стеклом, за которым виднелась искалеченная ушная раковина, ее волосы были убраны в ровную прическу, похожую на темную чашу. Восемь Антидот сглотнул, его горло неожиданно сжалось. Он отвернулся от нее, чтобы посмотреть на других чиновников министерства, сидевших за столом справа и слева от нее. Он увидел заместителя министра Семь Астру, мастера логистических цепочек, руководившего Второй Ладонью, его подчиненных, легко узнаваемых по направленным влево указующим перстам на плечевых накладках. Рядом с собой он видел Двадцать Два Нить, главу Пятой Ладони, главную по вооружениям, два года назад она приходила, чтобы презентовать новую разновидность космических двигателей предку-императору Восемь Антидота. Восемь Антидот заснул во время ее презентации, но он тогда был совсем маленьким. Сегодня он бы ни за что не заснул.

Подчиненные Одиннадцать Лавра ждали его на другой стороне стола: две незнакомые Восемь Антидоту женщины,

у обеих плечевые накладки рядом со знаками различия – руками, направленными вниз, знак Третьей Ладони. Два пустых стула – один для Одиннадцать Лавра, другой для него, словно так оно и должно быть. Словно он не мальчик одиннадцати лет.

В конце стола напротив министра было пустое место, на котором сидела бы император, если бы ее пригласили. Считалось, что, если обсуждаемый вопрос важен, император должна присутствовать. Вероятно. Если только Военное министерство не скрывало что-то от Девятнадцать Тесло. Но теперь он должен приглядывать за этим, верно? Быть внимательным, проявлять осторожность. Вот о чем она просила его посреди ночи.

– Одиннадцать Лавр, – сказала министр, приветственно кивнув, потом посмотрела направо от него и сказала: – Ваше сиятельство Восемь Антидот. Благодарю вас обоих за то, что пришли. Я как раз собираюсь предложить всем просмотреть материал, присланный капитаном Флота Шестнадцать Мунрайз. Материал пришел по быстрой сети несколько часов назад, коммуникация первоочередной важности.

Восемь Антидот обрадовался, когда с началом показа свет в кабинете притушили, а потому никто из присутствующих не мог видеть румянца на его щеках, горевших оттого, что Три Азимут обратилась к нему напрямую и использовала его официальный титул. Его это смутило и позабавило. Многие люди обращались к нему «Ваше Сиятельство», и он обычно ничуть не краснел при этом.

На голограмме капитан Флота Шестнадцать Мунрайз из Двадцать четвертого легиона напоминала статую на площади, видимую только в верхней части от пояса в наилучшем качестве воспроизведения и витающую над столом. Она склонилась над пальцами, вернее, сделала это часов шесть назад. Точнее, шесть с половиной – столько времени ушло на прохождение всех гиперврат между линией фронта и Городом даже на самом быстром передатчике и при переброске через сектор самыми мощными станциями повторителей. Где бы она ни находилась шесть часов назад, помещение это было тускло освещено и имело металлические стены. Какой-то корабль, скорее всего. Она была одна.

– Сообщение министру Три Азимут, – сказала она. – Приоритет. Код безопасности «Гиацинт».

Говорила она тихо, и этой громкости хватало, чтобы записывающее устройство могло уловить все звуки, но недостаточно, чтобы кто-то мог ее подслушать. Восемь Антидот никогда прежде не слышал о коде «Гиацинт». Он посмотрел на лица взрослых за столом, на них не было ни очевидного

удивления, ни сосредоточенности. Только внимание.

«Флот сумел заполучить труп одного из врагов и провел его вскрытие. Официальный отчет о результатах вышлет яотлек Девять Гибискус, я в этом уверена, как уверена и в том, что отчет будет точен, но короток. Я своими глазами наблюдала конец аутопсии. Эти инородцы – млекопитающие, вероятно, падальщики и плотоядные, а также всеядные, судя по строению зубов. Но более важно то, что яотлек пригласила на вскрытие специального уполномоченного из министерства информации. Уполномоченный привела с собой иностранку со станции Лсел. Я прилагаю визуальное изображение этого станциосельника. Я считаю, что Лсел, возможно, пытается оказать дипломатическое воздействие на решения яотлека Девять Гибискус через персону уполномоченного из министерства информации, которому Девять Гибискус поручила инициировать протокол первичного контакта. Я полагаю, что Ладони должны учитывать вероятность того, что в министерстве информации могут работать личности, скомпрометировавшие себя, или что станциосельница может покушаться на суверенитет Тейкскалаана. Посылая это сообщение, я исполняю свой долг принявшего присягу офицера Флота. Да процветают Тейкскалаан и император еще тысячу лет. Конец кода шифрования “Гиацинт”».

На этом голографическое послание заканчивалось, Шестнадцать Мунрайз исчезла, словно ее и не было. Свет снова включился на полную. Министр Три Азимут откинулась на спинку стула, сплела пальцы перед грудью. Она не казалась человеком, которому только что сообщили об иностранном дипломате, вступающем в заговор с дерзким агентом разведки, пустившимся во все тяжкие на войне, выиграть которую они пока не имели ни единого шанса. Восемь Антидот хотелось бы когда-нибудь выглядеть столь уверенным. Она была миниатюрной, лишь чуточку выше, чем он, и в то же время держала под полным контролем все шесть Ладоней, была властителем всей военной мысли империи. Она мигнула за облачной привязкой, и вместо голограммы Шестнадцать Мунрайз над столом появилось двухмерное изображение высокой женщины в жакете иностранного фасона и брюках, с высокими скулами и кудрявыми волосами. Изображение было нечетким по краям и снято под необычным углом. Восемь Антидот предположил, что это стоп-кадры с видеокамеры наблюдения, но лицо было ему знакомо. Он тысячу раз видел его во множестве новостных сводок после смерти Шесть Пути. Он видел его и вблизи: в одной из садовых комнат во Дворце-Земля, в саду хуэцахуэтлов, куда он ходил смотреть, как дворцовые певчие птички пьют нектар цветов

и улетают, но не дальше чем им позволяет невидимая сеть. Та женщина тогда даже говорила с ним.

– Итак, – сказала Три Азимут. – Что мы думаем о бывшем после со станции Лсел Махит Дзмаре? Она, если вы помните, обратилась к нам с искренней мольбой обратить внимание на угрозу со стороны инородцев – ее речь транслировали накануне смерти императора Шесть Пути. Именно она указала нам направление нынешней войны. А теперь эта почтенная персона оказалась на корабле «Грузик для колеса».

В саду, в месте обитания снующих туда-сюда птах, самых маленьких в Тейкскалаане птах, с красными и золотистыми крыльями, Дзмаре сделала ему странное предложение. Она сказала: «Вы очень могущественная юная личность, и если у вас все еще сохранится желание, когда вы станете зрелым мужем, для станции Лсел будет большой честью принять вас». Он уже тогда знал, что на такие слова нельзя отвечать «да»: она была потерянной, пьяной и грустной, но все же пыталась найти способ влияния на него. Он показал ей, как кормить хуэцахуэтлов нектаром с ладони, а потом выпроводил ее.

Он спрашивал себя, что ей удалось узнать тем вечером и что заставило ее сначала спешно улететь из Тейкскалаана, а потом добраться до самой зоны боевых действий.

Восемь Антидот сидел прямо, внимательно слушал. Он должен будет передать этот разговор Ее Великолепию императору. Даже у маленьких шпионов есть тайны, подумал он и сам удивился степени собственной удовлетворенности этой мыслью.

Как выяснилось, Военное министерство не любило Махит Дзмаре – по крайней мере, некоторые его представители. Она была варваром, с этим никто не спорил, и второй заместитель министра Семь Астра, тоже из новеньких, как министр Три Азимут и сама император, не питал к ней добрых чувств. Главным образом, казалось, из-за того, что она была варваром и прибыла на фронт без присмотра, имея, вероятно, дипломатические полномочия. Но, похоже, вины Дзмаре не было – с варварским происхождением она ничего не могла поделать, как и с тем, что уполномоченный министерства информации пригласил ее. Если только она каким-то образом сама не вынудила уполномоченного к этому.

До нее послом от станции Лсел был некто Искандр Агавн. Он принадлежал к людям, которые умели вынуждать других делать то, чего сами они от себя никак не ожидали. Восемь Антидот не знал его, только помнил очертания лица и то, как предок-император любил его компанию. Агавн либо сильно не любил

детей, либо его занимали более интересные вещи, чем разговор с одним из них. Но он все время проводил во дворце. Он дружил со всеми. Пока не умер.

Может быть, все послы Лсела были такими?

Восемь Антидот все еще обдумывал, полезна или нет на фронте способность провоцировать людей действовать так, как они обычно не действуют, когда Одиннадцать Лавр сказал:

– Министр, моя главная озабоченность касательно Дзмаре не имеет никакого отношения к ее варварскому происхождению. Меня беспокоит ее способность воздействовать на ситуацию вокруг нее. Ее дестабилизирующая способность.

– Продолжайте, – сказала министр Три Азимут. – Как вы все время напоминаете мне, заместитель, вы находились здесь, когда Дзмаре оказалась вовлеченной в неприятные обстоятельства, сопутствовавшие восхождению нашего императора на трон, тогда как меня здесь в то время не было. Может быть, в ее деятельности есть какая-то специфика, которая, на ваш взгляд, может считаться подозрительной?

– Вы были заняты в Накхаре, и у вас наверняка не хватало времени, чтобы обращать внимание на такие мелочи, – сказал Одиннадцать Лавр. Восемь Антидоту это показалось невинным утверждением, которое не заслуживало промелькнувшего на лице Три Азимут недовольного выражения. Она ведь и в самом деле была в Накхаре, военные губернаторы по должности своей люди занятые, почти такие же занятые, как императоры. – Дзмаре – и силы, с которыми она вступила в союзнические отношения или которые сочли ее полезной, – игнорирует все протоколы. Она игнорирует всю историю – она, как и Агавн до нее, просто приходит с блаженной улыбкой и делает то, что считает необходимым. Если институтами нашей империи пренебрегать, то все наши процессы замедляются или ликвидируются – какое ей до этого дело?

Лицо Три Азимут было совершенно неподвижным.

– Мой дорогой заместитель, – сказала она, – как я полагаю, вы имеете в виду досрочную отставку моего предшественника Девять Тяги.

Восемь Антидот вдруг понял, насколько Одиннадцать Лавр был старше Три Азимут, и задумался, при скольких же министрах войны он служил. Достаточно ли их числа, чтобы Одиннадцать Лавру не стоило волноваться, когда нынешний министр *намекает*, что не видит его лояльности? Они ведь сейчас об этом говорили? Ему казалось, что он наблюдает за разговором, который начался уже давно, задолго до этого заседания.

Одиннадцать Лавр испустил смиренный вздох, морщины на

его лице стали еще глубже.

– Министр, меня беспокоит не судьба Девять Тяги. Она, надеюсь, наслаждается нынешним положением отставника, но она больше не министр, верно? Беспокоит меня то, насколько император доверяет нам, тем, кто служит в министерстве войны, теперь, когда Девять Тяга покинула свой пост, а яотлек Один Молния был отставлен с позором. А еще беспокоит, насколько Ее Великолепие в делах Флота доверяет таким персонам, как Дзмаре, или уполномоченным из министерства информации, или кому угодно вне Флота. Это все, министр.

– Это никогда не *все*, – сказала Три Азимут.

Восемь Антидот попытался перебрать в голове то, что сейчас сказал замминистра и осмыслить услышанное. Доверяет ли на самом деле Девятнадцать Тесло министерству войны, которое сейчас защищает Тейкскалаан от невероятно опасных чужеродцев? Он осмыслял услышанное, напуская на лицо бесстрастное по мере сил выражение, невозмутимое, как у взрослых, спокойное, как у человека, который в этот момент вовсе не пытается собрать трудный пазл из отдельных частей.

Но император послала его шпионить за Военным министерством, ведь так? Может, это означало, что Одиннадцать Лавр прав. Он не мог разобраться в собственном отношении ко всему этому. Совсем не мог разобраться, кроме той части, в которой это навевало на него ужас.

* * *

Сообщение, к которому они пришли, длилось десять секунд и состояло из четырех звуков, составленных из вырезок, сделанных ими из перехваченного и повторенного дважды сообщения. Насколько смогла понять Махит, на основании способности коммуницировать с помощью звуковых волн, которые вызывали у нее тошноту, перехват сообщал в последовательности что-то вроде «опасное приближение», «инициация контакта», «ура, мы победили», а потом – используя обретенное ими неприятное знание о возможности усиления степени воздействия – проиграли «инициация контакта» с двух противоположных сторон одновременно, с добавлением поверх этого «ура, мы победили». Потом повторили все с самого начала. Она не была уверена, что их с Три Саргасс обращение означает «приходите поговорить лично, все будет хорошо», и это было… что ж, с таким ограниченным начальным набором это было лучшим, что они могли сделать. Может быть, на их послание

придет ответ, пусть не в лице живого инородца-переговорщика, но хотя бы в виде новых шумов, с которыми можно будет работать.

Они закончили работу, и в тот же миг хрупкий мир, воцарившийся между ними, треснул, как стакан, уроненный на пол. Три Саргасс имела угрюмый вид и пребывала в молчаливом недоумении. Махит чувствовала полное изнеможение. Она ни в коем случае не хотела такой ссоры между ними…

<Неправда, – сказал Искандр. Внутри головы его голос был в точности похож на ее, словно ее собственные мысли направлялись какой-то внешней силой, приходили ей в голову с чужеродной неожиданностью. – Ты хотела этой ссоры со дня соревнований по ораторскому искусству на дне рождения Шесть Пути, когда увидела, как легко ей дается быть тейкскалаанкой. Поэтические соревнования, все ее блестящие друзья и то, как по-дружески она относится к инородцам. Ты захотела быть такой. Ты просто надеялась, что *не придется* ссориться>.

Она ненавидела, когда он говорил голосом всезнайки. Можно подумать, его жизненный опыт, на двадцатилетие превышавший ее собственный, бурные ночи, проведенные в одной постели с императором – его текущей и прошлой версиями, – сделал его экспертом по ее душевному состоянию. Правда, он находился внутри ее эндокринной системы. Он знал все о ее чувствах, потому что сам чувствовал то же самое, и они с каждым днем становились все ближе друг к другу. Более интегрированными.

Ее руки болели вспыхивающей болью локтевого нерва. Голова тоже болела, словно она долгое время сдерживалась, не позволяя себе заплакать.

«Я хочу, чтобы она поняла, какую боль доставляет мне», – сказала она мысленно, пока Три Саргасс переносила их послание на новую инфокарту, запечатывала ее с помощью своего пломбировочного комплекта – воска огненно-оранжевого цвета в тон ее идеальной, вызывающей раздражение форме.

«Я хочу, чтобы она… заметила *сама*, когда дойдет до этого, без подсказки».

<Она тейкскалаанка, Махит. Они не замечают, пока ты им не скажешь. Один раз, другой, третий, но даже и тогда…>

Слайд сенсорной памяти и томление, странная комната с зеркалами их совместного разума отражает осколок времени: форма лопатки Девятнадцать Тесло, ее очертания едва видны в слабом свете раннего утра во Дворце-Восток. Как Искандр ощутил прилив ужасающей, сладкой нежности – однажды утром незадолго до того, как Девятнадцать Тесло с полным пониманием и молчаливым согласием дала разрешение на его убийство. Дала

разрешение удушить его под внимательным присмотром Десять Перла, министра науки. И все же сенсорная память сохранилась, несмотря на смерть и неумело проведенную имаго-хирургию. Махит посмотрела на Три Саргасс и почувствовала отзвук той нежности, того предательства.

«Она не собирается убивать меня, чтобы спасти своего императора от разоблачения», – нарочито подумала она.

<Не недооценивай ее, – пробормотал Искандр. – Я на твоем месте не стал бы этого делать>.

«Ты и есть на моем месте».

<Ей нравится Махит Дзмаре, а не Искандр Агавн. Если вообще нравится хоть какая-то наша часть после всего, что мы ей наговорили>.

– Я собираюсь представить это яотлеку, – сказала Три Саргасс, легко и холодно, засовывая инфокарту в карман своей формы. – Я непременно укажу, что бóльшая часть работы – твоя. Спасибо.

Словно между ними никогда не было ничего иного, кроме короткой совместной работы над трудной проблемой. Махит чувствовала себя так, будто она разбила Вселенную, и ненавидела себя за это чувство – Три Саргасс, асекрета и патриций первого класса, третий заместитель министра информации, специальный уполномоченный во Флоте… она не была *всем миром*. Махит прекрасно обходилась без нее на Лселе, скучала по ней, но в той же мере, в какой скучала по Тейкскалаану. А скучала она по нему страстно и с мучительным чувством бессилия.

<Вселенная, империя>, – прошептал Искандр по-тейкскалаански.

«Правильный порядок вещей», – прошептала в ответ Махит с другим оттенком произношения. Вот что казалось сломанным. Как она хотела, чтобы Вселенная осталась!

– Я полагаю, – вдруг услышала она собственный голос, – что, если все получится и они пришлют ответ, ты дашь мне знать.

Три Саргасс посмотрела на нее, скользнула взглядом с несчастным выражением на лице и снова уронила глаза.

– Конечно, – сказала она с излишней поспешностью. – И я… Когда они ответят, я хочу, чтобы ты выслушала ответ.

Это прозвучало почти как «Я хочу, чтобы ты мне помогла». Было бы лучше, подумала Махит, если бы она так и сказала. Но Махит практически не оставила пространства, чтобы сделать это, не так ли? «Когда ты сообразишь, почему я полетела с тобой, мы сможем поговорить» – такими были ее слова. Она имела в виду: «Когда ты разберешься в политической ситуации на Лселе», «Когда ты поймешь, что, если империя отдает приказ, я не могу

ответить отказом», «Когда ты поймешь, что у меня нет пространства для ответа “да”, даже если хочу ответить “да”»… Она имела в виду: «Ты не понимаешь, что не существует никакой свободы». Свободы выбора, свободы чего угодно.

А потому вслух она сказала:

– Хорошо. Тогда и увидимся, Три Саргасс.

Три Саргасс не ответила. Она выскользнула за дверь так, словно тысячу лет ждала этого мгновения, и Махит осталась в одиночестве попытаться сделать что-нибудь с блевотиной на полу и отыскать дорогу к жилью, которое они должны были делить вдвоем. Столько коридоров между ней и этой ограниченной безопасностью, без преимуществ в виде связанной с ней тейкскалаанки в форме, открывающей все двери, указующей охранникам их место. Она искалечила себя на этом флагмане, который находился дальше от всего, что она могла бы назвать домом, чем когда бы то ни было. Ради чего именно она находилась здесь? Во имя желания быть понятой? Она или хотя бы та ее часть, которая звалась Искандром и которую уже трудно было отделить от нее самой, даже не была уверена, способна ли Три Саргасс на такое понимание, не говоря уже о *принятии*.

В чем смысл всего этого?

Махит считала, что прежде ей было известно, в чем, но теперь она уже не была уверена.

* * *

Как обнаружила Три Саргасс, адъютант икантлос-прайм Двадцать Цикада был вездесущ. Не успела она углубиться в коридоры «Грузика для колеса», идя по карте в облачной привязке от звукомонтажной комнаты в направлении мостика в надежде встретить яотлека или кого-то, кто знает, где ее найти, как он вдруг просто материализовался из трехстороннего прохода, словно сам корабль проявил его.

«Не было еще такого корабельного ИИ, который принимал бы человеческую форму, – напомнила себе Три Саргасс. – Это сюжет для голографильма. И потом, он прикасался к физическим объектам, и я видела, как он это делает. Он определенно реален». Тем не менее ей хватало оснований предполагать, что неожиданные появления Двадцать Цикады крайне подозрительны.

Кстати, «хватало» можно было сказать о многом. В первую очередь *хватало* усталости, неудовлетворенности, притворства, ощущения, что она на грани слома. Три Саргасс вспомнила, что

капитан Флота Шестнадцать Мунрайз назвала его Пчелиный Рой. Очаровательно отвратительное прозвище для человека, у которого столь же очаровательно неподобающее имя: насекомое в качества существительного-определителя. Пчелиный Рой, значит…

– Вы повсюду одновременно, – сказала она ему. – Я правильно понимаю?

Свет в коридорах «Грузика для колеса» был рассеянным, отчего бритая голова Двадцать Цикады сияла, отливая оливковым золотом, как патина на старых монетах. Он, казалось, обдумывал ее предположение, стоял, чуть наклонив голову, словно вычисляя вектор атаки. Три Саргасс собиралась проверить его, когда снова будет иметь доступ к Информационной сети. Она хотела знать все о его военной карьере. Летал ли он на «Осколках»? Участвовал ли в рукопашных боях? Или всегда был сотрудником по логистике и эксплуатации, штабным офицером, который организовывает перемещение кораблей, линии снабжения через гиперврата, руководствуясь духовным наставничеством своей религии, одержимой балансом?

– Я там, где должен быть, – сказал он.

– Мы подготовили яотлеку послание для трансляции инородцам, – сказала ему Три Саргасс, стараясь не морщиться, когда прозвучало «мы»; ей вовсе не нужны сейчас мысли о Махит. Она прекрасно обходилась без Махит! Нечего о ней думать. Прямо сейчас она точно не собиралась этого делать. Сейчас нужно сосредоточиться на том, что происходит непосредственно перед ней. – Она на мостике?

Двадцать Цикада сделал жест одной рукой, который мог означать «несомненно», а мог и «полагаю, да, если угодно». Это движение обнажило краешек его татуировки культа гомеостата – из-под манжеты выглянула часть фрактальных бледно-зеленых форм. Понять, что у него в душе, было чертовски трудно; он был слишком странным и слишком тейкскалаанским солдатом одновременно.

– Идемте со мной, – предложил он вместо ответа, и Три Саргасс согласилась.

Они повернули не к мостику. Три Саргасс, моргнув, отключила навигационную функцию своей облачной привязки, которая продолжала посылать короткие сообщения на краю поля ее зрения, предлагая повернуть налево, а потом переложить маршрут. Без этого мелкого раздражителя вполне можно было обойтись. Она поставила привязку на запись перемещений и создание нового участка карты. На станции Лсел она этого не делала – означал ли этот факт, что она готова строить карту

флагманов империи, но не карту чужого суверенного государства?

«Это означает, – подумала она, нарочно, словно нажимая на синяк, – что ты слишком доверяла Махит Дзмаре».

Двадцать Цикада повел ее вниз на два уровня корабля. Адъютант был не слишком разговорчив. Он задавал вопросы, но не как следователь или асекрета. Она никак не могла пощупать руками его цели. Они были слишком скользкими.

– Вы видели, что эти инородцы делают с человеческими существами? – спросил он. – Кажется, Девять Гибискус отправила вам голограммы того, что мы обнаружили на Пелоа-2.

Отправила, да. Три Саргасс просмотрела их и ничего не почувствовала, кроме «Ну да, еще одна война». Чья-то жестокость где-то далеко-далеко, на границе известного мира. Но теперь она сама была очень близко к этим границам.

– Им нравится сеять разорение, – сказала она Двадцать Цикаде. – Занятная любовь к массовым побоищам. Кроваво.

– Расточительно, – сказал он, поправляя ее.

– Почему? Потому что требуется слишком много усилий, чтобы извлечь из каждого человека все его внутренности? Вы видели когти этого мертвеца. Невозможно, чтобы это было для них чем-то сложным.

– Этот мертвец был падальщиком или происходил от них – судя по рту, глазам спереди черепа. И в то же время он оставил все внутренности гнить. Вот что расточительно.

Они подошли к тяжелой плотной двери с такой герметизацией, что Три Саргасс даже подумала, не выкинут ли ее в космос через этот тамбур без особых церемоний. Двадцать Цикада подошел к двери вплотную, чтобы считалась его облачная привязка: по прозрачному стеклу на одном глазу плотно потекли золотисто-серые глифы, словно над Городом разыгрался шторм. Дверь открылась, и за ней оказалось тепло – стоял теплый и влажный воздух, запах земли, роста и цветов. Гидропоническая палуба. Три Саргасс последовала за ним внутрь с благодарностью, какой от себя ничуть не ожидала: ее кожа, изголодавшаяся по нефильтрованному воздуху, впитывала влагу и жидкость. Место на этом корабле, которое ощущалось, как… Тейкскалаан, как Жемчужина Мира. Сад сердца. Она сделала несколько глубоких вдохов. Приток влажности в ее легкие был великолепен.

У Двадцать Цикады на лице было такое же выражение, как и у нее. Он любил это место – разумеется, любил, мог ли не любить? – а это, конечно, означало, что он привел ее сюда, чтобы использовать окружающую обстановку как обрамление для

аргумента, который хотел привести. Место достаточно важное, чтобы заглянуть сначала сюда, а не заявиться со своей работой прямо к яотлеку, чей приказ они выполняли. Видимо, у него *крайне* важный аргумент.

Она выслушает его. Она предпочтет выслушать второго человека на флагмане Флота, который попытается манипулировать ею, используя влажность и поразительный запах риса, щавеля и лотосов, растущих в гидропонных прудах, чем думать о Махит Дзмаре.

– И сколько народу вы кормите? – спросила она, следуя за Двадцать Цикадой к краю одного из террасных прудов. Впечатление возникало такое же, как если бы она стояла на балконе. Они опирались на металлическую ограду мостков тонкой работы и смотрели вниз на зелень.

– У нас мощности на пять тысяч человек, – сказал Двадцать Цикада. – На сокращенных пайках в чрезвычайной ситуации можем продержаться три месяца. При обычном численном составе «Грузика для колеса» мы абсолютно самодостаточны, при этом уровень питания будет гораздо выше, чем просто для поддержания существования.

– И достаточно цветов для всех палуб, – добавила Три Саргасс. – Столько лотосов…

– Как я уже сказал, гораздо больше, чем просто для поддержания существования.

Таким образом, красота была частью его определения самодостаточности. Три Саргасс всегда считала, что членам секты гомеостата не должны нравиться ни чрезмерно красивые вещи, ни чрезмерно уродливые, однако эта гидропонная палуба была *прекрасна*. Как и все лотосы, всех цветов: голубого и бледно-серебряного, белого и розоватого, цвета восхода солнца.

– Каковы потери? – спросила она после нескольких секунд преднамеренной паузы. – Не считая Пелоа-2, скольких мы уже потеряли?

– Разве вы не знаете?

Он поднял к облачной привязке место, где должны были находиться его отсутствующие брови, словно показывая ей, откуда надлежит черпать информацию.

– Мы не становимся всезнайками благодаря одному тому, что состоим в министерстве информации, икантлос-прайм. Но даже если бы оно было так, есть все-таки разница между прочтением доклада и выслушиванием солдата, находящегося на передовой.

Двадцать Цикада произвел тихий задумчивый звук – пощелкал языком по зубам.

– Я готов согласиться с тем, что всезнание в некоторой

степени калечится отсутствием вездесущности. *Чрезмерно* высоки – это я о цифрах наших потерь. Слишком высоки для Флота, который решает, что ему делать дальше, и пока так и не установил места происхождения этих врагов, несмотря на тщательную разведку, проведенную нами в секторе.

«Мы не знаем, откуда они произрастают, – думала Три Саргасс. – Не знаем, как выглядит сад сердца их дома, знаем только, что он вряд ли выглядит подобно этой палубе, месту, которое так ценит Двадцать Цикада».

– Вы бы предпочли действовать, – сказала она.

– Мои предпочтения вряд ли имеют какое-то значение, уполномоченный. Я всего лишь не люблю расточительство во всех его производных.

«И вы полагаете, что эти инородцы агрессивны. Ваша замена для слова «агрессивность» – расточительство».

Три Саргасс провела пальцами по ограде, чувствуя скользкую влагу металла.

– О чем вы бы их спросили? Если они отзовутся на наше послание и придут поговорить с нами.

На сей раз звук, который он произвел, не был таким уж задумчивым.

– Почему вы считаете, что они захотят говорить? Как бы ни были вы и лселский посол точны в вашем разборе звукопередачи… Силы небесные, опять один из них пробрался в рис.

– Один из кого? – спросила Три Саргасс, но Двадцать Цикада уже перекинул ноги через ограду и приземлился со всплеском. Вода доходила ему до колен и мгновенно пропитала брюки его форменной одежды. Он двинулся по воде целенаправленно и раздраженно, остановился и замер, как ибис, собравшийся пронзить рыбу своим клювом. Затем, сделав резкое движение вниз, он ухватил что-то небольшое и темное между рисовых стеблей.

Оно пискнуло. Он пошел к Три Саргасс, держа добычу в вытянутой руке за шкирку, словно нес какой-то неприятный трофей.

– Подержите-ка, – сказал он и просунул ей добычу через решетки ограды.

– Это кот, – сказала она. Так оно и было. Черный котенок, судя по размерам, с огромными желтыми глазами и обычными кошачьими когтями, которые теперь все разом вонзились в рукав жакета Три Саргасс и в кожу под ним. С котенка капала вода, но он, в отличие от всех других котов, о которых она знала, казалось, воды ничуть не боялся.

Двадцать Цикада перебрался через ограду назад – на сухую часть балкона.

– Это животное было котом, – мрачно сказал он, – несколько тысяч лет назад, а потом оно превратилось во вредителя, обитающего в мангровых лесах Кауранна. И этот вредитель попал на мой корабль через воздуховод, потому что кто-то решил, что эти зверьки очень милы, и принес беременную самку.

Котенок забрался на плечо Три Саргасс. Он был очень прытким. И сумел ухватиться за нее гораздо надежнее, чем все другие котята, которых она помнила. В последний раз она находилась рядом с кошкой в гостиной одного патрицианского поэтического салона в Городе. Тот котик был пушистый, светлый, и его совершенно не интересовало сидение на ее плече. У этого были очень длинные фаланги, напоминавшие четыре человеческих пальца, и некое подобие большого пальца в приближении к оппозиции касательно остальных.

– Они в воздуховодах, – повторила она, потрясенная и одновременно довольная.

– Они похожи на меня, они повсюду, – сказал Двадцать Цикада и вздохнул, чтобы не рассмеяться. – Их не должно быть здесь. Они не эндемичны гидропонной экосистеме, а продукты их жизнедеятельности содержат слишком много аммиака. Этого можете взять себе.

– И что я буду с ним делать? – спросила Три Саргасс. – Мне нужно представить доклад яотлеку Девять Гибискус – я не могу прийти к ней с котенком.

– Он пробудет с вами недолго. Вынесите его отсюда и оставьте на какой-нибудь другой палубе, только не на этой. И не беспокойтесь о Девять Гибискус, я передам ей ваше послание.

– Точно передадите? – спросила Три Саргасс, понимая, что ее вопрос почти равносилен другому: «Могу ли я доверять вам теперь, когда вы продемонстрировали, что не считаете этих врагов достойными переговоров?»

– Это задание Девять Гибискус, – сказал адъютант яотлека, словно один этот факт делал вселенную абсолютно простой. – Поэтому я доставлю ей ваше сообщение. Я всегда знаю, где она находится.

* * *

Он мог бы пойти к Девятнадцать Тесло сразу после того, как покинул министра войны. Не было никаких причин не пойти, это

не вызвало бы подозрений: Восемь Антидот жил во Дворце-Земля, в том же, что и император, и часто ходил к ней. У него была информация – не то чтобы важнейшая, требующая немедленных действий, вроде той, о которой говорят в голодрамах, но *полезная*, интересная Ее Великолепию. Он мог прийти к ней прямо сейчас.

Но что-то подсказывало ему, что делать этого не стоит. Так оно больше походило на ябедничество, а не работу разведчика. Он словно исполнял бы тогда роль чьих-то ушей, перестал принадлежать сам себе, не принимал бы собственных решений. Он, конечно, расскажет ей после о Махит Дзмаре и капитане Флота Шестнадцать Мунрайз. А также, скорее всего, об озабоченности Одиннадцать Лавра тем, что Ее Великолепие не доверяет военному министру. Он даже расскажет ей все это сегодня, но сначала… Сначала он хотел сам разобраться, что же такого узнал сегодня.

Поэтому Восемь Антидот зашел в холл министерства информации, сообщил о себе, назвав все свои титулы, и попросил любезную асекрету – практикантку, которая сидела за информационным столом, найти ему кого-нибудь, кто может уделить ему полчаса и объяснить будущему императору всего Тейкскалаана, как происходит быстрая коммуникация через гиперврата.

– Это для моего образования, – с бьющей через край веселостью сказал Восемь Антидот, и практикантка фактически погасила заговорщицкий смешок, прикрыв рот рукой. «Да, – подумал он. – Ты помогаешь наследнику империи сделать домашнюю работу. Так и продолжай считать».

Ждать ему пришлось совсем недолго, и он развлекался тем, что разглядывал, как подает себя министерство информации. Очень непохоже на Шесть раскинутых ладоней: ясно и четко, невозмутимые стены белого мрамора в сочетании с вездесущими акцентами кораллового оттенка, как если бы рукава асекрет перешли в архитектуру. Коралловые вставки в полу, выполненном в стиле халцедоновой мозаики, громадная хризантема в обрамлении более мелких лотосов. «Вечность», – вспомнил Восемь Антидот из какого-то давнего-давнего урока, когда он был очень маленьким, чуть ли не младенцем. Первым делом все изучали цветы. «Хризантемы есть вечность, лотосы – память и возрождение, поэтому знак министерства информации содержит и то и другое. Им нравится думать, что они знают все, всегда знали и всегда будут знать. По крайней мере, так говорит Одиннадцать Лавр».

Он еще не знал, что скажет сам. Пока не знал.

Поговорить с ним вышел толстый широкоплечий человек с открытым лицом – такие лица кажутся дружескими, даже когда никаких дружеских чувств их владельцы к тебе не питают. Хорошее лицо для сотрудника министерства информации.

– Ваше сиятельство, – сказал он, – насколько я понял, вы хотите поговорить о межзвездных коммуникациях?

Восемь Антидот принял вид своего предка-императора, собрал рот и глаза в то самое знающее, заинтересованное, невозмутимое выражение, от которого Девятнадцать Тесло отшатывалась в удивленном узнавании. Ему это удавалось все лучше, оно действовало даже на тех, кто едва знал предка. Это было взрослое выражение, и люди начинали нервничать на полезный для него манер, когда он проделывал это со своим детским лицом.

– Очень хочу, – сказал он. – Если не отбираю ваше драгоценное время, асекрета… простите бога ради, но я не расслышал вашего имени.

– Один Цикламен, ваше сиятельство, – сказал асекрета. – Имею честь быть вторым заместителем по Эпистолярному департаменту министерства информации, что означает, что я именно то лицо, которое немало времени посвящает хитростям межзвездных коммуникаций через гипервраты. Этот процесс, ваше сиятельство, настолько автоматизирован и запускается так регулярно, что мое время с максимальной пользой может быть потрачено на информирование вас. Хотите пройти в конференц-зал?

Один Цикламен был удивительно угодлив, но таким образом, что Восемь Антидот чувствовал себя в большей степени польщенным, чем раздраженным. Ему захотелось овладеть этим навыком.

– Да, пожалуйста, – сказал он, прикинув, что бы подумали про него сейчас камеры наблюдения Города: вот он идет за агентом министерства информации в бело-бежевый конференц-зал. Здесь не было голографических стратегических столов, не было звездных карт Вселенной. Только голографический проектор в одном конце обычного стола; луч проектора был минимизирован и лишь слегка мигал. Стулья были слишком велики для него. Его ноги не доставали до пола, а потому он скрестил их под собой на сиденье. Так было лучше, чем сидеть, покачивая ими, и он чувствовал себя устойчивее.

– Каким образом послание, отправленное с Жемчужины Мира, отдаленной на тысячи световых лет, доходит до места назначения за считаные часы? Скажите, второй заместитель министра, – спросил он тоном изысканной вежливости, словно

говорил с одним из своих наставников, – может ли послание двигаться быстрее, чем обычно? Или медленнее?

– В сугубо техническом смысле послание не может двигаться быстрее или медленнее, чем со скоростью прохождения через гиперврата, ваше сиятельство, – сказал Один Цикламен. – Гиперврата тут являются камнем преткновения. Простите, вы понимаете, как они действуют, или нет?

– Если запутаюсь, я вам скажу, – ответил Восемь Антидот, он сплел пальцы рук, делая из них подставку для подбородка, и уставился внимательным взглядом в Один Цикламена. Как работают гиперврата, знали все. Единственный путь с одной стороны на другую лежал через окно. Только здесь не горный кряж разделял два участка земли, а одна сторона представляла собой сектор пространства, другая же была совершенно иной и могла находиться где угодно. Никакого сочленения между секторами не было, только врата и несколько секторов Тейкскалаанского пространства – хотя в исчислении векторов никто не знал, где они располагались относительно Жемчужины Мира. Но попасть туда было так же легко, как сесть в метро на Плац Сентрал Девять, если только знать, через какие врата нужно проходить.

Если не знать, то приходится ползти на досветовой скорости по всей галактике в надежде свернуть туда, куда нужно, *до* своей смерти. Именно благодаря гипервратам и существовала империя.

Один Цикламен говорил в течение нескольких секунд, и Восемь Антидот не знал, хорошо ли поступает, делая вид, что внимательно слушает, тогда как на самом деле не слушал.

– …электронные коммуникации главным образом передаются со скоростями выше скорости света – практически мгновенно! – через наши сигнальные станции в пределах какого-либо сектора уже в течение сотен лет. Но через гиперврата могут перемещаться только физические объекты, тогда как нефизические могут передаваться через имперскую сигнальную службу. Понимаете, в чем проблема?

– Кому-то приходится доставлять послание на инфокарте через все гиперврата между отправителем и получателем.

– Именно! В этом, кстати, и состоит моя работа, ваше сиятельство, и сама причина существования моей должности. Эпистолярный департамент комплектует почтовую службу. Мы – единственные сотрудники министерства, которые летают на космических кораблях, хотя наши перелеты коротки, туда и обратно через гиперврата с почтой. В большинстве своем они теперь работают автоматически.

– Беспилотные корабли, – кивнул Восемь Антидот.

– Алгоритм маршрутизации очень прост, – сказал Один Цикламен, пожимая плечами. – Нет никаких оснований отправлять человека, если только работа не срочная или если гиперврата какие-то хитроумные, трафик напряженный.

Срочная работа, как у Шестнадцать Мунрайз. Неужели министерство информации переслало послание, которое было насквозь анти-информационным? Прочитывало ли министерство отправляемую физическую почту или ее просто доставляли – кучу инфокарт, как наихудшую возможную груду оставшейся без ответа дворцовой почты? Восемь Антидот представил себе мешок с множеством инфокарт или кучу ящиков, и его привела в ужас одна мысль о таком количестве информации за один раз.

Он не стал спрашивать, как формируется расписание срочной работы. Это было бы слишком *очевидно*, а он сегодня исполнял роль шпиона. Не исключалось, что, став однажды шпионом, человек остается им навсегда – ему определенно нужно будет об этом подумать. Так что он спросил о другом:

– Министерство обрабатывает все послания? От всего Тейкскалаана?

Один Цикламен задумался. Между его бровями появилась тонкая линия, линия напряжения, словно он только-только вспомнил, что разговаривает с наследником императора, а не ребенком, обдумывающим проект по обогащению.

– Мы их не обрабатываем, – сказал он. – Мы их передаем. Если только, конечно, Ее Великолепие император не отдаст другого приказа. Но я уверен, что это вас не интересует, ваше сиятельство… Может быть, вы хотели узнать, есть ли какие-то другие почтовые курьеры?

– А они есть? – спросил Восемь Антидот и замер в ожидании. Ожидание было еще одной уловкой. Уловкой, придуманной Девятнадцать Тесло. Она постоянно ловила его на этом: заставляла отвечать на вопросы, когда он не понимал, зачем она их задает, а она по ответу узнавала, о чем он думает, хочет ли и дальше отвечать на ее вопросы.

– Кроме Флота, который доставляет почту на собственных кораблях, никого официального больше нет, – ответил Один Цикламен. – Но любое судно, проходящее через гиперврата, конечно, может везти с собой почту как государственного, так и частного делового характера. Вам нужен список? Могу подготовить список и отправить вам на облачную привязку.

Он не собирался отказываться, хотя в настоящий момент даже представить себе не мог, зачем ему может понадобиться такая информация. В одно лишь мгновение возникли у него колебания: когда Один Цикламен сказал о «Флоте, который

доставляет почту на собственных кораблях». Отправляла ли Шестнадцать Мунрайз послания именно таким способом?

– Да, мне хотелось бы, – сказал он. – Благодарю вас.

Он замолчал, словно вспомнил вдруг еще один вопрос, подался вперед, по-прежнему упираясь подбородком в руки и улыбаясь с широко раскрытыми глазами – «мне всего одиннадцать, я маленький, я безобидный, я выполняю домашнее задание».

– А были случаи, чтобы кто-нибудь задерживал отправление через гиперврата? – спросил он. – Или похищал почту? Или отправлял через другие гиперврата, не те, которые были в маршрутном листе?

Один Цикламен рассмеялся. Восемь Антидот подумал, что этот смех из разряда тех, которые прикрывают неловкость.

– Типа пиратов, ваше сиятельство? Почтовых пиратов?

Восемь Антидот пожал плечами. «Может быть. Продолжай. Расскажи мне, как этот процесс можно обойти, ускорить или остановить».

– Исторически, конечно, было несколько таких случаев, но мы принимаем все необходимые меры, чтобы больше их не допускать. По-настоящему важные послания уходят, конечно, на кораблях Флота, как и собственные послания Флота. Дипломатические коммюнике, заявления от имени империи.

«Вот оно».

– Потому что корабли Флота имеют право прохода через гиперврата.

– Именно так, ваше сиятельство. Если что-то нужно отправить побыстрее, это делается на кораблях Флота. Но вы можете не сомневаться: министерство информации не потеряет ваших писем.

– Мне такое и в голову не приходило, – весело сказал Восемь Антидот. Линия напряженности между бровями Один Цикламена стала еще глубже. – Огромное вам спасибо, что потратили на меня время и ответили на все мои вопросы.

– Не за что. Выдача информации – то, для чего и существует министерство информации.

«Да, – подумал Восемь Антидот. – Для этого вы и существуете. Хотел бы я знать, сколько ваших гипервратных почтовых офисов обошла Шестнадцать Мунрайз, послав сообщение министру войны. Могу поспорить – большинство из них и обошла. И Одиннадцать Лавр не возражает против таких обходных протоколов – если обходят протоколы *вашего* министерства».

* * *

Махит, сделав последний поворот и наконец добравшись до закрытой двери покоев, отведенных ей и Три Саргасс, мрачно подумала, что, если она останется здесь надолго, ей придется каким-то образом обзавестись облачной привязкой. Хотя бы для того, чтобы не теряться на корабле. Размер «Грузика для колеса» составлял одну десятую от размера станции Лсел и был во много тысяч раз меньше Жемчужины Мира, но ни ее, ни Искандра знания этого места не хватало для того, чтобы унизительно не спрашивать, как пройти. И не раз. Видимо, ей удалось не забрести на палубы, доступ на которые был ограничен, и в корабельное сердце, раз никто не спрашивал, почему это варвар бродит тут сама по себе в такой дали от своей инородной территории.

<А возможно, ИИ корабля обновился и ты теперь легитимный пассажир>, – сказал Искандр. Она почувствовала, что голос его звучит рассеренно и разочарованно. Ей хотелось швырнуть что-нибудь или сломать. Сломать что-нибудь красивое, какую-нибудь великолепную тейкскалаанскую поделку, которую она могла бы сбросить со стола и разбить. Она в этот момент не думала, как сможет делить комнату с Три Саргасс после того, что они наговорили сегодня друг другу. Сейчас это не было *насущной* проблемой.

К замку с сенсорной панелью был прилеплен кусок пластопленки, на которой было написано: «Ваш пароль ВОЙД», тейкскалаанский глиф имел форму гигантского полого круга. Пару мгновений Махит не понимала, что она должна делать, если код отпирания замка уже истек, но потом сообразила, что код предустановлен. Такой глиф было легко нарисовать, чтобы отпереть замок, прежде чем сменить код. Она сняла пластопленку, начертила пальцем на сенсорной панели ВОЙД, и дверь с пневматическим шипением открылась.

На фоне единственного светильника в комнате она увидела высокую худую фигуру, которая шагнула к ней…

Она упала на колени, даже не успев понять, почему это делает, белая пелена паники застлала ей глаза, и она покатилась прямиком к фигуре, подвела под нее ноги и резким прыжком бросилась на бедра головой вперед. Они столкнулись. Спазм свел плечо, ее словно ударили молотком – или коленом, и человек, которого она сбила с ног, охнув, тяжело упал на нее, ударившись ладонями об пол. «Где игла? – подумала Махит. – Мне нужно держаться подальше от иглы, на ней яд…»

Кто бы это ни был, он скатился по ее плечу и, сделав кульбит, приземлился на ноги, оставив Махит беспомощной грудой лежать

на полу. Она предпринимала попытки отползти куда-нибудь, спасаясь от смертоносного укола, который положит конец всему…

<Прекрати, – сказал Искандр в ее мозгу таким громким голосом, словно стоял рядом и кричал. – Ты не умираешь, ты не в Городе, это не Одиннадцать Ель. Прекрати>.

«Ты не умираешь». Сколько раз она говорила ему эти слова посреди ночи, когда он пробуждал их после сновидений об удушении?

– А вы явно не любите сюрпризы, – сказал незваный гость, и Махит откинула волосы с глаз, с трудом подняла взгляд, сфокусировала его.

Она только что атаковала капитана Флота Шестнадцать Мунрайз, и это не пошло ей на пользу. Капитан Флота, судя по ее виду, не претерпела ни малейшего ущерба, все в ней до последнего волоска оставалось на своем месте. Махит почувствовала, как ее лицо потемнело от румянца смущения.

«Если один раз меня ждала засада в собственном доме, это еще не значит, что я каждый раз, видя кого-то постороннего в комнате, должна реагировать так, как только что», – тоскливо подумала она и в ответ на свои мысли получила печальное и сочувственное подтверждение Искандра.

– Нет, – выдавила она. – Обычно не до такой степени. Мои извинения, я никак не хотела нападать на вас, капитан Флота.

К ней потянулась изящная бледно-золотистая рука, предложение, и Махит приняла его. Шестнадцать Мунрайз помогла ей подняться на ноги.

– Вашу реакцию можно понять, – сказала она. – Я не знала, что вы участвовали в боях, посол Дзмаре. Нужно мне было оставить записку на двери. Но мне хотелось поговорить с вами с глазу на глаз.

– Я не участвовала в боях, – сказала Махит. – Я, черт побери, провалила экзамен на физические способности на восемнадцать баллов, я и близко к сражению никогда не была.

– Вряд ли для того, чтобы оказаться в ситуации, которая заканчивается боем, понадобятся хорошие оценки, – презрительно сказала Шестнадцать Мунрайз. – Так или иначе, у вас хорошо развиты инстинкты. Может быть, мы сядем?

Махит чувствовала во рту привкус адреналина, горький и металлический, ее немного трясло. Помимо применения физической силы, никакого очевидного способа выставить капитана Флота из комнаты не было, а первая попытка оказалась в высшей степени неудачной. Она огляделась в поисках чего-нибудь, на что можно было бы сесть, увидела маленький

складной письменный стол, уже отодвинутый от стены, и две табуретки по обе стороны. У капитана Флота было время подготовиться. Вероятно, она не предполагала, что Махит заблудится в корабельных дебрях, и от скуки обследовала мебель. Махит начала впадать в истерику – даже в уединении собственного мозга, которое, впрочем, было весьма относительным.

Она села. Жестом показала на вторую табуретку. «Добро пожаловать в мой кабинет – уж какой он есть». Она крепко сплела пальцы рук у себя на коленях, давая им команду перестать дрожать.

– Насколько я понимаю, вы недоумеваете, зачем это я ждала вас, – сказала Шестнадцать Мунрайз, садясь напротив. Махит печально кивнула. Шестнадцать Мунрайз сложила руки на столе, так, чтобы Махит могла их видеть. Зеркально. Во имя установления взаимопонимания.

«Допроса я не выдержу, – с тоской подумала Махит, – сейчас не выдержу».

<Да возьми ты уже себя в руки, черт побери! – сказал Искандр. – Пусть она и Третья Ладонь или прошла подготовку в этом направлении – а я думаю, что прошла, у этих военных шпиков, специалистов по допросам, – она всего лишь солдат, и ты для чего-то нужна ей. Будь внимательна, Махит>.

Махит вздохнула, устроилась поудобнее, выпрямила спину. Она была одного роста с Шестнадцать Мунрайз, по крайней мере, когда обе сидели.

– Судя по вашей реакции на специального уполномоченного Три Саргасс и меня, – начала она, – я могла ждать чего угодно, только не вашего визита ко мне, капитан Флота. Как вы сказали – «шпионка и ее зверек»?

– Да, я так сказала, – подтвердила Шестнадцать Мунрайз. Она сделала это легко и извиняться не стала. – Она шпионка, а вас явно привезли сюда, как ее зверушку. Представляю, что она могла наговорить вам: мол, ваше присутствие может обеспечить дипломатический голос от имени станций в переговорах, которые она в конечном счете будет вести с нашими врагами. Так ведь?

«Не совсем, – подумала Махит. – Это было бы очевидно. Не в стиле Три Саргасс. Она выше очевидности. Мы обе выше очевидности». Она подняла руку, покрутила ею туда-сюда – может «да», а может «нет», продолжайте.

– Ммм, – Шестнадцать Мунрайз оценивающе хмыкнула. – Почему вы здесь, посол Дзмаре? Я полагала, вы не станете больше появляться в Тейкскалаане после вашего участия в беспорядках трехмесячной давности.

– Я люблю вызовы, – сказала Махит. – Я переводчик. Кто бы отказался от участия в сценарии первичного контакта?

– Почти любой, кто хоть раз оказывался рядом с инородцами, – сказала Шестнадцать Мунрайз. – Я не верю вам, посол Дзмаре. Простодушная девочка-искательница славы не может быть женщиной, развязавшей для нас эту войну. Ваша трансляция перед смертью Шесть Пути была, кстати, сделана мастерски. Вы привели меня в ужас, а это ой как непросто.

– При всем моем уважении, капитан Флота, эту войну развязали инородцы. Я только предупредила об этом императора. Я считала это поступком хорошего гражданина.

– Вы из варваров.

– Варвары, – сказала Махит, воображая перед собой лицо Три Саргасс, – такие же человеческие существа; желание быть хорошим гражданином перед лицом экзистенциальной угрозы выходит далеко за суверенные границы. По крайней мере, так учат нас, варваров, на моей станции.

Это была ложь. Никто на станции не учил этому Махит. Но от ее слов глаза Шестнадцать Мунрайз янтарного цвета раскрылись шире, не в улыбке и не в гримасе – в искреннем удивлении. Это была полезная ложь.

Шестнадцать Мунрайз выдохнула через нос, словно в раздражении.

– Позвольте мне выразиться следующим образом, посол, – сказала она. – Я наблюдала за вашей работой в новостной ленте во время предпринятой Один Молнией идиотской, неумелой попытки узурпации власти, без которой, кстати, Флот вполне мог бы обойтись. Вы слишком умны и искушены в политике, чтобы присутствовать тут только в качестве зверька специального уполномоченного. У вас уже начались трудности с ней, верно? Я вижу, ее здесь нет, а вы не присутствуете на мостике с яотлеком. Я уж не говорю о том, что ваша драгоценная станция соседствует с сектором, набитым инородцами с ядовитой слюной, растворяющей корабли. Совсем рядом, всего лишь в одном прыжке через гиперврата.

– Я видела голограммы с Пелоа-2, – сказала Махит. – Неужели так уж странно, что я хочу участвовать в пресечении того, что здесь происходит? И да – в недопущении того, чтобы эта война распространилась и на мой дом?

Она не собиралась говорить про Три Саргасс. Ничего хорошего не было уже и в том, что Шестнадцать Мунрайз, которая явно не симпатизировала им обеим, заметила, что между ними существует какая-то распря. Заметила это только по одному свидетельству – ее отсутствию на мостике. Махит не собиралась

подтверждать это. Ни сейчас, ни вообще когда-либо.

– Ничего странного, – сказала Шестнадцать Мунрайз, поднимая одно плечо. – Просто интересно. Вы, посол, появляетесь в самых очаровательных местах и, кажется, абсолютно убеждены аргументацией уполномоченного, которая утверждает, что переговоры с нашими врагами приостановят враждебные действия, которых вы столь благоразумно желаете.

– Вы думаете иначе?

– Нет, я воздерживаюсь от суждений, пока не предпринята попытка, – сказала Шестнадцать Мунрайз, и на миг Махит увидела, какой та будет в роли командующего: человеком, который оценивает, оценивает, а потом наносит удар. Шквал приказов и решений, ни малейших колебаний. – Но я потеряла двадцать семь солдат за прошедшую неделю, и меня начинает тошнить от похоронной музыки. У меня есть то, что я называю обоснованными сомнениями касательно эффективности специального уполномоченного – и вашей тоже, по крайней мере в том, что связано с переговорами первичного контакта. Возможно, вы очень ловкий варвар, Махит Дзмаре, и обвели министерство информации вокруг пальца, как спутник, пойманный на орбите, но вы не император Два Солнцепек. А эти существа вовсе не эбректи.

Махит вдруг поймала себя на том, что ей хочется рассмеяться, впрочем, это был не совсем смех, а разновидность некоего самоироничного веселья, которое принадлежало главным образом более молодому, полустертому Искандру, его поверхностной самоуверенности и бравады.

– Они похуже эбректи даже одними своими шумами – вы знали, капитан Флота, что эти звуки действуют, как самоусиливающаяся, расширяющаяся синусоидальная волна, проигрываемая с разных направлений? Думаю, что нет, не знали. И да, я определенно гораздо хуже, чем ее Великолепие Два Солнцепек, и как переговорщик, и как лицо, имеющее вес в мире. Я бы никогда не стала сравнивать себя с императором всего Тейкскалаана.

Ей стало легко на душе от сказанных слов. Быть озлобленной в собственном отчаянии, демонстрировать рану своего желания во всей ее красе: «Нет, я не стану тейкскалааанкой, я не гожусь для этого, я знаю. Позвольте мне держать кровоточащие края этой раны открытыми, чтобы вы видели поврежденную плоть внутри». Сказать: «Я никогда не стану сравнивать себя с кем-либо из вас». Сказать это, четко осознавая, что будет, всегда будет, не остановится и не сможет остановиться.

Как отражение, осколок воспоминания, ее или Искандра,

слишком размытый, чтобы различить. Девятнадцать Тесло говорит: «Жаль, что вы не из нас, вы аргументируете, как поэт». Или это сказала Три Саргасс? Она не могла вспомнить, а хотелось. Это могло иметь значение, вспомни Махит, была ли то она или Искандр, нынешний император или асекрета, желающая, чтобы она – они – стали другими, а не тем, что они есть.

– Тем не менее вы по собственной воле пытались усадить их за стол переговоров, – сказала Шестнадцать Мунрайз.

– Я использую те навыки, которыми владею, – ответила Махит, чувствуя страшную усталость и холод.

– Как и ваша станция. Понятно. Каковы люди, таковы и навыки.

«А ведь она даже не уверена, что я шпион», – подумала Махит. Здесь, для себя и для своей станции – да, конечно, а еще для Дарца Тараца в оплату за то, что он спасет ее от сканов и ножей «Наследия». Ее глаза были только ее собственными глазами, пока она не отправила ему свой первый доклад, а когда она сделает это, ей придется выбирать, становиться ли ей саботажницей или шпионом, дабы уцелеть.

<Вот этой необязательно знать, что все уже решено, – сказал Искандр, и ее руки онемели от пальцев до локтей и предплечья. Она думала, что им становится лучше, но происходящее сейчас было хуже, гораздо хуже, чем некоторое время назад. – Для нее все варвары – шпионы и саботажники, если они находятся где-то на столь секретном и священном корабле, как тейкскалаанский флотский флагман. Как иначе?>

– Вы бы предпочли, чтобы мы посылали корабли-истребители, а не послов? – спросила Махит. – У нас есть несколько, но, конечно, гораздо меньше, чем у Тейкскалаана.

Шестнадцать Мунрайз задумчиво посмотрела на нее с каменным лицом.

– Может быть, настанет время, посол, когда нам понадобятся все корабли, какие удастся найти, – сказала она. – Тогда я напомню вам о том, что вы сказали мне сейчас. Но пока – спасибо. Удачи вам со специальным уполномоченным, инородцами и яотлеком. Я полагаю, станциосельники верят в удачу?

– Когда она нам требуется, – сказала Махит.

– Вам она потребуется, – сказала Шестнадцать Мунрайз и ушла, оставив Махит одну за письменным столиком, исчезла в коридоре, словно вовсе не подстерегала здесь в засаде.

Махит опустила лицо на онемевшие руки, прижала ладони к глазам. Меньше всего хотела она расплакаться. Не было у нее времени на слезы, нужно было подумать о капитане Флота

Шестнадцать Мунрайз. Та оказалась не на своем месте и теперь расхаживала по флагманскому кораблю, на котором была гостьей, проникала в каюты агентов министерства информации и послов-варваров. Была не прочь бросить ей вызов, проверить ее мотивации, предупредить – если только это было предупреждение, а не угроза – о том, что Флот заинтересован вовсе не в переговорах с инородцами, а в том, чтобы покончить с ними. Какими же малозначимыми были желания агентов министерства информации, послов из варваров и самого яотлека в сравнении с долгой традицией привычного насилия, утвердившейся в тейкскалаанских легионах.

Когда она выдохнула – с силой, через нос, пытаясь вытеснить весь воздух из легких и начать дышать заново, – ее жакет зашуршал, словно был набит бумагами. Похоже на то, как был полон шифрованными бумагами жакет, который она носила в Городе, – инструкциями, как лучше начать эту войну и не допустить поглощения Лсела Тейкскалааном. Сейчас она шелестела точно так же.

Махит засунула руку в нагрудный карман и достала «Опасный фронтир!», комикс размером с политический памфлет. Она и забыла, что купила его.

<Ты забыла вытащить его из кармана жакета, это даже хуже, чем «я забыла, что купила»>.

«Акнел Амнардбат тогда выбила меня из равновесия», – ответила Махит Искандру. Теперь, обнаружив в себе надежду забыть о смятениях, связанных со слезами или с Акнел Амнардбат, она открыла книгу и принялась читать.

Комиксы никогда особо не интересовали Махит, как литературная форма, они всегда казались ей странной и бессмысленной смесью голографильмов, живописи и прозы. Большинство книг, которые она читала – ребенком и взрослой, – были на тейкскалаанском, «Опасный фронтир!» же был на станционном языке. Нарисован и написан станциосельниками для станциосельников. Сколько лет было парнишке в киоске, который продал ей книгу? Семнадцать, не больше. От Махит в семнадцать лет было мало проку. В семнадцать лет она не знала бы, что делать в коллективе художников, рисующих комиксы, если бы только одну из книг не швырнули ей в голову.

Чтение этого комикса, первого из еще не завершенного цикла из минимум десяти томов, напоминало скорее антропологические упражнения, чем что-то иное. Протагонист, капитан Камерон, пилот из длинной имаго-линии пилотов, был на первом развороте в разгар переделки. Он пытался пролететь через кластер астероидов, явно имея пунктом назначения заброшенную

шахту и другого персонажа, застрявшего под землей. Махит не знала, должна ли ей быть известна вся подоплека или там был еще какой-то *нулевой* том, пропущенный ею. От Искандра проку не было никакого: комиксы были совершенно не в моде в молодежной культуре, когда он был подростком. Махит поймала себя на том, что ищет предысторию, ссылки и цитаты, каких она ожидала от тейкскалаанского текста, пусть и незнакомого, но так ничего и не нашла.

<Получается, что единственная обязательная для нас к прочтению книга написана и нарисована тинейджерами, которые еще не сдали экзамен на способности, – сказал ей Искандр – тот, что постарше, веселый, уставший от жизни, немного заинтригованный. – Валяй дальше. Переверни страницу, хочу знать, что будет дальше>. Дальше случилось следующее: капитан Камерон обошел ледяную комету, подлетел близко к астероиду, такому большому, что он обладал собственной атмосферой, практически к планетоиду. Там он принялся мрачно искать через снег, производимый атмосферой, женщину по имени Эшаракир Лрут и тайный архив древних лселских документов, которые она явно спрятала в упомянутой заброшенной шахте. Лрут была нарисована тонкой, изнуренной – преувеличенной версией того, как может выглядеть человек, если он гораздо моложе, чем его имаго, и несколько месяцев не ел ничего, кроме протеинового печенья. Рисунки были впечатляющие. Махит представить себе не могла, как можно сидеть долгое время, рисуя все это чернилами, вручную и при этом придавать рисункам настолько выразительный вид, хотя они были исключительно черно-белыми.

Эшаракир Лрут прятала документы, чтобы сохранить их в оригинальном виде. Камерон отправился туда, чтобы спасти ее или документы, и в середине истории бóльшая часть была посвящена спору между этими двумя. Лрут говорила, что готова вернуться с документами, но Камерон должен пообещать, что по возвращении на станцию он поддержит ее версии, а не официальные, санкционированные «Наследием». Если он не согласен, то она отказывается лететь куда бы то ни было. Она пряталась в шахте на астероиде, в снегу и ждала, что кто-нибудь другой согласится защищать память Лсела.

<Это все имеет поразительно подрывной эффект, – сказал ей Искандр. – Проводить политику анти-«Наследия», становясь «Наследием» в большей мере, чем само «Наследие». И все это написали подростки?>

«Написали и нарисовали, – подумала Махит. – Я думаю, что у этого комикса небеспричинно точно такой же размер, что и у

политического памфлета».

<Может быть, мы не единственные, у кого есть основания не любить Акнел Амнардбат>.

«Я недостаточно долго отсутствовала дома, чтобы узнать, что злит юных художников…»

Даже если бы Махит отсутствовала достаточно долго, она никогда не смогла бы подружиться с теми, кто обращал чернила и бумагу в искусство, посвященное памяти станции, искусству станции, политике станции. Она всегда проводила время со студентами, одержимыми историей Тейкскалаана, с теми, кто писал стихи, творил Город своим воображением. «Опасный фронтир!» был для нее столь же чужеродным, как существа, производившие рвотные звуки, в которых она и Три Саргасс пытались разобраться. То есть, конечно, не *настолько же* чужеродным, но почти. По крайней мере, так она чувствовала.

<Хорошо, что ты не дала ей свой жакет, – сказал Искандр. – Читать это было бы невозможно, если бы страницы склеились блевотиной>.

Махит поморщилась и закрыла книгу.

«Не хочу говорить о Три Саргасс».

<И думать о ней ты не хочешь, хотя постоянно это делаешь>.

Махит против своей воли воображала себе, как Три Саргасс читает «Опасный фронтир!», и хотела, чтобы ее имаго был менее *прав* касательно того, о чем она думает и что чувствует. Но он чувствовал то же, что она, проникая в нее все глубже и глубже.

Глава 10

[начало кода безопасности АПОЛУН] Венок: здесь работают не Ладони императора – другие: информация под кодовым названием «Гиацинт» содержит всего лишь половину моих подозрений. Ищите закономерности, как вы меня учили. Тейкскалаанскую политику формируют мозги варваров, и мы не знаем, какие процессы они задействовали. Такие вещи выходят за пределы нашей способности легко схватывать содержание. Эта история ужом уползает в сторону и принимает неразборчивые формы. Подготовьте нашего министра к быстрым и решительным действиям. Я буду на связи. Как и всегда, ваша верная Восхождение. [конец кода безопасности АПОЛУН]

Зашифрованное сообщение, полученное третьим заместителем министра войны Одиннадцать Лавром от капитана Флота Шестнадцать Мунрайз Двадцать четвертого легиона, 95.1.1.-19A

Вопрос для вас, Тарац: сколько еще других имаго-линий могла испортить наша досточтимая коллега? Готовы ли мы терпеть эпидемию таких, как Дзмаре, теперь, когда Тейкскалаан ведет сотворенную вами через наши головы войну, а мы ждем, пытаясь понять, есть ли от Дзмаре, которой мы уже заболели, вообще какой-нибудь толк?

Скажите мне. А если вы можете заверить меня, что я могу реквизировать новый ряд имаго-линий пилотов для замены тех, которых теряю день за днем, и о целостности новых не нужно будет беспокоиться… что ж, тогда, я думаю, с меня выпивка.

А я обычно не покупаю кому-либо выпить.

Частное послание, написано от руки и доставлено лично от советника по пилотам советнику по шахтерам, 95.1.1-19A (тейкскалаанское летоисчисление)

Девять Гибискус находилась на мостике, когда враг отправил корабли так близко в их сторону, что они оказались в зоне прямой видимости. По меньшей мере, сомневаться в этом не приходилось. Когда хищного вида серые трехколесные кольца, два больших и одно маленькое, переливаясь, разорвали мрак на самом дальнем краю зоны видимости «Грузика для колеса», она уже стояла там, потрясенная, как и все остальные. Такого сближения еще не было. Это означало, что они могли все это время приближаться на такое вот расстояние, но не делали этого. От этой мысли по ее коже побежали мурашки, но в тот же момент она подняла руку, привлекая всеобщее внимание, и сказала:

– Не стрелять. Ждем.

Они семь часов по всем открытым каналам транслировали послание специального уполномоченного, волна отражалась от задней стороны Пелоа-2 и уходила в глубину сектора, контролируемого инородцами. Но Девять Гибискус все равно удивилась, что им ответили. Если это был ответ, а не атака, удар прямо в сердце ее Флота, неожиданный, как электрод электрошокера, прижатый в темноте к уязвимой области за ухом.

Два корабля могли означать что угодно. Например, передовую разведку как доказательство того, что они способны материализоваться словно из ниоткуда прямо перед военным кораблем класса Вечный, коим был «Грузик для колеса» – и при этом их приближение даже не было замечено. Мог это быть и дипломатический корабль с сопровождением, большим и малым. Это мог быть и ударный отряд, если у них имелось

оружие, более разрушительное, чем растворяющая полужидкая сеть, которая сожрала пилота «Осколка». Два корабля несли с собой недостаточно информации.

– Капитан, – сказал Пять Чертополох и тут же поправился: – Яотлек, они продолжают приближаться, наши энергетические пушки направлены на вектор их подхода.

Они все рассматривали корабли-кольца – все солдаты и офицеры, словно глазами могли разгадать их намерения. Груз человеческого внимания, сосредоточенного на нечеловеческой проблеме. От притока адреналина сердце Девять Гибискус бешено колотилось в груди. Ее главный офицер по оружию только что оговорился, забыл ее настоящее звание, назвал так, как называл прежде, когда их враги были понятными и манипулируемыми, предсказуемыми.

Все на мостике ждали ее решения – атака или ожидание. Оставалось только надеяться, что агенты министерства информации и в самом деле такие умные, какими кажутся, что, какими бы чуждыми и злобными ни были эти инородцы, с ними можно разговаривать. Или уничтожить, если они продолжат приближаться. Она не могла выкинуть из головы мысли об «Осколке», который была вынуждена сбить, о том, как пилот умоляла о смерти, прежде чем была сожрана. Как все остальные пилоты «Осколков», которых она могла слышать, умоляли ее, и их биологическая обратная связь была полна неприкрытого ужаса. Отзвуки этого потрясения все еще были слышны.

И все же она вызвала специального уполномоченного, обратилась в министерство информации, а не в Третью Ладонь. Там никогда не одобряли ее методы работы с *людьми*, не говоря уже об отношении к тому, какую стратегию она может избрать относительно инородцев. министерство информации приготовило сообщение, и после его отправки что-то изменилось.

– Ждем, – повторила она. – Ждите моего сигнала. Два Пена, вы мониторите все открытые каналы?

– Да, – сказала Два Пена. – Пока ничего, только незашифрованные переговоры Флота и повторяющееся послание инородцам. Я приглушила его прием, чтобы не повредить наши уши, но громкость достаточна.

– Сообщите мне, если что-нибудь изменится, – сказала Девять Гибискус. – Сразу же, при малейших изменениях. Пять Чертополох, оставайтесь в этом векторе и ждите меня.

Корабли-кольца вращались. Они еще приблизились. Девять Гибискус заметила, каким сдавленным и неглубоким стало ее дыхание, она вдыхала через нос, выдыхала ртом – древнее успокоительное упражнение времен ее первого года в качестве

кадета Флота. Оно мало помогало тогда и теперь работало не слишком хорошо. Меньший из кораблей-колец встал перед более крупным. Они вращались в разных направлениях, словно электроны вокруг атомной сердцевины, случайное распределение, облако, которое трудно увидеть. Меньший корабль был темнее. Его гладкий серый металл отливал красным. Кровь на полу плохо убранной палубы. Пятно.

Она чуть было не уронила руку и не отдала приказ Пять Чертополоху открыть огонь. Чуть было.

– Кое-что есть, – сказала Два Пена. – Они транслируют нам наше послание, яотлек. У меня целая минута ушла, чтобы сообразить – это то самое послание, которое отправляли мы, так что я даже не поняла, – но оно усилено, как расширяющаяся синусоидальная волна. Оно громче.

«Тысяча черных дыр, надеюсь, уполномоченный знала, что говорит, когда отправляла это! – подумала Девять Гибискус. – Потому что они говорят ровно то же самое. Впрочем, есть только один способ выяснить».

– Соедините меня с «Отражающей призмой», – сказала она, и ее уверенность усилилась, когда она услышала спокойную командную нотку в собственном голосе. «Отражающая призма» находился ближе всего к позиции Флота из всех кораблей Десятого Легиона, и ей требовался кто-то в пределах звуковой интерференции кораблей-колец. – Передайте приказ капитану Двенадцать Цезуре или его офицеру по связи тоже транслировать послание уполномоченного. Прицельная трансляция, на врага. Дайте им понять, что мы их слышим. И упаси бог кого-нибудь выстрелить – лично выкину в космос.

– Ясно, яотлек, – сказала Два Пена, ее руки уже работали в воздухе, глаза совершали быстрые микродвижения туда-сюда с такой скоростью, что казалось, будто это не управление коммуникационной вселенной Флота, проецируемой на ее облачную привязку, а приступ. Все, кто находился на мостике, кожей чувствовал себя продолжением Девять Гибискус, мерцающей напряженностью, которую являло собой сосредоточенное внимание ее подчиненных, ловящих каждое ее слово, ожидающих, что сейчас она укажет им выход из безвыходной ситуации, как делала это раньше во многих других безвыходных ситуациях.

Она уже чувствовала, что, вероятно, справится и сейчас. Вероятно. Если солнце и космос не будут возражать, она, возможно, справится. Если будет продолжать двигаться. А это означало, что ей нужно, чтобы инородцы говорили и дальше.

– Кто-нибудь, срочно сюда людей из министерства

информации! – добавила она, чувствуя, как ее губы вытягиваются в варварской пародии на улыбку. – Быстро, быстро! Нам в конечном счете придется сказать им что-нибудь еще, а я ни черта не понимаю в этих шумах. Ну-ка, шевелитесь!

* * *

Каураанскому котенку не нравились никакие известные Три Саргасс способы ношения котят. Держать за холку казалось ей жестоким, в особенности еще и потому, что она не знала точно, где его опустит, а прижатие его к себе, как ребенка, приводило к тому, что в нее вонзались многочисленные когти.

В конечном счете она перестала его нести, а посадила себе на плечо, что ему вроде бы понравилось. Без когтей и в такой позиции не обошлось, однако эти когти были менее злобными и более ориентированными на стабильность. Она понятия не имела, что с ним делать. Она никак не могла принести его в каюту, которую предположительно должна была делить с Махит. Она в любом случае не хотела туда идти. *Пока* не хотела. Может быть, не категорически.

В Городе она бы отправилась в какой-нибудь приличный бар с интересным незнакомцем, чтобы развлечь себя на какое-то время. Может быть, и на кораблях Флота есть бары с незнакомцами. Хотя там будут одни незнакомцы. Может быть, кому-то из них понравится каураанский котенок – Три Саргасс хотелось на это надеяться. Она спросила облачную привязку, где расположено ближайшее место, в котором можно отдохнуть, но при этом не имеет никакого отношения к фитнесу и тренировочным центрам. Ничего *более* неприемлемого, чем физические упражнения, ей не приходило в голову.

Оказалось, что есть одно место, но это не бар. Ну, совсем не бар.

Может быть, это место было бы баром, если бы не располагалось на боевом корабле. Тут были столы и музыка – звучало что-то, как смутно припоминала Три Саргасс, что было популярным прошлой зимой. Работали синтезаторы, освещение было приглушенным в сравнении с тем, что она видела в коридоре, и толпилось множество незнакомцев. Подавали и еду, которая вполне могла быть в баре: жареную лапшу, маисовые зерна, вымоченные в специях и уксусе, жареные кусочки тапиоки. Чего здесь не было, так это алкоголя.

Явно для того, чтобы никто не напивался в свободное время, по крайней мере на флотскую кредитку. Все были трезвыми,

и потому, когда она вошла, все взгляды обратились на нее. Это доставило ей удовольствие. Три Саргасс могла представить картину, которую являла собой: специальный уполномоченный министерства информации с котенком на плече и в кораллово-оранжевой форме, столь яркой среди моря серых с золотом флотских форм. Абсурдная картина. Возможно, угрожающе абсурдная.

– Привет, – весело сказала она. – Какая еда здесь самая-самая? Для меня и еще для этого… существа.

После этого наступила тишина, чреватая звуком. Три Саргасс ждала, когда эта тишина расколется – так всегда происходило. Любопытство и интерес побеждали каждый раз, если ей хватало терпения, и она в достаточной степени демонстрировала браваду.

И все же десять секунд ожидания были мучительны. Потом женщина, сидевшая в одиночестве у *не-барной* стойки, сказала:

– Жареная лепешка с лапшой. Откуда у вас котенок, уполномоченный?

На ней были знаки различия квеквелиху, офицера-специалиста по одной из дисциплин. После ее слов весь *не-бар* вздохнул с облегчением.

– Его дал мне адъютант, – сказала Три Саргасс и села на пустое место рядом с квеквелиху. – Хотите его взять? Он кажется таким душкой, хотя когти у него острые.

– Нет, кауранский котенок мне определенно не нужен, – сказала квеквелиху и протянула к ней руки.

Три Саргасс почувствовала резкую боль осознания: эта женщина точно знала, как вести разговор, как сочетать удивление, смятение и щедрость, чтобы мгновенно вызвать доверие. Как это мило! Перед ней был опытный переговорщик! Все равно что найти сестру-асекрету на флотском корабле. Она осторожно сняла котенка с плеча, посадила на колени квеквелиху, где тот сразу же принял яйцевидную форму из удовлетворенно вибрирующей черной шерсти и когтей.

– Меня зовут Три Саргасс, – сказала она, как только освободилась от обузы в виде котенка. – Вы серьезно про лепешку с лапшой? Или пытаетесь поставить в неловкое положение агента министерства информации, вызвав у него капсаициновое отравление?

– Нет, про лепешку я серьезно, если только вы как-то особенно не подвержены капсаициновым отравлениям, уполномоченный. – Квеквелиху изобразила поклон над пальцами, не потревожив при этом котенка. – Четырнадцать Костыль, с разведывательного артиллерийского корабля «Девятое цветение острия ножа», Десятый легион. Мы не травим агентов. Разве что

в случае крайней необходимости.

«Девятое цветение острия ножа» был тем самым кораблем, который принял передачу отвратительных чужеродных звуков. Может быть, Три Саргасс все-таки выбрала правильное место для отдыха, даже несмотря на отсутствие здесь алкоголя.

– Спасибо, – сказала она несколько более дружелюбным тоном, чем прежде, и принялась разглядывать Четырнадцать Костыль, которая пыталась понять, за что же ее благодарят. На это ушло не слишком много времени. Определенно рядом с ней сидел опытный переговорщик, даже шпион! Флотский шпион, что, впрочем, не имело значения.

– Вы используете эту запись, – сказала Четырнадцать Костыль. – Ту, которую «Острие ножа» сделал, перед тем как нас загнали сюда. Вот свезло так свезло, уполномоченный. Я говорю на пяти языках и могу точно сказать: эта фигня никакой не язык.

Три Саргасс кивнула.

– Я это заметила, – сказала она. – Но у министерства привычка изъясняться с неизъяснимым, так почему бы не попробовать?

– Уж лучше вы, чем мы.

– Пять языков! Как вы ими пользуетесь на артиллерийском разведчике?

Ее вопрос был искусно сформулирован. Это напоминало игру в амалицли с новым соперником, когда ты оцениваешь его игровые навыки и скорость, но только словами. Именно этим и занималась сейчас Три Саргасс – и насколько это было легче, чем думать о Махит Дзмаре.

Четырнадцать Костыль неполным, удивленным движением пожала плечами и сказала:

– Мы разговариваем – вот что мы делаем. Даже во Флоте. Разговоры вовсе не зарезервированы для одних агентов разведки.

Она принялась гладить кауранского котенка, и он замурлыкал так громко, словно хотел стать двигателем звездного корабля, когда вырастет.

– О, я слышала, что Третья Ладонь Флота очень хорошо умеет разговаривать, – сказала Три Саргасс, точно повторяя движение плечами собеседницы. Она удивилась, от души удивилась, когда лицо Четырнадцать Костыль стало неподвижным, бесстрастным и холодным.

– Не только Третья Ладонь, – сказала она.

– Простите мое невежество, – сказала ей Три Саргасс, оставляя Четырнадцать Костыль шанс объясниться. Она подозревала, что та не сможет противиться желанию. Три Саргасс затронула какой-то нерв, какое-то место гордости в самой

сердцевине собеседницы, и та принялась защищать его, а Три Саргасс узнала что-то новое для себя.

– Мы – Десятый Легион, а не Третья Ладонь, – сказала Четырнадцать Костыль. – Нам не нужны политические офицеры для выполнения нашей миссии, если вы меня понимаете, уполномоченный.

Умолчание было очевидным: «министерство информации нам тоже не нужно». И кое-что более важное: Десятый легион находится под командой Девять Гибискус и не любит, когда его шпыняет Третья Ладонь министерства войны.

А Третью Ладонь возглавлял Одиннадцать Лавр, на предмет контактов с которым ее допрашивали в баре космопорта Сокровенной области. Тот, кого побаивалась сама император. «Очаровательно».

– Слушайте, у меня появилась одна мысль, – сказала Три Саргасс. – Простите мои инсинуации. Мы, конечно, всего лишь министерство информации и никак не можем знать всего. – Она улыбнулась, преднамеренно широко раскрыв глаза. – Я, пожалуй, съем эту лепешку с лапшой. И если вы не возражаете – и, естественно, если это не засекречено, – я бы хотела побольше узнать о ваших миссиях.

Если она будет вести себя правильно, то сможет провести тут всю ночь, будучи полезной, и ей не придется говорить с Махит до самого утра. Это вызвало чувство вины и болезненное ощущение, будто она прячется от проблем, но сейчас ей в *не-баре* с полезным флотским контактом было гораздо проще. Проще, чем все остальное.

* * *

Махит лежала на спине в темноте и пыталась почувствовать корабль вокруг нее, его громадный двигатель, гудение живой машинерии.

Ее лицо находилось в футе от потолка. Когда она закончила читать «Опасный фронтир!», не оставалось ничего другого, кроме как отправиться в постель. Она заняла верхнюю полку, руководствуясь двумя мотивами: во-первых, почтительным отношением к Три Саргасс, если та появится в их общей каюте. Забираться в темноте по лестнице на верхнюю койку было занятием отвратительным, это всякому известно. Во-вторых, желанием получить максимальный комфорт от уединения. Если игнорировать высоту падения справа, расстояние до пола, то можно считать, что она лежит в безопасности своей спальной

капсулы на Лселе.

Впрочем, тут она не чувствовала себя в безопасности, но привычки памяти создавали самые разнообразные лжеубежища. Узкие, ограниченные пространства для сна, подвешенные в сложной металлической раковине, называвшейся станцией – или на корабле, пусть и тейкскалаанском, – устраивали ее. Они создавали правильное ощущение. Она подняла руку, дотронулась до потолка пальцами, почувствовала, что немота в них так и не прошла, только переходила в пульсирующее покалывание при касании поверхности потолка.

Нейропатия. Теперь это стало чаще случаться – или все чаще ее удивляло. Как это могло проскользнуть в нее, даже когда она и не пыталась работать со своим имаго, с любой из версий?.. Ей придется научиться жить с этим, да. Привыкнуть к тому, что это постоянная часть нее.

Ощущение тоски из какой-то дальней-дальней дали, даже не мысль, а эмоциональное эхо. Как она одновременно хотела и не хотела плакать, и при этом чувствовала, что Искандр хотел бы для них иной жизни, где всего этого не происходило бы…

<Ты проецируешь, Махит. А еще купаешься в страданиях>.

«Уже поздняя ночь, а я на тейкскалаанском военном корабле, и я так сильно поссорилась с другом, что она не придет в каюту, где нахожусь я. К тому же я дважды ссыльная – раз из дома, раз из Тейкскалаана. И руки у меня болят. У меня есть все основания купаться в страданиях».

<Ты не ссыльная>, – сказал Искандр, и в его словах слышалась холодная окончательность, от которой Махит захотелось сдавить его, как она давила на синяки.

«Как это мы не ссыльные?»

<Ты своим обещанием Тарацу купила нам Лсел. А если помиришься с другом, то и Тейкскалаан будет твой – любое место в Тейкскалаане>.

«Любое место в мире», – на языке, на котором они так привычно говорили внутри своей головы, не на их родном языке, а на языке империи. Махит как будто не могла найти способ прекратить это. Общение на этом языке, по мнению их обоих, было лучшим.

«Я ничего нам не купила. Я стала шпионом, вот и все. Теперь моими глазами смотрит Дарц Тарац. Никаких обещаний вознаграждения. Если я скажу ему о конфликте между яотлеком и капитаном Флота Шестнадцать Мунрайз, то он потребует от меня чего-нибудь похуже, чем шпионаж. Если натравить их одну на другую, то этот Флот будет парализован, Девятнадцать Тесло придется отправить сражаться новые легионы, которые не

перегрызут друг другу глотки. Сделать это будет не слишком трудно. Шестнадцать Мунрайз ищет рычаги влияния, и один из таких вероятных рычагов – это я». Об остальном она не стала говорить: о Три Саргасс с Искандром она хотела говорить ничуть не больше, чем с Шестнадцать Мунрайз. А это, вероятно, означало, что она не хочет думать о Три Саргасс с учетом того, что Искандр всегда был рядом, в голове.

<Я тебя слышу, – сказал он бесстрастным и отчужденным голосом. – Ты становишься чьими-то глазами, только когда приходишь доложить о результатах. До этого времени ты ничьи глаза и ничья диверсантка>.

«Ты так оправдывал невозвращение на Лсел? Если не смог сделать доклад, то остался хозяином самому себе? Какой же это хрупкий мир, Искандр. И ты еще говоришь, что мы ни в какой не в ссылке».

<Сам себя в изгнание не сошлешь>.

В этом он ошибался, подумала Махит, ссылка совершается в сердце и мозгах задолго до того, как тело перемещается через границы. Думая так, думая «нет», она, словно в наказание, ощутила невропатическую боль в руках, доходящую до локтевого нерва. Вот только боль чувствовал и он, они были одним лицом, и неврологический ущерб, причиненный им советником Акнел Амнардбат, не был виной кого-то из них. Даже если ее пронзала боль, когда она обнаруживала рваные края в тех местах, где между ними должно было существовать полное единение.

«Я так или иначе не знаю, как отправлять послания Тарацу из самого сердца тейкскалаанского флагманского корабля», – сказала она, и ее слова были разновидностью извинения. Предложением: может, пока забудем об этом с учетом обстоятельств, в которых мы оказались?

И ответ – теплый прилив, окативший все ее тело, ощущение, что, может быть, ей теперь удастся уснуть. Мягкая усталость, словно подарок ее собственной эндокринной системы. Она закрыла глаза. Свернулась на боку лицом к стене, обхватив себя за грудь защищающим жестом. Выдохнула.

И мгновенно пришла в полное, обостренное притоком адреналина сознание, когда раздался громкий стук в дверь.

Первое, что ей пришло в голову: Три Саргасс вернулась. Но ведь на дверном тачпаде оставлена пластопленочная записка с паролем ВОЙД, и Махит так пока пароль и не меняла. Три Саргасс вполне могла бы войти без стука. Значит, это кто-то другой. Махит перевалилась через край койки, нащупала пальцами ног нижнюю койку, потом спрыгнула на пол. Она не была готова к приходу посторонних – свободная юбка-брюки

и верхняя часть ее пижамы ни в коей мере не годились для приема гостей, к тому же ни в коем случае не могли считаться тейкскалаанской одеждой…

<Надень жакет, твой все еще висит на спинке стула>, – сказал Искандр, и она была ему бесконечно благодарна за совет. Жакет помог. В нем оказалось что-то негнущееся. «Опасный фронтир!» упирался в ребра.

Тот, кто стоял у дверей, повторил стук. Прокричал – приглушенно через герметичную металлическую дверь – что-то вроде «Уполномоченный! Посол!»

Притворяться, что ее здесь нет, не было никакого смысла, а открыв дверь, она не будет в большей опасности, чем за закрытой дверью: это Жемчужина Мира, не Лсел и не одно из других мест, где бывала Махит. Под ее ногами была палуба боевого тейкскалаанского корабля, а снаружи – ничего, кроме безвоздушного войда, который здесь гораздо ближе к ней, чем на станции. Корабли были меньше Лсела. Корабли не были людьми, хотя и считались сообществами. На корабле ты не мог исчезнуть, даже на корабле с экипажем в пять тысяч человек. В особенности на тейкскалаанском корабле: Махит пока не нашла камер наблюдения в каюте, но знала, что они здесь есть, присматривают за ней, пусть и без Солнечных на другом конце, чтобы анализировать и принимать меры.

Она открыла дверь и увидела солдата, человека среднего роста с модной тейкскалаанской прической, с низкой линией связанных в косичку и закинутых назад волос.

– Посол, – сказал он. – Яотлек немедленно вызывает вас и специального уполномоченного на мостик. Я должен сообщить, что ваше послание сработало и ей немедленно нужно составить следующее.

Волнение, прошедшее по ее телу от бедер к черепному нерву и в горло, было волнением победы, не менее резким и приятным, чем когда-либо прежде. Значит, сработало, значит, они сообразили, а инородцы ответили. Махит знала, что на ее лице появилась улыбка станциосельника, одни зубы – она поняла это, когда солдат слегка отшатнулся от нее, но ее это не взволновало. Она имела право. Они с Три Саргасс установили первичный контакт, а все остальное – их ссора, Шестнадцать Мунрайз, Дарц Тарац, вся эта война – не значило ровным счетом ничего. По крайней мере, в эту минуту.

– Это фантастика, – сказала она. – Блестяще, правда.

Может быть, это самое важное, что она сделала в жизни. Список людей, установивших коммуникативные отношения с ранее неизвестными видами инородцев, освоивших космические

перелеты, включал теперь в совокупности Императора Два Солнцепек со всеми ее помощниками, Три Саргасс и Махит Дзмаре. Это было с ума сойти что такое. Это было удивительно. Она чувствовала, что близка к истерическому, радостному смеху или слезам, или… она о таком даже не мечтала никогда, астробиология даже не была одной из способностей, на которые ее тестировали, лингвистика всегда была о *человеческих* существах, но… неужели? У них получилось!

– А где уполномоченный? – спросил солдат, пресекая переполнявший Махит внутренний восторг и с легкостью возвращая ее в рутину, горькую реальность ее отношений с единственным другом, которого она оттолкнула от себя. Если только дружба была понятием, которое существовало в Тейкскалаане. Так или иначе, весь ее мир рушился.

Она пожала плечами.

– Разве ее поселили не вместе с вами? – продолжил солдат, явно проверяя какую-то памятку на своей облачной привязке.

– Поселили вместе, – сказала Махит. – Но в данный момент ее здесь нет.

– Сейчас 0200 часов, – недоуменно сказал солдат, потом поднял одно плечо, опустил его, словно подчеркивая этим: агент министерства информации ведет довольно странный образ жизни в придачу к другим своим весьма специфическим особенностям. – Вы не знаете, когда она вернется? Яотлеку нужны вы обе. И немедленно.

– Несомненно, – сказала Махит. – Но у вас, сэр, пока есть только я. Я предлагаю вам для обнаружения уполномоченного воспользоваться вашим глазом-камерой и алгоритмом поиска облачной привязки. Поищите в барах или в каких-нибудь зеленых рекреационных зонах, если таковые есть на корабле, – она любит такие места. А я пока надену что-нибудь более отвечающее атмосфере мостика. Одну минуту.

Она сделала шаг назад, в комнату, и дверь, более не получавшая команду оставаться открытой, обусловленную ее присутствием, закрылась перед носом солдата.

<Бары или рекреационные зоны с цветами?> – спросил Искандр с некоторой долей удивления.

Махит помнила *умышленно* – единственный навык, суть которого она поняла по-настоящему после обретения имаго, хотя все дети Лсела в предвидении будущей потребности обучались основам того, как это делать. Как вспомнить из собственной жизни совершенно конкретное событие, которое является аналогом текущего действия или чувства. Показать в этом воспоминании, каковы были твои мысли, показать

закономерности, выработанные мозгом, показать, что твое имаго смогло освоить их, пользоваться ими, запечатлеть в себе со всеми их маркерами. Махит вызвала в памяти сад на Плац-Сентрал-Четыре, вкус зеленого мороженого, запах помятой травы под сложенными и дремлющими руками Три Саргасс. Вызвала она и Двенадцать Азалию, который говорил ей, что именно в такого рода неприятности всегда попадала Три Саргасс, когда они вместе проходили курс обучения. Прогулки по городским паркам, мороженое на завтрак после ужасных, опасных межличностных приключений.

<Тебе не хватает ее>, – пробормотал Искандр.

Махит не хватало ее. Просто космически не хватало, хотя и хотелось ощущать эту нехватку.

<Солдат не будет ждать тебя вечно>, – продолжил Искандр, пытаясь осознать, что для него, для них обоих, означает тоска Махит по Три Саргасс, но вскоре прогнал эти мысли, заменив их более насущными. Точно так же он прогнал на задний план мысли о ссылке. Они все больше преуспевали в определении приоритетов. <Он ее найдет. У них камеры на каждом углу. Одевайся. Надень, что у тебя есть поэффектнее. Что-нибудь демонстративное, с четкими линиями. Я знаю, у тебя есть что-то в этом роде>.

«У меня есть строгое платье – как раз такого плана». Она взяла с собой одно – длинное, черное, геометрического дизайна платье с одними углами и без всяких украшательств, без обнаженных ключиц, с рукавами до запястий. Она брала это платье и в Город, но так ни разу и не надела его. Она вообще еще никогда его не надевала.

<Не это. Что-нибудь более практичное>.

«Искандр, ты хотя бы представляешь, что такое одежда для людей с женскими пропорциями?»

<Знаешь ты, значит, знаю и я. Вернее, я знаю то, что знаешь ты. И еще кое-что сверх того о дворцовой моде в Городе, пусть и немного устаревшей>.

Им обоим был лучше знаком тейкскалаанский стиль. На Лселе Махит носила то же, что и все: брюки, жакеты, разное нижнее белье, в основном серое, черное и белое.

<Белое, – сказал Искандр. – Только белое, если есть>.

Как Девятнадцать Тесло.

Она могла придумать и кое-что похуже.

<Гораздо хуже>.

Когда Махит – в белых брюках, белой асимметрично драпированной рубашке и укороченном жакете в лселском стиле – снова открыла дверь, солдат стоял на том же месте. Он

моргнул и долго смотрел на нее. Она решила, что он, вероятно, думает о Девятнадцать Тесло, *эзуазуакате* Девятнадцать Тесло в ее белоснежном костюме еще до того, как он пропитался кровью и стал пригоден для лучезарного солнцетрона копий.

«Опасный форнитр!» пришлось оставить в другом жакете – в ее теперешнем одеянии для него не нашлось места.

– Вы нашли уполномоченного? – спросила Махит.

– Не я сам – корабль нашел, – ответил солдат. – Вы теперь готовы, посол, или нужно еще что-то сделать?

Если он и думал о Девятнадцать Тесло, то эти мысли могли легко перейти в презрение и нетерпение по отношению к варвару.

– Ведите меня, – сказала Махит. – Быстро. Я боюсь, что инородцы могут решить, что мы, кроме «привет», и сказать ничего не можем.

* * *

Войдя на мостик, Три Саргасс испытала мгновение обескураживающего психологического головокружения: рядом с яотлоком сразу за станцией офицера связи стояла высокая женщина вся в белом с короткими темными волосами, уверенная в себе и абсолютно себя контролирующая. Она осознавала, что именно видит: нет, конечно, не эзуазуаката Девятнадцать Тесло, когда-то ее потенциального патрона и теперь реального императора. Невозможно по нескольким причинам. Во-первых, император не могла бы добраться сюда из города за такой короткий временной отрезок. Три Саргасс теперь близко познакомилась с кратчайшим маршрутом, но каким бы кошмаром было проводить императорский корабль через некоторые из этих порталов! Во-вторых, никто не обходился с этой женщиной, как обходились бы, будь она императором, и, в-третьих, она была Махит Дзмаре, а вовсе не Девятнадцать Тесло.

Кудряшки ее волос едва касались воротника ее белого жакета. Она была абсолютная Махит.

И все же Три Саргасс чувствовала себя так, будто получила удар в солнечное сплетение: она потеряла дыхание, и в глазах засверкали звезды. Какую бы игру ни вела Махит, ставки в этой были очень высоки.

Во имя всех солнц и каждой чертовой звезды, на кой ляд она учинила эту глупую ссору с Махит и не вернулась в их каюту? Она хотела быть в курсе того, что происходит, должна была быть в курсе! А вместо этого она оказалась здесь с опозданием, опоздала на то, что может быть самым важным коммуникативным

событием в ее жизни, а она тут в одежде, что была на ней вчера, – с шерстью каураанского котенка и в пятнах гидропонной воды на рукавах. Вместо того чтобы спать, она болтала с солдатами Десятого легиона, избегая чего бы то ни было иного, кроме жареных лепешек с лапшой, пока эти ее разговоры не прервал флотский дежурный, сообщивший, что ее срочно ждут на мостике.

Она посмотрела на посла, которая уже была тут, работала, посмотрела на белую одежду идеального покроя на Махит, и у нее защемило сердце.

– Яотлек, – обратилась она с другого конца мостика, голос ее звучал максимально уважительно. – Прошу прощения за мое опоздание, у меня возникла сложность с котенком, но я вижу, что вы уже в умелых руках посла.

Как-то так, для начала. Возможно, Махит сменит гнев на милость, если она будет и дальше подавать их обеих как равных. Кажется, в этом и кроется корень зла.

Девять Гибискус повернулась в ее сторону, но Махит – нет. Махит наклонила голову к офицеру-связисту. Три Саргасс сверилась со своей облачной привязкой и нашла имя офицера – Два Пена, икантлос, первый класс и за этим длинный послужной список, который сейчас ей не требовался. Сайт персональных данных министерства войны для внутренних пользователей был необыкновенно громоздким в сравнении с сайтом министерства информации, но по крайней мере она получила наконец доступ к сети корабля. Махит сделала быстрое движение рукой в воздухе, словно рисуя орбитальную дугу кончиками пальцев. Два Пена кивнула ей.

– Посмотрите на плоды ваших трудов, – сказала яотлек. Три Саргасс перестала без толку пялиться на Махит и перевела взгляд на живого врага, впервые увидев его.

Или не его, а корабль, предположительно с живыми врагами внутри. Корабль медленно вращался на краю видимости с «Грузиком для колеса», кольца на кольцах. Малый корабль и большой. Три Саргасс подумала, что они необыкновенно красивы, как кольцеобразные рты рыб, обитающих в пещерных озерах. Нечеловеческая, несколько пугающая красота, но прекрасная хотя бы своей симметрией. Если им нравится симметрия и они млекопитающие, а к тому же решили начать диалог, то все остальное она преодолеет, разве нет? Конечно преодолеет.

– Что мы им отвечали? – спросила она у Девять Гибискус, подойдя вместе с ней, офицером-связистом и Махит к изогнутым пластистальным окнам в четыре слоя между нею и вакуумом,

между нею и инородцами.

– Что мы слышали, как они транслируют нам наше послание, а потом, уполномоченный, поскольку ни вас, ни посла здесь не было добрых двадцать минут, мы с Два Пеной переключились на визуальную композицию. Если они могут слышать нас и хотят поговорить, то могут видеть и изображения, которые мы передаем по тем же каналам.

Девять Гибискус подошла и встала рядом с ней – крупная, крепкая фигура, неподвижная, как звезда, вокруг которой могут вращаться спутники. Три Саргасс пожалела, что столько времени потратила на котенка, пытаясь сбыть его с рук, и на сочувствие самой себе, на разговоры с Четырнадцать Костыль о том, какое сильное впечатление производит яотлек. Ей бы не помешало появиться на мостике раньше, даже если Двадцать Цикада освободил ее от прямой ответственности. Четырнадцать Костыль была права в том, что касалось яотлека и ее впечатляющего вида, Девять Гибискус принадлежала к людям, которые вызывают у других желание исполнять, что от них требуется, еще до того, как их попросят.

– Показывать изображения проще, чем пытаться говорить на их языке с моим крайне ограниченным машинным словарем, – согласилась Три Саргасс. – А у инородцев, по результатам вскрытия, есть глаза, которые действуют, кажется, так же, как наши. Что мы сейчас передаем, какое визуальное изображение?

– Два Пена готовит рисунок, – сказала Девять Гибискус. – Ваша посол помогает. Она неплохо разбирается в орбитальной механике, что весьма интересно.

– Она выросла на космической станции.

Девять Гибискус подняла одно плечо, как бы говоря: жизнь на станции еще не гарантия того, что человек знает, как устроен космос. Три Саргасс приняла этот аргумент как убедительный. Потом яотлек сказала ей:

– Уполномоченный, прежде чем мы отправим это послание, скажите, вы и посол готовы встретиться с ними лицом к лицу? В сопровождении соответствующего военного эскорта?

– Вы хотите пригласить их на корабль? – спросила Три Саргасс со всей вкрадчивостью, на какую была способна, поскольку перед нею с тошнотворной точностью возникали голограммы расчлененных на Пелоа-2 людей.

– Нет, конечно, – сказала яотлек.

– Пока между нами не произойдет гораздо более предметное общение, я бы предпочла не вести переговоров на их корабле, – осторожно сказала Три Саргасс. – И неважно, с послом ли я буду, с воинским сопровождением или с вами. Это демонстрирует

некоторую слабость с нашей стороны.

А еще ей не нравились эти вращающиеся в космосе хорошенькие рты пещерных рыб. Она уже получила столько физических впечатлений от этих инородцев и издаваемых ими звуков, что могло хватить на несколько жизней, и это при том, что материал корпуса их корабля не обладал никакими резонансными свойствами.

– Забавно, – сказала Девять Гибискус. – То же самое сказала посол, почти слово в слово. Не думайте только, уполномоченный, что, поскольку мы Флот, мы такие уж неумехи в том, что касается ведения переговоров. Мы отправим вас на Пелоа-2. Предположительно и они пошлют туда своих представителей. По крайней мере, Два Пена именно это и пытается нарисовать.

Переговоры среди выпотрошенных. Замечательно.

– Дайте мне взглянуть, – сказала Три Саргасс и подготовилась к тому, чтобы оказаться поближе к Махит, чтобы можно было как бы невзначай извинительно задеть ее белоснежный рукав.

Махит не сказала «привет». Правда, немного потеснилась, так что образовалось пространство для надлежащей демонстрации Три Саргасс голограммы, над которой работала Два Пена. Офицер по коммуникациям явно умела рисовать: она изобразила двух небольших людей и двух инородцев, похожих на того, что они вскрывали в медицинской лаборатории. Под людьми и инородцами находилось неподвижное изображение Пелоа-2, скопированное из реальной голограммы. На глазах Три Саргасс инородцы и люди спустились по двум параллельным кривым – путем, который Махит только что показала рукой, – и встали друг против друга на поверхности планеты. Изображение живых существ на голограмме категорически не масштабировалось в соответствии с размерами Пелоа-2. Ни люди, ни склонные к потрошению инородцы не имели рост в несколько тысяч футов, даже когда вели критически важные переговоры.

– Нужно еще нарисовать корабли, наши и их, – сказала Три Саргасс. – Чтобы было ясно: мы хотим говорить конкретно с ними.

Они продолжали вращать свои трехколесные кольца. Кольца вращались, но корабли не двигались, только все больше и больше усиливали звук трансляции, которую записали Три Саргасс и Махит. «Приходите поговорить. Приходите поговорить. Приходите поговорить. К выгоде обеих сторон».

Махит кивнула.

– Она права. Оба корабля, и когда они прибудут на Пелоа-2, то есть когда *мы* прибудем – вы знаете, каким символом

обозначается сила звука? Усиление звука?

Два Пена посмотрела на нее так, словно Махит сказала что-то неразборчивое на своем родном языке, а не произнесла идеально понятное тейкскалааанское предложение.

– Глиф для «громко»? – спросила она. – Если хотите, чтобы я его нарисовала, то я могу…

На лице Махит появилось особо удивленное, хитроватое выражение, которого, насколько помнила Три Саргасс, у нее никогда не было в Городе. Она опять задала себе вопрос, не видит ли она перед собой другого человека, другого посла со Лсела, умершего и возвращенного к жизни машинным способом Искандра Агавна. А что еще хуже, ввиду неудобного времени осознания она почувствовала неожиданный укол надежды. Вдруг она так отвратительно поссорилась ни с какой не Махит, а с Искандром, и все можно будет вернуть к тому состоянию, как прежде? Вот это было бы мило, правда? А то слишком уж многое, как оказалось, вовсе не было милым, и, пожалуй, ей следует немедленно забыть, что в голову вообще приходили такие мысли.

Махит сказала только:

– У этого глифа всего двенадцать штрихов, икантлос, он совершенно не годится для «громко». Дайте я вам покажу.

На этот раз она не стала рисовать дугу, а сделала движение рукой, сложенной чашечкой, провела ею в воздухе один раз – по малой кривой, потом по кривой побольше, потом еще больше. Типа звукового конуса.

– А, *громкость*, – сказала Два Пена. – Абсолютно.

Нет, Три Саргасс нужно как можно скорее раздобыть для Махит облачную привязку, чтобы она могла перемещать голографические изображения, но, черт возьми, едва ли она в этом нуждалась. Два Пена нарисовала именно то, что она показывала: три кривые, кончающиеся чашечкой и увеличивающиеся в размерах, исходящие от инородцев и людей, когда те оказались на поверхности Пелоа-2. Они словно разговаривали друг с другом.

– Это хорошо, – сказала Три Саргасс. – Мне нравится. Что-нибудь еще, Махит? Или будем транслировать?

«Транслировать и готовиться к полету на Пелоа-2. У нас даже не будет времени накраситься. Может быть, это к лучшему».

– Мы довольно долго заставили их ждать, – сказала Махит. – Отправляйте. А еще надо посмотреть, сколько звукового оборудования можно сделать портативным и есть ли у Флота сильнодействующее противорвотное средство.

– Вам придется узнать у медиков, – сказала Два Пена.

– Кто-нибудь, спросите у медиков, – сказала Махит. – Я ни

с кем не имею права говорить. Я не гражданка империи.

Она улыбнулась жутковатой и необыкновенно прекрасной улыбкой, обнажив все свои зубы и показывая на то место, где должна была быть облачная привязка.

* * *

– Я в вас разочарован, Эликсир, – сказал Одиннадцать Лавр, и Восемь Антидота так скрючило от этих слов, что он чуть не упал на скамью, на которой сидел, а с нее – в зеркальный пруд в саду близ Дворца-Земля. Падение такого рода было бы чудовищно позорным, к тому же не пошло бы на пользу аквакультуре. Всплеск, один промокший парнишка и множество погубленных водяных лилий, раздавленных розовых лепестков.

– Я не люблю, когда мне устраивают выволочки, – ответил он, что было правдой. И все же не стоило так реагировать на выражение разочарования со стороны учителя. Но он же был абсолютно уверен, что его никто не видит.

– Тогда будьте внимательнее, – сказал Одиннадцать Лавр. – Вы здесь как на выставке – открыты всем со всех сторон, при этом не прячете ваши слабые места. Неужели во Дворце-Земля вам не преподают основы самообороны?

– Мне одиннадцать лет, – сказал Восемь Антидот. – Я знаю, как лягнуть в пах какую-нибудь мужеподобную личность, как выломать чью-нибудь руку назад так, чтобы твой противник закричал. Но масса моего тела или рычаг роста невелики, к тому же глаза всего города устремлены на меня. Вы не видели, сколько камер наблюдения следит за мной? Если меня похитят, Солнечные тут же меня вернут.

– Я определенно на это надеюсь, – сказал Одиннадцать Лавр. Он обошел скамью и сел рядом с Восемь Антидотом. Его длинным конечностям пришлось слишком сильно сложиться – скамья была слишком высока для Восемь Антидота, но слишком низка для Одиннадцать Лавра, его колени торчали. – В Тейкскалаане начнутся воистину плохие времена, если Солнечные проворонят похищение императорского наследника.

Восемь Антидот подумал, нет ли в словах его учителя завуалированной угрозы. По ощущениям вполне могли быть, но форму угрозы он не понимал, как не понимал, почему ему угрожают в данный момент и таким вот образом. Не намекал ли Одиннадцать Лавр на то, что Солнечные в настоящее время не вызывают доверия? Или через некоторое время он не будет вызывать доверия, если Восемь Антидот и дальше продолжит его

разочаровывать? И то и другое было плохо. И то и другое пугало.

– Почему я вас разочаровал? – спросил он.

Одиннадцать Лавр сделал вдох, потом долго, усиленно выдувал из себя воздух.

– Когда человека – молодого или старого, многоопытного или зеленого – приглашают на заседание вроде того, на котором были вы, Эликсир, заседание, на котором одно министерство подозревает, что другое министерство руководствуется совсем не теми мотивами, о которых говорит, а после заседания это лицо прямиком направляется из министерства, которое пригласило его на заседание, в министерство, которое находится под подозрением… Что ж, это лицо, вероятно, или очень молодо, или очень глупо, или совершенно не вызывает доверия. Или и то, и другое, и третье. Я надеюсь, что в вашем случае мы имеем дело с чем-то одним.

– Вы следили за мной.

– Как я сказал, вы плохо прячете свои слабые места. Вы хороший шпион, ваше сиятельство, но входя днем в парадную дверь министерства, вы заливаете светом весь дворец. В особенности если речь идет о министерстве информации.

Восемь Антидоту нравилось, когда его называли Эликсир, гораздо больше, чем обращение «ваше сиятельство», но, может быть, он теперь и не заслуживал ласкового прозвища. Он совершил идиотскую ошибку, это очевидно. Худшую из всех возможных, ту, о которой не знаешь, что она ошибка, совершая ее, а потому и не можешь избежать.

– Я думаю, вам вряд ли понравилось бы больше, проберись я в министерство информации по вентиляционным ходам.

Одиннадцать Лавр откашлялся, словно пытался подавить смешок.

– Нет, – сказал он. – Мне бы это не понравилось больше. Мне бы это понравилось еще меньше – тогда бы я знал, что вы пытаетесь сделать это тайно. Но вы, по крайней мере, не усугубили мои сомнения и ничего не скрывали. Ну, а теперь скажите мне, что вы рассказали в министерстве информации о совещании в министерстве войны, ваше сиятельство?

– Ничего, – ответил Восемь Антидот, пытаясь придать своему голосу обиженную, оскорбленную интонацию, но при этом не позволить голосу по-детски дать петуха. – Я делал перекрестную проверку, заместитель министра, чтобы улучшить мое понимание коммуникаций на межзвездных расстояниях. Чтобы я таким образом мог лучше понять то, что я слышал в министерстве войны.

– Что ж, мне это кажется правдоподобным, – сказал

Одиннадцать Лавр и замолчал.

Восемь Антидот знал этот трюк. Знал о нем от Девятнадцать Тесло, от своих наставников и по собственной попытке использовать его всего лишь час назад на Один Цикламене. Трюк, в котором его приглашали нарваться на неприятности, продолжая разговор, объясняя больше и больше, чтобы понять, как далеко этот разговор может его завести. Нет, он не собирался на это попадаться. По крайней мере, в этот раз. А если он на самом деле был по-настоящему расстроен тем, что Одиннадцать Лавр манипулирует им таким вот образом, словно он некий ресурс, а не человек – что ж, ему никогда и не следовало ждать ничего иного. У таких, как он, не бывает друзей, даже взрослых друзей, и еще он не собирался плакать. Или шмыгать носом, что является предвестником слез.

– В чем еще я вас разочаровал? – спросил он, прогоняя эти мысли.

Одиннадцать Лавр похлопал его по плечу – прикосновение было короткое, родительское.

– Пока ни в чем. Старайтесь прятать свои слабые места, хорошо? Я буду рад дожить до того дня, когда вы сядете на императорский трон.

С этими словами он поднялся, руками отряхнул пыль с брюк, поправил свои и без того идеально сидящие манжеты и зашагал прочь через сад. Восемь Антидот хотел было окликнуть его: «Там нет выхода», но передумал. Либо Одиннадцать Лавр хотел побродить по лилиевому лабиринту, либо нет, и Восемь Антидот не был обязан оказывать ему помощь. Он поднялся и скинул комок земли в пруд, хотя и знал, что потакает худшим своим порывам, к тому же поступает безответственно по отношению к среде обитания, но его это ничуточки не волновало. Далее он отправился на разговор к Ее Великолепию императору. Если его обвинит в шпионаже тот, кто, как казалось Восемь Антидоту, симпатизировал ему, то и в самом деле стоит начать шпионить. А он был уверен, что Девятнадцать Тесло захочет знать о неожиданном появлении лселского посла прямо на линии соприкосновения.

А может быть, еще и об Одиннадцать Лавре, который дает понять министру войны Три Азимут, что сама император не доверяет министерству войны. Рассказать ей об этом сослужит ему хорошую службу.

Интерлюдия

Декакел Ончу не принадлежит к людям, которые церемонятся или возятся с каналами коммуникаций, когда можно получить результат, просто воспользовавшись собственной властью. Она советник по пилотам, ее имаго-линия старейшая на станции Лсел. Иногда, если она сильно устает, ей снятся сны о том, как обстояли дела четырнадцать поколений назад: она проводит в голове сложнейшие расчеты, переносит то, что было миром кораблей, в место, где этот мир может вечно оставаться в покое, быть, наконец, домом для всех странников. Просыпаясь, она никогда не помнит цифр, но помнит, что была кем-то, кто умел их находить.

Никаких других полномочий ей никогда не понадобится, чтобы направиться прямо в кабинет Акнел Амнардбат без всяких предварительных договоренностей или предупреждений. У нее есть вопросы, она хочет получить на них ответы – и получит, прямо сейчас. Больше она не допустит никаких уклонений от темы саботажа. Она не станет больше дожидаться, пока полуопозоренные послы решат, наконец, что Декакел сто лет знает как истину. У советника Амнардбат не будет ни малейшего шанса аккуратно ускользнуть, избегая разговора с коллегой-советником, как это произошло в грузовом отсеке, когда тейкскалаанскому уполномоченному позволили так бесцеремонно практически похитить Махит Дзмаре.

Амнардбат сидит за своим столом, ей хватает достоинства не напускать на себя удивленный вид, когда в дверь входит Декакел; может быть, ее секретарю удалось послать ей предупреждение. Декакел не садится, даже когда Амнардбат показывает ей на стул, стоящий против ее стула. Если она сядет, это будет подразумевать определенное равенство между ними двумя, а Декакел больше не чувствует никакого равенства.

– Советник, – говорит Амнардбат. – Чем могу служить?

– Вы можете сказать мне, почему позволили Дзмаре сесть в шаттл, когда уже убедили ее, что она вам абсолютно необходима здесь. Она даже приходила ко мне просить о спасении. Начнем с этого, советник.

У Акнел Амнардбат было лицо, которое легко приобретало выражение невозмутимого и уверенного отвращения, ее кудряшки и красивые высокие скулы были привычны к тому взгляду, которым она теперь смотрела на Ончу.

– Мне все равно, что случится с Дзмаре, пока ее нет здесь, – сказала она. – Пока эта имаго-линия на станции, она калечит все,

к чему прикасается. А если ее здесь нет, мне совершенно безразлично. Раз она нужна той тейкскалааанке, пусть забирает.

Декакел не позволила потрясенному выражению появиться на лице. «Эта *имаго-линия*». Агавн и Дзмаре. «Она калечит все, к чему прикасается». Неудивительно, что Амнардбат препятствовала Махит Дзмаре. Она хотела убить всю линию, которая была всего-то длиной в одну имаго-машину, если не считать Тсагкел Амбак, а Декакел ее и не считает – та не была послом, она была переговорщиком и давно умерла. Скупость Агавна на слова по возвращении на Лсел подтвердила это. Устроить саботаж, а империя пусть разбирается со скорбными останками посла; возможно, империя даже возьмет на себя труд убить ее.

– А если бы она осталась на станции, что бы вы с ней сделали?

– Какая разница пилотам, что «Наследие» делает со своими имаго-линиями? Вы выходите за рамки вашей юрисдикции, советник Ончу.

– Пилотам всегда небезразлично, что делает «Наследие», – парировала Декакел, – поскольку «Наследие» является держателем наших имаго-линий, как и всех остальных… Скажите мне, Акнел, что вы не принимаете односторонних решений в том, что касается необходимости повреждения линии и ее пригодности. Скажите мне правду, и я уйду отсюда и оставлю вас в покое.

– Я – советник «Наследия», – ответила Амнарбдат. – Моя задача сохранить станцию. Что вы ставите под сомнение – сам мандат или мою приверженность этому мандату?

– Вы не ответили «нет».

Амнардбат смотрит на нее и демонстративно, медленно и преднамеренно пожимает плечами.

– Кто-то должен принимать решения, советник. Решения, которые сохранят не только наши жизни и суверенитет, но и нашу самоидентичность. Вот для чего существует «Наследие». Вот что я делаю на своем посту.

– А если Дзмаре вернется? – Декакел не знала, почему задала этот вопрос; она была абсолютно уверена, что Махит Дзмаре погибнет на этой войне вместе с великим множеством тейкскалааанцев.

– Тогда я потребую извлечения этой машины из ее мозга, Декакел, выкину машину в космос, а дальше посмотрю, осталось ли от Дзмаре что-то стоящее и нужно ли оно станции. Если она, конечно, проснется, бедняжка. Часть вины лежит и на мне – если бы я дала ей другое имаго, а не Агавна, то ее ксенофильская

одержимость могла бы оптимизироваться.

– Почему же вы тогда не сделали этого?

Амнардбат устало вздыхает.

– Кого-то нужно было принести в жертву империи, а ее способности были удивительно низкими даже для имаго Агавна. Так почему не она? Теперь их обоих можно сбросить за борт, советник.

Декакел с ужасом задает последний вопрос:

– Есть ли какая-то другая имаго-линия, с которой вы поступили подобным образом?

– Вы хотите порекомендовать мне какую-то?

Декакел Ончу надолго запомнит легкость, с которой Акнел Амнардбат ответила ей. Она вдруг поняла с ужасающей отчетливостью, что никогда больше не может верить ни одной имаго-линии, к которой прикасалась эта женщина, потому что нет гарантий, что она в нее не вмешивалась. В это мгновение она ясно увидела, что представляет собой Амнардбат: человека, настолько влюбленного в станцию, что свои этические обязанности она подменила ужасающей яркостью своей любви, ничуть не заботясь о том, что уничтожает во имя ее сохранения.

Глава 11

Предлагается работа в промышленности СИЛИКА-2318А – Вахтовый метод, надбавка за тяжелые условия, ротация через четыре месяца. Требуются стеклоделы, сотрудники производственных линий с управленческим опытом, специалисты по природным ресурсам (в особенности тейкскалаанцы с опытом работы в добывающих отраслях и/или в засушливых местностях), приглашаются граждане империи, готовые переместиться в систему Пелоа минимум на четыре месяца. Доплата за тяжелые условия труда вызвана высокими планетарными температурами, но на Пелоа-2 нет эндемичных хищников или векторов известных болезней. Противопоказания: астма, реактивное расстройство дыхательных путей, чувствительность к высоким температурам, случай солнечного удара в прошлом…

Вакансии, заявленные на сайте предложений рабочих мест Тейкскалаанского правительства, ежемесячный апдейт

Я создан для смерти? / Это тело упокоится / чтобы моя дрожащая память перелетела / в неизвестный мне разум?

Наш дом в глубокой тени / уловленный пилотскими узлами /

блестящие районы мертвецов / где не забывается ничто!

Как только я выйду из плоти / что станется со мной? / вечная память дарована / такова теперь будет моя участь.

И пробужденный станцией, принадлежащий ей, / я восстаю из моего тела / и вижу моего преемника, увенчанного славой / на наших пылающих звездами небесах!

Народная лселская песня, источник неизвестен, возможно, появилась еще до учреждения станции.

Махит дурманила мысль о ее первой пустыне. Дурманила даже без предвкушения предполагаемых переговоров со смертоносной и непонятной чужеродной жизнью. Пустыня лежала повсюду вокруг посадочной зоны бесконечными волнами костно-белого кремнезема без малейших признаков наличия поблизости воды или растительности, если не считать рощицы невысоких серо-зеленых деревьев с широкими кронами близ зданий, в которых жили работники нефтеперерабатывающего завода, перед тем как их всех убили. Эти здания тоже были белыми, выжженными солнцем. Даже небо имело какой-то выгоревший цвет и казалось голубовато-белым сводом, подернутым туманом.

Махит никогда не бывала на столь жарких планетах, как Пелоа-2. Ей никогда и в голову не приходили мысли о планетах с такой высокой температурой – уж конечно, не как о планетах, на которых можно жить. Такие высокие температуры находились на грани переносимости человеком. Если бы на Лселе возникла подобная тепловая аномалия, то половина станциосельников стала бы готовиться к срочной эвакуации из-за отказа важнейших систем жизнеобеспечения.

Солдаты «Грузика для колеса» предупреждали ее и Три Саргасс перед посадкой в шаттл для атмосферного спуска: возьмите побольше воды. Пейте, даже если не хочется. Если пробудете там больше восьми часов, примите таблетки соли. Старайтесь не оставаться на прямых солнечных лучах.

Махит думала, что они специально нагнетают атмосферу и поддразнивают агента министерства информации и варвара, которая то ли родилась в Городе, то ли стопроцентная чужестранка: ни одна из них, конечно, не принадлежала к тем,

кто знает, как вести себя во враждебной среде. Но они не дразнились. Воздух на Пелоа-2 был настолько сухим, что высасывал всю влагу с языка за время выдоха. Свет казался одновременно и тяжелым, и невесомым. Она чувствовала жару, как груз, солнечные лучи на своей коже, и сам горячий воздух, все глубже проникающий в ее респираторную систему. Частота ее сердцебиений замедлялась, как если бы гравитация в два раза превосходила реальную гравитацию Пелоа-2, в то же самое время Махит чувствовала себя пьяной, легкой как перышко. Словно она могла вечно идти в яркую пустыню Пелоа-2 и вернуться в полном порядке.

А потом ветер переменился, и запах склепа поплыл на нее, Три Саргасс и их маленький эскорт из солдат Флота. Мертвые колонисты гнили в зданиях обогатительной фабрики. Дело рук этих существ – людей; Махит хотела думать о них, как о людях, на протяжении этой встречи. Как о людях, с которыми необходимо встретиться.

Ей еще не доводилось бывать на планете, по которой во всем Тейкскалаане был объявлен траур. Она подозревала, что никто из них не был: ни она, ни Три Саргасс, ни сопровождающие их специалисты по наземному бою, ощетинившиеся энергетическим оружием с черными стволами.

У нее не было времени, чтобы поговорить с Три Саргасс наедине. Времени было в обрез и на подготовку последовательности коротких записей на том, что, по их мнению, было языком инородцев. Повторение двух «привет-мы-здесь» и «урра!»; и еще что-то вроде «лучше не суйтесь», поскольку перехваченная запись содержала нечто, похожее на это, перед тем как инородцы заметили «Острие ножа», но до начала преследования. Еще удалось прихватить с собой довольно большой, но все-таки портативный голопроектор, запрограммированный на графические презентации. Очень кстати, поскольку пока они знали всего приблизительно шесть слов, которые были не столько словами, сколько тональными маркерами, выражающими чувства.

Что бы они с Три Саргасс ни собирались делать со своими отношениями, это следовало отложить до окончания переговоров.

– Из тебя художник получше, чем из меня, – сказала Три Саргасс голосом, напоминающим колеблющийся далекий завиток дыма в жару. Махит подумала, не искажает ли жара звук, или же у нее просто наблюдается незначительная слуховая галлюцинация. – Если они захотят говорить картинками, я дам тебе мою облачную привязку, чтобы ты могла рисовать.

– Отлично, – сказала Махит. Она не хотела начинать

переговоры вслепую, когда их двоих не связывает ничего, кроме общей работы, и потому спросила: – Неужели все пустыни такие?

Пустыня действительно была прекрасна и ужасна одновременно в своем далеко растянувшемся мерцании.

Три Саргасс отрицательно покачала головой.

– Ничего подобного я не видела, – сказала она. – Пустыни, которые знаю я, – это красный камень, плато, монолиты гор, цветы. Южный континент у нас дома. Здесь перед нами песчаная пустыня. Она…

– Она вызывает у меня желание прогуляться по ней, – сказала, вернее призналась Махит. Вернее, сделала предложение: «Я попытаюсь доверять тебе, по крайней мере, в самых крошечных мелочах, если попытаешься и ты».

– Я знаю, – сказала Три Саргасс, и голос ее прозвучал уверенно: *да, знаю*. Словно жара пустыни и на нее подействовала таким же образом. – Знаешь что, Махит? Нам-таки нужно туда прогуляться. Немного. Место встречи в пятнадцати минутах отсюда.

Они поднялись на плато, плоское пространство, где дюны были менее ползучими и сопровождавшие их солдаты могли натянуть тент для тени. Судя по упаковкам, принесенным солдатами, которые двигались с натренированной сноровкой, Махит предположила, что это будет брезент с высокой отражающей способностью и штук десять опорных стоек. Но когда тент развернули и они с Три Саргасс расположились под ним вместе со всем аудиовизуальным оборудованием, она увидела, что нижняя сторона брезента изрисована серебряными, розовыми и золотистыми с голубыми прострелами лотосами и кувшинками, что это не брезент вовсе, а тканая материя, пристроченная к светоотражающему пластику. Часть Города развернулась над их головами, как разборный дворец для путешествий.

<Тейкскалаанцы не пренебрегают символикой, – пробормотал Искандр. – Даже в пустынях>.

Махит поняла, что не придала этому значения. Или Искандр не придал – впрочем, без разницы, кто из них. Иметь символический балдахин для каждого, даже самого малозначительного действия – знакомо, это утешало, даже если она не искала утешения. Даже если это ощущение комфорта было еще одним свидетельством того, как Тейкскалаан перестроил ее мозг, ее чувство прекрасного.

– Ты взяла это из Города? – спросила она у Три Саргасс, показывая на материю.

– Хотела бы я ответить «да», – сказала Три Саргасс. – Прекрасная вещь. Нет, мне это дал Двадцать Цикада.

Махит недоумевала, пытаясь понять, *когда* это случилось. В какой-то момент долгой ночи, проведенной ими раздельно и без сна?.. Видимо, это судьба, и теперь Махит обречена на недосып каждый раз, когда проводит день в обществе тейкскалаанцев. Выходит, Три Саргасс вручили элемент тейкскалаанской пропаганды, зашифрованный в этом прекрасном гобелене? «Даже в пустыне есть вода. Мы – люди, приносящие цветы».

<Тебе бы поэтом быть, – снова заговорил Искандр. – Поэты спят чаще политтехнологов>.

«Но не в Тейкскалаане», – подумала Махит и в ответ получила электрический смех, прошедший по ее локтевым нервам.

– Здорово, – сказала она Три Саргасс. – Его идея или твоя, думаю, что это пойдет на пользу. По крайней мере, если они родом из системы, где есть растительная жизнь…

Она замолчала. Что-то приближалось к ним с другой стороны плато.

Они двигались размашистым шагом, каким ходят охотники, быстро сокращая расстояние, хотя под ногами был вязкий песок. Их плечи перекатывались с каждым шагом, мощные, тяжелые, мускулистые. Их было двое. Они пришли без эскорта. Махит прежде всего бросились в глаза черные кератиновые когти на пальцах рук, невероятно длинные и подвижные шеи, заканчивающиеся головами в намордниках, с круглыми, немного волосатыми ушами. У них была пестрая, пятнистая кожа, они возвышались над человеческими головами на два фута – на три в случае более низкорослых тейкскалаанцев, как Три Саргасс. На них были серые тактические формы для пустыни, и пришли они без оружия – по крайней мере, его не было видно. Они ни на кого не были похожи – напоминали людей, но, судя по всему, другого оружия, кроме когтей, им не требовалось.

Каждое вступительное слово, какое приходило в голову Махит, засыхало во рту, словно жара похищала не только слюну, но и дар речи.

Три Саргасс рядом с ней распрямила плечи и пошевелила челюстью, будто собиралась выступить с речью перед императором. Махит прежде видела Три Саргасс в таком состоянии, видела эту сосредоточенность, которая означала, что та играет роль, и спрашивала себя, когда же она научилась так хорошо распознавать Три Саргасс, как узнала это про нее, не зная практически ничего другого. Прискорбно мало другого.

– Воспроизведи звук приветствия, Махит, – сказала она. – Ты почувствуешь, когда надо.

А потом, будто она пришла на встречу с функционером из какого-то другого министерства, а не с существом из другого мира, который возвышался над ней плечами и зубастой головой, Три Саргасс подошла к краю тени под пологом едва ли в пяти футах от инородцев, сложила вместе кончики пальцев обеих рук и склонила над ними голову. Махит протянула руку к пульту управления аудиопроектора, надеясь, что он заработает, что он не спекся на этой изнуряющей жаре и в него не надуло клейкого песка. Ее пальцы замерли над поверхностью пульта, вызывая требующийся отвратительный шум. Сильного нажатия не требовалось. Это напоминало спусковой крючок энергетического оружия – для приведения в действие хватало малейшего движения…

– Я уполномоченный Тейкскалаанской империи Три Саргасс, – сказала инородцам Три Саргасс, прижав одну руку к груди. *Я* – а потом всеохватывающий жест, указующий на полог с цветами над ней: *Это мое, то, что я представляю*. – Я говорю с вами от имени Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, Блеска Ножа, чье правление прогоняет всю темноту.

Ничто из сказанного Три Саргасс не могло быть понято инородцами. Но для этого и была здесь сейчас Махит. Она прижала пальцы к пульту и проиграла «привет» во всем его тошнотворном вопле, сопровождаемом помехами.

Инородцы замерли. Один из них посмотрел на Три Саргасс, потом подбородком повел в сторону проектора. Второй тоже посмотрел в ту сторону. Махит пожалела, что не понимает их телесного языка – ни назад, ни вперед они не двинулись. Что они чувствуют теперь – недоумение, интерес, злость? Это было труднее, чем пытаться понять сдержанную изысканность выражений тейкскалаанских лиц. Гораздо труднее. Она знала, что инородцы коммуницируют между собой, но не могла понять как. Не звуками. Может быть, они коммуницировали запахами, или движениями ушей, или чем-то другим, что она и представить себе не могла. Она была в лучшем случае лингвистом, а скорее поэтом-дипломатом с претензиями. Махит никогда не слушала никаких курсов по ксенолингвистике[12], к ее услугам был весь тейкскалаанский язык, с которым можно играть, и в те времена она даже не думала, что ей может понадобиться что-то другое. Если у этих инородцев нет слов для расшифровки…

Второй инородец открыл рот и произвел шум, означавший «привет»: ему не понадобились ни усилители, ни звуковая обработка. К нему присоединился первый, который только что показывал на звуковое оборудование. Тот же самый звук, гулкий. На «Грузике для колеса» Махит, Три Саргасс и все их

сопровождение наелись противорвотного, лучшего, какое нашлось у медиков, и тем не менее теперь она с тревогой почувствовала, как в ее желудке начинается бунт. Вибрации. Их помехообразный шум, пробирающий до костей. На самом деле это был инфразвук со всеми его физическими ужасами. Но все же, все же они услышали «привет». Инородцы ответили «привет», две острозубые челюсти широко распахнулись. Языки у них были такими же пятнистыми, как и кожа.

Махит посмотрела на Три Саргасс и пожала плечами, словно говоря: «Ну, что теперь?»

Три Саргасс поймала ее взгляд, выдержала: дикая напряженность и полуистерическое головокружение. Махит помнила этот взгляд. Так выглядела Три Саргасс после первого покушения на Махит, случившегося на ее глазах в посольских апартаментах Дворца-Восток. Как далеко отсюда! *Смотри внимательно и делай, как я, – начали*, словно сказала Три Саргасс.

Она сделала вдох, который расширил и ее узкую грудь, и живот: так дышат не только для произнесения слов, но и для чего-то более громкого. На выдохе она начала петь.

– В каждой клетке цветок химического огня, – пела Три Саргасс альтом чистейшего звучания, таким голосом зовут домой потерявшихся людей, основательным голосом, который слышен издалека. – Преданные земле, мы взойдем тысячью цветов – многочисленных, как наши дыхания за срок жизни. И мы вспомним наши имена и имена наших предков, и в этих именах расцветает кровь, которая тоже с наших ладоней…

То были тейкскалаанские погребальные стихи. Махит слышала их в самых различных вариантах – в декламации, в песне. Эти стихи она впервые прочла в учебнике в классе на станции, «химический огонь» и идея цветов из крови вызвали у нее недоумение. Но в таком исполнении она эти стихи никогда не слышала. Три Саргасс пела так, что их можно было принять за военную песню. Обещание. Вы пролили нашу кровь, и мы взойдем.

К тому же это было чертовски умно. Не гулкие вибрации инородцев, а вполне человеческая версия.

<Она показывает им, что мы можем говорить и у нас есть язык, – пробормотал Искандр. – Она более чем умна. Мастерский ход. Я понимаю, почему она стоит твоих расстроенных чувств>.

Три Саргасс жестикулировала одной рукой, приглашая Махит выйти вперед. Махит вышла, словно ее притащили на привязи – от жары у нее по-прежнему кружилась голова. Она подумала: как это переносят инородцы, насколько их это беспокоит, каковы климатические условия на их планете?.. Махит заняла место,

которое сейчас казалось ей единственно правильным: встала так, чтобы Три Саргасс находилась слева от нее. Они вдвоем выстроились перед неразрешимой политической проблемой. Они – и призрак Двенадцать Азалии, словно эхо, имаго, которое никогда не будет существовать. Эта мысль оказалась сродни рыболовному крючку на губе – неожиданная, не отпускающая боль.

– Ты знаешь эту песню? – пробормотала Три Саргасс. Махит кивнула. Она довольно неплохо помнила слова. – Хорошо. Посмотрим, будет ли их рвать, когда и мы начнем производить гулкие волны.

Махит давно не пела ни с кем на пару. Поэзия была другим делом. Она могла читать, могла декламировать, но петь она не умела: не было ни привычки, ни склонности. Пение несло в себе странную интимность, неожиданную для Махит. Они должны были дышать вместе, должны были настроиться на одну частоту. Все это время инородцы смотрели на них, бесстрастно и оценивающе, а их убийственные когти спокойно висели по бокам. Их не рвало. Махит радовалась; она не хотела почувствовать прикосновения потенциально токсичного инородца к своей коже – а стояла *слишком* близко. Пахло от них, как от животных, и чем-то еще – сухим и растительным, такого она прежде не чувствовала.

Песня была долгой – похоронная поэма. Махит продолжала тяжело дышать, даже когда пение закончилось. Жар разрывал ее легкие, горло саднило. Она сделала глотательное движение, но слюны, чтобы смочить рот, не было.

Стоявший слева инородец произвел низкий напевный звук, каких Махит не слышала никогда прежде. Звук был металлический, машинно-плавный, как у синтезатора, но, очевидно, *органический*. От этого звука Махит испытала боль в груди, словно ее сердце бесконтрольно пустилось вскачь. Инородец с другой стороны подошел на два размашистых шага ближе к ним, и теперь она знала наверняка, как быстро колотится ее сердце, знакомый мгновенный приток адреналина и утробный страх. Она боялась упасть в обморок или закричать. Плечо Три Саргасс потерлось о ее плечо. Их обеих трясло.

<Прекрати. Успокойся. Если ты умрешь, то умрешь оттого, что эти ребята выпотрошат тебя, а не по какой другой причине>.

Искандр был ее бальзамом, ясным, безопасным местом в разуме, чем-то, принадлежащим ей… как и внезапный прилив дрожащего тепла, хлынувшего в ее тело. Имаго снова играл с ее эндокринной реакцией, но сейчас она испытывала благодарность за любое чувство, которое не было вызвано внешним

воздействием.

Инородец прижал один из когтей к груди, аналог того, что сделала Три Саргасс. Потом показал себе за спину, хотя там не было совершенно ничего, на что можно показывать – ни тента, ни эскорта солдат. Потом он стал производить звуки. Почти осмысленные звуки, почти слова, по ощущениям Махит. Неистовые, отягощенные множеством согласных, восходящие по высоте звучания слоги, ни один из которых она не смогла бы сымитировать. Даже если бы попыталась их пропеть.

«Нужно было брать уроки пения», – подумала она и попробовала – как в самый первый раз, оказавшись в тейкскалаанском лингвистическом классе, – собственным ртом воспроизвести доносящиеся до нее незнакомые звуки.

* * *

Девять Гибискус никогда не умела ждать – поэтому-то она и стала пилотом «Осколка» в начале своей флотской службы. Пилоты «Осколков» выскакивали из боевых кораблей, поблескивающие, острые, как лезвие ножа, брызги стекла, они никогда ни мгновения не колебались и обычно до последней секунды не знали, куда и когда их пошлют. Никаких задержек, никаких усилий на подавление волнения, на то, чтобы остаться в предумышленной неопределенности до момента нанесения удара. Ей пришлось освоить этот навык. Она освоила его настолько хорошо, что стала капитаном, потом капитаном Флота, а теперь яотлеком. Но это не означало, что ей *нравится* такое положение дел.

Там, на Пелоа-2, находятся четверо ее подчиненных, а с ними агент министерства информации и варвар-дипломат, но *четверо ее людей*, первое и самое главное, сейчас либо подвергались потрошению инородцами (наихудший сценарий), либо получали солнечные удары от высокой температуры в ожидании начала переговоров (наилучший сценарий). А ей оставалось только ждать, ждать, пока ее разведывательные корабли не обнаружат какую-нибудь базу инородцев слева, где понемногу убивают людей Сорок Оксида, где смерть приходит за смертью, похороны за похоронами. Ждать, как ждет кадет-выпускник сообщения о первом назначении, ждать и смотреть, как больший из двух трехколечных кораблей угрожающе вращается на самом пределе их видимости с мостика. Меньший корабль отправился в систему Пелоа, как и ее собственный шаттл. Они сейчас пытались определить, с кем ведут переговоры – то ли с человекообразным

видом, который имеет мотивацию, сходную с их, то ли с видом, которого мотивируют только две вещи: грабеж и насыщение желудка. Либо одно, либо другое… и этот вид имеет технические возможности, сравнимые с тейкскалаанскими кораблями или даже превышающие их.

Девять Гибискус ненавидела ожидание в подобных ситуациях. Поэтому она сделала то, что время от времени позволяла себе в бытность кадетом: убедилась, что на мостике в прямом и переносном смысле ничто не горит и, скорее всего, не будет гореть в течение ближайших двух часов – и отправилась в личное пространство Пчелиного Роя, чтобы ждать вместе.

На «Грузике для колеса» его личным пространством была адъютантская каюта – помещения, диаметрально противоположные ее каюте. Идея состояла в том, что если какое-то вражеское оружие застанет капитана в каюте, то адъютант, возможно, выживет и примет на себя ее обязанности. Девять Гибискус знала дорогу туда не хуже, чем в любую точку галактики. Кроме того, у нее были коды дверей, если только Двадцать Цикада снова не сменил их.

Он не сменил. Его дверь открылась для нее так, как если бы он и она были одним лицом, и в нос Девять Гибискус ударил запах зелени. Тот самый особенный запах, богатство растительной жизни, исключая цветы: лозы, сочные растения и все остальное, что Двадцать Цикада сумел убедить расти без помощи воды. Для своего сада он использовал собственный водный рацион и делал это еще с тех времен, когда они оба были кадетами. Никаких отходов, никаких излишеств. Не для ее Пчелиного Роя.

Так, во всяком случае, требовала его религия, но Девять Гибискус подозревала, что он так или иначе сделал бы это, даже если бы того не требовал от него культ гомеостата. В этом была сложность с Двадцать Цикадой: определять, где кончается преданность безусловно непопулярной религиозной практике и начинается личность. Если между этим вообще была разница.

Он сидел, скрестив ноги, на полу в середине каюты, вокруг его головы парил ореол голографического анализа, достаточно прозрачный, чтобы видеть зелень, ползущую по стенам на каждом отдельном изображении. Большинство из них представляли собой изображения известных ей корабельных систем, узнаваемых мгновенно, даже в зеркальном отображении. Показания энергопотребления и систем жизнеобеспечения «Грузика для колеса» из всего множества находились на своем обычном месте, приблизительно в футе над лбом Двадцать Цикады. Все остальное, что он хотел увидеть, могло поворачиваться вокруг

центра, неподвижной точки, похожей на корону.

А еще, свернувшись на его коленях, словно кусочек космоса без звезд, лежал один из кауранских котят. Котенок, похоже, спал, а Пчелиный Рой поглаживал его.

– Мне казалось, ты их ненавидишь, – иронически сказала Девять Гибискус. – Значит, все эти твои сетования по поводу разрушения экосистем – сплошная показуха?

Двадцать Цикада посмотрел на нее и движением другой руки, не занятой поглаживанием комочка войда на его коленях, убрал бóльшую часть своих рабочих голограмм.

– Еще как ненавижу, – сказал он улыбаясь. – Но этот меня любит, и что я, по-твоему, должен с ним делать? Вышвырнуть за борт? В том, что они существуют, нет их вины.

Она села рядом с ним, колено к колену. Ей всегда казалось, что в садовых комнатах Двадцать Цикады больше кислорода, чем где-либо. Впрочем, не казалось: так оно и было на самом деле. Дыхание растений. Она как-то раз проверила показания приборов. Различие было небольшим, но реальным.

Кауранский котенок поднял голову и открыл желтые глаза. Произвел какой-то звук, словно плохо настроенный музыкальный инструмент, поднялся, развернулся на коленях Двадцать Цикады и снова лег.

– Я не думала, что ты выкидываешь их за борт, Пчелиный Рой, – сказала она. – Но тут просто любовь какая-то.

– Он начинает вопить, если я его не глажу, – без обиняков сказал Двадцать Цикада, и Девять Гибискус рассмеялась. На мгновение она почувствовала себя очень молодой: перенеслась более чем на десять лет назад, на один корабль, на котором она служила, да и он тоже. Тогда ей даже в голову не приходило, что можно не спать ради своего Флота.

– Ну что ж, в таком случае, думаю, тебе придется его оставить, – сказала она и сама погладила шерстку, оказавшуюся очень мягкой.

– Нет новостей с Пелоа-2? – спросил Двадцать Цикада таким же нейтральным тоном, каким только что объяснял свое неожиданное расположение к котенку.

– Думаешь, если бы что-то уже было, я сидела бы здесь?

– Я знаю, что не сидела бы, – сказал он, отмахиваясь от обвинения. – Спрошу иначе: через сколько часов мы спустимся на планету, чтобы забрать тела и жалкие ошметки моего любимого гобелена?

Девять Гибискус моргнула.

– С какой это стати у уполномоченного и станциосельницы появились твои гобелены, я уж не говорю про *любимые*?

Предметом беседы был гобелен с изображением розовых и голубых лотосов, выполненный в самом высоком стиле Города. Обычно он висел в спальне Двадцать Цикады, а это означало, что Девять Гибискус не видела его с того дня, когда он показал ей этот гобелен в день покупки. Были и другие, предположительно не столь любимые, в других его помещениях, повсюду, где не было растений. Для человека, который почти не ел и отказался от всего, кроме строго корректных одеяний его профессии и полномочий, – только униформа, никаких волос и кожных пигментов; он был беспримерным воплощением офицера тейкскалаанского Флота – Двадцать Цикада окружал себя слишком пышным многоцветием и эстетической роскошью. Как-то раз он объяснил ей, что это одна из тех немногих компенсаций, которые могут позволять себе адепты гомеостата. Избыточность и аскетизм в одном флаконе.

– Я думал, уполномоченный попросит что-нибудь роскошное, на чем можно было бы стоять в этой пустыне. Если ее не выпотрошат до того момента, когда враг успеет заметить символику.

– Если враг способен замечать символику, – пробормотала Девять Гибискус.

Двадцать Цикада пожал плечами.

– Не сомневаюсь, что какая-то символика у них есть. Но сильно сомневаюсь, что их интересует наша.

– Зачем же тогда давать уполномоченному твой цветочный гобелен? Если ты предполагаешь, что через три часа придется спуститься на планету, чтобы забрать останки наших представителей и гобеленов.

– Три часа. Это дольше, чем я согласен ждать, яотлек, но тут решения принимаешь ты.

В выражении его лица, в форме сказанной им фразы было нечто, заставившее Девять Гибискус захотеть поморщиться. Да, решения принимала она, и ей не очень нравилось, когда ее адъютант не поддерживает их – особенно когда он все равно подчиняется. Когда он придает столь большое значение своей вере в нее.

– На нашем корабле есть другие предметы роскоши, которые мы могли бы дать уполномоченному, а не твой любимый гобелен, Пчелиный Рой, – сказала она. – Раз уж тебе захотелось настроить ее на использование символического тента. Если, конечно, она сможет объяснить этим инородцам, что такое цветы.

Девять Гибискус почесала кауранского котенка за ушком. Он замурлыкал, как двигатель крохотного звездолета.

– Я мог бы, – ответил он. – Только зачем мне отправлять кого-

нибудь на одно из твоих заданий, Мальва, без самых острых ножей и самых прекрасных примеров творений нашей культуры, какие есть в моем распоряжении? Если мы пытаемся наладить общение с этими… существами… то нужно пытаться по-настоящему, вкладывая в это все свои силы.

Именно это и вызвало у нее желание поморщиться. Он не хотел разговаривать с ними, даже пытаться не хотел, но она установила порядок дальнейших действий, и теперь он отдавал имеющиеся ресурсы избранной ею тактике, каких бы жертв это ни требовало. Она хотела было извиниться, но не стала. Это подрывало как доверие, так и авторитет, который она имела благодаря доверию. Так что она просто кивнула.

– Если мы спустимся на планету, чтобы забрать уполномоченного и наших людей, а найдем там только обрывки гобелена и их потроха, я сделаю тебе огромную надбавку к жалованью, чтобы, когда в следующий раз будем в отпуске в Западной дуге, ты купил себе гобелен побольше размером и с большей плотностью ткани.

– В такой ситуации, если мы доживем до отпуска, яотлек, я буду тебе признателен.

– Твоя уверенность не знает пределов.

Двадцать Цикада устремил взгляд в потолок, который был почти полностью укрыт ковром ползучей зелени и встречающимися в ней здесь и там крохотными белыми цветочками.

– Ты видела их огневую мощь, и мы оба знаем нашу, – сказал он. – Эта война будет очень трудной и очень долгой, и хотя будущее совсем не та материя, в которую мне хотелось бы заглядывать, не думаю, что мы с тобой будем последней парой яотлек-адъютант на этой войне.

– Пока что мы живы, – сказала она. – Несмотря на яростные усилия очень многих людей.

– Вот именно, *людей*, – подчеркнул Двадцать Цикада. – Если бы речь шла о *людях*, что летают на этих кораблях-кольцах и плюются суперкислотной слюной, то я бы сейчас вел с тобой переговоры о размере надбавки к моему жалованью. Но они не люди. Может быть, уполномоченный сможет превратить их в людей, но она всего лишь агент министерства информации, к тому же очень молодая. Как и ее подружка со станции. Ты знаешь, кто она?

– Махит Дзмаре. Она была в новостной ленте, когда Один Молния пытался провернуть этот непроходимо глупый трюк в конце правления прошлого императора. Я знаю.

– Хорошо, – сказал Двадцать Цикада. – Потому что капитан

Флота Шестнадцать Мунрайз точно знает, кто такая Махит Дзмаре, и найдет способ использовать Махит Дзмаре или то, что та представляет, против тебя. Уверен, что поймаю ее с поличным. Мне такие вещи почти всегда удаются.

– Ты считаешь, – проговорила сквозь зубы Девять Гибискус, – что Шестнадцать Мунрайз агрессивна против моего командования?

Двадцать Цикада отрицательно покачал головой, моргнув, вызвал на облачной привязке голографическое изображение «Грузика для колеса» в виде плоской схематической карты. В очень большом количестве палуб был виден вплетенный в них серебристый узор электрума.

– Она шпионила за нами, – сказал он. – Я ее отследил. Не думаю, что капитан Двадцать четвертого легиона выступает против тебя, Девять Гибискус. Я думаю, это кто-то в министерстве, а Шестнадцать Мунрайз их очень эффективный агент. Например, она знает про инородцев не меньше нашего. Пожалуй, даже побольше любого, кроме уполномоченного и Дзмаре. Если бы Шестнадцать Мунрайз не пыталась узнать еще больше, она бы уже полдня назад вернулась на «Параболическую компрессию».

– Значит, она шпион?

– Шпион, чьи глаза должны смотреть наружу, но чьей-то чужой рукой были направлены внутрь, – сказал Двадцать Цикада, и это было афористически даже для него. Но Девять Гибискус поняла его намек. Шестнадцать Мунрайз провела первые пять лет своей флотской карьеры политическим офицером на том самом корабле, которым теперь командовала – на «Параболической компрессии». Политические офицеры размещались по приказу заместителя министра Третьей Ладони – службы внутренней безопасности министерства войны.

– Ты думаешь, она до сих пор в Третьей Ладони? Не просто отслужила там, будучи кадетом?

Двадцать Цикада улыбнулся, один угол его рта перекосило.

– Я думаю, что Третья из Шести Раскинутых Ладоней хотела бы перевести тебя на более контролируемую орбиту, чем нынешняя, а капитан Флота Шестнадцать Мунрайз крючок что надо.

– Пчелиный Рой, она *не мой* тип.

Он фыркнул.

– Ну да, ты любишь, когда побольше мяса и маскулинности, я в курсе. Она крючок другого типа. Тот, что отвлекает от нашего реального врага, заставляет ошибаться. А мы не можем себе позволить ошибиться в этой войне, никак не можем. Не можем,

если не хотим узнать, как поют похоронные песни на множестве других планет, кроме Пелоа-2.

– Считай, что предупредил меня, – сказала Девять Гибискус. – И убери ее поскорее с моего корабля, ладно?

– Я могу попытаться, – начал было Двадцать Цикада, но тут и его, и Девять Гибискус облачные привязки испустили резкий звон: приоритетное сообщение. Вести с Пелоа-2 наконец-то пришли.

* * *

Конечно, ему пришлось ждать. Император все время была занята, как и положено императорам, его предок жил точно так же. Восемь Антидот видел его только на каких-либо событиях либо поздно вечером. Однажды их встреча состоялась на рассвете, когда он вошел в спальню к Восемь Антидоту, взял его за руку и они пошли гулять в сад, как отец с сыном, а не как предок и его девяностопроцентный клон. Он тогда был очень маленьким. Предок-император сорвал цветок настурции, красный, и вплел его в волосы Восемь Антидота, а когда тот сказал, что ему нравится, предок добавил еще зеленый и оранжевый, и Восемь Антидот носил их у себя в волосах, пока они не пожухли и не пришлось помыться.

Это случилось давно даже для него, которому и стукнуло-то всего одиннадцать.

Лишь около полуночи Девятнадцать Тесло смогла принять его, и в этот час она хотела видеть его в ее собственных покоях. Она послала ему инфокарту с сообщением – белого цвета, такими никто, кроме нее, не пользовался. Инфокарта лежала в слоте для писем за дверью комнаты Восемь Антидота, словно он был взрослым человеком, который получал почту. Он вскрыл печать, и изнутри посыпались голографические глифы, простые и приглашающие: «Приходи, если еще не спишь». А ниже глиф ее подписи, тот же, что и на печати инфокарты. Заголовка нет.

Ну, они были чем-то вроде семьи, к тому же она запросто, не спрашивая разрешения, приходила в его спальню, а потому в подписи «Девятнадцать Тесло» под письмом не было ничего странного. То есть, конечно, *было*: это была одна из мелочей, которые вызывали у Восемь Антидота вопрос, когда человек полностью перестает быть ребенком и становится чем-то иным? Он положил вскрытую инфокарту в ящик своего стола, чтобы посмотреть ее потом еще раз, если возникнет желание. Если ему когда-нибудь потом захочется подумать, каким простым, ясным

и дружеским было это послание.

Император жила в тех же покоях, что и его предок, и император перед предком, и еще куча всяких других императоров, но это вовсе не означало, что покои выглядели так же, как шесть месяцев назад. Его предок-император любил, чтобы в покоях было множество маленьких красивых штучек, яркие цвета, голубой, цвет морской волны и красный, на полу передней гостиной лежал ворсистый плетеный ковер с рисунком в виде лотосов ручного вязания – подарок от семей Западной арки. У Девятнадцать Тесло вкусы были иные. Она любила книги – манускрипты, не только инфокарты. Книги, а еще камни, прозрачные срезы камней, на стенах повсюду были коробочки с ними. Ковер с вязаными лотосами висел на одной из стен, а не лежал на полу, так что теперь можно было видеть голые мраморные плиты с изображениями каких-то вымышленных городов. Этот пол существовал столь же долго, как и весь Дворец-Земля.

Император, Ее Великолепие Девятнадцать Тесло, Чье Милостивое Присутствие Озаряет Комнату Подобно Блеску Ножа, сидела в кресле и читала одну из своих книг. Она подняла глаза, когда вошел Восемь Антидот, и похлопала по подлокотнику такого же кресла, стоявшего наискосок к ее.

– Садись, – сказала она. – Извини, что заставила столько ждать, но сейчас единственное время, когда мы можем поговорить, не сильно опасаясь, что нас прервут какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства.

Восемь Антидот сел. Кресла были обиты костно-белым бархатом с ворсистой подложкой, имели орнамент в виде серо-золотистых дисков. Он всегда боялся пролить на них что-нибудь.

– Ничего страшного, Ваше Великолепие, – сказал он. – Я знаю, императоры не спят. Мне не помешает некоторый практический опыт, пока есть возможность его получить.

Она не улыбнулась. А ему хотелось, чтобы она улыбнулась в ответ. Но она только положила книгу на стеклянный столик между двумя креслами – эту книгу, написанную автором по имени Одиннадцать Станок, он видел впервые. Император смерила его ровным взглядом прищуренных глаз. Между ее бровями появилась крохотная линия, которой раньше там не было.

– Что ты хочешь мне рассказать? – спросила она. Он ожидал совсем другого вопроса. Этот означал, что ему придется выбирать самому.

Он мог начать с Одиннадцать Лавра в саду, рассказать императору, что министерства войны и информации – или их

части – сильно не любят друг друга. Но император, вероятно, уже знала об этом, к тому же этот рассказ повлечет за собой необходимость сообщить об угрозах в его адрес со стороны Одиннадцать Лавра и отношении к этому. Восемь Антидот не хотел начинать с такого – она бы решила, что он жалуется и просит ее урегулировать ситуацию, а он отнюдь не желал, чтобы Девятнадцать Тесло решала его проблемы.

Он открыл рот, и из этого вышло:

– Посол Махит Дзмаре находится на флагманском корабле яотлека Девять Гибискус.

Девятнадцать Тесло цокнула языком.

– Как же ты узнал об этом? – спросила она.

– Ее привезла туда специальный уполномоченный министерства информации, – сказал он. Нельзя сказать, чтобы это было ответом на вопрос. Как выяснилось, быть шпионом очень непросто, когда приходит время делиться секретами, которые ты вызнал и очень, очень хотел бы оставить при себе. Но как минимум факт, что Дзмаре привезла агент министерства информации, казался сведением, которым он должен поделиться.

– Конечно, привезла, – сказала Девятнадцать Тесло, и Восемь Антидот не сумел расшифровать выражение ее лица. Что бы на нем ни было написано, он твердо знал, что это не удивление. – А что еще ты знаешь про специального уполномоченного?

На заседании по выработке стратегии в министерстве войны специальный уполномоченный никому не понравилась, но он сомневался, чье неприятие было настоящим, а чье объяснялось внутриминистерским соперничеством. Соперничеством между людьми, оставшимися от времени руководства Девять Тяги вроде Одиннадцать Лавра, замминистра по Пятой Ладони, контролировавшей вооружения и исследования, и людьми, пришедшими с Три Азимут или одновременно с ней, которые все еще знакомились со своими обязанностями и решали, под кем им лучше устроиться. А потому он ничего и не знал об уполномоченном, по-настоящему ничего. Кроме…

– Капитан Флота Шестнадцать Мунрайз не доверяет ей, – сказал он. – Может быть, это происходит из-за Махит Дзмаре, а может, просто сама не доверяет.

– Шестнадцать Мунрайз из Двадцать четвертого. Ты знал, мой маленький шпион, что она тоже была ученицей у Одиннадцать Лавра?

Восемь Антидот отрицательно покачал головой. Конечно, у Одиннадцать Лавра были ученики и до него, и нет никаких оснований завидовать какому-нибудь взрослому капитану Флота на краю Вселенной. Но Восемь Антидот завидовал, его буквально

корчило от зависти и было немного стыдно. Может быть, император сейчас считает его всего лишь учеником Одиннадцать Лавра? Хочет ли он, чтобы она так о нем думала? Даже при том, что Одиннадцать Лавр угрожал ему, вызвал сомнения в том, что Солнечные будут его защищать, заставил задуматься, доверяет ли Девятнадцать Тесло собственному министру войны?

– Училась у него и была хорошей ученицей, – продолжила Девятнадцать Тесло. – Третья Ладонь, кажется, расстроилась, когда она ушла в командный состав. Скажи, как ты обнаружил неприязнь, о которой говорил, а потом я, пожалуй, отправлю тебя в постель. Приближается заход луны. Ты отправлял послания Флоту и получал что-нибудь от них?

– Я не настолько предприимчив, – сказал Восемь Антидот, и ему понравилось, как при этих его словах в уголках глаза Девятнадцать Тесло образовались морщинки – она словно рассмеялась безмолвно и поощрительно.

– У тебя еще все впереди. Давай дальше.

Он попытался напомнить себе, что император сама отправила его в министерство войны и заранее знала, чем он там будет занят, что он не выдает ничьих тайн, кроме разве что тайн Шестнадцать Мунрайз – и, уж конечно, не выдает своих собственных. Но начать все равно было непросто. В том числе и потому, что Девятнадцать Тесло постучала раз пальцами по подлокотнику кресла – маленькое проявление нетерпения, которое вызвало у него желание извиниться за все, а потом злиться на нее за то, что она могла вызывать в нем такое побуждение. Несправедливо, что у него до сих пор детские эмоции, детская эндокринная система и симпатическая нервная система. О том, что дети реагируют на людей, облеченных властью, на весьма предсказуемый манер, он узнал от своих наставников. Вопиющая несправедливость.

Наконец, он сказал:

– Она отправила приоритетное сообщение от Флота напрямую министру Три Азимут. Быстрая доставка с обходом протокола гиперврат, касающегося почтовых сообщений, – думаю, его доставили курьером Флота. Полагаю, министр дал его прослушать всем Ладоням, их персоналу и мне. В этом сообщении капитан Флота указывает, что… то, что случилось два месяца назад…

Он запнулся. Они об этом еще не говорили. Восемь Антидот не хотел, душа не лежала, проще было назвать это «то, что случилось» и забыть, а не говорить «когда мой предок сделал вас императором и умер в ходе прямой трансляции ради Тейкскалаана».

– Та самая Махит Дзмаре была вовлечена в это, – продолжил он, – а теперь она находится на передовой, что, вероятно, совсем нехорошо. А еще министерство информации вовлечено в происходящее.

– Ах, маленький шпион, – сказала Девятнадцать Тесло, – вижу, у тебя очень хорошо получается делать то, о чем я просила.

Он не был уверен, что это комплимент.

– Вы думаете, капитан Флота права? – спросил он. – С послом я виделся всего один раз, так что ничего сказать не могу.

Девятнадцать Тесло помедлила. Восемь Антидот отметил, что впервые видит ее медлящей *по-настоящему*, а не предумышленно для усиления впечатления.

– Буду с тобой абсолютно честной, – ответила она наконец. – Я еще не решила. Не уверена, что мои соображения на этот счет имеют такой же вес, как соображения Три Азимут. Если тебе предоставится шанс, попытайся выяснить.

Нет, он *должен* ей сказать. Прямо сейчас. Или *спросить ее*, если не хочет передавать ей сказанное Одиннадцать Лавром в саду. По крайней мере, ему следует спросить. Не хочешь выдавать свои секреты – задавай вопросы. Полезное знание.

– Ваше Великолепие, – очень осторожно начал он, пытаясь придать вопросу правильную форму, – вы не думаете, что министр Три Азимут может не соглашаться с вами?

Император смотрела на него достаточно долго, чтобы успеть неторопливо моргнуть один раз. Он сделал глотательное движение. Во рту пересохло. Она спросила:

– По поводу Махит Дзмаре или в целом?

Она вела себя так, будто его вопрос имеет значение. Он попытался не чувствовать себя ни нервным, ни неблагодарным, но все равно ощутил и то и другое. Восемь Антидот сделал глубокий вдох и принял решение рассказать ей об инсинуациях Одиннадцать Лавра. Не о том, что тот угрожал ему. О том, что Одиннадцать Лавр угрожал министру Три Азимут, которая наверняка может за себя постоять.

– В целом, – ответил он. – На заседании, когда мы прослушали запись, Одиннадцать Лавр продолжил говорить о прежнем министре войны, Девять Тяге. О том, как она ушла в отставку, и о том, что вы и новому министру можете не доверять.

– Будто ему так уж это известно, – сказала Девятнадцать Тесло.

Чувство вины неприятным комком поселилось в желудке Восемь Антидота. Одиннадцать Лавр был его учителем, а он делал то, что делал. Тем не менее он кивнул. Он не мог лгать.

По крайней мере, после того как сказал правду.

– В техническом саду министерства войны растут самые разные цветы, маленький шпион, – сказала ему император. – В первую очередь ядовитые. Вот что представляет собой оружие, Восемь Антидот. Ядовитый цветок. Опасен он или нет, зависит от того, кто держит его в руке.

– Не понимаю, – сказал Восемь Антидот, и в голосе его слышалось не только чувство вины, но и смущение из-за того, что он не в состоянии уловить аллюзию. – Не понимаю, потому что не знаю, кто скрывается за ядовитым цветком.

Девятнадцать Тесло рассмеялась, отчего он почувствовал себя еще хуже.

– Все они, – сказала она. – Но иногда саду, чтобы оставаться здоровым, требуются сторонние прививки. Спроси об этом у своего наставника по биологии, если найдешь время в перерыве от выведывания, что думает Три Азимут о Махит Дзмаре.

Такой сторонней прививкой не мог быть никто иной, кроме Три Азимут. Может быть, это означало, что Девятнадцать Тесло все же доверяет ей. Или считает, что та будет *на своем месте* во время войны, а это совсем не одно и то же.

Он кивнул.

– Я попытаюсь, – сказал Восемь Антидот. Он понял, что стал шпионом императора, прежде чем успел стать кем-то еще, кроме наследника императора. Остальное он мог додумать потом. Он вовсе не был глуп. Он читал разные стихи. Он найдет стих про ядовитые цветы и разберется в этом.

* * *

Когда голос смолк полностью – пораженный жарой скрежет, выжатый из попыток петь и удушающего воздуха без капли влаги, – она, Три Саргасс и инородец, которого они называли Второй, в отличие от его более высокого и спокойного товарища, которого они нарекли Первый, имели общий словарь из приблизительно двадцати слов. Большинство из них были существительными или чем-то, похожим на существительные. С существительными было легко. Можно было показать на предмет и назвать его, потом инородец называл его на своем языке. Так у них получился «энергетический пистолет» (или «оружие»), «ботинок», «вода», «песок» и то ли «цветок», то ли «рисунок», то ли «тень» в зависимости от того, понимал ли Второй и в какой степени, что такое репрезентативные предметы.

Еще они узнали несколько глаголов, но все они были лишены

точного смысла. Был глагол «пить», или Махит только надеялась, что речь идет о глаголе со значением «пить», потому что он мог значить также и «поглощать», «усваивать» или даже «выполнять какое-либо действие по команде». Второй использовал высокий и ворчливый звук, произнося это слово, когда хотел, чтобы она или Три Саргасс повторили то, что он говорит. Может быть «пить» означало как воду, так и концепции. «Принимать внутрь». Другие их глаголы тоже были весьма туманными: что-то вроде «летать», «приземлиться» или «пилотировать космический корабль». И что-то еще, вероятно, имевшее значение «остановиться». Впрочем, этот звук необязательно был глаголом. Может быть, он просто передавал отрицание – «нет», «ничто», «не это». Или угрозу: «не продолжай, или тебе будет плохо». Второй дважды угрожающе поднимал на них когти. Один раз, когда Три Саргасс подошла довольно близко к нему и протянула открытую ладонь – Махит подумала о яде, о контактном яде, обо всех способах, какими тейкскалаанцы могут проникнуть под кожу, – но в ответ увидела оскаленные зубы, услышала этот звук и почувствовала когти на своем горле, отчего отскочила назад, бледная, как стекло. Второй раз, когда один из солдат эскорта вышел из тени гобелена с водой для них, оба – Первый и Второй – произвели звук «нет» и сопроводили его резким криком, отчего солдат поперхнулся, уронил емкость с драгоценной водой, и она пролилась в песок.

Махит, глядя, как исчезает в кремниевой пыли планеты Пелоа-2 темное пятно влаги, хотела было передать смысл слова «расточительность», но у нее и близко ничего не получилось. Инородцы тоже смотрели, как исчезает вода, но не реагировали на это каким-нибудь понятным для нее образом, за который можно было бы зацепиться эмоционально или лингвистически. Может быть, вся их планета представляла собой пустыню? Привычны ли они были к бесполезным тратам? Была ли у них вообще концепция «утраты»?

Другая проблема состояла в том, что, насколько о том могли судить она или Три Саргасс, они изучали не язык. Они изучали пиджин. Ни одно из тех слов, которые они сумели выявить в разных контекстах, не существовало в виде каких-либо словоформ, изменений по высоте произнесения или по силе звучания. Ни один из глаголов не был связан с предметами, не имел времени и не ссылался на будущее, прошлое или прошедшее, не обозначал завершенное или незавершенное действие. Все они представляли собой некие сущности, никак не связанные со всем, что их окружало. Еще больше удручало то, что, как они ни старались, им так и не удалось установить, существует ли у инородцев концепция имен или вообще

представление о собственном «я». Ни местоимений, ни именных знаков, ничего. Никакого «я».

Махит с усталой иронией подумала: «А насколько широка тейкскалаанская концепция «вы»?» Вопрос, который она тысячу раз задавала в Городе, но задавать его здесь не имело никакого смысла. Если у этих инородцев и была какая-то концепция «вы», то совершенно расплывчатая.

Но хуже всего было то, как Первый и Второй коммуницировали между собой: они явно коммуницировали, но при этом не использовали никаких звуков – ни слышимых вибраций, ни этих пиджин-слогов. Они коммуницировали беззвучно и в абсолютном понимании. Эти инородцы общались между собой совсем не на том языке, которому обучали теперь Три Саргасс и Махит Дзмаре.

И каким бы ни был их язык, Махит дальше не в силах была его выносить. Она не могла производить звуков по-тейкскалаански, уже не говоря о том, чтобы петь; она чувствовала, что, если попытается еще раз, потеряет сознание. Даже если ей дадут напиться.

<Держись>, – пробормотал Искандр. Категорическая инструкция, словно камень во рту, который она должна сосать, хотя в нем и нет влаги. Это дало ей достаточное присутствие духа, чтобы отвернуться от Второго – не поворачиваться к нему спиной, нет, ни в коем случае, эта мысль была атавистически кошмарной, – просто отвернуться, прикоснуться к плечу Три Саргасс и проскрежетать:

– Нам нужно возвращаться. Тут слишком жарко. Я не могу думать, а раз не могу, то, значит, и не успею сообразить, как удержать их от мысли о том, что мы существа *потрошимые* – я знаю, слово неподходящее…

Три Саргасс кивнула. Она одновременно раскраснелась и посерела и почему-то не потела в той мере, в какой была бы должна. Махит пыталась вспомнить симптомы начальной стадии теплового изнеможения, но сообразила, что неспособность их вспомнить является симптомом сама по себе.

– У них тоже видок не ахти, – едва слышно проговорила Три Саргасс. Ее голос становился то громче, то тише, как на плохо настроенном радиоканале, и звучал так же хрипло, как голос Махит. – Эта планета не подходит ни для чего… кроме песка.

– Мы не закончили, – сказала Махит. – Мы пока так ничего и не узнали.

– Встреча не переговоры, если она единична, – сказала Три Саргасс, явно цитируя какой-то тейкскалаанский текст, незнакомый Махит. Идеальная цепочка из шестнадцати слогов

с цезурой посредине. Может быть, из какого-нибудь руководства министерства информации. Какой-нибудь поэтизированный политический текст.

– Да, – отозвалась она, – но мы должны убедить в этом их.

Три Саргасс мрачно выпрямила плечи, соглашаясь с ней, снова повернулась ко Второму, у которого был изможденный вид. Предположительно. Сказать наверняка она не могла. На серо-белой пятнистой коже Второго не было видно ни притока крови, ни пота, ничто не позволяло сделать какие-либо заключения. Но Махит показалось, что его голова опустилась ниже на длиннющей кривой шее, и она не сомневалась, что его круглые, чуть подернутые пушком уши прижались к черепу, отражая внутреннее страдание.

Годы ораторствования дали Три Саргасс некоторое естественное преимущество над Махит в умении сохранять громкость и высоту голоса, даже когда он приходил в полную негодность. Она пропела *летать / пилот-корабль / земля* и показала на себя, Махит, на свое сопровождение, совершила некий коллективный жест, словно собрала их всех в свою сложенную чашечкой ладонь, потом показала вверх. Пропела *нет / стоп* – Махит надеялась, что это *нет / стоп*, а не *пошло все к черту*. Потому что в таком случае ее могли понять, как *мы никуда не уйдем отсюда и вы тоже*.

Второй очень-очень долгое и неподвижное мгновение рассматривал ее. Махит вспомнила, что некоторые животные заботливо осматривают жертву, прежде чем прыгнуть на нее, например, ящерицы, обитавшие в Городе, травоядные и огромные, косили глазами точно как Второй смотрел сейчас на Три Саргасс, а потом атаковали. Махит своими глазами никогда этого не видела, только на голографических записях; этих ящериц не было на землях при Дворце, а времени на исследования у нее не хватало, у нее почти ни на что не хватало времени. Сама идея о влажном воздухе в Жемчужине Мира казалась теперь невероятной, как и идея о месте, где ящерицы могут вырасти до таких размеров, питаясь только растениями.

<У тебя мысли растекаются, Махит, – сказал Искандр. – В обморок не упади. Я, скорее всего, не смогу это предотвратить и абсолютно уверен, это будет непоправимой оплошностью с твоей стороны>.

Она прикусила язык, намеренно и больно. Это помогло. Второй в конечном счете не атаковал и не сожрал Три Саргасс. Он пятился. Как и Первый. Они двигались в своем жутком и идеальном безмолвном согласии.

– Быстро, – прохрипела Три Саргасс. – Голопроектор – запись,

на которой мы улетаем, а потом возвращаемся.

Махит вернула себе контроль над телом. Казалось, что ее руки где-то очень далеко от нее. Лучше бы сейчас была невропатия. Невропатия все же лучше, чем диссоциативное расстройство…

<Нет, не лучше. Ставь уже эту долбаную голограмму>.

Она включила запись. Два малых силуэта инородцев и два малых человеческих силуэта улетают с условной Пелоа-2 на свои корабли. Затем пауза, в течение которой планета совершает четверть оборота вокруг своей оси – Пелоа вращалась медленно, когда они вернутся, день еще не закончится, иссушающее солнце все еще будет здесь, – и изображение тех же возвращающихся инородцев и тех же людей.

Пока шла голограмма, Махит наложила на нее визгливый крик *победа-ура! Сделай так, и все мы будем в выигрыше*. От этих звуков тошнота подступила к горлу. Воздействие противорвотного исчерпывалось, или ей стало плохо. Или и то и другое.

<И то и другое. Но посмотри!>

Инородец, которого они называли Вторым, открыл челюсть и воспроизвел тот же звук. Весь мир превратился в резонансную камеру. Махит еле сдерживала рвоту. Но только до ухода инородцев…

Они, шагая прочь, не оглянулись на них с Три Саргасс. Они возвращались к себе, и казалось, направление движения их устраивало в той же мере, в какой устраивало движение к месту встречи, когда они появились. Махит подумала об их бедренных суставах – могли ли они двигаться в стороны, могли ли они скользить? Она представила тревожную быстроту такого рода передвижения – и при этой мысли закружилась голова, при мысли о том, как их корабли в мгновение ока то появляются, то исчезают в космической тьме: вот они там сейчас, а вот их нет, вот они скрыты, а вот появились.

Наконец они исчезли за гребнем дюны. Вернутся они или нет, добились ли они с Три Саргасс чего-нибудь, кроме овладения несколькими словами этого пиджин-языка без глагольных времен – все это оставалось неясным.

Первой вырвало Три Саргасс – Махит даже не успела выключить голограмму и звукозапись. Ее вырвало, и она свалилась на колени, дыша тяжело и сухо. Махит отпустила контроль над собой и, повинуясь одним инстинктам, вдруг обнаружила себя сидящей на корточках рядом с Три Саргасс, в защитной позе, на песке, в обжигающей тишине. Все споры и непоправимые разногласия между ними вдруг стали

совершенно несущественными. Рука Махит легла на спину Три Саргасс, замерла и оставалась там, пока не прекратились конвульсивные движения.

– А могло ведь быть гораздо хуже, – сказала Три Саргасс, когда смогла говорить. Потом она выпрямилась, вытерла рот тыльной стороной ладони и не сделала ни малейшей попытки стряхнуть руку Махит со своей спины. – Смотри-ка, Махит, никто не умер, даже чуточку.

Глава 12

Министр Три Азимут, я воспользовался представившейся мне возможностью детально ознакомиться с тем, как вы добились усмирения системы Накхар, и я начинаю во всех подробностях понимать, почему люди, склонные к ничтожному стихоплетству, называют вас, как это ни печально, «мясником накхарезского разума». Ваши достижения впечатляют как своей эффективностью, так и точностью их жестокости. Я сохранил записи для консультации в будущем, если понадобится.

Личное послание от заместителя министра Одиннадцать Лавр министру войны Три Азимут, 35.1.1-19A

Когда ты путешествовала с ним, моя дорогая, когда была юна и делала все те великие свершения на земле рядом с ним, как ты дышала от нахождения подле него? Как ты держала себя в руках? Если у тебя найдется несколько слов для очарованного варвара, знаешь, я буду тебе признателен. Выпивка за мной.

Записка посла Лсела Искандра Агавна эзуазуакату Девятнадцать Тесло, написанная от руки, сохранена в частном архиве Ее Великолепия императора Девятнадцать Тесло, без

даты

Ее Великолепие император Девятнадцать Тесло сказала: «Если будет возможность, попытайся узнать, что Три Азимут думает о после Махит Дзмаре». Не что о ней думает капитан Флота Шестнадцать Мунрайз, не что о ней думает сама император, не что думал его умерший предок-император о ней или прежнем после Лсела. Этого человека Восемь Антидот помнил, главным образом, потому, что тот был настолько частым гостем во дворце, что его ежедневное присутствие стало обычным делом. Но Ее Великолепие император сказала выяснить, что именно министр войны думает о лселском после *сейчас*.

А потом она предоставила ему решать, стоят ли мысли министра войны того, чтобы с ними не согласилась император. Ядовитый цветок в чьей-то чужой руке.

Эта задача гораздо крупнее и труднее – не по его способностям. Может быть, он не так ее понял. Что случится, если он понял неправильно? Он не знал, а незнание пугало само по себе.

Но это была не первая проблема. Первая, самая крупная проблема состояла в том, что он вообще не знал, как сблизиться с министром войны. Он точно не мог узнать, что она думает, читая официальные документы о тейкскалаанско-лселских отношениях, о юридическом статусе тейкскалаанского военного корабля, проходящего через пространство станции. Именно на этом он и споткнулся в первую очередь. Кроме того, попытка прочесть и понять юридические документы, толкующие различия между «грузовой поставкой», «персональной поставкой» и «полным боевым вооружением» применительно к разным кораблям с разными грузами в изрядном количестве более или менее гипотетических ситуаций не принесла ему никакой пользы. Только вызвала головную боль и убеждение, что, когда он станет императором, назначит министром юстиции человека, которому нравится читать такого рода тексты и который будет их читать для него.

Восемь Антидот был абсолютно уверен, что отношения между Тейкскалааном и станцией Лсел были тем, что наставники определяли словами «нормализованные, но напряженные». Тейкскалаанские корабли могли транзитом двигаться по пространству станции, к тому же империя в *большом* количестве покупала металлы, обогащенные на мощностях Лсела. Тем не менее станциосельники, желающие переехать в Тейкскалаан, нуждались в большем количестве иммиграционных бумаг, чем Восемь Антидот прежде мог себе представить, а тейкскалаанцы

вообще не могли получить разрешения жить на станции. Никогда.

Он посмотрел на звездную карту. Почти все корабли, направляющиеся на фронт, пересекали пространство станции после гиперврат, которые были общими с Тейкскаланом, до гиперврат, которые принадлежали только им. По другую сторону этих гиперврат начиналась война.

Ничто из этого не в состоянии ему помочь, если только он не сумеет добиться встречи с Три Азимут. Наедине, и чтобы она доверила ему свое истинное мнение.

Ах, как ему хотелось быть старше. Будь он старше, он мог бы, например, поступить во Флот. Или еще что-нибудь. Стать кадетом-помощником министра. Но, наверно, было немало других кадетов во Флоте, более пригодных для этой роли, чем он, и более *безопасных* с политической точки зрения. Нет, ничего не получилось бы, даже будь ему уже четырнадцать, а не месяц до двенадцати. К тому же это было бы слишком прозрачно: с какой стати Восемь Антидоту вдруг становиться помощником Три Азимут? Только если ему от нее что-то нужно…

Нет, должен быть какой-то другой способ. Неофициальный. Способ оказаться в нужном месте – там, где все камеры слежения, алгоритмы Города и Солнечных придут к выводу, что именно так и должно быть, раз он оказался под их оком. Это место должно быть там, где бывает и Три Азимут. Значит, нужно выяснить, в каких местах проводит свое время министр войны, но только так, чтобы ей не стало известно, что он хочет разузнать об этом.

Быть шпионом оказалось непросто. Восемь Антидот вздохнул, встал из-за своего стола с множеством, множеством слайдов с инфофильмами, на которых напечатаны законодательные акты. Он сильно устал от неподвижного сидения. День за его окнами уже клонился к вечеру, а он так ничего и не успел – только сделал домашнее задание и пытался разузнать побольше о станции Лсел. Теперь он чувствовал, что если прочтет еще хоть один документ, то его может вырвать. Будь он обычным ребенком, а не тем, кто он есть, он бы, наверное, пошел на улицу поиграть или что-то в таком роде. На самом деле он толком не знал, во что можно играть на улице, если это не амалицли, а для амалицли нужна целая команда.

Так что Восемь Антидот, вместо того чтобы отправиться на поиски воображаемой команды амалицли, вытянул руки над головой, насколько хватало их длины, и, наклонившись вперед в пояснице, уперся ладонями в землю, а ноги выпрямил, отведя их в прыжке назад. Он целую минуту выдерживал тело в упоре лежа, пока руки не начали гореть. Физическая зарядка зачитывалась как домашняя работа и к тому же доставляла ему

удовольствие.

Созревание и сопровождающее его развитие мускулов, на его взгляд, слишком медлили. Он уже собрался было отжаться одной рукой, что ему пока ни разу не удалось сделать, как вдруг в голову пришла мысль. У него будто щелкнуло что-то в голове, информация встала на свое место, словно он решил один из стратегических пазлов Одиннадцать Лавра.

Человек, имеющий такую идеальную физическую форму, как Три Азимут, должен заниматься спортом, если хочет оставаться таким, какой есть. В особенности если этот человек занимает должность министра войны.

У министерства войны имелся гимнастический зал, в котором оборудования было гораздо больше, чем во Дворце-Земля. Среди прочего там был и тир. А Восемь Антидот давно уже собирался потренироваться в прицеливании, как ему советовал Одиннадцать Лавр, но пока он столько думал о стратегии, было не до тира.

Он не сомневался, что встретиться там с министром будет очень легко. Восемь Антидот был так доволен собой, что ничуть не расстроился, когда его попытка отжаться одной рукой грандиозно провалилась и он рухнул лицом в пол.

* * *

Офицеры тейкскалаанского Флота и уж, конечно, яотлеки никогда прежде не выслушивали отчетов Три Саргасс. Это было абсолютно новым и гораздо менее пугающим, чем заслушивание ее эзузуакатом, которой оставалось всего несколько часов до провозглашения императором. Почти все остальные в сравнении с Девятнадцать Тесло имели довольно бледный вид, даже яотлек. Хотя Девять Гибискус выглядела так, что и кастинговый центр не смог бы выбрать на роль яотлека в голографической драме никого более подходящего.

Но инородцы навевали на нее настоящий ужас. Если считать их людьми, то в смысле устрашения они превосходили Девятнадцать Тесло.

Она еще долго не забудет эти когти. Когти, зубы и то, как близко к ее коже они находились. Все остальное касательно Пелоа-2 погружалось в дымку теплового изнеможения и умственной усталости. Но как бы то ни было, они все же говорили с инородцами, она и Махит. Им удалось. Даже при том, что они ничего не сделали для приостановки или замедления войны, они сделали то, что сделали, и Три Саргасс собиралась упиваться этим столько, сколько получится. Она чувствовала себя

великолепно… и была близка к истерике. А еще испытывала абсолютно радостное ощущение, стоя перед Девять Гибискус вместе с Махит и объясняя, что именно им удалось сделать и как.

Несколько больших стаканов воды пошли ей на пользу, и она не забыла пить их маленькими глотками, иначе существовала опасность выблевать всю эту воду на пол. Пришлось напомнить об этом Махит – станция не готовила своих дипломатов к жизни в пустыне. Ничего удивительного в этом не было. Удивительным было то, что рука Махит лежала на ее спине среди солнца и песка, одно только это утешительное ощущение прикосновения и признания, открывающаяся возможность: может быть, все, что было между ними, еще не провалилось к чертям безвозвратно!.. Может быть. Но и это «может быть» воспринималось ею как нечто пьянящее, совершенно удивительное. Как и все остальное в этот момент.

Их сняли с шаттла в невероятной, почти загадочной спешке. В громадном ангаре перед ней мелькнуло лицо Двадцать Цикады, и она подумала, что он как минимум будет присутствовать на докладе, чтобы забрать свой гобелен – она очень аккуратно сложила его, а перед этим вытрясла из него песок. Но нет, присутствовали только яотлек и офицер по связи Два Пена. Ни адъютанта, ни недовольного и пренебрежительного сверхштатного капитана Флота Шестнадцать Мунрайз. Когда Три Саргасс немного приглушит обезвоживание и восторги, она рассмотрит политическую ситуацию на «Грузике для колеса» со всем вниманием, которое необходимо. Ни обезвоживание, ни восторженное состояние не способствовали улучшению аналитических способностей. Министерство информации предлагало своим кадетам целый список измененных состояний, которые отрицательно влияют на способность правильно оценивать ситуацию, и Три Саргасс старалась не забывать, чему ее научили.

После выпитой воды она обрела способность говорить и даже пропеть одну абсурдно высокую гласную, которой их научили инородцы для демонстрации яотлеку. Впрочем, Махит настолько *лучше* воспроизводила эти шумы, что Три Саргасс начала составлять план, согласно которому Махит должна будет научить ее более-менее прилично контролировать дыхание и высоту голоса, поделиться с ней умением, которому ее научили еще ребенком, при декламации производить выдох от диафрагмы. Но никакое количество воды не помогало ей и Махит решить очень простую, структурную проблему, вплетенную в их великолепный успех: они знали двадцать слов, но ни одно из этих слов не приблизило их к возможности сказать: «Пожалуйста, передайте

нам военных преступников, которые убили наших колонистов, и перестаньте планировать атаки на какие-либо из наших систем, находящихся еще ближе к сердцу империи. А мы за это приложим все силы, чтобы не направлять наше сверхмощное энергетическое оружие на ваши космические корабли».

Чтобы добраться до таких высот, потребуются еще новые и новые встречи. Если только добраться до этого уровня вообще возможно. Познания в лингвистике Махит были гораздо более обширными, чем у Три Саргасс. Она знала, что они говорили – скорее даже пели – на некоей болванке языка, даже не столько на болванке, сколько на вибрациях генератора звуков.

– …никаких местоимений? – спросила Два Пена, офицер связи, которая тоже явно была лингвистом в большей мере, чем Три Саргасс. Последние пять минут они с Махит разговаривали о грамматике. Три Саргасс не только наслаждалась той легкостью, с которой Махит умела объяснять, не только ее безукоризненным владением техническим тейкскалаанским языком, она еще и получала удовольствие от возможности обменяться с самим яотлеком взглядами, которые говорили «ох уж эти ученые, представляете?»

Нужно продолжать нравиться Девять Гибискус – или хотя бы просто ей понравиться. У Три Саргасс не было времени, чтобы оценить, как яотлек выражает *радость* – по шкале от взаимодействия с министерством информации до присутствия Шестнадцать Мунрайз.

А еще важно понять, захочет ли яотлек, чтобы они продолжали переговоры с инородцами, или примет решение вовремя их прекратить.

Звезды небесные, как же Три Саргасс были нужны союзники здесь, в самом сердце Флота, любые, каких удастся заполучить! Ей нравилось быть в непривычной, новой среде – а какому агенту, подготовленному министерством информации, не понравилось бы, – но она четко осознавала, что не знакома со здешними правилами, форматом взаимоотношений между кораблями, их командирами и солдатами. Ни один гражданский не был знаком с этим. Но все же это было проще, чем иметь дело с инородцами.

– Более серьезная трудность состоит в том, что в языке, который мы пытаемся освоить, отсутствует понятие времени, – сказала Махит. – Нет времен и причинно-следственных связей. Не уверена, что этот язык позволяет задавать вопросы. Я уж не говорю о том, чтобы предлагать выбор из нескольких вариантов или предупреждать о последствиях. Они говорили с нами так, как говорят с младенцами.

– Может быть, они и считают нас младенцами, – сказала

Девять Гибискус. – Или *вас* обеих. Возможно, они отправили своих младенцев на переговоры с опасными чужаками.

– Почему? Юных представителей вида не так жалко? – спросила Три Саргасс. Идея показалась ей очень интересной, только она не вязалась с тем, как выглядели Первый и Второй. – Если так, то их взрослые должны быть очень крупными. Та парочка, что пришла к нам в пустыне, была такой же, как тот, которого вы вскрывали, яотлек. А то и покрупнее.

– Значит, все их солдаты новорожденные, – задумчиво начала Два Пена.

– Или они говорят на другом языке, который мы не можем слышать, – закончила за нее Махит. – На непостижимом языке.

Три Саргасс не предполагала, что Махит может знать эту цитату из книги «Асимптота / Фрагментация» Одиннадцать Станка. Насколько ей было известно, Махит еще и не читала любимого поэта-дипломата Три Саргасс, прожившего шесть лет среди эбректи и вернувшегося все еще *человеком*. Его язык стал свободнее и сделался необычным, его поэзия наполнилась образами, которые остались за пределами понимания Три Саргасс. «Движение стрижа непостижимый язык», – написал он в попытке передать непостоянные многообразные механизмы перемещения и бега эбректи, этих хищных племен, физический аспект их социального поведения. Так странно было услышать от Махит те же слова, тогда как та даже не догадывалась об их глубинном смысле. Три Саргасс была почти уверена, что не догадывалась. Эхо тейкскалаанской истории, несущее то, что не может быть понято, слишком чуждое, чтобы оставаться в этом слишком долго. Одиннадцать Станок вернулся домой после длительной ссылки и по возвращении писал на языке, который стоит, чтобы его помнили.

– Если их язык непостижим, – сказала Девять Гибискус, невозмутимая в приказах и инструкциях, – тогда обойдите его.

Махит открыла рот, вероятно, чтобы объяснить все причины, по которым этот приказ будет практически невыполним, и она была бы права, но говорить это было нельзя. Три Саргасс знала, что этот приказ равносилен разрешению «продолжайте попытки разговорить инородцев», а потому тоже открыла рот и сказала:

– Конечно, яотлек. Мы вернемся на Пелоа-2 через девять часов на следующую встречу.

С этими словами она поклонилась так низко над кончиками пальцев, что ее заплетенные в косу волосы коснулись пола.

– Делайте, что начали, – сказала яотлек и уже мягче продолжила: – Выспитесь сначала, если сможете. Если вы обе упадете от солнечного удара, то Двадцать Цикада напишет самый

разгневанный доклад, на какой он способен, а я по долгу чести буду должна прочесть его целиком.

Она махнула рукой. Руки яотлека были мясистыми, с широкими ладонями. Три Саргасс едва сдержалась, чтобы не улыбнуться на лселский манер, испугав тем самым офицера-связиста. Им предстояла еще одна дипломатическая встреча, а перед этим немного прийти в себя. Время, когда они обе могут продумать последствия того, что пытаются сделать.

Отвечает ли это последствиям, которых ждут от Махит на станции?

Но если Три Саргасс поднимает этот вопрос, они наверняка опять поссорятся. Или возобновят прежнюю ссору. Нет, лучше думать о том, как Махит Дзмаре цитирует Одиннадцать Станка, словно его слова принадлежат ее умному рту.

Три Саргасс в общем-то понимала, что позволяет себе закрыть глаза на информацию об обязательствах и планах ее партнера, может быть, на жизненно важные сведения, ради своего эмоционального покоя. Она очень остро чувствовала это. Но, возможно, остро чувствовать уже достаточно само по себе: если она чувствует, что пропускает важную информацию, анализ ситуации может заполнить этот пробел. Прежде это всегда удавалось. Нужно только вообразить влияние станции Лсел на Махит неким негативным пространством, все еще обладающим гравитацией.

Ее метафоры с каждым часом, проведенным на корабле, становились все более межпланетными. Для ее поэзии это может быть хорошим знаком или совсем наоборот. Клише не помогут, даже если эти клише по существу вполне уместны.

* * *

Отпустив уполномоченного и ее политически *сложную* компаньонку, Девять Гибискус смогла обдумать, что же они ей принесли. Недопереговоры и кучу вопросов без ответов, ничего достаточно основательного, на что можно было бы опереться. Яотлек осмотрела мостик «Грузика для колеса», окинула взглядом стоящий за ним Флот. Ей не нравилось сложившееся положение.

Шесть легионов. Шесть на одного яотлека, слишком мало, чтобы начинать войну, не имея конкретной цели, кроме нанесения ущерба противнику и защиты гиперврат. Никаких опорных пунктов врага, которые можно было бы сокрушить. Два из этих легионов – Семнадцатый под Сорок Оксидом и Двадцать

четвертый под Шестнадцать Мунрайз – уже понесли потери вследствие партизанских действий, потеряли корабли, стоявшие по краям строя и попавшие под удар трехколечных вражеских кораблей. Три из этих легионов – два уже упомянутых и Шестой под командованием Два Канал – оспаривают ее приказы, подстегиваемые политическими соображениями родом из министерства войны. Эти соображения Девять Гибискус из своей позиции не могла четко разобрать. А еще есть агент министерства информации, эффективный, но, возможно, не вполне надежный, и посол-лингвист, определенно варварских кровей и с варварскими соображениями, пусть в настоящий момент они и совпадают с соображениями Флота.

Логистические линии протянулись через слишком большое число гиперврат.

Целая похороненная планета.

Враг, который то ли открыт для переговоров, то ли нет. Который то ли понимает, то ли нет саму концепцию переговоров.

Ах да, и почетный гость, капитан Флота – все та же Шестнадцать Мунрайз с ее избыточным числом павших в бою солдат и подрывом власти Девять Гибискус, и за ней весь Двадцать четвертый легион, и они преследуют флагманский корабль, как ИИ систему связи.

Ей определенно не нравилось такое положение дел. Хорошо хоть люди здесь, на мостике, все еще подчинялись ей и выполняли свои обязанности точно так, как должны были.

Подошел Восемнадцать Резец, навигационный офицер, и встал рядом с ней. Он был почти такой же крупный, как она, человек-цилиндр, с виду казавшийся мягким, но ничего подобного. Солдат из тех, что являет собой саму выносливость, но волею судеб стал самым компетентным специалистом по небесной механике, каких она знала. При этом первые пятнадцать лет своей службы он был пехотинцем и участвовал в наземных операциях. Как-то раз за выпивкой в офицерской столовой он рассказал ей о своих прекрасных навигационных навыках и о том, что сперва хотел почувствовать тяготы солдатской службы, а потом уже посвящать все свое время разглядыванию звезд. Она посмотрела на него и чуть повернула голову, что означало: давай, докладывай.

– Яотлек, – пробормотал он тихим голосом. Значит, доклад предназначался не для всех ушей. Он хотел сообщить что-то лично, чтобы у нее была возможность решить, как реагировать. Она кивнула: продолжай.

– Один из кораблей-разведчиков – «Роза гравитации» – под командой капитана Восемьдесят Четыре Сумерки по каналу

адресного вещания сообщает, что они кое-что обнаружили. Нечто, похожее на базу существ, с которыми мы сражаемся.

Сердце Девять Гибискус забилось в груди, словно ее сотрясал артиллерийский огонь.

– Планета, станция или просто огромный корабль – что это? – спросила она таким же тихим голосом. – И где?

– Планета, – ответил Восемнадцать Резец. – Планета и один спутник, оба обитаемые. Много гражданского трафика, свойственного обычной системе. Восемьдесят Четыре Сумерки не сообщила подробностей, только сказала, что корабли определенно такого же вида, но не военные – или не похожи на военные. Место это далеко, очень далеко. Дальше, чем район, где капитан Флота Сорок Оксид расположил Семнадцатый. Но это объясняет, почему используемый ими угол атаки указывает на такое направление. – Он, сверкнув острыми белыми зубами, улыбнулся натянутой, готовой взорваться улыбкой. – Я думаю, теперь они у нас в кармане, яотлек. Мы можем отправить туда Пять Чертополоха с несколькими ядерными кассетными бомбами из нашего ангара… Мы сотрем их с нашего неба, по крайней мере в этой системе. Отправляйте сообщение.

– Если мы сможем попасть туда незаметно для них, – сказала Девять Гибискус. Кассетные бомбы сделают именно то, что воображает Восемнадцать Резец. Да, они сотрут с неба любого – а потом отравят это небо и планеты под ним. Кассетные бомбы представляют собой дождь смерти, последнюю надежду. Их почти никогда не использовали там, где живут люди, потому что после их применения уже *не живут*. Она только однажды использовала кассетные бомбы, да и то против всего лишь одного корабля в безопасности космической черноты. Идея применить эти бомбы на инородцах была…

Слишком привлекательна для нее. Слишком и сразу. Такое простое решение, гораздо проще, чем все остальное, с чем она была вынуждена разбираться в текущей ситуации.

– Передай Восемьдесят Четыре Сумерки, чтобы уводила оттуда «Розу гравитации», – сказала она. – Тихо и быстро. Сообщи ей также, что я не хочу, чтобы врагу стало известно о том, что мы в курсе, где они базируются. Я хочу использовать это с максимальной выгодой для нас, Восемнадцать Резец. Спланируй все правильно – и чтобы здесь никто не знал. Пока.

Он снова кивнул и вернулся к своей консоли, довольный, весь в предвкушении. А разве она сама – нет? Не в предвкушении, не в нетерпении?..

А потом она снова подумала о Шестнадцать Мунрайз, которая где-то в недрах корабля ходит туда-сюда, наблюдает, и у

нее собственная повестка. Девять Гибискус решила, что *некоторые* вещи не должны знать даже капитаны Флота, пока их яотлек не решит, что им пора узнать. Она хотела, чтобы Шестнадцать Мунрайз убралась с «Грузика для колеса». Немедленно, чтобы она, яотлек Флота, могла все спланировать.

* * *

Министр войны умела отжиматься, как никто другой. А еще делать стойки на руках, прыгать, молотить кулаками по мешку с песком, быстро бегать, не уставая. Восемь Антидот, сидя наверху, на балконе тренировочного зала Раскинутых Ладоней, уже три раза наблюдал, как она последовательно делает все это, и начинал впадать в отчаяние, поскольку неизбежно задумывался о собственной физической форме.

Когда министр, сделав очередной круг, снова начала удаляться от него по беговой дорожке ровными быстрыми шагами, Восемь Антидот, глядя на ее раскрасневшиеся щеки и шрам на ухе, раскрасневшийся еще сильнее, вздохнул и поспешил вниз, собираясь перехватить ее. Но не бегом, конечно. Он вовсе не был в плохой форме, его генетика вполне отвечала базовым спортивным требованиям, просто он вообще редко куда бегал. Но даже если бы он смог за ней угнаться, Восемь Антидот ни в коем случае не хотел говорить с ней, тяжело переводя дыхание. Это казалось ему унизительным и стеснительным, а он очень не хотел выглядеть смущенным перед Три Азимут – до такой степени, что это нежелание победило. Потому он отправился на маты, где она только что выполняла гимнастическую часть своего тренировочного цикла, и принялся полусерьезно, хотя и не без некоторого головокружительного волнения, пытаться выполнить стойку на руках.

Он мог сделать стойку, пусть и не совсем правильную. Он уперся в мат руками, оттолкнулся от пола ногами, напряг мускулы изо всех сил, чтобы сохранить равновесие. Но он никогда не делал стойку из позы на коленях с ладонями, упертыми в поверхность мата, чтобы распрямиться и развести ноги в воздухе. А то, что он хотел сделать сейчас, было гораздо труднее. Восемь Антидот не сомневался, что упускает что-то, какую-то важную инструкцию. Ему удавалось ненадолго поднять ноги в воздух, но потом он падал назад или переворачивался. В этом и была суть: конечно, он упускал из виду некое важное наставление, но у него есть Три Азимут, которая и восполнит этот пробел.

– Малыш! – раздался ее голос.

Он едва сдержался, чтобы не вздрогнуть, но продолжил падение после последней попытки и приземлился на спину с громким хлопком. Министр войны разглядывала его, не скрывая изумленной улыбки, дышала она после бега учащенно, но размеренно. Восемь Антидот не хотел показывать смущение. Он хотел, чтобы она заинтересовалась им. А разве веселое изумление не есть разновидность интереса? Ведь *забавно* было, что он падал? Тем не менее он все равно покраснел, и это было глупо с его стороны.

– Доброе утро, министр, – сказал он из своего распростертого положения. – Боюсь, стойки на руках у меня не очень хорошо получаются.

Она села рядом с ним, изящным движением скрестив ноги. Ее брови поднялись до половины лба.

– По правде говоря, они у вас получаются отвратительно, – сказала она. – Почему вы пытаетесь освоить стойки на руках, когда настолько юны, что вам еще рано приступать к Флотскому режиму тренировок?

– Я видел, как вы делаете стойки, – сказал Восемь Антидот и сел. Лежать было уж как-то слишком неловко – он не мог продолжать разговор лежа. – Нормальную стойку я делаю отлично, поэтому…

Она все-таки рассмеялась. Он решил, что это *добрый* смех. Надеялся. Было ужасно неловко, что министр войны нравилась ему, а он хотел понравиться ей.

– И вы решили попробовать – с вашими маленькими руками. Вы опасно честолюбивый ребенок, ваше сиятельство. Вы наверняка знаете это.

Восемь Антидот напустил на себя как можно более безразличное выражение и сказал:

– Мне об этом говорили. Хотя и не такими откровенными словами, как вы.

– Звезды небесные! – сказала Три Азимут. – Не знаю, как воспитывают детей во дворцах, но вам они явно навредили. Ладно. Скажите, чего вы хотите от стойки с отжимом, кроме как попытаться сделать что-то такое, что вы не умеете?

– Я хочу научиться делать то, чего не умею делать, – сказал Восемь Антидот. – Вы делаете такие стойки. Вы министр войны. Видимо, это дело полезное.

Три Азимут пробормотала что-то, давясь от смеха, – звук получился довольный и неконтролируемый. Может быть, это означало, что его усилия приносят плоды?..

– Не все, что я делаю, полезно, малыш, – сказала она. – Моя

утренняя гимнастика едва ли *полезна* в офисе.

– А в чем полезна? – спросил он.

Она замолчала. Задумалась. Показала ему, что думает над вопросом.

– Она помогает сохранять силы и мыслительные способности даже при моей нынешней сидячей работе. Когда я занимаюсь гимнастикой, это не требует особенного мыслительного процесса, так что продолжать легко. Вот почему мне это полезно. Ну-ка, подойдите поближе, я покажу одно из движений, которое вы делаете неправильно. Начните еще раз. Руки уприте в мат.

Он начал еще раз. Положил ладони на мат, согнулся пополам, встал на подушечки пальцев. Три Азимут одобрительно хмыкнула, а потом прикоснулась к нему, наложила свои руки на его, прижала его раздвинутые пальцы и ладони к мату. Он почувствовал сухость во рту.

– Теперь сделайте руки звездами, – сказала она. – Все точки разнесены, и звезды имеют высокую силу гравитации, так? Гравитация прижимает ваши ладони к мату. Надавите, а потом согните руки в локтях – хорошо, – подайтесь вперед и прижмите колени к локтям.

Что? – подумал Восемь Антидот в полном недоумении, но потом все же попробовал – подпрыгнул, его задница взлетела в воздух, а он попытался коленями прикоснуться к локтям.

Промахнулся. Инерция выкатила его в кувырок вперед, что позволило оказаться в сидячем положении, а не перевернуться еще раз.

– Прошу прощения, – сказал он министру войны.

Она покачала головой.

– Умора. Но для первой попытки неплохо. В следующий раз одно колено, а потом другое. И удерживать равновесие, прежде чем пытаться перейти к стойке на руках. Вы поняли?

Он кивнул. Он не понял, но подумал, что, наверное, сможет сообразить.

– Ну, а теперь, что еще вы хотели, малыш, помимо бесплатных уроков по силовым упражнениям? Вы просидели на балконе все время моей разминки.

Нет, ему все же придется учиться не краснеть. Ах, как же неловко, что его поймали! Особенно когда поймала сама Три Азимут. Он-то думал, что сидит там тихонько, осторожно, никто его не видит, а тут…

– Я хотел вас спросить про лселского посла, – против воли проговорил он, не зная, что еще ему делать или как вообще говорить с этой женщиной. – Я видел ее один раз. И я не… я хотел узнать, что вы о ней думаете, потому что сам я не уверен,

а что касается заседания… спасибо, что разрешили мне на нем присутствовать, министр, я хотел сказать…

Она оцепенела, словно птица, собравшаяся спикировать на жертву. Он закрыл рот и сделал глотательное движение – во рту пересохло.

Министр провела рукой по волосам, откинула их тонкими прядями назад со лба.

– Это Одиннадцать Лавр попросил вас узнать у меня об этом?

– Нет, – сказал Восемь Антидот. «Не Одиннадцать Лавр. Сама император, Блеск Ножа».

– Вы мне лжете, ваше сиятельство?

Он быстрыми, резкими движениями покачал головой.

– Никогда мне не лгите. Я так или иначе узнаю, ваше сиятельство. Все равно узнаю. – Говорила она медленно, спокойно, с абсолютной уверенностью. Он чувствовал себя словно под гипнозом. – Скажите мне теперь: Одиннадцать Лавр просил вас поучаствовать в этом маленьком заговоре?

– Клянусь – нет, – ответил Восемь Антидот. Он не знал, что будет, если Три Азимут задаст вопрос, кто же попросил сделать это. Не знал, поверит ли она лжи, не знал, станет ли правдивый ответ началом разворачивающейся катастрофы типа той, что случилась с предыдущим министром войны Девять Тягой во время мятежа, который привел к окончанию правления его предка-императора. Девять Тяга перестала быть министром войны и встала на сторону яотлека Один Молнии в его претензиях на трон. Кажется так, Восемь Антидот сомневался – все, происходившее три месяца назад, было запутано, ему тогда еще не исполнилось одиннадцати, и от него многое скрывали. Наверно, поэтому сама император привезла с края света кого-то вроде Три Азимут. «Внешняя прививка». Но он шпионил за министром по просьбе императора. Если он скажет Три Азимут, что шпионить за ней его послала Девятнадцать Тесло, не развяжет ли это каким-то образом новую гражданскую войну? Он видел, как это может случиться – стратегический стол, который символизировал Город и дворец, мог актуализироваться в реальности на земле. Если Три Азимут была привлечена как *лояльная* и теперь она решит, что император ей не доверяет, она может пойти на что угодно. Абсолютно на что угодно.

Но Три Азимут на стала спрашивать, кто его послал. Она только хотела знать, не сделал ли это Одиннадцать Лавр, который вообще-то считался ее подчиненным. Она хотела знать, не использует ли Одиннадцать Лавр Восемь Антидота, чтобы выудить из нее какую-то информацию…

Он вдруг подумал, а не узнал ли уже Одиннадцать Лавр то,

что ему нужно про министра и что она пыталась скрыть. Она назвала его «мой шпион». Шпионы не только собирают информацию.

Похоже, пока он думал, Три Азимут решила, что он ей не лжет.

– Ладно, – сказала она. – Я думаю, Восемь Антидот, что посол Дзмаре – одна из тех людей, которые способны дестабилизировать любую ситуацию, в какой они оказываются. Это мое профессиональное мнение. Я сообщаю вам об этом, чтобы вы начали узнавать, как выглядят такие люди и как они ведут себя. Вы слушаете?

Он кивнул. Молча.

– Станете постарше – будете замечать их повсюду в Тейкскалаане, – продолжала она. – Здесь, во дворце, в Городе, на любом корабле, на котором будете служить, если поступите во Флот. На любой планете и в зародыше любой катастрофы. Как минимум кто-то один из них там непременно присутствует. У этих людей могут быть худшие или лучшие намерения. Они могут быть умными, могут быть примечательно глупыми, могут быть варварами или нашими гражданами, но они, ваше сиятельство, всегда, обязательно – люди, которые ставят *свои* желания и потребности выше Тейкскалаана. Они начисто лишены какого-либо чувства преданности. Они меняют место и меняются.

– …И Дзмаре – одна из них? – удалось вставить ему.

– Подумайте: она появляется, нарушает кристально хрупкий мир между министерствами, фигурирует в сводках новостей, пишет одно-два стихотворения, проводит своего патрона в императоры – а потом исчезает. Нет, я не говорю, что Ее Великолепие – плохой выбор. Ее Великолепие была идеальным выбором, и я готова поклясться в этом в храме солнца, готова тут же вскрыть себе оба запястья! Но вот Дзмаре снова появляется, причем на поле боя, и я тут же получаю секретный доклад от одного из капитанов Флота о возможном нарушении верности другого капитана. Яотлека, ни больше ни меньше. Эта Дзмаре – деструктивная личность, хочет она сама того или нет.

– Как вы распознали ее? Как вы научились распознавать таких, как она? – спросил Восемь Антидот, сам не зная, почему спрашивает. – Я встретил ее в саду, когда она была здесь. Ей нравились дворцовые певчие. Думаю, она была пьяной… и грустной.

Три Азимут кивнула.

– Она вполне могла быть и пьяной, и грустной. Она же была варваром при дворе. Дзмаре не похожа на человека, который сознательно несет зло Тейкскалаану, во всяком случае, не

напрямую. Это нормально, малыш, что вы не думали о ней в таком качестве. Я это делаю потому лишь, что такова моя работа с давних пор – замечать подобных людей и ситуации, создаваемые ими.

– Для этого и существует министр войны?

– Звезды небесные, нет, конечно! Министр войны нужен для того, чтобы военное превосходство Тейкскалаана продолжалось вечно и беспрерывно. Выявлением деструктивных личностей я занималась, когда была военным губернатором системы Накхар.

Система Накхар. Восемь Антидот знал, что за время правления Три Азимут там не было ни одного бунта – в системе Накхар, где бунт случался приблизительно каждые семь лет. Но это было до прибытия туда Три Азимут.

До того как Три Азимут обратила внимание на деструктивных людей и приняла меры, чтобы они перестали быть деструктивными.

* * *

Махит помнила это ощущение – чувство, будто тебя переносит от одного момента к другому, и это происходит в яркой дымке изнеможения, бравады и культурного шока. Так происходило каждый раз после полного погружения в тейкскалаанскую атмосферу. На корабле Флота эта атмосфера была такой же густой, как и в императорском дворце, – и такой же отравленной. Словно в тейкскалаанском воздухе присутствовал некий загрязнитель, столь же всепроникающий и мозгодробительный, как жара на Пелоа-2. Махит чувствовала себя так, будто летела, ничем не ограниченная. Она только что закончила переговоры – насколько это можно было назвать переговорами ввиду языковых ограничений – с некими невразумительными существами…

<Ты о ком – об инородцах или о яотлеке?> – пробормотал Искандр. Он тоже летел – об этом свидетельствовал его забористый смех. Призрак ее поврежденного имаго давно так ярко не проявлялся в их тройственном союзе.

«Об обоих», – сказала Махит; дверь отведенного им с Три Саргасс помещения закрылась с пневматическим шипением, когда они вошли. Махит все еще вибрировала, все еще радостно торжествовала и одновременно приходила в ужас. Но сейчас, оставаясь вдвоем с ее бывшим координатором по культурным связям, а теперь с партнером в переговорах, знавшей о ней все и ничего, она видела приближающееся изнеможение. Точку, за

которой ей ничего не нужно будет делать, где тишина и покой обвалятся на нее, как неожиданный скачок гравитации.

– Спасибо, – сказала Три Саргасс, ее голос громко прозвучал в тишине, где единственным звуком был шепоток корабельной системы очистки воздуха.

Махит этого никак не ожидала.

– За что? – спросила она, повернувшись к Три Саргасс, которая по-прежнему выглядела неважно: серая кожа на щеках, впавшие глаза, вся в напряжении и подавляемой эйфорической истерике.

– Ты смогла пропеть им их собственные звуки, – сказала Три Саргасс. – Мне бы и в голову такое не пришло. Максимум что-нибудь другое и не так сразу. И смотри, чего мы добились, ты только подумай, Махит! Ни одно человеческое существо, кроме нас, никогда еще не говорило на этом языке. Мы единственные.

«Так я уже, значит, *человеческое* существо?» – горько подумала Махит, но отринула этот вопрос как нежелательный. Неужели она не может порадоваться? Неужели не может почувствовать вкус победы, как его чувствует Три Саргасс?

<Один только раз>, – сказал Искандр. Или она сама себе это сказала?.. Она не могла разобрать. Трудно сказать, когда она так сильно хотела, чтобы ей было позволено погрузиться в яркое головокружение от свершения, оттянуть неизбежную катастрофу хоть немного…

– Я все еще считаю, мы имеем дело с некой разновидностью пиджина – они говорят друг с другом, а мы этого не слышим. – Она даже не знала, почему не соглашается с Три Саргасс, почему нужно принижать проделанную ими работу. Яотлека перед ними сейчас не было, ей не требовалось оправдывать следующий раунд переговоров или честно сообщать об их неудачах.

– Махит, – сказала Три Саргасс с горячностью в голосе.

– Да?

– Тихо.

Она близко подошла к Махит, настолько близко, что Махит ощутила очертания ее тела, занятое им пространство в воздухе, запах ее засохшего пота. А потом руки Три Саргасс оказались в волосах Махит, сгибая ее тело дугой для поцелуя.

Махит показалось, что она произвела какой-то звук, шум, сдавленное слово, полупроизнесенное, но рот Три Саргасс был теплым, он открылся, прикоснувшись к ее губам, и поцелуй был искренний, не предложение или вопрос, а требование. Сплошное желание – не соединение от усталости и скорби, каким был их первый и единственный прежний поцелуй, в глубине Города, в ожидании смерти Шесть Пути в храме солнца, благословенного

перед всем Тейкскалааном. Это было…

<Вот так. Как оно было для меня. Да>.

Ее руки нащупали лопатки Три Саргасс, кривую ее талии, край тазовой кости, которая идеально ложилась в ладонь Махит. Точно так более крупная ладонь Искандра накрывала тазовую кость Девятнадцать Тесло, и это удвоение распаляло почти до невыносимости, вспышка желания подобна электрическому разряду между ее бедер. Она как-то отстраненно подумала, не будет ли секс иным теперь, когда у нее имаго с мужскими телесными воспоминаниями, но решила не придавать этому значения, потому что все будет хорошо, и, решив, поняла, что уже принимает все, что произойдет. Что она ничего не предлагает и ничего не просит, а просто говорит «да». Как Искандр сказал «да» сначала императору, а потом Девятнадцать Тесло – и что с ним сталось?.. Но господи, не имело значения, что они так и не уладили раздрай между собой, это не имело ни малейшего значения, она не хотела ни о чем думать теперь, кроме ее желания, кроме победы, кроме того, что желанна…

Издалека, придушенная ее желанием мысль: <Вот так и происходит наше падение – когда мы становимся желанны>.

Искандр, возможно, был прав, но Махит не брала это в голову.

Три Саргасс оборвала поцелуй, медленно вобрав в рот нижнюю губу Махит, у которой от этого непреднамеренно перехватило дыхание.

– Я хотела спросить, действительно ли тебе нравятся люди моего пола и предпочтений, – отрешенно сказала Три Саргасс, – но думаю, в этом нет нужды.

Махит отрицательно покачала головой. Во рту стало сухо, как на Пелоа. Она чувствовала между ног сердцебиение, как если бы пустилась вскачь.

– Хорошо, – сказала Три Саргасс и поцеловала ее еще раз, потом прижалась к ней, ее маленькие груди ощутили груди Махит, бедро проникло между ее бедрами. Махит принялась тереться о нее, сместилась так, чтобы ее тазовая кость прижалась к шву на брюках Три Саргасс. Три Саргасс охнула и укусила Махит в ключицу. Она была горяча и через ткань, и Махит испытывала нетерпеливую, довольную уверенность в том, что рука Три Саргасс, оказавшись у нее в паху, утонет во влаге.

– Ты всегда такая, когда побеждаешь? – спросила она. Три Саргасс снова укусила ее и, рассмеявшись, принялась настойчивыми движениями втираться бедром все глубже ей в пах.

– Только когда побеждаю кого-нибудь вроде тебя, – ответила она.

«Значит, только варваров? – чуть было не сказала Махит. – Только в достаточной мере *инородных* партнеров?» Чуть было, но предпочла кое-что получше, полегче – снова поцеловать ее. Ощутить занимающее все большее пространство, головокружительное воспоминание Искандра, который целовал кого-то, ростом настолько же меньше, чем он, насколько Три Саргасс была меньше, чем Махит – императора, который открывался на его рот, как открывалась Три Саргасс. Ощутить эту двойственность и с готовностью впустить ее в себя. Волосы Шесть Пути были длиннее, имели цвет серебристой седины, но, когда Махит вонзила пальцы в косичку Три Саргасс и совершенно разворошила ее, текстура оказалась такой же.

– Идем, – сказала она, когда поцелуй прервался из-за недостатка кислорода, – я не буду трахать тебя стоя…

– Кровать узкая, – одна рука Три Саргасс исчезла под футболкой, расстегнула бюстгальтер, рассеянно и со знанием дела погладила сосок. – Тут идеальный пол…

– Я варвар, но другого вида, – сказала Махит и поймала себя на том, что тоже смеется, она отошла на полшага, чтобы стянуть с себя жакет, потом футболку через голову. Прохладный воздух покрыл голую кожу у них на руках, на ребрах пупырышками. Воздух и вперившийся в нее взгляд Три Саргасс.

– Ты – нет, – сказала Три Саргасс мрачно и целеустремленно, – а я того самого вида.

С этими словами она опустилась на колени перед Махит, быстрая и легкая в движениях. Она прижала открытый рот к месту сочленения ног Махит. Ощутила через ткань жаркую влагу, ее язык уже пришел в движение… «Звезды небесные, тысяча черных дыр», – подумала она.

– Ну, давай уже, – выдохнула она, добавив ругательство – и бог с ним, что тейкскалаанское, плевать, что она думает по тейкскалаански, что она и Искандр безвозвратно, катастрофически потеряны, – она погрузила руку в волосы Три Саргасс и крепко прижала ее голову к себе.

Интерлюдия

Во всех бескрайних просторах Тейкскалаана для молодого человека, присягнувшего Шести Раскинутым Ладоням, считается честью быть отобранным в качестве медицинского кадета для Флота. Пятая рука, медицина в тесном сочетании с исследованиями и разработками, второе место в министерстве войны по желанию попасть туда. Еще бóльшая честь – служить в местах ведения активных боевых действий до завершения обязательных лет подготовки. А возможно, еще бóльшая честь – получить разрешение под наблюдением одних только камер и алгоритма обнаружения биологически опасных веществ избавиться от останков аутопсии инородца.

Шесть Ливень в возрасте двух с половиной индиктов достаточно молод, у него все еще остаются угри у висков, и он каждое утро протирает их вяжущими средствами и только потом надевает униформу. По собственному ощущению и по оценкам, представляемым ежеквартально его начальствующими офицерами, он вполне справляется с порученными ему заданиями. Он из тех будущих солдат, которого, когда придет время, можно будет назначить руководить медицинской частью. «Лицо, которое не только проявляет инициативу в науке, но и заботится о своем физическом состоянии», – написал его последний руководитель, и это наряду с другими факторами привело к его переводу с одного из малых кораблей Десятого легиона на флагман.

В настоящий момент он настроил облачную привязку на аудифонное устройство и довольно громко проигрывает свой любимый новый альбом в точке костного подсоединения у себя в черепе, одновременно убираясь в лаборатории и аккуратно упаковывая различные части тела инородца для надлежащего криохранения. Он на три месяца отстает от новейших тенденций в области *дребезгармонической* музыки, потому что подписал с Флотом двухгодичный договор, запрещающий почтовые обмены с землей, но этот альбом он украл с игрового автомата на станции у последних больших гиперварат, где они останавливались между Каурааном и этим полем бойни у черта на куличках.

Это последний релиз от «Всеобщего коллапса», группы, которая, по мнению Шесть Ливня, самая разносящая вдребезги из дребезгармонических групп, и когда он в следующий раз будет в отпуске, он уж постарается провести его на планете, где они будут давать живые концерты. Они сейчас поют в его черепе в три

голоса, а он, упаковывая части тела инородца в соответствующие контейнеры для криохранения, подпевает себе под нос. На нем, конечно, латексные перчатки и дыхательная маска. Это стандартная одежда при работе с отходами аутопсии, а отходы аутопсии инородцев явно требуют более строгого обращения.

Шесть Ливень всегда точно придерживается протокола, только разве что слушает музыку во время работы.

Этот инородец вызывает у него беспокойство. У него вскрыта грудная клетка, и это напоминает крайне неприятные крылья, залитые кровью. Голова инородца почти отделена от чересчур длинной шеи, все вокальные складки обнажены и рассечены. Шесть Ливень никогда прежде не видел мертвых инородцев, и теперь он глазеет на него отчасти для того, чтобы почувствовать это щекочущее нервы атавистическое очарование перед отвратительными зрелищами, а отчасти его заставляет смотреть искренний интерес. Он отводит тяжелую голову назад, чтобы получше разглядеть зубную систему; подвижный иссиня-черный язык с розовыми пятнами; спороподобная структура ротовой полости, белые грибовидные щупальца, торчащие из мягкого нёба…

Спорообразные структуры в ротовой полости – они явно не были описаны в отчете о вскрытии – Шесть Ливень, прежде чем прийти сюда, прочел его с огромным и чрезвычайно конкретным вниманием.

В его ушах *дребезгармоники* – сверкающий водопад, и они делают то, что всегда делали для него: слушая их, он чувствует себя блестящим, бесстрашным и невозмутимым в своем любопытстве.

То, что он делает дальше, кажется не такой уж плохой идеей. Плохо как раз то, что она кажется ему *хорошей*, и то, что он так быстро двигается. Конечно, ему нужно взять образец этих спор – конечно, ему нужно подтверждение, что это грибные инфильтраты, а если так, то об этом нужно срочно доложить начальствующему офицеру и дальше вверх по команде всем, кому необходимо знать, если инородцы, их сегодняшние враги, вовсе не млекопитающие, а… Шесть Ливень приходит к удивительно точной фантазии, хотя сам он об этом никогда не узнает: их враги являются носителями какой-то разновидности грибного разума.

Его рука в надлежащей перчатке в пасти врага. Его пальцы находят споры-щупальца и отрывают их. Они хрупкие, легко приходят в аэрозольное состояние, как и все грибные инфильтраты. Так положено, и *этим* в особенности, хотя Шесть Ливень не знает этого. Им вряд ли нужно пребывать в таком твердом состоянии, как сейчас – в таком виде не разрастись, не

отправиться на бесплодные поиски нового местечка, где можно поселиться, чтобы предаться молчанию и гниению, чтобы бежать из руин старого дома. Шесть Ливень вытаскивает находку изо рта инородца, радуясь с болезненно-возбужденным беспокойством, что на нем дыхательная маска, вдвойне-втройне радуясь, потому что теперь, когда он их отломал, эти штуки, вероятно, разбрасывают споры по всей лаборатории. Придется закрыть всю медицинскую часть согласно протоколу обращения с загрязнителями. Как только он взглянет на эту дрянь в микроскоп…

Вытаскивая споры изо рта инородца, он не замечает, что острый зуб во рту – зуб хищника, падальщика – разрезает его перчатку насквозь и проходит по подушечке у основания его большого пальца. Боли он не чувствует, зуб слишком острый, чтобы причинить боль от пореза, – крохотное идеальное рассечение, Шесть Ливень совершенно не замечает его. Ему предстоит провести микроскопический анализ.

Да, это гриб – микроскопический анализ подтвердил. Шесть Ливню этот вид гриба неизвестен, но он никакой не миколог. Микологи обычно иксплanатли, а у солдата Флота нет времени на такую подготовку. Для этого нужно писать научные труды, а Шесть Ливень предпочтет каждый день лечить раненых. Но он считает, что это гриб, по крайней мере, ничто другое, а это означает, что его выводы должны быть переданы вверх по иерархической цепочке. Он на скорую руку делает голограммы с помощью своей облачной привязки, подключенной к скану микроскопической съемки, и на одном дыхании сочиняет краткую сопроводительную записку из тех, что даже не требуют инфокарт для отправки. В записке говорится: МЕДИЦИНСКИЙ ПРИОРИТЕТ: В ТЕЛЕ ИНОРОДЦА РАСТУТ ЧУЖЕРОДНЫЕ ГРИБОВИДНЫЕ ИНФИЛЬТРАТЫ, СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ. Он отправляет все это сразу на облачные привязки всем, имеющим отношение к медицине на корабле «Грузик для колеса», а также Двадцать Цикаде, о котором Шесть Ливень думает только как об «адъютанте». Двадцать Цикада подписан на все приоритетные сообщения, о чем Шесть Ливень не знает, однако если бы знал, то счел бы такое ужасно досадным: звезды небесные, столько отрывающих от дела посланий каждую минуту, даже представить невозможно!

Поскольку Двадцать Цикада получает все приоритетные послания, он прибывает в медицинскую часть почти вовремя, чтобы изменить то, что затем происходит. Почти. Но не совсем.

Шесть Ливень прилаживается к объективу микроскопа, чтобы разглядеть получше, вращает голограмму, пытается получить более сложное и четкое представление о том, как растут споры

гриба; это похоже на фрактал, на нейронную сеть, и его все сильнее одолевает любопытство. Он поднимает руку, чтобы развернуть голографическое изображение в воздухе, и чувствует, как что-то горячее и жидкое скатывается по его запястью.

Красное. Кровь. Его кровь.

Он смотрит на руку. Думает: «Я не помню, как порезался».

Теперь он чувствует боль. В большом пальце. В остальных пальцах, в запястье. Как будто жжет. Словно он, заметив кровь, вызвал боль. Его рука густо покрыта кровью. Но кровь какая-то не такая. Кровь не должна быть такой густой, как если бы все факторы свертываемости взбесились. Его охватывает ужас. Он уверен, что у него шок. Дыхание вырывается из его груди спертыми сиплыми комками. Он крутит перед глазами рукой. Порез ниже большого пальца, ранка широко раскрылась, ее края покрылись белым грибным налетом. Как те образцы, что он разглядывал в микроскоп. Они произрастают из него.

Они растут. Все новые и новые появляются из ранки, одна за другой, он видит, как они расцветают. Его кожа рассекается по краям ранки, давая грибам больше места. Ему больно, больно внутри расширяющегося пореза. Странное несильное жжение. Ему почему-то трудно дышать. В его большом пальце – гнездо инфильтратов, он поднимает другую руку, пытается вырвать изнутри это чужеродное, освободиться от него…

Они легко разламываются. Но продолжают цвести. Их все больше. Они уходят вглубь. Они в его венах, артериях, душат его белым и красным. Это объясняет проблему с фактором свертываемости, думает он. Ему трудно дышать. Он не знает – то ли они у него в легких, то ли у него поверхностная сверхчувствительность, потом он оказывается на полу, а потом…

Хор, как далекий плач, словно музыка, все еще играющая в его аудиоплантах, отдается эхом и становится странной, она полна голосов – так не может петь ни один брызго-гармонист, какой-то доносящийся до него шум, пение «мы»…

…абсолютно ничего.

Глава 13

Если у путешественника есть возможность остановиться в системе Нелток и попробовать блюда нелтокской кухни, то этот путеводитель дает настоятельную рекомендацию. Хотя приправы нелтокской кухни не так остры, как те, о которых мы знаем из других кулинарных достижений или по лучшим ресторанам Жемчужины Мира, их мягкость может быть обманчивой: она дает возможность оценить по достоинству глубокую сложность соотношений между соленым и сладким, горечью и насыщенностью, что можно ощутить с каждым очередным укусом в соответствии с возможностями, которые дает местный кулинарный стиль: каждый укус – маленькое отдельное блюдо. Оставьте в вашем расписании не менее трех часов на ресторанные впечатления и подумайте, как это делает автор слов, которые вы читаете, о том, что, может быть, сторонники культа гомеостата знают толк в соотношениях…

Из «Вкусовых радостей Внешних систем сектора Лаунай: Еще один гид для туристов, ищущих изысканных ощущений», Двадцать Четыре Роза, дистрибутируется главным образом в системах Западной дуги.

Пожалуйста, подтвердите, что груз рыбного печенья фактически был

грузом рыбного печенья и не содержал никаких других неразрешенных импортных продуктов, кроме данного тейкскалаанского. Отзовите торговую лицензию у этого капитана на основании опасности ввоза зараженных продуктов; это вполне отвечает ситуации.

Записка от Советника «Наследия», Акнел Амнардбат, оставлено на столе ее секретаря с прочей входящей почтой

Женщина таких пропорций, как Девять Гибискус, и с легко узнаваемыми знаками различия все же могла удивить кого-нибудь на борту «Грузика для колеса» своим неожиданным появлением в месте, где ее никто не ожидал увидеть, – могла, хотя вероятность этого и была чрезвычайно мала. Причина этого заключалась в предназначенной для «Осколков» программе, которую она еще давно отказалась стирать из своей облачной привязки: с помощью этой программы она, проявляя некоторую осторожность, могла проникнуть в коллективное видение всех пилотов «Осколков» на флагмане и тригонометрически определить местонахождение нужного ей человека с помощью трех сотен пар глаз. При условии, что столько пилотов в этот момент задействовали свои облачные привязки и что ей удастся манипулировать множественностью углов зрения достаточно долгое время, чтобы получить результат. Все равно что стоять на мостике и перебирать картинки всех камер наблюдения, только быстрее. Мобильнее.

Пилоты «Осколков», конечно, знали об этом. Она бы никогда не решилась заимствовать их глаза, если бы не получила разрешения. Плюс ко всему у тех, кто не хотел, чтобы она случайно увидела что-то личное, не предназначенное для посторонних глаз, была возможность временного отключения от сети. На пользу шло и то, что у Девять Гибискус не было допуска к их коллективной проприоцепции – ее облачная привязка не могла освоить новую технологию без соответствующего апгрейда, к тому же ей, вероятно, пришлось бы втиснуться в «Осколок», чтобы хоть немного приблизиться к необходимой процессинговой мощности. Она подозревала, что именно отсутствие телесного доступа помогло ей получать положительные ответы, когда она просила пилотов разрешить ей смотреть их глазами. Большинство

из них не возражали, когда у нее возникала такая необходимость. Это была одна из областей их доверия к ней; и если она достаточно глубоко задумывалась об этом, то ощущала это доверие ярким, расцветающим взрывом шрапнели в ее груди.

Сейчас она использовала их, чтобы находиться там, куда отправлялась капитан Флота Шестнадцать Мунрайз, еще до ее появления в этом месте. Девять Гибискус то включала, то отключала осколочное видение на пересечениях коридоров, пыталась прогнать головокружение или оставаться в любом из них, пока ее визуальное восприятие находилось в другом месте. Яотлек хотела напугать ее, а потом очень мягко вышвырнуть со своего флагмана назад, на «Параболическую компрессию», где той и следовало находиться и где ее шпионские манеры Третьей Ладони будут в некотором роде ограничены. Пусть она находится подальше от планов Девять Гибискус разобраться с родной планетой инородцев, только что обнаруженной кораблем «Роза гравитации». Сильнее желания держать под замком свои секреты, когда это требуется, было предвкушение выражения на лице Шестнадцать Мунрайз – выражения скрываемого негодования при получении этого известия. Это предвкушение было столь настоятельным, что яотлек, спеша по коридорам и лифтовым шахтам корабля с командной палубы на гидропонную, а оттуда в столовую экипажа, в улыбке обнажала зубы и знала об этом…

Вращающийся вектор звезд, панический вкус желчи и металлический – адреналина в глубине горла. Поле ее зрения, занятое огромной дугой кольчатого корабля инородцев, гладкий металл и рябь искажения слишком близко, слишком – а потом снова звезды. Этот «Осколок» сумел достаточно резко дать задний ход, отчего они асимптотически ушли вверх от кольца, вверх и в сторону… Где бы они ни находились, она не собиралась покидать поле видения нескольких свободных от боевого дежурства пилотов, находящихся в безопасности «Грузика для колеса». Девять Гибискус чувствовала стук сердца в своих запястьях, в горле, мембране диафрагмы, стук ее сердца или сердца пилота в «Осколке» – и это без всякого апдейта программы проприоцепции, при одном только визуальном восприятии. Неудивительно, что некоторые пилоты «Осколков» называли это новое программирование «Осколочный трюк».

Мерцающее видение: пилоты «Осколков» на ее корабле, в столовой, на палубе гидропоники, в гимнастическом зале, передающееся всем ощущение больших нагрузок – наверняка явление психосоматического порядка – при виде пилота, который жимом от груди поднимает тяжеленные грузы.

Ее сердце продолжает бешено колотиться.

Колесо звезд вращается слишком быстро.

Неужели они все чувствуют это? Постоянно?

Колесо звезд – и огонь, волна жара, сладковатого панического пота. Двигатель вышел из строя – черт! Поле видения перекрыто полностью красным, красно-белым и…

Исчезло. Чернота. Девять Гибискус проглотила слюну. Она держалась за стену где-то в проходе между Шестой и Пятой палубами и теперь полностью принадлежала себе. Этот пилот ушел… Ушел от вражеского корабля, избежал столкновения и был сбит выстрелом сзади, когда двигался по дуге отхода. Небольшая огненная вспышка – и для него все кончилось.

Неужели все пилоты «Осколков» ощущают каждую смерть, если у них включена облачная привязка?

Она осторожно подключилась к программе еще раз. Вернулась к напряжению, какое испытывает штангист. Если он видел эту смерть, то не реагировал каким-либо способом, видимым в его поле зрения. Она переключилась еще раз. В столовой на пятой палубе находился один из осколочных пилотов с включенной программой, он сидел в конце большого общего стола, а в другом конце – капитан Флота Шестнадцать Мунрайз. Ее мундир на спинке стула, и она, в футболке, непринужденно погруженная в веселый разговор с солдатами Девять Гибискус.

Укол ярости, какой испытала Девять Гибискус, был подобен ослепляющему удару в солнечное сплетение. Это было хуже, чем сцена смерти пилота, и выбивало из колеи тем сильнее, что шло следом. Она даже не знала, какой пилот погиб только что и сколько других погибнет сегодня. А тут еще и это – назойливая дрянь, сеятельница смуты, женщина, которая бросила свой легион, своих подчиненных, потому что ей очень хочется распропагандировать людей Девять Гибискус, ее Флот, сам этот корабль, уподобить их солдатам ее собственного Двадцать четвертого легиона, где она главенствует по праву. Теперь она сидит здесь и обедает вместе с солдатами Десятого легиона. Вспышка ярости делала Девять Гибискус глупой и неосторожной – и пусть, решила она. Пусть эта волна омоет ее изнутри. Она представила, будто сердце корабельного двигателя переместилось в ее грудь, эта воодушевляющая сила, тайная, опасная и защищенная, *подконтрольная*.

Она все еще хотела убрать Шестнадцать Мунрайз с этого долбаного флагмана – и, по крайней мере, на это она вполне могла влиять в определенной степени.

Девять Гибискус вошла в столовую на Пятой палубе и, несмотря ни на что, испытала дикую радость, когда ее люди

встали, заметив появление своего яотлека. Она улыбнулась им, широко раскрыв глаза и с показным удивлением: «Все это для меня? Садитесь и продолжайте есть». Махнула рукой: садитесь-садитесь, они подчинились. Гул разговора вернулся к прежнему негромкому уровню. Ее солдаты оставались ее солдатами. Пока.

Шестнадцать Мунрайз с умом выбрала, где сесть: свободных мест рядом с ней не просматривалось. Девять Гибискус же заняла место в центре длинного стола, нашла глаза своего осколочного пилота, и в течение мгновения, показавшегося долгим, они разделяли и удваивали видимое. Затем он выключил осколочную программу, что было кстати теперь, когда они находились в одном помещении. Двойное видение исчезло, но осталось эхо, ощущение, что она чуть ли только что не дышала с ним одной грудью, а теперь перестала. Мягкая версия того чувства, что она испытала, видя гибель в огне его собрата. Она сделала едва заметный кивок в его сторону. Ей хотелось бы спросить у него о программировании и побочных эффектах.

А потом она не произнесла ни одного чертова слова, позволив Шестнадцать Мунрайз и дальше вести свои речи, словно в ее деяниях не было ничего предосудительного. Девять Гибискус положила себе порцию рисовой лапши с соевыми бобами, приправленными маслом чили из общей чаши в середине стола. Солдатская пища. Достаточно тепло, чтобы держать вакуум подальше от твоих костей или хотя бы создать такое ощущение.

Она пожевала, проглотила несколько ложек, чувствуя, как пульсирующая вокруг нее за столом энергия переориентируется с учетом ее присутствия. Она облизнула губы, снимая с них остатки жгучего масла.

– Капитан Флота, – жизнерадостно сказала она, – ваш экипаж, вероятно, весьма вам признателен за то, что вы едите с ними в столовой. Вы то же самое делаете и на «Параболической компрессии», да? Или только здесь, будучи нашим гостем?

Глаза Шестнадцать Мунрайз с тенями цвета электрум моргнули за облачной привязкой, медленное, чуть похожее на черепашье движение век – открылись-закрылись.

– Когда мой экипаж приглашает меня, – сказала она. Злобный, осторожный ответ: ее приглашают как здесь, так и на ее корабле, тогда как Девять Гибискус явилась, пританцовывая, по собственной инициативе, нарушила приватность своих людей в столовой начальствующим взором.

– Значит, это удовольствие для вас, – ответила Девять Гибискус. «Видать, ты редко получаешь приглашения, раз тебе требуется особое».

– Для меня большая честь пользоваться гостеприимством

Десятого легиона, яотлек.

– Мы гостеприимны по любым меркам, – сказала Девять Гибискус, и солдат слева от нее рассмеялась – «хорошо», – а потом резко оборвала смех – «не столь хорошо». Девять Гибискус очень хотелось знать, какого рода разговоры вела здесь Шестнадцать Мунрайз, отчего это вдруг ее люди стали бояться свободного самовыражения.

– Именно такими вы и оказались. Хотя это едва ли соответствует вашей репутации.

Девять Гибискус вскинула бровь. Тысяча чертовых черных дыр, она хотела убрать эту женщину со своего корабля как можно скорее!

– И какая же репутация у Десятого в Двадцать четвертом? – спросила она со спокойствием расплавленного песка, со спокойствием активной зоны реактора в состоянии заморозки.

Шестнадцать Мунрайз пожала одним плечом. Ее рот злобно и безукоризненно искривился в выражении напускной невинности.

– Изолированный, – сказала она. – Преданный.

Если бы Девять Гибискус спросила «преданный кому?», то ответ был бы «вам, яотлек». Теперь она четко осознавала уровень неприязни к ней со стороны Шестнадцать Мунрайз – или по меньшей мере со стороны ее хозяев, Третьей Ладони. Тут даже спрашивать нечего. Дело вовсе не в том, что она колебалась, все ближе подходя к полному апокалиптическому вовлечению в войну с инородцами. Это всего лишь подачка амбициям капитанов Флота, командовавших Шестым и Четырнадцатым. Шестнадцать Мунрайз не пришлось долго уговаривать их подписать ее письмо с намеками на бунт и выражением озабоченности. Дело даже было не в том, что Девять Гибискус привлекла министерство информации для работы, которую вовсе не должен был бы делать Флот, хотя она и подозревала, что это решение не помогло. Дело было в том, что Шестнадцать Мунрайз – или Третья Ладонь, или все министерство войны – считала ее опасной для империи. Мысль воистину тревожная, которую она не могла обдумывать без ощущения, что внезапно сильно заболела. Шестнадцать Мунрайз считала, что ее подчиненные со всем их доверием к ней, убежденной преданностью, готовностью умереть за нее – готовы умереть за *нее*, а не за Тейкскалаан.

Или готовы считать ее Тейкскалааном. Похоже, именно нечто в таком роде случилось с Один Молнией, и как он этим воспользовался? Бездарная попытка узурпации власти, хаотический транзит. Она бы ни за что!.. Но если министр Девять

Тяга участвовала в узурпации, то, вероятно, у Третьей Ладони были основания считать, что Девять Гибискус, протеже министра, может попытаться предпринять что-нибудь подобное.

Она сказала:

– Вряд ли «изолированный», капитан Флота. Мы же сейчас едим с вами, правда? И уже не первый день… Вы ведь уже давно с нами? Сколько времени прошло?

– Мой адъютант Двенадцать Термояд – командир, которому я могу доверить командование «Параболической компрессией» на любой срок моего отсутствия по другим делам, – ответила Шестнадцать Мунрайз. Голос ее прозвучал немного раздраженно, нервно. Хорошо.

– Естественно, – сказала Девять Гибискус, заправляя в рот еще порцию лапши. Ее язык онемел в огне приправы. – Скажите мне, пожалуйста, если я смею интересоваться, – наивысшая форма изъявления вежливости, настолько вежливая, что кажется оскорбительной, – что вам нужно в столовой Пятой палубы? Ума не приложу. Неужели на «Параболической компрессии» нехватка рисовой лапши?

Теперь ее солдаты рассмеялись куда как раскованнее. Она испытывала к ним первобытно-родительское чувство. «Что с того, что мы сами по себе? Мы – тот грузик, который вращает колесо».

– Мне нравится ваша приправа к маслу, – сказала Шестнадцать Мунрайз абсолютно кротким голосом. – Возможно, я попрошу у вас одолжить мне шеф-повара этой палубы на денек-другой.

Она застряла в них, как заноза. Не хотела уходить, была готова позволить Девять Гибискус понять, что думает, потому что неколебима в своей уверенности: знание Девять Гибискус ничего не может изменить… Долбаные третьеладонники!

«Интересно, не предполагается ли моя смерть здесь? – подумала она. – Не должна ли и Шестнадцать Мунрайз умереть – прямо в пастях наших врагов? Косвенный ущерб ее хозяева вполне могут понести… если это означает и уничтожение меня.

А кто тогда выиграет войну, если все капитаны Флота умрут, как умирают мои “осколки”?..»

– Когда мы сможем поделиться столь необходимой на корабле личностью, как повар Пятой палубы, – начала было она, но тут ее облачная привязка засветилась красным и белым: пришло срочное послание.

На «Грузике для колеса» был только один человек достаточно высокого положения, чтобы перебить ее установки, залить письмо в ее глаза без запроса предварительного разрешения.

«Мальва, в медицинской части объявлен протокол

заражения, – гласило послание Двадцать Цикады. – Я внутри этой зоны. Тело нашего врага распространяет грибковое цветение. Один медик умер. Гриб сожрал его. Подтверди получение».

Она вскочила со своего места, подняла руку, пресекая любые вопросы со стола. Глаза ее заморгали со всей доступной ей скоростью, вызывая систему обмена посланиями, в которую она отправила беззвучный текст: «Пчелиный Рой, почему ты внутри зоны?!»

Долгие десять секунд.

«Ничего лучше в голову не пришло. Приходи – посмотришь. Я пока вроде не умираю».

«У меня тут Шестнадцать Мунрайз», – написала она. Ждала. Ждала. Ждала в неопределенности паники, страх так глубоко пробрался в ее грудь, что заполнил ее целиком, она теперь словно существовала рядом и параллельно с ним.

Наконец: «Звезды небесные, Мальва, приводи ее. Почему нет?»

* * *

Восемь Антидоту снились *деструктивные личности*, и когда он проснулся, персонажи сна все еще висели вокруг него в воздухе вязкими миазмами, подобно утру, окутанному туманом, разогнать который не в силах даже солнечные лучи. Он был бесконечно расстроен, абсолютно уверен, что сделал что-то нехорошее, и в такой же степени не испытывал ни малейших сомнений в том, что ничего плохого не делал, во всяком случае в мире бодрствования. Все плохое ему только приснилось, а теперь сон проходил. Сходил на нет, хотя еще и не исчез полностью, только разлетелся на куски.

Он провел два полных дня в министерстве войны, во Дворец-Земля возвращался, только чтобы поспать, тенью ходил за министром Три Азимут. Может быть, этого было достаточно, чтобы у кого угодно начались ночные кошмары.

Он последовал за ней из спортивного зала в тир, позволил ей корректировать его стрельбу, как она корректировала положение его рук на мягких матах спортзала, потом последовал за ней до ее кабинета и просто, легко, чудесным образом там и остался. Он бы ушел, если бы она сказала ему уйти. Но она ничего подобного так и не сказала.

Она позволила ему присутствовать при ее разговоре с другими Ладонями: Шестой, техника и кораблестроительство, и Второй, логистика. А также при разговоре с Одиннадцать

Лавром, который поглядывал на Восемь Антидота то ли с удовольствием, то ли с неудовольствием. Восемь Антидот сидел в кресле у окна, положив подбородок на сплетенные пальцы и уперев локти в колени; он наблюдал за всем, за чем можно было наблюдать. Он опробовал застывшее, нечитаемое выражение лица на министре Три Азимут, предварив его паузой – но министр ее не заполнила, а потом вовсе игнорировала Восемь Антидота, словно он был декоративной подушкой на кресле у окна, улучшал декор. Он старался прогонять чувство обиды.

Позднее в этот день, уже ближе к вечеру, Восемь Антидот принес министру кофе. Она рассмеялась над ним, взъерошила его волосы и сказала, что не пьет кофе, а он не офисная прислуга.

Он выпил кофе сам и остальную часть вечера пребывал во взвинченном, нервозном состоянии, а потом его охватила страшная паника, страшное возбуждение. Это случилось, когда Три Азимут стала получать сообщения, что агент министерства информации и Махит Дзмаре – *деструктивное существо* – спустились на мертвую планету Пелоа-2 и установили первичный контакт с врагом-инородцем. Ни одно из этих сообщений не имело кода Гиацинт, а потому все они считались открытыми и подлежали передаче по иерархической цепочке. Они поступали на корабли Флота по почтовой системе гиперврат, через обычных курьеров с шестичасовой задержкой между отправкой и получением. Ничуть не похоже на то, что сделала капитан Флота Шестнадцать Мунрайз, когда впервые предупредила министра о существовании агента министерства информации. Ничего тайного.

Странности начались позднее. Странно было находиться здесь, странно слушать приходящие сообщения. Неожиданно все ее встречи стали ограничиваться кругом представителей министерства науки, специализирующихся на ксенобиологии, и военных, которые очень спокойно рассуждали о приемлемых уровнях потерь в чрезвычайных ситуациях. Эти встречи затянулись до ночи, они продолжались без перерывов на еду, питье или отдых. Почему она не выпроводила его из кабинета, что хотела ему показать, и вообще, почему он не уходил по *собственной* воле?

Ближе к полуночи пришел эксперт по эбректи. Между ним и женщиной, выступавшей за боевые действия при условии приемлемого уровня потерь, состоялся вежливый обмен мнениями по принципу, кто кого перекричит о том, сколько можно позволять длиться первичному контакту, прежде чем придется принимать меры по недопущению убийства кого-либо из участников. Три Азимут сидела, слушала, делала записи.

Восемь Антидот разглядывал выжженное отверстие в том месте, где прежде находилось ее ухо, и не мог понять, как она получила такое жуткое ранение. Еще он думал о том, кто из этих людей *деструктивен* и как ему опознавать таковых.

Когда он отправился домой, наступила уже самая темная, самая холодная часть ночи, он шел по саду во Дворец-Земля, дрожа от холода в своей тоненькой курточке. Придя домой, он упал на кровать и заснул. Он не запомнил свои сны, но, проснувшись, знал, что видел их. На следующее утро после восхода он снова шел по сверкающей каплями росы тропинке назад, в министерство войны. Назад, в кабинет министра Три Азимут. Он снова свернулся в кресле у окна, какой-то флотский кадет принес ему грейпфрут и сок личи на завтрак, а он слушал. Слушал, как министр Три Азимут получила сообщение с быстрым курьером от самого яотлека Девять Гибискус, он наблюдал, а кроме него присутствовали только Одиннадцать Лавр и двое близких сотрудников министра. Он не должен был здесь находиться – он просто никуда не уходил. Восемь Антидот никогда прежде не слышал голос Девять Гибискус, только видел ее изображение в виде голограммы. Ему показалось странным, что она говорит человеческим языком, что она не угроза и не пазл, подлежащий разгадке, а всего лишь женщина с легкой уверенной ритмикой речи и волнением, скрытым за сдержанностью, с которой она докладывала, что ее разведчики обнаружили планету инородцев. Вероятно, одну из многих, но… это был дом. Дом врага, который уничтожал их легионы.

Он слушал, а Три Азимут и Одиннадцать Лавр спокойно обсуждали исторический прецедент нанесения массивных ударов по планетам. Он знал такие примеры. Это происходило восемь сотен лет назад, а то и больше. Во времена, когда Тейкскалаан был *коварным* и бескомпромиссным при подавлении бунтов.

Одиннадцать Лавр беззаботно сказал:

– Министр, есть очень веские основания для того, чтобы Флот перешел к тактике переговоры-подчинение. Полагаю, вы о них хорошо наслышаны с учетом Накхара…

– Нанесение массивных планетарных ударов по людям – это бездарная трата ресурсов и доброй воли, – ответила Три Азимут. – Это создает непреходящую враждебность между недавно интегрированными системами и Тейкскалааном. Как вы сами сказали, заместитель министра, Накхар – прекрасный пример успеха тактики переговоров и подчинения. Неужели у вас есть хоть какие-то основания предполагать, что я пойду на резкий пересмотр моей методологии теперь, когда стала министром? У Ее Блестящего Величества были все основания назначить меня

на эту должность.

Это прозвучало как предупреждение.

– Верно! – согласился Одиннадцать Лавр. – Основания были самые веские – я прекрасно осведомлен о вашей работе в системе Накхар. Как они вас там называли: «мясником накхарского разума»? Интересно узнать, что даже для человека, награжденного столь элегантным прозвищем, есть этически неприемлемые вещи…

Восемь Антидот не сомневался, что такие разговоры не предназначались для его ушей. Он также не сомневался, что Одиннадцать Лавр сказал так при нем с целью внушить мысль, что в министерстве войны можно доверять только ему, третьему заместителю министра Одиннадцать Лавру. Что Три Азимут в должности губернатора Накхара совершила нечто настолько неприемлемое, что на нее можно оказывать давление – шантажировать? – одним только небрежным напоминанием об этом. Что Восемь Антидот должен вернуться к Одиннадцать Лавру и других учителей у него быть не должно – видимо, как у капитана Флота Шестнадцать Мунрайз, которая была ученицей Одиннадцать Лавра.

«*Деструктивные личности*, – снова подумал он. – Что происходит с ними потом, когда Три Азимут узнает, кто они такие?» Ничего хорошего. Ничего такого, что он бы хотел изучить слишком внимательно.

В то же время он хотел – с дурацким проникновенным мгновенным желанием – защитить ее. Может быть, ее методы, какими бы мясницкими они ни были, все-таки работали?

Хотел ли он, чтобы эти методы работали, если это означало, что она снова сделает то же самое с целой планетой?

Три Азимут вздохнула, испустив слабый и раздраженный звук.

– Вопрос, заместитель министра, вот в чем: являются ли эти враги *людьми*, к которым *применимо* нравственно неприемлемое?

– У нас есть только агент министерства информации, чтобы выяснить это, – сказал Одиннадцать Лавр с изящным отвращением.

– Агент информации и дипломат из варваров. Поверьте, мне это тоже не нравится.

Теперь Восемь Антидоту было что сказать. Он не мог оставаться спокойным, когда разговор шел об уничтожении упреждающим ударом целой планеты. Он не знал, что хочет сказать, знал только, что хочет, чтобы эти двое знали: он здесь и слушает.

– Почему мы не… я имею в виду, почему переговоры ведет не

Флот? – спросил он. Он знал, что запнулся на «мы». Знал, что слишком долго проторчал в этом кабинете. Это было ужасно – знать все и при этом понимать, что его запинка была полезна, она ставила его в один ряд с ними двумя. Ему сейчас предстояло что-то узнать. Он не подумал, что ошибки могут быть всего лишь ошибками. С тех пор как он стал шпионом, хорошие поступки вызывали у него плохое чувство в той же мере, что и ошибки.

– Малыш дело говорит, – сказала Три Азимут. – Мы могли бы невзначай подключить к этим переговорам одного из ваших людей – если используем осколочный трюк, заместитель министра.

Восемь Антидот смущенно подумал: «Осколочный трюк?» Одиннадцать Лавр отрицательно покачал головой. Трудные переговоры, все морщины на его лице, которые Восемь Антидот считал дружескими, превратились в дикие, хмурые.

– Я не думаю, что этот разговор происходит перед надлежащей аудиторией, – сказал он.

А это означало, что Восемь Антидот услышал нечто такое, чего он ни в коем случае не должен был слышать, даже слова «мясник накхарского разума» были не столь запретными. Нечто худшее, нечто более странное. «Осколочный трюк». Что-то еще более быстрое, чем самые быстрые курьеры? Он ждал, что Три Азимут осадит Одиннадцать Лавра. Она же была над ним, превосходила его в звании, сколько бы и чем он ее ни шантажировал, и ее, казалось, идея заинтересовала…

Но она только пожала одним плечом, кивнула, и никто больше не говорил об «Осколках» и о возвращении к переговорам. Разговоры в кабинете вернулись к бесконечным темам логистики, вооружению, линиям снабжения, к тому, как перемещать оружие через гиперврата, не нарушая слишком большого числа договоров.

Словно министр войны ничуть не рассердила Одиннадцать Лавра, хотя все было наоборот. Словно именно Одиннадцать Лавр мог опознавать *деструктивных* личностей и решил, что сама министр, а может, и Восемь Антидот с ней вместе принадлежат к их числу.

Тем вечером Восемь Антидот прокрался в свою комнату во Дворце-Земля и сразу же лег спать, хотя до полуночи еще оставалось время. Он бы предпочел этого не делать. Меньше спишь – меньше времени на просмотр снов.

* * *

Когда Девять Гибискус подошла к медицинской части, все протокольные подпрограммы искусственного интеллекта «Грузика для колеса» громко сообщали в облачную привязку: СТОЙ – НЕТ ВХОДА – ТРЕВОГА – БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ. Это шло в бесконечных нерифмующихся повторах и выглядело гораздо тревожнее, чем обычные предупреждения об опасности. Обычные имели какую-то ритмику, эти же будто ставили целью потрясти, взбаламутить, запугать, а также отвадить, вывести из нормального состояния. Тем не менее она приблизилась к оснащенным вакуумным уплотнением дверям медицинской части. Шестнадцать Мунрайз шла следом за ней, ненасытная, как падальщик, а Девять Гибискус чувствовала себя переполненной грузом знания, что у врагов-инородцев есть дом, до которого она может дотянуться и атаковать.

Остаточное изображение, слишком быстро исчезающее, чтобы сделать нечто большее, чем ускорить частоту сердцебиения на несколько ударов: гибель «Осколка» в огне. Жуткое облегчение, которое, как ей казалось, она получила от пилота, вероятно, было ее собственной проекцией – эмоции через «Осколки» не приходят или, по крайней мере, такого не случалось прежде. Она посмотрела в окно тяжелого стекла в середине дверей медицинской части. Это была единственная возможность увидеть, что происходит с Пчелиным Роем.

Он отгородился от всех, закрыл все, словно в медицинской части случилась эпидемия геморрагической лихорадки. Она исходила из предположения, что грибное цветение, которое убило по меньшей мере одного из ее солдат, является приблизительным эквивалентом геморрагической лихорадки. Если она и распространялась аналогичным образом, Двадцать Цикада уже покойник, даже если еще не до конца умер.

Она, не заботясь о том, что ее слышит Шестнадцать Мунрайз, голосом вызвала мессенджер и послала быстрый вопрос: «Мы здесь. Что происходит внутри?»

Двадцать Цикада ответил по интеркому медчасти:

– Видишь ли, в настоящий момент я чувствую себя прекрасно, и здесь нет никого, кроме мертвого инородца и одного мертвого медицинского кадета – Шесть Ливень, кажется. У него грибковый рост из раны на руке.

Вероятно, пока Двадцать Цикада умирал не слишком тяжело, раз сумел включить двустороннюю связь, которая предназначалась для чрезвычайных ситуаций вроде этой: инфекционное заболевание за этими дверями и здоровый корабль снаружи.

– Ты включил очистители, и ни капли воздуха оттуда не

попадает на корабль, так?

– Яотлек, Мальва, моя дорогая, ты же знаешь меня. Конечно, очистители стоят на дегазировочном цикле. В течение приблизительно трех следующих дней мы будем забирать кислород с гидропонных палуб.

«Моя дорогая» было хуже, чем «Мальва», оно показывало, как невысоко оценивает Двадцать Цикада свои шансы на выживание. Черт побери, она не хочет его терять! И уж точно не хочет терять его на глазах Шестнадцать Мунрайз, которая будет видеть ее скорбь.

– Я никогда не сомневалась в тебе, – сказала она ему, жалея, что не может его видеть. – Расскажи мне про кадета.

– По всей видимости, он успел обнаружить грибок, прежде чем тот его убил, и у него было время отправить всем медикам послание с голограммами микроскопического анализа. Так я узнал, что должен срочно идти сюда – я у него в списке рассылки. Судя по всему, то, что его убило, действует медленно – насколько я могу судить. Поверь, я не собираюсь делать то, что сделал этот бедняга – совать руку в рот инородца. Исходное место произрастания грибка у него в мозгу. Я говорю про мозг инородца, а не Шесть Ливня.

– …Что-то типа грибкового образования, проникшего через этмоидальную кость в оральную полость? – спросила Шестнадцать Мунрайз.

– Абсолютно точно, капитан Флота, – подтвердил Двадцать Цикада в интерком слегка похоронным голосом. – Вы, случайно, не биолог по образованию?

– Никогда не имела удовольствия служить в медицинской части, – ответила Шестнадцать Мунрайз, что вовсе не означало «нет». На Девять Гибискус нахлынула бесконечная ненависть к ней за то, что она пытается быть не менее полезной, чем яотлек. – Но если грибок обитает в его мозге, то это объясняет, как он мог превратиться в споры. Под давлением сначала через этмоидальную кость, потом через мягкое нёбо. Насколько я помню, у инородца есть мягкое нёбо.

– Как умер кадет? – прервала ее Девять Гибискус.

– Он порезался, – сказал Двадцать Цикада. – Грибок попал в ранку. Но думаю, что его убил анафилактический шок, а не сам грибок. Он распространился не очень широко, и у кадета синюшность.

Еще один вопрос. Вопрос, который ей вовсе не хотелось задавать.

– А ты?

– Никаких порезов, никакого анафилактического шока, –

быстро и кратко ответил Двадцать Цикада. – Через несколько секунд у меня будут уточненные сведения о том, насыщают ли эти споры воздух или нет. Корабль готовит мне диагностику воздушной среды, сведения приблизительные, но кое-что они скажут – и грибок, кажется, не очень счастлив.

– Счастлив, – категорично возразила Шестнадцать Мунрайз

– Его лишили хозяина, – сказал Двадцать Цикада, – и ему не очень нравится обитать в Шесть Ливне – или в его кровяном потоке. Он чахнет у меня на глазах.

– Может быть, ему больше понравится его мозг.

Девять Гибискус повернулась к Шестнадцать Мунрайз, шагнула в ее персональное пространство. Она использовала всю свою массу и размер, чтобы возвышаться, чтобы подчеркнуть свою власть.

– Мы не собираемся вскрывать черепную коробку одного из наших мертвецов ради экспериментов, – сказала она. – Вне зависимости от того, есть там чужеродные грибки или нет.

– Я ничего подобного не предлагала, яотлек, – сказала Шестнадцать Мунрайз и сумела сказать это оскорбленным голосом.

– Что же вы тогда предлагали?

– Я говорю, что грибок любит невральные ткани, там он чувствует себя стабильно. Наши враги могли послать этого в качестве ловушки – бомбы, жертвы. Я предлагаю проверить вашего шпиона и ее зверушку на анафилаксию или грибковые инфильтраты в мозгу. Вашего адъютанта тоже следует проверить. Яотлек, я не пытаюсь оспаривать вашу власть на вашем корабле, я просто боюсь того, что это все может означать. Отнеситесь к этому серьезно ради империи, если ради себя не хотите.

Она могла говорить очень искренне. Холодно, искренне и, скорее всего, настолько справедливо, что ее следовало изгнать – либо с «Грузика для колеса», либо из разговора.

– Мой адъютант, как вы это уже заметили, находится в зоне загрязнения, – сказала Девять Гибискус. – Я не могу отнестись к этому серьезнее, чем уже отношусь.

Шестнадцать Мунрайз кивнула и продолжила:

– А агент министерства информации? А группа сопровождения, которую вы послали с ней? Они уже вполне могли умереть или, возможно, сейчас распространяют грибок за пределами зоны загрязнения.

Девять Гибискус подумала, что Шестнадцать Мунрайз из тех капитанов Флота, чье командование всегда сопряжено с нагнетанием угрозы. «Параболическая компрессия», вероятно, утонченно настроенный корабль – натянут, как лук.

В интеркоме раздался голос Двадцать Цикады:

– Сомневаюсь, капитан Флота. Я получил результат атмосферного анализа корабля, в воздухе не обнаружено выявляемого уровня заражения. Какими бы ни были свойства грибка, распространение воздушным путем – его слабое место. Можете не сомневаться.

Девять Гибискус не могла бы говорить так спокойно и утешительно. Особенно если бы находилась по ту сторону двери медчасти.

– Пчелиный Рой, – сказала она, – подтверди, что ты считаешь свою смерть от грибкового заражения маловероятной.

Его смех прозвучал неожиданно, странно.

– Маловероятной, да. Но я не выйду отсюда раньше чем через шесть часов, когда я буду полностью уверен. Кроме того, капитан Флота права, моя дорогая, – асекрета должна быть осведомлена о возможности такого поворота событий.

– Если только она уже не в курсе, – мрачно сказала Шестнадцать Мунрайз.

Девять Гибискус довольно четко могла представить себе тела асекреты Три Саргасс и ее посла-ксенолингвиста из варваров, покрытые плесенью и уже много часов мертвые в той каюте, которую она им предоставила… Хуже того, могла представить тела своих солдат, находящиеся в разных местах «Грузика для колеса», и каждый из них – очаг загрязнения, если распространение уже идет. Но инородная дрянь не распространилась на Двадцать Цикаду… *пока*…

– Пора проверить, – сказала она. – Я распоряжусь, чтобы их доставили на медицинскую палубу, и мы все выясним.

Все остальное пока можно отложить на потом.

* * *

Махит проснулась от тепла – тепла в жилах, тепла общности, глубокого первобытного чувства нахождения рядом с другим живым существом в ограниченном пространстве. Не было ни секунды замешательства, никакого ощущения типа «давайте я почувствую это еще некоторое время, а потом уже подумаю, как здесь оказалась»: с первого мгновения, когда сознание вернулось к ней, Махит точно знала, где находится. Она лежала, тесно прижавшись к Три Саргасс на нижней койке их каюты тейкскалаанского флагманского корабля «Грузик для колеса». Ее коленные чашечки были прижаты к подколенным ямкам Три Саргасс, лицо закопалось в распущенный темный клубок волос

Три Саргасс, ее голый пах – ложе для оголенного крестца Три Саргасс. Ее рука обнимает грудную клетку Три Саргасс, прижимая ее тело ближе. Сладкая боль между ее бедер.

Нет, Махит точно знала, где она, так же точно знала, что они сделали, и как она наслаждалась тем, что они делали, и как в секунды оргазма, чувствуя пальцы Три Саргасс внутри себя, увидела в золотом взрыве подернутые дымкой лица Девятнадцать Тесло и императора Шесть Пути и вспомнила совершенно иные физические ощущения в момент высшего наслаждения. Она ничуть не возражала против этого, просто нашла путь возвращения в себя настолько, что прижала Три Саргасс к матрасу и посмотрела, знал ли Искандр какие-нибудь трюки с оральным сексом, до которых она не додумалась сама.

<За мной только преимущество в двадцать дополнительных лет стажа, Махит, – пробормотал он. – Не думаю, что кто-то недоволен твоей нынешней техникой>.

Удивительно, каким похотливым голосом он мог говорить в их мозгу. Она зарделась, ее лицо горело, и она радовалась тому, что Три Саргасс либо спала, либо, как и она сама, притворялась, что спит, а потому никаких объяснений не требуется.

Как было бы хорошо, если бы они могли остаться здесь и ничего не объяснять или не сообразить вдруг, какая же это была дурная идея.

«Травинка, – подумала она с той же нарочитостью, с какой обращалась к Искандру, – если прежде ты не была скомпрометирована в глазах всех этих солдат, то будешь теперь».

А Искандр пробормотал ей в ответ:

<Ты скомпрометирована в такой же мере, Махит. Однако как ты объяснишь это Дарцу Тарацу?>

После этого все остатки желания исчезли: она почувствовала холод, ясность мысли и легкую тошноту, словно ее окунули в ледяную воду и вытащили. Ей вот уже двадцать четыре часа удавалось не думать о том, что она обещала Дарцу Тарацу – слишком много обрушилось на нее: культурный шок, ярость разочарования, протоколы первичного контакта, тепловой удар и по-настоящему хороший секс, именно в таком порядке. Очень хорошо было забыть о Дарце Тараце, о том, что ее глаза были теперь его глазами. О том, что она была здесь шпионом, внедренным на корабль, как осколок шрапнели, медленно пробиралась все глубже и глубже, к самому корабельному сердцу. О том, что она была здесь шпионом и получила приказ быть также и диверсантом, даже если не будет знать, против чего конкретно совершать диверсии…

<Против всего, – пробормотал Искандр. – В этом-то

и проблема. Тарац хочет видеть Тейкскалаан, знать его настолько хорошо, чтобы можно было привести его к разрушению… >

«Тогда ему это понравится, – нарочито и с горечью подумала Махит. – Посмотри, как мне доверяет Тейкскалаан. Конечно, она пока не император, но всегда есть куда стремиться».

Она чувствовала, что делает ему больно, чувствовала это по той пустоте, что обосновалась в ее груди, по боли, причиненной скорбью, боли такой же опустошительной, как и слезы. Она старалась прогнать чувство сожаления и сожалела, не зная, почему сожалеет: то ли потому, что сделала ему больно, то ли потому, что больно стало и ей. Еще одна вещь, о которой психотерапевт интеграции не предупреждал: соединение двух сердечных болей приводит к неоправданной тяжести самобичевания.

< Я не оправдал ожиданий Тараца, когда обменял у Шесть Пути нашу имаго-технологию на мир, – сказал наконец Искандр. – Но в конечном счете я не оправдал ожиданий и Шесть Пути. Махит, сделай это лучше меня; наша линия должна добиться чего-нибудь стоящего >.

Она никогда не слышала, чтобы он так определенно высказывался о размерах собственного отчаяния, о ненависти к себе, которую испытывал. Это было все равно что вечно смотреть в зеркало, в дыру, через которую открывается взгляд на мир, внезапно обретший реальность. Она боялась услышать ответ, неуверенно задавая безмолвный вопрос в склепе их разума:

«Дарц Тарац хотел бы, чтобы Тейкскалаан столкнулся с этими инородцами и чтобы в результате погибли и те и другие. Я могла бы рассказать ему про Шестнадцать Мунрайз, а затем сорвать переговоры на Пелоа-2 и тем самым навлечь гибель на всех нас. Я должна так сделать?»

< Ах, Махит, – сказал Искандр. – Да откуда же мне знать? >

После его слов из ее глаз потекли слезы. Три Саргасс повернулась в ее объятиях и прижала холодные пальцы к влаге на ее щеке.

– Надеюсь, ты плачешь не из-за того, что жалеешь по поводу меня? – спросила она.

Голос ее звучал подавленно, а Махит совсем не этого хотела. Она не могла сказать толком, чего она хочет, но знала, что только не этого: глядя на Три Саргасс, можно было подумать, что Махит ударила ее своими слезами.

– Нет, – сказала она, ненавидя собственный голос, хриплый и сдавленный. – Дело не в тебе, Травинка, совсем не в тебе. Я…

Слова занимали слишком много времени и все равно были тейкскалаанскими. Она замолчала и просто поцеловала ее.

Поцелуй по-прежнему был хорош, и Три Саргасс по-прежнему целовалась со знанием дела – по крайней мере, когда не переживала экзистенциальный кризис, глядя, как император совершает ритуальное самоубийство в прямом эфире на всю империю. Они разъединились, Три Саргасс легла, уткнувшись в плечо Махит, словно они были смоделированы специально друг под друга.

– Тогда, – сказала она живо и весело, с нежностью, которая больно напомнила Махит о Девятнадцать Тесло – то есть напомнила Искандру о Девятнадцать Тесло, что, вероятно, было ближе к истине, – если дело не во мне, то в чем, Махит? Мы вчера так хорошо поработали.

– Это верно, – согласилась Махит. – Поработали хорошо, и нам еще предстоит долгий путь, и…

– Не говори мне, что сомневаешься в своих способностях. Это ведь ты придумала, как им петь. Нам нужно придумать для них имя, другое, кроме «враги», как считаешь?

– Пожалуй, да, нужно, и нет, я не сомневаюсь в своих способностях, я… – Она замолчала. Ее язык словно налился свинцом. Все невропатические боли вернулись в руки, непрерывно искрящееся свечение возникло перед ее глазами, словно ее кололи осколками стекла. Она не знала, что делать, и Искандр не знал, а Три Саргасс и дальше будет приносить ей боль, как сделала это вчера, будет и дальше думать о ней как о «своем умном варваре», а не как о Махит Дзмаре, сколько бы они ни целовались. Не существовало никакой безопасности и никакого возвращения домой.

– Махит, – сказала Три Саргасс и накрыла ее щеку узкой ладонью, сложенной чашечкой. – Мне не нравится использовать методы допроса применительно к прекрасным людям, с которыми я спала, но твое состояние вызывает у меня беспокойство. А так как ты не даешь мне достаточно информации, в конечном счете в дело вмешивается профессиональная подготовка.

Это почти наверняка был ужасный, великолепный и характерный пример юмора, как его понимают в министерстве информации. Это было забавно. И все, абсолютно все было *не так* с их дальнейшими отношениями, и Махит устала. Устала от…

<В конечном счете, – пробормотал Искандр, прошептал едва слышно, – мы падаем. Это совсем не больно. Падение>.

«Вплоть до внезапной остановки внизу?»

Заразительный смех, и новая волна жуткой, насыщенной скорбью пустоты наполняет ее грудь. Как сильно болят руки.

– Если бы я была, – начала она, закрыв глаза и отворачивая голову от Три Саргасс, чтобы между ними не оставалось ничего,

кроме нежного прикосновения и жаркой тьмы за веками, – если бы я была кем-то вроде агента Лсела, каким должна быть с учетом того, как удалось организовать позволение тебе похитить меня, я… должна была бы изо всех сил стараться провалить переговоры с инородцами.

Три Саргасс щелкнула языком.

– Станция Лсел предпочитает бесконечную войну?

Махит вздохнула.

– Нет, – сказала она. – Дарц Тарац хотел бы, чтобы Текскалаан вымотал себя до изнеможения в войне против… того, что эти существа собой представляют. Вся станция Лсес хочет более глубокого политического анализа, и нам определенно не нравятся непрерывные полеты всех этих прекрасных военных кораблей над нашими головами. Но предполагается, что, когда я не работаю с тобой, я должна работать на Дарца Тараца.

Честность была ужасной штукой, но вместе с тем позволила расслабиться всему телу – напряжение спало. «Я думаю, мы оба теперь скомпрометированы навсегда».

<Да ты же находишься на краю света, – пробормотал Искандр. – Может быть, это самое подходящее место, чтобы быть скомпрометированной>.

Три Саргасс поцеловала ее в щеку быстрым и резким прикосновением губ.

– Ты очаровательна, Махит. Когда-нибудь я захочу узнать, почему ты решила сообщить мне все это. Я хороша в постели, но не настолько же.

Махит поймала себя на том, что смеется, хотя все ее инстинкты не советовали этого делать.

– Вряд ли я буду делать то, чего ждет от меня Дарц Тарац, – вот почему, Три Саргасс. И… кто-то должен знать, что я в первую очередь подумала об этом.

– Смысла в твоих словах не очень много, но я подумаю о том, что ты говоришь, – сказала Три Саргасс и разъединилась с ней так, чтобы они могли сесть. – Ладно, давай позавтракаем и подготовимся к спуску на Пелоа-2. Ты же определенно решила не срывать переговоры?

– Определенно, – сказала Махит и потянулась к брошенному бюстгальтеру, который запутался в пружинах верхней койки во время их вчерашних вечерних кульбитов.

– Отлично, – сказала Три Саргасс. – Кстати, голая ты удивительно хороша. Хочу, чтобы ты знала, прежде чем начнешь надевать нижнее белье.

Махит уставилась на нее, а Три Саргасс, улыбаясь доверительной лселской улыбкой, встала, закинула руки за

голову, выгнула спину, давая прекрасную возможность Махит рассмотреть все мускулы на ее плечах, на выгнутой спине и водопад ее волос. Она продолжала смотреть, когда Три Саргасс все с тем же ненасытным любопытством, которое было у нее, когда она раздевала Махит, взяла тоненький томик «Опасного фронтира!», оставленный Махит на выдвижном столике, когда она в спешке одевалась, готовясь к их первому полету на Пелоа-2.

– Это лселская литература, – услышала она свой голос и обозлилась на себя за то, что говорит извиняющимся тоном.

Три Саргасс, все еще обнаженная, села за стол и открыла книгу.

– Кто это нарисовал? – спросила она.

– Не знаю, – ответила Махит. Она натянула на себя одежду, села, обхватив колени руками. Она чувствовала себя так, будто готовится к побоям, и даже сама не понимала почему. Не она же это нарисовала. – Какой-то подросток. Я купила это в киоске на одной из наших жилых палуб…

– У вас там много киосков, – сказала Три Саргасс, с отсутствующим видом переворачивая страницы. – В одном из них мне попытались продать пиво из ламинарий. Оно было ужасно.

Пиво из ламинарий было ужасно.

– Кому-то нравится, – сказала Махит. Когда это Три Саргасс нашла время для общения с продавцом пива? До или после того, как столкнулась с Акнел Амнардбат?

– Мне нравится – штриховые изображения выполнены неплохо, и эта вот Эшаракир…

– Что с ней?

– Она немного напоминает мне тебя. Так кажется. Чтобы знать наверняка, я должна прочесть остальное.

– У нас есть время, – услышала собственный голос Махит. – Много времени на это не уйдет. Иди сюда, если будешь читать. Кровать намного удобнее стула.

* * *

Сны начались со свернутой расплавленной плоти на ухе министра войны, только это была не министр войны, а Махит Дзмаре в саду, и это было ее лицо. Лицо и маленькие клювы дворцовых певчих, которые тыкались в ошметки уха клювами, пили. Она была похожа на человека, попавшего под удар кассетной атомной бомбы и растворяющегося под воздействием яда. Она отравляла все, к чему прикасалась.

Во сне она возвращала ему его собственные слова. Он помнил эту часть. Она сказала: «Им даже не нужно прикасаться к тебе, чтобы сделать это» – и была заглушена птицами, обожжена склизкой лимфой, а потом она и вовсе перестала быть Махит Дзмаре, а стала одной из их врагов, одной из инородцев, длинношеей и странно-пятнистой, с зубами хищника и необожженной. Совсем.

Необожженной, осторожно держащей одного из дворцовых певчих в своей длиннопалой руке, изящной, если не замечать когтей. Восемь Антидот во сне помнил, что думал: инородец сожрет птицу, помнил, что боялся зрелища убийства, боялся до паники и пытался умолять инородца попридержать кончик его кристаллического ногтя и не убивать птичку, чистящую свои крохотные перышки.

После этого было и кое-что похуже, но это он помнил смутно. Только ощущение, что совершил что-то ужасное, и знание, что совершил это во сне.

Он встал. Принял душ – как обычно, отвернувшись от камер. Оделся в одну из своих экипировок: серое на сером. Он выглядел почти как обычный мальчишка. Почти. Может быть, дети носят разные цвета, но он не знал наверняка. Он откинул назад волосы, расчесал их и выровнял, потом перевязал шнуром из серебра и кожи. Если он не выглядит как ребенок, то, может быть, ему следует выглядеть как шпион. У него был серый пиджак, длиннополый, со слоеными лацканами, взрослый пиджак, который хорошо на нем сидел.

Он собрался куда-то. Он понял это, натягивая на себя пиджак, и решил перед уходом присесть и решить куда. Не в министерство войны. Он боялся завизжать, если снова попадет туда, а визг ассоциировался с детством и не мог пойти ему на пользу.

Он слышал кое-что про Махит Дзмаре. Совсем немного, чуть-чуть. Слышал ее речь в новостях, ту, что она произнесла перед смертью его предка-императора, речь, которая развязала войну. Он потом не раз просматривал эту запись. А еще у него была *деструктивная личность*, гундосившая в голове, которая заставляла его чувствовать себя странно и немного дурно. Может быть, он сам был деструктивной личностью? Мог ли человек стать императором, не будучи деструктивной личностью?

Махит Дзмаре была не одна, когда прилетала в Город. Она была не одна и теперь, когда проводила переговоры первичного контакта на боевом корабле Флота. В обоих случаях рядом с ней была другая личность, одна и та же. Третий заместитель министра информации Три Саргасс или специальный

уполномоченный Три Саргасс. Одна и та же личность, о которой Восемь Антидот почти ничего не знал. Думать о ней было гораздо проще, чем о превентивном ударе по планете.

Слухи утверждали, что она написала песню, которую во время попытки узурпации пели бунтовщики, до сих пор преданные императору Шесть Пути. Начиналась эта песня словами: «Мы, освобожденные, – копье в руках солнца». Эта песня прочно застряла в голове Восемь Антидота и, возможно, в головах многих других людей.

Она была поэтом, Три Саргасс, прежде чем стала тем, кто она теперь.

Он вызвал персональный поиск в своей облачной привязке, стал искать ее работы. Ссылок было много. Но, как выяснилось, за последние два с половиной месяца она ничего не написала – по крайней мере ничего, что вышло бы в свет. Впрочем, ему не особо хотелось провести утро за чтением поэтических опусов. Он пришел к выводу, что попозже должен написать эссе об этом и показать одному из своих наставников. Это эссе мало что расскажет о ней: все известные о ней сведения принадлежали прошлому.

Он мог бы провести и другие исследования, ведь он как-никак Восемь Антидот, его сиятельство, сонаследник тейкскалаанского лучезарного солнцетрона копий. Да, все это был он, хотя ему пока всего лишь одиннадцать лет. Его облачная привязка почти не знала ограничений – он, вероятно, даже не знал всех ее возможностей. Скорее всего, он и не подумал бы ими воспользоваться, даже если бы знал об их существовании.

Он запросил во Всеобщем архиве сведения о какой-либо публичной активности Три Саргасс за последний месяц. У Всеобщего архива был довольно гадкий интерфейс – он явно принадлежал министерству юстиции или как минимум имел глиф министерства, который крутился в воздухе, пока искусственный интеллект архива решал, дозволено или нет Восемь Антидоту знать, чем занимается Три Саргасс в свободное от службы время. Он задумался, не используют ли и Солнечные этот интерфейс таким же образом. Может быть, и нет. У них были собственные инструменты наблюдения.

Как выяснилось, Три Саргасс ничего особенного не делала, по крайней мере в прошлом месяце. Она тратила деньги в ресторанах, отдавала в чистку форму, как и все остальные. Она не покупала ничего необычного, большого или имеющего отношения к инородцам, не писала посланий, которые уходили бы с планеты. По крайней мере, она не писала *личных* посланий – Всеобщий архив не регистрировал переписку министерства

информации, что, вероятно, было неплохо. Даже при условии, что Восемь Антидот хотел бы заглянуть в архив министерства информации и узнать, с кем общалась Три Саргасс. То, что она все-таки *сделала*, случилось в течение восемнадцати часов до ее отлета с Города: она перевелась в категорию специальных уполномоченных, сняла почти все свои средства со счета и переложила на другой, явно принадлежащий министерству информации, заказала несколько комплектов новой униформы и улетела через космопорт Сокровенной области Города в качестве сверхштатного груза на медицинском транспортном судне под названием «Цветочный узор».

После этого никаких сведений о ней. Она исчезла по другую сторону гиперврат между «здесь» и инородцами, с которыми решила поговорить.

Восемь Антидот знал, куда ему теперь. «Цветочный узор» описал круг по ближайшим к Жемчужине Мира гипервратам – капитан корабля был до странности педантичен и прошел через все, – а теперь вернулся в космопорт Сокровенной области.

Капитан медицинского транспорта никоим образом не мог быть связан с дворцом или внутриминистерской конкуренцией. Капитан медицинского транспорта не мог ничего знать об инородцах или деструктивных личностях. Капитан медицинского транспорта мог разве что сообщить Восемь Антидоту свои впечатления об уполномоченном, а тому лишь это и требовалось. Ему нужно было понять, хорошо ли, что этот уполномоченный и Махит Дзмаре ведут переговоры с инородцами, хотя Три Азимут отправила шесть легионов во главе с яотлеком, чтобы покончить с ними.

Глава 14

КАРАНТИННЫЙ ПОРЯДОК, ОБЪЯВЛЕННЫЙ В СВЯЗИ С ОПАСНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ: ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО ЗНАТЬ! Станциосельникам категорически необходимо подчиняться персоналу советника по системам жизнеобеспечения и доверяться на время карантина их выводам, а не вашим собственным. Однако весьма маловероятно, что вам это когда-либо потребуется – последний карантин на станции Лсел объявлялся пять поколений назад. Тем не менее имаго-линии медицинского персонала, который обеспечивал безопасность почти каждого жителя станции, тщательно сохранялись и теперь живут среди нас. Не бойтесь! Легкие болезни вроде обычной простуды или грибковой инфекции типа стригущего лишая не вызывают необходимости введения карантина, такие болезни случаются с каждым… даже с персоналом жизнеобеспечения. Если начнется эпидемия более серьезной болезни, вы получите подробные инструкции. Образец приводится ниже…

Брошюра, распространенная Комитетом по медицинской безопасности и здоровью под эгидой советника по системам жизнеобеспечения.

ПАМЯТКА ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ: В настоящее время не существует

памяток для тейкскалааанцев, путешествующих внутри империи. Просим быть готовыми к незначительным задержкам и планировать их, поскольку военный транспорт имеет приоритет при проходе гиперврат.

Объявление на голографической проекции в космопорте Сокровенной области, показ периодически повторяется

Когда Восемь Антидот был маленьким, за ним, как и за любым ребенком, присматривали няньки: чтобы он не свалился в пруд, не съел инфокарту или не сотворил еще какую-нибудь глупость, какие часто совершают малолетние дети. Но теперь нянек у него уже не было, были наставники. После смерти предка-императора наставники стали для него в большей степени теми людьми, к которым приходил он сам, когда хотел, а не ежедневными воспитателями. Еще у него были все камеры наблюдения Города.

Камеры наблюдения не смогли его остановить – он сел на метро и отправился в космопорт. Его вели, и теперь, в пути, он находил в этом нечто утешительное, потому что в Жемчужине Мира было очень много людей, в чем ты сразу убеждался, стоило войти в метро. Казалось, что все они знают, куда едут, и что бы они ни видели, каким бы абсурдным оно ни казалось, ничто их не отвлекало и не удивляло. Его же все время что-то отвлекало и удивляло. Он видел столько всего. Он хорошо знал комплекс дворца, как форму собственных коленок, он нанес на карту траектории военных кораблей, направлявшихся к шести гипервратам сектора, но при этом Город казался ему очень громкоголосым и очень, *очень* большим.

Но он ехал в космопорт, и глаза Города следили за ним, впервые за долгое время. Прекрасно.

В метро имелись указатели, а Восемь Антидот знал карту – кто ее не знает? – но даже если бы и не знал, то его облачная привязка знала. Он решил, что метро – дело хорошее. Громкое, быстрое, вызывающее дискомфорт, но хорошее. Если бы он ждал на одной из платформ, то расписания движения сообщали бы о времени прихода следующего поезда, о месте его назначения, и поезд прибыл бы и отправился туда, куда и должен был отправиться. Так работал алгоритм метро. Восемь Антидот два

раза делал пересадки – первый раз с ужасом, второй с удовольствием. Значит, это он мог без проблем. Это было настолько проще, чем торчать в кабинете Три Азимут, что он даже не возражал против того, что мимо него ходили люди, чуть не наступали ему на ноги, потому что он был такой маленький – его просто не замечали.

А потом он оказался в космопорту Сокровенной области, и в конечном счете сомнения закрались в его голову – он не был уверен, что сможет осуществить задуманное. Одно дело метро, но космопорт – совсем другое. Людей здесь было еще больше, они топтались, ходили туда-сюда, рассматривали голограммы прибытия, отправления, держали в руках чемоданы или катили перед собой тележки с багажом – тележки были выше его. Сводчатый потолок космопорта вбирал в себя все разговоры пассажиров и превращал в шумовую волну, рокот, который смешивался с веселыми джинглами продуктовых киосков, завлекающих его купить СНЕК: СО ВКУСОМ ЛИЧИ, а также КАЛЬМАРОВЫЕ ПАЛОЧКИ: ТОЛЬКО ЧТО ПРИВЕЗЕННЫЕ. Он чувствовал, как тошнота поднимается у него из живота. Обычно он любил кальмаровые палочки, а сейчас ему казалось, что он вот-вот закричит или, может быть, заплачет, потому что вокруг стоял такой ужасный грохот, и он думал, что вообще больше никогда не захочет есть ничего, включая и кальмаровые палочки. Как ему среди всего этого найти «Цветочный узор»?

Он нырнул в более тихий боковой коридор, где люди двигались в определенном направлении, а не ходили кругами без всякой системы. Он нашел скамью и сел. Ему хотелось подтянуть колени к лицу и спрятаться за ними. Но именно так и повел бы себя маленький ребенок. Он попытался думать. Он представлял собой девяностопроцентный клон императора Шесть Пути, который считался одним из самых интеллектуальных императоров, когда-то начинавших карьеру солдатами, значит он, Восемь Антидот, должен что-нибудь придумать.

Решение оказалось настолько очевидным, что он почувствовал себя глупее, чем когда бы то ни было. *Идиотский маленький ребенок*. Он включил функцию навигации своей облачной привязки и ввел номер якорного места, которое указал по прилете одержимый бюрократическими процедурами капитан «Цветочного узора». Облачная привязка тихо, чтобы никто больше не слышал, звякнула и высветила маршрут следования из места, в котором он находится, к месту стоянки «Цветочного узора». Оказалось, что Восемь Антидот во Вспомогательном коридоре В-космопорта, терминал «Тюльпан», и его путь лежал через пространство, обозначенное в облачной привязке как терминал

«Настурция». Маршрут высвечивался приятной белизной, все вокруг было окрашено в цвет затянутого тучами неба перед рассветом. Восемь Антидот вышагивал по полу космопорта, стараясь выглядеть уверенным и довольным, как взрослый мужчина на задании.

Терминал «Настурция» явно предназначался для кораблей, готовящихся к отлету из системы через гиперврата. Атмосфера здесь сильно отличалась от той, что царила в терминале «Тюльпан», где теснились тейкскалаанцы, отправлявшиеся во все концы империи короткими и длинными прыжками, на планету, спутники или в круиз по ближайшим системам вокруг Жемчужины Мира. В терминале «Настурция» тоже, конечно, присутствовали туристы, но тут была и масса взрослых, очень серьезно уставившихся в свои пассажирские манифесты и визы в затейкскалаанские просторы, предпринимателей с ящиками изделий, несколько колонн солдат Флота в идеальных униформах, новых кадетов, отправлявшихся по месту первого назначения. Глядя на них, Восемь Антидот на ходу распрямлял спину и расправлял плечи. Его высвеченный маршрут вел все дальше, мимо почтового киоска министерства информации, в котором сидели два асекреты возрастом едва ли старше флотских кадетов. Вероятно, операционистами в почтовые киоски при гипервратах назначают тех, чья подготовка недостаточна, чтобы быть полезными где-то в других местах.

Восемь Антидот остановился понаблюдать за их работой. Она не показалась ему трудной: они брали инфокарты клиентов, которые приносили в контейнерах размером с корзинку для мусора в туалете, сортировали их, вероятно, по месту назначения или как минимум по первым гипервратам, через которые они должны были пройти на пути к адресату, перекладывали в другие контейнеры и потом передавали их другим служащим министерства информации в пилотской форме, но только кремово-оранжевого министерского цвета. Скучная работа. Восемь Антидот возненавидел бы такую. Интересно стало, когда появилась персона не из информации, в совершенно гражданской одежде, если только не считать нарукавной повязки серого цвета министерства юстиции. Она остановилась у маленького окошка и протянула операционисту что-то, похожее на официальную инфокарту, которая не отправилась в контейнер. Эта инфокарта произвела совсем другое действие: один из асекрет вышел из киоска, держа в руке специальную инфокарту, и исчез, чтобы лично доставить ее *очень быстрому* курьеру, как предположил Восемь Антидот. Другой асекрета расписался в получении.

Он пытался решить для себя, что ему делать – выкинуть ли из

головы на минуту «Цветочный узор» и спросить у асекреты, который расписывался в получении инфокарты, кто имеет полномочия давать разрешения на отправку срочных посланий с этой стороны гиперврат из Жемчужины Мира, но в этот момент весь космопорт взорвался шумом. Не разговорами и криками на тейкскалаанском, а пронзительным, непрекращающимся визгом сирены, сообщающей о необходимости эвакуироваться.

* * *

В одном старинном руководстве по этике, чтению которого Три Саргасс отдала в свое время целый мучительный семестр в качестве кадета-асекреты, навязчиво выражались опасения, что чрезмерно эмоциональный – или, да не допустят этого звезды, физический – контакт с нетейкскалаанцами может привести к *безвозвратной порче* тейкскалаанца, который имел таковой контакт. Во время регистрации ей показалось, что было бы неплохо прослушать факультативный курс под названием «Философские сдвиги в тейкскалаанских ксеноконтактах», но то был семестр, когда она регистрировалась пьяной в четыре часа утра в киоске министерства информации на южном континенте Жемчужины Мира. Три Саргасс проходила там практику культурного погружения, если культурное погружение можно было измерить успешными слияниями с музыкальными сценами, которые ей даже не нравились. Главным образом она запомнила, что удивлялась авторам старинных руководств, часть которых рекомендовала профилактические дозы антибиотиков вкупе с услугами солнечного храма и социальной изоляцией, если контакт имел место случайно. Три Саргасс, будучи ужасно разочарованным и уже ничуть не пьяным кадетом, решила, что эти писатели до нелепости старомодны. Какой гражданин империи мог бы пострадать от ничтожного культурного загрязнения со стороны неимперской цивилизации? А любой, кто трахал кого-то, пораженного социальной болезнью, имел проблемы покруче безвозвратной порчи. Например, проблемы уровня «половой контакт с уроженцем планеты, не имеющей адекватного уровня здравоохранения».

Сейчас, стоя неловко обнаженной рядом с Махит Дзмаре в душевой санитарной обработки медчасти «Грузика для колеса», Три Саргасс начала подумывать, не принял ли Флот эти старинные инструкции слишком близко к сердцу. Может быть, они не прочли ничего иного, написанного на эту тему, за пять сотен лет. Еще она спрашивала себя, не подсматривает ли за

ними похотливый глаз камеры, спрятанной где-то в их с Махит каюте?

Дрожа в хлористой воде, она сказала:

– Я совсем не это имела в виду наутро, Махит. – Она исполнилась благодарности, когда Махит рассмеялась на ее слова, пусть смех и был натянутый, сердитый.

– На станции мы не требуем от новых любовников такой чистоты, – сказала она.

– На вашей станции ты не проводишь долгие часы с инородцем, перед тем как взять нового любовника, если только я хоть чуть-чуть знаю вашу станционную культуру.

Махит отрицательно покачала головой. Ее кудрявые волосы, с которых теперь капала вода, доходили ей почти до плеч, и она все время откидывала их с глаз.

– Ты не ошибаешься на этот счет. Но если в нас произрастает инородный грибок, то я не понимаю, чем нам может помочь обеззараживающий душ.

Три Саргасс тоже этого не знала. Она явно ничего такого не ожидала, выходя из каюты, которую они делили между собой. Она только-только закончила чтение «Опасного фронтира!», обнаружила, что есть еще девять книг-сиквелов, и заставила Махит пообещать, что та достанет их, если появится хоть малейшая возможность. Они оделись и вышли из душевой с намерением вписаться в расписание, чтобы успеть на запланированную вторую встречу с инородцами, вернуться в ужасающую жару Пелоа-2.

А потому Три Саргасс никак не ожидала, что их схватят солдаты Флота в полном изоляционном снаряжении и потащат в медицинскую часть, где их обеих без малейших церемоний раздели и подвергли обеззараживанию, а на вопросы, в чем необходимость этой процедуры, отвечали неразборчиво. Мертвый инопланетянин, похоже, расцвел грибковой заразой. В любое мгновение с ней и Махит может случиться то же самое.

У Три Саргасс имелись сомнения на сей счет. Она чувствовала себя, как и прежде, совершенно незараженной, по крайней мере грибком. Когда ее не отвлекали целиком и полностью холодные химические дезинфектанты, которыми их поливали, она вполне осознавала, что абсолютно, до мозга костей заражена умными пальцами Махит и необычными нарративными повторами ее графической истории. Но в обеззараживающем душе не было абсолютно ничего сексуального. Конкретно этот момент был наименее привлекателен в сравнении со всем, что когда-либо ощущала Три Саргасс в обнаженном виде и рядом с человеком, с которым у нее был секс.

Кроме того, гораздо больше ее заботило, что они с Махит не успеют на оговоренную встречу на Пелоа-2. Оскорбление, нанесенное врагу опозданием на переговоры, было хуже грибкового паразитизма, распространяющегося по кораблям Флота. На грибок попросту не останется времени, если весь Флот будет растворен вражеским кораблерастворителем.

Душ наконец выключили, герметичную дверь открыли. Три Саргасс тяжело выдохнула. Она была очень мокрой, очень замерзшей, очень чистой, и ей немедленно нужно было садиться в шаттл. Но по другую сторону двери их ждал икантлос-прайм Двадцать Цикада, на котором не было никакой защитной одежды. Но на нем *была* одежда, что давало ему значительное преимущество над ними двумя.

– Адъютант, – тихо сказала Махит. Она не попыталась прикрыться, хотя бы руками, хотя бы углом бедер. Три Саргасс подумала о запрете обнаженности на станции Лсел, а потом решила, что размышления об этом в настоящий момент лишены всякого смысла. Махит жестом показала Двадцать Цикаде, что у него отсутствует маска, нет защитного костюма, а потом спросила:

– Вас больше не пугает, что мы, возможно, заразны, что мы источник этих… как их?.. спор?

– Я считаю очень маловероятным, что вы – источник какой-нибудь заразы, посол, уполномоченный, – сказал Двадцать Цикада. – А если вы все-таки источник, то ничуть не больше тех, с которыми я уже соприкасался. Это я нашел тело в медицинской части, так что если что-то случилось со мной, то оно *уже* случилось.

– Откуда вдруг возник этот страх перед грибковым заражением? – спросила Махит. – Инородцы, с которыми мы говорили – или пытались говорить, – были абсолютно здоровы. Никаких видимых грибковых осложнений.

– Видимых – да, – начал Двадцать Цикада, – но не внутренних. Я начинаю думать, что таковые у них, возможно, есть, но они были спящими в черепной полости, в невральных структурах.

Судя по его виду, он готов был и дальше развивать эту мысль. Он казался человеком, который молча пережил испуг и некоторое время оставался с этим наедине, а теперь был готов говорить о чем угодно, если кто-то хотел его слушать. Три Саргасс вспомнила Двадцать Цикаду в гидропонном саду в сердце корабля – он выглядел там как у себя дома. Она подумала: «Протокол изоляции для него невыносим. Мысль о том, что он может потерять доступ ко всему этому, стать носителем заразы,

наверно, была для него подобно ране, через которую вытекают жизненные силы, словно сок из срезанного ствола цветка».

А потом: «Может быть, я все еще остаюсь поэтом».

Она прервала его, прежде чем он продолжил излагать Махит накопившиеся в нем мысли о грибке, который явно в тайне и безопасности хранился в телах врагов, пока они были живы.

– Икантлос-прайм, – сказала она, – нам нужно на Пелоа-2. Мы обещали быть там. И я даже представить себе не могу, что подумают – или уже думают – инородцы, если мы будем обещать одно, а делать другое.

– Я знаю, – сказал Двадцать Цикада. – Я лечу с вами. Я поведу шаттл.

– Ваша яотлек не хочет подвергать опасности заражения тех, у кого еще не было контакта, – сказала Махит убедительным, спокойным голосом, словно протягивая руку: «Я вам сочувствую – ваши люди нехорошо поступают с вами».

– Верно, – сказал Двадцать Цикада. – Но я настоял. Я хочу задать им вопросы, посол. Я хочу показать им это и спросить: «Для чего оно?»

Он поднял одной рукой загерметизированный прозрачный куб. Внутри его находилась разветвляющаяся фрактальная структура белого цвета. Три Саргасс подумала, что форма этой структуры очень сходна с бледно-зеленым рисунком частично видимой татуировки последователя культа гомеостата на запястье Двадцать Цикады. Когда он потряс куб, изнутри донеслось дребезжание.

* * *

Сигнал тревоги, громкий и высокий, не прекращался, и все, кроме Восемь Антидота, явно знали, что им делать. Весь терминал «Настурция» превратился в людской поток, спешащий к выходам, а космопорт, казалось, будет исходить на визг без конца. «Что-то случилось. Что-то случилось, и тебе грозит опасность». Они, вероятно, эвакуировались. Восемь Антидоту тоже нужно эвакуироваться. Но его ноги словно вросли в пол. Он был крохотным камушком, и его обтекала людская река. А что если тревога сработала оттого, что он убежал, и теперь все опоздают на свои рейсы, на свои поезда и все остальное, потому что Город ищет его? Вдруг все это по его вине?

А если не по его, если это реальная тревога, реальная проблема и никто не знает, где он и в безопасности ли? Тогда дело хуже. Хуже, потому что он вел себя как настоящий эгоист.

Все двигаются с такой скоростью – он больше не камень, он камушек в людском потоке, его пинают, толкают те, кто спешит к выходам из терминала туда, где нет этого звука. Кто-то задел его рюкзаком, и он упал. Кто-то наступил ему на живот, он почувствовал боль и свернулся калачиком, как его учил Одиннадцать Лавр. Закрыл шею сзади руками, защитил лицо и живот. Ему не хватало воздуха, чтобы заплакать, – воздух из него вышибло, когда тот человек наступил на него так, будто Восемь Антидот был частью пола… и вот еще один споткнулся об него, упал, снова поднялся на ноги…

Если он будет оставаться здесь, его непременно раздавят.

Он попытался вспомнить то холодное, ясное место внутри своего сознания, куда он удалился в стратегической комнате министерства войны. Место, которое открылось ему после испуга. Он не знал, как туда попасть. Страх охватил его. Это место теперь перестало быть реальным.

Чья-то рука ухватила его за предплечье. Дернула вверх, поставила на ноги. Голос:

– Дети, черт бы вас подрал! Тебя же тут затопчут…

Теперь он двигался в людском потоке, уже не препятствие, а тысячная часть текущей воды. Восемь Антидот понятия не имел, кто его поднял, кто ему помог. Тот человек уже потерялся в толпе, как и он сам.

Из Терминала «Настурция» они перетекли назад, в терминал «Тюльпан», как водный поток. Восемь Антидот увидел, что на всех выходах из терминала стоят агенты службы безопасности космопорта, а к ним во все возрастающем числе примыкают Солнечные в их плоских забралах золотистого цвета, угрожающих и успокаивающих одновременно. Здесь, в терминале «Тюльпан», визг тревоги сопровождался словами: «Просим выходить из помещения, непосредственного риска для ваших жизней и собственности в настоящий момент нет, и просим сейчас не пытаться войти в метро». Завывание сирен продолжалось.

Из одного из входов в метро наружу пробивались щупальца белого дыма. Поток вынес Восемь Антидота, испуганного и в синяках, через двери терминала под яркие легкие лучи послеполуденного солнца. Оказавшись под открытым небом, он подумал: «Неужели в туннеле была бомба?» Он совсем не представлял себе, что нужно делать в этом случае. Так не должно было случиться. Метро действует по четкому алгоритму, который бы выявил бомбу, если бы она была. Разве нет?

Солнечные начали огораживать космопорт. Поток эвакуируемых вынесся за периметр и перестал быть текущей рекой, а вернулся в состояние хаотического движения: часть

тейкскалааннцев стояла, часть уходила, останавливала наземные машины, просила подвезти или просто быстрым шагом двигалась куда подальше. Восемь Антидот уселся на низкую ограду вокруг тюльпанового сада. «Терминал «Тюльпан», – подумал он. – Конечно, тут должны быть тюльпаны». Он чувствовал боль в животе, плече и скуле. Прикоснулся к щеке рукой и поморщился от жжения. Он не удивился, увидев, что пальцы в крови.

Он хотел домой.

Он не знал, как добраться до дома, если метро закрыто. От Дворца-Центр его отделяли многие мили, а он не знал, какие районы лежат между космопортом и дворцом, если добираться пешком. Его облачная привязка проложит маршрут, но это ужасающе долгий путь. Ему не следовало пытаться быть взрослым человеком в Городе. А если он не может даже такую малость, то как он надеется быть императором? Или хотя бы солдатом во Флоте? Он не сомневался: солдаты бы не паниковали, если бы перед ними закрылось метро. Тем более если бы хотели вернуться домой, в место, которое жило по понятным им правилам.

Он пообещал себе не плакать и сразу же расплакался. А это означало, что он плачет и смущен этим одновременно.

Когда ему удалось открыть глаза и утереть нос рукавом – он вел себя совсем как младенец – и вообще посмотреть вокруг, он увидел перед собой сидящего на корточках человека в белом.

– Привет, ваше сиятельство, – сказала Пять Агат, эзуазуакат императора. – Как дела?

Будь Восемь Антидот на два года младше – может быть, даже будь он на две недели младше, – он бы бросился ей в объятия, крепко вцепился бы в нее руками. Но он был слишком смущен и испытывал невыносимый стыд.

– Отлично, – сказал он, гнусавя из-за соплей, заполнивших его нос.

– Превосходно, – сказала Пять Агат и села на каменное ограждение рядом с ним. – Как насчет посидеть здесь минуту-другую, пока Солнечные огораживают район? А потом я отвезу вас во Дворец-Восток.

Это ему невероятно понравилось. Это было легко. Восемь Антидот не поверил услышанному. В этот момент он подозревал, что ничему не верит, и это было ужасно. Он хотел верить правой руке императора, руке, принесшей клятву верности. Раньше он всегда ей верил.

– Что случилось? – спросил он.

– Много чего, – сказала Пять Агат. – О чем именно вы хотите услышать?

Он проглотил слюну. Услышал свой жалобный голос:

– Это все моя вина?

Пять Агат провела рукой по его спине. Один раз.

– Нет, – сказала она. – Вы ни в чем не виноваты. Разве что в том, что Девятнадцать Тесло попросила меня лично привезти *вас*, а я была сильно занята в это время. Но вы проделали отличную работу, позволив себя обнаружить, – позировали перед камерами, сидели не двигаясь. Я потеряла вас всего на несколько минут.

Выходит, на самом деле он ни минуты не был один. Через некоторое время он, вероятно, выскажет свое недовольство, но не сейчас. Город видел его и отправил к нему Пять Агат – или Девятнадцать Тесло отправила. Может быть, это одно и то же. Иногда трудно было сказать, где начинается Город и где кончается император.

– Извините, – сказал Восемь Антидот. – Вам из-за меня пришлось ехать сюда.

– Я принимаю ваше извинение.

– А все-таки что случилось? Я видел дым из метро. Там была… – Ему не хотелось спрашивать: «Там была бомба?» Ему казалось, что таким образом он придаст этому черты реальности.

– Состав сошел с рельсов, – сказала Пять Агат. – Это довольно серьезная проблема, *удивительная*. Со времени вашего рождения ни один поезд не сходил с рельсов.

– Со времени введения нового алгоритма, да?

– Да. – Ее, казалось, не удивило, что он знает об алгоритме, что он пришел к такому заключению. Восемь Антидот вспомнил, что у нее есть ребенок. Маленький, но, может, ребенок был умным, а Пять Агат умела верить маленьким, когда они высказывали правильные мысли. Это имело смысл. Ему очень хотелось, чтобы происходящее сейчас имело смысл.

– Кто-нибудь погиб? – спросил он.

– Пока нет, – ответила Пять Агат, промигав информацию на облачной привязке. – Некоторых отвезли в больницу, но пока все живы.

– Хорошо. – Он глубоко вздохнул. – Это тот самый состав, в котором ехал я?

Пять Агат задумчиво выдохнула.

– Может быть, – сказала она. – Было бы полезно узнать, как именно произошел сход с рельсов. И еще – что вы собирались делать, приехав сюда?

«Быть шпионом, – подумал Восемь Антидот. – Самому узнавать, что происходит». Но сказанное ею «может быть» дребезжало в его горле с такой силой, что он чуть не задыхался. Может быть, если он скажет ей правду, то ему придется

отправиться домой и на какое-то время перестать быть шпионом.

– Я хотел узнать у одного человека, который не работает ни на министерство информации, ни на министерство войны, узнать кое-что о специальном уполномоченном Три Саргасс.

– Вы думали, что сумеете найти такого человека в космопорту?

– Да. Она улетела на «Цветочном узоре» и…

– О, как умно, – сказала Пять Агат. Восемь Антидот думал, что похвала доставит ему удовольствие, вызовет у него чувство гордости, как когда Одиннадцать Лавр или Три Азимут говорили ему, что он сделал что-то хорошо. Но он почувствовал только усталость. Наступило долгое молчание, тихое, созерцательное пространство. Он шмыгнул носом. От слез у него разболелась голова, и это тоже смущало его.

Наконец, Пять Агат поднялась. На ее белых брюках была земляная грязь, но ей это, казалось, ничуть не мешало.

– Давайте домой, ваше сиятельство, – сказала она. – Министерство юстиции и Солнечные уже перекрыли периметр. Не имеет смысла оставаться здесь и ждать сообщения, что это было – техническая неисправность или взрывное устройство.

Взрывное устройство. Типа того, о чем говорил икспланатль в тронном зале много-много дней назад. Бомба. В метро. Это было бы ужасно. Хуже, чем схождение с рельсов. В особенности если это случилось по вине Восемь Антидота.

– Вы думаете, – сказал он, заставляя голос звучать ровно, – что это было взрывное устройство?

– Я думаю, что вам и мне лучше дождаться доклада министерства юстиции, прежде чем начинать беспокоиться, – ответила Пять Агат. – Подождите реальных проблем, ваше сиятельство, и не принимайте на свой счет то, что не случилось с вами лично.

Она помолчала и улыбнулась, но это выражение исчезло с ее лица так же быстро, как появилось.

– К тому же я могу сделать и кое-что получше, чем доставить к вам капитана «Цветочного узора», – добавила она. – Как насчет поговорить с самим уполномоченным?

* * *

Шаттл полетел в систему Пелоа с Пчелиным Роем на борту. Девять Гибискус с мостика смотрела на ярко горящее топливо в двигателях шаттла, пока корабль не исчез в атмосфере Пелоа-2. Рядом с ней на том месте, где должен был находиться ее

адъютант, стояла Шестнадцать Мунрайз – худшая из всех возможных замен Пчелиного Роя. Шаттл увез его, уполномоченного, посла и тех же четырех солдат сопровождения, что и в прошлый раз – от всех резко несло хлоркой и дезинфектантами, несмотря на свежие униформы. Они летели вниз, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу, а медицинская часть все еще была на карантине, и входить туда мог только специальный персонал. Шестнадцать Мунрайз заявила, что она спокойна: никакой немедленной вспышки грибковой анафилаксии пока не будет, но капитан Флота, не говоря о яотлеке, не должен рисковать. И конечно, Шестнадцать Мунрайз отказалась возвращаться на «Параболическую компрессию», пока остается хоть малейшая опасность того, что она является носителем. Как благородно, как удобно для нее! Как легко ей будет узнать о вражеской планетарной системе, прежде чем Девять Гибискус будет готова посвятить ее в это.

Девять Гибискус хотелось сломать что-нибудь, а лучше пристрелить. Иметь цель, чтобы направить на нее всю огневую мощь «Грузика для колеса», поджечь что-нибудь. Ничто больше не имело смысла. Она поняла Кауран. Поняла, как вызвать доверие у врага, как придать своим преданным солдатам силу – это она всегда понимала. Но вот она тут, парализованная, и ее мертвый кадет лежит подле мертвого инородца в холодильной камере аутопсии. За ними вся мощь Флота, вся мощь Тейкскалаана, весь ее опыт и тяжело давшееся терпение… но Пчелиный Рой улетел на этом шаттле, побери его звезды, он приземлится в жару пустыни и будет задавать инородцам вопросы. Это изначально придумала она, но теперь ей хотелось забрать свою идею назад. Если бы только возврат идеи означал, что придется делать нечто такое, чем можно занять людей. Чем-то, кроме ожидания смерти в огненных вспышках, когда их застигнут врасплох вражеские корабли, внезапно появившиеся из черной космической пустоты.

Она могла подарить им эту планетарную систему. Она могла в любой момент отдать такой приказ и потерять по половине каждого легиона на пути туда, а потом уничтожить целиком живую планету, полную мыслящих существ, после чего эта война будет продолжаться вечно. Но это была бы война, в которой есть цели. Война, которой она отдастся всем своим существом, но, прежде чем умереть, она, Девять Гибискус, станет историей, песней.

Она подумала, сойдет ли ей с рук, если она случайно пристрелит Шестнадцать Мунрайз. Может быть, и не сойдет, пока у нее не будет оправдания.

– Сколько времени вы собираетесь им дать? – спросила

Шестнадцать Мунрайз, и Девять Гибискус с сожалением отметила, что этот вопрос не потянет на оправдание в военно-полевом суде и в месте приведения приговора в исполнение. Этот же вопрос хотели задать ей и все остальные, кто находился на мостике. Два Пена, погруженная в рассматривание голографических проекций коммуникационных сетей Флота на облачной приставке, Восемнадцать Резец с его порхающими руками, колдующий над интерфейсами движения и навигации, с голодным для любого предложения лицом.

– Два часа, – ответила Девять Гибискус. – Или больше, если Пчелиный Рой пришлет сигнал «все в порядке». А он пришлет.

– Вы ему так доверяете, – сказала Шестнадцать Мунрайз. Девять Гибискус вдруг обнаружила в себе полное безразличие к тому, что другая женщина пытается найти подход, информацию, способы подорвать и уничтожить ее власть. Теперь это не имело никакого значения.

– Мы служили вместе на протяжении всей его и моей карьеры, – сказала она. – Конечно, я ему доверяю. А вы бы не доверяли?

Она не сомневалась, что с ней навсегда останутся звуки его искаженного голоса, когда он говорил с ней по интеркому медчасти. Тщательный подбор слов. Как он назвал ее «Мальва» и «моя дорогая», потому что был почти стопроцентно уверен, что умрет, а потому протоколом в какой-то его части можно было пренебречь. Он всю свою жизнь старался быть идеальным тейкскалаанцем, идеальным солдатом Флота, но в отношениях он таким не был.

– Доверяла бы, – удивленно сказала Шестнадцать Мунрайз и вздохнула. Призрачный звук, дыхание, как кусок льда, запутавшийся в пологе внутри разбитого «Осколка», куда проник вакуум. – Он исключительно храбр. «Его вены будут излучать звездный свет и сиять, как светлячки в жертвенной чаше».

Это была «Песня возрождения №1». Старейшая, та самая, которая поднялась над землей вместе с Тейкскалааном, – или почти. Первое поколение в космосе при первом императоре. Песня возрождения, которую никогда не связывали с конкретным автором, да и с чего бы? Это была песня о том, что значит быть тейкскалаанцем.

Девять Гибискус чувствовала, что ею манипулируют, беззастенчиво манипулируют, но ее это *устраивало*.

– Да, он такой, – сказала она. – Поэтому я и отпустила его туда с уполномоченным. Он заслуживает шанса спросить у этих существ, почему они чуть не убили его и за что и входило ли это в их планы.

Звук, который произвела Шестнадцать Мунрайз, не был словом.

– Его, но не остальных наших убитых? Остальных *моих* убитых, всех наших на Пелоа-2?

– Он единственный имеет такую возможность.

Она не знала, везение это или неудача.

– Я хочу верить в вас, мой яотлек, – сказала Шестнадцать Мунрайз. – Правда, хочу. Но здесь задействованы силы, с которыми не совладать ни вам, ни мне.

– Что же это за силы, капитан Флота? – спросила Девять Гибискус, ожидая в ответ что-нибудь параноидальное. Такими уж они были в Третьей Ладони, даже отставники, которые оказались потом в командном составе. Паранойя никак не сочеталась с этой разновидностью честности, с разновидностью *просьбы* разрешить обратиться за помощью…

На этот раз звук, произведенный ртом Шестнадцать Мунрайз, назывался вздохом. Шум, вырвавшийся против воли, звук, издаваемый человеком, готовящимся сказать правду. Черт побери, но ведь она была из Третьей Ладони, да? Девять Гибискус не могла ей доверять, даже если она окажется права. Даже если она изложит свой анализ на языке, который Девять Гибискус считала единственно возможным между подчиненным и командиром, языке взаимозащиты в виде формулы: «Я готов умереть за тебя» и «Я никогда не попрошу тебя умереть, если только у меня не останется иного выхода».

– Это силы, которые убедили министерство информации взять представителя иностранного правительства на ведущиеся в ходе первичного контакта переговоры о прекращении огня. Силы, которые вынудили Ее Великолепие императора побудить министра Девять Тягу к досрочной отставке. Любая сила, которая хочет, чтобы мы завязли в этой войне, а не выиграли ее.

Девять Гибискус повернулась к ней. Она приняла решение. Она еще не знала, что это за решение, знала только, что приняла его.

– Вы хотите продолжить этот разговор приватным образом, капитан Флота?

Она старалась говорить мягким голосом, когда обратилась к одному из своих солдат, – таким же голосом она говорила с Восемнадцать Резцом, когда тот принес ей известие, что они обнаружили местонахождение планетарной системы врага. Это было предложение: «Вы хотите, чтобы я поверила вам? Чтобы защитила вас?»

Шестнадцать Мунрайз отказалась.

– Нет, яотлек, – сказала она, оставив всякую вежливость. –

Я могу сказать все это здесь, на мостике. В министерстве есть фракции – и, насколько мне известно, вы в курсе этого, – которые предпочли бы, чтобы вы дошли до изнеможения в этой войне на изнурение, а не начинали войну, которую вы можете выиграть. Эти фракции объединены теми, кто хотел бы, чтобы министерство приросло силой, имело тот престиж, который был у нас до несчастного происшествия с Один Молнией. Вы ведь знаете, где находилась министр Три Азимут, прежде чем получила свой нынешний пост?

– В Накхаре, – сказала Девять Гибискус и замолчала. Она, конечно, знала Накхар. Конечно, она знала, как Три Азимут привела Накхар к покорности, знала о ее тщательном и деструктивном насилии, примененном к повстанческим фракциям, знала о том, как Три Азимут внедряла своих людей в эти фракции, а потом позволяла им разрушать эти ячейки до полной ненужности любой ценой, вплоть до разоблачения самих себя. Девять Гибискус сама делала что-то подобное в Каураане…

Ей вдруг пришло в голову, что новый министр войны, может быть, не любит Шестнадцать Мунрайз и Третью Ладонь так же сильно, как сама Девять Гибискус. В то же время она может так же сильно не любить и Девять Гибискус за ее прежнего покровителя. Или за то, что она использует тот же набор идей, но не нуждается в эпитетах типа «та, которая разжигает вражду в самом преданном присяге сердце». Эпитетах, которыми Три Азимут обросла и которые висят на ней, как цепи.

– Накхар, – согласилась Шестнадцать Мунрайз. – Ее Великолепие император Девятнадцать Тесло, да властвует она еще тысячу тысяч лет, сделала мясника накхарской мысли министром войны. Она отправила вашего покровителя министра Девять Тягу домой в Зорай, а вас – и меня – сюда. С *этим*.

Она показала вдаль на все еще вращающийся трехколечный корабль, на Пелоа-2 – сверкание отраженного света.

Девять Гибискус прежде слышала, что Три Азимут называют «мясником накхарской мысли» только в самых темных углах флотских баров, где поэзия превращается в нескладушки и эпиграммы, произносимые с такой скоростью, что они лишаются смысла раньше, чем их выслушивают до конца.

– Мне нравится ваша прямота, капитан Флота, – сказала она. – Что я, по-вашему, должна ответить вам? Что опасаюсь, как бы мы все не умерли здесь медленной и мучительной смертью в ходе первой волны противостояния? Что я верю, будто наш светлейший благословенный звездами император начнет войну, выигрывать которую у нее нет намерения, потому что ее цель – с корнем вырвать остатки тех порослей во Флоте, которые могли

бы поддержать Один Молнию? Вы хотите, чтобы я сказала эти слова, отвечают они действительности или нет, чтобы вы могли донести их до вашего заместителя министра?

Она с удовольствием отметила, что Шестнадцать Мунрайз вздрогнула. Она, следовательно, не знала, что Девять Гибискус догадалась о ее продолжающемся сотрудничестве с Третьей Ладонью? Что ж, это уже *кое-что*. Пусть и немногое.

– Нет, – сказала Шестнадцать Мунрайз. – Я вовсе этого не хочу. Я хочу… чтобы эта война началась и мы ее выиграли.

Может быть даже, она говорила правду. У Девять Гибискус не было времени проверять: Два Пена встала из-за своей консоли и сказала:

– Яотлек, извините, что прерываю, но у нас приоритетное послание от самого императора. Она хочет поговорить с уполномоченным и послом Махит Дзмаре. Просит ответить как можно скорее – курьер ждет.

Уполномоченный и Махит Дзмаре находились на Пелоа-2, разговаривали с врагом или, может быть, умирали от грибкового заражения. Или от теплового удара.

– Что ж, тогда верните их сюда, сможете? – спросила Девять Гибискус. Неважно, какие мысли пыталась ей внушить Шестнадцать Мунрайз, какие сомнения посеять. *Ее император* требовал разговора с уполномоченным, и она, Девять Гибискус, должна была выполнить приказ.

Глава 15

ПРОСМОТР ЗАПИСИ ИНЦИДЕНТА – ЯДЕРНАЯ КАССЕТНАЯ БОМБА ПОРАЖАЕТ (НАЗЕМНУЮ ЦЕЛЬ) (ЧИСЛО?) (должно содержать ФЛОТ)

Зафиксированы три случая применения кораблем Флота кассетной ядерной бомбы на одной из планетарных систем после изобретения этой технологии. Ни один из этих случаев не имел места в течение последних четырех сотен лет, хотя в обществе происходит дискуссия о целесообразности применения бомбы в системе Накхар два индикта назад; эта дискуссия выявила общее мнение о неприемлемости таких действий…

//доступ//
ИНФОРМАЦИЯ, база данных ограниченного доступа запрос осуществлен
96.1.1.-19A капитаном Флота Шестнадцать Мунрайз с персональной облачной привязки и защищенного соединения на корабле «Параболическая компрессия»

РАБОТА МЕТРОПОЛИТЕНА В СОКРОВЕННОЙ ОБЛАСТИ ПОЛНОСТЬЮ ПРИОСТАНОВЛЕНА ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО СООБЩЕНИЯ, КОТОРОЕ БУДЕТ СДЕЛАНО ПОСЛЕ ПРОВЕДЕННОГО МИНИСТЕРСТВОМ НАУКИ РАССЛЕДОВАНИЯ. СООБЩЕНИЕ ПОВТОРЯЕТСЯ. ВОЗМОЖНЫ ЗАДЕРЖКИ.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ ВИДАМИ ТРАНСПОРТА. РАБОТА МЕТРОПОЛИТЕНА В СОКРОВЕННОЙ ОБЛАСТИ ПОЛНОСТЬЮ ПРИОСТАНОВЛЕНА…

Объявление общественной службы, широкое вещание на Жемчужине Мира, 96.1.1-19A

Снова песок и жара, Пелоа-2 сомкнулась вокруг нее, как смирительная рубаха. Восемнадцать прошедших часов не затуманили солнца, эта планета вращалась медленно. За восемнадцать часов сгустился запах трупного разложения. Махит предполагала, что так оно и будет, и теперь чуть не задыхалась. Тело забыло боль. Это было одним из первых правил, которым научил ее психотерапевт, специализирующийся на имаго-интеграциях на Лселе; она тогда была еще слишком маленькой, чтобы задумываться, каково это – стать звеном в длинной цепочке имаго-памяти. Тело забывает боль, но оно также записывает в себя закономерности: эндокринную реакцию и химические триггеры, биологическую обратную связь, которая и устанавливает эти закономерности. Это и есть память: непрерывность в сочетании с эндокринной реакцией.

Снова запах трупного разложения и удушающая жара: повторяющийся опыт. Махит чувствовала приближающуюся рвоту. Она подумала: «Искандр, ты когда-нибудь бывал на скотобойне?»

И получила ответ:

<Нет. До тебя не бывал>.

Значит, это было новым, привнесенным ею в их имаго-линию. Махит не могла понять, как к этому относиться.

Возвращение на плато-платформу отличалось от их прихода туда в прошлый раз. Она все еще боялась инородцев, с которыми они вели переговоры, все еще пребывала в ужасе, чтобы четко отдавать себе отчет о происходящем даже внутри собственного мозга, раз больше негде. Но она пела им один раз и могла спеть снова. А вот состав их маленькой экспедиции изменился: те же четыре солдата сопровождения с шокерами, тот же тент, изготовленный из самого прекрасного тейкскалаанского шелка, какой Махит только могла себе представить, но с пополнением в виде Двадцать Цикады. Адъютант яотлека имел довольно агрессивный вид с его крохотным контейнером, содержащим смертельно опасный грибок, и с его вопросами, задать которые

уже было делом Махит. Задать на языке, который не был языком, на планете, раскаленной настолько, что она боялась потерять сознание.

Пока они шли, Три Саргасс все время прикасалась к ней. Сначала Махит думала, что таким образом Три Саргасс предъявляет претензию на нее – «мои руки были внутри тебя, и теперь ты принадлежишь мне». Она гнала эту идею с яростью, которая вызывала кривое сочувствие от эха воспоминаний Искандра о Шесть Пути и его кровати. Вскоре Махит поняла, что Три Саргасс почти наверняка делала это неосознанно: она просто стояла ближе, а стена между ними пропала. Легкая интимность, как с любыми другими любовниками, какие были у Махит, ни малейшей разницы. Непрерывность эндокринной реакции работала с любым, жил ли ты на станции, был тейкскалааанцем или кем-то еще. Эндокринная реакция на грубом языке плоти говорила: «Руки этого человека были в тебе, и ты приветствовала их. Сделаем это еще раз. Вот и прекрасные химикалии в помощь».

Инородцы ждали их на выступе плато. *Другие* инородцы.

Первый и Второй были заменены на новеньких, и Махит тут же нарекла их Третьим и Четвертым: еще двое, принадлежащих к тому же виду, но определенно другие личности. Оба они были высокорослыми – на добрый фут возвышались над Махит, и это если не считать ушей. Один из них был весь покрыт пятнами, темными и светлыми на лошадиный манер, а другой был почти однородно серым с одним большим пигментным пятном в половину лица. Они явно уже ждали их какое-то время, и Махит подумала, не будет ли вся их переговорная команда съедена за неуважение еще до произнесения приветствий.

Она решила выкинуть эту мысль из головы. Их либо съедят, либо не съедят. Что это – легкий фатализм, производное химического коктейля из эндорфинов и окситоцинов в ее крови? Или они просто стали в большей степени Искандром, чем раньше? Эта бравада, простота решений…

Она подошла к Третьему и Четвертому, остановилась на расстоянии, недосягаемом для их когтей. Солнце мучило ее, ощущалось, как тяжелый груз на черепе. Махит открыла рот, набрала полные легкие воздуха пустыни и пропела «привет» со всей доступной ей громкостью и точностью.

Она еще похрипывала после того, как сделала это в прошлый раз. Но Три Саргасс подошла и стала петь вместе с ней, а потом присоединиться к ним попытался даже Двадцать Цикада со своим лирическим тенором, не очень звучным, но напевным. И после мучительной паузы Третий и Четвертый пропели «привет» им в ответ.

Они были готовы к работе.

Эскорт установил тент, наладил звуковую и проекционную аппаратуру – и новую игрушку, облачную привязку, настроенную на офисную работу, предполагающую распространение файлов и видеозаписей определенному кругу лиц, только конкретно этой мог управлять любой, кто к ней приближался. Три Саргасс назвала ее *стратегической планирующей модальностью*. Двадцать Цикада сказал, что это обычный стратегический стол, типа того, на котором Флот планировал свои войны.

Времени для изучения языка сейчас не было. Не было времени даже на то, чтобы узнать, язык ли то, что они учат.

Дано: эти инородцы коммуницировали и понимали, что такое коммуникация.

Дано: они коммуницировали между собой способом, невидимым и *неслышимым* ни для Махит, ни для какого другого человеческого существа.

Дано: они, казалось, абсолютно готовы к тому, чтобы сожрать всю планету живьем, не оставив ни кусочка, и оставить плоды своих трудов догнивать на солнце. Все эти тела, всех этих людей – мертвыми.

С учетом всего сказанного настало время для примитивных загадочных картинок в виде голограмм.

Больше всего беспокоило не то, что Третий и Четвертый очень быстро поняли, что они с Три Саргасс делают, и принялись рисовать своими когтями линии света в подрагивающем воздухе пустыни. Больше всего беспокоило то, что они оба одновременно, казалось, узнали все, что делали Первый и Второй днем раньше, и то, что они двигались на этот свой ужасный пугающе-необъяснимый манер, какой демонстрировали их предшественники. Третий заканчивал жест, начатый Четвертым, дорисовывал полфигуры за Четвертым. Они рисовали абсолютно одинаково. Тот же навык, тот же стиль.

Они словно представляли собой два звена имаго-цепочки, которые при этом одновременно появились на свет. От этой мысли у Махит мурашки бежали по коже. Но разве сама она не была ущербным существом, по всем стандартам, которые она выучила на станции Лсел? По стандартам, которые определяли, какие способы существования в виде связующего звена в долгой линии живой памяти правильны, а какие ущербны?

Коммуникация с помощью ребусов и песенных отрывков была медленной и мучительной на такой жаре. Они ходили кругами вокруг… нет, ничего конкретного вроде «прекращения огня» не было, максимум походило на «управляемое отступление». Если бы только Махит могла сообразить, почему эти существа делают

то, что делают, она могла бы приблизиться к предложению: «Почему бы вам не делать это где-нибудь в другом месте?» Где-нибудь далеко-далеко от станции Лсел… и от Тейкскалаана, и, да, в таком случае Дарц Тарац вероятно, решит поднести ее Акнел Амнардбат на блюдечке. Но Махит никак не могла приблизиться к этому «почему?». У нее не было никакой абстрактной концепции, с которой можно было бы работать вообще, разве что…

Когда подошла ее очередь начинать следующее предложение – фразу, коммуникационную единицу, – Махит аккуратно нарисовала контуры человеческого существа с вывернутыми кишками, изображенными спиралями света. А над ними – очертания инородца с длинной шеей, острыми когтями.

– Не думаю, что это хорошая идея, Махит, – поспешила сказать Три Саргасс.

Но рот Махит был уже открыт, и то ли пропетый, то ли выплюнутый звук, сорвавшийся с ее языка, обрел форму пиджин-слова со значением «перестать». Со значением: «нет», «прекратите» или «не подходите».

Не убивайте нас.

Наступило молчание, наполненное страхом и невыносимой жарой.

Третий поднял коготь. Его руки под когтями были такие изящные, что Махит даже подумала, что они у него выдвижные и складываются, когда требуется точная работа, а раз так, они не станут потрошить ее. В ответ ей он ничего не пропел. Вместо этого он нарисовал очертания другого человека рядом с выпотрошенным. И еще одного. И еще. Он словно говорил: «Но вы же можете наделать еще больше своих».

Насколько все же у них обширная концепция «вы»?

Может ли она распространяться на целый вид?

Двадцать Цикада стоял от нее по другую сторону, золотистая окраска его безволосого черепа приобрела злобно-розовый оттенок, щеки, высушенные жарой, стали землисто-серыми.

– Ладно, – вздохнул он. – Хватит этого.

– Что? – смешавшись, спросила Махит. Но он уже достал свой контейнер с грибком, емкость с вероятным ядом, и протянул сразу обоим, Третьему и Четвертому, чтобы посмотрели. Он держал контейнер как приз или вызов.

Двадцать Цикада показал на емкость. Глаза инородцев впились в нее, словно она обладала гравитацией черной дыры. А потом он показал на рисунок, сделанный Махит. Мертвый человек, вспоротый, уничтоженный. Он потряс емкость. Беловатый грибок внутри, высушенный дотла, издал теперь треск.

Звук был слишком громким. Интересно, на Пелоа-2 есть насекомые? Или здесь нет ничего, кроме кремниевого песка и солнечных лучей?

Между Третьим и Четвертым произошел снова беззвучный обмен на этом их непостижимом языке. Затем они открыли рты и запели вместе, издавая звук, пробирающий до мозга костей, вызывающий волну тошноты. Махит узнала что-то в этой звуковой закономерности – в прошлый раз они с Три Саргасс определили это как «победа». Но измененная, переиначенная. Она ничего не понимала. Она не могла без языка общаться с этими существами – с этими *людьми*, она старалась думать о них как о людях, даже несмотря на риск выблевать все, что было у нее в желудке. Если бы она была поэтом, как Три Саргасс, следовало бы признать, что вся безмерная власть Тейкскалаана отправила сюда не тех рассказчиков.

Ей точно следовало родиться тейкскалааанкой. Такой поэт пропадает. Впрочем, какой толк был теперь от поэзии?

Один из солдат сопровождения говорил что-то Три Саргасс, быстро, тихо и по-тейкскалаански. Несколько страшных мгновений Махит вообще не узнавала язык – все слоги превратились в бесполезные звуки.

<Дыши>, – сказал Искандр в ее голове, как делал это и раньше, но в этот раз он обратился к ней на лселском, языке станции, языке, который она впитала в себя с первыми вдохами кислорода. Родной язык вернул ей способность осознавать происходящее, звуки вновь обрели смысл. Слова были символами. Она снова могла думать на языке.

Три Саргасс прикоснулась к ней – пальцами к внутренней стороне запястья Махит.

– Мы должны возвращаться, – сказала она, и Махит пришлось провести грамматический разбор этого предложения. Услышать на тейкскалааанском слова не описательного свойства, а призывающие к действию. «Мы должны перестать быть здесь, мы должны исчезнуть отсюда».

– Что? – выдавила она, опять прибегая к бесполезному вопросительному слову.

– Ее Великолепие император Девятнадцать Тесло хочет, чтобы мы отправили ей сообщение. Мы обе. Сейчас. С «Грузика для колеса». Курьер ждет.

– Мы не можем, – сказала Махит. – Мы… они не…

У нее за спиной Третий и Четвертый приближались к Двадцать Цикаде. Окружали его. Он стоял совершенно неподвижно, держа контейнер с грибковой смертью. Абсолютно спокойный. Махит подумала, что, наверно, последователь культа

гомеостата и должен быть таким – готовым принять смерть от необыкновенно хищного врага.

Коготь постучал по контейнеру, один раз. Звук удара кератина о пластик.

<Девятнадцать Тесло не звала бы нас, не будь в этом нужды>, – сказал Искандр, и в этих словах слышалась вся его уверенность в том, что Девятнадцать Тесло заслужила этот абсурдный, мучительный, несущий смерть объем бед, в который она втянула его при жизни. Вся его уверенность в том, что он любил ее и в конечном свете все остальное не имело значения. Он любил ее, несмотря ни на что.

– Улетайте, – сказал Двадцать Цикада странным и чужим голосом. – Садитесь в шаттл вместе с солдатами. А я, пожалуй, останусь здесь.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Махит.

– Я собираюсь вернуть им кусочек их смерти, – сказал Двадцать Цикада, сохраняя прежнюю неподвижность. – А потом посмотреть, понимают ли они, почему я сделал это. Уходите.

Третий опять принялся рисовать в воздухе. Фрактальную форму, похожую на грибок. Форму, которую он наложил на изображенное Махит выпотрошенное тело.

– Я не знаю, как поступить, – сказала Три Саргасс. – Но Девятнадцать Тесло послала меня сюда – по крайней мере, не остановила. И она император.

<Она император, – эхом прозвучали слова Искандра. – А этот адъютант может позаботиться о себе. Даже если он не умеет петь>.

– Не умирайте, пожалуйста, – бестолково произнесла Махит. К Двадцать Цикаде она даже симпатии не испытывала.

– Всем в конечном счете приходится умирать, – ответил тот, чье лицо от пасти Четвертого отделяли несколько дюймов.

«Умирают все, остается только память», – подумала Махит, развернулась и поспешила за Три Саргасс назад к шаттлу, Флоту и Тейкскалаану, замершим в ожидании.

* * *

Они оставили Двадцать Цикаду в пустыне с врагом. Девять Гибискус это очень не нравилось, не нравилось всеми фибрами, но она не могла оспорить принятое решение. В особенности еще потому, что специальный уполномоченный и Дзмаре принесли ей клятвенное заверение в том, что Пчелиный Рой сам настоял на том, чтобы остаться. «Шпионка и ее зверек». Черт побери, иногда

так хотелось прогнать из головы все речевые обороты Шестнадцать Мунрайз. Но этот поступок был настолько в духе Двадцать Цикады, что она поверила. Именно так он расчетливо использовал себя в качестве возможной жертвы за герметичной дверью медицинской части, когда ждал, умрет или нет, вдыхая споры грибка.

Но все равно Девять Гибискус это очень не нравилось. Она могла только пожелать, чтобы ее адъютант, ее дражайший, старейший друг меньше был озабочен сохранением равновесия во всем мире – в империи, Вселенной – и больше эгоистичными заботами о собственной шкуре. Хотя бы ради нее, если не ради чего-то другого.

Пока уполномоченный и Дзмаре отвечали на срочный императорский вызов под наблюдением Два Пены, яотлек на час покинула мостик. Ей полагалось девять часов сна, но кому они нужны? Она не пошла к себе. Она пошла прямо в каюту Двадцать Цикады и… он, конечно, так и не сменил пароль. Дверь впустила ее.

Она увидела автоматически воспроизводимое послание – вращающуюся голограмму над рабочим терминалом, который он обычно засовывал в угол. Послание, выписанное в идеально аккуратном глиф-стиле, которым пользовался Двадцать Цикада, гласило: «Мальва, если меня нет, полей растения и покорми этого проклятого всеми звездами кауранского котенка».

Нет, она не собиралась плакать. Это было надежное послание, не прощальное.

Она полила растения и в процессе обнаружила *проклятого всеми звездами* кауранского котенка спящим в одном из цветочных горшков. Он напоминал некий странный корнеплод космической черноты – корнеплод, который замяукал на нее, когда она случайно облила его водой. Девять Гибискус накормила и его, нашла для него консервированное мясо, и котенок, казалось, остался доволен. По крайней мере, он запрыгнул к ней на колени и замурлыкал, стал есть мясо с ее руки, и это было до слез приятно.

Она все еще кормила его, когда облачная привязка сообщила ей о приоритетном послании, отправленном только для верхушки командования. Она, не думая, включила его. Все сообщения в этом диапазоне вещания подлежали прослушиванию.

Оказалось, что сообщение отправлено Шестнадцать Мунрайз, ее изображение заполнило половину зрительного пространства Девять Гибискус, тогда как другая половина осталась свободной. Она уже покинула «Грузик для колеса» и теперь находилась на собственном мостике «Параболической компрессии». Девять

Гибискус понимала, что должна почувствовать облегчение, но ничего такого с ней не случилось. Ничуть. Она погладила кауранского котенка, чтобы он перестал мяукать, прося мяса, что дало результат лишь отчасти, и прислушалась.

«Яотлек, – сказала Шестнадцать Мунрайз со своего далекого корабля. – Поскольку вы остаетесь моим начальствующим офицером, сколько бы мы ни расходились друг с другом во мнениях, а еще с учетом того, что вы осведомлены об ужасных способностях наших врагов, заключенных как в их кораблях, так и в их телах, я считаю своим долгом проинформировать вас о том, что вы наверняка уже и сами знаете: ваш разведчик обнаружил одну из систем обитания наших врагов. Не вините своих офицеров, они хранили абсолютное молчание. Просто Двадцать четвертый легион не глупее Десятого, и когда «Роза гравитации» изменила траекторию и паттерн поиска и полетела домой через пространство, занятое моим легионом, стало очевидным: они нашли то, что ищем мы все. Мои собственные разведчики подтвердили факт находки, сделанной «Розой гравитации».

Я готовлю ударный кулак. Если вы готовы предложить мне командование, я готова возглавить его: «Параболическая компрессия» вместе с «Грузиком для колеса» прорвется через ряды врага и подойдет достаточно близко, чтобы выжечь их с неба, уничтожить то, что может заразить нас, то, что, без всяких сомнений, сожрет нас.

Насколько я понимаю, в ваши планы может входить дождаться конца переговоров. Я тоже подожду. Некоторое время.

Мой яотлек, я предпочту умереть, но положить конец этой войне, пока она не выпила все жизненные соки из Тейкскалаана в долгой, изнурительной осаде. Думаю, что и вы предпочли бы то же самое. К тому же вы герой Каураана. Может быть, мы все выйдем из этой войны живыми».

На этом послание закончилось. Другая половина поля зрения Девять Гибискус вернулась в садовую каюту Двадцать Цикады.

«Да черт бы тебя побрал со всеми звездами!» – сказала яотлек. Кауранский котенок обиженно посмотрел на нее и спрыгнул с ее колен.

* * *

Когда эзуазуакат императора отправил послание экспресс-курьером, оно прошло даже быстрее, чем послание Флота. Пять с половиной часов, сказала Пять Агат, чтобы доставить запрос

и список вопросов Восемь Антидота на флагманский корабль «Грузик для колеса». Еще какое-то время ушло на составление ответа, а потом потребовалось еще пять с половиной часов на обратный путь. Она отправила его в постель, пока они ждали. Хоть ему это и не понравилось, он решил, что заслужил отдых. Шутка ли, уехал в город, а потом его пришлось спасать, и теперь еще эта мысль, были ли это проблемы со связью или все-таки взрывное устройство. Он спросил Пять Агат, не связывались ли с ней из министерства юстиции, а она вместо ответа только еще более твердым голосом сказала, чтобы он отправлялся спать, и это могло означать как «нет, не связывались», так и то, что ответ был плохим. Ответ «взрывное устройство».

Но Восемь Антидот отправился в кровать и уснул, а потом радовался, что никакие сны ему не снились, потому что если бы снились, то непременно про схождение составов с рельсов.

Ответ на послание уполномоченному должен был быть получен во Дворце-Земля к полудню следующего дня, но он не пришел. Ничего не пришло и к обеду, и Восемь Антидот задумчиво размазывал по тарелке пряную печень с сыром в лепестках лилии, хотя обычно любил вкус жареных цветов. Он слишком сильно нервничал и потому не мог есть. Все, казалось, крутится чуть-чуть быстрее, чем он мог отслеживать. Никто не хотел говорить с ним про метро, а он не знал, как настроить облачную привязку таким образом, чтобы она выдавала больше информации, чем в новостной ленте.

Спустя какое-то время ему пришлось перестать смотреть новости. От вида дыма, струящегося из метро, его начинало тошнить.

Только после захода солнца Пять Агат прислала ему по внутридворцовой почте инфокарту и предложение прийти посмотреть ответы на вопросы, которые он задал. Увидеть не только специального уполномоченного Три Саргасс, но и Махит Дзмаре. Восемь Антидот сразу же подумал: не является ли присутствие обоих этих имен в послании знаком того, что предупреждение капитана Флота Шестнадцать Мунрайз верно и министерство информации скомпрометировано послом со станции Лсел. Или же права Три Азимут: Махит Дзмаре, где бы она ни находилась и хотела она того или нет, нарушала протоколы и нормальное функционирование мира.

Когда он пришел в покои императора, Пять Агат ждала его там, сидя на одном из диванов, обитых белым бархатом. Она похлопала по месту рядом с собой, и это означало, что Восемь Антидот будет смотреть голографическое послание, сидя между императором слева и Пять Агат справа. Она была не одна. Был

еще ребенок Пять Агат, Два Картограф, которому стукнуло семь лет, целый индикт, о чем он недвусмысленно сообщил Восемь Антидоту. Сообщил он и о том, что теперь уходит в кровать, только когда сам захочет, а сейчас читал учебник по математике, лежа животом на плиточном полу в покоях императора. Восемь Антидот не помнил за собой такого во времена, когда здесь жил его предок. Он даже подумал, что ему было бы неловко делать нечто подобное.

Пять Агат спросила его – или ее вопрос был обращен к Ее Великолепию; понять это было затруднительно:

– Ну, послушаем, что Три Саргасс имеет сказать в свою защиту?

Она поставила голографическую запись, прежде чем кто-либо из них ответил.

Они увидели изображение не одной только Три Саргасс. На записи рядом с уполномоченным стояла Махит Дзмаре.

Обе они выглядели очень усталыми, потными и ничуть не счастливыми. Они находились в тесной комнате с металлическими стенами и окном. Голограмма не зафиксировала звездного поля за окном, но Восемь Антидот вполне мог представить, как оно выглядит. Он не видел, есть ли в комнате еще кто-то, кто слушал бы их в процессе записи, но решил, что да. Дзмаре постоянно поглядывала влево, а Три Саргасс, напротив, демонстративно не смотрела в этом направлении. Там определенно кто-то был, и его присутствие заставляло нервничать, по крайней мере одну из них. Дзмаре.

Его вопросы, отправленные Флоту, были просты: «Почему вы, уполномоченный Три Саргасс, считаете, что переговоры с нашим врагом увенчаются успехом? Почему именно вы решили лететь, а не кто-то другой из министерства информации?»

Только два вопроса. Ему всего лишь хотелось выслушать ее оправдание. Попытаться понять, выяснить, верит ли она сама в то, что делает.

Уполномоченный Три Саргасс говорила чистым и довольно усталым альтом. Она напоминала человека, который сходил на очень громкий концерт и пел под оркестр – или человека, который с огромным энтузиазмом всю прошлую ночь играл в амалицли. Она смотрела прямо на записывающую облачную привязку, и теперь Восемь Антидоту казалось, что она смотрит прямо ему в глаза. Прямой глазной контакт. Ему хотелось отвернуться, но Три Саргасс даже не было здесь, чтобы от нее отворачиваться.

– Ваше сиятельство, – сказала она с изысканной официальной строгостью. – Эзуазуакат. Ваше Великолепие. Мое самое глубокое

почтение вам на Жемчужине Мира с флагманского корабля Десятого легиона «Грузик для колеса». Я приношу извинение за краткость этого послания, но, как вы можете себе представить, мы тут немного заняты.

За этим последовала пауза. По лицу Дзмаре на голограмме пронеслась какая-то эмоция, и Восемь Антидоту показалось, что это с трудом сдерживаемый смех. Тот смех, которым смеялись взрослые, когда их охватывал ужас, но они не хотели, чтобы об этом знали дети.

– Вы, ваше сиятельство, задали очень сложные вопросы в маленькой и простой упаковке, – продолжала Три Саргасс. – С учетом нехватки времени и ряда других обстоятельств ни посол Дзмаре, ни я не сможем дать вам ответа, которого вы заслуживаете. Но присутствующая здесь Махит, – она показала на посла, – придерживается мнения, что вы заслуживаете получения ответа, когда задаете вопросы, в особенности с такого расстояния.

Девятнадцать Тесло рядом с ним пробормотала:

– Она ведь и вправду так думает, верно?

– А вы не думаете? – сказала Пять Агат так, словно Восемь Антидота и не было здесь и говорили они не про него.

– Ну, на сей счет посол и я пришли к полному соглашению, – сказала Девятнадцать Тесло, и Восемь Антидот вспомнил, неожиданно и резко, что она сказала ему, придя с подарком – наконечником копья: «Ты не Шесть Путь, как бы ни был похож на него. А уж я постаралась, чтобы тебе не было нужды становиться им». Он опять задумался, что же такого она сделала, для него или с ним? Но уполномоченный уже снова говорила, голограмма продолжалась без всякого уважения к разговору, происходящему пять с половиной часов спустя в будущем.

– Вы хотите знать, почему я взяла на себя этот труд, а не кто-то другой из министерства информации? Это простой вопрос, ваше сиятельство. Мне этого захотелось. Поступил запрос, и я *захотела*. Захотела сделать нечто большее, чем сидеть в офисе, мало спать и писать плохие стихи.

Дзмаре рядом с ней пробормотала:

– Травинка…

Мягко и сочувственно. Вероятно, это было дружеское прозвище уполномоченного. Странно, что посол знала его. Еще более странно, что она его использовала. Три Саргасс отмахнулась от нее, едва заметный жест, который словно говорил: *позже*.

– Ваше сиятельство, что касается желания «сделать что-либо», спросите у Ее Великолепия. Она наверняка смотрит это вместе с вами. Если вы все еще не знаете, почему я, а не кто-то другой из

министерства информации, спросите ее, почему она не остановила меня или не послала кого-то еще вместе со мной.

Девятнадцать Тесло рассмеялась, услышав эти слова уполномоченного. Рассмеялась и кивнула. Восемь Антидот не сомневался, что им манипулируют более чем через шесть гиперврат и пять с половиной часов, но чувство это было довольно странным и освежающим: быть манипулируемым, слыша, как тебе говорят правду. А узнать эту правду ему было необходимо.

Уполномоченный на голограмме вздохнула.

– Ваш второй вопрос потруднее. Я сижу здесь с послом Дзмаре, потому что она разбирается в языках гораздо лучше меня, хотя как дипломат я гораздо лучше ее… Не ее вина, что она… – вид у Три Саргасс был такой, будто она съела первое слово, которое собиралась сказать, быстро его проглотила и заменила: – отлучена в настоящей момент от практики. Почему я считаю, что переговоры с врагом могут увенчаться успехом? Потому что они разговаривают, ваше сиятельство. Потому что, когда мы поняли, как нужно издавать коммуникативные звуки, они стали отвечать. Потому что я выросла, читая Одиннадцать Станка. Пусть Пять Агат раздобудет вам экземпляр «Писем с нуминозного фронтира». Вы на девяносто процентов клон Его Великолепия Шесть Пути, вы уже достаточно большой, чтобы понять…

Дзмаре осторожно перебила ее. Как пловец, ныряющий в воду без малейшего всплеска.

– Потому что, ваше сиятельство, уполномоченному *нравятся* инородцы. По крайней мере, человекообразные – она сама призналась мне в этом, когда мы с ней познакомились. Она, в отличие от некоторых тейкскалаанцев, считает, что люди, которые не являются тейкскалаанцами, тоже отчасти принадлежат роду человеческому. А от этого нетрудно прийти к заключению, что и эти инородцы тоже в некотором роде *люди*. Пусть даже они и не принадлежат человеческому роду.

– Махит, – сказала Три Саргасс, посмотрев на Махит так, словно это утверждение посла потрясло ее.

Но посол продолжила:

– Я не знаю, как они разговаривают. Я знаю, у них есть другие языки, кроме того, из которого мы выучили несколько слов, и ни один из их языков недоступен человеческому уху. Я знаю, к смерти у них не такое отношение, как у нас, но они знают, что такое смерть. Я знаю, что после первой встречи они вернулись к столу переговоров и что не перестали атаковать Флот даже во время переговоров. Я знаю это и больше почти ничего. Я думаю,

они *в некотором роде люди*. А если так…

– Если так, ваше сиятельство, – уверенно перебила ее Три Саргасс, – то существует вероятность заключения перемирия, прежде чем мы потеряем слишком много кораблей Флота. Это все.

Бормотание на заднем плане. Тот, кто был с ними, что-то сказал неразборчиво. Дзмаре казалась испуганной – или исполненной отвращения, или просто раздраженной. У станциосельников была слишком богатая мимика, и понять, что значит каждое выражение их лиц, нередко было затруднительно. Уполномоченный стояла с невозмутимым видом.

– Конец записи.

На этом изображение исчезло, остались только покои императора и Два Картограф, который оторвался от своего домашнего задания и сказал:

– Мама, а Восемь Антидот знает матричную алгебру? Я-то знаю, я решил все задачки, пока вы голограмму смотрели.

Восемь Антидот понял, что скучает по своему семилетнему возрасту. Потому что в семь лет все гораздо проще, чем в одиннадцать.

Он поднялся с дивана. Ему хотелось обдумать увиденное, но не говорить об этом – ни с императором, ни с Пять Агат, ни с кем вообще.

– Я немного знаю матричную алгебру, – сказал он, садясь рядом с Два Картографом. – Хочешь мне показать?

* * *

Они вышли из комнаты записи все еще под пристальным взглядом Два Пены, офицера связи «Грузика для колеса». Три Саргасс весьма решительно игнорировала ее все время, пока они там находились, – проще было игнорировать взгляд подозрительного офицера Флота, чем отвечать на него. Хорошо хоть на них больше не было изолирующих костюмов.

Быть вызванной на флагманский корабль не по требованию самого императора, а чтобы пройти “тест” из вопросов наследника! Все равно что пойти на собеседование к потенциальному одиннадцатилетнему работодателю, который хочет понять, достаточно ли ты хорош для его работы. Наследник был точной копией Его Великолепия Шесть Пути, когда тому стукнуло одиннадцать.

Три Саргасс хотела было плюнуть, вернуться на шаттл и лететь на Пелоа-2, а любознательный мальчишка пусть

подождет еще несколько часов – в любом случае ее ответы были бы более полными, если бы она могла продолжить переговоры, попытаться дать понять врагам, что на самом деле им вовсе не нужны потери, которые терпит Тейкскалаан. Но Махит отрицательно покачала головой и сказала: «Если кто и заслуживает ответа на вопрос, почему Тейкскалаан делает то, что делает, так в первую очередь этот мальчик».

Только тогда Три Саргасс вспомнила, довольно четко и с некоторым смущением, что Восемь Антидот родился, чтобы стать Шесть Путем. Чтобы ему в голову встроили одну из имаго-машин станции Лсел, чтобы Шесть Путь мог быть императором вечно. Она догадывалась, что Махит каким-то сложным образом мучила совесть в связи с этим. Махит сейчас была в большей степени Искандром Агавном, чем шесть месяцев назад, и потому, вероятно, чувствовала себя уничтоженной. Разочарованной. И виноватой.

С кем из них она трахалась прошлым вечером? Кто из них принес эту странную, прекрасную графическую историю в картинках, где есть такие строки: «это драгоценно, но это не память» и «я – это все, что вам нужно»?

Неужели она и вправду хотела знать? Может быть, нет.

Когда она оказалась перед записывающим устройством с Махит, стоявшей справа от нее, где она и должна была стоять, а флотский офицер с осуждающим лицом устроилась в углу, Три Саргасс решила сказать малышу-наследнику всю правду и посмотреть, что из этого выйдет. Оно того стоило, да. Если уж она решала что-то сделать, то делала это на совесть. Так она вела себя всю жизнь. Правильно от начала и до конца – или вообще ничего.

Девять Гибискус ждала их на мостике.

Три Саргасс низко поклонилась ей над кончиками пальцев, то же самое сделала и Махит. Краем глаза она заметила мелькнувший за окном императорский курьерский высокоскоростной шаттл, который сверкнул корпусом и исчез с их посланием, направляясь к гипервратам. Они опять остались лицом к лицу с войной.

– Есть что-нибудь от икантлос-прайма Двадцать Цикады? – спросила Три Саргасс. Она все время думала о нем: как он там один, с контейнером с грибком против Третьего и Четвертого. Один на жаре, как они с Махит были одни против войны.

– Пока нет, – ответила яотлек. – Ничего после вашего прибытия. У него есть еще полчаса, после чего я пошлю вас обеих привезти его назад. Если это возможно.

Три Саргасс подозревала, что, если он не пошлет никакого

сигнала, чтобы дать о себе знать, искать особо будет нечего. Ей будет жаль. Это *расточительство*, в том самом смысле, в каком Двадцать Цикада объяснял ей на гидропонной палубе. Дефект в функционировании Вселенной. Извращение. Использование ресурсов не наилучшим образом – даже не хорошим.

Может быть, ей начать поклоняться гомеостату, если она вернется домой живой с этой войны?

– Мы должны вернуться в любом случае, – сказала Махит. – Мы не закончили.

– Ситуация изменилась, – сказала яотлек. Три Саргасс внутренне поморщилась. Если кто-то доставлял информацию с такой формулировкой, ее никогда и нигде не называли хорошей. Ни в одном из известных ей стихотворений, ни в одном учебнике или «разборе полетов».

– Насколько изменилась? – спросила она.

Выражение лица Девять Гибискус было невозможно прочесть. Все в ней казалось закрытым, обороняющимся, исполненным злости. Она не хотела говорить Три Саргасс то, что собиралась сказать, но так или иначе должна была сделать это. Наверно, потому что не хотела, чтобы министерство информации или станция Лсел извратили то, что она решила сделать. Этот разговор обещал быть крайне неприятным. Три Саргасс попыталась взять себя в руки. Она и так чувствовала себя ужасно измученной.

– Корабль-разведчик «Роза гравитации» обнаружил одну из обитаемых систем врага, – сказала Девять Гибискус. – Планету со спутником.

– И? – спросила Махит.

– Теперь я жду возвращения Пчелиного Роя с чем-нибудь более конкретным, нежели «они хотят продолжать переговоры» или «они полны грибкового инфильтрата и их мертвецы опасны». Если же он не принесет ничего такого… ну что ж. – Несколько секунд Девять Гибискус смотрела таким же взглядом, как когда Три Саргасс впервые увидела ее: она воплощала собой абсолютно точный образ яотлека. – Флот знает, где расположено их сердце. Я готова протянуть к нему руки и изорвать в клочья. Если я должна это делать.

Интерлюдия

Эти тела: сухопогодные тела, стойко-генные тела, одно демонстрировало упрямую решимость в качестве младенца даже еще до получения личности; одно тело имело коварный разум, пронырливое тело, та разновидность младенца, над которой мы смеемся, находясь рядом с ней, видя ее под ногами, бормочущую на своем младенческом языке, постоянно выкрикивающую свои требования. Эти тела, поющие в «мы»: поющие «жара», и «песок», и «замешательство-интерес» в закрытых, но настойчивых разумах врага, как это делали их предшественники. Пение теперь также сюрприз, очарование/ужас, от которых путается мысль, рвутся голосовые связки. Одно из тел их безмолвного врага принесло пучки творца личностей. Не приняло творца личностей в себя, а заперло в пластиковой коробке, словно яд.

Словно «мы» яд.

Тела в песке и на жаре пытались придать этому смысл. Не мыслить языком или эквивалентом повествования – с какой стати? – а попытаться связать концепции, что прежде было невозможно. Для осмысления: *не-личность*, но при этом *хочет быть личностью*; но при этом *не хочет личностности, не хочет петь, фрактализировать, быть отраженным, итерировать по всему войд-дому*. Для перекрестной ссылки: *те тела, которые пели только итерацию пилотирования, а в остальном хранили молчание*. Чтобы эхом разнести страх по «мы», страх в виде безмолвного врага: представить *только желание частичного пения*.

Безмолвный враг говорит языком ртов, бесчувственно. Когда хитрое/подлое тело вырывает творца личностей из его бескоготных рук, оно недолго орет, а потом заставляет себя замолчать. Оно очень неподвижное и очень внимательное, и упрямое/решительное тело поет *личность*, а хитрое/подлое тело поет *не личность, не пение*, и эти нити мелодии вибрируют без конца в «мы»…

* * *

В то же самое время, горя холодной решимостью, капитан Флота Шестнадцать Мунрайз рассылает приказы своему легиону. Восхождение – так ее называл когда-то человек, бывший самым дорогим ее учителем, которому она хочет доверять полностью и бесповоротно. Но почему же тогда он отправил ее в такую даль,

на эту войну, где она, скорее всего, умрет?..

Двадцать Четвертый легион отвечает ей так, словно они есть удлинение ее рук, ее дыхания: они собираются, выстраиваются в ударную группу, они начинают, пока осторожно, выдвижение.

Шестнадцать Мунрайз твердо держит поводок на их шее. Она подождет еще немного. Еще немного поразмышляет о том, почему Одиннадцать Лавр послал сюда ее, даст время яотлеку прийти к неизбежному заключению: чтобы избежать бесконечной войны, они должны начать с жестокости, на которую нечем будет ответить. С жестокости, которая затмит тысячу Пелоа-2.

* * *

«Мы» то появляемся из нашего черного войд-дома, то вновь исчезаем в нем, точно так же проходим мы в обоих направлениях в пространстве гиперврат. Все места в известном роде одинаковы, там, где есть итеративные песенные повторы, дом земли, дом крови, дом звездолета в темноте между звездами. Осмыслить: *существует изменение*. Осмыслить, зная смятение тел в песке и на жаре. *Безмолвные отвернулись от творца личностей и теперь вместе двигаются к нашему ближайшему дому крови*. Осмыслить, спеть, взвизгнуть, ах-ах-ах, там миллион тел, тысяча миллионов, слишком много, чтобы потерять в одно время: слишком много тишины для восстановления.

И как поступают все на исконном доме земли «мы», когда они решают двигаться, их трехколечные корабли, мерцание искажения на фоне звезд, они двигаются вместе, одна стая во многих направлениях. Теперь они двигаются, чтобы обойти врага с фланга и прогнать прочь, прежде чем они даже подумают отправиться в их конечный драгоценный пункт назначения: один рой ныряющих, поющих кораблей, оживших внезапно в сердце Семнадцатого легиона, который слишком поздно пытается взлететь, «мы» отгоняют прочь все их «Осколки»…

…Еще одна стая направляется к гипервратам, откуда появился безмолвный враг во всем множестве их остроконечных кораблей, прилетели через одну эту точку в области дома-войда, который принадлежит «мы», прилетели некоторое время назад с их маленькими колониями для извлечения ресурсов и прилетели в еще большем количестве с огневой силой, угрозой и неиссякающим любознательным устремлением, которым должны обладать только мыслящие существа. Эта стая появляется скрытно, течет к гипервратам и начинает перелет через них, один за другим, один за другим…

* * *

Декакел Ончу просыпается под вой сирен, под кошмар, который снится ей настолько часто, что приходится заставить себя принять: это реальность, инородцы прилетают через Анхамематские врата. Она двигается инстинктивно и заученно, подчиняясь голосу своей имаго-линии, что дает ей пространство для дыхания, для ухода от гипервентиляции или паники. Она советник по пилотам. Ее предки безопасно привели станцию Лсел к покою. Если потребуется, она доставит всех обитателей в новый дом, даже Акнел, черт ее возьми, Амнардбат, с которой до сих пор не знает, что делать. Разве что пытаться понять, как лишить советника полномочий и как в этом деле заручиться помощью Дарца Тараца…

Но она не хочет, чтобы возникла нужда искать новую станцию, изобретать все эти хрупкие цифры, как это делал первый пилот в ее имаго-линии, начинать мир сначала. И потому она собирает всех военных, какие есть на Лселе и на всех других подстанциях, какие есть в секторе Бардзраванд, и готовится встретить угрозу лицом к лицу.

Она на ангарной палубе, смотрит, как ее пилоты рассаживаются по своим кораблям, когда вдруг замечает высокую трупообразную фигуру, которая может быть только Дарцем Тарацом. Она его останавливает. Она просит его объясниться: неужели теперь, после всего, что он сделал, после того как обрек станцию на страдание, он тайно садится в корабль, чтобы бежать? В одиночку? Сколько еще советников собираются сегодня изменить своему долгу перед станцией Лсел? Сначала Амнардбат – и вопрос, как с ней быть, явно из тех, что будут рассматриваться после этого пожарища, если только для рассмотрения вопросов будет какое-то «после». А теперь и Тарац покидает станцию?

И Дарц Тарац говорит ей:

– Нет, я не убегаю, я собираюсь найти и привезти Махит Дзмаре, и мы с ней перенаправим эту войну.

Ончу не знает – и никогда толком не будет знать, – почему позволяет ему улететь. Может быть, она думает, что он умрет при попытке пролететь Дальние гиперврата и ничто из этого не будет иметь значения. Может быть, она думает, что он справится с тем, что, по его словам, собирается сделать, а если у него получится, то тем меньше крови придется ей убирать.

* * *

Картографический стол в кабинете Одиннадцать Лавра довольно мал; он установлен на боковом столике и длиной не уступает рабочему столу. Этот стол постоянно задействован, как фоновая музыка, тысяча решенных военных пазлов проигрываются снова и снова рядом с ним, а он тем временем делает работу, которая от него требуется. Он с удовольствием думает, что это позволяет ему не забывать свою историю. Его историю, историю его министерства, историю его империи. Он старый солдат, Одиннадцать Лавр, прошли десятилетия с тех пор, когда ему лично приходилось решать задачи такого рода на передовой. Старым солдатам нужно держать зубы востро, и Одиннадцать Лавр оттачивает свои на жилистой плоти многовековых тейкскалаанских кампаний, разыгрываемых снова тонкими лучиками света.

Его стратегический стол включен и теперь; проигрывается сражение, случившееся двести лет назад в одной двухзвездной системе. Он наблюдает совсем не за ходом событий – лишь за тем, как световые лучи пробегают по его рукам.

История его министерства, история успехов. Какими хрупкими они могут оказываться на поверку, когда попадут в руки яотлека, который предпочел бы быть императором, и в реакциях императора, которая взошла на трон из-за последствий, связанных с тем яотлеком. Одиннадцать Лавр – старый солдат. Он думает об «Осколках», связанных воедино новой технологией, разработанной министерством науки, технологией продвинутой и странной, не вызывающей особого доверия, потому что она делает их более похожими на Солнечных. Делает их менее похожими на таких же, как он, солдат в их худшие моменты, которые, безусловно, являются и их лучшими тактическими моментами. Он думает о медленно действующем яде и о доверии.

Думает о том, за что он послал умирать свою любимую ученицу, послал в полном ее незнании, в надежде, что этим он сохранит историю своего министерства, его успехи. Отсечет то, что, возможно, подвержено разложению или подозрению на разложение. Шестнадцать Мунрайз – приемлемая жертва, если она заберет с собой Девять Гибискус и одержит победу в войне, которую в таком случае новый император будет считать допустимой столько времени, сколько она будет длиться.

* * *

В Семнадцатом легионе: все «Осколки» вместе, объединены общим прицелом и биообратной связью, и еще одной штукой –

в своей компании, когда нет поблизости начальствующих офицеров и непилотов, они называют эту штуку *осколочным трюком*. Осколочный трюк – это когда они в каждом «Осколке» разделяют не только проприоцепцию и боль, но и инстинкт – время реакции, – и моменты отчаяния или красоты, мысленно.

Это не то чтобы слова, но коммуникация, которая нравится только небольшому проценту пилотов. Те же, кому это нравится, испробовали опцию на пределах ее возможностей: декламировали друг другу стихи, не открывая рта.

Декламировали друг другу стихи, находясь по разные стороны гиперврат, и слышали искаженное эхо, вибрации, доходящие до мозга костей. Что-то из сектора пространства, наглухо отсоединенного от того, в котором они находятся, если не считать шва гиперврат и громадного, дышащего осколочного мировосприятия.

Все объединенные «Осколки» в Семнадцатом легионе, нравится им осколочный трюк или нет, умирают от маслянистой всерастворяющей корабельной слюны, испускаемой трехколечным чужеродным врагом под вспышки энергетических пушек. Они умирают в мучениях и в огромных количествах.

Далеко-далеко в секторе тейкскалаанского пространства, где находится Жемчужина Мира, а еще и крейсер Третьего легиона «Медная столовая гора», четыре пилота «Осколков» возвращаются после тренировочного полета на ангарную палубу с криками и слезами; они помогают друг другу выбраться из своих кораблей и встают, соединившись и поддерживая один другого, словно не могут остаться в одиночестве. Наконец один из них говорит, ниточка здравомыслия среди их рыданий – и кто он, не имеет никакого значения: «Нам необходимо поговорить с министром войны. Код «Гиацинт». Немедленно».

Глава 16

Два Альтернатор выхватила шокер размером с большой палец из своего левого рукава и удавку из правого и улыбнулась на варварский манер, показывая все свои квадратные зубы.

– Как я выгляжу? – спросила она. – Что скажешь – я могу выдавать себя за лселского аборигена?

– Ну секунд двадцать, вероятно, сможешь, – сказала Девять Наперстянка, застегивая на себе боевой комбинезон, – а больше тебе и не нужно, хвала звездам. Видок у тебя нелепый. Но нелепость двадцать секунд продержится, а этого будет достаточно, чтобы провести таможенных офицеров станции, пока мы с Пять Волокно не проникнем в воздуховод.

Два Альтернатор наморщила нос.

– Ты прежде работала в министерстве информации, тебе и убеждать, – сказала она. – В особенности еще и потому, что ты будешь говорить, что я все делаю не так!

– Буду, – сказала Девять Наперстянка, – но мое лицо им слишком хорошо знакомо.

– Когда я соглашалась на эту работу, ты не говорила, что спалилась здесь, – подозрительно сказала Два Альтернатор.

– У нее очень заметное лицо, – сказал Пять Волокно. Он засунул нож в ботинок. – Я никогда еще ничего не воровал с космической станции. Это будет забавно.

Отрывок из «Оси вращения», первого из серии популярных тейкскалаанских романов, написанных Пять Копьем, автором, родившимся на Западной Дуге

Верхние панели, по три на страницу. Первая панель: корабль капитана Камерона приближается снизу к тейкскалаанскому кораблю, который мы видели на вводной странице; он настолько велик, что кажется ненастоящим.

Вторая панель: крупный план рук Камерона на навигационной консоли и блеклое отражение Чадры Мава, который помогает Камерону вести корабль; сквозь окно фонаря корабль превращается в металлический задний план, супердекоративный с избыточными прикрасами и энергетическими пушками, похожими на черные глаза. Третья панель: Камерон и Чадра Мав миновали корабль и уходят в черноту. Исчезают вдали. Их никто не замечает.

КАМЕРОН (мысли в облачке на третьей панели): там звезды получше тех, что видит империя, и тех, что когда-либо озаботилась поискать станция.

Текст комикса «ОПАСНЫЙ ФРОНТИР!», том 10, дистрибуция через местную малую полиграфическую фирму ПРИКЛЮЧЕНИЯ / МИСТИКА на Девятом ярусе, станция Лсел

Восемь Антидоту не снились сны, и он был рад этому. Он не

помнил, как уснул; помнил только, как проснулся. Светать еще не начало. Он спал в верхней одежде, не раздевшись, за своим столом, опустив голову на руки, как на подушку, и проснулся приблизительно час спустя. Засыпая, он размышлял, а перед этим пожелал доброй ночи Пять Агат и императору, после чего ушел к себе. Он пытался смотреть голопроекторные шоу, но ни на одном не смог сосредоточиться. Его переполняли разнообразные идеи, замыслы, ужасы; он словно превратился в перенасыщенный раствор, который в любой момент мог кристаллизоваться и *все понять*. У него почти получилось. Восемь Антидот все время возвращался к словам Дзмаре: «Я думаю, они в некотором роде люди». И к другим ее словам: «Я знаю, к смерти у них не такое отношение, как у нас, но они знают, что такое смерть».

На это Три Саргасс сказала: «Они разговаривают».

И это было очевидно. Конечно, они разговаривали, у них же были космические корабли, оружие и общество – разумеется, они должны вести коммуникации. Может быть, главным тут было не то, что они разговаривают, а то, что *отвечают*.

Может быть, они тоже считали тейкскалаанцев людьми.

Видимо, с этой мыслью он и уснул. Теперь же за окном еще стояла темнота, а у него сна не было ни в одном глазу, и единственное, что светилось в его комнате, – это глазки камер наблюдения, мерцающие в лунном свете. Город наблюдал за ним. Следил. Так следят Солнечные. Как весь Город знал, где он находится, даже если он находился в собственной комнате во Дворце-Земля. Или в жутком схождении состава с рельсов в метро, даже если оно не должно было случиться. Наверно, это была его вина, имели в виду его… ему хотели нанести физический вред.

Эта мысль уже пронзала его, он словно нашел ее во сне и проснулся, одержимый ею, хотя при этом не знал и не запомнил своего сна. Ровно так же он проснулся некоторое время назад со знанием того, как именно капитан Флота Девять Гибискус одержала победу в Каураанском сражении.

Мысль эта сводилась к формуле «они в некотором роде люди», но уходила еще дальше: он, кажется, понял, *какого рода* они люди.

Для начала, Солнечные и имеющаяся у них возможность видеть через все глазки камер наблюдения Города. Все Солнечные вместе являли собой многообразную личность. Они были, конечно, тейкскалаанцами, такими же людьми, как Восемь Антидот, но они двигались вместе, реагировали вместе, они все видели мир одними и теми же глазами, и это были глаза не человека, а машины. Поэтому они двигались и реагировали

вместе, они использовали один и тот же алгоритм, как и метрополитен, но при этом были людьми, а не ИИ, составляющим расписания. Они поднаторели в этом деле, когда алгоритмические принципы запускались по всему Тейкскалаану при министре науки Десять Перле. Это знали все: теперь Солнечные видят мир глазками камер наблюдения, вместе, как единый разум, составленный из тысячи единиц наблюдения.

Если существовала человеческая разновидность, которая могла делать это, могла иметь много глаз и легко, просто действовать совместно, то без труда можно было представить себе другую разновидность существ, которые могли делать такие вещи гораздо лучше, чем Солнечные.

Восемь Антидот почти потерял мысль – его отвлекло живое и удивительное понимание того, что он не знает, каким образом человек становится одним из Солнечных, совсем не знает… Он заставил себя не думать об этом. По крайней мере сейчас.

Итак, если существовали человеческие личности, которые имели общее видение и намерение, и если могли быть личности другой разновидности, у которой это получалось лучше и которая вовсе не принадлежала к человеческому роду, то… Они могли делать свое дело гораздо лучше, потому что их ничуть не волновало, если кто-то из них умирал. Как сказала уполномоченный Три Саргасс: «К смерти у них не такое отношение, как у нас, но они знают, что такое смерть».

Если он был прав – хотя бы в той же мере, в какой был прав касательно Каураана, почти прав, но с одним упущением, – то он должен рассказать кому-нибудь об этом. Враг действовал так, как действовал и Тейкскалаан, – уничтожал линии снабжения, появлялся там, где его совсем не ждали, как это делали и военные Тейкскалаана в своих моделях, воспроизводимых в стратегических комнатах. Если он был прав, то врагу это удавалось, потому что у них был единый разум. Восемь Антидот полагал, что прав.

Он должен был сказать об этом министру войны. Потому что если враги думали все вместе, словно одна гигантская сверхмощная группа Солнечных, то именно поэтому Три Азимут и все генералы Флота не могли составить план обойти врага. Он должен сказать ей об этом немедленно.

И что с того, что за окном еще ночь? Он знал, чем занимается министр войны в этот час – он несколько дней ходил за ней как привязанный. Если она сейчас спит, то он съест все шляпы, какие у него есть.

* * *

Махит и Три Саргасс стояли на мостике перед Девять Гибискус, все еще пытаясь сообразить, что сказать. По крайней мере, пыталась Махит, которая знала, *что* на уме у Три Саргасс, услышавшей из уст яотлека тейкскалаанского Флота столь поэтические слова о сердце врага: «Я готова протянуть к нему мои руки и изорвать в клочья». Слова, взятые из эпической поэмы о завоевании, произнесенные так легко и походя, и этот немыслимый груз тейкскалаанских саг лег на плечи Махит, как саван, который она так никогда и не снимала. Пока так и не поступило никаких сообщений с Пелоа-2 от Двадцать Цикады с его нелепым контейнером с грибком. Махит не знала, удались ли его попытки установить, о чем она и Три Саргасс сумели договориться с инородцами в отношении «может быть, убивать нас не совсем правильно, по крайней мере без всякого разбора» и связать это с тем, как он собирался объяснить грибковый инфильтрат. Вестей с Пелоа-2 не было, и Махит видела, как это действует на Девять Гибискус, которая становилась раздражительной и резкой, готовой к уничтожению целой планетарной системы.

«Любили ли мы кого-нибудь так сильно, – подумала она не совсем в вопросительной форме. – В достаточной мере, чтобы во имя мести за смерть дорогого человека уничтожить планету?..»

<Не всю планету>, – сказал Искандр, и она пожалела, что этот вопрос вообще пришел ей в голову. Что может сравниться с уничтожением целой планеты? Смертоносный огонь флотских бомб или мягкие, широкие, беспощадные челюсти Тейкскалаана, держащие в зубах ее сердце, в котором должен быть Лсел?

– Яотлек, – сказала она, – я почти уверена, что мы достигли некоторого прогресса. Еще несколько часов или дней, и может быть…

– Посол, я в вас не сомневаюсь, – сказала ей Девять Гибискус. – Но вы не из числа моих солдат, ведь так? Я не жду вашего понимания. Бывают ситуации, когда мы, командиры, просим наших солдат довериться нам, доверить не только свои жизни, но и решения. Десятый уже заждался.

Махит хотелось сказать ей: «Это ведь вы вытащили нас сюда, чтобы поговорить с парнишкой с помощью инфокарты, а мы в это время работали!» Она уже собиралась открыть рот, хотя Искандр и придерживал ее язык, предупреждал ее, когда офицер связи Два Пена прервала их обоих:

– Яотлек. Послание.

– От Двадцать Цикады? – спросила Девять Гибискус. Махит поморщилась, слыша обнаженную надежду в ее голосе, и увидела, что Три Саргасс тоже морщится.

– Нет, – сказала Два Пена. – Это с флагманского корабля Сорок Оксида «Переливчатый Сирокко». Семнадцатый Легион атакуют. Я думаю, враг знает, что нам известно, где они… Семнадцатый теряет «Осколки». Быстро теряет.

* * *

Восемь Антидот не стал затруднять себя сменой одежды, как и сообщать кому-нибудь, куда направляется. Он только надел туфли – серые шпионские со шпионскими брюками и курткой, – причесался, завязал волосы в длинную косичку и спустился в туннели. Он словно собирался встретиться с Одиннадцать Лавром, прежде чем начать свою миссию всерьез. Знакомые туннели между Дворцом-Земля и министерством действовали на него успокаивающе, но от каждого самого слабого шума, каждого облачка пыли он вздрагивал и немного ускорял шаг. Восемь Антидот еще никогда не спускался сюда в такой час. Даже его попытка спеть себе под нос маршевую песню дворцовой архитектуры – «в земле столько же корней, сколько цветков в небе» – ощущалась им как детская защита от монстров, которые могут прятаться под кроватью. Или в секретных подземных туннелях. Это даже казалось забавным, хотя на самом деле ничего забавного в этом не было. Что произойдет, если взрывное устройство сработает здесь? Об этом не хотелось думать.

Он поднялся по лестнице, которая через люк выходила в подвал. Наверху его никто не встречал, и он неожиданно обрадовался этому. Он не хотел, чтоб кто-то знал о его приходе сюда, кроме, может быть, Три Азимут. Он хотел вручить эту идею ей и, может быть, Одиннадцать Лавру, если тот с ней, и это показало бы, какой хороший ученик Восемь Антидот, – но больше никому. Не дать его открытию потеряться, пока Шесть раскинутых Ладоней будут решать, что с этим делать. Но если он собирался пройти до конца, до самого ее кабинета, никому не сообщая о себе, в этот час, когда охранников было меньше, но они становились подозрительнее, он должен был стать настоящим шпионом. Таким шпионом, который умеет проникать куда угодно незаметно, а также говорить, запоминать и хранить свои секреты.

Глаза-камеры засекут его, так уж работал Город. Но люди – за исключением Солнечных – не были глазами-камерами. А он был маленьким, мог прятаться в уголках, мог превращаться в облако пыли, в отблеск света на полу. Он вообще мог превратиться в ничто, в кого-то, кто находится здесь по праву, кто по праву находится в любом месте, где бы ни появился. В кого-то

незначительного, уборщика или кадета из ночной смены, проводящего осмотр. Для того чтобы быть кем-то из них, он был слишком юн, но раз уж требовалось представить себя в одном из этих качеств, то легче всего Восемь Антидоту было представить себя уборщиком. Человеком, который имеет право находиться в министерстве войны, так как он наводит здесь блеск, чтобы все было как новенькое, чтобы лучам восходящего солнца было от чего отражаться.

Он направился прямиком к кабинету Три Азимут. Глаза-камеры и искусственный интеллект службы безопасности здания министерства не раз видели его здесь и никогда не подозревали ничего необычного. Он действовал согласно той закономерности поведения, какая от него ожидалась. Если он столкнется с человеком – не из Солнечных, – который решит, что ему тут нечего делать, он либо объяснит, кто он, либо пройдет мимо, изо всех сил притворяясь уборщиком, думая о себе как об уборщике, веря в это. Шпионы из рассказов всегда так поступали.

Он практиковался в убеждении, что он уборщик, пока не добрался до кабинета Три Азимут. Пока ему не требовалось ни с кем заговаривать. Если он видел каких-либо служащих министерства, то прятался где-нибудь в тени и ждал, когда они пройдут мимо. Но сегодня прямо перед ее кабинетом в самом центре Шести раскинутых Ладоней он услышал голоса. Прямо в холле перед кабинетом и достаточно близко, чтобы он смог увидеть свет, пробивающийся из-под двери, и убедиться в правоте своего предположения о том, что министр войны в эту ночь не спит. Голоса были повышенными, охрипшими, они проникали в холл на лучах света из-под двери.

Он мог прервать их. Ему было нужно поделиться с Три Азимут своей догадкой. Очень-очень нужно.

Но он заставил себя замереть и почти перестать дышать, чтобы не создавать никаких помех звукам, ничего, что могло бы выдать его пребывание здесь. Он слушал, понимая, что очень непросто перестать быть шпионом, когда ты уже привык к этой роли. А Восемь Антидот очень сильно привык.

Он не знал толком, кто в этом виноват – он или его предок-император, дело в генетике или в воспитании, или виновата сама нынешний император, которая дала ему тот наконечник копья.

– …времени на ожидание. Я не буду стоять в стороне, когда ко мне приходят пилоты «Осколков», которые никак не могут перестать кричать, чтобы связно выразить свои предупреждения. Что бы там еще ни происходило, они убивают солдат Флота, и если мы не отключим «Осколки» от общей проприоцепции, то вскоре вся Вселенная будет владеть исключительным знанием

о том, что происходит.

Это был голос Три Азимут, и звучал он с такой угрожающей интонацией, какой Восемь Антидот никогда не слышал у нее прежде. Три Азимут, министр войны, говорила о том, что не могло быть ничем другим, кроме «осколочного трюка», раз пилоты «Осколков» были каким-то образом объединены в единое целое и могли слышать, как умирает кто-то из них. Как будто они Солнечные, только сломленные, потому что Солнечные, насколько было известно Восемь Антидоту, не слышали, как умирает кто-то из них. А если так, как министр Войны могла не прийти к тому же выводу, что и восемь Антидот? К выводу, согласно которому инородцы, сражавшиеся с Тейкскалааном, тоже были соединены в одно целое? Он сделал шаг к двери, готовый прервать собравшихся там и рассказать о своей идее.

И услышал голос Одиннадцать Лавра:

– Отправка наших кораблей на эту планету поставит наших людей под угрозу неминуемой смерти от грибкового заболевания, которыми кишит их земля. Разве нет, министр?

Он не шелохнулся. Не открыл дверь, потому что не был уверен, что правильно расслышал насчет «грибкового заболевания», – ни уполномоченный, ни Дзмаре ни словом об этом не обмолвились.

– Достаточное число ядерных осколочных бомб уничтожат даже самый решительный грибок, – сказала Три Азимут. – Я не приказываю начать атаку, заместитель министра. Я отдаю приказ поразить сердце. Стереть эту колонию с лика Вселенной, а там посмотрим, на какого рода переговоры они пойдут, зная, что мы можем сделать с ними.

Тихая, жуткая пауза. Восемь Антидот подумал о том, что происходит с планетой, когда ее атмосфера наполнена радиоизотопами. Ему пришлось думать далеко назад. Тейкскалаан больше не применял этого метода, это слишком… После такого удара планета уже никогда не оправлялась. Он прочел об этом целый свод правил два года назад, когда один из его наставников решил, что он уже достаточно взрослый, чтобы знать о жестокости, от которой Тейкскалаан рассудительно отказался.

Тишину нарушил голос Одиннадцать Лавра:

– Министр, я говорю как заместитель министра по Третьей Ладони и номинально ваш эксперт по методам военной разведки. Переговоры не будут такими, как вы ожидаете, если вы отдадите приказ Флоту бомбить обитаемую планету и привести ее в состояние радиоактивной зимы. Вы получите капитуляцию, может быть, или отступление, а может, войну, которая будет

продолжаться десятилетиями – там, на этом маленьком, уродливом черном комке.

– Вы хотите сказать, заместитель министра, что это ужасное предложение?

– Нет, – ответил Одиннадцать Лавр, и Восемь Антидот мог себе представить его улыбку в этот момент. Он так улыбался, когда Восемь Антидот правильно решал большинство стратегических пазлов. Довольно и вместе с тем надменно. – Я вовсе не считаю, что это предложение ужасно. Я всего лишь говорю, что в результате вы вряд ли будете иметь переговоры, но, с другой стороны, переговоры и не были никогда тем, к чему вы стремились, верно? Во всяком случае, в Накхаре. Вы же предпочитаете достижение максимального эффекта, министр.

– А если и так?

– Значит, предпочитаете.

Восемь Антидоту казалось, что тошнота уже должна подступать из желудка к его горлу, но она не подступала. Он не знал, достаточно ли близко расположен желудок, чтобы его тошнило. Все было очень далеким и очень пугающим. Министр войны говорила об уничтожении целой планетарной системы, и Одиннадцать Лавр соглашался с ней. Если это было следствием службы во Флоте, то Восемь Антидот сожалел, что хотел служить там. Сожалел, что хотел маневрировать кораблями в комнате моделирования. Сожалел, что хотел решить все стратегические пазлы. Сожалел, что не думал о том, как могут кричать пилоты «Осколков», когда умирают их коллеги.

Если бы он закричал, его бы услышали.

Поэтому он молчал.

– …это следует делать честно, – доносился до него голос Одиннадцать Лавра. – Исходить от Ее Великолепия императора, никаких осколочных трюков, чтобы обогнать процесс.

– Император все еще не знает о побочных эффектах проприоцепционного единения. Вы это имеете в виду, заместитель министра?

Звук иронического смешка.

– Да. Полагаю, что именно это я и имею в виду. Я бы предпочел, чтобы закрытая информация оставалась в стенах министерства, насколько это возможно, министр. В нашем нынешнем усеченном состоянии после попытки, предпринятой Один Молнией, не стоит давать Ее Великолепию поводов присылать к нам людей из информации или науки, чтобы влиять на принятие нами решений.

– Иногда, – сказала Три Азимут с коротким вздохом, от которого все волоски на руках Восемь Антидота встали дыбом, –

я понимаю, почему Девять Гибискус предпочитает министерство информации вам, Третьей Ладони. Тем не менее честность, как вы советуете. С этим проблем не будет: послание уже подготовлено.

– Я восхищаюсь вами, министр. Безгранично. Мой лучший ученик готов умереть, реализуя этот план, если это означает получение того, что нам нужно…

– Шестнадцать Мунрайз?

– Да. Совсем рядом с яотлеком. Двух флагманов будет достаточно, чтобы прорваться через ряды противника, использовав соответствующее количество осколочных бомб, как считаете?

Восемь Антидот услышал более чем достаточно. Он представил себе, сколько бомб потребуется, чтобы уничтожить планетарную систему, и сколько тел останется на той планете. Даже если у них один разум на всех, как он думает, он не хотел, чтобы это случилось. Если пилоты «Осколков» плакали потому, что теряли других пилотов, то что будет в случае гибели целой планеты, если ты переживаешь каждую смерть?

Они понимают смерть, просто относятся к ней иначе, сказала Дзмаре.

Но это не означает, что они вовсе безразличны к смерти.

Восемь Антидот развернулся, прошел в обратном направлении по холлу и в сторону туннелей. Он собирался поделиться кое с кем своей идеей, да. Восемь Антидот собирался сказать об этом императору Девятнадцать Тесло, чтобы она не отправляла приказ, который Три Азимут собиралась ей подсунуть.

* * *

– Чего хочет капитан Флота Сорок Оксид? – сказала Девять Гибискус, голос ее звучал очень ровно, очень невозмутимо. Голос человека, рассчитывающего направления атаки. Махит не была уверена, что поняла вопрос: капитан Флота, подвергающегося атаке, мог хотеть одного – чтобы атака закончилась его победой. Но Два Пена, казалось, поняла.

– Это же не всеобщий крик о помощи, яотлек. Это запрос информации. Не сделали ли мы чего-нибудь такого, что могло привести к переходу от партизанских уколов к лобовым нападениям, нет ли у вас более конкретных указаний? Их офицер связи Девять Морской Лед ждет нашего ответа на открытом канале.

Прежде чем Девять Гибискус успела ответить, заговорила Три Саргасс, ее голос звучал тихо и настойчиво, но так же спокойно, как голос яотлека:

– Прежде чем ответите, яотлек, выясните, подвергаются ли остальные ваши шесть легионов таким же атакам, или они успели сменить позиции. Я подозреваю, что это не отдельное происшествие.

Девять Гибискус посмотрела на нее оценивающим взглядом, под тяжестью которого Махит присела, подавленная пристальной, еще более тяжелой оценивающей откровенностью.

Но Три Саргасс не дрогнула, и Девять Гибискус, словно удовлетворенная этим, сказала:

– Два Пена, исполняйте. Статус от всех капитанов.

Времени на это ушло немного. Запрос, вероятно, был из привычных – Два Пена выставила руки над головой, и те принялись вытанцовывать перед голографическим изображением Флота, преобразуя входящие сообщения в световые закономерности, в стилизованное изображение того, чем были заняты легионы в данном секторе, как они перемещались, сколько их кораблей подвергались атаке.

Даже Махит видела, что Двадцать четвертый легион – легион Шестнадцать Мунрайз – начал медленно и непреклонно приближаться к планетарной системе инородцев. Ровно в то же время или сразу после инородцы усилили свою атаку на ближайший к этой системе легион – Семнадцатый. Причина и следствие, просто как дважды два.

– Они прекрасно понимают возмездие, яотлек, – услышала она собственный голос. – При всем огромном уважении, я не тейкскалааанка, не одна из ваших солдат, я знаю, ваши люди умирают, но если это реакция инородцев на минимальное приближение к их системе, подумайте, как они прореагируют, если вы отдадите приказ о реальной атаке.

– Кроме того, – агрессивно и иронично добавила Три Саргасс, – я сомневаюсь, что вы приказали Шестнадцать Мунрайз подвести ее корабль так близко. Вы отдавали ей такой приказ?

Махит никогда не видела, чтобы тейкскалааанцы, которые никогда не жили близ станции и не были знакомы с местными нравами, улыбались, как станциосельники, но именно это сделала теперь Девять Гибискус: обнажила зубы, скривив губы.

<Не улыбка, – сказал Искандр. – Угроза. Неудовольствие. Очень тейкскалааанское выражение, похоже на нашу улыбку, когда мы даем понять кому-то, что получим удовольствие, делая им больно>.

«Очень похоже», – сказала ему Махит.

– Как вы правы, уполномоченный, – сказала Девять Гибискус, продолжая показывать зубы. – Но ведь у вас есть причина вызывать во мне недоверие к моим капитанам Флота, не так ли? У вас обеих – «у шпиона и ее зверька».

– Но вы же сами запросили услуги министерства информации, яотлек, – сказала Три Саргасс. – Именно вы отдаете мне приказы, как отдаете их и капитану Флота.

– А откуда я могу знать, уполномоченный, что атака на Семнадцатый вызвана маневрами капитана Флота Шестнадцать Мунрайз, как говорите вы и посол Дзмаре, а не чем-то, случившимся на Пелоа-2?

– Вы не можете это знать наверняка, – согласилась Махит, – и мы тоже.

Три Саргасс метнула на нее взгляд, ее рот перекосило в том же удивленно-искаженном выражении, которое было, когда Махит запускала в нее пальцы. А еще на ее лице было такое же выражение, когда Махит на ее глазах явила чудеса варварства министру науки Десять Перлу, и случилось это на самом первом мероприятии, где они присутствовали вместе. То же удовольствие, извращенные удивление и радость, разновидность собственнического желания. Махит не могла думать о том, какое это впечатление произведет на Три Саргасс. У нее не было времени чувствовать что-либо настолько сильное. На то, что рушит картину мира.

– Посол права, – сказала Три Саргасс. – Я бы не стала обещать ничего, что не могла бы гарантировать. Может быть, это наша вина, а может Двадцать четвертого легиона. Может быть, это что-то такое, что мы и представить себе не можем – наш враг не похож ни на один известный мне вид инородцев.

Отрывистым, недоброжелательным голосом Девять Гибискус спросила:

– Для чего же тогда я вызывала вас, уполномоченный, если вы не можете вразумить этих инородцев?

– Для того, чтобы иметь хоть какой-то шанс, – ответила Три Саргасс.

На это Два Пена, которой явно надоели все эти философствования, переговоры и варвары, сказала:

– «Переливчатый Сирокко» все еще ждет ответа.

Она сказала она это так громко, что Махит чуть не передернуло. Она быстро проговорила:

– Спросите императора. Пусть будет так, если должно: разрушение, которое идет из самого сердца Тейкскалаана.

* * *

Восемь Антидот имел доступ к тому, о чем даже и не догадывался. Ему и в голову никогда не приходило воспользоваться своими возможностями до этого утра. Утро уже вроде бы наступило, серое, чреватое дождем, готовым пролиться в любую минуту, восход солнца скрывался за тучами. Он мог просто пройти по Дворцу-Земля и попросить запертую дверь открыться для него, потому что был императорским наследником Восемь Антидотом, а его облачная привязка являла собой второй по мощности ключ во всем Тейкскалаане.

Если только его доступы не были временно ограничены ввиду его детского возраста. В этих ограничениях он не сомневался, только не знал, где они начинаются, и никогда не искал. Он не искал места, где кто-то его остановит, будь то Город, императорский ИИ безопасности или просто по старинке запертая дверь, требующая физического ключа. Он хотел, хоть это было ужасно, глупо и несправедливо, но хотел, чтобы кто-нибудь его остановил. Это означало бы, что всякая ответственность с него снимается и ляжет на чьи-то другие плечи, кого-то абсолютно совершеннолетнего. Кто-то другой должен будет сделать это – остановить планетарный геноцид. Правда, совершеннолетние и без того несли ответственность, но пока так ничего и не остановили.

Дворец-Земля открывался перед ним, как распускающийся цветок. Восемь Антидот дошел до самых императорских покоев, миновал пост хранителя императорской чернильницы, миновал коридор, который вел в его собственные покои, и еще несколько дверей. Он набирался мужества, подходя к последней двери, той, что вела в спальню императора Девятнадцать Тесло, в ее приватное пространство, к двери, через которую он никогда не проходил, когда чья-то рука легла на его плечо. Он вскрикнул удивленно и забыл все уроки о том, как отбиваться от похитителя детей, просто стоял, ждал, не накажут ли его за нарушение границы.

Конечно, это был никакой не похититель детей. Это была ее Ее Великолепие император, вся в белом, беззвучно шагавшая босыми ногами по полу.

– Маленький шпион, – сказала она. Но сказала не обвинительным тоном. Скорее в ее голосе слышалось приглашение объяснить, что он здесь делает.

– Ваше Великолепие, – сказал он и повернулся. Ее рука осталась на ее плече. Он заставлял себя прогонять неловкость и не сбрасывать ее руки. – Простите, что беспокою вас в такую рань.

– Ты меня ничуть не побеспокоил, – сказала Девятнадцать

Тесло. – Ты привлек внимание всех систем безопасности дворца, значит, тебе очень нужно побеспокоить меня. Ну, ты скажешь, с чем пришел?

Он ощущал ее внимание, как некое гравитационное поле. Как нечто притягивающее.

– Я был в министерстве войны, – сказал он. Он теперь в первый раз хотел все сделать правильно. Не уклоняться и не говорить намеками. – Я подслушал, как министр и третий заместитель Одиннадцать Лавр обсуждают использование осколочных ядерных бомб во всей обитаемой планетарной системе, населенной нашими врагами. Они собираются сделать это. Они будут просить вашего одобрения. Они будут просить вас позволить им уничтожить целую планету и отравить ее, чтобы там больше никогда ничего не росло.

– И ты пришел, чтобы *предупредить* меня? – На ее лице застыло бесстрастное выражение. Восемь Антидот чувствовал себя полностью потерянным. Почему она не реагирует? Почему не останавливает это?

– Да, – попытался он продолжить. – И еще сказать, что, на мой взгляд, эти инородцы, наши враги, возможно, имеют единый разум, как это бывает у Солнечных. Уничтожить планету, где они живут, – это так ужасно, что я не могу даже думать об этом, Ваше Великолепие.

– Это ужасно, – сказала Девятнадцать Тесло. – Ты уже завтракал? Посиди-ка со мной минутку. У меня есть кассава и новые сырные хлебцы – твой предок-император любил их. Ты ведь их тоже любишь?

Восемь Антидот любил их – хлебцы были его любимой едой, вкуснейшая круглая оболочка кассавы, а в ней чуть растопленная, тягучая сырная начинка, все еще теплое, из плиты. Но есть сейчас он бы не смог, в желудке завязывалась тошнота. Он совсем не понимал, как с этим справляется Девятнадцать Тесло, но сел рядом с ней за стол у одного из огромных окон, взял хлебец кассавы с тарелки, стоявшей перед ними, и разломал пальцами.

– Почему вы их не останавливаете? – спросил он, и Девятнадцать Тесло вздохнула – издала слабый звук, ее плечи выровнялись. Она откусила немного от хлебца, пожевала и проглотила, а Восемь Антидот не сводил с нее глаз.

Наконец она ответила:

– Я их не останавливаю, я считаю, что они сделали правильный выбор.

Он оторвал еще кусочек от хлебца, сжал его в пальцах.

– Почему? – жалобным голосом спросил Восемь Антидот, ненавидя себя за эту интонацию. – Они *люди*. Не такие, как мы,

но все же люди, я правда так думаю, и вы сами сейчас сказали, что уничтожение планеты – это ужас, я своими ушами слышал!

– Я и в самом деле так сказала, – подтвердила император. – И я верю, что так оно и есть. Уничтожить планету – страшное действие, как и принятие такого решения. Но для этого и существуют императоры, Восемь Антидот, – чтобы принимать страшные решения или, точнее… Я скажу тебе правду, мой маленький шпион. Тебе когда-нибудь придется делать это самому, так что лучше знать правду. Я предпочту праздновать пиррову победу – продемонстрирую, на что способен Тейкскалаан, уничтожу живую прекрасную планету, населенную людьми, сотру ее в порошок, отравлю дождем смерти. Да, они, вероятно, люди, но не из тех, которых мы можем понимать, и я предпочту один акт уничтожения бесконечной войне на истощение, потере наших и их людей и далее, далее, далее. Это может превратиться в гнойник на границах империи, который не пройдет *никогда*.

Она не ела хлебец. Она его проглотила так, словно в горле у нее образовалась такая же сушь, как у Восемь Антидота.

– Иногда такие раны лучше прижигать, – сказала Девятнадцать Тесло.

* * *

Девять Гибискус шипела сквозь зубы. Махит хотелось отступить или встать перед Три Саргасс на случай, если предложение попросить разрешения у императора начать тотальную войну, забыв обо всяких стратегиях, было столь скандальным нарушением приличий, что яотлек могла… Махит не знала что. Застрелить Три Саргасс? Предать ее военно-полевому суду? Отправить в один из сверкающих «Осколков» и повести легион в атаку?

Ей хотелось перестать воображать худшие варианты развития событий, но вариантов получше было так мало! Вдобавок Искандр превратился в бестрепетное гудение боли в ее запястьях, в нетерпеливое ожидание, которое было не проявлением выдержки, а скорее подготовкой к какому-то неизвестному отчаянному действию…

Но тут Девять Гибискус сказала:

– Сообщите Сорок Оксиду: на огонь отвечать огнем, но наступление прекратить.

Два Пена кивнула в подтверждение. Махит пыталась дышать в промежутках между предложениями яотлека. Ей не удавалось

вдыхать и выдыхать с достаточной скоростью.

– *Пока* прекратить, – продолжала Девять Гибискус. – Но быть в готовности по моему приказу. И отправить экспресс-курьера в город, я хочу услышать голос одобрения императора по этому приказу в дополнение к моему. – После этого она снова посмотрела на Три Саргасс и сказала гораздо тише, теперь Махит едва могла слышать ее слова: – Я всегда считала, что Информация лучше Ладоней, если есть потребность в ведении контрразведывательных мероприятий за пределами Флота, потому что Информация заранее обречена на провал и не имеет возможности увлечься варварами при первой встрече, забыв, для чего существует Флот. Вы испорчены априори. Но я никак не ожидала, что кто-то из вас приведет сюда варвара, которая использует тейкскалаанский имперский протокол, чтобы доказать свою правоту.

– Посол Дзмаре – уникальная личность, – сказала Три Саргасс, а Махит пыталась понять, кто тут ее оскорбил и следует ли возразить. Она ведь одержала победу, да? Хоть и короткую. Она выиграла им время, в течение которого Двадцать Цикада может продолжать переговоры. Время для чего-то *иного*, чем спустить с поводка всю тейкскалаанскую военную машину, настроенную на безжалостное и тотальное уничтожение без разбора, тонкое, красивое, которое положит конец всякому смятению, непониманию. *Поражение*.

<Поражение для кого?> – пробормотал Искандр. Махит не была уверена или не могла ему сказать, или он и без того знал. Поражение для нее. Для пространства языка, который позволяет таким, как она, грезить Тейкскалааном и в то же время оставаться станциосельником. Верить, что речь может идти не только о Тейкскалаане, когда кто-то произносит слова «весь мир».

Кто-то из офицеров на мостике сказал:

– Яотлек, через гиперврата прошел корабль – у нас за спиной…

– Вражеский корабль? – спросила Девять Гибискус, и Махит с неожиданно ледяной ясностью подумала: «Если это вражеский корабль, прошедший через Атхаматские гиперврата со стороны Лсела, то станцию они уже захватили, а я даже не знала, когда убили всех моих сородичей. Я была здесь, вела переговоры с их убийцами и так и не узнала…»

Если бы она задышала, у нее началась бы гипервентиляция. Если бы она шевельнулась, то эта мысль стала бы истинной и настоящей, а ей бы тогда пришлось продолжить дыхание.

– Нет, – сказал офицер, и Махит выдохнула с такой силой, что чуть не пропустила его следующие слова. На нее нахлынула

неожиданная, имаго-удвоенная волна облегчения – облегчения, которое исчезло почти сразу же после того, как окатило, оставив после себя одну дрожь.

Потому что офицер вывел в громкую связь ширококанальную трансляцию приближающегося корабля, и голос, заполнивший мостик «Грузика для колеса», принадлежал Дарцу Тарацу, лселскому советнику по шахтерам, первому из шести, и он требовал, чтобы его доставили на борт для разговора с Махит.

* * *

«Прижигать».

Восемь Антидот не знал, что сказать, не знал, как это выразить. Как он может сказать императору, что она не права? И как она может быть *настолько* не права?

– Я не понимаю, – выдавил он. – Вы говорили мне обо всем том, что хотел сделать мой предок-император, чтобы Тейкскалаан мог иметь еще восемьдесят лет мира, и все равно хотите сделать это? Это же…

– Продолжай, – сказала Девятнадцать Тесло. – Говори, что думаешь.

– Это же планетарный геноцид, – сказал Восемь Антидот, и сказал это рассерженно, и при этом вовсе не расплакался. Ясное, как лед, *место*, где нет страха, вернулось к нему. – Мне плевать, что это прижигание или что вы считаете это прижиганием. Если бы кто-то уничтожил мой дом, я бы сражался с ним до конца времен.

– Не сомневаюсь в этом, – сказала Девятнадцать Тесло. Она не реагировала на него. Он не знал, что сказать, чтобы она потеряла свое спокойствие, это свое выражение «все решено». – Я бы то же самое сделала, когда мне было одиннадцать. Может быть, даже когда мне было дважды по одиннадцать. Но тогда я еще не знала Шесть Пути. Мы должны думать дальше себя и своих желаний. Вот чему я научилась от него, наблюдая за тем, как он властвует, до самого конца его правления. Это уродливое решение, ничего не скажешь, и оно приносит боль, Восемь Антидот. Мне очень жаль, что тебе пришлось узнать об этом вот так, тайно. Я бы предпочла быть с тобой, чтобы ты мог задавать вопросы, а я могла отвечать на них.

– Вы сказали, прежде, в моей спальне… – Он попытался вспомнить ее слова, так, чтобы слово в слово. Было бы легче, если бы Девятнадцать Тесло тогда цитировала какое-нибудь стихотворение, но то была не цитата. – Вы сказали, что империя

Шесть Пути достаточно мощна, чтобы жить в мире. Но как же мы будем жить в мире после уничтожения планеты?

Девятнадцать Тесло пожала одним плечом, а потом урезонила его на свой манер.

– Ты совсем не похож на него, – сказала она. – Или похож на него в те его годы, когда он был ребенком, а я не знала его ребенком, он только рассказывал мне о себе. Знаешь, я рада, что ты другой. Я не лукавила, когда говорила тебе те слова у тебя в спальне. Я предпочту умного, докучливого преемника, чем тупицу. Даже если ты у меня в покоях пытаешься устыдить меня в убийстве наших врагов с такой напористостью, что, обрати ты ее против них, они бы оставили нас в покое. Твой предок сделал бы именно то, что делаю теперь я. Однажды мы сделали это вместе с ним, в ту кампанию, что на голограмме, которую я тебе дала.

– Вы уничтожили планету?

– Город. Дело закончилось так же, маленький шпион. Там и тогда оно закончилось так же.

Он мог это себе представить. Они вдвоем в седле, окровавленные копья. Он не понимал, как можно уничтожить город, не уничтожив с ним и планету, и узнает ли он, как это возможно, когда вырастет.

– Вы все повторяете что я не мой предок. Я знаю это. Я клон. Большинство людей – клоны! В этом нет ничего необычного.

Император положила руку на запястье Восемь Антидота. Ее кожа ощущалась, как кожа. Теплая и человеческая, как и у него.

– Ты – это точно ты, – сказала она. – Но ты мог стать и кем-нибудь другим, а я не хотела этого для тебя.

Восемь Антидот был уверен, что его отвлекают, уводят в сторону от ужасного и определенного знания, что, возможно, в этот самый момент послание на инфокарте доставляется в космопорт быстрейшим из курьерских кораблей, от одних гиперврат к другим, и только пять с половиной часов отделяют их от геноцида. Но он не мог не спросить. Он боялся задохнуться, если не спросит.

– Кем я бы мог стать? – спросил он. И замолчал в ожидании ответа.

Девятнадцать Тесло закрыла глаза. Веки у нее не были накрашены, она вообще никогда не красилась. Восемь Антидот всегда подозревал, что белые костюмы и трон с пиками были для нее достаточным украшением – некрашеные и тонкие. Все стихи, которые он знал, утверждали, что император никогда не спит. Может быть, так оно и было. Глаза у нее были все еще закрыты, когда она сказала – произнесла, словно начало истории, эпилог

к эпическому творению:

– Твой предок, император Шесть Путь, в свое время любил многих людей. Меня, свою маленькую сестренку Восемь Петля, в честь которой ты и назван, она теперь твой законный хранитель – и многих других. Но однажды он влюбился в посла станции Лсел.

– Махит Дзмаре? – смущенно спросил Восемь Антидот.

– Нет, – сказала Девятнадцать Тесло. – Звезды небесные, он видел ее раза три, насколько я знаю. Он любил ее предшественника, маленький шпион. Искандра Агавна. И я… Искандра было легко любить. Это то же, что любить пить и не возражать против того, чтобы напиться. Как повести ударную группу на вершину холма, не зная, не устроил ли там враг засаду на другой стороне.

– Но он умер, – сказал Восемь Антидот и задумался: не следует ли ему выразить соболезнования. Взрослые с их любовью никогда не были понятны ему. То, о чем говорила император, вовсе не было похоже на любовь.

Девятнадцать Тесло кивнула. Ее глаза все еще были закрыты.

– Да, он умер. Я помогала его убить, не знаю, хорошо это или плохо, но это было сравнимо с уничтожением города или целой планеты. Там и тогда разницы в самом деле не было. Хочешь знать почему?

– Это глупый вопрос, Ваше Великолепие.

Она рассмеялась. Смех ее прозвучал ломко и странно.

– Конечно, глупый. Я тебя спровоцировала на такой ответ. Но ты ведь хочешь узнать, правда?

– Да.

Он хотел – и в то же время не хотел, но чувствовал, что узнать об этом когда-нибудь потом и неожиданно будет хуже.

– Потому что на станции Лсел, откуда они оба – Искандр и Махит – родом, существует технология, с помощью которой разум предшественника передается в разум преемника. «Чтобы не пропадало», – так сказала Махит. Чтобы иметь память и жить вечно. Искандр любил твоего предка-императора. Я не знаю, маленький шпион, мог ли варвар Искандр верить тейкскалааанцу Шесть Пути, но Искандр верил. Когда твой предок состарился и медленно умирал, Искандр предложил ему одну из таких машин. Они их называют имаго-машины. Способ увековечить себя, поместить себя в новое тело, словно ты призрак, и иметь восемьдесят раз по восемьдесят лет мира без войн.

В желудке у него лежал камень, а он даже не прикоснулся к своей кассаве и сыру.

– Это тело должно быть из близких, да? – сказал он. Голос его

звучал тонко, по-детски, но его это не заботило. – Клон, если он мог заполучить таковой.

– Да, – сказала Девятнадцать Тесло. – Клон бы хорошо подошел. Ты очень похож на него. Вот только, как ни посмотри, совсем другой.

Он проглотил слюну сухим ртом и чуть не подавился.

– И каким я должен был бы стать?

Император перестала рассматривать то, что находилось на внутренней стороне ее век, и теперь смотрела на него. Ему хотелось сжаться и исчезнуть.

– Не знаю, – ответила она. – Не таким, какой ты есть сейчас, но и не Шесть Путем тоже. Чем-то непригодным – для меня и для Тейкскалаана.

Тем не менее она считала «пригодным» уничтожить целую планету для того, чтобы, *может быть*, остановить войну. Восемь Антидот не понимал этого. Он радовался тому, что не призрак, не какое-то половинчатое существо, наполовину предок, наполовину он сам, объединенное в одно целое. Радовался, потому что был самим собой, но не хотел понимать, как Девятнадцать Тесло могла убить своего друга, чтобы спасти ребенка, и уничтожить планету, возможно, просто ради того, чтобы уничтожить.

– Я не он, – сказал он. – Я не Шесть Путь.

– Ты не он, – сказала Одиннадцать Тесло. – Ты – императорский наследник Восемь Антидот, ни больше ни меньше.

– Вы позволили мне быть самим собой, – сказал он, чтобы не оставалось сомнений.

– Я дала тебе такую возможность, когда ее могли отнять у тебя, да.

– Значит, я – это я, и я считаю, что вы ошибаетесь, Ваше Великолепие. Вы ошибаетесь, воплощая идею Три Азимут. Это не *мой* Тейкскалаан. Это Тейкскалаан, который строите вы.

Каким-то образом он вдруг обнаружил, что может встать, повернуться спиной к императору и, расправив плечи, выйти из ее покоев, оставив нетронутый завтрак.

* * *

– Огонь по этому кораблю, – сказала Девять Гибискус с хрупкой решимостью, сопровождающей ошибочный выбор, который тем не менее ощущался более приемлемым, чем совсем никакой. Ей был знаком такой образ мышления. Она думала, что выросла из него задолго до того, как стала капитаном Флота.

Такое мышление уничтожало возможности, разбалансировало миры. Двадцать Цикада был бы разочарован.

Двадцать Цикады здесь не было.

– Не делайте этого, – сказала Махит Дзмаре, на ее лице появилась гримаса, непонятное выражение скорби, или злости, или какой-то иной варварской эмоции, не имевшей никакого смысла. – Яотлек, пожалуйста, не надо! Дарц Тарац – одна шестая нашего правительства, пожалуйста!

Такая простая просьба, но она, Девять Гибискус, должна в этой просьбе отказать. Компрометация министерства информации агентами Лсела, насаждение опасений станциосельников в то, что должно оставаться делом Флота, – все, о чем предупреждала ее Шестнадцать Мунрайз, явно так и было и обеспечивалось присутствием этого варвара в его маленьком корабле и требованием разговора с послом Дзмаре. И эта самая Дзмаре собственной персоной просит сохранить жизнь какого-то члена ее правительства.

– Отставить, – сказала Девять Гибискус офицеру-оружейнику Пять Чертополоху, который уже держал на мушке маленький корабль, доставивший сюда этого Дарца Тараца. – Почему я не должна стрелять, посол? Этот корабль будет не первым лселским кораблем, попавшим в перекрестье прицела нынешней войны.

Посол, похоже, этого не знала. Она вздрогнула. Ее эмоции так ясно отразились на лице, но все же Девять Гибискус не была уверена, что понимает выражение этого лица правильно.

– Он просил возможности поговорить со мной, – сказала Дзмаре. – Мой долг – защитить его, сохранить жизнь моего соотечественника…

– К тому же это варварство, – сказала уполномоченный Три Саргасс с абсолютной откровенностью. – Уничтожать того, кто представился по-дружески.

Девять Гибискус очень хотелось, чтобы она ошибалась. Они обе. Ей хотелось быть таким капитаном Флота, которому было бы плевать, ошибаются они или нет.

Но она не была таким капитаном.

– Доставьте его на борт, – сказала она Пять Чертополоху вместо приказа стрелять. – На борт и ко мне, в наручниках. Мне не нравится выбранное им время, уполномоченный, посол. Я ни на йоту не верю всему этому.

Глава 17

Тейкскалаан всегда брал под свое крыло беженцев, спасающихся из собственных планетных систем от природных катаклизмов, независимо от того, были эти системы враждебно или дружески расположены к империи. Те же, кто спасался от рукотворных катаклизмов – войн или преследований, – естественно, должны были отвечать более строгим интеграционным требованиям и оценкам (детально эта процедура изложена в Своде законов, см. 1842. A.9). С учетом осуществления этой политики опишите предлагаемый образ действий тейкскалаанского губернатора одной из планет Западной дуги, к которому обратились с просьбой предоставления статуса для беженцев категории «всемирный» в количестве 20 000 человек на автономной подвижной космической станции с неизвестными военными возможностями и санитарными практиками. Станция располагается на орбите крупнейшей планеты системы. Подкрепите цитатами, чтобы обосновать ваши действия.

Вопрос экзаменационного билета при выборе политической специализации согласно программе обучения после проверки способностей, проводится ежегодно.

Имаго-память делает для нас

важную работу. Она сохраняет навыки, обеспечивает непрерывность институционного знания, столь необходимого для поддержания закрытой и тщательно сбалансированной общественной системы, подобной станции Лсел и окружающих ее вспомогательных станций, в функциональном состоянии, невзирая на неизбежно высокий уровень потерь личностей вследствие космического облучения и обычных несчастных случаев, сопутствующих обитанию в космосе. Тем не менее имаго-память не смогла сохранить для нас причины, по которым мы, станциосельники, оказались и остались в секторе Бардзраванд. Мы не помним, откуда пришли и куда направлялись. Четырнадцать поколений по цепочке живой памяти, а наши старейшие линии сохранили только мечты о цифрах и уверенность, что если нам удалось сделать это один раз, то мы можем повторить. Тем не менее один раз мы сделали это. Можем ли мы сделать это снова в обратном порядке: отключить Лсел от гравитационного колодца и отправиться в путешествие?

Выдержка из вступления к «Истории будущего глазами пилота: Всемирность и станция Лсел», автор отставной пилот Такан Мнал, опубликовано 291.3.11-6D (по тейкскалаанскому летоисчислению)

Советника Дарца Тараца со станции Лсел привели на мостик «Грузика для колеса» в наручниках с руками за спиной. Три Саргасс полагала, что так водят только преступников в военно-

полевых судах или других флотских сквернostях.

Первым, что советник сказал, было:

– Я не для этого прислал тебя сюда, Дзмаре.

Он сказал это по-тейкскалаански, а это означало, что он хочет, чтобы все знали: Махит принадлежит ему, и никому более. Три Саргасс подумала, что такое поведение совершенно неприемлемо, если не хуже, а вариантов «хуже» было пруд пруди.

У Тараца был трупообразный вид, худое и очень подвижное лицо, и, судя по его виду, наручники, надетые тейкскалаанскими солдатами, были лишь незначительным ущемлением его достоинства, и ничем более. Он не стал прибегать к показной дипломатической вежливости, никого не приветствовал поклонами, не признал никого, кроме Махит. Махит, которая стояла рядом с побледневшими щеками, краска с них ушла, как вода уходит в песок пустыни. Она не ответила, но это не помогло. Тарац продолжал говорить, и Три Саргасс почувствовала, что внимание офицеров на мостике переместилось к Махит, чужой среди них, и к Три Саргасс из ассоциативности и ее близости к Махит, а может, и по другим причинам. Присутствующие на мостике напоминали стаю ныряющих птиц в ожидании, когда блеснет серебристое брюхо уязвимой рыбы.

Стратегическая голографическая карта позиции Флота за их спинами, созданная Два Пеной, показывала, что флагман Шестнадцать Мунрайз неуклонно приближается к отмеченному месту нахождения планеты инородцев, но все смотрели не на карту, а на Махит Дзмаре.

«Ты меня ужасаешь, Махит», – подумала Три Саргасс и вдруг обнаружила, что эта мысль мучительна. Ужас и желание были ранами, слишком близко расположенными друг к другу в ее груди. Может быть, она всегда была такой, а может, это вина Махит. Хотела бы она иметь время, чтобы в этом разобраться!.. Как же, черт возьми, сейчас не в тему – вдруг обнаружить, что это хочется *прожить*, прожить и пережить ради ее министерства, во имя ее империи…

Тарац, когда Махит не ответила на его откровенно оскорбительное замечание, продолжил:

– Я послал тебя сюда, чтобы ты приняла необходимые меры, благодаря которым война не затронет нас, Дзмаре, – сказал он. – А что сделала ты? Да ничего. Ни одной коммуникации от тебя! Первое, что я слышу с этого фронта, – ужасные вести о том, что ты собираешься присоединиться к тейкскалаанцам, которые всем скопом через наши Дальние гиперврата двигаются в направлении станции! Уже сейчас Ончу отправляет на смерть наших пилотов, которые пытаются отогнать их от Лсела! А чем занята ты?

– Переговорами, – сказала Махит тонким голосом, и в этот момент офицер-оружейник Пять Чертополох сунул пистолет ей под подбородок.

Три Саргасс помнила, что говорила ей Махит, когда они лежали в темноте, прижавшись друг к другу: что ее отпустили сюда шпионить, хуже того – саботировать, сделать так, чтобы эта война длилась вечно, чтобы она уничтожила Тейкскалаан истощением ресурсов и потерями. Назначил ее саботажником именно этот человек, которого когда-то пощадили, оставили в живых, а он отплатил за проявленную к нему доброту тем, что поставил ее жизнь под угрозу.

Три Саргасс всегда принимала решения сразу, окончательно и в одно мгновение. Выбрала на экзаменах министерство информации. Выбрала место координатора по культуре при лселском после. Выбрала доверять ей. Выбрала свое назначение сюда – один раз и насовсем, даже не проверив, насколько глубока вода, в которую она прыгает.

– Во имя чертовых звезд и тысячи черных дыр! – воскликнула она, вставая между Махит, Тарацем и Девять Гибискус, делая себя центром треугольника. – Не могли бы вы, все трое, помолчать минутку, чтобы мы могли отделить полезные сведения, которые принес нам этот станциосельник, от его прочих непотребных выкриков?! За бортом этого корабля предостаточно всякого рода пальбы, вовсе не обязательно переносить ее и сюда.

Тарац сказал что-то на языке станции, его речь показалась Три Саргасс непроизносимой последовательностью согласных, а Махит ему не ответила, что было очень, очень умно с ее стороны. Будет еще умнее, если она не произнесет ни слова на другом языке, кроме тейкскалаанского, пока Три Саргасс не вынудит офицера-оружейника убрать импульсный пистолет от ее горла. Пистолет вонзился в нее глубоко, как мог бы вонзиться рот. Холодный, терпеливый, выжидающий под нижней челюстью.

Времени на раздумья не было. Времени не было ни на что, кроме слов. А на слова Три Саргасс была мастер.

– Скажите, уполномоченный, почему это я не могу дать моему офицеру команду пристрелить посла Дзмаре, поскольку она, очевидно, по признанию ее начальства, послана сюда шпионить? – тихим, ровным голосом спросила Девять Гибискус. Голос звучал нехорошо. В нем не слышалось сомнений. Три Саргасс нужно было и дальше дестабилизировать ситуацию, прежде чем появится хоть какая-то надежда вернуть этот поток в нормальное русло.

– Потому что это будет проявлением доверия к словам этого человека, – она сделала короткое ниспадающее движение одной

рукой, презрительно очерчивая всю фигуру Дарца Тараца, – без малейшей попытки выяснить его намерения или намерения посла Дзмаре. Или *мои*. Это исключает возможность выбора, яотлек, а я считаю, что мы сейчас говорили как раз о том, как было бы полезно оставить возможность выбирать с учетом текущего состояния конфликта с нашим противником и текущих переговоров, происходящих на Пелоа-2. Или вы передумали из-за одного станциосельника в маленьком кораблике?

Три Саргасс время от времени задавала себе вопрос, умрет ли очень молодой. Сейчас, похоже, настал один из таких моментов. Импульсный пистолет, который упирается в горло Махит, может уже перенаправиться в ее спину, а она даже не утруждает себя тем, чтобы повернуться и проверить. Она хотела быть бесстрашной и уверенной, и это должно сработать. Должно, должно, должно!

– *Ваши* намерения, уполномоченный? – уточнила Девять Гибискус все тем же угрожающе спокойным голосом. – У вас они есть, правильно я понимаю? Ваши *собственные*, отличные от намерений Флота?

Уже лучше. Но не хорошо – может быть, ее и правда пристрелят, как пристрелили Лепестка. Вот бы он посмеялся, если бы только мертвецы могли смеяться… Но все-таки уже лучше. То, что яотлек переключила внимание на нее, было гораздо полезнее и безопаснее, чем стравливание Махит и Тараца. Три Саргасс пожала плечами и сказала:

– Я – тейкскалааанка, яотлек, и асекрета. Конечно, у меня есть намерения. Но они очень просты: Флот попросил прислать переговорщика, и я – переговорщик. Мои намерения – продолжать переговоры и быть уверенной в том, что в конечном счете будут предприняты другие, более окончательные или радикальные шаги, чем этот.

Она сложила лицо в угодливую улыбку, широко раскрыла глаза и моргнула.

Девять Гибискус смерила ее устрашающим взглядом. Яотлек была похожа на столб, статую, на твердый предмет с собственной гравитацией. Это производило сильное впечатление.

– Наш противник *не разговаривает*, уполномоченный, – сказала она. – Наш противник действует, причем таким образом, какой никто из нас не мог предугадать. Если этот станциосельник говорит правду о возрастающем присутствии наших врагов в секторе Парзавантлак, с учетом того, что они уже делают с Семнадцатым легионом.

Разбросанные повсюду на карте-голограмме Два Пены огоньки, отображающие «Осколки» Семнадцатого легиона,

роились и исчезали, сгорая в огне, после чего снова собирались вместе и бросались вперед, невзирая на количество сбитых кораблей, а таких явно было уже немало. Поле боя шириной в сектор красноречиво подтверждало слова «наш противник действует», и даже если Три Саргасс считала, что это реакция на продвижение Шестнадцать Мунрайз, факт оставался фактом. Но то была лишь часть правды.

– Может быть, наш противник ведет переговоры, – сказала она. – Почему бы вам не связаться с вашим адъютантом и не выяснить это, а не ждать его доклада? Он был *абсолютно* жив, когда мы оставили его. Сомневаюсь, что такой человек, как Двадцать Цикада, позволит себя убить без сопротивления.

Вспышка эмоций беспокойства, расстройства и гнева, промелькнувшая на лице Девять Гибискус, была приятной. Все – теперь она в руках Три Саргасс, которая заполучила рычаг и могла этим рычагом сдвинуть яотлека с места, дестабилизировать и изменить ход этого разговора, а также… Звезды небесные, если она только развернет эту ситуацию, то напишет о себе героическую поэму, пусть и нескладную. Одиннадцать Станок никогда не проводил таких переговоров.

– Пистолет оставьте там, где он сейчас, – сказала Девять Гибискус, – и смотрите, чтобы станциосельник не сбросил наручники.

С этими словами она подошла к консоли, за которой работала Два Пена. Та освободила место яотлеку, но Девять Гибискус не стала садиться – предстоящий разговор явно не обещал быть из тех, что требуют длительного времени. Она просто наклонилась, протянула руку над голографическим изображением смерти и доблести, чтобы послать плотный луч целевого вещания на Пелоа-2, и сказала:

– Пчелиный Рой, если можешь, доложи о своей ситуации.

Три Саргасс не переставала удивляться этому прозвищу, даже зная, что знаковое имя Двадцать Цикады тоже называет насекомое. Вероятно, это было как-то связано с его религией. Она рассеянно подумала, что было бы неплохо, если появится время, узнать адъютанта яотлека получше, например, каким образом он связывал расточительство с бессмертием. Но при всем его уме, способности удивлять и запутывать он был худшим из всех возможных переговорщиков, каких можно было направить на Пелоа-2 к противнику, который убивал без представлений о ценности жизни индивидуума и персональном вкладе…

Треск, звук помех. А потом слова.

* * *

Восемь Антидот не был своим предком-императором, не был он и Ее Великолепием Девятнадцать Тесло, и потому, стоя долгое время в своей комнате за закрытой дверью, как ребенок, отправленный к себе в наказание, он был абсолютно уверен, что все кончено. Он пытался, но потерпел поражение. Никто его не слушал; он мог быть маленьким шпионом или Эликсиром, учеником Одиннадцать Лавра или даже новым любимым политическим собеседником самого министра Три Азимут, но ничто из этого не имело значения. Ему всего одиннадцать лет, и он пытался, но из этого ничего не получилось. Война уже шла, и теперь приказ уничтожить планету находился в руках у какого-нибудь пилота, летящего, может быть, на одном из «Осколков», которые были самыми быстрыми кораблями во Флоте и имели приоритетное право прохода через гиперврата…

Корабли Флота имели приоритет. «Осколки» имели приоритет и могли общаться друг с другом быстрее, чем послание проходило через гиперврата. Если он правильно понял то, что имели в виду Три Азимут и Одиннадцать Лавр, а он не сомневался, что именно это они и имели в виду.

А Ее Великолепие император об этом вообще не знала. Единственным человеком, который не был пилотом «Осколка», не служил в министерстве войны, но знал об этом, был он, Восемь Антидот, императорский наследник.

Он не был императором всего Тейкскалаана, *пока* не был. Может быть, ждать оставалось не так уж и долго, и тогда его слово – его приказ – будет открывать любую дверь во Дворце-Земля, любую дверь в Городе.

Будет, если только другой приказ не отменит его – приказ настоящего императора, который может отменить любой другой приказ в империи.

Ему нужна была запечатанная императорская инфокарта. А еще «Осколок» или его пилот, но и одного только «Осколка» будет достаточно.

Он все еще стоял у себя в комнате за дверью. Прямо на него смотрел глаз камеры, принадлежащей Городу, – он знал об этом. Одна камера на двери, одна на окне, одна на окне в ванной. Город всегда с ним, алгоритм наблюдения за ним, обеспечения его безопасности. Он попытался сохранить на лице неизменное выражение. Не показать, как его трясет, насколько он приблизился к грани изнеможения и насколько переполнен мыслями о возможности сделать что-то – он даже опасался, что его взорвет изнутри. Ему необходимо было в полной мере оставаться самим собой. *Нормальным,* разочарованным и разозлившимся. И он определенно, точно не должен был брать

открытую, пустую, изготовленную из кости животного инфокарту, присланную ему Девятнадцать Тесло, когда она вызвала его на разговор несколько ночей назад. Палочка инфокарты, на которой было выгравировано изображение трона с копьями солнечных лучей. Безусловно, он не должен брать ее со своего стола вместе с одной из автоматических печатей, которую не требовалось разогревать, и идти в ванную, чтобы постоять под душем, не включая воду. Он был не глуп и понимал, что взять палочку открытой инфокарты в мокрую руку – означало просто сжечь ее, лицом к выложенному плиткой углу, чтобы его не видела камера наблюдения, о которой он знал, и все другие камеры, о которых он не знал.

Ему не нужно было, чтобы его вообще перестали видеть. Он хотел, чтобы его перестали видеть на какое-то достаточно долгое время.

На составление приказа ушло больше времени, чем он хотел. Восемь Антидот никогда прежде не писал приказов, и его первая попытка звучала так, будто он изображал из себя одного из персонажей «Рассвета с надвигающимися тучами». Сплошные древние глагольные формы, давно вышедшие из употребления даже в императорских заявлениях. Вторая попытка была попроще, и он в ней больше походил на себя, а это означало, что говорил он как ребенок. Но лучше уж говорить как ребенок, чем как фальшивый император голодрамы.

«Его Сиятельство Восемь Антидот, соимператор, наследник лучезарного солнцетрона копий, – писал он, вырисовывая глифы, – от имени правительства многозвездной Тейкскалаанской империи яотлеку, капитану Флота Девять Гибискус Десятого легиона. Тейкскалаан является цивилизацией, и наш долг сохранить ее. Этот приказ запрещает использование оружия или тактик, предназначенных для уничтожения цивилизаций в связи с угрозой инородцев за пределами сектора Парзравантлак, включая ядерные удары по планетарным системам, на которых обитает гражданское население, за исключением случаев, когда таковые оружие и тактики являются единственным средством, стоящим между нами и полной гибелью известной цивилизации».

Вероятно, это было сказано достаточно сильно. Он подумал, что, возможно, задает тренд для будущих императоров, и решил, что имеет на это право, раз у него есть такое желание. Он был самим собой, и Девятнадцать Тесло позволила ему быть самим собой, он знал это и знал, что это правда. Это правильно, по-тейкскалаански.

Он запечатал инфостик. Автопечати Восемь Антидота имели

именной глиф, но его это устраивало. Имени должно хватить. Он должен был продолжать верить в это.

Теперь ему только нужно доставить инфокарту в межзвездную почту и найти пилота «Осколка» или просто «Осколок», чтобы попытаться поговорить с…

Значит, ему предстоит вернуться в космопорт Сокровенной области. В этот момент пустота в его желудке обратилась в жуткое бурление. Он не хотел туда. Космопорт в Сокровенной области – место, где он был, когда случился сход поезда с рельсов в метро. Звуки сирен, паника, все знают, что нужно делать, а он – нет. Невозможность добраться до дома, взрывные устройства… Пять Агат так до сих пор и не сообщила ему, было ли там на самом деле взрывное устройство вроде того, что убило женщину в Беллтауне, и случилось ли это происшествие из-за него, не пытался ли кто-то его убить.

Он пребывал в ужасе еще до того, как состав сошел с рельсов. Даже если никто не пытался его убить, он может умереть сам по себе, если и дальше будет чувствовать себя столь унизительно *ничтожным*.

Но ему необходимо вернуться туда. Никто другой за него это не сделает. А он не знал, где еще, кроме как в космопорте Сокровенной области, можно найти «Осколок» или киоск министерства информации, чтобы отправить императорское послание по системе внутренних гиперврат. Возникло ощущение, будто его желудок ползет к горлу.

«Вот же гребаные звезды!» – чуть не криком вырвалось из него, впервые в жизни произнес он нецензурное слово, как взрослый. А потом его вырвало. Он отвернул голову от инфокарты, чтобы на нее не попало.

* * *

– Нет-нет, я жив, Мальва, – сказал Двадцать Цикада, его голос звучал едва различимо через хрипы и помехи. Три Саргасс подалась поближе к консоли связи, словно это могло что-то изменить, да она и сама понимала, что ничем не поможет. – Пока жив. Пытаюсь понять, что меня прикончит – жара или эти когти, – ты не волнуйся, охоту на меня никто не объявлял, я… гммм, я заложник, который говорит или рисует как минимум. Долго я с тобой говорить не могу. Их не особо интересуют наши немузыкальные ротовые звуки, а ты всех певцов забрала на корабль.

– Не говори со мной, – сказала Девять Гибискус. – Говори

с ними. И не умирай. Эта линия открыта, я пошлю за тобой «Осколки»…

– Если бы мне были нужны «Осколки», то я ко времени их прибытия был бы уже мертв. Стой. Они, кажется, рисуют фракталы. Или… мицелий…

Снова помехи. И молчание.

В это молчание Три Саргасс со всей порочной шутливостью, которую сумела собрать в себе, сказала:

– Ну, видите? Все еще говорит. Лично я считаю, что мы должны дождаться официальной команды императора, прежде чем бить по ним кулаком. Вы же сами знаете, что, как только начнете атаку на планетарную систему, Двадцать Цикада умрет на Пелоа. Ради чего, яотлек? Какую жертву вы приносите?

Девять Гибискус медленно повернулась к ней – это движение было более угрожающим, чем было бы быстро катящееся на нее колесо. «Так вот почему грузик для колеса, – подумала Три Саргасс, – теперь понятно». Только бы никто не заметил, что она вот-вот впадет в истерику. Истерика должна была случиться после переговоров!

– Я уже послала запрос на подтверждение императору, уполномоченный. Нет смысла повторять этот аргумент.

– Конечно, – ответила Три Саргасс. «Легче, спокойно!» Затем она повернулась в своем треугольнике лицом к Дарцу Тарацу. – Скажите нам, советник, – проговорила она, роняя уровень официоза и придавая своему голосу злобно-скучающее выражение: поэт, которому при дворе приходится разговаривать с кем-то малограмотным. – Каким образом, по вашему мнению, посол Дзмаре может быть в ответе за ваше, скажем так, неожиданное явление? Насколько мне известно – а я была вместе с послом с того времени, как вы любезно позволили мне приостановить ее заслуженный отпуск, – она не сделала ничего иного, кроме соучастия во всеобщих попытках минимизировать потери и пролить свет на этот беспросветный конфликт. Что, вы там сказали, она не смогла сделать? Связаться с вами? Советник, да когда у нее было на это время?

Все эти переговоры напоминали старую-престарую голодраму по метафорическому сюжету с Девять Гибискус, заменяющей императора, и мостиком, заменяющим сверкающие своды Дворца-Земля… И да, она же упустила из виду Город, впервые за долгое время и подчеркнуто.

Это было мастерское небольшое представление, если только Три Саргасс могла оценивать собственные риторические способности. Ей понравилось «пролить свет на этот беспросветный конфликт» – хорошая перефразировка

Одиннадцать Станка, и кто-нибудь наверняка оценит аллюзию. Впрочем, может быть, оценит только она сама.

Но на Дарца Тараца это, как ни грустно, не произвело впечатления. Он вообще никак не прореагировал на Три Саргасс, только посмотрел на нее взглядом, исполненным презрения, и повернулся, чтобы сказать Махит на языке станции еще одну отрывистую фразу, состоявшую из смеси согласных. Три Саргасс четко уловила несколько слов, одно из них – «Искандр», другое – «империя», которые на тейкскалаанском звучали совсем иначе. Махит, в чье горло все еще упирался пистолет, закрыла веки, вздрогнув ресницами. Когда она открыла их, ее глаза смотрели иначе. Она стала не совсем собой. Кривая ее рта широко раскрылась, жест руки был неторопливым и всеохватывающим. Как будто она была одержимой. Как будто она была… Искандром Агавном, наверно.

Кто из них двоих красивыми руками Махит обследовал тело Три Саргасс? Какой совершенно неуместный вопрос – зачем он возник в голове сейчас?! Особенно с учетом того, что ответ, скорее всего, шокирующий: *оба*. Ей никогда не будет нравиться сама идея имаго-машин. Впрочем, вряд ли это имело значение, если Махит вот-вот убьют…

Даже ее голос зазвучал иначе, когда она заговорила. Сначала на языке станции – она опять произнесла слово «империя» на станционном, и еще одно, знакомое Три Саргасс, – «партнерствовать», она встречала этот глагол в таможенных документах. А потом – слава всем мелким божествам, которым кто-нибудь приносил в жертву кровь! – Махит сказала по-тейкскалаански:

– Советник, вы поставили мне задачу – научиться понимать чужаков и повлиять на то, чтобы их поведение стало более благоприятным по отношению к станции. Разве не об этом вы всегда говорили мне?

Так тут есть *история*. Три Саргасс хотела ее узнать, почувствовать ее во рту, пережевать и выплюнуть. А что, если Дарц Тарац требовал от Махит диверсионной работы, как требовал от Искандра Агавна, который был любимым варваром императора Шесть Пути? Какое из этих указаний Агавн отказался выполнять, а какое выполнил?

Пять Чертополох сильнее упер пистолет в горло Махит. Молчание. Движение ее челюсти, когда она проглотила слюну, было скованным.

– Разве это не признание в шпионаже, яотлек? – спросил Пять Чертополох. – Воровать *наши* тайны и пытаться влиять на *наше* поведение!

Что было равносильно вопросу: «Мне пристрелить ее сейчас?», а потому Три Саргасс теперь было необходимо сказать правильные слова…

Но Девять Гибискус успела раньше:

– Никто, Пять Чертополох, не ждет, что варвар будет в первую очередь думать *о ком-то, кроме* своих собратьев-варваров.

Как это верно! Махит не понравится эта правота, но, может быть, Три Саргасс может уладит это позднее.

– И все же, – быстро прервала яотлека Три Саргасс, – посол Дзмаре выразила готовность поехать со мной, когда я ее попросила, приложить свои знания к нашим усилиям по первичному контакту, послужить не только своей станции, но всему Тейкскалаану. Ничто не бывает простым, яотлек, когда имеешь дело с варварами, особенно с Махит Дзмаре, которая возвела на трон нашего императора и предупредила о нашем враге. Она очень хорошо знает нас, но все равно приняла мое предложение.

Сказав это, она поняла, что извиняется. За глупость с жакетом Махит, за то, что не говорила с ней, за то, что, приехав забрать ее с собой на войну, исходила из уверенности, что Махит согласится. Конечно, согласится – ведь когда империя просит, пусть даже устами друга или вероятного любовника, у варвара нет ни малейшей возможности отказаться, и чтобы при этом его продолжали считать за *человека*.

Она с горечью поняла, как о многом предстоит крепко подумать, когда люди на мостике перестанут наводить друг на друга энергетическое оружие. *Позже*. Она хотела, чтобы у нынешней ситуации было «позже». Отчаянно хотела.

– А вы, советник Тарац! – продолжила она, пытаясь проложить дорожку к этому «позже». – Какими бы ни были ваши пожелания, посол Дзмаре их уже выполнила. Если вы будете и дальше настаивать на том, что она в некотором роде ваш агент, офицер застрелит ее, и это будет огромной потерей. Это заставит замолчать единственный голос, который говорит на *вашем* языке, но тем не менее доступен *нашему* пониманию. – Она выдавила из себя смешок, легкий, самоуничижительный. – Да, я немного его понимаю, советник. У вас ужасное количество согласных.

Наступило короткое, напряженное, наводящее страх молчание. Потом Девять Гибискус сказала:

– Отпусти посла, Пять Чертополох. *Пока*. Мы попросим нашего гостя рассказать нам надлежащим образом, что происходит в секторе Парзравантлак. В подробностях, советник Тарац, и на цивилизованном языке, если получится.

Пистолет убрали. Три Саргасс услышала быстрый вздох

Махит. Ей хотелось ее обнять, может быть, прижать к себе и точно поцеловать. Но это разрушило бы хрупкий баланс, который с трудом удалось восстановить, а потому Три Саргасс только посмотрела Махит прямо в глаза и улыбнулась, показывая зубы. Возможно, эта улыбка стала получаться у нее лучше.

* * *

Он порадовался, что его вырвало в душе, так как это означало: в метро или в наземном шаттле, который повезет его от последней действующей станции метро до космопорта, тошнить будет нечем. Расследование Городом схода поезда с рельсов еще не закончилось, или они обнаружили следы взрывчатки, но сделать ремонт еще не успели. В любом случае добраться до космопорта на метро было невозможно – ходил наземный шаттл такого размера, какой Восемь Антидот в жизни не видел. Без сидений, только с поручнями, чтобы держаться, битком набитый взрослыми, другими детьми, багажом. Он едва втиснулся, и все подумали, что он чей-то ребенок. Все ехавшие имели такой вид, будто их сейчас начнет рвать прямо в шаттле, который постоянно дергало, когда он останавливался или трогался с места. Держаться за поручни было непросто, а багаж переваливался туда-сюда, ударяя людей по ногам, отчего они теряли равновесие.

Но больше всего ему досаждало отсутствие облачной привязки. Когда он в последний раз заглядывал во Дворец-Центр, у него был гид, и весь Город за ним наблюдал, но сегодня ему нужно было перемещаться быстро и без посторонних глаз. Он не знал, позволит ли ему Ее Великолепие и дальше оставаться шпионом, сохранит ли такую степень свободы, при которой он попадает в переделки и узнает вещи, о которых не должен знать или которые кто-то держит в тайне. Он в лицо сказал императору, что не согласен с ней, а теперь он предпринимал действия, которые должны были отменить ее приказ. Если бы он позволил Городу и всем камерам отслеживать его перемещения по облачной привязке и получать изображения и если бы император захотела его остановить, он сильно облегчил бы ей поиски.

Поэтому он оставил облачную привязку в вагоне метро на станции, где делал пересадку, и сел в этот жуткий шаттл. Снял ее, чтобы протереть глаз – делал вид, что он совсем маленький, восьмилетка, и у него первая облачная привязка, к которой он еще не привык, – и положил рядом на сиденье. Когда он поднялся в возбуждении на остановке Плац-Центральная-1, он был очень рад, что один раз уже побывал там с привязкой, потому что иначе

сам не нашел бы дорогу в семи уровнях развязок. Наверное, его облачная привязка так и лежала в вагоне, каталась от остановки до остановки туда и обратно. А он был без защиты, свободен и внутри толпы, может быть, достаточно высокой, чтобы скрыться от глаз Города, которые он ненавидел. Сейчас особенно.

Инфокарта с его приказом была засунута внутрь рубашки – оттуда он ее никак не мог ни потерять, ни уронить. Он ощущал прямоугольное давление на свой живот каждый раз, когда кто-нибудь из взрослых толкал его в шаттле. А когда двери шаттла наконец-то открылись и все изнутри потекли наружу в космопорт Сокровенной области, он старался идти со всеми, не останавливаться. Если он остановится, то может повернуть назад. Восемь Антидоту здесь не нравилось. В космопорту стоял ужасный шум, а входы в метро так и оставались закрытыми. Пришлось пройти через целый эскадрон Солнечных, и он не стал смотреть, повернули ли они свои безликие головы в позолоченных шлемах в его сторону. Если Солнечные его узнали, весь Город и император будут знать, что у него на уме.

Может быть, даже подкинут тому, кто подорвал поезд в метро, идею предпринять новую попытку. Эта мысль была ужасна, и он не хотел, чтобы она еще раз пришла ему в голову.

Из терминала Тюльпан в терминал Настурция. Хорошо, что он запомнил дорогу. Он чувствовал себя корабликом, спроецированным на стратегический стол-картограф. Вот он двигается по траектории, начерченной кем-то другим, кем-то, кто был им во дворце, но при этом совершенно другой личностью, а не испуганным ребенком, в которого он превратился сейчас.

Киоск министерства информации в терминале Настурция стоял точно на том же самом месте, где в прошлый раз, и в нем по-прежнему находились двое скучающих служащих министерства. Восемь Антидот извлек инфокарту из рубашки, протер ее о брюки, чтобы сверкала, а потом подошел к ним, стараясь выглядеть как императорский порученец. Он тяжело дышал, потому что добирался сюда со всей скоростью, на какую способен, а не потому что его чуть не трясло от страха.

– Прошу прощения, асекреты, – сказал он. – У меня императорский приказ, который должен попасть к гипервратам с самым быстрым курьером.

Одна из двоих вскинула брови.

– Да ну?

Восемь Антидот собрал весь свой праведный гнев ребенка, получившего важное задание, ребенка, которому не верят, потому что он ребенок. Он расправил плечи. Стукнул инфокартой о прилавок киоска.

– Ну да, – сказал он. – Из Дворца-Земля. Это личная инфокарта императора, и она запечатана императорской печатью. Можете проверить. У вас есть справочная библиотека печатей?

– Есть, – сказала асекрета, но она по-прежнему говорила так, будто не верила ему. – Я буду рада проверить, но вы же знаете, что подделка императорской печати – очень серьезное преступление? Если вы не настаиваете, то я не буду проводить проверку.

Восемь Антидоту вдруг захотелось рассмеяться. Она решила, что он ее разыгрывает! Удивительно! Она явно не подозревает, кто он такой. Наверное, она никогда не видела его фотографии крупным планом. А может быть, он теперь выглядел старше, чем на последних фотографиях. Впрочем, может быть, в киосках служили идиоты. Это было невероятно досадно, но вместе с тем забавно. Он повторил то, что уже говорил:

– Вы можете проверить, асекрета. Это должно уйти со следующим курьером. Полный приоритет. Как можно скорее.

– Проверь-ка это, Тридцать Один Сумерки, – сказала асекрета, с которой он только что разговаривал, и протянула палочку инфокарты коллеге. – Узнаем, что это такое. Она должна попасть в нужное место.

Когда он увидел, как палочка исчезла в глубинах киоска, новая волна тошноты подкралась к его груди. Он очень надеялся, что его не вырвет еще раз. Это разом уничтожило бы все его планы…

– Парнишка прав, – сказала Тридцать Один Сумерки. – Это личная инфокарта Ее Великолепия, и она корректно запечатана. Слушай, малыш, почему они послали с этим тебя?

У Восемь Антидота была на это заготовка, и он решил, что пора ею воспользоваться.

– Потому что я самый быстрый, – сказал он и улыбнулся, широко и высокомерно раскрыв глаза. – Сегодня утром я был на дежурстве, а все остальные во Дворце-Земля сильно заняты, и все из-за этой войны. Я сказал, что могу доставить это и никому, кто занят взрослой работой, не придется попусту тратить полдня на шаттл, потому что метро все еще не работает и добираться сюда приходится целую вечность.

Это был хороший ответ. Асекретам он, казалось, понравился, по крайней мере одной – Тридцать Один Сумерки. Вторую, казалось, все еще мучили сомнения.

– А кто получатель? – спросила она.

Но Восемь Антидот и к этому подготовился. Адресат был закодирован в послании, внутри самой инфокарты. А он – если он был просто порученец, кто-то малозначительный – не мог знать,

что там внутри, под печатью.

– Я не уверен, асекрета, – сказал он. – Думаю, мне такие вещи знать не положено. Императорский офис сказал только: самый быстрый курьер, и отправляется письмо во Флот, на самую передовую линию войны. Все остальное должно быть внутри.

Ему казалось, что этого должно быть достаточно. Может быть. По крайней мере, асекрета не отдала ему назад инфостик, а только сказала:

– От места отправления до места доставки пять с половиной часов. Ты сообщишь об этом своему старшему? Быстрее не бывает.

– Я ему скажу, – ответил Восемь Антидот и постарался не захихикать истерически. Его старший уже и без того знал, потому что он сам был себе старшим. – Спасибо! Империя тоже благодарит вас!

Он решил, что задуманное ему удалось – он сделал это, его приказ уже практически на пути к Флоту, – но знал, что не может оставаться и смотреть, как служащие министерства информации отправляют инфокарту. Это вызвало бы подозрения. В нем даже могли увидеть мошенника. Восемь Антидоту пришло в голову, что он, возможно, совершает почтовое мошенничество. Впрочем, нет, он так не думал. У него были все полномочия отправить такое письмо.

Вот только то, что он собирался делать дальше, было почти наверняка незаконным. В конечном счете в «Осколке» не мог находиться никто, кроме пилота.

* * *

Советник со станции Лсел не очень хорошо вписывался в личный кабинет Девять Гибискус при мостике: он сел за стол, как перекошенный металлический кол, с силой забитый в плодородную землю. Длинный и худой, с высоким лбом, на который ниспадали поредевшие старческие локоны. Его лежавшие на столе артрозные руки с выступающими венами казались искореженными, он все еще был в наручниках. Скулы на его щеках тоже казались узловатыми, кожа свисала с них, а они под ней выглядели заостренными и узкими. На станции Лсел он был советником по шахтерам, а потому предположительно когда-то был достаточно крепок для добычи руды на каком-нибудь астероиде. А может быть, он всегда ими руководил, потому что был человеком, рожденным отдавать приказы более мелким особям. Здесь, на «Грузике для колеса», Девять Гибискус сочла его

отклонением от нормы и разрывом последовательности, но при этом отнесла его к роду человеческому. К *чему-то*, с чем можно говорить, в особенности потому, что он говорил на человеческом языке, а не только на станционном.

Она села напротив него, что выглядело как своего рода уважение, которого он заслуживал. Он все-таки был членом иностранного правительства. Она могла позволить себе обходиться с ним вежливо во время допроса. А допрос должен был отвлечь от мыслей о том, каким странным показался ей голос Двадцать Цикады, от остаточных образов гибели в горячих искрах «Осколков». Они, казалось, навсегда поселились за ее веками, хотя она и провела перед голографическим изображением их гибели меньше суток. А еще отвлечь от мыслей об ускоряющейся кривой все еще медленного, но уже практически очевидного вектора атаки Шестнадцать Мунрайз.

Она уже не была уверена, что вообще хочет останавливать Шестнадцать Мунрайз, каким бы ни оказалось окончательное мнение на этот счет императора Девятнадцать Тесло.

– Советник Тарац, – сказала она. – Флот приносит свои извинения за то, что ненадолго идентифицировал ваш корабль как вражеский, и рад, что на протяжении этого заблуждения вы не претерпели никакого ущерба. Добро пожаловать на «Грузик для колеса».

– Как это похоже на тейкскалаанцев – сказать «добро пожаловать» и надеть на меня наручники, – ответил советник.

Как ей сейчас не хватало Двадцать Цикады, страшно не хватало! Очень трудно быть инструментом угрозы и голосом разума в одном лице.

– Как это похоже на варвара, – сказала Девять Гибискус, не придумав ничего лучше, – принять доброжелательное приглашение за возможность продемонстрировать неблагодарность. Я – яотлек этого Флота, советник. Я командую здесь в качестве протянутой руки нашего сиятельного императора, и в сфере моих полномочий я наделена властью, равной ее власти. Я должна сейчас находиться на мостике и выслушивать доклады моих солдат, но вместо этого трачу время на то, чтобы просить вас рассказать, что вам известно о продвижении вражеских кораблей в направлении вашей станции. Ради вас и ради ваших соплеменников, а также ради всех, кто находится на этом корабле, предлагаю вам передать мне знание, которое необходимо нам обоим.

– Для чего яотлеку Флота знать, что все ее корабли и оружие не смогли помешать врагу пройти мимо нее, а потом и через гиперврата, которые она охраняет? – спросил советник. Его

тейкскалаанский был высокопарен, собран по частям, полон устаревших форм глаголов, но при всем при том совершенно правилен. Интересно, подумала Девять Гибискус, как часто этот советник разговаривал со своими послами, насколько глубоки были эти разговоры и на каком языке велись?..

– Для того чтобы знать, сколько и с какой скоростью, советник, – ответила она, – и стоит ли нам распылять силы, отправляя легион-другой на защиту вашей станции. Или же просто встать за следующими гипервратами и смотреть, хватит ли тридцати тысяч ваших жизней для того, чтобы насытить врага. Вот зачем яотлеку Флота нужно это знать. – Ей доставило удовольствие говорить почти теми же странными конструкциями, что и советник. Но по подвижному, выразительному лицу варвара она видела, что варвару это как раз не понравилось. Может быть, он решил, что она считает его идиотом.

Нет, она не считала его идиотом. Он представлялся ей змеей, и она теперь пыталась разобраться, кто такая Махит Дзмаре: тоже змея или та, кого змея покусала. Тарац некоторое время смотрел на нее, не мигая, потом заговорил:

– Сколько их? Достаточно, чтобы мы собрали всех наших пилотов, чего не делали на протяжении вот уже семи поколений. С какой скоростью они двигаются? Если бы вы объяснили нам, необразованным варварам со станции, как можно увидеть невидимое, тогда я смог бы ответить на ваш вопрос.

Она могла это представить: прилив черной пустоты, которая поглощает корабли и людей быстрее, чем можно сосчитать потери. Она могла это представить, потому что видела такое своими глазами. Своими глазами и глазами своих пилотов на «Осколках».

Почему она позволила уполномоченному убедить ее не уничтожать этих *существ*?! Существ, которые пожирали миры и готовы были пожирать и дальше, этих истекающих ядовитой слюной уничтожителей ее кораблей, которые взяли в плен ее адъютанта, убивали ее пилотов и могут погубить ее карьеру!.. Почему же она сидит и ждет, когда следует хотя бы попытаться уничтожить источник этой заразы, если это в ее силах?!

– Я ценю вашу откровенность, советник, – сказала она ровным, ледяным голосом, чтобы скрыть ярость, бушевавшую в ее горле и груди, горящий двигатель ее эмоций. – Я сейчас вызову главного штурмана, который поможет вам указать на наших картах места вторжения. Но у меня есть еще один вопрос: на станции есть быстрые корабли? Нам может понадобиться вся помощь, которую можно найти.

– Вам нужно будет поговорить с советником по пилотам

Ончу, чтобы координировать такое использование наших ресурсов, но у нее есть основания сохранить эти силы при себе, – сказал советник, начиная подаваться вперед и впервые за все время его присутствия на корабле выражая заинтересованность. – Советник Ончу не одобряет даже эти мои крошечные усилия достучаться до вас. Вы – во всей вашей великой мощи, о несравненный Тейкскалаан! – должны были быть в состоянии не подпустить этих монстров к нашему дому. Так что советник Ончу немного занята в данный момент.

Девять Гибискус была готова наброситься на него, сказать, что оскорбление всего Тейкскалаана вряд ли поможет спасти станцию, но не успела – ее облачная привязка закрыла один ее глаз зеленым с белым. Два Пена вызывала ее с мостика: Пчелиный Рой снова вышел на связь и звал ее.

* * *

За помехами адресной связи с Пелоа-2 голос Двадцать Цикады звучал особенно надрывно, что заставило Девять Гибискус вспомнить некоторые из их самых первых совместных заданий. Быстрое, живое, неожиданное многословие, которым грешил он, когда недосыпал, перерабатывал и ни секунды не сомневался в форме Вселенной, потому что знал ее закономерности. По крайней мере, он не называл ее Мальвой или, что еще хуже, «моя дорогая» – если он еще раз назовет ее так, то она первым делом *убьет* его, прежде чем он скажет еще какие-нибудь слова, которые разобьют ее сердце.

Он, конечно, говорил с Дзмаре и Три Саргасс, которые в ее отсутствие заняли место у консоли связи. Рядом с ними стояла Два Пена, внимательно наблюдала, словно ждала, когда уполномоченный или станциосельница совершат какое-нибудь предательство, чтобы она могла вырубить консоль полностью. Девять Гибискус вошла в момент, когда звучала концовка предложения:

– …почти абсолютно уверен, уполномоченный, что понимаю не только их способ беззвучной коммуникации, но и то, как им удается коммуницировать быстрее, чем мы можем отследить. Это вовсе не речь, это коллективная сеть.

– У них общий разум? – спросила Дзмаре, и в этот же момент Три Саргасс спросила:

– У них общая память?

Она и Дзмаре уставились друг на друга, словно у них была какая-то сокровенная общая тайна.

– Разум или память, – подытожила Дзмаре. – Если так можно сказать…

– Так я сказать не могу, – возразил Двадцать Цикада. – Определенно сказать пока ничего не могу. В данный момент мы все еще рисуем друг для друга картинки, и они, кстати, находят меня и отсутствие у меня *сетевого подключения* фактами весьма тревожными, но что такое память в коллективной сети разумов?

– Махит? – спросила Три Саргасс, как будто считала, что Дзмаре знает ответ на этот абсолютно философский вопрос.

У Девять Гибискус были вопросы куда более важные.

– Пчелиный Рой, – сказала она, вкладывая в голос все тепло, какое можно было передать через тонкозвучную пустоту, разделяющую их. – Извини, не могла ответить тебе сразу же… как ты *все это* понял?

– Яотлек, – сказал Двадцать Цикада, и в его устах ее титул прозвучал как имя, *ее* имя – настолько он был доволен собой и настолько был рад слышать ее. – Все дело в грибке. Вот в чем. Они передают его своим детям, и грибок… он *пробуждает* детей, пока это все, что я могу сказать. Они нарисовали мне картинку, как их малыша кормят этим, а потом подключают ко всем остальным с помощью их фрактальной сети. Это что-то вроде телепатического наркотика – или паразита, который обретает симбиотические свойства. Много бы я отдал, чтобы здесь и сейчас иметь команду иксплanатлей и исследовательский институт. Мы знаем кого-нибудь на «Грузике для колеса», у кого есть хобби – изучать грибки-паразиты?

– Никогда не задавала такой вопрос, – услышала свой голос Девять Гибискус, спрашивая себя, зачем кому-то такое хобби, в особенности на корабле Флота, который свободен от всевозможных грибков настолько, насколько возможно. – Понятия не имею. Тот самый грибок, который убил медицинского кадета, – ты думаешь, что он обеспечивает их коллективным разумом? Как у пчел в улье?

– Именно так. Кстати, Шесть Ливень умер не по своей вине – я все еще продолжаю думать, что у него была массивная анафилактическая реакция. Тем не менее наши враги не делают инъекцию грибком, они его едят.

– Чисто органический способ сохранения памяти, – сказала Дзмаре, обрывая их низким очарованным голосом. Девять Гибискус проигнорировала ее. Разве Двадцать Цикада не сказал только что: у инородцев не общая память, а общий разум?

– Таким образом, мы не можем рассматривать попадание их грибка на наш корабль как диверсию, – сказала она без вопросительной интонации.

– Нет, никто его не заносил к нам специально, – подтвердил Двадцать Цикада. – Но подробности остаются мне совершенно непонятными, Мальва. Я решаю ребусы, а они говорят или *поют* друг другу внутри своего огромного грибково-пчелиного разума. У меня есть на этот счет одна идея, но она тебе не понравится.

Девять Гибискус хотелось рассмеяться, обнять его, вернуть его на корабль.

– И что же это за идея, которая мне не понравится?

– Я думаю, что, пожалуй, съем этот грибок, – сказал ее адъютант, ее дражайший друг, ее заместитель на протяжении более чем двадцати лет. – Тогда я смогу общаться с ними напрямую.

Хуже идеи Девять Гибискус и представить себе не могла.

Глава 18

[…] военные применения казались логическим развитием алгоритмических процессов совместного использования информации, уже применяемых в полицейских подразделениях. Интерфейс пилота по необходимости более ограничен, чем информация, которая имеется в распоряжении одного из Солнечных, что способствует гибкости в момент пользования, исключая необходимость постоянного алгоритмического функционирования. Тем не менее начальные тесты общей проприоцепции оказались обещающими. С учетом процессинговой способности интерфейса «Осколка» министерство информации выражает уверенность, что «Осколки» станут первыми объектами широко развернутого использования новой технологии […]

Из «Доклада по алгоритмическим интерфейсам пользователей: применение в военной сфере», подготовлен командой икспланатлей в составе Два Кианит (ведущий исследователь), Пятнадцать Тонны и Шестнадцать Фетра, представлено и одобрено министром науки Десять Перлом

Статистическая вероятность отказа системы имаго-интеграции,

ведущего к необратимым психологическим и/или неврологическим повреждениям, составляет 0.03%, или три случая на каждые десять тысяч. «Наследие» и «Здравоохранение» считают такой уровень риска приемлемым.

Из «Имаго-хирургия: чего ожидать», информационный листок, распространяется как часть повседневного медицинского оповещения перед имплантацией имаго-машины

Восемь Антидот потерял двадцать минут, пытаясь отыскать «Осколок», припаркованный в терминале Настурция. Он не увидел ничего, похожего на бесформенный обломок стекла с острыми кромками, каким он представлял себе «Осколок» по тем документам, что попадались ему на глаза в министерстве войны, а также по сверкающим моделям одноместных истребителей заостренной формы, разбросанных по черной столешнице картографического стола. Через двадцать минут он вспомнил, что почти все «Осколки» должны находиться внутри большого корабля, висеть там в своих стояночных местах.

Но искал он вообще-то не «Осколок», а пилота «Осколка», который позволит ему забраться в кабину.

С этим было похуже, потому что он понятия не имел, как найти пилота – в бар он зайти не мог, позвонить в министерство и спросить – тоже, а времени с каждой уходящей секундой оставалось все меньше. С каждой минутой, что он тратил, стоя в суете терминала Настурция, приказ Девятнадцать Тесло подвергнуть тотальному уничтожению целую планету все приближался и приближался к яотлеку, а его собственный приказ сильно отставал.

Наконец он вернулся к киоску министерства информации, устроился сзади, чтобы не попасться на глаза асекретам, и попытался представить, как пробраться на один из кораблей Флота. Может быть, поступить во Флот? Ему еще мало лет, но он может притвориться… пока кто-нибудь не возьмет его генетический отпечаток и не узнает, что он – императорский наследник, и не вернет его во Дворец-Земля, как потерявшегося котенка. Нет, это не вариант. Может быть, он сумеет пробраться

в один из ящиков, который грузят на флотский корабль? Прокатиться зайцем?

Все эти идеи основывались на самых дурацких эпизодах голодрам, тех, что он всегда выключал.

И вдруг, словно он сам их сотворил, информационный киоск обошли два флотских солдата и направились прямо к нему. Оба они были высокие, с длинными темными волосами, заплетенными в тугие косички на военный манер. У солдата, что шла справа, прямо под нарукавной нашивкой он увидел значок Десятого легиона – бинарная система со звездами на общей орбите узнавалась без труда, металлический треугольник, все линии которого искривлены, словно в движении. Она была пилотом «Осколка». Прямо здесь. Это казалось невероятным. Он искал пилота, и пилот появился, вот только… это были те самые «Осколки», которые брали почту для скорейшей ее доставки в рамках почтовой системы гиперврат, когда получателем был Флот.

В некотором роде он сам сотворил этого солдата.

Заманил в этот киоск за посланием Флоту, и она только что взяла его.

Восемь Антидот проглотил слюну. Выпрямился во весь рост и пожалел, что одет, как мальчик на посылках, а не как императорский наследник Восемь Антидот. Но у него не было ничего, кроме самого себя. Он перехватил этих солдат – остановился точно перед ними, превратив себя в досадную помеху, которую либо придется обойти, либо уделить ей минуту-другую.

– Досточтимые пилоты, – сказал он, не зная точно, является ли словечко «досточтимые» подходящим уважительным обращением, но он собирался просить их об услуге, а потому решил, что «досточтимые» подойдет. – Я соимператор Ее Великолепия Восемь Антидот, и я буду вам весьма признателен, если вы на минутку позволите мне подняться на ваш корабль.

Два солдата переглянулись, потом уставились на него.

Одна из них – не пилот, ее друг – сказала:

– Ты *кто*, малыш?

Восемь Антидот заскрежетал зубами.

– Я Восемь Антидот. Наследник Лучезарного солнцетрона копий и правитель всего Тейкскалаана. Если захотите, ваша облачная привязка наверняка покажет вам мое изображение, чтобы вы могли провести визуальное сравнение. Мне нужно подняться на ваш корабль… Точнее, на ее корабль, – он показал подбородком на пилота. – Мне нужен «Осколок».

– Определенно могу сказать, это самое смешное

приключение, какое случилось со мной после того, как мы напились на Кумквате в том ужасном баре на станции Кселка, – сказала солдат. Восемь Антидоту совершенно не хотелось знать, что такое Кумкват, если только так не назывался фрукт. А может, речь об алкогольном фрукте.

– Зачем вам «Осколок»? – спросила пилот «Осколка», и такой вопрос-ответ был гораздо лучше рассказов про пьянки. Восемь Антидот надеялся, что она рассказала своему другу об осколочном трюке, потому что иначе ее друг узнает об этом прямо сейчас, посреди космопорта Сокровенной провинции.

– Я знаю, – ответил он, – что пилоты «Осколков» могут чувствовать друг друга, когда находятся внутри корабля. Чувствовать и, возможно, разговаривать друг с другом через огромные расстояния. Через гиперврата.

Лицо пилота стало каменным, как маска.

– Откуда вы это узнали? – спросила она.

Восемь Антидот сказал ей правду. Ему казалось, что это самый эффективный способ добиться того, чего хочешь.

– Мне сказала об этом министр войны Три Азимут во время частного разговора.

Это был не частный разговор с ним, но в довольно тесном кругу.

– Если вы и в самом деле тот Восемь Антидот, – сказала пилот медленно, задумчиво, но ее друг оборвала ее:

– Четыре Крокус, я точно знаю, что императорскому наследнику всего один индикт. Этот парень староват.

– Проверьте, – сказал умоляющим голосом Восемь Антидот. Если они ему не поверят… если его тут и остановят, у него другого такого шанса не будет, а доведенное до половины межзвездное почтовое мошенничество гораздо хуже мошенничества, успешно доведенного до конца. – Пожалуйста. Мне это очень нужно. Я бы вам приказал, как наследник Тейкскалаанской империи, досточтимые пилоты, но я не хочу доводить до этого. Пожалуйста.

Пилот Четыре Крокус сделала что-то со своей привязкой, ее глаза начали двигаться как сумасшедшие, дрожали в глазницах. Быстрый поиск.

– Он и вправду похож, – сказала она. – Ты не представляешь, как оно все было, в осколочном сетевосприятии в последние дни, Тринадцать Мюон. Если он хочет посмотреть – если министр послал его посмотреть, – я должна доставить это послание адресату, но покажу ему «Осколок».

– Тебе за это отвечать, – ответила Тринадцать Мюон. – Но ты же знаешь, я тебя никогда не останавливаю, иначе мы бы не

проводили время так кайфово.

– Сюда, ваше сиятельство, – сказала Три Крокус, и Восемь Антидот пошел за ней и ее подругой-солдатом назад в лабиринт припаркованных кораблей в терминале Настурция.

* * *

«Осколок» оказался меньше в размерах, чем Восемь Антидот себе представлял, и находился не внутри большого корабля. Четыре Крокус служила в курьерской почтовой службе, это назначение было каким-то сложным наказанием, а может быть, наградой – этого Восемь Антидот не смог понять из ее разговора с Тринадцать Мюон. Но именно по этой причине она и ее корабль находились прямо в космопорте, а не висели в люльках внутри большого корабля. Корабль, средний крейсер класса Экзальтация, назывался «Одержимый горизонтами», принадлежал Второму легиону и ждал ее для трех прыжков через гиперврата вдали от Жемчужины Мира. Поскольку слухи сюда доходили самые безобразные, Четыре Крокус жаждала поскорее вернуться и одновременно волновалась, как пройдет возвращение.

Но пока ее «Осколок» стоял в терминале Настурция, как кусочек стекла на ладони, готовый к тому, что его подхватит одна из небесных сеток космопорта и забросит на орбиту. Места в корабле хватало ровно на одного человека, если он не слишком там двигался. Восемь Антидот прикоснулся к корпусу. Металл был прохладным и гладким. Он знал, что маленький корабль может ориентироваться в любых направлениях, на любой оси, а пилот будет оставаться в центре капсулы, невесомый и свободный.

– Подожди с ним, – сказала Четыре Крокус своей подруге Тринадцать Мюон. – Десять минут, не больше. Мне нужно попросить об одной услуге у того, кто дежурит на почте. Это послание по-настоящему важно, а я не знаю, сколько времени его сиятельство хочет наслаждаться зрелищем «Осколка», так что следующий корабль в очереди может доставить карту к гипервратам.

Восемь Антидот порадовался, что Четыре Крокус с такой серьезностью относится к работе. Он хотел бы, в свою очередь, сделать что-нибудь для нее – дать ей рекомендацию. Может быть, ему это удастся, когда он станет императором, если она все еще будет его помнить. Послание – его приказ – должно уйти как можно скорее. Даже если это означало, что он должен провести мучительные десять минут под наблюдением Тринадцать Мюон,

которая явно не сталкивалась с детьми с тех пор, как сама перестала быть ребенком, и думала, что все дети интересуются главным образом звездами гандбола или музыкальными звездами, которые давали концерты, собиравшие целые толпы и вызывающие у детей громкие вопли. Восемь Антидот был в равной степени безразличен и к тому и к другому.

В конечном счете, мучительно страдая от ожидания и будучи уверен, что в любой момент кто-нибудь приведет в действие взрывное устройство или придет за ним, чтобы вернуть его во дворец, словно в тюрьму, он спросил, чем занимается Тринадцать Мюон во Втором легионе. Это оказалось облегчением для них обоих. Тринадцать Мюон была инженером и бóльшую часть своего рабочего времени искала новые улучшенные технологии для ремонта корпусов космических кораблей. Восемь Антидот совершенно ничего не знал о ручных микродвигателях для точной навигации в условиях нулевой гравитации, а это означало, что он может по-настоящему сосредоточиться, не вылезая из кожи вон от нетерпения. Приходилось слушать внимательно, если у него было желание хоть что-то понять из слов Тринадцать Мюон.

Но когда Четыре Крокус наконец вернулась, он резко оборвал собеседницу.

– Мне нужно войти внутрь, – сказал он. – Мне нужно побывать в осколочном сетевосприятии, пилот Четыре Крокус. – А потом, чувствуя, что краснеет от необходимости просить обо всем, он добавил: – Мне нужно, чтобы вы показали мне, как это сделать.

Четыре Крокус посмотрела на Тринадцать Мюон, потом снова на него.

– Вы уверены? – спросила она. – Это гораздо проще, чем вы думаете, но гораздо хуже, чем может казаться.

– Он всего лишь ребенок, Четыре Крокус, даже если он – тот, за кого себя выдает. Ты прилетела в Жемчужину Мира в отпуск и пригласила меня напиться вдрызг из-за того, что, по твоим же словам, случилось с тобой, когда ты в последний раз входила в осколочное сетевосприятие, а теперь собираешься подвергнуть тому же испытанию этого парнишку? – спросила Тринадцать Мюон. У Восемь Антидота совсем, абсолютно не было времени выслушивать какие-то рассуждения взрослых о том, хорошо ли это будет для него или нет. Или о чем там они спорили? Он толком не понял, да и не хотел понимать.

– Покажите мне, – повторил он. – Сейчас. Это приказ, пилот.

– Вам понадобится моя облачная привязка, ваше сиятельство, – сказала Четыре Крокус, – и придется войти

в кабину «Осколка». Осколочное сетевосприятие работает с любой облачной привязкой, имеющей соответствующее программное обеспечение, но не осколочный трюк. Не могу поверить, что его так называют, потому что получается, будто мы делаем это специально… Осколочный трюк требует очень большой процессинговой мощности, а у такой маленькой системы, как облачная привязка, такой мощности нет. У такой маленькой системы, как человеческий разум, тоже нет. Вам нужно войти в кабину.

Ее рука лежала на корпусе «Осколка» и гладила его, как гладят домашнего зверька, которого нужно успокоить.

– Он хороший мальчик, – добавила она. – Мой Осколочек.

Восемь Антидот с очень серьезным видом – так как ему казалось, что Четыре Крокус нужно это услышать, – сказал:

– Я вам верю.

Она глубоко вздохнула, как декламатор, который собирается читать стихи при императорском дворе.

– Хорошо. Давайте уже закончим с этим. Черт побери, я очень надеюсь, вы тот, за кого себя выдаете, потому что иначе меня выкинут из корпуса «Осколков»…

Места внутри едва хватало для одного человека, о двух и говорить не приходилось. Четыре Крокус показала ему, где сесть и куда положить руки, чтобы настроить двигатель «Осколка» с бортовым самонаводящимся ИИ без задействования последовательности взлета. Потом она надела свою облачную привязку на его левый глаз. Привязка, конечно, оказалась слишком велика для него – пришлось наклонить голову, чтобы она села нормально, – но работала она не хуже его собственной. Интерфейс был таким же, только имел сотню команд и программ, каких он никогда прежде не видел. Флотское железо и программирование. Это ошеломляло – все, что предстало его глазам. Но испуг Восемь Антидот оставил снаружи, где-то в скуке ожидания Четыре Крокус, взяв с собой в «Осколок» только хладнокровие. Он подумал, что, возможно, дрожит.

– Это похоже на калейдоскоп, – пробормотала Четыре Крокус. – С непривычки вас может вырвать. Это случается, меня в первый раз вырвало. Но вы увидите, что происходит с нами. Готовы?

Он кивнул и впервые в своей жизни понял, что не имел ни малейшего понятия о том, что сейчас с ним случится.

– Тогда пробуждайте корабль, – сказала Четыре Крокус, – а когда будет включаться программирование, на все отвечайте «да».

Она вылезла из своего «Осколка», и стеклянный фонарь

кабины закрылся за ней со щелчком. Восемь Антидот остался один. Его руки лежали на пульте управления…

Он выполнил последовательность и почувствовал, как корабль проснулся под ним. Позвякивание, нетерпение. Половину поля его зрения закрыли звездные поля – облачная привязка вышла в сеть. В углу поля замелькали подсказки – «да» на все? Он сказал «да». Экран моргнул один раз…

И Восемь Антидот упал в войд, его закрутило и выбросило из себя самого так далеко, как никогда еще не выбрасывало. В войд и в его бесконечный крик.

* * *

– И какой от этого будет прок? – спросила Девять Гибискус. – Даже если ты останешься живым, но кто, черт возьми, за это поручится?!

– Это система, – ответил Двадцать Цикада голосом, искаженным помехами. – Распределенная система, и теперь она разбалансирована, потому что они не могут понять, как мы можем быть людьми и не являться ее частью. Это принесет много пользы, Мальва. Иметь… иностранную прививку.

Махит наблюдала за лицом яотлека, которая пыталась преодолеть инстинктивный тейкскалаанский ужас перед «искусственным наращиванием разума». Она никогда толком не понимала глубину культурного табу, главную причину, почему умер Искандр-человек. Он предложил имаго-технологию императору Шесть Пути, и ни министерство науки, ни Девятнадцать Тесло не смогли это одобрить. Казалось, что они понимали саму идею использования такой технологии как фундаментальную порчу собственного «я».

<Имаго не имеет никакого отношения к тому, что этот человек собирается сделать с собой, – пробормотал Искандр на периферии ее разума. – Если он выживет, он даже человеком перестанет быть. Он будет частью чего-то другого>.

«Не то же самое они говорят и про нас? – спросила она у него. – Что мы даже не люди, что мы варвары с технологией общего разума…»

<Не все они, – возразил Искандр, все тот же прежний Искандр, тот, кто соблазнил императора обещанием непрерывности памяти. – Только некоторые>.

– Пчелиный Рой, – сказала Девять Гибискус. – Твоя религия не требует, чтобы ты спасал всю эту проклятую звездами Вселенную в одиночестве.

– А кто еще попробует? – сказал Двадцать Цикада, и Махит пробрала дрожь. Жестокая, ползучая дрожь пробежала по мышцам ее спины.

– Думаешь, он прав? – спросила у нее Три Саргасс тихим, почти неслышным голосом. – У них коллективный разум, как у тебя?

– Станциосельники – это цепочки, линии, – сказала Махит, – а он говорит о фрактальной сети разумов, это совсем другое. Да, я думаю, он может быть прав, это объясняет, откуда им безо всякой задержки во времени известно, где находятся их другие корабли. Он может быть прав.

Три Саргасс потянулась к руке Махит, поймала ее. Махит не ждала этого – не ждала, что Три Саргасс прикоснется к ней на глазах других людей, но руку не убрала. Никто не обращал на них внимания сейчас, когда можно слушать спор яотлека и ее адъютанта о том, присоединиться ли ему к силам врага функционально, биохимически, ментально, полностью, в надежде остановить войну. К тому же пальцы Три Саргасс, теплые и крепко сжимающие ее пальцы, походили на якорь во вращающемся мире.

– Если он сделает это, – сказала Три Саргасс, – если он прав и останется жив, это будет означать, что он успешно провел переговоры первичного контакта, чего ни один тейкскалаанец еще никогда не добивался.

– Завидуешь? – спросила Махит.

– Я недостаточно смела, чтобы завидовать, – сказала Три Саргасс и отвернулась.

* * *

Он умер дважды, прежде чем заново смог говорить. Самые худшие впечатления были самыми громкими, они притягивали разум осколочных пилотов, как черная дыра притягивает массу. «Осколок» растворяется снаружи, все корабельное стекло покрывается маслянистой пленкой, жидкой, густой, ИИ кораблей начинают кричать одновременно, а потом замолкают. Потом кричит, снова и снова, сам пилот и замолкает – прежде чем Восемь Антидот успел подумать, прежде чем успел перестать носиться вдоль и поперек сети, состоящей из тысячи разумов и двух тысяч глаз, гироскопических, находящихся в вечном движении.

Как в этом можно выжить, как можно научиться быть таким пилотом, чувствовать всех, кто неподалеку от тебя?!

Прежде чем Восемь Антидот успел найти себя среди этой какофонии, его закрутило в пасти страха. Двигатели заглохли, паника помутненного сознания некоторых других осколочных пилотов обожгла ему горло, когда его «Осколок» попал под удар корабля, имеющего вид трехколечного маслянисто-серого колеса. Когда он увидел плоскую, изъеденную оспинами сторону астероида, надвигающуюся на него все быстрее и быстрее, и «я тебя люблю, всегда любил, помни обо мне!», а потом ничего. Остаточное изображение пламени.

Две смерти и почти третья – ужас, засасывающий в свою воронку, прошедший совсем рядом луч энергетического оружия, дружеский огонь во всей своей синей неизбежности перед его лицом… Но это не было смертью, и Восемь Антидот вдруг обнаружил, что кричит словами.

Плачет, и кричит, и говорит: «Стой, остановись, тот, кто несет срочное послание от Три Азимут, пожалуйста, подождите!»

Из тысячи разумов и двух тысяч глаз: «Что? Кто это?.. Где?» Чье-то внимание, россыпь. Не все они разваливались, не все умирали: некоторые из них просто летели или сражались, или были вместе, и ближайшие к нему, те, кто находился в его секторе, услышали его и поняли, что он не Четыре Крокус, и пожелали узнать почему.

«Только все худшее случайно проходит весь путь до конца», – подумал он в миг просветления.

«Пожалуйста, – Восемь Антидот не знал, говорит вслух или только думает. – Меня зовут Восемь Антидот, я девяностопроцентный клон прежнего императора, мне нужно остановить это послание. Оно неверное. Оно ложное».

Он изо всех сил попытался не думать: «Но вы умираете, и это ужасно, и что, если Три Азимут и Девятнадцать Тесло правы и этот приказ на геноцид – единственный способ выжить?»

Потому что, если бы он подумал *так*, никто бы ему не поверил.

* * *

Девять Гибискус ходила из одного конца мостика в другой, туда и обратно, словно какой-то механизм внутри ее массивных округлых форм не мог оставаться на месте, одновременно говоря со своим адъютантом. Махит не могла поверить, что этот разговор предназначался для чужих ушей, а на мостике она, Три Саргасс и половина офицеров. Все присутствующие могли слышать, как обмен репликами порхал между долгими годами

дружбы, доверия, споров, которые явно многократно случались между ними, но перестали быть теоретическими, абстрактными. Но как их разговор мог быть приватным, когда Двадцать Цикада находился в испепеляющей пустыне, а Девять Гибискус на своем рабочем месте – на мостике корабля, который его, Двадцать Цикады, трудами содержался в полном порядке? Махит вообразила его с щупальцами белого грибка и с пластиковым контейнером на ладони. Солнце на Пелоа-2 вскоре начнет, наконец, заходить. Она спрашивала себя, держат ли инородцы его за горло или вернулись на свой корабль ждать. Отступили или пытаются изворотливо, если они способны на изворотливость, убедить тейкскалааанца проглотить яд по собственному решению.

Она вообразила, как он открывает контейнер, кладет грибок на язык и уже готов либо умереть, либо решить проблему точно так, как делал это в медчасти «Грузика для колеса». Она вообразила это и обнаружила, что Искандр думает о Шести Пути – или это она думает о Шести Пути, – измотанном лихорадкой, превращенном в кожу да кости старостью и болезнью. Он был готов умереть или решить проблему, даже если при этом он, воспользовавшись лселской имаго-машиной, перестанет быть самим собой.

«Приятно знать, что он был не единственным тейкскалааанцем, который предпримет такую попытку?» – спросила она, обдуманно формулируя вопрос в пустой отраженной комнате их разума.

<Мне его не хватает>, – сказал Искандр, и его слова отчасти были ответом на ее вопрос. Яснее становился прилив скорби, тоски и гордости… «Да, – как бы говорил он, – но Шесть Путь никогда бы не оказался в такой ситуации, так что никто не может знать».

Девять Гибискус тенью проходила мимо стеклянного фонаря мостика, ее фигура то скрывала, от открывала все еще присутствующие очертания корабля инородцев, который высадил переговорщиков на Пелоа-2. Он висел, вращаясь, а она ходила, разговаривала.

Дарц Тарац неожиданно появился на мостике в сопровождении одного из офицеров – Махит решила, что это навигационный офицер, но не могла вспомнить его имя или чем конкретно он занимался. Она удивилась приходу советника не меньше, чем его присутствию на корабле вообще. Насколько проще было вообще не думать о нем, не чувствовать отчуждения Искандра – отчуждаться самой, пристыженной, рассерженной и испуганной.

– Советник, – сказала она, пытаясь оповестить всех о его

возвращении из комнаты, в которую его уводили. Все тейкскалааанцы на мостике посмотрели на него, все, исключая Девять Гибискус. У нее явно была более важная тема для размышлений.

– Дзмаре, – сказал он ей, подойдя. Она вдруг поняла, что стоит прямо, будто собираясь податься назад, что ее рука все еще в руке Три Саргасс, и увидела взгляд Тараца, устремившийся на их соединенные руки, косой мимолетный взгляд, казалось, полностью удовлетворивший его. Его рот искривился в раздраженной и порочной улыбке. Он сказал на языке станции:

– Теперь я вижу, что ты тут делала и почему тебе так захотелось улететь с этой женщиной. Она предложила тебе кое-что побольше, чем отдохнуть от Акнел Амнардбат и ее желания заполучить твою имаго-машину, верно я говорю? Кое-что *поприятнее*.

<Позволь мне>, – сказал Искандр, и Махит не стала возражать. Она была слишком зла, чтобы не согласиться. У нее возникло ощущение, будто она провалилась внутрь себя, ее центр гравитации сдвинулся, угол наклона головы изменился. Но немного – меньше, чем прежде. Они сильно сблизились между собой, а значит, теперь трюк выхода из Искандра Агавна или Махит Дзмаре с последующим возвращением не сработает. Они оставили это в прошлом.

– А сколько раз, – сказала она – сказал Искандр, немного гнусаво, сплющенные согласные станционного языка объяснялись его полной уверенностью в себе и слишком долгим использованием тейкскалаанского, – вы говорили моему предшественнику, что соблазнение империи может идти обоими путями?

Она надеялась, что никто здесь не знает в достаточной мере станционного, чтобы заметить, как она играет с Тарацем – бросает всю их с Искандром долгую эпистолярную историю в лицо советнику и смотрит, не дрогнет ли он. Себя при этом она выставляет шпионом, не лояльным никому – ни Лселу, ни Тейкскалаану. Махит надеялась, что уровень владения языком станции не позволит Три Саргасс уловить суть разговора. Это было самым главным. Она не хотела разрушать то, что они смогли спасти в их отношениях. Во всяком случае, уж точно не из-за Дарца Тараца.

– Посмотри, к чему это привело его, – злобно проговорил Тарац, сделав жест в сторону Махит, – и к чему привело тебя.

– К чему же, интересно знать? – сказал Искандр ее ртом. – В каком именно месте мы находимся, где не находитесь вы? Вы целиком и полностью зависите от действий Тейкскалаана, он

может и спасти нас, и погубить. Честно говоря, не вижу разницы.

Она никогда прежде не слышала продолжения спора, который был начат не ею. Она чувствовала боль в руках, покалывание, жжение. «Осторожно», – подумала, но на самом деле ей не хотелось никакой осторожности со стороны Искандра. Как и со своей. Махит хотела только победы. Ей хотелось почувствовать вкус победы…

– Вся твоя линия, – со злобой проговорил Тарац, – не имеет глубинной преданности, на которую можно было бы положиться, а если у кого-то она и была, то остальные вкладчики линии свели ее на нет, выхолостили. Может быть, Амнардбат была-таки права.

Махит – она, а не Искандр, Искандр излучал ужас и очарование – подняла свою горящую бесчувственную руку и отвесила ему пощечину.

* * *

Осколочное сетевосприятие являло собой какофонию; хаос, движение и шум космопорта Сокровенной провинции усиливались в десятки раз. Восемь Антидот почти не ощущал, что он существует в этом громадном потоке. Он все время терял представление о собственной сущности – о том, где находится его тело, его жизнь и все, что он знает. Он умер еще раз в чьей-то перестрелке с вращающимся кораблем, испытал вспышку дикой радости, когда пилот бросился на врага, стал копьем, шрапнелью прямо в сердце этих вращающихся колец, взрывом. Боль. Боль каждый раз.

Но он продолжал говорить. «Пожалуйста. Выслушайте меня. Мне нужно, чтобы вы остановили это послание. Оно у одного из вас, один из вас доставляет его через гиперврата, один из вас перенесет его… и тогда станет только хуже, хуже, чем сейчас. Оно ложное и ошибочное, а я наследник Тейкскалаана, и я говорю вам: если вы позволите этому посланию дойти до фронта, то теперешние смерти станут прелюдией…»

Это были не совсем слова. Это были чувства, мысли, над которыми или которыми он думал, повороты глаз.

Наконец к нему вернулось: отдельно звучащий голос, человек, его «Осколок» по прямому вектору направлялся к гипервратам, в место разрыва непрерывности, далеко. Все еще далеко! Возможно, достаточно далеко от того места, где умирают его товарищи-пилоты. Голос, непривычный к неуверенности, но теперь звучащий именно так, спрашивающий у него: «Если вы Восемь Антидот, если вы тот парнишка из голографических видео

и новостной ленты, парнишка, который был в крови нашего императора, когда он умер за нас, то поклянитесь мне, что все так и есть! Поклянитесь, что, если я потеряю это послание, мы перестанем умирать так, как умираем сейчас!»

Молчание в калейдоскопе. Еще один вскрик, сдавленный; Восемь Антидот не мог думать о том, где находятся его глаза, или о том, что есть его глаза, если они не воспринимают все сразу. Молчание ожидания.

«Я клянусь», – сказал он, сказал честно, не зная, не обернется ли его клятва ложью.

* * *

Щеку Тараца жгло после удара Махит. Он бросился на нее прямым движением вперед, движением, которое казалось оскалом, хотя на его запястьях по-прежнему были наручники. Три Саргасс была удивлена и ошеломлена, и к тому же это доставило ей безусловное удовольствие – такие чувства вызывали у нее все поступки Махит. Она встала перед ней лицом к Тарацу. Советник с Лсела возвышался над ней на полтора фута. Грудь у него была узкая. Три Саргасс тоже не могла похвастаться широкой грудью, но она была на добрых сорок лет моложе Дарца Тараца и прикинула, что, если придется, она, вероятно, сможет сбить его с ног. Это было бы колоссальным дипломатическим скандалом, но что из происходящего сейчас им не было? На мостике царил хаос. От протокола не осталось ничего! Министерство информации, готовя своих агентов, ни слова не говорило, как вести себя в ходе трехсторонних переговоров, ведущихся с мостика флагманского корабля, в которых одну из сторон представляли *не люди*, а еще один участник не был тейкскалаанцем. Ах да, и ни одна из сторон не была министерством информации, кроме самого переговорщика. Ей придется написать руководство для таких случаев.

Если она проживет достаточно долго, чтобы *настолько* заскучать.

Тарац остановился и подался назад. Значит, он был готов нападать на Махит, но не на тейкскалаанцев. Полезное знание.

– Яотлек, – сказала Два Пена – голос офицера связи звучал надрывно: ей опять приходилось прерывать своего командира, когда та разговаривала с Двадцать Цикадой, находившимся на Пелоа-2. Три Саргасс повернулась, чтобы увидеть, что же привлекло внимание Два Пены сейчас, и была крайне удивлена, увидев человека, вошедшего на мостик. Это был солдат с ярким

треугольником пилота «Осколка» на рукаве, он рыдал и не скрывал слез.

Она тоже, бывало, рыдала – конечно, такое случалось с ней. Бывало, и на людях – это приводило ее в смущение и ужас или же оказывалось вполне приемлемым, если она пребывала в трауре. Но она никогда не рыдала так, как этот человек, бесконечно и непрерывно, человек, который пришел с отчетом начальству, как она сама докладывала Девять Гибискус.

Яотлек повернулась, чтобы посмотреть на солдата, и Три Саргасс увидела, как посерело ее лицо под космическим бронзовым загаром щек.

– Подожди, – сказала она Двадцать Цикаде. – Не делай ничего, пока я занята, это приказ, Пчелиный Рой!.. Пилот! Пилот, как тебя зовут? Что случилось?

Она подошла к нему, и он приподнял голову, словно цветок, выросший в глубокой тени и тянущийся к солнцу.

– Пилот «Осколка» Пятнадцать Кальцит, яотлек, – сказал он, не прекращая рыданий. Казалось, что рыдания – это какой-то естественный автономный процесс, происходящий с ним и не мешающий докладывать начальству. Степень преданности, которую демонстрировали подчиненные Девять Гибискус по отношению к своему командиру, была беспримерна. Как будто она была источником света.

Пилот продолжал:

– Осколочное сетевосприятие повреждено или слишком интенсивно. Мы не понимаем в точности, что с нами происходит, яотлек, но оно совсем не такое, каким было, когда вы служили пилотом «Осколка». Это новое программирование, коллективная проприоцепция, мы все чувствуем, как умирает каждый из нас, их так много, умерших, и я отключил мою программу, но не могу выкинуть это из головы. Вы должны знать, что есть какой-то порог – порог травматического опыта, полагаю, – после которого проприоцепция порождает обратную связь, и все это замыкается петлей. Я не единственный, кто не может прекратить рыданий, яотлек. Я прошу простить меня. Никак не хотел оскорбить вас таким своим видом.

Девять Гибискус отрицательно покачала головой.

– Я ничуть не оскорблена, пилот Пятнадцать Кальцит. Расскажи мне больше, если можешь. Я знаю про остаточное изображение осколочного сетевосприятия, я не так давно была одной из вас. Но это… когда оно началось? «Осколки» – они остаются управляемыми?

– Когда больше троих или четверых из нас умерли рядом друг с другом, и все наши потери вызывали осколочный трюк…

Я говорю об апгрейде проприоцепции.

Три Саргасс знала, что не должна вмешиваться, но она не служила во Флоте, не подчинялась флотскому протоколу и прежде никогда не слышала про эту технологию.

– *Осколочный трюк*? – спросила она достаточно громко, чтобы ее вопрос пронзил тяжелое молчание, повисшее между Девять Гибискус и ее солдатом. На мостике стояла тишина, если не считать звука помех в открытом канале связи с Пелоа-2 и Двадцать Цикадой.

Все головы повернулись к ней. Она повторила вопрос:

– Осколочный трюк?

Два Пена за ее спиной, слева от нее пробормотала голосом, в котором, как показалось Три Саргасс, слышалась надежда на то, что агент министерства информации, наконец, заткнется:

– Это новая технология министерства науки – она позволяет пилотам «Осколков» чувствовать друг друга в космосе и устраняет навигационный лаг. Она основана на алгоритме, разработанном для Солнечных…

Три Саргасс была абсолютно уверена в том, что она не должна знать об этой технологии – как и вообще все министерство информации. Министерства войны и науки снова работали вместе, не допуская к своим играм информацию, – не говоря уже об императоре и ее офисе. Ровно так, как это было два месяца назад, во время несостоявшегося восстания. Та же самая система влияния.

– Значит, Флот использует технологию коллективного разума в навигационных целях? – проговорила она гораздо громче, чем Два Пена только что.

После этих слов она услышала смех Махит, хрупкий, поспешный звук.

– Видишь, Три Саргасс? – сказала она. – То, что делает Тейкскалаан, не так уж далеко ушло от имаго-линий, которые мы практикуем у себя на станции уже несколько поколений. Только мы тщательно готовим людей к такому переходу, в отличие от этого пилота…

Она оборвала себя на полуслове, поняв, что проговорилась.

Поняв с почти стопроцентной уверенностью, что признала существование имаго-машин без всяких тщательных ритуалов соблюдения секретности, которые практиковал Искандр Агавн.

Но было слишком поздно. Советник Тарац, обнажив все свои зубы – она чувствовала, что никогда не поймет, как улыбаются станциосельники, какие чувства кроются за этой улыбкой и где границы этих чувств, – перегнулся так, чтобы за Три Саргасс видеть Махит и выстрелить в нее какой-то быстрой

и непристойной фразой на родном языке. Три Саргасс уловила «имаго-машина», а об остальном могла догадаться: «изменница, перебежчица, предательница станционных интересов, выдавшая национальный секрет невероятно аморальной технологии, будь проклята ты и все, что тебе дорого». Это было очевидно как минимум по реакции Махит – она побледнела, а потом чуть оттолкнула Три Саргасс, чтобы встать лицом к лицу с Тарацем. Все на мостике теперь смотрели на них, даже рыдающий пилот, который перешел с рыданий на шмыганье носом.

Махит начала то, что хотела сказать, на станционном – одно длинное предложение, рык согласных, – а потом легко и живо переключилась на тейкскалаанский.

– Советник, неужели вы и вправду думаете, что я первая продаю нашу технологию, обеспечивающую нам непрерывность существования? Двадцать лет вы писали письма Искандру, а он все это время дурачил вас. – Она говорила шелковым, гладким голосом, то повышая, то понижая его на привычный уже манер для Три Саргасс, которая знала, что отчасти она слышит Искандра Агавна. Он был так похож на Махит, но ничуть не был ею и… у Три Саргасс либо будет время впасть в панику, при попытке понять, с кем из них двоих она спала и кому доверилась, либо у нее ни на что не будет времени, а потому все это не имеет значения.

Тарац на абсолютно понятном языке, на который он, очевидно, все же был способен, сказал:

– Если ты, Дзмаре, хочешь сказать, что Агавн создал некую разновидность коллективного разума, которая не является технологией имаго, то это ошибочное мнение. Это жалкая тейкскалаанская подделка, если только она вообще существует.

Махит закинула назад голову и рассмеялась.

– Тарац, друг мой, друг моего предшественника, мой патрон и антагонист… *Ну что вы*, зачем нам заниматься этим? Когда нам всего-то нужно сделать то, о чем вы просили, и позволить Тейкскалаану полюбить нас, а еще пообещать империи вечную память в обмен на нашу свободу?

– То, что ты делаешь, отвратительно, – сказал Дарц Тарац, – извращение имаго-интеграции. Ты не Искандр, это притворство вульгарно.

– Верно, – сказала Махит. – Я не Искандр. Я бы никогда не предложила имаго-машину императору Шесть Пути и никогда не умерла бы за это. Я бы сделала что-нибудь другое, тоже ненавистное вам. Тейкскалаанцы не позволяют нам остаться чистыми – ни вам, ни мне, ни Искандру. Я в достаточной мере он, чтобы не сомневаться в этом. Я помню, кто я есть. Помню, что вы

помогли создать его, каким он есть, помню и то, что он помог создать меня.

Низкий шум помех в открытом канале, по которому слушал происходящее на мостике Двадцать Цикада, сменился громким треском. Шипением. А потом его голосом, невозмутимым и странным.

– Ах, Мальва, – сказал он, и Девять Гибискус повернулась как ужаленная, уставилась на звездные поля за мостиком, словно ждала, что на них появится лицо ее адъютанта. – Похоже, я даже не буду первым. Лсел намного опередил нас, верно? Но мы его догоняем.

– Нет! – воскликнула Девять Гибискус. Но она не сказала: «Я приказываю тебе не делать этого». Не сказала она и «пожалуйста». Три Саргасс подумала, что два этих варианта могут быть эквивалентами.

– Служить с тобой было для меня самой большой честью в жизни, моя дорогая, – сказал Двадцать Цикада. – Пожелай мне удачи.

На этом шум помех на открытом канале пресекся, наступила тишина. Канал закрылся. Где-то на Пелоа-2 человек, который считал расточительство худшим из того, что может случиться с обществом, отдавал себя на съедение.

* * *

Даже дав клятву, даже зная, что он *добился своего*, если это означало почувствовать, как пилот «Осколка», находящегося в немыслимой дали, берет палочку инфокарты, запечатанной печатью министерства войны, и давит ее, сокрушает своим каблуком на полу кабины, сокрушает символическое изображение боевого флага, солнца, исходящего колючими лучами, не оставляет ничего, кроме золотистого воска печати, а осколки инфокарты, невесомые, посверкивающие, поднимаются в воздух из-под подошвы его обуви… Даже после всего этого Восемь Антидот не мог полностью выйти из сетевосприятия. Он дотягивался так далеко! «Осколков» было великое множество, и он не мог понять, где верх, где низ, имеют ли здесь слова какой-то смысл, имеет ли смысл он сам, потому что по существу он был всего лишь самим собой, а это так мало в сравнении со смертью, отчаянием и бесконечной, смещающейся, подавляющей красотой звезд и бездонного войда, и все это движется в едином порыве, как стая птиц.

Он был испуган и горд. Он не сомневался: все, что он видел,

принадлежит теперь ему. Но оно принадлежало и пилотам, и пребывания в испуге и гордости явно было недостаточно. Ему казалось, что он растворяется подобно соли, попавшей в воду.

Осколочное сетевосприятие определяли смерть и боль, но огромное число «Осколков», собранных вместе, тоже играло важную роль, а из них выделялся теперь один центр этого роя. Группа, члены которой знали друг друга и без коллективного чувства, которое обеспечивало работу осколочного трюка через немыслимые расстояния, немыслимые границы. Эта группа была неподвижна, как и сами разбросанные повсюду вокруг флагмана звезды, двигающиеся все вместе, подвижный щит, за которым огромный флагман был почти невидим, почти непознаваем. Он уловил самый край названия: «Параболическая компрессия». Этот корабль был гордостью Двадцать четвертого легиона.

Этот корабль и его «Осколки» были уже на пути к обитаемой планетной системе вражеских инородцев – без всякого приказа, игнорируя все, что сделал, узнал или в чем клялся Восемь Антидот. Их переполняло чувство торжества грядущей победы и злобное предвкушение: они собирались уничтожить все это, наконец…

«Нет!» – подумал Восемь Антидот, но слово сорвалось, пропало внутри широкой полосы взаимосвязанных разумов. Оно было произнесено слишком тихо, чтобы его услышали. Он больше уже не был частью чего-то другого и не мог дотянуться в такую даль.

«Пожалуйста, нет!» Один голос в какофонии, в хоре других отрицаний, звучавших гораздо хуже: «Нет, не позволяй мне умереть… нет, я не могу это сделать, я боюсь… нет, нет, нет, это невозможно, этого не может быть…»

А «Осколки» Двадцать четвертого продолжали двигаться вперед без тени страха, так, будто ничего не слышали.

Глава 19

В практике баланса не существует никаких инструкций, которые бы твердо защищали или требовали соблюдения традиций: если кто-то желает принести жертву крови солнцу и звездам Тейкскалаана, то никакого вреда в этом нет, если только он готов принести жертву крови также земле и воде каждой из планет, или слезам и слюне незнакомца, или чему-то малому и не имеющему значения, как, например, засохшему садику.

Из «Ряда комментариев о практике баланса», том 3 из 57, анонимный комментатор G (запись голубым цветом с левой стороны, датирована приблизительно как сто нелтокских лет спустя после завоевания); анонимный комментатор G пишет на тейкскалаанском, возможно для того, чтобы дифференцироваться с анонимным комментатором F (запись голубым цветом с левой стороны), который пишет на нелтокском. Дискуссию о том, разные ли персоны F и G, см. «Ряд комментариев о практике баланса», том 39 из 57.

Война растворялась вокруг Девять Гибискус со скоростью раскрученного ложкой сахара в воде – слишком быстро, чтобы

успевать сокрушаться. Она была яотлеком шести легионов, стояла на мостике своего флагмана, и все сообщения о неожиданной неуверенности врага, об исчезновении атакующих сил, о приостановке движения трехколечных кораблей, разбрызгивающих смерть, которые теперь медленно и внимательно обходили тейкскалаанские корабли, а не разбивали их на части, – все эти сообщения поступали к ней. Она зафиксировала их все. Девять Гибискус повернула стратегический стол и отмечала положение Флота, расположение кораблей противника, обновляя карту максимально близко к реальному времени. Все горячие точки конфликта, казалось, исчезали сами по себе, держали себя в терпеливом состоянии неопределенности. Единственным движущимся объектом оставался Двадцать четвертый, «Параболическая компрессия» Шестнадцать Мунрайз, но даже и она, похоже, стала замедляться, сбитая с толку внезапным исчезновением противника. Впрочем, она не остановилась, и в этом не было ничего плохого. Девять Гибискус предпочла бы иметь Двадцать четвертый в боевой готовности, если это странное ослабление напряжения закончится, если того, что сделал Пчелиный Рой, окажется недостаточно.

Что бы он ни сделал, он уже как минимум выиграл им время. Она кричала, *вопила* в линию адресной передачи, даже после того как он выключил ее, выкрикивая все те же бессмысленные отрицания, которых стыдилась, но ей было больно. Боль, словно дыры в ее сердцевине, словно кислота инородцев, растворяла себе путь в ней, словно она была металлическим корпусом корабля. Он либо мертв, либо исчез, либо… не в себе. Ее друг. Ее *дражайший* друг. Что ей делать со всеми его растениями? Как содержать в порядке гидропонную палубу? Что станет с этим долбаным каураанским котенком, которого он кормил? Чем она будет заниматься, если останется только смотреть, как ее профессия – вести войну любым необходимым способом, всеми необходимыми способами – становится ненужной?

Ей хотелось спросить у него: «Пчелиный Рой, что ты делаешь?!» Но он не отвечал ни на одно ее послание. Возможно, он просто съел грибок и умер, а враги поняли это как достаточную жертву.

* * *

Никто не слышал его или не утруждался слушать; все осколочное сетевосприятие было пронизано скорбью или целеустремленной решимостью, которая пресекала скорбь

и смерть мерцанием света. Восемь Антидот потерял из виду корабли, охранявшие «Параболическую компрессию»; умер еще раз, простой уродливой смертью, кто-то мыслил очень ясно – «вот дерьмо!», – когда быстро летящий обломок ударил в корпус «Осколка», деформировал его, разгерметизировал стекло. Холод, убийственный холод и злость, а потом ничего.

Восемь Антидот хотел остановиться и выйти наружу, но выхода на было. Ничто не останавливалось.

…Кроме глаз «Осколка», увидевших неожиданную неуверенность в действиях противника. Прекратился обстрел кислотой, растворяющей корпуса, а также энергетическим оружием, «Осколок» почувствовал паузу. Противник словно задумался, все вместе, как одно целое – трехколечный корабль, едва ли сильно большего размера, чем сам «Осколок», повис без движения, потом описал медленный ленивый круг, обойдя два «Осколка», но не атакуя их, он словно пытался зафиксировать их очертания. Враждебные цели исчезли, оставив после себя временно искореженное разрывом пространство, а тейкскалаанские руки тряслись на пультах управления «Осколков», руки, которые сжимались с такой силой, что, разжавшись, изнывали от боли. Задержка дыхания все тянулась и тянулась, тысяча «Осколков» и две тысячи глаз пытались осознать, проникнуться мыслью, что они больше не умирают.

Все, кроме тех, что окружали «Параболическую компрессию» – те «Осколки» не слышали, не слушали, не брали в голову. Они знали свое назначение и возможности, те, для кого искажение пространства, даже *благоприятное*, было чем-то, что требовало уничтожения, превращения в ничто, чтобы никто не мог сказать, что оно когда-то было. Они замерли на несколько мгновений оторопи, исчезновение противника шокировало их до степени обездвижения, а потом услышали какой-то голос, приказ или просто желание своего порочного сердца и сорвались с места. Быстрее. Еще быстрее.

Потом конвульсия. Дрожь. Восемь Антидоту показалось, что он либо умирает еще раз, либо Двадцать четвертый легион начал ковровую бомбардировку и сейчас он видит прелюдию… неожиданный свет… руки…

Он, ошеломленный, поднял голову, его резко вернуло в его маленькое *собственное* тело одним огорошивающим ударом, словно безликий Солнечный снял с его лица облачную привязку, принадлежащую Четыре Крокус, и вытащил его из ее «Осколка», как косточку из персика.

* * *

Когда императорский суперкурьерский корабль доставил приказ с одной из белых на белом печатей Ее Великолепия Девятнадцать Тесло или с факсимиле таковой – Девять Гибискус слышала, что Девятнадцать Тесло для своих печатей использует кости животных, но такая печать не прошла бы через трансмиссионные станции между гипервратами, так что здесь была лишь пластиковая копия, – читать текст приказа почти не имело смысла.

«Его Сиятельство Восемь Антидот, соимператор, наследник лучезарного солнцетрона копий, от имени правительства многозвездной Тейкскалаанской империи яотлеку, капитану Флота Девять Гибискус Десятого легиона: Тейкскалаан является цивилизацией, и наш долг сохранить ее».

Интересно, что приказ был записан голосом наследника, а не самого императора. Сложный политический маневр – император командует войной, а ее наследник проводит политику милосердия. Искусно сочиненная стратегия, решила Девять Гибискус. А может быть, она просто устала, и казалось, что все немного выходит за рамки того, что имеет значение здесь и сейчас на ее корабле.

«Этот приказ запрещает использование оружия или тактик, предназначенных для уничтожения цивилизаций в связи с угрозой инородцев за пределами сектора Парзравантлак, включая ядерные удары по планетарным системам, на которых обитает гражданское население, за исключением случаев, когда таковые оружие и тактики являются единственным средством, стоящим между нами и полной гибелью известной цивилизации».

Не было никакой полной гибели известной цивилизации в настоящий момент. Больше не было, с того времени как Пчелиный Рой сделал то, что сделал.

Она оторвала взгляд от стратегического стола и сказала:

– Два Пена. Отправь капитану Флота Шестнадцать Мунрайз приказ на отбой… в *настоящий* момент.

* * *

Солнечный – там был не один Солнечный, их всегда было больше, чем один, – ухватил Восемь Антидота под мышки, потому что ноги его не держали. Мир продолжал вращаться. Терминал Настурция казался ему клаустрофобным, но теперь уже не потому, что там было слишком много народу. Его мировосприятие сжалось, больше не было размазанным на все космическое пространство с бессчетным множеством секторов,

а потому с возвращением в собственную телесную оболочку его чувственные ощущения чудовищно обострились. Восемь Антидот крепко зажмурил глаза. Даже красноватая темнота за его веками была слишком *настоящей*.

Один из Солнечных сказал:

– Ваше сиятельство, у нас приказ сопроводить вас назад, во дворец.

Конечно, его нашли. Император убьет его или, может, позволит это сделать Три Азимут. Он же теперь определенно был *деструктивной личностью*.

– Даю вам мое разрешение, – выдавил он. Голос его прозвучал, как голос пьяного, неустойчиво, звуки цеплялись один за другой. К тому же им не требовалось никакого разрешения. Они взяли бы его так или иначе.

До него словно издалека донесся голос Четыре Крокус:

– Вы нашли то, что вам было нужно, ваше сиятельство?

Он не знал, что ей ответить. «Может быть» не слишком подходило. Да, он добился того, что хотел сделать, и никто никогда не получит от Три Азимут приказ уничтожить планету. Но нет, он не думал, что смог что-то изменить.

– Надеюсь, – ответил он и позволил холодным рукам Солнечных в золотых перчатках увести его.

* * *

Никто из них не надеялся услышать Двадцать Цикаду снова, и в первую очередь Три Саргасс. Прощание было таким окончательным, таким абсолютно утонченным. Она жалела, что не записала его – могла бы потом сочинить стихи. Почему нет? Она могла бы посвятить ему стихи, поскольку, похоже, они все могут остаться живыми, во всяком случае на срок, достаточный для написания нескольких стихотворений, объединенных одной темой.

Может быть, не эпос, что-нибудь покороче, или придумать какую-нибудь схему рифмовки в зависимости от цезуры… Оставалась еще проблема Дарца Тараца, и никто не знал, сколько продлится шаткое перемирие, купленное для них Двадцать Цикадой.

Поэтому, когда в канале снова раздался шум помех и открылась двусторонняя связь, а не одностороннее вещание, и Девять Гибискус рявкнула на всех, призывая к тишине, Три Саргасс не только удивилась, но и была потрясена. Она почти не сомневалась, что Двадцать Цикада мертв или преобразился

настолько, что его нынешнее состояние практически эквивалентно смерти.

Но они услышали его голос. Его по-прежнему искажали помехи, но еще он звучал как-то *необычно*. Ритм его фраз сбивался, он глотал звуки, словно пытался вспоминать процесс речи и собирал ее, исходя из самых первоначальных принципов. Его голос заполнял все пространство мостика, потому что Девять Гибискус не регулировала громкость на этом канале, а сразу выставила на полную.

– Пение, – сказал он, потом долгая пауза и опять: – Пение, ах… *мы*…

– Пчелиный Рой? – спросила Девять Гибискус голосом умирающей надежды, от которого сердце Три Саргасс сжалось.

– Да, – сказал он. – Главным образом да – *мы*, оно подходит, это имя. Привет, Мальва. Привет, *мы*. Наш «Грузик для колеса», Мальва, любите ее для нас. Для меня. И *мы*, нас и других. Мы хотим установить. Уполномоченный здесь?

– Да, – сказала Три Саргасс. – Я здесь.

– А другая? Та, что с памятью, эта… *Шпион и ее зверек*. – Голос его прозвучал так, будто он отыскал эту фразу у себя в памяти и вспомнил все слова вместе. – Станциосельница.

– Я тоже здесь, – отозвалась Махит. Девять Гибискус посмотрела на них, в ее глазах блестели слезы, которые она явно не собиралась проливать.

– Мы… мы хотим установить дипломатический протокол. На период прекращения огня.

Три Саргасс посмотрела на Девять Гибискус, безмолвно прося разрешения. Девять Гибискус кивнула едва заметным движением головы.

– Мы принимаем прекращение огня, – сказала она. – Какого рода дипломатический протокол вы имеете в виду, Двадцать Цикада?

Она использовала его имя на случай, если для сохранившейся части его «я» это имя что-то значило.

– Пришлите… пришлите нам людей. Людей, чтобы показать, что *мы* – люди. Тех, кто делится памятью. Поговорить.

– Вы имеете в виду станциосельников?

Долгая пауза.

– Да, – сказал Двадцать Цикада – или то, что было Двадцать Цикадой прежде. – Станциосельников. Пилотов. Солнечных. *Всех*. И мы люди. Если. Мы поем, *если*.

Всех. Каждого. Тейкскалааанцы или нет – всех, кто когда-либо был частью общего разума. Три Саргасс беспомощно посмотрела на Махит – она так мало понимала, что все это значит и кто тут

может быть полезен.

– Да, – сказала Махит и кивнула Три Саргасс. – Дипломаты должны быть людьми, которые понимают *коллективность мышления*.

Если только кто-нибудь вообще мог понять ту разновидность коллективности, частью которой добровольно стал Двадцать Цикада. Три Саргасс не была в этом уверена.

В этот момент раздался голос Два Пены:

– Яотлек, Шестнадцать Мунрайз не отвечает на наши вызовы. Она по-прежнему держит курс на цель – на систему инородцев. Она приближается к цели, и приближается быстро.

Наблюдать за тем, как Девять Гибискус пытается перестроиться с разговора с тем, что осталось от ее адъютанта, на ситуацию с капитаном Флота Шестнадцать Мунрайз и ее намерениями, было все равно что наблюдать за попыткой корабля на ходу поменять направление движения: напряжение, рывок, но малоэффективно. Три Саргасс поморщилась, глядя на нее.

– Она что? – спросила яотлек.

– Она по-прежнему держит курс на цель, – повторила Два Пена. – Осколочные бомбы в полной боевой готовности. Она не подтвердила ни одного приказа на отбой тревоги, что вы ей послали…

Лицо Девять Гибискус превратилось в неподвижную маску.

– Это не мои приказы, это приказы императора. Пошлите еще раз. Сообщите, что, если она не изменит курса, это будет прямым неподчинением императору Тейкскалаана.

Два Пена вернулась к консоли. Ее глаза моргали за облачной привязкой, руки летали над проекцией коммуникационного пространства Флота. Наступило жуткое сдавленное молчание; даже *существо* на другой стороне линии связи, Пчелиный Рой – Три Саргасс теперь было проще думать о нем, как о Пчелином Рое, а не Двадцать Цикаде – почувствовало что-то и замолчало.

– Нет подтверждения, – сказала наконец Два Пена. – Двадцать Четвертый идет на полной скорости. Она не хочет нас слышать, яотлек.

Три Саргасс задумалась. «Она не хочет слушать ни нас, ни инородцев, ничего – у нее своя программа, и она действует по своему плану». А после этого яркая, ясная и ужасающая мысль: «Это будет самое короткое перемирие в истории империи».

Она увидела, как с лица Девять Гибискус слетела маска непроницаемости – решение было принято, глубинное, то, что делало ее похожей на дикого варвара. Все ее черты исказились одновременно уверенностью и горем, и Три Саргасс, которая считала себя хорошим переговорщиком, не могла даже

вообразить, что такого скажет Девять Гибискус, что повлияет на каждого.

* * *

Было бы проще, если бы Девять Гибискус думала об искаженном помехами голосе по другую сторону канала связи на Пелоа-2 как о призраке. Или – не менее терзающая сердце, столь же нелепая мысль – как о некоем другом человеке, которого она никогда не знала, которого зовут так же, как ее дорогого друга, адъютанта, прослужившего с ней бок о бок более двух индиктов. Простое совпадение, ни больше ни меньше.

Так было бы проще, так у нее появлялась возможность попросить его – это *существо*, «их», попросить это *незнамо что* на Пелоа-2, попросить не срывающимся от слез голосом:

– Пчелиный Рой, мне нужна от тебя одна услуга, от тебя и всех остальных таких, какие вы есть. Это просьба об услуге и знак нашей доброй веры в перемирие, которого ты помог достичь. Ты меня слышишь?

Не стоило называть его старинным прозвищем. Это имя было одновременно и чересчур личным, и слишком подходящим в данных обстоятельствах.

– Мы тебя слышим, – ответил он, и, если не считать помех и использования местоимения во множественном числе, говорил он точно так, как и всегда. С небрежной легкостью, солдат, целиком и полностью владеющий всеми своими ресурсами и готовый подчинить их ее команде.

Девять Гибискус распрямила плечи. Собралась с духом, положила руки на плоский картографический стол, установленный в ее корабле.

– Я дам тебе координаты и курс подхода Шестнадцать Мунрайз и «Параболической компрессии» к обитаемой планете, которую она собирается уничтожить, – сказала она. – Точные координаты.

– Тогда мы ее встретим, – сказало то, что оставалось от Двадцать Цикады. – Мы будем готовы, когда она появится. Мы доберемся до нее. Мы растянемся. Мы накинем на нее сеть и вскроем ее, предадим ее войду…

Звук, который заполнил собой мостик, напоминал почти мелодию – нисходящий звук, вздох.

На мостике воцарилось мрачное молчание ее охваченных ужасом подчиненных. Девять Гибискус уже совершила подобное однажды, не очень давно, но та солдат пожелала умереть от рук

своего капитана Флота, а не раствориться в кислоте инородцев. Теперешний приказ был совсем иного рода. Яотлеку пришлось отбросить все колебания и действовать уверенно, теряя своих людей или как минимум то безусловное доверие, которое они всегда питали к ней. Она собиралась позволить своему адъютанту и инородцам, которые погубили его, уже уничтожили целую планету и множество тейкскалаанских кораблей, уничтожить еще один. Уничтожить капитана Флота, ее флагман и все жизни на «Параболической компрессии». Стоили ли они жизней инородцев на той, другой планете? Стоили ли они сохранения этого неопределенного перемирия?

Могла ли она, делая вид, что флагманский корабль важнее окончания войны, предать бесчестию жертву, которую принес Двадцать Цикада?

Нет, не могла.

Она каким-то образом должна была предотвратить сброс этих бомб на планету. Но если даже приказа императора было для Шестнадцать Мунрайз недостаточно… что ж, тогда она позволит инородцам выполнить эту работу за нее. Если только…

– Адъютант, – резко, приказным тоном проговорила она, взывая к тому, что осталось от Двадцать Цикады, прося его вернуться в себя, вернуться к тому, как они всегда были вместе – в логистике и командовании. – Я дам тебе эти координаты и позволю инородцам нанести удар по «Параболической компрессии» только в том случае, если ты считаешь, что есть возможность уничтожить не весь корабль, а только его мостик и больше ничего. На корабле три тысячи тейкскалаанцев. Это наши люди. Не допусти, чтобы они погибли из-за предательства Шестнадцать Мунрайз.

Шипящее молчание: открытый канал, а потом тихо, как явление призрака, Двадцать Цикада ответил:

– Я бы никогда, Мальва. Ты это знаешь – и значит, знаем *мы*.

Она дала ему координаты.

* * *

– Дзмаре, ты в самом деле считаешь, что империя, после того, во что они сейчас вляпались, пожелает, чтобы одним из переговорщиков стала ты? – спросил Дарц Тарац. Он подошел к Махит и встал слишком близко от нее, что ей не понравилось. Он стоял и бормотал ей на станционном, пока на их глазах яотлек тейкскалаанского Флота призывала к нанесению точечного удара по своим собственным подчиненным. Махит

никогда и представить себе не могла ничего подобного. Тот Тейкскалаан, который знала она, знал Искандр, Тейкскалаан, в который верил Тарац, вечно голодная пасть империи, элегантно держащая за горло все нетейкскалаанские системы вплоть до того момента, пока зубы не сжимаются, размалывая позвонки, уничтожая культуру, – тот Тейкскалаан никогда бы не пожертвовал частью себя, чтобы сохранить только-только наметившийся мир.

Еще она подумала о капитане Флота Шестнадцать Мунрайз, вспышка цвета электрум в темноте выделенной ей каюты. Зачем она приходила: на переговоры или чтобы предостеречь? Махит так и не могла решить зачем, а теперь уже никогда не узнает, да это и не имело значения – трехколечные корабли уничтожат все переговоры и предостережения, которые, возможно, были у Шестнадцать Мунрайз, уничтожат как явление. Во имя сохранения себя и своей планеты.

<Себя, своей планеты и остатка «Параболической компрессии», – пробормотал Искандр. – Маленький аргумент в пользу того, что этот альянс хорошая идея… что они все-таки могут понимать, что люди умирают безвозвратно и не воссоздаются заново>.

«Ну почему же, некоторые вполне даже *воссоздаются*, но с громадными трудностями и неописуемыми сложностями», – подумала Махит и почувствовала, как рассмеялся ее имаго, как электрическая дрожь прошла по всему ее телу.

Дарц Тарац прищелкнул языком, не открывая рта.

– Понятно, – сказал он, хотя Махит не открывала рта. – Либо веришь, либо тебе все равно, правда оно или нет.

Она повернулась к нему. Она хотела – они оба с Искандром хотели, одержимые маленьким злобным желанием, – говорить с ним только на том языке, который тот ненавидел, а она любила, на языке его врагов, источать поэзию своими губами. Но это не был ее родной язык и никогда таковым не станет. У Махит не было ни малейших сомнений на этот счет. Поэтому она ответила на станционном:

– Они допустили меня к переговорам первичного контакта, Тарац, вместе с ними. Так почему не сделать станциосельника частью дипломатического протокола, особенно с учетом того, что они прекрасно знают, как сильно мы опередили их в коллективной памяти.

– Они никогда не должны были узнать о технологии имаго, – сказал Тарац.

Махит вздохнула. Еще раз. Медленно.

– Да, – согласилась она, – думаю, что не должны были. –

Легкие уколы боли в ее локтевых нервах, злобное недовольство Искандра ее позицией, которая не согласуется с его собственной. – Но дело сделано, советник, и сделано давно. Империя знает. Если Лсел возглавит эту дипломатическую делегацию, мы сможем иметь более сильную переговорную позицию, какой у нас не было несколько поколений…

– А цена, Дзмаре? Цена того, что мы внедрим одну из наших имаго-линий в эту… *конгломерацию*, которая называет себя «мы»? Цена, которую затребует Тейкскалаан, даже больше, чем наша самостоятельность, наш язык и экономическая независимость.

– Цена уже была выше, – сказала Махит более громким голосом, – когда станция находилась под угрозой уничтожения этими трехколечными кораблями, и вы это прекрасно знаете. – Она не собиралась кричать. Не собиралась привлекать внимание половины присутствующих на мостике, тех, кто не следил за сближением «Параболической компрессии» и сотни вращающихся трехколечных кораблей на картографическом столе.

– Я всю свою жизнь провел на руинах, – сказал Дарц Тарац, взмахивая рукой, словно он хотел охватить не только мостик и Пелоа-2, но и всю империю целиком со всеми ее врагами. Его долгосрочный проект по втягиванию Тейкскалаана в невыигрываемые войны на истощение полностью провалился. Империя не желала разбиваться на части о неприступные берега. Не здесь, не таким образом.

Теперь языком Махит заговорил Искандр:

– Руины можно отстроить в мирное время.

Тот же Искандр помог Махит устоять на ногах и сохранить лицо, когда Тарац ответил:

– Вы были ошибкой, а с вами и вся ваша имаго-линия. Я постараюсь довести до советника Амнардбат мое согласие с ней. Вам нет места на Лселе. Не смейте даже думать о возвращении домой, Дзмаре. Отныне станция навсегда для вас закрыта.

Глава 20

Движения игуаны – непостижимый язык, такой же недоступный мне, как мысли цветка, когда он с рассветом, не имея ни памяти, ни разума, раскрывает свои лепестки. Непротиворечивые логика и танец, но ни то ни другое я не могу вместить в себя, все мои попытки – лишь приближения. Невозможно вложить смысл в язык, который считаешь бессмысленным; тем не менее я знаю, что существуют план, голоса, мир по другую сторону тени, неприкосновенный, но все равно реальный. Три года как я вернулся домой из Эбректа, а мне все еще снятся игуаны, они бегут: во сне я иногда понимаю их.

Из книги «Асимптота / Фрагментация», серия эссе Одиннадцать Станка

Девять Гибискус знала устройство «Параболической компрессии». Ее нога ни разу не ступала на палубы этого корабля, но она знала его не хуже своего собственного. Флагманы класса «Вечный» строились по одному лекалу, у всех них были громадные и точно выверенные каркасы из металла и корабельного стекла. Одна и та же конструкция. Она могла бы стоять на мостике «Параболической компрессии» и иметь тот же обзор, что на своем корабле сейчас, консоли располагались на тех же местах. Разве что униформы были другие – поменять Десятый на Двадцать четвертый, одного капитана Флота на другого…

Она почти, почти хотела совершить такую замену. Занять место Шестнадцать Мунрайз, положить руки на навигационную панель, провести ее корабль по безжалостно быстрой траектории во вражеском пространстве, формулировать ртом слова неподчинения. «Не слушать! Даже императоры могут ошибаться. По поводу этих врагов нет и не может быть предмета для разговора – они отравляют нас и будут отравлять вечно, если мы их не сожжем».

Девять Гибискус без труда могла представить. Не только потому, что ее желудок выворачивало от чувства вины с тех пор, как она отдала Пчелиному Рою приказ – *разрешение* – уничтожить Шестнадцать Мунрайз, если ему, то есть *им*, это по силам. Чувство вины было недостаточным стимулом, чтобы хотеть умереть вместо одного из своих солдат.

Она думала: а не прав ли в конечном счете тот солдат?.. – И этого хватало, чтобы желать себе оказаться на мостике далекого флагмана, даже если его корпус будет трещать под огнем энергетических пушек противника. Вспышки убийственного голубого пламени – скрупулезно точно, Пчелиный Рой всегда таким был, и, звезды проклятые, эта боль никогда не уйдет! А потом сверкающее облако, отблески фрагментов стекла и металла, медленно разлетающихся в войд.

То, что осталось от «Параболической компрессии», замедлило продвижение вперед. Где-то в этом сверкании были и останки Шестнадцать Мунрайз.

Корабли инородцев отошли так же быстро, как и появились; только что нарушенный режим прекращения огня возобновился. *Пока*.

Девять Гибискус позволила себе пожелать, чтобы огонь *не* прекращался, пожелать со всей страстью и отчаянием, какие нашла в себе – она была солдатом, командиром солдат, она не должна была заканчивать войны таким образом! – и заперла эти желания глубоко внутри, словно проглотила медленно действующий яд.

* * *

Девятнадцать Тесло принесла ему чашку чая. Восемь Антидот второй раз в жизни видел, как она совершает нечто столь необычное для нее. В первый раз она удивила Восемь Антидота, обняв его без всяких слов. Взяла его из направляющих рук Солнечных на глазах у всех в саду прямо перед Дворцом-Земля – и обняла. Она была очень худа и выше его, а ее руки показались ему узлами мускулов. Он думал, она отправит его в тюрьму или навсегда запрет в комнатах, что было бы политическим вариантом посадки в тюрьму, но чтобы такое… Быстрое, крепкое объятие. Он не помнил, когда кто-нибудь обнимал его в последний раз. Объятия же для самых маленьких. Правда, он сам обнимал Два Картографа, сына Пять Агат, когда они заканчивали играть, но это совсем другое дело.

Император не заперла его – ни в комнатах, ни в тюрьме. Она

отвела его в свои покои, держала руку на его плече, крепкую, направляющую, даже когда мир угрожающе накренялся, тень в коридоре превращалась в тень из коллективного осколочного видения, в трехколечную смерть. Воспоминания, твердил он себе, просто воспоминания, не взаправду, что было, то прошло. Она привела его к себе в покои, сказала подождать – она скоро вернется, нужно закончить то, что не успела. Она ушла и оставила его. Одного. Без облачной привязки. Возможно, его облачная привязка так до сих пор и ездит туда-сюда в вагоне метро. Он мог бы уйти, вылезти в окно или… да что угодно.

Но он просто сел у окна на длинный ворсистый диван белого цвета и уставился на солнце раннего предвечерья в водном саду внизу, пытаясь вспомнить, где находится, где *его границы*. Восемь Антидот не знал, вернется ли когда-нибудь в свое прошлое состояние. Состояние, когда он находился только в одном месте и был абсолютно уверен в том, кто он, где и *что*. Голова кружилась, он ужасно себя чувствовал, понимая, впрочем, что винить в этом некого, кроме самого себя. Он немного поспал, кажется. А может быть, ему приснилось, что он спал, может, он вообразил это или вспомнил, как спал кто-то другой. Когда Восемь Антидот окончательно проснулся, мир за окном утопал в синеве и пурпуре заходящего солнца.

Именно тогда появилась император собственной персоной и села рядом с ним на подоконник, протянула ему чашку чая, прозрачно-зеленого и немного вязкого. Он подумал, что, может быть, она сама и приготовила этот чай для него – если так, то более абсурдного занятия для Ее Великолепия сложно представить. Он отпил немного. Его руки все еще работали, как и горло, и он ощущал вкус чая только своими вкусовыми рецепторами, которые безусловно и определенно принадлежали ему. Значит, чай пошел на пользу, точно.

– Я ни о чем не жалею, – сказал он. Сказал это потому, что и в самом деле не жалел, а еще потому, что, если император собиралась наказать его, Восемь Антидот хотел, чтобы наказание было заслуженным.

Девятнадцать Тесло долго смотрела на него, так долго, что он захотел покраснеть, сморщиться, исчезнуть, но ничего из этого не сделал. Потом она кивнула, словно пришла к какому-то удовлетворительному выводу, и сказала:

– Хорошо.

Восемь Антидот удивленно моргнул.

– Хорошо?

– Хорошо. Ты уверен, что поступил правильно. У тебя были свои основания сделать это, ты составил план и осуществил его.

При этом ты никому не навредил, разве что напугал до полусмерти того пилота с «Осколка», она решила, что из-за ее действий наследник трона или убит, или повредился головой. Но с ней все будет в порядке. Так что *хорошо*. Что я тебе говорила о преемниках?

– Что вы бы предпочли… надоедливого преемника скучному.

Девятнадцать Тесло с улыбкой на лице казалась более опасной, чем без улыбки.

– Ты, безусловно, надоедливый и нахальный преемник, маленький шпион. И уж точно ничуть не скучный.

– То, что я сделал, оно сработало? – спросил он, почувствовав, что не может не задать этот вопрос.

Император выставила перед собой руку, покрутила ею в воздухе, будто говоря «может, да, а может, и нет».

– А какой результат ты хотел? – спросила она.

Восемь Антидот задумался о том, что быть шпионом – это по возможности максимально скрывать свои желания, даже если тебя напрямую о них спрашивают. Всегда выбирать, что именно отвечать, если задают вопросы. Он мог и дальше вести себя, следуя этому правилу, вероятно, так и следовало поступить. Он станет императором, если от империи к тому времени что-то останется, а значит, он не может говорить людям о том, чего он добивался своими действиями – это будет использовано против него.

Но Девятнадцать Тесло рассказывала ему о предке-императоре и машинах со станции Лсел, о том, кем он мог бы стать. Она рассказала об этом, а он использовал полученное от нее знание против нее же самой, и тем не менее они сейчас сидели здесь и беседовали.

– Я хотел, чтобы Тейкскалаан стал таким, как вы мне рассказывали, – сказал он. – Восемьдесят раз по восемьдесят лет мира, и чтобы никто для доказательства своей правоты не мог решать, что та или иная планета подлежит уничтожению. Я хотел остановить приказ Три Азимут, а вместо него послать мой, но при этом я все равно хочу, чтобы мы победили в этой войне.

– Война заканчивается прямо сейчас, в этот момент, а планетарная система остается целой и невредимой, – сказала Девятнадцать Тесло. – Подозреваю, ты внес в это немалый вклад. Что ты делал в том «Осколке»?

«Война заканчивается прямо сейчас», – сказала она, но не объяснила, как и почему. Восемь Антидот почувствовал, что его трясет так сильно, что чай выплескивается на пальцы. Император взяла у него чашку и стала держать для него.

– Это называется *осколочный трюк*, – начал он. – Они все

могут такое делать, не только я.

– Пилот Четыре Крокус подробно это объяснила, – сказала Девятнадцать Тесло. Голос ее прозвучал недовольно. Такие штуки обычно мало кого радуют, догадался Восемь Антидот. Такие технологии – вроде Солнечных, только еще сильнее. Он не собирался говорить ей, что осколочный трюк все еще продолжается у него в голове. Не собирался, потому что не знал, что она сделает, с ним и вообще.

– Одиннадцать Лавр не хотел, чтобы вы знали, – сказал он ей, не вдаваясь в подробности.

– Так, – сказала Девятнадцать Тесло, словно получив то, что ей требовалось. Последняя часть пазла, вставшая на свое место. – Это полезная информация, Восемь Антидот. Спасибо тебе за нее. Я не была уверена, кто из них несет ответственность: министр или заместитель.

– Вы собираетесь… – Он даже не знал, как сформулировать вопрос.

– Нет, – император отрицательно покачала головой. – В министерстве войны он у меня под присмотром, а кто знает, что он стал бы делать без присмотра во Флоте.

– А я?

– Собираюсь ли я как-то наказать тебя?

Он кивнул.

– Знаешь, я бы хотела, чтобы ты мне доверял, – вздохнула она. – Но в таком случае ты бы перестал быть самим собой. Нет, Восемь Антидот, я не собираюсь тебя наказывать. Я просто буду ждать, когда ты вырастешь и примешь из моих рук эту работу.

Только потом, вернувшись к себе и забравшись в кровать, в наступившей тишине он вспомнил, *что* Девятнадцать Тесло сказала ему о капитане Флота Девять Гибискус, почему сделала ее яотлеком после того, что та учинила на Кауранне. «Не потому что я считала ее слишком опасной, чтобы оставлять в живых. Я как раз считала ее достаточно опасной, чтобы *выжить*».

А когда он вспомнил эти слова, сна не осталось ни в одном глазу.

* * *

Все зеленело на гидропонной палубе «Грузика для колеса». В воздухе стоял роскошный аромат, такой густой, что Махит едва могла дышать. Тут повсюду росли цветы – лотосы, лилии, – на рисовом поле и овощном огороде, вперемешку, словно цветы были не менее важны, чем калории. Может быть, Двадцать

Цикада так это и понимал. Это место было его королевством – так ей сказала Три Саргасс, поведав о разговоре, который состоялся между ними здесь. Когда она пребывала в убеждении, что Двадцать Цикада никогда не позволит существовать столь бессмысленно и бесчувственно разрушительным инородцам, какими они тогда казались.

Теперь они стояли вдвоем, опершись на декоративную ограду. Махит спрашивала себя, кто и где стоял на ее сегодняшнем месте в тот день: Двадцать Цикада или Три Саргасс? Чей рассказ опять ходит тут по кругу?

<Закольцованный сюжет>, – сказал Искандр, а она ответила: «Предопределенность». Гипотеза и реакция на нее.

Без предупреждения или преамбулы, только потратив время на то, чтобы распрямить плечи и поднять подбородок, словно Махит была проблемой, которая требовала от нее столько безрассудной решимости, сколько требовали все переговоры, которые она вела на мостике, вместе взятые, Три Саргасс спросила у нее:

– Ты хочешь вернуться вместе со мной?

Хорошо еще, что она не сказала «Ты хочешь вернуться *домой* вместе со мной?»

– Нет, – ответила Махит. Она не могла смотреть на Три Саргасс, говоря это. – Нет, но… куда «вернуться»?

– На Жемчужину Мира, – сказала Три Саргасс с интонацией: *куда еще*? Никакого другого *настоящего* места для тейкскалааанца не существовало. – Я серьезно. У меня квартира. Там, конечно, придется помыть посуду, но я с этим справлюсь. А еще, возможно, придется поговорить с самой императором. Но если тебя не устраивает Город, то я бы могла… Наверное, можно найти какую-нибудь систему, которой требуется сверхквалифицированная асекрета и где есть хоть сколько-то приличный поэтический салон. Я могла бы перевестись туда. Вот о чем я.

– Травинка, – тихо сказала Махит, и Три Саргасс смолкла, повернулась к ней, приподняла голову. Глаза ее были темными и широко раскрытыми. Она была все такой же миниатюрной – бóльшую часть времени Махит этого не помнила.

Она наклонилась и поцеловала ее в губы коротким поцелуем. Коротким настолько, что он не мог означать «да».

– Не иди на такие жертвы ради меня, – сказала она. – Не покидай Город. Возвращайся домой. Мой посуду и разговаривай с императором, если после мытья посуды останется время.

Три Саргасс хмыкнула. Звук получился влажный – такой производит человек, когда вынужден смеяться, а хочет плакать.

– Посуда, потом Ее Великолепие, «Лезвие Ножа», именно

в таком порядке, да. Отлично. А куда ты?

– Не знаю, – сказала Махит. Сказала правду. Ей было некуда идти: такого места, как дом, для нее больше не существовало. Дарц Тарац на своем порхающем корабле улетел через Анхамематские врата. Прекращение огня, о котором договорился Двадцать Цикада, распространялось на весь Флот чужеродцев, который прежде уничтожал тейкскалаанские корабли и прицеливался на Лсел. Ко всем людям инородцы относились одинаково: одна жертва купила им всем коллективный мир. *Пока*. Лсел они вообще не тронули – Махит слышала подтверждение этого в трансляции с тейкскалаанского вспомогательного корабля, проходившего мимо. Тем не менее она верила в то, что сказал ей на мостике Тарац: если она вернется на станцию, пока он и Акнел Амнардбат остаются при власти, то умрет от их рук. От одних или от других. «Наследие» или Шахтеры. Любая безопасность разодрана в клочья, вышвырнута – и ради чего?

«Теперь мы настоящие изгои», – подумала она и не смогла даже задать тональность внутреннего голоса для взаимных упреков: она все время была права, а Искандр – нет. Но Искандр последовал бы за Три Саргасс в ее квартиру с немытой посудой, с обещанием поэтических салонов. Искандр принял бы это предложение с первого раза, когда оно было сделано: три месяца и целую войну назад.

– Необязательно со мной, – сказала Три Саргасс. – Если ты из-за этого не хочешь возвращаться в Город, я… Слушай, я даже близко не догадываюсь, почему ты так сильно мне нравишься, но клянусь, я вполне способна делать вид, что мы не знаем друг друга. Я обещаю никогда больше не целовать тебя, и ты все еще остаешься послом, если император согласится, так что работа у тебя…

Махит оборвала Три Саргасс, положив руку ей на плечо со всей нежностью, на какую была способна.

– Нет. Дело не в тебе. Я… Травинка, я тоже даже близко не догадываюсь, почему *ты* мне так сильно нравишься. Но это для меня очень серьезно. Очень.

<Попробуй и дальше объяснить, – пробормотал Искандр. – Иногда даже тейкскалаанцы научаются нас понимать>.

«Я хочу», – подумала Махит и с этими словами почувствовала непреодолимое, безрассудное желание согласиться, быть частью чего-то и стать… да, тейкскалаанкой, какой она воображала себя давным-давно на всех языковых уроках, на всех занятиях, когда она называла себя Девять Орхидея и думала, что поэзии будет достаточно, чтобы стать той, кого тейкскалаанцы будут автоматически принимать за личность.

– Если дело не во мне, – сказала Три Саргасс, – тогда в чем? Если ты скажешь, что собираешься стать частью этого пчелино-грибкового разума, то я рассержусь и не поверю. В тебе уже достаточно людей, и тебе нравится быть личностью, а не… этим.

– Я просто Махит Дзмаре, – недовольно сказала Махит. – Имаго, и все. Всего одна личность.

«Я хочу», – снова подумала она, а Искандр закончил за нее: <вернуться домой>.

«Такого места нет».

Она попыталась еще раз.

– Три Саргасс, я хочу работать и иметь вещи, которые не могу иметь, которых не существует и никогда не существовало, и я хочу… Если ты в третий раз попросишь меня отправиться в Город, я хочу быть способной сказать «да» и сделать это всерьез.

Три Саргасс молчала. Слушала. Обдумывала то, что сказала ей Махит; Махит представляла проблему как камушек во рту, препятствующий ясному воспроизведению стиха. Несколько секунд спустя она глубоко вдохнула зеленоватый воздух и расправила плечи.

– Я хочу, чтобы кое-кто запомнил: мне нравится, когда меня называют Травинкой, – сказала она. – Еще мне нравится, когда на меня не нагоняют скуку. С тобой никогда не скучно. Мне нравится эта твоя графическая история. Я не знаю других таких, но хочу узнать. Ты постоянно заставляешь меня *думать*, Махит, и это несправедливо. Никто другой не заставляет меня трудиться до седьмого пота так, чтобы мне при этом еще и нравилось.

Махит услышала собственный тихий смех и закрыла рот рукой.

– Это комплименты или оскорбления?

Три Саргасс взвесила эти слова с большей серьезностью, чем, по мнению Махит, они того заслуживали.

– Не знаю, – сказала она наконец. – Вероятно, и то и другое. Махит…

– Да?

Она видела, что Три Саргасс собирается с духом, расправляет плечи, дышит диафрагмой. Словно собирается участвовать в состязании ораторов и хочет выиграть.

– А что, если бы… те системы, о которых я говорила… что, если бы ты отправилась туда? – спросила она. Махит открыла рот, собираясь ответить, но Три Саргасс жестом попросила ее помолчать. – Ты бы отправилась туда, – продолжила она, – а я нет. Ее Великолепие отправит тебя в любое место, которое ты выберешь, – необязательно на Жемчужине Мира, это может быть какое-то новое место. Ты могла бы писать мне, если бы захотела

спасти меня от тоски. Я бы писала тебе. Ты смогла бы отправить мне новые томики «Опасного фронтира!», а я тебе – мои стихи и… все остальное, что бы ты захотела услышать от меня…

– Ты бы писала мне письма? – переспросила Махит. После всего, что с ней произошло, ее по-прежнему можно было шокировать проявлением нежности.

– Да, – сказала Три Саргасс. – А ты могла бы дешифровать собственную почту. Обещаю.

Улыбка станциосельника получалась у нее *плохо*. Она обнажала все зубы, какие у нее были, всю их белизну. Улыбка, похожая на свет звезды и угрозу. Махит вдруг захотелось научить ее улыбаться правильно.

Она улыбнулась в ответ. Она чувствовала себя усталой и разбитой, она была готова заплакать, но ей не хотелось прекращать улыбаться. Это было…

<Это хорошее предложение, Махит, – сказал ей Искандр. – Ничего сердечнее я в жизни не слышал>.

Император Шесть Путь обещал мир в обмен на предательство. Девятнадцать Тесло не видела разницы между любовью к кому-то и убеждением, что этот человек должен умереть, прежде чем успеет причинить вред. В сравнении с этим письма и временный пост на какой-нибудь отдаленной провинциальной тейкскалаанской планете представлялись чем-то, что вполне можно себе позволить.

– Я буду писать, – ответила Махит. – Все время.

Постлюдия

Мыслить как личность и мыслить не на языке. Мыслить фрактальной песней разброса, формой незнакомого тела, инклюзией вроде граната в матрице камня – камень, но все же кристаллический и полный. Внутри этого кристаллического языка – словно крики ртов не-личностей, но крики пропеваемые – жилища и резонансные звуки, изолированные, пока в них нет нужды. *Мы*, пропевающие все через себя, пропевающие гармоническую флуктуацию, вибрацию на почти интерференционной частоте. Это тело, то тело: на этом теле был знак вызова, когда оно не было личностью, и оно такое не единственное. Это тело было названо «ПРЫЖОК!», а это тело – серая закономерность, это тело – милашка, а это тело Умнее, Чем Однопометники, и так далее. Это новое тело поет с *мы:* оно называлось Пчелиный Рой, теперь стало шутливым прозвищем. Некоторые названия точно отражают персону, которая есть «мы», и это блестящее удовольствие; тело ПРЫЖОК! – тело домостроителя, творца структур, чьи структуры – паутинчатые пространства для перепрыгивания. Так же и тело Пчелиного Роя. Подумать только о том, что это тело было личностью еще до того, как стать личностью, и даже называло себя соответственно!

Мы не стали именовать это тело, поет непривычное тело, *поименованы были мы. Мы были известны.* Незнакомое тело поет внутренности тейкскалаанского корабля, разброс образов и тепла: другое тело, тело-командир, личность-не-личность воссоздано в тысячах точках памяти. «Мы-когда-мы-есть-тейкскалаанцы известны без пения, – говорит *мы* Пчелиный Рой. – Мы-когда-мы-есть-тейкскалаанцы известны только языком и до сих пор отчетливо».

Существует некоторое недоверие в пределах досягаемости «мы». Мыслить языком было бы настолько прозрачно, что позволяло бы знать!

«Язык не настолько прозрачен», – думает Двадцать Цикада – думает наружу, длительное мигание через него всего, а это означает всех «мы» вместе и в то же время его самого, *мы* все. «Язык не настолько прозрачен, но при этом иногда мы известны. Если повезет».

Запрос скользяще-мерцающий, бесконечное любопытство и желание, и тянуться вдаль – это «мы», мыслить не языком: «Так научите нас этому!»

А на Пелоа-2 в пустынной ночи в ожидании шаттла, который доставит его тело в более гостеприимную среду, сидит, скрестив

ноги, то, что осталось от Двадцать Цикады, и начинает пытаться.

Словарь лиц, мест и предметов

Аджактс Керакел – аналитик по жизнеобеспечению на станции Лсел.

Акнел Амнардбат – советница по культурному наследию, одна из шести членов правящего Лселского совета; в ее ведении имаго-аппараты, память и развитие культуры.

Амалицли – тейкскалаанский спорт для глиняного корта с резиновым мячом, который две команды соперников пытаются забросить прямо или рикошетом в маленькую цель. Также популярны версии амалицли в условиях низкой или нулевой гравитации.

Анхамемата, Врата – одни из двух гиперврат, расположенных в секторе Бардзраванд (Парцравантлак); ведут из космоса станциосельников в бедную на ресурсы область, на данный момент не принадлежащую ни одному известному политическому субъекту. В народе «Дальние врата».

Араг Чтел – пилот-станциосельник, занимавшийся разведкой сектора.

Асекрета – тейкскалаанское чиновничье звание в министерстве информации.

Ахачотия – алкогольный напиток, популярный в Городе и получаемый из ферментированных фруктов.

Бардзравандский сектор (станционное произношение) – сектор известного космоса, где расположены станция Лсел и другие.

Беллтаун – провинция Города, разделенная на несколько районов; например, Беллтаун-Один – спальный район для тейкскалаанцев, которые не могут или не хотят проживать в районах Внутренней провинции, но Беллтаун-Шесть известен преступной активностью, перенаселением и многочисленностью жителей с низким уровнем дохода.

Верашк-Талай – политическая конфедерация нескольких систем и секторов, присутствует в небольших количествах за вратами Анхамемата, состоит из двух отчетливо различимых рас – верашки и талаи, у каждой из которых свой язык. Верашки и талаи, видимо, закрыли свои конфликты из-за ресурсов, приняв форму представительной демократии.

Внутренняя провинция (Сокровенная область) – центральная провинция Города, где находятся правительственные здания и основные культурные центры.

Восемнадцать Гравитация – капитан корабля «Цветочный узор».

Восемнадцать Резец – главный навигационный офицер «Грузика для колеса».

Восемнадцать Коралл – тейкскалаанский художник-мозаист.

Восемнадцать Турбина – икантлос тейкскалаанского Флота, в настоящий момент командир Девятой боевой группы Двадцать шестого легиона, расположенной в системе Одилия.

Восемь Антидот – девяностопроцентный клон императора Шесть Пути. Один из трех наследников тейкскалаанского трона солнечных копий. Одиннадцать лет от роду. Иногда его называют Эликсир.

Восемь Перочинный Нож – сотрудник министерства Информации.

Восемь Петля – министр юстиции Тейкскалаана. Яслиод императора Шесть Путь.

Восемьдесят Четыре Сумерки – капитан корабля-разведчика «Роза гравитации», Десятый легион.

Всеобщий коллапс – текскалаанская музыкальная группа, выступающая в жанре дребезго-гармонии.

Вторая Ладонь – одно из ведомств министерства войны. Область ответственности: цепочки снабжения и логистика.

Второе кольцо – обозначение провинций Города, отстоящих от дворца больше чем на триста миль, но меньше чем на шестьсот. Жаргон министерства информации.

Гелак Леранц – член лселского аккредитационного органа, входящего в комитет по культурному наследию.

Гиена-9 – пустынная в основном планета, захвачена Тейкскалааном ценой многочисленных потерь, а затем утрачена после бунта. Вновь захвачена и подчинена. Популярное место действия военных драм.

Горлаэт – посол Давы в Тейкскалаане.

Город (Жемчужина Мира) – столичная планета Тейкскалаана.

«Грузик для колеса» – флагман Десятого легиона класса «Вечный».

Дава – недавно аннексированная планета Тейкскалаанской империи, известная математической школой.

Дарц Тарац – советник по шахтерам, один из шести членов правящего Лселского совета; в его ведении добыча ресурсов, торговля и труд.

Два Амарант – эзуазуакат на службе императора Двенадцать Солнечной Вспышки.

Два Календарь – известный поэт при дворе императора Шесть Пути.

Два Канал – капитан Шестого легиона в составе сил, направленных за врата Анхамемата сражаться с неизвестным

противником.

Два Картограф – сын Пять Агат, семи лет от роду. Иногда его называют «Карта».

Два Кианит – иксплanатль, ведущий исследователь и соавтор «Доклада по алгоритмическим интерфейсам пользователей: применение в военной сфере».

Два Лимон – один из граждан Тейкскалаана.

Два Палисандр – бывший министр информации.

Два Пена – офицер связи на «Грузике для колеса», Десятый легион. Ее часто называют «Пузыри», но за спиной.

Два Подвесок – иксплanатль, глава отделения медицинской этики в Мемориальной учебной больнице имени Двенадцать Солнечной Вспышки, автор комментариев к «Письмам с нуминозного фронтира», написанных Одиннадцать Станком.

Два Солнцепек – тейкскалаанский император, договорившийся о мире с эбректи.

Два Чолья – первый погибший тейкскалаанец, носивший форму Десятого легиона.

Двадцать Два Графит – помощник императора Девятнадцать Тесло.

Двадцать Два Нить – замминистра войны, Пятая Ладонь.

Двадцать Девять Инфограф – сотрудник министерства юстиции.

Двадцать Девять Мост – нынешний хранитель императорской чернильницы на службе императора Девятнадцать Тесло.

Двадцать Цикада – икантлос-прайм, Десятый легион, на флагмане «Грузик для колеса». Последователь культа гомеостата. Иногда его называют «Пчелиный Рой».

Двадцать Четыре Роза – тейкскалаанский автор туристических путеводителей.

Двенадцать Азалия – сотрудник министерства информации. Друг Три Саргасс, он же Лепесток.

Двенадцать Солнечная Вспышка – тейкскалаанская императрица, открывшая сектор Парцравантлак и, соответственно, станцию Лсел.

Двенадцать Термояд – икантлос-прайм на флагмане «Параболическая компрессия», Двадцать четвертый легион, адъютант капитана Флота Шестнадцать Мунрайз.

Двенадцать Цезура – капитан тейкскалаанского корабля «Отражающая призма», Десятый легион.

«**Девяносто Сплав**» – тейкскалаанский сериал. Военная романтика.

Девятнадцать Тесло – в настоящее время император

Тейкскалаана, «чей приход озаряет нас подобно блеску ножа», прежде одна из шести эзуазуакатов.

«Девятое цветение острия ножа» – тяжелый корабль-разведчик из Десятого легиона.

Девять Арка – бывшая подруга Три Саргасс.

Девять Багрец – историческая фигура Тейкскалаана, яотлек Третьего, Девятого и Восемнадцатого легионов, время жизни приблизительно за пять столетий до описываемых событий.

Девять Гибискус – капитан Флота Десятого легиона на флагмане «Грузик для колеса», иногда ее называют Героем Каураана, иногда Мальвой (старое кадетское прозвище). Яотлек тейкскалаанских вооруженных сил, посланная за пределы Амхамематских врат, чтобы вести войну с неизвестным врагом.

Девять Маис – выдающийся поэт при дворе императора Шесть Пути.

Девять Морской Лед – офицер связи на корабле «Переливчатый Сирокко», Семнадцатый легион.

Девять Потоп – тейкскалаанская историческая персоналия, император в эпоху, когда Тейкскалаан еще не стал космической державой.

Девять Тяга – прежний министр войны, в настоящее время в отставке.

Девять Шаттл – губернатор планеты Одилия-1, восстановленный в должности после бунта.

Декакел Ончу – советник по пилотам, одна из шести членов правящего Лселского совета; в ее ведении оборона, исследования и космоплавание.

Десять Перл – нынешний министр науки.

Дзох Анджат – одна из подвластных Ончу пилотов станции Лсел.

«Жасминовая глотка» – название корабля снабжения.

Жемчужина Мира – старое (и поэтическое) название города-планеты.

Западная Дуга – важный и богатый сектор Тейкскалаана, родина крупных торговых концернов.

Звездоблеск – императорская выпивка, дистиллированный пшеничный спирт, используемый на традиционных пиршествах.

«**Здания**» (эпическая поэма) – образец знаменитых архитектурных достижений Города, на территории Тейкскалаана входит в школьную программу.

Зорай – планета, откуда родом бывший министр войны Девять Тяга.

Икантлос – военное звание в тейкскалаанском Флоте, обычно командир боевой группы в составе легиона.

Иксланатль – любой аккредитованный тейкскалаанский ученый (в области физики, социологии, биологии, химии).

Имаго – живая память предков, используется на станции Лсел.

Императорское цензурное ведомство – орган тейкскалаанского правительства, определяющий, какие СМИ и в каких областях империи распространять.

Инфокарта (инфостик) – модифицируемый, складной прозрачный пластик для изображений и текста. Пригодна для повторного использования.

Искандр Агавн – бывший посол в Тейкскалаане от станции Лсел.

«**История будущего глазами пилота: Всемирность и станция Лсел**» – работа, посвященная популярной истории, автор – отставной пилот Такан Мнал.

«**История экспансии**» – труд по истории тейкскалаанской экспансии, авторство приписывается Тринадцать Реке (опровергнуто; современные литературоведы Тейкскалаана называют неизвестного автора «Истории экспансии» «Псевдо-Тринадцать Рекой»).

Камчат Гитем – пилот со станции Лсел.

Капитан Кэмерон – вымышленный герой лселского графического романа «Опасный фронтир!».

Каураан – обитаемая планета в системе Каураан, колония Тейкскалаана, в недавнем прошлом место неудавшегося бунта.

Квеквелиху – тейкскалаанское воинское звание специалиста неофицерского состава.

Космопорт Внутренней провинции (Сокровенной области) – главный космопорт Города, принимающий 57 процентов прибывающих судов.

«**Красные бутоны для Тридцать Ленты**» – тейкскалаанский любовный роман.

«Кровавая Жатва Возвышения» – тейкскалаанский крейсер класса «Поглотитель».

Ксаутль – цветок.

Кселка – станция, военный аванпост Тейкскалаана.

Культ гомеостата (последователь культа гомеостата) – уничижительное название нелтокской религиозной практики гомеостатической медитации (и последователь этой практики).

Кумкват – напиток. Нерекомендуемый. (Не путать с фруктом, который может быть рекомендуемым.)

«Лселская Летопись происхождения» – ряд документов и сведений о самых ранних следах деятельности станции Лсел. Архив неполный и противоречивый. Весьма ценный.

Махит Дзмаре – посол в Тейкскалаане от станции Лсел.

Накхар – планетная система, контролируемая Тейкскалааном, до недавнего времени там периодически происходили бунты, вспышки насилия, беспорядки.

Нгуен – многосистемная конфедерация рядом с космическим пространством станциосельников, с которой у них есть торговое соглашение.

Облачная привязка – портативное устройство, носится на глазу и позволяет тейкскалаанцам видеть электронные СМИ, новости, личные сообщения и т. д.; также служит охранным устройством или ключом, которое открывает двери или предоставляет доступ; входит в систему геопространственного позиционирования и передает свое местоположение в спутниковую сеть.

«Обожженный фрагмент фарфора» – крейсер Двадцать четвертого легиона, класс «Пирокласт».

«Одержимый горизонтами» – тейкскалаанский крейсер средних размеров, класса «экзальтация», приписан ко Второму легиону.

Одилия – тейкскалаанская планетарная система, в недавнем прошлом сцена бунтов и беспорядков.

Один Аэростат – прославленный тейкскалаанский поэт, творчество которого входит в школьную программу.

Один Гранит – легендарная первая эзуазуакат Первого Императора.

Один Ель – гражданин Тейкскалаана, работающий в Северо-Восточном отделе Центрального транспортного ведомства.

Один Лапис – тейкскалаанский император, которому наследовала император Двенадцать Солнечная Вспышка.

Один Молния – прежде яотлек тейкскалаанского Флота, любимый солдатами, несостоявшийся узурпатор.

Один Телескоп – эзуазуакат, жившая приблизительно за двести лет до описываемых событий. Статуя, увековечивающая ее достижения, возведена в центральном транспортном узле Внутренней провинции.

Один Цикламен – второй заместитель секретаря министерства информации.

Одиннадцать Ель – патриций третьего класса, вышедший в отставку из тейкскалаанского Флота в ранге третьего младшего икантлоса.

Одиннадцать Лавр – третий заместитель министра войны. Третья рука. Иногда называют «Венок».

Одиннадцать Облако – неудавшаяся узурпаторша, за четыреста лет до времени действия (по тейкскалаанскому

летоисчислению) пытавшаяся свергнуть императора Два Солнцепек.

Одиннадцать Станок – тейкскалаанский поэт и философ, больше всего известный трудом «Письма с нуминозного фронтира».

«Опасный фронтир!» – графический роман в десяти томах, опубликованный малым издательством станции Лсел.

«Осколок» – название малых одноместных кораблей-истребителей, работающих посредством интерфейса обратной биосвязи и облачной привязки.

Осмий – ценный металл, часто встречается на астероидах. Один из продуктов экспорта станции Лсел.

«Ось вращения» – первый в серии популярных тейкскалаанских романов о банде воров, жуликов и прочих преступников, которые уничтожают коррумпированных чиновников во благо империи и ее народа.

«Открытие Стихов фронтира» – популярное на Флоте собрание тейкскалаанских стихов разных авторов.

«Отражающая призма» – корабль десятого легиона под командой капитана Двенадцать Цезуры.

«Параболическая компрессия» – флагман Двадцать четвертого легиона, класс «Вечный».

Парцравантлак – тейкскалаанское произношение названия сектора Бардзраванд.

«Патиновая столовая гора» – тейкскалаанский крейсер Третьего легиона.

Патриций (первого, второго и третьего классов) – ранги при тейкскалаанском дворе, в основном принадлежат получателям личного жалованья из императорской казны.

Пелоа-2 – тейкскалаанская планета-колония, на которой добывают силикаты.

«Переливчатый Сирокко» – флагман Семнадцатого легиона, класса «Вечный».

«Переплетенные со светом наших звезд: Путеводитель по разновидностям синкретических религий в Тейкскалаане» – научная монография, написанная тейкскалаанским историком Восемнадцать Дымом.

«Песнь основания» – тейкскалаанский песенный цикл, увековечивающий деяния Первого Императора. Существовал в устной традиции; известно свыше тысячи версий.

«Потерянный сад» – ресторан на Плаца-Норт, 4. Знаменит своими блюдами для зимних климатических условий.

Псевдо-Тринадцать Река – неизвестный автор «Истории Экспансии», который воспользовался именем «Тринадцать Река»,

не будучи министром юстиции, носившим это имя, чьи труды по карательной юстиции до сих пор изучают в тейкскалаанских юридических колледжах.

Пятая Ладонь – один из отделов министерства войны. Область ответственности – исследования и развитие.

Пятнадцать Двигатель – бывший культурный посредник посла Искандра Агавна. На данный момент в отставке из министерства информации, жертва вспышки терроризма во время восхождения на трон императора Девятнадцать Тесло.

Пятнадцать Кальцит – пилот «Осколка», Десятый легион.

Пятнадцать Тонна – иксплanатль, участник исследования «Доклад о человеческо-алгоритмических интерфейсах применительно к вооруженным силам.

Пять Агат – эзуазуакат, помощница и аналитик на службе императора Девятнадцать Тесло.

Пять Диадема – псевдоним прославленной тейкскалаанской исследовательницы в области истории и поэтессы Пять Шляпы.

Пять Игла – тейкскалаанская историческая личность, увековечена в поэме «Энкомия павшим с флагмана „Двенадцать Распускающийся Лотос”», погибла, защищая свой корабль, после череды повышений в звании.

Пять Орхидея – вымышленная тейкскалаанская личность, протагонист детского романа, яслирод будущей императрицы Двенадцать Солнечной Вспышки.

Пять Портик – механик, специалист по телам и мозгу, проживает в Беллтауне-Шесть.

Пять Чертополох – старший офицер-оружейник «Грузика для колеса».

«Рассвет с надвигающимися тучами» – тейкскалаанская серийная голодрама, основанная на истории императора Два Солнцепек и неудавшейся узурпаторши Одиннадцать Облако.

«Роза гравитации» – корабль-разведчик Десятого легиона под командованием капитана Сорок Четыре Сумерки.

Северный Тлачтли – район во Внутренней Провинции.

Семь Астра – замминистра войны, Вторая рука.

Семь Монография – четвертый замминистра информации.

Семь Хризопраз – ведущий «Восьмого канала!».

Семь Шкала – младший помощник императора Девятнадцать Тесло.

Система Нелток – тейкскалаанская звездная система с тремя обитаемыми космическими объектами: планетами Нелток и Позон, а также спутником Сепири. Нелтокцы называют свою наследственную, официально зарегистрированную религиозную практику «гомеостатическая медитация».

Солнечные – полиция Города.

Сорок Оксид – капитан Флота Семнадцатого легиона на флагмане «Переливчатый Сирокко», входил в состав военных сил, отправленных за врата Анхамамета вести войну с неизвестным врагом.

Сорок Пять Закат – помощник императора Девятнадцать Тесло.

«Спящая цитадель» – корабль Десятого легиона.

Станциосельники – обитатели какой-либо из горнодобывающих станций в секторе Бардзраванд. Беспланетные.

«Стеклянный Ключ Посвящения» – флагман тейкскалаанского императора Два Солнцепек.

«Стеклянный Ключ» – тейкскалаанская серийная голодрама, посвященная истории императора Два Солнцепек и неудавшегося узурпатора Одиннадцать Тучи. Включена в школьную программу.

«Тайная история императоров» – знаменитая (и пошлая) анонимная история жизни многих тейкскалаанских императоров. Обновления выходят часто, подражания – никогда.

Тейкскалаан – империя, мир, сосуществующий с известной вселенной.

Тейкскалаани – язык Тейкскалаана.

Тлакслаи – сертифицированные счетоводы или финансовые специалисты в Тейкскалаане.

Третья Ладонь – одно из ведомств министерства войны. Служба информационной безопасности, политические офицеры и внутренние дела.

Три Азимут – министр войны, в народе «мясник накхарского разума». «Та, которая разжигает вражду в самом преданном присяге сердце».

Три Лампа – сотрудник министерства информации.

Три Настурция – тейкскалаанец, диспетчер Центрального транспортного ведомства в космопорте Внутренней провинции.

Три Перигей – тейкскалаанский император.

Три Саргасс – сотрудница министерства информации, культурная посредница лселского посла Махит Дзмаре. Иногда ее называют «Травинка».

Тридцать Восковая Печать – капитан тяжелого разведывательного корабля «Острие ножа», Десятый легион.

Тридцать Один Сумерки – сотрудник министерства информации, эпистолярный департамент.

Тридцать Шесть Внедорожный Тундровый Транспорт – один из граждан Тейкскалаана, выбравший себе такое имя.

Тридцать Шпорник – «тот, кто затопит мир цветами», один из эзуазуакатов Шесть Пути, отпрыск большой купеческой семьи

с Западной Дуги. Несостоявшийся узурпатор.

Тринадцать Мюон – технический специалист, Второй легион.

Туман – следовательский и правоохранительный орган министерства Юстиции.

«Утопление Асфодели» – тейкскалаанская голодрама, показ пятого сезона.

Хранитель Императорской Чернильницы – титул камерария и составителя графиков тейкскалаанского императора.

Хуэцахуэтлы – «дворцовые певчие», вид птиц, питающихся нектаром.

Цахкель Амбак – переговорщица и дипломат станции Лсел; формализовала текущий мирный договор станции с Тейкскалаанской империей.

«Цветочный узор» – тейкскалаанский малый корабль для доставки медицинского оборудования и лекарств.

Четыре Алоэ – нынешний министр информации.

Четыре Крокус – пилот «Осколка», состоит во Втором легионе.

Четыре Платан – новостной ведущий «Восьмого канала!».

Четыре Рычаг – иксланатль на службе министерства юстиции в должности патологоанатома.

Четырнадцать Острие – член экипажа тяжелого корабля-разведчика «Девятое цветение острия ножа». Переводчик и специалист по допросам Десятого легиона

Четырнадцать Скальпель – автор поэмы «Энкомия павшим с флагмана „Двенадцать Распускающийся Лотос”».

Четырнадцать Шпиль – незначительная современная поэтесса при дворе Шесть Пути.

Шарджа Торел – гражданка станции Лсел. Подруга Махит Дзмаре.

Шестая Ладонь – ведомство внутри министерства войны. Техническое обеспечение и строительство кораблей.

Шестнадцать Мунрайз – капитан Флота Двадцать четвертого легиона на флагмане «Параболическая компрессия», отправлена во главе Флота за врата Анхамемата воевать с неизвестным врагом.

Шестнадцать Фетр – иксланатль, исследователь и автор «Доклада по алгоритмическим интерфейсам пользователей: применение в военной сфере».

Шесть Вертолет – в прошлом тейкскалаанский чиновник.

Шесть Капсаицин – капитан «Жасминовой глотки», иксланатль.

Шесть Ливень – кадет-медик на «Грузике для колеса»,

Десятый легион.

Шесть Путь – Его Великолепие Правящий Император всего Тейкскалаана.

Шесть Раскинутых Ладоней – народное (или поэтическое) название министерства войны; произошло от образа рук, протянутых во всех направлениях (север, юг, запад, восток, верх и низ), лежащего в основе тейкскалаанской теории завоеваний.

Шокеры – электрическое оружие, используемое в первую очередь для управления толпой.

Эбректи – вид четвероногих облигатных хищников, чья общественная структура (под названием «быстрина») напоминает львиный прайд. Четыреста лет назад (по тейкскалаанскому летоисчислению) тейкскалаанский император Два Солнцепек заключил с эбректи вечный мирный договор, четко обозначив зоны общего интереса.

Эзуазуакат – титул члена личного консультативного советника императора; форма обращения – «его/ее/их превосходительство». Происходит от названия воинской дружины императора со времен, когда Тейкскалаан еще не вышел в космос.

Эскер-1 – планета в Западной дуге Тейкскалаана, известна своим хоровым пением.

Эшаракир Лрут – вымышленный персонаж лселского графического романа «Опасный фронтир!».

Яотлек – воинское звание в тейкскалаанском Флоте; командир одного легиона или больше, назначенный для исполнения конкретной задачи или ведения долговременной кампании с участием множества легионов.

О произношении и письменности тейкскалаанского языка

Тейкскалаанский язык односложен, в письменности применяются глифы. Отдельные глифы представляют собой как свободные, так и связанные морфемы. Также глифы могут обозначать фонемы, обычно произошедшие от изначального произношения морфемы, потерявшей свое значение и ставшей исключительно фонетической. Ввиду односложной природы языка как в устных, так и в письменных текстах легко создаются двойные и тройные смыслы. Отдельные глифы могут служить визуальными каламбурами или намекать на значения, не имеющие отношения к точному применению морфемы. Подобные игры слов – как визуальные, так и на слух, – лежат в основе литературы империи.

Тейкскалаанский – язык с преобладанием гласных и ограниченным количеством согласных. Ниже приведено краткое руководство по произношению (с символами международного фонетического алфавита и примерами из английского языка).

a – ɑː – f**a**ther

e – ɛ – b**e**d

o – oʊ – n**o**, t**oe**, s**oa**p

i – i – cit**y**, s**ee**, m**ea**t

u – u – l**oo**p

aa – ɑ – на тейкскалаанском «aa» – это хронема: растягивает звук ɑ во времени, но не меняет звучания.

au–aʊ – l**ou**d

ei–ei – ˆ s**ay**

ua – ˆ ʷɑ – **wa**ter, q**ua**ntity

ui – ʷi – **we**ed

y – j – **y**es, **y**ell

c – k – **c**at, **c**loak (но не как звук [si:] в«**c**ertain»).

h – h – **h**arm, **h**ope

k – kʰ – почти всегда перед r (например, **c**rater или **c**risp), но иногда и в качестве окончания (тогда придыхательный).

l – ɣ – be**ll**, ba**ll**

m – m – **m**other, **m**utable

n – n – **n**ine, **n**orth

p – p – **p**aper, **p**roof

r – ɾ – **r**ed, fathe**r**

s – s – **s**able, **s**ong

t – tʰ – «t» с придыханием, как в «**t**op».

x – ks – stic**ks**, si**x**
z – z – **z**ebra
ch – tʃ – **ch**air

Но в стечении согласных, которые предпочитают тейкскалаанцы, «t» чаще произносится «t» – непридыхательная зубная согласная, как в «s**t**op»; «l» – чаще «l», зубной звук, как в словах «**l**ine» или «**l**ucid». В тейкскалаанском много заимствованных слов. Когда слова приходят из языков с преобладанием согласных, тейкскалаанцам свойственно обеззвучивать незнакомые согласные, например «b» произносится как «p», а «d» произносится как «t».

О языке станции Лсел и других станций в секторе Бардзраванд

Язык станций в секторе Бардзраванд, напротив, алфавитный, с преобладанием согласных. Его носителю легче произнести тейкскалаанское слово, чем наоборот. Если хочется произнести станционное слово, имея в качестве ориентира только земные языки, хорошим примером будет произношение в современном восточном диалекте армянского языка.

Благодарности

Вторые книги, как гласит пословица, гораздо труднее первых. «Пустошь, что зовется миром» не стала исключением, несмотря на всю мою браваду и решительные заверения, данные многим людям, включая моего агента, моего редактора, ряда коллег-писателей, коих имею честь называть друзьями. В этом же списке и моя жена, и список определенно не исчерпывается названными людьми.

Бравада и решительность блекнут, когда сроки сдачи рукописи названы и перед тобой обязательство на сто пятьдесят тысяч слов и на тебя давит груз этого знания, и неважно, что один раз тебе это уже удалось, – каждый роман требует, чтобы ты заново училась, как писать роман.

Я все еще учусь писать романы.

И пока я могу позволить себе писать, я постоянно буду учиться этому. Говорю это без колебаний, которые заменяю приобретенной головокружительной удовлетворенностью: надеюсь, что через пятнадцать лет прочту эти благодарности и посмеюсь над тем, как мало знаю и насколько более опытным писателем я стала. Надеюсь, что все, кто читает эти строки, поступят так же. Моя первая благодарность вам – всем тем, кто выбрал книгу «Память, что зовется империей», полюбил ее и, таким образом, обеспечил успех моего романа. Без вас у меня не было бы оснований снова браться за историю Махит и немного продвинуть ее вперед. Я глубоко вам благодарна.

Вечное спасибо также всем людям, которых я оскорбила бравадой и заверениями.

Спасибо вам, мои дорогие друзья! Элизабет Беар, под влиянием которой я хочу стать писателем лучше, чем есть, а также углубить свои знания в этике и работой над характерами, дружба с Элизабет – опора и честь для меня. Дэвин Сингер, которая сказала мне, что я справлюсь, именно тогда, когда мне понадобилось услышать это. Марисса Линген, которая прислала мне эсэмэску со словами «Пчелиный Рой – МОЙ парень» и таким образом полностью подтвердила, что я написала книгу, имеющую эмоциональную ценность, чего мне так хотелось добиться. Макс Гладстон, который как-то раз говорил со мной о буддистской этике, говорил достаточно долго для того, чтобы я на мгновение поняла, зачем она мне нужна, а затем написал книгу «Императрица навсегда»; я без зазрения совести рекомендую эту книгу читателям, которые не закончили чтение с окончанием текста романа, а дошли и до «благодарностей». Эта книга

вдохнула в меня *веру* на время, пока шла кульминационная космическая битва. А также спасибо всем остальным из зоопарка моей агентуры – вас не вместить в эти благодарности из опасений забыть кого-то важного. Спасибо вам всем. Вы – то сообщество, которое я всегда хотела найти.

Короткий оклик направляется Скотту и Аните в подкасте «Читаем вместе», которые случайно спасли меня от постыдной ошибки с непрерывностью. Дэвиду Боуэлсу за разговор и сведения о Нахуатле. И Ребекке Роанхорс, которая была главным болельщиком этой книги, даже еще не прочтя ее.

Спасибо Доньвон Сюнь, моему фантастическому агенту, которая позволила мне пройти моим путем по этой книге и в то же время позаботилась о том, чтобы у меня все было в порядке с первой книгой. Деви Пилайи, образцовому редактору, который настоял на том, чтобы я обязательно гуляла, и который обескураживающе, поразительно всегда прав в том, что следует сделать с книгой (на этот раз, Деви, я подписала всего 15 000 книг; учусь). А также моему блестящему художнику по обложке Джейму Джонсу, который явно умеет заглядывать мне в голову. Всей маркетинговой и рекламной бригаде в «ТорБукс» – они так хорошо позаботились обо мне.

И самое главное: я бы никогда не сделала этого – не стала бы писателем, не написала бы эту книгу, вообще *никакую* книгу не написала бы без моей замечательной жены Вивиан Шоу, консультанта по космическим кораблям, переводчика миров, первого и лучшего читателя. Ты – центр притяжения любой звездной карты; эти вещи бесконечны, моя дорогая.

Апрель 2020

Санта-Фе, Нью-Мексико

notes

Примечания

1

Станислав Евграфович Петров (1939–2017) – советский офицер, предотвративший 26 сентября 1983 года потенциальную ядерную войну после ложного срабатывания системы предупреждения о ракетном нападении со стороны США.

2

Войд (от *англ.* void – пустота) – обширные области, в которых отсутствуют или почти отсутствуют галактики и скопления планет.

3

В Древнем Риме: период в пятнадцать лет (пятнадцатилетний период, в течение которого римляне три раза собирали дань с побежденных, а также учрежденный в Византии в IV веке цикл пятнадцатилетнего исчисления времени вместо прежнего четырехлетнего). Здесь продолжительность индикта другая – об этом говорится в одной из глав книги.

4

Нуминозность (от *лат.* numen – божество, воля богов) – понятие, характеризующее сторону религиозного опыта, связанного с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия.

5

Сокращение от «искусственный интеллект».

6

Название итальянского мясного блюда.

7

Зрительное ощущение, возникающее у человека без воздействия света на глаз.

8

Чолья – разновидность кактуса.

9

Ориентирование клетки относительно раздражителя (химического, светового и пр.). Если растение под влиянием раздражителя изгибается к источнику раздражителя (как подсолнух к солнцу), то это положительный тропизм, а если оно изгибается в противоположную сторону от раздражителя, то это отрицательный тропизм.

10

Терменвокс (theremin или thereminvox) – электронный музыкальный инструмент, названный по имени изобретателя Льва Термена.

11

Мунрайз (*англ.* moonrise) – восход луны.

12

Гипотетическая наука, изучающая языки разумных инопланетных существ.